

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ**

XXXI КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Мавраевъ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Мавраевъ

Institute of History, Archaeology and Ethnography
Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Agency for Protection of Cultural Heritage of the Republic of Daghestan

Research and Production Center for Tourism and Local History

Research and Production Center "DARS"

**ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE CAUCASUS:
Topical Problems of Study and Preservation
THE XXXIst KRUPNOV'S READINGS**

**Proceedings of the International Scientific Conference
dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov's Readings and
the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition**

Makhachkala, April 20-25, 2020

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Мавраевъ
Makhachkala 2020

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Агентство по охране культурного наследия Республики Дагестан
Научно-производственный центр туризма и краеведения
Научно-производственный центр «ДАРС»

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА:
актуальные проблемы изучения и сохранения
XXXI КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**Материалы Международной научной конференции,
посвященной 50-летию Крупновских чтений
и 50-летию Дербентской археологической экспедиции**

Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Конференция проведена при финансовой поддержке

Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 20-09-20002

Агентства по охране культурного наследия
Республики Дагестан

Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

ООО «НПЦ туризма и краеведения»

ООО НПЦ «ДАРС»

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. М.С. Гаджиев (отв. редактор),
к.и.н. Р.Г. Магомедов, к.и.н. А.И. Таймазов

А87 **Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения.**
XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной
50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала,
20-25 апреля 2020 г. / отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: МавраевЪ, 2020. – 448 с., илл.

ISBN 978-5-906124-32-6

Сборник составлен по материалам, представленным на Международную научную конференцию «Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения» – XXXI Крупновские чтения, посвященные памяти выдающегося ученого-кавказоведа, археолога, доктора исторических наук, профессора Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970). Тематика докладов отражает широкий круг проводимых археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего средневековья.

The volume is based on the papers presented to the International Scientific Conference “Archaeological heritage of the Caucasus: Topical Problems of Study and Preservation” – The XXXI-st Krupnov’s Readings in memory of famous archaeologist and historian Prof., Dr. Evgeniy Krupnov (1904-1970). The subject matter of the reports reflects wide range of archaeological researches and covers chronological period from the Stone Age to the Late Middle Ages.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-906124-32-6

© ДФИЦ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© ИД «МавраевЪ», дизайн и верстка, 2020

СОСТАВ

Постоянного координационного совета Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения»

Председатель:

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала

Заместители председателя:

САВЕНКО Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, директор ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, г. Пятигорск

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, зав. Отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва

Координатор:

БЕЛИНСКИЙ Андрей Борисович – кандидат исторических наук, научный руководитель ООО «Наследие», г. Ставрополь

Ученый секретарь:

КАШУБА Майя Тарасовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург

Члены:

АЛБЕГОВА (ЦАРИКАЕВА) Зарина Хаджи-Муратовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва

АТАБИЕВ Биаслан Хакимович – директор Института археологии Кавказа, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик

ГАГЛОЙТИ Роберт Хазбиевич – кандидат исторических наук, директор Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал

ГАДИЕВ Умалат Бесланович – зам. директора Археологического центра им. Е.И. Крупнова, г. Назрань

ДЖИГУНОВА Фатима Кадырбечевна – кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Адыгея, г. Майкоп

ЗИЛИВИНСКАЯ Эмма Давидовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович – доктор исторических наук, зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

КОСЯНЕНКО Виктория Мечиславовна – старший научный сотрудник Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, г. Азов

КОЧКАРОВ Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, заведующий Научно-отраслевым архивом Института археологии РАН, г. Москва, г. Карачаевск

МАМАЕВ Хамид Магомедович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных исследований АН ЧР, г. Грозный

ПИОТРОВСКИЙ Юрий Юрьевич – старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, заместитель заведующего Отделом археологии Восточной Европы и Сибири, г. Санкт-Петербург

ПЬЯНКОВ Алексей Васильевич – научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар

САНГУЛИЯ Гарик Анатольевич – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АН Абхазии, г. Сухум

ТУАЛЛАГОВ Алан Ахсарович – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ

ШИШЛОВ Александр Владимирович – зав. отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск

ЭРЛИХ Владимир Роальдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, заслуженный работник культуры РФ

Почетные члены:

КОЗЕНКОВА Валентина Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН

КУЗНЕЦОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор

БАГАЕВ Муса Харонович – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета

МУНЧАЕВ Рауф Магомедович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, советник РАН, Институт археологии РАН.

Организационный комитет

XXXI Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа

«Археологическое наследие Кавказа:

актуальные проблемы изучения и сохранения»

(Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.)

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – сопредседатель Оргкомитета, зав. Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, доктор исторических наук, профессор

МУСАЕВ Махач Абдулаевич – сопредседатель Оргкомитета, директор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, кандидат исторических наук

МУСАЛОВА Заира Магомедовна – сопредседатель Оргкомитета, врио руководителя Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан, кандидат юридических наук

ТАЙМАЗОВ Артур Исрапилович – зам. председателя Оргкомитета, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, кандидат исторических наук

БЕЛИНСКИЙ Андрей Борисович – научный руководитель ООО «Наследие», кандидат исторических наук

ГАДЖИЕВ Багавдиншайих Хакимович – советник генерального директора ООО «НПЦ туризма и краеведения», кандидат педагогических наук

ГАДЖИЕВ Руслан Ибрагимович – директор ГБУ «Республиканский центр охраны памятников истории, культуры и архитектуры», кандидат исторических наук

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – зав. Отделом теории и методики Института археологии РАН, доктор исторических наук, профессор РАН

МАГОМЕДОВ Рабадан Гаджиевич – генеральный директор ООО НПЦ «ДАРС», кандидат исторических наук

САВЕНКО Сергей Николаевич – директор ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Кузнецов В.А., Козенкова В.И., Багаев М.Х., Гаджиев М.С. Е.И.</i> Крупнов и его наследие (к 50-летию Крупновских чтений).....	13
<i>Володин С.А., Кудрявцев А.А.</i> Обзор личного фонда Е.И. Крупнова в научно-отраслевом архиве ИА РАН.	16
<i>Гаджиев М.С.</i> Исследования в Дербенте и его исторической округе: 2000-2019 гг. (к 50-летию Дербентской археологической экспедиции).	19
<i>Козенкова В.И., Брилева О.А.</i> К истории СКАЭ АН СССР: архивные фото- и кинодокументы.	22

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

<i>Амирханов Х.А.</i> Олдован – ашель: процесс перехода на Северо-Восточном Кавказе в историко-климатическом контексте финального эоплейстоцена.....	30
<i>Амирханов Х.А.</i> Формирование неолитического слоя С Чохского поселения.	32
<i>Гейдарова У.Р.</i> Костяные орудия труда памятников Гасансу I и II шомутепинской культуры.	35
<i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В.</i> Загросское мустье на Кавказе..	39
<i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б.</i> Эпипалеолит Кавказа в контексте Западной Евразии.	42
<i>Дороничева Е.В.</i> Загросские элементы в каменной индустрии грота Сарадж-Чуко ..	45
<i>Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.А.</i> Результаты археологической разведки осенью 2019 г. в Азербайджане.	48
<i>Кулаков С.А., Кулькова М.А.</i> Результаты новых комплексных исследований раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя балка на Таманском полуострове.	51
<i>Леонова Е.В., Стулова Д.И.</i> Пещеры Медовые (коллекции каменного инвентаря из разведок В.П. Любина 1963 г.).....	54
<i>Ожерельев Д.В.</i> Некоторые особенности стоянок по разделке туш животных эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе (стоянки Мухкай II, слой 80 и Мухкай IIa).	58
<i>Таймазов А.И.</i> Новые материалы к характеристике культуры финального эоплейстоцена Центрального Дагестана (по данным раскопок стоянки Мухкай 1 в 2018-2019 гг.).	60
<i>Успенская О.И.</i> Трасологический анализ коллекции каменного инвентаря из раскопок В.П. Любина пещер Медовые 1, 2 в 1963 г.....	64
<i>Фёдорова А.Ю.</i> Технология расщепления камня в мезолитических слоях пещеры Двойная.....	68

АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА

<i>Албегова (Царикаева) З.Х., Шайблекер М.</i> К вопросу о происхождения трехногих столиков Кавказа.....	72
<i>Алмамедов Х.И.</i> Новые археологические исследования поселений ранних земледельческо-скотоводческих племен Гарабаха.	76
<i>Аразова Р.Б., Скакун Н.Н.</i> Культура земледелия древнего населения Азербайджана.	79

<i>Атаев Г.Д., Сайпудинов М.Ш.</i> Об орнаментации керамики Ирганайского поселения I (по материалам 2003-2006 гг.).....	82
<i>Атаев Г.Д.</i> О преемственности и трансформации культур эпохи ранней и средней бронзы Северного Дагестана.....	86
<i>Ахундов Т.И.</i> Муганская степь в V-II тыс. до н.э.	90
<i>Ахундова Г.К.</i> Курганы куро-араксской культуры в Западном Азербайджане.....	93
<i>Брилева О.А., Днепровский К.А., Исерлис М.</i> Публикация полевых материалов 1986-1988 гг. Серегинского поселения майкопской культуры.....	96
<i>Бурков С.Б.</i> К вопросу о механизмах формирования военного сословия подвижных скотоводов в конце III – начале I тыс. до н.э. на территории Северного Кавказа.....	100
<i>Гусейнова М.М.</i> Бык в археологических памятниках Азербайджана древнего периода.....	103
<i>Давудов Ш.О.</i> Поселение Старотитаровское 19 – новый памятник майкопско-новосвободненской КИО.....	105
<i>Дмитриев А.В.</i> Архитектура кавказских мегалитов.....	108
<i>Ильюков Л.С.</i> Костяные пряжки типа Ипатово–Типки (лолинская культура).....	112
<i>Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.</i> Стратиграфические особенности кургана Хунтуп 1.....	115
<i>Корневский С.Н.</i> Поселение Тузла-15 на Тамани.....	117
<i>Кривошеев М.В., Клещенко А.А.</i> Новые материалы эпохи бронзы из раскопок в Чеченской Республике.....	119
<i>Магомедов Р.Г.</i> О сосудах со знаками в системе трехчастных композиций с памятников великентской культуры.....	122
<i>Муσειбли Н.А.</i> Технично-типологические особенности керамики лейлатепинской культуры.....	126
<i>Перцева М.А.</i> «Чугунковидные» сосуды в погребениях позднего периода среднебронзового века Северо-Западного Прикаспия и Центрального Предкавказья.....	130
<i>Поплевко Г.Н.</i> Комплексный анализ материалов поселения майкопской культуры Чекон.....	134
<i>Резепкин А.Д.</i> Керамика поселения майкопской культуры Чекон.....	138
<i>Рябогина Н.Е., Идрисов И.А., Насонова Э.Д., Борисов А.В.</i> Изменение условий обитания в горных и равнинных районах Дагестана во второй половине голоцена.....	141
<i>Сайпудинов М.Ш.</i> Об обмазанной керамике Ирганайского поселения I эпохи средней бронзы.....	145
<i>Смекалова Т.Н., Кашуба М.Т.</i> К проблеме позднебронзовых поселений с каменной архитектурой в Крыму и в понтийском регионе.....	149
<i>Стеганцева В.Я.</i> Некоторые вопросы изучения погребального обряда, связанные с керамическим инвентарем.....	152
<i>Шаров О.В., Клемешова М.Е.</i> Комплексы эпохи бронзы поселения Ильич 1 на Тамани: две керамические традиции.....	155
<i>Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.</i> Погребения с конструкциями из органических материалов из кургана в Мостовском районе Краснодарского края.....	158
<i>Эрлих В.Р., Годизов Г.Л.</i> Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология.....	161
<i>Belinskiy A.B., Hansen S., Haak W., Wang Ch.-Ch., Reinhold S., Kalmykov A., Krause J., Berezina N., Buzhilova A., Knipper C., Gerling C., Pichler S., Alt K.W., Erlikh V.R., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Trifonov V.A., Rezepkin A.D.,</i>	

<i>Atabiev B.Ch., Magomedov R.G., Kohl Ph.</i> New approaches in bioarcheology of the North Caucasus – 5 years BIOARCCAUCASUS & Genetic History of the Caucasus – First Results, Surprises and Implications.....	165
<i>Ghalici A., Reinhold S., Magomedov R., Belinskiy A., Kalmykov A., Krause J., Berezina N., Buzhilova A., Haak W., Hansen S.</i> The Genetics of Caucasus Mountain Dwellers – First Results from Dagestan Bronze Age Sites.	167
<i>Hansen S.</i> Innovations in the 4th and the early 3rd millennium.....	169
<i>Reinhold S., Kalmykov A., Knipper C., Gerling C., Pichler S., Berezina N., Buzhilova A., Belinskiy A., Hansen S.</i> Radiocarbon Dates, Stratigraphies and Reservoir Effects – New Results from Two Mounds of the Steppe.....	171
<i>Reinhold S., Knipper C., Gerling C., Pichler S., Berezina N., Buzhilova A., Belinskiy A., Hansen S.</i> The Diet of North Caucasus Piedmont and Steppe Populations in the Bronze Age.	172

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И САРМАТСКОГО ПЕРИОДА

<i>Абрамова А.Н.</i> Предварительный антропологический анализ черепов из коллективного захоронения на поселении Чекупс-2.....	174
<i>Антипенко А.В., Мульд С.А.</i> Химический состав сплава аксессуаров традиционного костюма позднескифского населения Крыма (по материалам некрополей Усть-Альма и Левадки).	177
<i>Бакушев М.А., Безматерных А.Е.</i> Амфоры раннеаланского Змейского поселения.	180
<i>Балахванцев А.С.</i> Сарматские походы в Закавказье: мифы и реальность.....	184
<i>Баранюк А.В., Кудрявцев Е.А.</i> Могильник Грушевского городища. Предварительные итоги исследований.	187
<i>Бацанюк И.С.</i> Игольники в погребениях могильника Старокорсунского городища № 3.....	191
<i>Васильева Е.Е.</i> Классификация и хронология металлических подвесок в виде бараньих голов Центрального Кавказа эпохи бронзы – раннего железа	194
<i>Габуев Т.А.</i> К вопросу о сложении и распространении раннеаланской культуры на Северном Кавказе (II-IV вв. н.э.).	197
<i>Гаглойти Р.Х.</i> Памятники культурного наследия Дзауского района Южной Осетии (античный период).	200
<i>Гараев И.А.</i> К вопросу о скифском влиянии на погребальный обряд грунтового могильника «Волна-1».....	203
<i>Джигунова Ф.К.</i> Керамический комплекс кургана Псекупский 1.....	207
<i>Джопуа А.И., Нюшков В.А., Счастный Д.А.</i> Новые поступления предметов вооружения из фондов Абхазского государственного музея.....	209
<i>Дмитриев А.В., Малышев А.А.</i> Мысхакский некрополь (раскопки 1978-1979 гг.): хронология, планиграфия и этнокультурная интерпретация.....	213
<i>Дударев С.Л.</i> Еще раз о связях Северного Кавказа с Волго-Камьем в эпоху раннего железа.....	215
<i>Загородняя О.Н., Мимоход Р.А.</i> Грунтовые и сырцовые блоки в конструкциях могил некрополя «Волна-1» (по материалам работ Сочинской экспедиции ИА РАН в 2017-2018 гг.).	218
<i>Иванов А.В.</i> О хронологической лакуне между протомеотскими и раннемеотскими памятниками на левобережье Нижней Кубани.	222
<i>Кадиева А.А., Демиденко С.В.</i> Элитные сарматские погребения второй половины II – первой половины III в. на могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика).	225

<i>Канторович А.Р.</i> Скифский звериный стиль Восточной Европы: статистика образов и мотивов в свете новых открытий.	229
<i>Керцева Г.Н.</i> Мелкая бронзовая пластика с территории Дагестана (фигурки оленя).	232
<i>Кононов В.Ю.</i> Предварительные итоги исследования мегалитической гробницы «Криница-1».....	236
<i>Коробов Д.С., Булыгина Е.С., Добровольская М.В., Малашев В.Ю., Решетова И.К., Фассбиндер Й., Фризен С.Ю., Шарко Ф.С., Шведчикова Т.Ю., Недолужко А.В.</i> Новые данные об этногенезе северокавказских алан: археология, антропология, палеогенетика.....	239
<i>Косяненко В.М.</i> Культовые места и редкие находки из некрополя Крепостного городища.....	242
<i>Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.</i> Меотские мечи с серповидным навершием из Прикубанья.....	246
<i>Магомедов М.Г., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б.</i> Андреяульский 2-й могильник (предварительное сообщение).	250
<i>Магомедов Р.Г., Сагитова М.Д., Хазамов Д.-А.А.</i> Культовое место раннескифского времени у хутора Гвалла (Горный Дагестан).	253
<i>Марченко Ю.В., Котин М.А.</i> Элементы кобанского погребального костюма по материалам могильника Верхний Куркужин (КБР).	257
<i>Маслов В.Е.</i> Костяные пластины из могильника Новозаведенное-II.	260
<i>Мокрушин В.П., Нарожный Е.И.</i> Предварительные итоги исследования поселения Бейсужек-1 в 2012 г.	264
<i>Мошинский А.П.</i> Утраченная модель и орнаментация кобанских бронзовых изделий.	267
<i>Науменко С.А., Гугуев Ю.К.</i> Торговые связи Танаиса с Северным Кавказом и Прикубаньем.....	269
<i>Прокопенко Ю.А.</i> О находках на территории Кабардино-Балкарии фибул римско-провинциального производства I-II вв.	272
<i>Рябкова Т.В.</i> Раннескифские погребения в Семиколенном кургане и кургане 11 могильника Лебеди V: к вопросу о памятниках послепоходного периода.	275
<i>Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Ендольцева Е.Ю.</i> Новые исследования на городище древнего Гиеноса (Абхазия).	278
<i>Фабриан Л.</i> Стекланные сосуды из памятников Восточного Кавказа V в. до н.э. – IV в. н.э.	281
<i>Цокур И.В.</i> К вопросу о погребальных сооружениях VI-II вв. до н.э. Таманского полуострова (по материалам некрополя «Волна 1» раскопки 2015-2018 гг.).....	284
<i>Шевченко Н.Ф.</i> Сарматы Центрального и Западного Кавказа в раннесарматское время.....	287

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Акопян А.В., Скаков А.Ю., Джопуа А.И.</i> Новая находка арамейской надписи на территории Абхазии.	290
<i>Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С., Дзаттиаты Р.Г.</i> Погребальный обряд Даргавского могильника VII-XII вв.	293
<i>Аргун А.В.</i> Особенности объектов средневековой архитектурной пластики из Анакопийской крепости в общекультурном контексте Византийской ойкумены.	297

<i>Бабенко В.А.</i> Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395-1396 гг.	301
<i>Белецкий Д.В.</i> Два позднесредневековых памятника Чегемского ущелья в контексте зодчества Центрального Кавказа.	304
<i>Березина Н.Я., Албегова З. Х., Зиганшин Р.Х., Александров П.Л., Бужилова А.П.</i> Особенности погребального обряда с учетом данных антропологии (по материалам раннесредневекового могильника Мамисондон).....	308
<i>Болдырева Е.М.</i> Поливная керамика закавказского происхождения на городище Самосделка в Нижнем Поволжье.	310
<i>Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М.</i> Новейшие исследования Дербентского поселения: сезоны 2016, 2017, 2019 гг.	312
<i>Гадиев У.Б., Лейбова Н.А., Фризен С.Ю.</i> Предварительные итоги исследования палеоантропологических материалов из склепов Горной Ингушетии.	316
<i>Гадиев У.Б., Мацковский В.В.</i> Новые результаты радиоуглеродных исследований памятников архитектуры Горной Ингушетии.....	318
<i>Гончаров Е.Ю., Ситник В.Г.</i> Литые монеты эпохи Золотой Орды с Северного Кавказа.....	320
<i>Джопуа А.И., Ньюшков В.А.</i> Железные топоры цебельдинского типа в Абхазии.....	323
<i>Доброва О.П., Леонтьева А.С.</i> Бусы Змейского могильника (по материалам раскопок 2013-2014 гг.).....	326
<i>Архимандрит Дорофей (Дбар), Сангулия Г.А.</i> Средневековый храм Св. Георгия в селе Анхуа: предварительные результаты археологических раскопок 2019 г. .	329
<i>Достиев Т. М.</i> Фортификационные сооружения средневекового города Шамкир.	333
<i>Дружинина И.А.</i> К датировке погребальных памятников адыгов XVI-XVIII вв.	336
<i>Зиливинская Э.Д.</i> Очаги сандала в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье.	340
<i>Исаев С.Х., Ахмаров А.У.</i> О новых находках памятников древнегрузинской письменности на территории Чечни.	343
<i>Исаев С.Х., Дачаев И.С.-Х., Гончаров Е.Ю.</i> Новые находки монет с территории Чеченской Республики.	346
<i>Кадзаева З.П.</i> Кавказские Т-образные шарнирные фибулы из Садонского могильника.....	348
<i>Казанский М.М.</i> Седло из «княжеской» находки пост-гуннского времени в Галайты (Чечня): параллели и датировка.	352
<i>Кайтан Ш.Г., Счастный Д.А., Авидзба Д.З.</i> Великая Абхазская стена. Исследования 2018-2019 гг.	355
<i>Кесати З.М.</i> Каменоломни закрытого типа на городище Верхний Джулат.....	359
<i>Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П.</i> Археологические исследования и охрана памятников древности в Абхазии в 1920-е гг.	362
<i>Коробов Д.С., Борисов А.В., Сергеев А.Ю.</i> Изучение ресурсных зон возле раннесредневековых аланских поселений Кисловодской котловины.	365
<i>Кочкаров У.Ю., Кубанова М.Н.</i> Об одном виде вооружения с Хумаринского городища (VIII-X вв.).....	369
<i>Красильникова Л.И., Лукашова Л.Н.</i> Комплексные исследования средневекового поселения и могильника Псебепс-3.....	372
<i>Крутоголовенко К.А.</i> Новые поселения и могильники по р. Курп.....	375
<i>Леонтьева А.С.</i> Мусульманские погребения Змейского катакомбного могильника..	379
<i>Мамаев Р.Х., Кочкаров У.Ю.</i> О саблях Келийского могильника (Горная Ингушетия).	383
<i>Маммаев М.М.</i> Об одном уникальном каменном рельефе XV в. из с. Кубачи.	386
<i>Мастыкова А.В.</i> Зеркала типа Карповка–Анке-4 на Северном Кавказе и Северном Причерноморье: происхождение, распространение, датировка.	389

<i>Минаев А.П.</i> Вещи из разрушенного гуннского погребения у хут. Рогожино Ростовской области.....	392
<i>Нарожный Е.И.</i> Коллективные захоронения в курганах и грунтовых могильниках Северного Кавказа XIII-XV вв.....	395
<i>Науменко В.Е.</i> Амфоры «причерноморского типа» на территории средневековой Таврики и Кавказа: проблемы современной атрибуции и хронологии.	399
<i>Нечипорук А.А.</i> Раннесредневековый керамический комплекс поселения Хабль 1 в Закубанье.	402
<i>Пахунов А.С.</i> Войлоки из могильника Мощевая Балка: качество шерсти и техника изготовления.	405
<i>Пьянков А.В.</i> Могильник Пашковский-1: дополнительные материалы.....	408
<i>Савенко С.Н.</i> К вопросу о соотношении средневековых наскальных погребений с другими типами погребальных сооружений в комплексе Рим-Гора.	412
<i>Сагитова М.Д., Курбанова А.Б.</i> Находки из средневековых склепов близ с. Верхний Каранай (Дагестан)	416
<i>Сланов А.А.</i> Пещерная и скальная фортификация Осетии.	420
<i>Субботин А.В.</i> Обследование городища второй половины I тыс. н.э. в Карачаево-Черкесии.	423
<i>Тангиев М.А.</i> К проблеме изучения грунтовых могильников Чечни XIII-XVI вв.	425
<i>Требелева Г.В.</i> Керамический комплекс Маркульского городища (предварительные данные по материалам раскопок храма).....	426
<i>Требелева Г.В., Сакания С.М., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю.</i> Топография Маркульского городища.	429
<i>Тропин Н.А., Боброва А.Г., Красильникова Л.И., Лукашов И.А.</i> Погребальный инвентарь средневекового могильника Псебепс-3.	432
<i>Храпунов Н.И.</i> Уильям Аллан и культурное наследие Северного Кавказа в восприятии англичан начала XIX в.....	436
<i>Цетлин Ю.Б.</i> Уникальный центр средневекового гончарного производства на территории Абхазии.	439
<i>Чхаидзе В.Н.</i> Два аланских нательных креста с Ильичевского городища.	442
<i>Шестопалова Э.Ю.</i> Вооружение средневековых алан Северного Кавказа.	445
<i>Юдин Н.И.</i> Уникальный образец ильханидского люстра из Северо-Восточного Приазовья. К вопросу о транскавказских торговых связях в XIV в.	449
<i>Latham-Sprinkle J.E.</i> A New Proposal Regarding the Location of the Alan Capital *Magas.....	452
<i>Plontke-Lüning A.</i> Between Pontos Euxeinos and Northern Caucasus: the Region Jgali-Lesale in the Northern Colchis in Antiquity and Middle ages.	454
<i>Sauer E.W., Chologauri L., Naskidashvili D.</i> Late antique and medieval fortifications in the Dariali gorge.	456
<i>Shingiray I.</i> Early Islamic Graves in the North-Western Caspian Steppe (9th-10th centuries).	459
ОБРАЩЕНИЕ «О состоянии охраны и сохранения объектов археологического наследия на территории СКФО и ЮФО» участников Международной конференции по археологии Северного Кавказа XXX «Крупновские чтения», 26 апреля 2018 г., г. Карачаевск.....	462

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Кузнецов В.А., Козенкова¹ В.И., Багаев² М.Х., Гаджиев³ М.С.

¹Институт археологии РАН, г. Москва,

²Чеченский государственный университет, г. Грозный,

³ИИАЭ ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Е.И. КРУПНОВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ (к 50-летию «Крупновских чтений»)

50 лет как нет с нами Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970) – выдающегося ученого и организатора науки, педагога и наставника, Учителя и Гражданина. Лауреат Ленинской премии, профессор, доктор исторических наук, орденоносец, Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-Балканской АССР – за этими званиями и титулами скрывается незаурядная личность, чей талант, трудолюбие, профессионализм, самоотверженное служение науке стали той основой, на которой, можно без преувеличения сказать, зиждется современная северокавказская археология. Ибо с именем Евгения Игнатьевича связана целая эпоха в становлении и развитии советского и российского археологического кавказоведения.

О жизненном и творческом пути Е.И. Крупнова написано немало (напр.: Е.И. Крупнов. 1994; Козенкова, 1994. С. 191-196; Мунчаев, 2004. С. 5-14), но обращение к его имени – не только дань глубокого уважения, но долг незабываемой памяти благодарных учеников, соратников, последователей. Всестороннее изучение его жизни и творчества остается насущной исследовательской задачей.

Его научным кредо всегда было – ставить и решать крупные и актуальные проблемы на основе широкого круга археологических источников. В археологии Северного Кавказа он во многом шел по непроторенным тропам в прямом и переносном смысле, был первопроходцем, и это давало ему возможность по-новому взглянуть на древнюю и средневековую историю народов Северного Кавказа. Он был «генератором» рождения новых, перспективных научных идей во многих направлениях археологической науки Кавказа, инициатором всестороннего археологического изучения региона. Безусловно, для этого нужны были научные кадры. И успешная реализация этой задачи, подготовка молодых ученых-археологов из Москвы, северокавказских республик, Азербайджана, Абхазской и Юго-Осетинской автономных республик стали для Е.И. Крупнова одной из важнейших научно-организационных и жизненных целей.

Большой вклад в науку Е.И. Крупнова, ведшего полевые исследования в Дагестане и Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, Ставрополье и Чечне, связан не только с разработкой актуальных проблем первобытной и средневековой археологии и истории Северного Кавказа. Огромной непреходящей заслугой Е.И. Крупнова является воспитание целой плеяды специалистов по археологии Кавказа, ставших впоследствии известными учеными, докторами и кандидатами наук, профессорами, многие из которых прошли свою археологическую практику в руководимой Е.И. Крупновым Северо-Кавказской экспедиции. Будучи в Москве после окончания Великой Отечественной войны, в сущности,

единственным специалистом по археологии Северного Кавказа, Евгению Игнатьевичу удалось создать подлинно интернациональную, признанную школу археологов-кавказоведов. Среди многочисленных представителей его школы такие имена, как, академик НАН Азербайджана Т.А. Бунятов, д.и.н. В.И. Марковин, чл.-корр. НАН Азербайджана И.Г. Нариманов, д.и.н. Х.Х. Биджиев, д.и.н., проф. М.Б. Мужухоев, д.и.н. Д.А. Халилов, кандидаты наук И.М. Чеченов, Г.П. Кесаманлы, В.В. Бжания, В.М. Батчаев, ныне здравствующие чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаев, д.и.н., проф. В.А. Кузнецов, д.и.н. В.И. Козенкова, д.и.н., проф. М.Х. Багаев, д.и.н. О.М. Давудов и многие другие, внесшие огромный вклад в изучение древней и средневековой археологии и истории Кавказа. Ныне это дело успешно продолжают ученики учеников Е.И. Крупнова.

Евгений Игнатьевич являл собой пример завидной индивидуальности. Это проявлялось в его кристальной честности, человеколюбии, деликатности, в высокой степени требовательности, прежде всего, к самому себе, соответственно и к окружающим его коллегам. Он никогда не двуличничал. Его отличали совесть, прямота суждений и открытость поступков, умение отстаивать свою точку зрения и уважать чужую. Он был предельно демократичен, высокоинтеллигентен. Любил и понимал молодежь, готов был всегда прийти ей на помощь. Таким он был везде: в семье, в кругу друзей, на научных форумах, в экспедициях. В тоже время он был мужественным и решительным, осознававшим, что интеллигенция, безусловно, должна находиться в оппозиции власти, там, где власть действует во вред народу (Ученый и власть. 2010. С. 12). Наглядное тому доказательство – его (в то время – заместителя директора Института истории материальной культуры АН СССР, ныне – Институт археологии РАН) письмо в ЦК КПСС (Личный архив Е.И. Крупнова. Ф. 13/105. Л. 1-11; Багаев, 2016. С. 173-177). Речь идет о трагических событиях, массовых античечено-ингушских выступлениях в Грозном в августе 1958 г., связанных с возвращением на свою исконную родину чеченцев и ингушей после депортации в 1944 г., которую он считал глубоко несправедливой акцией и воспринимал как личную трагедию. Это был смелый гражданский поступок; в то время редко кто мог пойти на такой шаг. Но тем и отличался Е.И. Крупнов, что он не мог поступиться своей совестью.

Богатое эпистолярное наследие Е.И. Крупнова, представляющее большой интерес, раскрывает различные грани его личности. Будучи заместителем председателя секции исторических памятников Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и руководителем археологической комиссии, он постоянно обращался к партийно-государственным лидерам республик Северного Кавказа и руководителям региональных отделений ВООПИК с просьбами и требованиями обратить особое внимание на сохранение тех или иных объектов культурного наследия региона. Евгений Игнатьевич много сил, нервов и энергии потратил на борьбу, именно борьбу, за сохранение памятников археологии и архитектуры Северного Кавказа.

И возникновение «Крупновских чтений» – конференции, посвященной археологии Северного Кавказа – стало закономерным знаком памяти о выдающемся Ученом и Гражданине. Организованные его учениками 16 марта 1971 г. – в день рождения Е.И. Крупнова, как памятное узко региональное мероприятие, в котором приняло участие всего 9 чел., «Крупновские чтения» в силу своей востребованности переросли со временем в крупный международный научный форум. Вот уже 50 лет эта конференция, служит плодотворной площадкой для широкого научного диалога и сотрудничества, обмена идеями и мнениями маститых и молодых археологов-кавказоведов.

Кропотливая работа организационных комитетов и Постоянного координационного совета чтений, члены которого представляют практически все республики и края Северного Кавказа, а также Москву и Санкт-Петербург, обеспечивает высокий научно-организационный уровень форума. Небольшие брошюрные издания тезисов конференции переросли в масштабные издания материалов «Крупновских чтений», востребованные широкой общественностью, знакомящие с выдающимися достижениями в области археологии Кавказа. Опубликованные материалы I-XXXI «Крупновских чтений» представляют около 2300 заявленных докладов и сообщений, свидетельствующих о возрастающей с годами зрелости и плодотворности форума. За полвека своего существования конференция продемонстрировала не только свою научную, но и важную общественную функцию. Сказанное является залогом дальнейшего ее функционирования во благо науки и просвещения народов Кавказа. Сегодня время бросает новые вызовы организаторам «Крупновских чтений» и перед нами стоит важнейшая задача обеспечить дальнейшую успешную деятельность этого форума, ставшего видным и знаковым явлением в научной и общественной жизни Кавказа и России и представляющего, по сути, научно-организационное наследие Е.И. Крупнова.

Литература

1. Е.И. Крупнов. Биобиблиографический очерк. Армавир, 1994.
2. Козенкова В.И. 1994. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) // РА. № 1.
3. Мунчаев Р.М. 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. № 1.
4. Ученый и власть. Круглый стол 12 ноября 2009 г. Вып. 22. СПб., 2010.
5. Личный архив Е.И. Крупнова // Архив ИА РАН. Ф. 13/105. Л. 1-11.
6. Багаев М.Х. 2016. Геройский поступок // Архивный вестник. Историко-документальный бюллетень. Вып. 4. Грозный – Минеральные Воды.

Володин С.А., Кудрявцев А.А.
Институт археологии РАН, г. Москва

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА Е.И. КРУПНОВА В НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

*Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации
МК-1429.2019.6*

Личный фонд Евгения Игнатьевича Крупнова (Ф-13) был передан в архив Института археологии АН СССР в сер. 1970-х гг. В настоящее время он полностью обработан, доступен для исследователей и состоит из 130 отдельных дел (106 папок).

Научный интерес Е.И. Крупнова к истории и археологии Кавказа проявился еще в 1924 г., когда известный в будущем кавказовед поступил на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института (Кузнецов, 1973. С. 1; Мунчаев, 2004. С. 6). Его учителями стали профессора Л.П. Семенов и Н.Я. Немировский, с которыми Е.И. Крупнов впоследствии поддерживал непрерывную связь, о чем свидетельствуют некоторые материалы его личного фонда (д. 91, 104). Так, например, Е.И. Крупнов сохранил отдельную папку с материалами, посвященными Л.П. Семенову, которая содержит как некрологи, телеграммы, газетные вырезки, так и более 80 писем от учителя (д. 91, л. 32-35).

Материалы фонда ученого в своей совокупности охватывают практически весь научный путь ученого. Самым ранним документом является отчет о летней практике студента историко-археологического отделения исторического факультета МГУ Е.И. Крупнова в Сибири в 1928 г., где он участвовал в разведках в долине Енисея под руководством зав. археологическим отделом Красноярского музея В.Г. Карцева (д. 11). В 1933 г., уже будучи сотрудником ГИМа, он проводит вместе с Л.А. Ельницким свои первые самостоятельные археологические исследования в Закавказье, рукопись отчета о которых сохранилась среди архивных дел фонда (д. 1). Рукописи, графические и фотоматериалы, полевая документация каждой последующей экспедиции хранились ученым и полностью были включены в личный фонд, составив один из наиболее крупных тематических блоков (д. 1-11, 13, 19-31). Кроме этого, сохранились несколько альбомов с полевыми и видовыми фотографиями, специально подготовленными в подарок Е.И. Крупнову от фотографа СКАЭ В.А. Дерябина (д. 14-18). Они посвящены полевым сезонам 1957-1958 и 1961-1963 гг. (раскопки на Верхнем Джулате, Змейском могильнике и поселении, Хумаринском городище, поселении Сержень-Юрт и других памятниках Кавказа).

В качестве второго тематического блока фонда выделяются многочисленные зарисовки вещей из различных музеев Кавказа, Ставрополя, Краснодарского края, Москвы и Ленинграда, а также зарубежных коллекций, проработанных ученым во время поездок за границу (д. 33а-37). Общее количество рисунков превышает 1000 экз.

Материалы, непосредственно касающиеся зарубежных командировок Е.И. Крупнова, также представлены в личном фонде (д. 92-96). Первой поездкой за границу стала командировка в Ливан в ноябре – начале декабря 1957 г. с целью установления личных контак-

тов с ливанскими учеными для организации совместных археологических исследований на Ближнем Востоке (д. 92). Впоследствии Е.И. Крупнов побывал в Турции в 1962 г. (д. 93), Индии в 1964 г. (д. 96), Югославии в 1965 г. (д. 94), в Ираке в 1966 г. (д. 95). Последняя поездка ученого вместе с Б.Б. Пиотровским на открытие исторического музея в Багдаде имела огромное значение для советской и российской археологии, т.к. именно в ходе данной командировки были достигнуты договоренности о будущей экспедиции ИА АН СССР в Ираке (Мунчаев, Гуляев, Бадер, 2014). Изначально предполагалось, что именно Е.И. Крупнов возглавит экспедицию, но состояние здоровья не позволило ему вновь оказаться в Месопотамии.

Пожалуй, самым крупным тематическим блоком фонда являются документы, связанные с научной деятельностью ученого: рукописи многочисленных статей, книг; материалы для их подготовки (д. 39-82); тексты докладов и выступлений (д. 86, 87); более 100 отзывов Е.И. Крупнова на диссертации, книги, статьи, полевые отчеты (д. 83-84); рецензии на работы самого Евгения Игнатьевича (д. 98). Среди многочисленных папок можно встретить первоначальные версии известных работ ученого, которые впоследствии подверглись редактуре – «История Ингушетии», «Древняя история и культура Кабарды», «Древняя история Северного Кавказа», «Средневековая Ингушетия» и др. (д. 52, 53, 59, 71, 74, 81). Кроме того, в материалах данного блока присутствуют и рукописи довоенного периода, например, текст доклада «Кобанская культура», прочитанный Е.И. Крупновым в 1930 г. на заседании II научного отдела ГИМа, с приложением протокола заседания, на котором присутствовали О.А. Гракова, Д.А. Крайнов, С.В. Киселев, А.П. Смирнов (д. 55). Рукопись «История культуры народов Северного Кавказа с древнейших времен до X в. н.э.», подготовленная в 1940 г. и имеющая отзыв известного советского этнографа П.И. Кушнера, так и не увидела свет в виде отдельной работы (д. 58).

В качестве обширного раздела фонда Е.И. Крупнова нужно выделить сохранившуюся в значительном объеме входящую корреспонденцию ученого, которая насчитывает несколько сотен писем от коллег-ученых, исследователей со всего СССР, партийных функционеров, деятелей культуры и искусства, друзей (д. 32, 44, 46, 47, 91, 103, 104, 105), а также поздравительные открытки и телеграммы по случаю защиты докторской диссертации, выхода книг и вручения Ленинской премии (д. 99, 101). Тематика данных писем крайне разнообразна, однако в большинстве своем они касаются научных и рабочих интересов ученого. Так, например, часть писем раскрывает деятельность Е.И. Крупнова по сохранению археологического и архитектурного наследия Кавказа, что было рассмотрено нами в отдельной статье (Володин, Кудрявцев, 2019). Подготовка отдельных работ требовала от Евгения Игнатьевича консультации и обсуждения с другими специалистами. К примеру, рукопись статьи «О загадочной майкопской надписи» (Крупнов, 1964), которая опровергла псевдонаучную гипотезу Г.Ф. Турчанинова о датировке плиты и дешифровке надписи, сопровождается десятком писем от Л.И. Лаврова, П.А. Дитлера (д. 44). При подготовке тезисов «Городище Верхний Джулат – средневековый ясский город Дедяков» в 1959 г. Е.И. Крупнов консультировался с В.А. Богусевичем и М.К. Каргером относительно древнерусской техники кладки плинфы, кирпичей южнорусских храмов и т.д. (д. 47). Стоит также отметить, что наиболее активную переписку ученый вел со своим учеником В.А. Кузнецовым, общее количество писем которого достигает полусотни.

Кроме описанных выше документов, в фонде Е.И. Крупнова содержатся разнообразные материалы к биографии – рукописные автобиографии, списки аспирантов, копии документов и дипломов (д. 97), газетные вырезки (д. 85, 100, 106), многочисленные

картографические материалы (д. 88), фотографии археологических и архитектурных памятников, видов Кавказа разных лет (д. 89). Фонд в целом изобилует фотоматериалами, которые ярко иллюстрируют насыщенную жизнь ученого.

В заключении необходимо отметить, что в рамках данной работы, невозможно полноценно охватить все научное наследие Е.И. Крупнова, представленное в личном фонде, хранящемся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН. Его значение, как источника по археологии и этнографии Кавказа, истории кавказоведения, безусловно, велико, а материалы требуют кропотливой обработки будущих исследователей.

Литература

1. Володин С.А., Кудрявцев А.А. 2019. Деятельность Е.И. Крупнова по охране памятников археологии Северного Кавказа по материалам Научно-отраслевого архива ИА РАН // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, проф. В.П. Невской. Карачаевск.
2. Крупнов Е.И. 1964. О загадочной майкопской надписи // ВИ. № 8.
3. Кузнецов В.А. 1973. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
4. Мунчаев Р.М. 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. № 1.
5. Мунчаев Р.М., Гуляев В.И., Бадер Н.О. 2014. Первые российские археологи в Месопотамии. М.

Гаджиев М.С.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕРБЕНТЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ ОКРУГЕ: 2000-2019 гг. (к 50-летию Дербентской археологической экспедиции)

Исследования 1998-2016 гг. проводились по грантам РГНФ

Археологические исследования, проводившиеся в Дербенте в 1970-1999 гг., получили краткое отражение в докладе на XXI «Крупновских чтениях» (Кудрявцев, Гаджиев, 2000. С. 73-75). В 1996 г. Дербентская археологическая экспедиция (ДАЭ) после 5-летнего перерыва возобновила раскопки в Дербенте и его исторической округе. Уникальный город-музей по-прежнему открывает свои исторические недра, вызывая огромный научный и общественный интерес. В ходе работ 2000-2019 гг. получен богатейший материал по широкому спектру вопросов истории и археологии Дербента и Восточного Кавказа. В течение 19 лет (1998-2016 гг.) работы экспедиции проводились по грантам РГНФ. Немаловажна роль ДАЭ во включении в 2003 г. памятников Дербента в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В 1996-2005 гг. велись исследования 42-километровой Горной стены (Даг-бары) – составной части Дербентского оборонительного комплекса VI в. (Гаджиев, 2008. С. 8-36). В итоге этих изысканий были впервые составлены подробные планы Горной стены, фортов и башен, выявлены ранее неизвестные укрепления, определены их архитектурные особенности, точное количество укреплений и протяженность этой грандиозной оборонительной линии, время активного функционирования отдельных крепостей и фортификационной системы в целом, обнаружены важные археологические объекты и находки – знаки строителей, мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, могильники, среднеперсидская (сер. VI в.) и арабоязычные эпиграфические памятники VIII-XV вв., в т.ч. одна из древнейших официальных мусульманских надписей 176 г.х. / 792 г. (Гаджиев, Шихсаидов, 2005. С. 196-202) и т.д.

Раскопки в 2000 г. открытого уникального средневекового зороастрийского скального погребального комплекса с дахмой, астаданами и «домом для мертвых» (*наса-хане, зад-марг-хане*) впервые задокументировали наличие зороастрийской общины в средневековом Дербенте (Гаджиев, 2007. С. 51-63).

Исследования 2002-2004 гг. вновь выявленного у северной городской стены Дербента мусульманского культового объекта, известного в XVIII-XIX вв. под названиями араб. Баб ал-Кийама, тюрк. Кийамат-капы, перс. Дар-е Киймат («Ворота Судного Дня», «Ворота Воскресения») позволили пролить новый свет на религиозную жизнь города в домонгольский период (X – нач. XIII в.), определить назначение памятника, выявить раннемусульманские надписи и суфийские символы (Гаджиев, 2010. С. 20-37).

Раскопки 2000-2006 гг. на крупном (св. 100 га) городище Торпах-кала V-VI вв., идентифицируемом с царским городом Шахристан-и Йездигерд, дали возможность решить ряд актуальных вопросов исторической географии и военно-политической истории Восточного Кавказа, получить новые данные о фортификации Сасанидского Ирана. На этом же

памятнике было выявлено и исследовано поселение раннебронзового века, давшее ценные материалы для изучения куро-араксской КИО (Гаджиев, Магомедов, 2008. С. 276-297). Изыскания на Торпах-кале показали пример плодотворного сотрудничества археологов с Пограничной службой ФСБ РФ.

Исследования Дербентского оборонительного комплекса и Торпах-калы явились важным шагом на пути к комплексному изучению Limes Caspius – колоссальной системы кордонных «длинных стен» и укреплений, опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого миров.

В ходе раскопок в 2007 г. поселения Сугют эпохи ранней бронзы, открытого в 2004 г., был получен значительный материал, в т.ч. глиняные литейные формы для отливки бронзовых топоров, фрагменты бракованной посуды, керамический шлак и т.д. (Гаджиев, Магомедов, Ельцов, Будаичиев, 2007. С. 114-127). В 2008 г. были проведены раскопки гончарного комплекса поселения Великент I начального этапа эпохи средней бронзы.

В 2006-2011 гг. работы в Дербенте были сконцентрированы в юго-западной части цитадели Нарын-кала (раскоп XXIII). Здесь было вскрыто несколько архитектурных комплексов, охватывающих диапазон от V в. н.э. до второй пол. XIX в. Важным было обнаружение остатков монументального сооружения предмонгольского и монгольского периодов и сырцово-оборонительной стены на каменном основании сер. V в. Особое значение имело выявление культурных напластований первых веков н.э., документирующих преемственное обживание на протяжении двух тысячелетий.

С 2012 г. и поныне ведутся раскопки Дербентского поселения первой пол. – сер. I тыс. н.э., предшествовавшего строительству собственно Дербента в конце 560-х гг. и идентифицируемого с известным по раннесредневековым письменным источникам городом-крепостью Чор. Работы дали важные материалы по археологии и истории раннего города, его архитектуре, ремесленному производству, культуре и быту населения, показали отсутствие на поселении культурных напластований I тыс. до н.э. (Гаджиев, 2017. С. 155-163).

В 2010-2012, 2015 гг. были проведены раскопки открытого в 2008 г. 1-го Паласа-сыртского городища сер. IV – сер. VII в., выступавшего важным стратегическим пунктом (Малашев, Болелов, 2019. С. 91-110), и близ расположенных курганов одноименного могильника сер. IV – сер. V в.

В последние годы важное место занимают спасательные работы в Дербенте, где ныне осуществляется жесткий надзор по соблюдению законодательства в сфере охраны археологического наследия. Значимыми явились раскопки в 2014 г. обнаруженного монументального мусульманского культового места VIII – нач. XIII в., связанного с системой водоснабжения и включавшего остатки культового здания, водоводы, бассейны, стелы XI-XII вв. с исламскими религиозными текстами и др. (Гаджиев, Абиев, Будаичиев, Абдуллаев, Шаушев, 2015. С. 183-195; Гаджиев, Шихсаидов, Аликберов, 2016. С. 796-818).

В результате охранных раскопок за северной городской стеной Дербента был открыт и исследован раннемусульманский могильник рубежа VIII-IX вв., проливший свет на раннюю исламскую погребальную обрядность (Гаджиев, Таймазов, Будаичиев, Абдуллаев, Абиев. 2019. С. 202-226).

Важные данные по исторической топографии Дербента, материалы, характеризующие жизнь, быт и культуру горожан, монетное обращение в домонгольский период, получены в ходе раскопок в 2014 г. на территории воинской части Пограничной службы ФСБ РФ в приморской части города. Здесь были выявлены руины мечети с фрагментами штучного декора колонн, жилищно-хозяйственные строения, система водоснабжения, виноградада-

вильни с плитой-давилей и крупным сосудом для хранения и брожения сусла, бытовые печи (тендиры, сандали/корси) IX – нач. XIII в., печь для обжига извести VI в. и др. (Зиливинская, Селезнев, Таймазов, 2016. С. 220-221; Зиливинская, Цветкова, 2018. С. 462-464).

Здесь же был открыт некрополь Дербентского гарнизона Низового корпуса Русской императорской армии (1722-1735 гг.), расквартированного после Каспийского (Персидского) похода Петра I в ретраншементе, возведенном в приморской зоне города (перс. Шехер Юнан – «Греческий город»), был получен значимый вещевой и антропологический материал (Будайчиев, Абиев, Гаджиев, Абдуллаев, 2016. С. 218-220; Малашев, Селезнев, Таймазов, Фризен, 2016. С. 287-288). Останки ок.230 военнослужащих петровского гарнизона были торжественно перезахоронены на Мемориальном кладбище Дербента.

В 2014 г. Дербенте на средства Благотворительного фонда «Пери» были осуществлены раскопки нововыявленной землянки Петра I (Гаджиев, Абиев, Будайчиев, Абдуллаев, 2015. С. 165-182). После проведенных работ объект был законсервирован, здесь создан музейный комплекс.

Работы ДАЭ получили широкое освещение в научных изданиях и СМИ, в докладах на «Крупновских чтениях» и многочисленных конференциях у нас в стране и за рубежом (Москва, Санкт-Петербург, Баку, Берлин, Будапешт, Ереван, Измир, Мюнстер, Тебриз, Тель-Авив, Тбилиси и др.).

В ходе деятельности ДАЭ осуществлена важная цель – подготовка профессиональных археологов (М.А. Бакушев, У.Б. Гадиев, А.Л. Будайчиев, А.К. Абиев, А.М. Абдуллаев, К.Б. Шаушев, Р.Х. Мамаев и др.), которые ныне успешно трудятся на ниве северокавказской археологии.

Козенкова¹ В.И., Брилева² О.А.

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва

К ИСТОРИИ СКАЭ АН СССР: НЕКОТОРЫЕ АРХИВНЫЕ ФОТО- И КИНОДОКУМЕНТЫ

Отмечая 50-летие Международной научной конференции «Крупновские чтения», уместно обратиться к одному немаловажному аспекту памяти Е.И. Крупнова: архиву фотоматериалов, в которых предметно отразились труды и личность ученого в период его почти 20-летнего руководства масштабной комплексной Северокавказской археологической экспедицией (СКАЭ) ИА АН СССР. В личности и характере этого выдающегося кавказоведа, в его стиле руководства кроются истоки успешной деятельности СКАЭ и многолетней популярности форума его памяти. Архивные материалы, в т.ч. и фотоархив, являются ценным источником информации о СКАЭ, ее руководителе и участниках.

Научная зрелость и профессиональная подготовка Е.И. Крупнова обусловили доверие ему организации и руководство комплексной экспедиции северокавказского масштаба, ставившей целью не только широкое исследование белых пятен древней истории региона, но и создание трудоспособного, перспективного в научном плане интернационального коллектива археологов-кавказоведов.

О масштабности целей и поставленных задач свидетельствует план, который представил Е.И. Крупнов. Долгосрочной задачей СКАЭ было обозначено: 1. Установление времени и заселения степей Восточного Предкавказья и нагорной зоны центральной части Северного Кавказа. 2. Выяснение исторического процесса формирования и развития древнейших земледельческих и скотоводческих племен края и их культур от неолита и кончая поздней бронзой. 3. Изучение вопросов социально-экономического и культурного развития племен эпохи раннего железа указанной ойкумены, выяснение характера связей и взаимосвязей с окружающим их древним миром. 4. Сбор не только археологических, но и этнографических материалов по проблеме, способствующей выяснению происхождения современных народов Северного Кавказа (Крупнов Е.И. Новые данные по археологии Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1956 г.) // СА. № 3. 1958. С. 97). При осуществлении этого грандиозного плана проявилась суть характера Е.И. Крупнова, его притягательность как человека и исследователя. Самоотдача, подлинный интерес к людям – эти черты характера особо привлекали тех, кто с ним соприкасался по работе и другим делам. Все эти качества сыграли немаловажную роль в успехе задуманного. В состав СКАЭ в разные годы входили такие опытные сотрудники ИА АН СССР, как Н.Я. Мерперт, О.В. Милорадович, О.Н. Аксенова (Евтюхова), В.И. Сариниди, Н.Н. Терехова. В недрах СКАЭ под руководством Е.И.Крупнова «постигали азы науки» и набирались опыта в археологии его ученики, будущие известные кавказоведы: чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, доктора исторических наук В.А. Кузнецов, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, М.Х. Багаев и др. Волей Судьбы в 1960 г. в составе СКАЭ оказался и один из авторов доклада – д.и.н. В.И. Козенкова, а тогда – еще совсем молодой исследователь, специалист по археологии Средней Азии. В СКАЭ получили обогащение своего научного опыта, тогда молодые, а ныне известные ученые: акад. М.Б. Пиотровский, д.и.н. А.А. Иерусалимская, Ю.Ю. Пиотровский (Гос. Эрмитаж), доктора исторических наук М.П. Абрамова (ГИМ) и Д.В. Деопик (МГУ). В 1965 г.

в работах СКАЭ участвовал специалист по эпохе бронзы Карпато-Балканского региона Р.В. Катинчаров (Болгария).

За годы работы СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова родились и сформировались определенные научные, этические традиции и черты созданной им археологической школы, в немалой степени обусловившие успех и научные достижения экспедиции и ее участников. Создание дружного коллектива единомышленников СКАЭ было определено «силовым полем» и «силой притяжения» ее руководителя, его высоким интеллектом. Мощное воздействие личности Е.И. Крупнова при организации в научный коллектив людей самого разного характера и возраста, его высокая нравственная планка как в науке, так и в быту – все это также можно отнести показательным чертам его школы. Собранность, самодисциплина начальника экспедиции передавалась и начальникам отрядов, входивших в неё. В то же время не было и намека на принуждение или амбициозность, связанные со статусом руководителя СКАЭ. Выдающийся успех и результативность были обусловлены и организационным талантом Е.И. Крупнова, не в последнюю очередь, его умением общаться с людьми, работать с научными и музейными учреждениями республик Северного Кавказа. К особенностям научного «почерка» СКАЭ, безусловно, можно отнести десятилетиями проверенную методику раскопок разнообразных памятников Северного Кавказа.

За все полевые сезоны работы СКАЭ ИА АН СССР под личным руководством Е.И. Крупнова, с 1946 по 1968 г., исследования региона вели от трех до пяти отрядов на территории Дагестана, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Ставрополье. Уже на следующий год после окончания войны созданная СКАЭ во главе с Е.И. Крупновым начала исследования в Дагестане, где проходили полевую школу Д.М. Атаев, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев, М.И. Пикуль, Н.Б. Шейхов. В 1952-1956 г. СКАЭ, по сути, была экспедицией только ИА АН СССР. На раннем этапе ее работы носили в большей степени рекогносцировочный характер с целью выявления памятников археологии (хотя уже в 1947 г. были начаты раскопки Таркинского могильника близ Махачкалы). Таковы были разведки Е.И. Крупнова в Прикаспии, а также в Чечено-Ингушетии, где были открыты близ сел. Мужичи Луговой могильник позднекобанского времени и поселение эпохи ранней бронзы. Под руководством Е.И. Крупнова в начале полевого исследования Лугового могильника и поселения принимали участие Р.М. Мунчаев и О.В. Милорадович. В 1957 г. СКАЭ оформилась организационно как крупная объединенная экспедиция – в ее работе начали участвовать региональные научные учреждения. Так, в Северной Осетии при общем руководстве Е.И. Крупнова раскопки проводились Объединенной СКАЭ ИА и Северо-Осетинского НИИ при Совете министров СО АССР. Работы осуществлялись тремя отрядами. Группа Д.В. Деопика исследовала раннекобанское поселение XI-VIII вв. до н.э. у ст. Змейская и средневековое поселение X-XII вв. Здесь же исследовался Змейским отрядом (нач. В.А. Кузнецов) Змейский катакомбный могильник XI-XII вв. С 1960 г. В.А. Кузнецов руководил работами Зеленчукского отряда. С 1956 г. начались многолетние раскопки средневекового Верхне-Джулатского городища (отряд О.В. Милорадович). Одновременно в 1957 г. в равнинной, предгорной и горной зонах Чечено-Ингушетии развернули работы три отряда Объединенной СКАЭ, Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ и Республиканского музея краеведения. В 1957 г. степным отрядом (нач. Н.Я. Мерперт) исследовались курганы эпохи энеолита и бронзы близ ст. Мекенская на Тереке. Аргунский (горный) отряд (нач. В.И. Марковин) начал обследование бассейна р. Чанты-Аргун, где были открыты многочисленные разновременные памятники, в т.ч. знаменитый Гатын-Калинский могильник нач. II тыс. до н.э. Ассинский отряд (нач. Р.М. Мунчаев) продолжил раскопки Лугового могильника восточного варианта позднекобанской культуры и Лугового поселения эпохи ранней бронзы. В последующие годы территория Чечено-Ингушетии продолжала исследоваться, во многом стационарно,

постоянными отрядами В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева до 1967 г. С 1959 г. Предгорным отрядом осуществлялись стационарные раскопки Сержень-Юртовского комплекса, поселения-убежища на холме и могильника кобанской культуры, а также частично поселения майкопской культуры на соседнем холме (в разные годы отрядом руководили Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, В.И. Козенкова). С 1965 г. в СКАЭ под общее руководство Е.И. Крупнова влились отряды Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ (начальники отрядов В.Б. Виноградов, М.Х. Багаев).

За годы функционирования СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова в Чечне и Ингушетии была объемлюще изучена огромная территория от Джераховского ущелья (р. Армхи) и бассейна р. Ассы на западе до бассейна р. Аксай и её притоков на востоке. Отрядом Р.М. Мунчаева стационарно исследовались разновременные памятники в окрестностях с. Бамут, хут. Веселый и с. Братское. К выдающимся относятся Бамутские курганы майкопской и северокавказской культур эпохи бронзы. Было открыто и раскопано уникальное Бамутское поселение кобанской культуры. Отрядом В.И. Марковина были проведены раскопки открытых Зандакского могильника и Курчалоевского поселения (зольника) поздней бронзы – раннего железа, курганы скифского времени у с. Гойты с великолепными изделиями в скифо-савроматском зверином стиле. В высокогорье изучены многочисленные средневековые памятники: склепы, гробницы, каменные ящики (Эгикал, Итум-Кале, пещерные погребения в Шатоевской котловине); обмерены и зарисованы многочисленные башни. Отрядом В.Б. Виноградова стационарно велись раскопки Алхан-Калинского городища, а также памятники сарматского времени близ сс. Аллерой, Балан-су, Ялхой-мохк. Отрядом В.И. Козенковой в 1966 г. завершены раскопки Сержень-Юртовского поселения.

1967 год можно считать формально годом завершения работ Объединенной СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова. Однако и после его кончины в 1970 г. отряды В.Б. Виноградова, В.И. Козенковой, М.Х. Багаева продолжали работать в Чечне по многолетней программе учёного. Так, предгорный отряд В.И. Козенковой только в 1975 г. завершил начатые в 1965 г. в присутствии Е.И. Крупнова масштабные раскопки ныне широко известного Сержень-Юртовского могильника кобанской культуры. В последние годы, даже будучи тяжело больным, Евгений Игнатьевич держал в поле зрения работы учеников, продолжавших самостоятельно трудиться в разных районах Северного Кавказа, вел с ними активную переписку.

Выдающиеся достижения Объединенной СКАЭ, руководимой Е.И. Крупновым, опубликованы в сотнях статей и монографий. Они дополнены значительной и важной информацией о проделанной работе фотографиями раскопок, поселений, курганов, могильников и башен. Архивы отрядов СКАЭ содержат не менее важные фотоматериалы о повседневной жизни участников экспедиции. Они наглядно демонстрируют быт экспедиции, успехи и трудности полевой работы, визуально дополняют характеристику коллектива и напоминают об ушедших археологах, подчас известных нашим современникам лишь по фамилиям. Так, фотографии из архива Предгорного отряда (В.И. Козенкова) показывают рабочие эпизоды, камеральную обработку материалов, участников экспедиции (рис. 1-5). Фотографии отражают просветительскую работу среди населения. Например, лекцию, прочитанную для сельчан Е.И. Крупновым после поездки в Ливан. Интересна фотография с изображением лекции на раскопе во время экскурсии пионеров из окрестного лагеря. Отражают фото также взаимные поездки участников отрядов СКАЭ для обмена опытом. Чрезвычайно важным документом является сохранившаяся в архиве ИА РАН киноплёнка о работах СКАЭ в 1963 г. (оператор-фотограф из Пятигорска В.А. Дерябин, несколько лет бывший участником экспедиции). Надеемся, что дальнейшая работа с фотоархивом Объединенной СКАЭ продолжится.

а

б

в

Рис. 1. СКАЭ в фотографиях: а) поселение Сержень-Юрт I. Раскопки ямы 5. Слева направо: В.И. Козенкова, Е.И. Крупнов, З. Нечишкина; б) СКАЭ-61. Сержень-Юрт I, 1961 г., расчистка кв. Д-5; стоят Е.И. Крупнов и А.А. Иерусалимская, расчистку производит В.И. Козенкова; в) Сержень-Юрт, 1963 г., слева направо: В.И. Козенкова, М.П. Абрамова.

а

б

Рис. 2. СКАЭ в фотографиях: а) в перерыве на раскопе Р.В. Катинчаров (Болгария) и местный рабочий Лечи, 1965 г. б) Сержень-Юрт, 1965 г.; обед в отряде: во главе стола – Е.И. Крупнов, от него второй слева Р.В. Катинчаров, вторая справа – нач. отряда В.И. Козенкова.

а

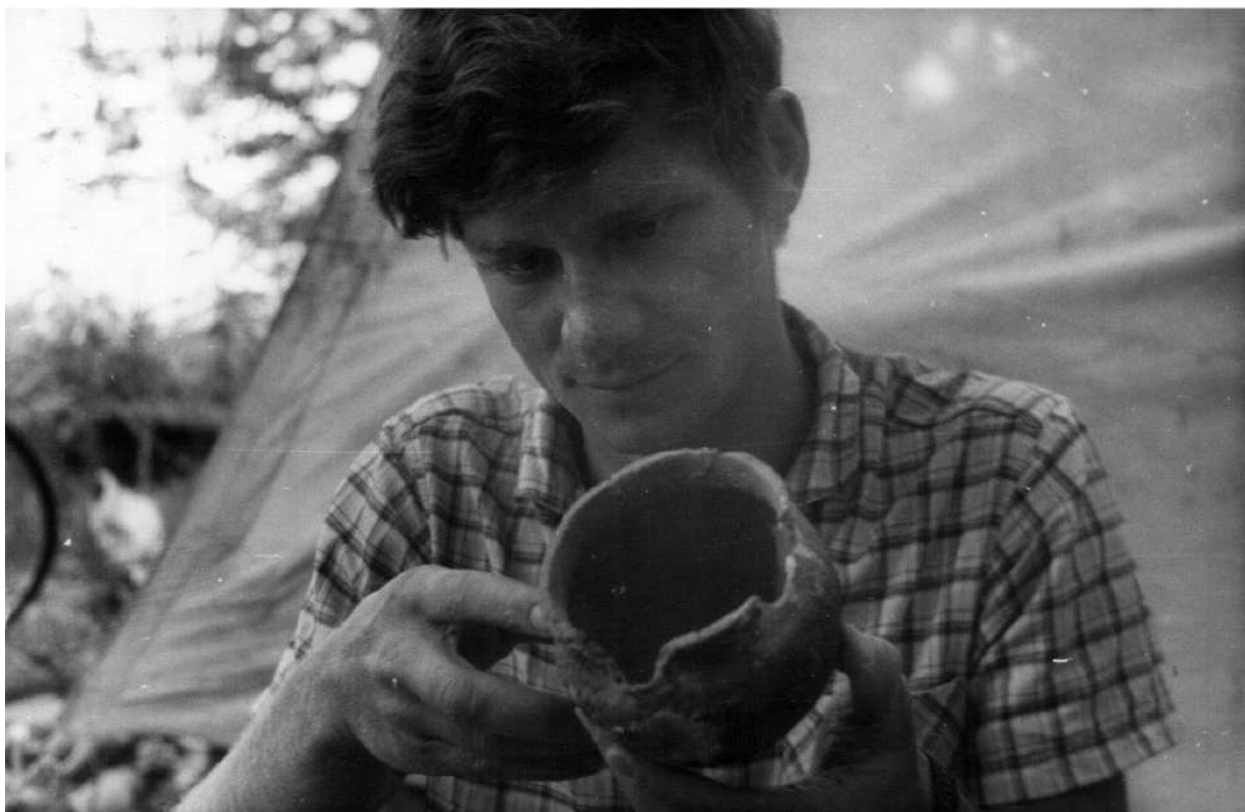

б

Рис. 3. СКАЭ в фотографиях: а) Сержень-Юрт, 1960 г., раскопки кургана, слева направо: В.И. Козенкова, студентка Алла и Ольга Николаевна Евтюхова; б) участники экспедиции в палаточном лагере в саду; в среднем ряду слева направо: художник И. Баллот, В.И. и Ф.Ф. Козенковы и др.

а

б

Рис. 4. СКАЭ в фотографиях: а) посещение отряда О.В. Милорадович на городище Верхний Джулат, 1961 г.; на первом плане брат Крайнова, за ним А.А. Иерусалимская, О.В. Милорадович, В.И. Козенкова; б) участник экспедиции Юра Пиотровский.

а

б

в

Рис. 5. СКАЭ в фотографиях: а) СКАЭ-75. Сел. Шарой, Аргунское ущелье, 1975 г.; б) Шарой. Художники экспедиции; в) холм Убежище I, конец рабочего дня, участники экспедиции возвращаются в лагерь, А.А. Иерусалимская и В.Б. Виноградов.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Амирханов Х.А.

Институт археологии РАН, г. Москва,

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

ОЛДОВАН – АШЕЛЬ: ПРОЦЕСС ПЕРЕХОДА НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ИСТОРИКО-КЛИМАТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ФИНАЛЬНОГО ЭОПЛЕЙСТОЦЕНА

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 18-09-40026 – «Древности»

Многолетние целенаправленные исследования памятников раннего плейстоцена Северо-Восточного Кавказа позволяют в настоящее время ставить вопрос о корреляции развития культуры ранних этапов нижнего палеолита данной территории с данными общей климатостратиграфии. Попытки обобщения данных для датировки различных частей мощных разрезов стоянок Мухкай 1 и 2, а также стоянки Айникаб 1 предпринимались нами неоднократно (Амирханов, 2015; 2017; Амирханов и др., 2015). Выводы основывались на данных multidisciplinary исследований материалов указанных стоянок. Они учитывали результаты различных видов анализов: палеомагнитного, палеонтологического, палинологического, малакологического, фитолитного, палеопедологического.

Совокупность указанных выше данных позволяет надежно интерпретировать характеристики палеомагнитных колонок памятников. Наиболее важным в этих интерпретациях является наличие возможности идентифицировать эпизоды Харамильо и Олдувай.

С общей литологической точки зрения разрезы мухкайских стоянок отчетливо демонстрируют ритмичное чередование трех мощных толщ крупнообломочного материала со столь же внушительными пачками мелкозема. Толщи обломочного материала целиком или почти целиком состоят из несортированных по величине и окатанности известняковых фрагментов различных фракций. Пачки же мелкозема сложены фракциями, варьирующимися от глин до легких суглинков. По чередованию (сверху вниз) и метрическим характеристикам два типа этих пачек выглядят следующим образом:

Пачки (сверху вниз)	Мощность, в м
1. Первая (обломочная)	13
2. Вторая (мелкоземистая)	15
3. Третья (обломочная)	10
4. Четвертая (мелкоземистая)	15
5. Пятая (обломочная)	20

Если обобщить палинологические характеристики, свойственные для пачек с крупнообломочным материалом и мелкоземом, то по конкретным данным разреза стоянки Мухкай 2 первым соответствует климат, в целом, прохладный и влажный, а вторым – теплый и умеренно влажный. В спектрах растительности, соответствующих пачкам мелкозема, согласно разрезу стоянки Мухкай 2 фиксируется относительно большое количество и разнообразие пыльцы широколиственных пород: граба, дуба, бука, хмелеграба, каркаса, ореха. В верхней же пачке, сформированной крупнообломочным материалом, обнаруживается

преобладание пыльцы темнохвойных пород (ель, пихта, тсуга). Появляется ель секции *Omirica*. Постоянно присутствует пыльца сосны. Широколиственные породы представлены грабом, липой, кленом, лапиной, каркасом. Из мелколиственных пород отмечены береза, ольха.

При обращении к интересующему нас вопросу бросается в глаза совпадение момента смены типичной индустрии олдована в разрезах стоянок Айникаб 1, Мухкай 1 и Мухкай 2 новой технологической традицией, основанной на регулярном использовании крупного отщепа в качестве заготовки для орудий и наличии элементов бифасиальной обработки с существенными палеогеографическими изменениями, связанными с наступлением оледенения Гюнц.

Говорит ли совпадение двух рассматриваемых явлений (в одном случае природного, а в другом – историко-культурного) об обусловленности одного, понятно какого, вторым? Если бы в разрезах памятников раннего плейстоцена Акушинской межгорной котловины имелся бы лишь один цикл чередования пачки крупнообломочного характера мощной толщей суглинков, то дать положительный ответ на данный вопрос было бы затруднительно, так как синхронность двух событий не предполагает обязательной обусловленности одного другим. В нашем же случае, на протяжении раннего плейстоцена подобного рода литологические прослаивания случались на протяжении времени от, примерно 2,3 млн. л.н. до, примерно, 1 млн. л.н. несколько раз, а существенная смена типов индустрий произошла только один раз – приблизительно, в начале отрезка времени, соответствующего оледенению Гюнц альпийской схемы ледниковых событий плейстоцена. Из этого следует, что объяснение рассматриваемых культурных трансформаций прямым воздействием глобального похолодания и только этим, вряд ли будет обоснованным в необходимой степени. Реалистичной представляется приводимая ниже трактовка событий.

После заключительной фазы апшеронской трансгрессии, в частности, на Северо-Восточном Кавказе в очередной раз открылись новые пространства суши, изменившие географический облик региона. Эти площади относительно быстро покрывались растительностью и заселялись животными. Вслед за животными, естественно, приходил и человек, который на протяжении всей ранней первобытности жил в тесном симбиозе с первыми. Есть основания предполагать, что в эти передвижения оказывалось вовлеченным и новое, не автохтонное население. Размах миграций измерялся масштабами пространства, занятого апшеронской трансгрессией в этой части региона. Он охватывал, не только Прикаспийскую низменность современного Дагестана, но и всю курийскую часть Закавказской впадины, ограниченную на западе Сурамским хребтом.

Имеющиеся данные говорят в пользу того, что роль природного фактора в смене олдована крупнотщеповой индустрией на Северо-Восточном Кавказе нельзя исключить. Существенное колебание климата имело здесь место, и оно не могло не привести к заметной смене ландшафтов на больших пространствах. Последнее, в свою очередь, способствовало освоению людьми новых территорий и смене ареалов культуры вместе со сменой природно-географических условий.

Литература

1. Амирханов Х.А., Тесаков А.А.С., Ожерельев Д.В. 2017. К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 75. С. 5-10
2. Амирханов Х.А. 2015. Геохронология памятников олдована Центрального Дагестана // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 8-11 декабря 2015 г. М., С.42-44.
3. Амирханов Х.А. 2017. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала.

Амирханов Х.А.

Институт археологии РАН, г. Москва,

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

ФОРМИРОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ С ЧОХСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

На Северном Кавказе в последние три-четыре десятилетия не осуществлялись сколько-нибудь целенаправленные работы по неолитической проблематике. Особое затишье в этой части отмечается на востоке Северного Кавказа. За указанное время, кажется, не вышло ни одной работы, которая касалась бы неолита данного региона. Не было за это время ни одного обращения и к новому рассмотрению материалов ключевого во многих отношениях Чохского поселения (слой С) в Центральном Дагестане.

Между тем, существует необходимость возвращения к анализу разных аспектов изучения Чохского поселения в контексте научных реалий, сформировавшихся более чем за шестьдесят лет после первых раскопок памятника В.Г. Котовичем и сорока лет, прошедших с момента завершения здесь раскопок автором.

После новых раскопок, осуществленных автором этих строк в 1980-1982 гг., археологическая стратиграфия памятника была существенным образом переосмыслена в сравнении с той, которая устоялась ранее. Новая шкала включала в себя три слоя – два мезолитических (слои D, E) и один неолитический (слой С). В дополнение к этому был выделен относительно слабощелочной горизонт эпохи бронзы (С1), залегающий непосредственно над неолитическим слоем без стерильной прослойки. Пол этого горизонта отбивался уровнем, на котором над отложениями слоя С залежали остатки каменного сооружения (скорее всего, какой-то стены), которые были выявлены в восточной части раскопа. На остальной площади не наблюдались четкие признаки, по которым можно было бы сколько-нибудь уверенно выделять отдельный горизонт культурных отложений. Но из этого не следует, что на эту часть раскопа не распространялись находки бронзового века. Бесспорные изделия в виде двустороннеобработанных вкладышей серпа и наконечника стрелы – формы хорошо известные для времени средней бронзы и позднее, обнаружены, например, в квадратах р-8, н-6, к-9. Залежали эти предметы, как в верхнем, так и во втором, и третьем условных раскопочных горизонтах слоя С.

На исследованной автором площади 110 кв. м раскопа № 2 неолитический слой залегал на глубине в среднем 40 см от современной поверхности. Толщина слоя в его литологическом выражении составляла от 45 до 60 см (на большей части слоя – 45 см). Видимые признаки постпозиционных изменений слоя не были отмечены, за исключением многочисленных ходов мелких грызунов. Пол культурного слоя четко отбивался углубленным очагом № 1, расположенным на квадратах л-6, м-6 примерно в центре остатков каменного полукруглого сооружения, а также резкой сменой цветности с темно-серого (слой С) на желтовато-коричневый (слой D).

С точки зрения современных требований методики раскопки должны были вестись не условными горизонтами, как это делалось нами тогда, а с использованием микростратиграфического подхода к расчистке слоя, предполагающего фиксацию реальных разно-

временных поверхностей обитания, которые могут образовываться в ходе формирования даже единого литологического слоя. «Лабораторная чистота» коллекций отдельных, дискретных горизонтов, выделенных и при таком способе раскопок, вряд ли бы была достигнута при очевидном постпозиционном воздействии на культурный слой таких деструктивных факторов, как биотурбация и антропогенные разрушения. Но, тем не менее, приходится сожалеть о том, что в те годы не практиковался микростратиграфический метод разборки слоя.

Имеются ли сейчас, спустя сорок лет после наших раскопок, данные, позволяющие осуществить хотя бы общее микростратиграфическое членение слоя С Чоха? Такие данные имеются, и они относятся к наличию сведений о зафиксированных в ходе раскопок уровнях расположения в слое очагов и кострищ по вертикали. Всего в литологическом слое С выявлено два очага и три кострища, фиксирующих своим расположением в данном культурном слое четыре разных высотных уровня (рис. 1).

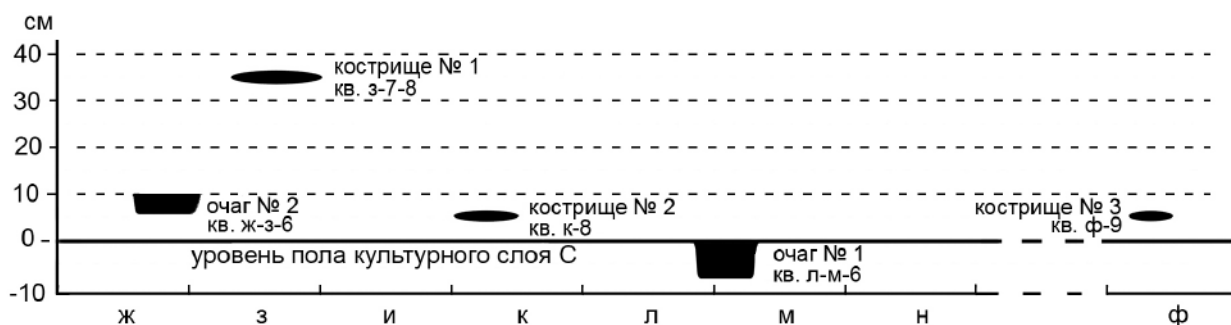

Рис. 1. Распределение по высоте очагов и кострищ в культурном слое С Чохского поселения

Таким образом, в пределах культурных отложений на площади одного жилища мы имеем четыре уровня слоя С, которые стратиграфически маркируются указанными объектами. Из них только очаг (№ 1) стратиграфически и планиграфически связан с подшвой культурного слоя С и полом жилища. В морфологическом отношении, в плане своей конструкции и по разнообразию, насыщенности и составу археологического материала, сосредоточенного вокруг него, этот очаг заметно выделяется среди других подобных объектов данного слоя. На 5-6 см выше основного очага выявлены два кострища (№№ 2, 3), расположенные на значительном удалении друг от друга. Они функционировали в момент, когда культурный слой на площади жилища накопился на указанные выше 5-6 см и самого жилища в его первоначальном виде, по всей видимости, не существовало. Хронологически они позже очага № 1, но относительно друг друга, вероятно, более или менее одновременны. Затем идут очаг № 2, находящийся на 10 см выше уровня пола, и, наконец, кострище № 1 с отметкой 38 см выше пола.

Переслаивание в границах раскопа № 2 указанных очагов и кострищ можно считать достаточным основанием для того, чтобы рассматривать слой С в виде совокупности четырех различных культурных горизонтов. Вариант такого восприятия слоя допускался автором и ранее при обобщающей публикации материалов памятника (Амирханов, 1987). Конечно, тогда уделялось необходимое внимание и вопросу о гомогенности

археологических материалов слоя С при взгляде на него с точки зрения дробного стратиграфического членения. Одно здесь можно было констатировать бесспорно – культурно-хронологическую (культурно-стадиальную) однородность кремневой индустрии слоя С. Трудно было с такой же определенностью говорить о керамике в виду фрагментированности ее остатков в слое и скудости применительно к северо-восточнокавказским памятникам общих данных о характере эволюции данной категории инвентаря на этапах неолита – энеолита – раннего бронзового века. Что касается фаунистических остатков, представленных здесь во множестве в мелкофрагментированном виде, то возможность их «миграции» в слое по вертикали, как и на других подобных памятниках, не могла быть исключена. Это вытекало из особенностей формирования рассматриваемого слоя и его тафонимических характеристик.

Обобщая данные по стратиграфии отложений на площади раскопа 2 можно отметить, что к наиболее раннему этапу формирования неолитического слоя С относится жилище с каменной конструкцией (целиком или центральной и южной ее частями) и накопившимся на полу жилища (он же пол самого слоя С) на 5-6 см горизонтом культурных остатков.

Литература

Амирханов Х.А. 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.

Гейдарова У.Р.

Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ПАМЯТНИКОВ ГАСАНСУ I И II ШОМУТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Неолитические поселения Гасансу I и II расположены на территории Акстафинского района Азербайджана. Памятники относятся к шомутепинской археологической культуре и датируются концом VII – нач. VI тыс. до н.э. Данный этап неолита характеризуется устоявшимися традициями производящего хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве. На поселении Гасансу I проведены широкомасштабные раскопки, на Гасансу II, находящимся рядом с первым холмом, заложен шурф размерами 5x5 м. В результате раскопок выявлены, в частности, многочисленные костяные орудия (Museibli, 2017. P. 48).

Коллекция предметов из органического сырья содержит 245 экз. Из них предметы из кости – 234 экз., из рога – 9, клык кабана и фрагмент ракушки – по 1 экз. Костяные изделия имеют светло-коричневый, кремово-желтый, белый цвета, поверхность некоторых из них покрыта черными пятнами. Сохранность изделий в отдельных случаях просто превосходная, так как залощенная в ходе утилизации уплотненная кость меньше подвергается разрушению (Семенов, 1957. С. 16).

Согласно технологическому анализу изученных артефактов, представленных в коллекции памятника рядом категорий заготовок и орудий, древними мастерами косторезного дела применялся широкий спектр техник, связанных с обработкой кости: поперечный облом по предварительному пропилю, продольное и поперечное скалывание, резание, строгание, пиление, шлифовка, нанесение насечек и зигзагообразного орнамента. Острия шильев оформлены абразивной техникой. Приемы обработки кости зависели от морфологии обрабатываемого сырья, при классификации артефактов мы тоже учли данный аспект.

Шилья и их фрагменты, различающиеся по форме, размерам, технике изготовления, исходному сырью и функциональному применению составляют основную группу находок (196 экз.). Аккуратно затесанный корпус большинства острий, плавно сужаясь к дистальному концу, переходит в тонкое жало. Встречаются орудия, корпус которых отграничен от жала своеобразными «плечиками», возникшими в результате приостряющих сколов, нанесенных с торцовых сторон диафиза. Зачастую жало шильев светлее остальной поверхности и имеет жирную залощенность, возникшую от работы с кожей (Коробкова, Шаровская, 2001. С. 97). Шилья представлены в коллекции несколькими видами и типами.

Первый тип включает шилья, изготовленные из трубчатых костей мелкого рогатого скота. Орудия данного типа представляют собой продольные половины трубчатых костей с полностью или частично сохраненным эпифизом, выполняющим роль рукояти.

30 проколов, изготовленных с сохранением валикообразного эпифиза на дистальном конце костей пясти и плюсны мелкого рогатого скота, составляют первый вид шильев данного типа (Рис. 1, 1,2). Технологически дебитаж состоял из удаления проксимального конца кости и продольного прорезания кости резцеви́дным орудием по глубокой межваликовой вырезке между двумя суставными головками на ее дистальном конце. После облома кости по проделанному желобу оформлялось жало. Длина шильев варьирует от 5 до 8,8 см. 11

изделий данного типа имеют сосцевидный кончик жала, возникший в ходе эксплуатации (прокалывание и расширение отверстий). Рукоятки четырех острий имеют по 3 насечки, разрезающие латеральный блок головки эпифиза и суставной гребень (Museibli, 2017. P. 58. Fig. 7, 1).

Все остальные орудия, изготовленные на трубчатых костях мелкого рогатого скота, объединены во второй вид (64 экз.). Формы и размеры орудий более разнообразны ввиду использованного сырья (Рис. 1, 3,4). Сосцевидный кончик жала имеют 23 орудия.

Второй тип шильев состоит из орудий, изготовленных на продольно расщепленных фрагментах трубчатых костей, в основном крупного рогатого скота (74 экз.). Наиболее длинные и массивные шилья, достигающие в длину 12 см, относятся к этому типу орудий.

Орудия, изготовленные приострением отщепа из диафиза кости, представляют первый вид второго типа. Их проксимальный конец либо слегка подправлен, либо тщательно закруглен (Рис. 1, 8,9).

Осевидные шилья (7 экз.), представляющие собой стержневидные изделия, характерны для памятников шомутепинской культуры и представляют второй вид данного типа орудий (Рис. 1, 5,10). Сильно заполированная в ходе утилизации поверхность орудий вызвана обработкой мягких органических материалов (Нариманов, 1987. С. 113). Изделия имеют округлое сечение диаметром 0,6 см. Дистальные концы предметов заострены, некоторые похожи на стержень карандаша и тщательно обработаны. Средняя длина жала составляет около 2 см. Проксимальные концы орудий имеют заужено-овальную форму, некоторые из них, судя по следам использования, вставлялись в рукоятку. Большинство осевидных шильев из Гасансу I и II выявлено на глубине 1,5-1,8 см.

Третий тип шильев включает в себя орудия, изготовленные из целых, трубчатых костей птиц. После удаления одного из эпифизов, диафиз косо срезан и обточен с формированием необходимого острия (Рис. 1, 6,7).

Четвертый тип представлен массивным, длинным шилом, изготовленным из рога.

Лощила – скребки (9 экз.) определяются овальной, уплощенной рабочей частью, оформленной косым срезом с внешней стороны кости (Рис. 1, 11). Изготовлены на ребрах, трубчатых костях крупного рогатого скота, а также на роге. Рабочий конец орудий и поверхность среза сильно заполированы в ходе утилизации. Использовались данные орудия, предположительно, для мездрения и обработки шкур (волосогонки).

Скребки-струги (7 экз.) изготовлены на ребрах крупного рогатого скота (Рис. 1, 12). Латеральные части ребер, служившие рабочей зоной, сильно изношены и разрушены в ходе утилизации.

Интересную группу представляют тонкие, плоские, костяные орудия с лопатообразным рабочим краем (3 экз.). Следы использования наблюдаются лишь вдоль узкой кромки рабочего конца и прилегающих латеральных сторон.

Отличительной особенностью данного памятника является отсутствие землекопных орудий из рога и кости, характерных для других поселений ранних земледельцев (Нариманов, 1987. С. 109). Данный факт позволил утверждать, что памятник относится к эпохе раннего этапа становления земледелия (Мусеибли, 2009. С. 83).

Костяные орудия были обнаружены во всех горизонтах поселений Гасансу I и II. Наибольшее число костяных артефактов было обнаружено на глубине 1,2-1,4 м. Из строительных остатков помещения № 3 в квадрате IV на указанной глубине было обнаружено 11 костяных шильев. Следующий массовый материал был собран в квадрате VI –

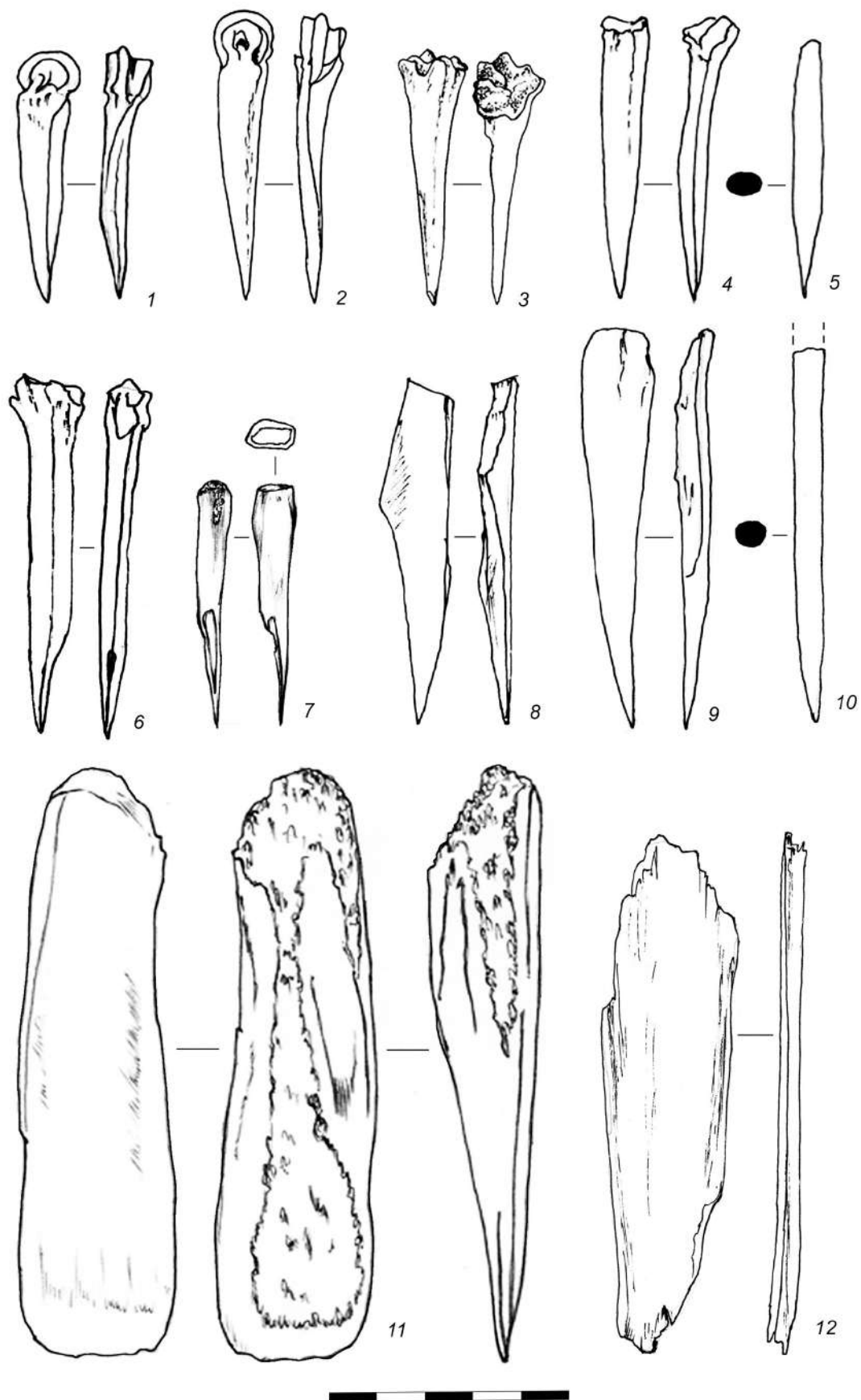

Рис. 1. Поселение Гасансу I. Костяные орудия.

в количестве 16 орудий, 12 из которых были шильями. Возможно, вызвано это было хозяйственной необходимостью.

Костяные орудия изученных памятников еще раз подтвердили высокое развитие косторезного дела, кожевенного производства и скотоводства в эпоху неолита на территории Азербайджана.

Литература

1. Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А. 2001. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести. Вып.8. СПб.
2. Мусеибли Н.А. 2009. Новые данные по неолиту Азербайджана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3 (19).
3. Нариманов И.Г. 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку.
4. Семенов С. А. 1957. Первобытная техника: опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М. – Л.
5. Museibli N.A. 2017. The Neolithic period Hasansu settlement // Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии. Баку.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В.

АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

ЗАГРОССКОЕ МУСТЬЕ НА КАВКАЗЕ

Многими исследователями давно было отмечено общее сходство мустьерских индустрий Восточного Кавказа загросскому мустье в Иране (Джафаров, 1983; 1999; Любин, 1984; Beliaeva, Lioubine, 1998; Golovanova, Doronichev, 2003).

Малый Кавказ. В этом регионе известно 9 стратифицированных стоянок среднепалеолитического возраста: пещеры Ереванская и Лусакерт 1 расположены в каньоне р. Раздан Джавахетско-Армянской нагорной провинции; Дамджылы и Дашсалахлы – на г. Авейдаг; Зар – в долине р. Тертер; Газма – на Даралагезском хребте; пещеры Азых и Таглар – на Карабахском хребте, а Бузеир – в Талышских горах, примыкающих к Малому Кавказу с востока.

Опубликованные данные по хронологии позволяют предполагать, что загросское мустье на Малом Кавказе развивалось на протяжении стадий 4 и 3 кислородно-изотопной шкалы, т.е. примерно от 70 до 35 тыс. л.н.

Материалы многослойной стоянки в пещере Ереван I характеризуются нелеваллуазской (IL меньше или ок.20%), непластинчатой (ILam 6-8.2%), нефасетированной (IFs 16.6-22.5%) техникой расщепления. Основные категории орудий – скребла и остроконечники (Ерицян, 1970). Для данной индустрии и в целом для загросского мустье характерны: 1 – мустьерские остроконечники с прямыми или слабо выпуклыми конвергентными краями, с лицевым площадочным утоньшением основания, определенные Б.Г. Ерицяном как остроконечники ереванского типа, 2 – скребла с лицевым площадочным утоньшением, в том числе скребла с утоньшением корпуса с двух или трех площадок.

Мустьерский комплекс слоя С1 пещеры Лусакерт 1, расположенной примерно в 20 км от пещеры Ереван I, характеризуется высокими индексами сколов леваллуа, пластин, подправки ударных площадок, скребел. По основным технико-типологическим показателям комплекс слоя С1 близок нижним слоям Таглара. Из специфических типов орудий в слое С1 представлены остроконечники ереванского типа с лицевым площадочным утоньшением основания, а также характерные для мустье Таглара удлинённые асимметричные скребла-ножи с выпуклым ретушированным обушком.

Тагларский тип мустье охарактеризован как мустье типичное, пластинчатое, фации леваллуа (IL 38.4-53.1%; ILam 25.3-43.7%), фасетированное (IFlarge 60.8-73.6%; IFstrict 22.7-34.4%), обогащенное скреблами (IRess в среднем 54.6%) и остроконечниками (IPess в среднем 39.5%). В категории скребел особенно показательны скребла с утоньшенным корпусом, которые аналогичны подобным орудиям из пещер Ереван I, Бронзовая и Ортвале Клде. Остроконечники довольно разнообразны. Среди них выделяются две специфические формы: 1 – мустьерский остроконечник в форме равнобедренного треугольника, с ретушированными прямыми или слабо выпуклыми конвергентными краями и лицевым площадочным утоньшением основания, аналогичный остроконечникам ереванского типа; 2 – очень удлинённый остроконечник в форме ивового листа, с хорошо ретушированными по всей длине слабо выпуклыми конвергентными краями. Он не имеет аналогий в мустье

Кавказа, и поэтому может быть назван остроконечником тагларского типа. Имеющиеся в настоящее время данные позволяют связать ереванский и тагларский типы индустрии в рамках единой линии эволюционной приемственности (линии развития).

К верхним слоям Тагларской пещеры близок небольшой комплекс пещеры Дашсалахлы и орудия Дамджила (Джафаров, 1999). В пещерах Зар, Газма и Бузеир также отмечаются характерные для загросского мустье орудия.

Северо-Восточный Кавказ. Мустьерская индустрия среднего комплекса (слои 12-21) пещеры Ласок (Муштылагты лагат), для которого предполагается возраст от 70 до 250 тыс. л.н., характеризует как зубчатое мустье фации леваллуа, с орудиями на пластинах леваллуа, включая острия леваллуа (Hidjrati et al., 2003). На основании имеющейся информации следует отметить, что пластинчатые индустрии среднего комплекса находят аналогии прежде всего в Левантийских и Загросских материалах (Golovanova, 2015). Для данной индустрии характерна леваллуазская техника расщепления, многочисленные пластины и острия леваллуа. Присутствуют леваллуазские ретушированные и мустьерские остроконечники, угловатые скребла и ножи с ретушированным обушком. Особенно интересно присутствие орудий с площадочными утоньшениями, конвергентных орудий на узких длинных пластинчатых сколах, узких и массивных брусковидных двойных скребел (Hidjrati et al., 1996).

Продвижение загросского мустье на Северо-Восточный Кавказ, зафиксированное в пещере Ласок, представляет большое значение. Новые материалы пещеры Сарадж-Чуко в Приэльбрусью подтверждают и дополняют данные о загросском мустье на Северо-Восточном Кавказе. Показательной чертой индустрии слоя 6В пещеры Сарадж-Чуко, для которой предварительно предполагается возраст в интервале MIS 5e-5a: 120-70 тыс. л.н., является многочисленность пластинчатых сколов (34,5%), при редкости настоящих пластин (5,5%) и типичных треугольных леваллуазских сколов (3,2%). Индекс фасетированных ударных площадок – 44,2%. Среди орудий выделены скребла, конвергентные формы, мустьерские остроконечники. Особенно характерны орудия с ядрищными утоньшениями – скребла и остроконечники (Doronicheva et al., 2019).

Пластинчатый характер каменной индустрии и особенности типологического состава отличают мустье Восточного Кавказа от индустрии восточного микока, распространенной на Северо-Западном Кавказе (Golovanova, 2015). Хотя материалы загросского мустье в Загросе не представляют однородный индустриальный комплекс и имеют хронологические и географические различия (Dibble, Holdaway, 1993), тем не менее, важные технико-типологические характеристики загросского мустье позволяют выделять его особенности по сравнению с Левантом и Центральной Азией. Именно эти характерные особенности загросского мустье отличают индустрии Восточного и Западного Кавказа, сближая мустье Северо-Восточного и Юго-Восточного Кавказа с мустье гор Загрос в Иране.

Литература

1. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В. 2019 Новые данные по палеолиту Приэльбрусью // РА. №2.
2. Джафаров А.Г. 1983 Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку.
3. Джафаров А.Г. 1999. Средний палеолит Азербайджана. Баку.
4. Ерицян Б.Г. 1970. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М.

-
-
5. Любин В.П. 1984. Ранний палеолит Кавказа // Археология СССР. М.
 6. Beliaeva, E.V., Lioubine, V.P. 1998 The Caucasus – Levant – Zagros: possible relations in the Middle Paleolithic // *Anatolian Prehistory at the Crossroads of Two Worlds*, Vol. I / ERAUL. No. 85. Liège.
 7. Dibble, H.L., Holdaway, S.J. 1993 *The Middle Paleolithic Industries of Warwasi*. // *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*. Philadelphia.
 8. Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Korzinova A.S., Tselmovitch V.A., Kulkova M.A., Odinkova E.V., Shirobokov I.G., Ivanov V.V., Nesmeyanov S.A., Voeykova O.A., Muriy A.A., Tregub T.F., Volkov M.A., Shackley M.S., Spasovskiy Yu.N. 2019 The first laminar Mousterian obsidian industry in the north-central Caucasus, Russia (preliminary results of a multi-disciplinary research at Saradj-Chuko Grotto). // *Archaeological Research in Asia* / <https://doi.org/10.1016/j.ara.2019.03.001>
 9. Golovanova L.V. 2015 Neandertales des Caucase du Nord : entre ouest et est. // *L'Anthropologie*. 119.
 10. Golovanova L.V., Doronichev V.B. 2003. The Middle Paleolithic of Caucasus // *Journal of World Prehistory*. Vol. 17. № 1.
 11. Hidjrati N., Kimball L. 1996. The Paleolithic archaeology of Weasel Cave, North Central Caucasus, North Ossetia, Russia // *Paleoanthropology Society. Abstracts for the 1996 Meetings*. New Orleans.
 12. Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave), North Ossetia, Russia // *Antiquity*. Vol. 77 (298).

Голованова Л.В., Дороничев В.Б.

АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

ЭПИПАЛЕОЛИТ КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ

Современные исследования на Кавказе позволили пересмотреть старые схемы развития финального палеолита. Создавший первую периодизацию верхнего палеолита Кавказа С.Н. Замятнин (1957) отмечал раннее появление геометрических форм. Новые данные позволяют детально рассмотреть появление, изменение и развитие геометрических форм на трех основных этапах эппалеолита (ЭП).

В контексте Западной Евразии Южный Кавказ является регионом, где также, как и в Западной Азии, геометрика появляется еще в раннем ЭП в интервале 24/20-18 т.л.н. (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2014; Pinchasi et al., 2014). Ранний период ЭП в Западной Европе определяется несколько позже – 20-16 т.л.н. (Montoya, Peresani, 2005).

Период среднего ЭП в Западной Евразии характеризуется широким распространением геометрических микролитов. В Леванте геометрические микролиты особенно разнообразны в геометрическом кебариене (17.5-15 т.л.н.), представлены трапециями-прямоугольниками, прямоугольниками, треугольниками, трапециями. В индустрии Мушабиен распространены треугольники, сегменты, гелуанские сегменты, возраст которых – до 17 т.л.н. В Загросе в этот период отмечаются неравносторонние треугольники (Olszewski, 2008).

В эппалеолите Западной Европы геометрика появляется только в средней стадии ЭП (16-14.5 т.л.н.). Здесь распространены неравносторонние треугольники, трапеции, крупные сегменты.

На Кавказе в среднем ЭП распространены прямоугольники, которые не характерны для эпиграветта Европы. Также как в Западной Европе и на Ближнем Востоке, на Северном и на Южном Кавказе представлены неравносторонние треугольники, треугольники, крупные сегменты. Но на Северном Кавказе, где геометрика датируется несколько позже (17.3 т.л.н. против 18.4 т.л.н. на Южном Кавказе), уже в среднем ЭП появляются низкие трапеции, как в эпиграветте Италии.

В позднем ЭП Леванта (16.5-13.0 т.л.н.) гелуанские сегменты определены в рамониене и натуфиене. В зарзийских индустриях известны неравносторонние треугольники и сегменты. В Западной Европе финальная стадия ЭП датируется 15/14-10 т.л.н. В этот период в Мадлене VI и в финальном эпиграветте встречаются треугольники, трапеции и крупные сегменты.

Кавказские ЭП индустрии на третьей стадии (14/13-10 т.л.н.) отличаются большим разнообразием геометрики. Здесь встречаются треугольники, трапеции и сегменты. На Южном Кавказе трапеции появляются только в это время. Продолжают встречаться неравносторонние треугольники. На Северном Кавказе отмечено появление рогатых трапеций и гелуанских сегментов, последние на Ближнем Востоке известны с 17-15 т.л.н. В Крыму обычные низкие трапеции в настоящее время датируются древнее 14 т.л.н. (Biagi, 2016). Калиброванный возраст рогатых трапеций определяется ок. 10 т.л.н.

Важной новацией ЭП индустрий Кавказа является появление острий с боковой выемкой: имеретинское острие на пластинке имеет короткий черешок, выделенный выемкой,

оформленной лицевой ретушью. Для ЭП Загроса характерны зарзийские остря. В Леванте остря имеют черешок, выделенный двумя выемками, появляются в финале ЭП (16.5-13.0 т.л.н.). В ЭП Западной Европы распространены наконечники с боковой выемкой. Острие с черешком мадлена отличается длинным черешком, выделенным крутой ретушью, сделаны преимущественно на небольших пластинах. В раннем эпиграветте Италии наконечник с боковой выемкой имеет перо, оформленное уплощающей распространенной ретушью, изготовлены на пластинах. Средиземноморские остря с черешком, характерные для эпиграветта Италии, финального солютре Испании и раннего мадлена Франции, имеют чаще короткий ассиметричный черешок, оформленный ретушью с двух сторон.

На Южном Кавказе в публикациях последних лет ряд индустрий были определены как эпиграветийские. На Южном Кавказе и в эпиграветте Италии присутствуют остря граветт и микрограветт – ретушированные пластинки и микропластинки с притупленным краем. Эти формы широко распространены в финальнопалеолитических индустриях Западной Евразии. Сравнение Южного Кавказа с эпиграветтом Италии позволяет говорить о существенных различиях:

- в эпиграветте Италии геометрические микролиты появляются только в средней стадии: 16-14.5 т.л.н., в эпиграветте отсутствуют прямоугольники;
- на Южном Кавказе геометрические микролиты появляются на ранней стадии ЭП (24/20 т.л.н.), распространены прямоугольники;
- отличаются формы острий с черешком.

В Приазовье ранние материалы стоянок Каменная балка I и II датируются 18-20 т.л.н., публикации материалов позволяют говорить лишь о наличии отдельных аналогий. Памятники средней и поздней стадии ЭП Приазовья отличаются от СЗ Кавказа, особенно геометрические микролиты (Леонова и др., 2015; Виноградова, 2014).

Сравнение индустрий ЭП Южного Кавказа с Левантом и Загросом также показало наличие существенных различий. Для ближневосточных индустрий характерно широкое применение техники микрорезца. В ЭП индустриях Кавказа встречаются единичные формы, напоминающие микрорезцы. В ЭП Леванта и Загроса отсутствуют остря граветт и микрограветт. Для Рамониена характерны остря рамон, для раннего натуфиена – гелуанские остря и другие формы.

Генетические исследования (Jones et al., 2015) показали, что кавказские охотники–собиратели принадлежат к древней ветви, которая отделилась от западных охотников-собирателей ок.45 т.л.н., а от предков неолитических фермеров – ок.25 т.л.н.

Изучение сырьевых стратегий в ЭП Кавказа (Дороничева и др., 2013) показало наличие связей Северного и Южного Кавказа. Множественные аналогии прослеживаются не только в отдельных типах орудий, но и в динамике развития индустрий. Одновременно своеобразные отличия, как в каменной, так и в костяной индустрии существуют на всех этапах развития ЭП Кавказа.

Литература

1. Виноградова Е.А. 2014. Характерные черты каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Каменная балка II (основной слой) // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Казань.
2. Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С. 2013. Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа // Археология, этнография и антропология Евразии. 41 (2).

3. Замятнин С.Н. 1957. Палеолит Западного Закавказья. Палеолитические пещеры Имеретии // Сборник Музея археологии и этнографии. Т. 17. М.-Л.
4. Леонова Н.Б., Виноградова Е.А., Медведев С.П., Плохенко Б.Г. 2015. Многослойный памятник верхнего палеолита Северного Приазовья Каменная балка II – история изучения и результаты исследований // Исторические исследования. № 3.
5. Belfer-Cohen A., Goring-Morris A.N. 2014 The Upper Palaeolithic and earlier Epi-Palaeolithic of Western Asia // The Cambridge World Prehistory. Vol. 3.
6. Biagi, P. 2016. The Last Hunter-Gatherers of the Northern Coast of the Black Sea and their Role in the Mesolithic of Europe: A View from Crimea // Southeast Europe before Neolithisation. Tübingen.
7. Jones E.R., Gonzalez-Fortes G., Connel S., Siska V., Eriksson A., Martiniano R., McLaughlin R.L., Gallego Llorente M., Cassidy L.M., Gamba C., Meshveliani T., Bar-Yosef O., Müller W., Belfer-Cohen A., Matskevich Z., Jaketi N., Higham T.F.G., Currat M., Lordkipanidze D., Hofreiter M., Manica A., Pinhasi R., Bradley D.G. 2015. Upper Paleolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature Communications. 6.
8. Montoya, C., Peresani, M. 2005. Nouveaux elements de diachronie dans l'Epigravettien recent des Prealpes de la Venetie // D'un monde à l'autre. Les systèmes lithiques pendant le Tardiglaciaire autour de la Méditerranée nord-occidentale. Memoire Societe Prehistorique Francaise. XL. Paris.
9. Olszewski, D. 2008. The Palaeolithic Period, including the Epipalaeolithic // Jordan: An Archaeological Reader. London.
10. Pinhasi R., Meshveliani T., Matskevich Z., Bar-Oz G., Weissbrod L., Miller C.E., Wilkinson K., Lordkipanidze D., Jakeli N., Kvavadze E., Higham T.F.G., Belfer-Cohen A. 2014. Satsurblia: New Insights of Human Response and Survival across the Last Glacial Maximum in the Southern Caucasus // PLOS one. Vol. 9.10.

Дороничева Е.В.

АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

ЗАГРОССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ГРОТА САРАДЖ-ЧУКО

Исследования ведутся при финансовой поддержке РФФ, проект №17-78-20082

Загросское мустье представляет собой специфическую культурную традицию, распространённую довольно широко: от Ближнего Востока и гор Загрос на юге, до Малого Кавказа и северного склона Центрального Кавказа на севере (Джафаров, 1999; Голованова, Дороничев, 2005; Шидранг и др., 2016). Основная группа памятников этой культурной традиции известна на Кавказе в восточной части Малого Кавказа: пещеры Таглар, Зар, Газма, верхние мустьерские слои Азыха, Дашсалахлы в Азербайджане и пещеры Лусакерт и Ереванская в Армении (Джафаров, 1999; Голованова, Дороничев, 2005; Гусейнов, 2010). Сходство мустьерских индустрий этих стоянок с памятниками гор Загрос в Иране отмечали А. Джафаров, В.П. Любин, Е.В. Беляева, Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев (Джафаров, 1999; Голованова, Дороничев, 2005). Для орудийного набора показательны леваллуазские и мустьерские остроконечники, разные формы скребел, лимасы, ножи, скребки. Бифасиальная обработка при этом не отмечена. Характерные для загросского мустье типы орудий связаны с техникой площадочного утоньшения (truncated-faceted). Это такие формы, как остроконечники ереванского типа (мустьерские остроконечники с прямыми или слабо-выпуклыми конвергентными краями, с лицевым площадочным утоньшением основания), скребла с лицевым площадочным утоньшением, в т.ч. скребла с утоньшением корпуса. Для этих мустьерских индустрий в целом характерны высокие индексы леваллуа, пластин и подправки ударных площадок. Опубликованные данные по хронологии загросского мустье Малого Кавказа позволяют соотносить его существование с 4-3 стадиями кислородно-изотопной шкалы (70-40 тыс. л.н.) (Джафаров, 1999).

Ближние загросскому мустье Малого Кавказа индустрии известны в среднем комплексе пещерной стоянки Мыштулагты Лагат (Пещера Ласок) (Hidjrati et al., 2003) на северном склоне Центрального Кавказа, на границе с Восточным Кавказом. Слои 12-21 содержат остатки активной жизнедеятельности человека в пещере, и датируются исследователем от 70 до 250 тыс. л.н. Данные фауны и пыльцы указывают на возраст слоев 12-14 от 70 до 128 тыс. л.н.

Таблица 1. Основные типы орудий в загросских индустриях в Загросе и на Малом Кавказе, а также в пещере Ласок (Центральный Кавказ) в сравнении с данными для слоев 6В и 6А грота Сарадж-Чуко. По: данным автора и Джафаров, 1999; Dibble and Holdaway, 1993.

Стоянки	Бифасиальные орудия	Ядрищное утоньшение (Truncated Faceted)	Скребла	Конвергентные орудия	Скребки и резцы
Варвази, все слои	-	3,6	47,2	16,9	6,3
Таглар, все слои	-	1,8	28,3	49,9	2,1

Пещера Ласок, слои 13-14	-	+	+	+	?
Сарадж-Чуко, слой 6В (2017)	-	+	58,3	41,2	-
Сарадж-Чуко, слой 6А (2017-2018)	-	+	+	+	-

Примечания к таблице:

1. Конвергентные орудия включают леваллуазские ретушированные и Мустьерские острья, конвергентные и угловатые скребла;
2. Скребла включают простые продольные, диагональные и поперечные формы.

Грот Сарадж-Чуко расположен в Республике Кабардино-Балкария, в 20 км к северо-западу от г. Нальчик (Doronicheva et al., 2019). Пока это единственный стратифицированный памятник среднего палеолита в Приэльбрусье. На сегодняшний день изучено ок.38 м² стоянки (2016-2019 гг.). В продольном разрезе Z0Z2 выделено 11 литологических слоев, три из которых относятся к среднему палеолиту (слои 3, 6А и 6В – сверху вниз).

Предварительно слой 6А датируется концом КИС 5 – началом КИС 4. Коллекция слоя 6А включает немногочисленные артефакты (коллекции 2017-2018 гг.: 154 изделия). Среди них абсолютное большинство составляют чешуйки и отщепы, а также осколки. Найдено только 11 орудий, среди которых – скребла, скребла с утончением, фрагмент острокопечника, сколы с ретушью. В коллекции 2019 г. из слоя 6А выделено еще одно скребло с ядрищным утоншением.

Слой 6В является наиболее насыщенным (в среднем ок.200 изделий на 1 м² при мощности горизонта 20 см), что позволяет сделать вывод о том, что в период образования слоя в пещере существовала стоянка активного обитания, на которой неандертальцы занимались интенсивным расщеплением обсидианового сырья и использованием орудий для разделывания и потребления охотничьей добычи. На участках раскопов 2018-2019 гг. было расчищено несколько кострищ. На основании сравнительных данных возраст слоя 6В в гроте Сарадж-Чуко можно предварительно определить от конца оптимума (под-стадия 5е) стадии 5 до конца этой стадии (под-стадия 5а), в интервале приблизительно от 120 до 70 тыс. л.н. (Doronicheva et al., 2019).

Показательной чертой индустрии слоя 6В является многочисленность пластинчатых сколов. Технику расщепления в слое 6В можно определить как леваллуазскую. Характерен высокий индекс фасетированных ударных площадок (Doronicheva et al., 2019).

Среди ретушированных орудий выделены скребла (продольные, диагональные, угловатые), конвергентные формы, мустьерские острокопечники. Некоторые орудия имеют утоншения с вентральной поверхности. В том числе, выделены скребла с ядрищным утоншением. Техничко-типологические характеристики индустрии слоя 6В позволяют охарактеризовать ее как леваллуа-пластинчатое мустье.

Продвижение загросского мустье на северный склон Центрального Кавказа представляется крайне интересным явлением, требующим дальнейшего изучения. Пластинчатый характер каменной индустрии отличает мустье северного склона Центрального Кавказа от индустрии восточного микока, распространенной на Северо-Западном Кавказе (бассейн р. Кубань), и, вероятно, находит аналогии в загросских комплексах.

Литература

1. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа. // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 5. Краснодар.
2. Гусейнов М. 2010. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерных стоянок). Баку.
3. Джафаров А.Г. 1999. Средний палеолит Азербайджана. Баку.
4. Шидранг С., Биглари Ф., Борд Ж.-Г., Жобер Ж. 2016. Позднеплейстоценовые каменные индустрии Центрального Загроса: технико-типологический анализ каменных комплексов Гхар-е-Кхар, Бисотун, Иран // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 44. № 1.
5. Dibble H.L., Holdaway S.J. 1993. The Middle Paleolithic Industries of Warwasi // *The Paleolithic Prehistory of the Zagros Taurus* / eds. D.I. Olszewski, H.L. Dibble. Philadelphia.
6. Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Korzinova A.S., Tselmovitch V.A., Kulkova M.A., Odinkova E.V., Shirobokov I.G., Ivanov V.V., Nesmeyanov S.A., Voeykova O.A., Muriy A.A., Tregub T.F., Volkov M.A., Shackley M.S., Spasovskiy Yu.N. 2019a. The first laminar Mousterian obsidian industry in the north-central Caucasus, Russia (preliminary results of a multi-disciplinary research at Saradj-Chuko Grotto) // *Archaeological Research in Asia*. Iss. 18.
7. Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia. // *Antiquity*. Iss. 77 (298).

Зейналов¹ А.А., Кулаков² С.А., Идрисов³ И.А.

¹*Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку,*

²*Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт Петербург,*

³*Институт геологии ДФИЦ РАН, г. Махачкала*

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК В 2019 г. В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 18-55-06010

Благоприятная палеоэкологическая ситуация Кавказа в раннем плейстоцене создала естественный «проход» для миграций носителей раннепалеолитических культур. Свидетельством этому являются раннепалеолитические стоянки возрастом более 1 млн. – Азых в Азербайджане, Дманиси в Грузии, раннепалеолитические памятники Дагестана и Таманского полуострова. Поиски раннепалеолитических памятников в Азербайджане в последние годы принесли свои плоды. Один из ярких примеров – раннепалеолитическая стоянка Гараджа, открытая в 2012 г.

В 2019 г. совместная Азербайджано-Российская экспедиция провела разведочные работы на северо-востоке (вдоль северной периферии Кавказа) и юго-западе (в бассейне р. Аракс) Азербайджана. Это были целенаправленные поиски следов раннего палеолита в раннеплейстоценовых отложениях.

Первый район расположен на Кусарской наклонной равнине, современный этап развития которой начался в апшероне, когда территория Кусарского блока стала двигаться резко дифференцировано. Северо-восточный край погрузился и превратился в Дербентскую впадину глубиной 800 м. Юго-западный край поднялся и превратился в наклонную равнину, переходящую в платообразные территории с максимальной высотой на горе Большой Сувал (1905 м). Вся территория покрыта мощной толщей (более 300 м) галечников кусарской свиты, относимой к верхнему апшерону.

Обследовались участки в районе плато, замыкающегося вершиной Большой Сувал, включая долины притоков р. Кусарчая, в частности в районе с. Урва.

В районе села, на пункте Урва-1 в галечниках кусарской свиты был обнаружен (in situ) односторонний чоппер. Орудие изготовлено на мелкозернистой гальке V-образной формы темно-серого цвета. Обе стороны плоские, вся поверхность, за исключением рабочего края сохраняет галечную поверхность. Широкий край гальки оформлен разновеликими сколами с одной стороны на рабочем крае следы утилизации в форме эпизодической мелкой ретуши.

Еще два предмета были обнаружены в районе села, на пункте Урва-2. Двухсторонний чоппер из мелкозернистой гальки подчетыреугольной формы темно-серого цвета. Рабочая поверхность с одной стороны оформлена одним средним сколом, с другой – несколькими мелкими сколами, образовавшими ступенчатую поверхность. Второй предмет представляет собой мелкую гальку трапецевидной формы, со следами мелких сколов на узком торце.

Еще один район исследований связан с изучением морских террас бакинского этапа высотой 215-300 м к югу от г. Шабран. Исследованы террасы прорезываемые реками Шабранчай и Гильгильчай. Здесь распространены дислоцированные отложения, которые срезаются отложениями бакинских террас – галечниками с песком. Мощность террасовых отложений 10-15 м.

В отложениях бакинских террас было обнаружено два местонахождения – в районе с. Гильгильчай Сиязаньского района и с. Сурра Шабранского района.

В зоне с. Гильгильчай было обнаружено два предмета. Один из них – плоско вытянутая галька серого цвета. Галька оббита по одной поверхности, но с двух краев, практически по всей длине, с одного края – одним сколом, с другого дополнительно подправлена по всей длине мелкими сколами. Обратная поверхность вся покрыта конгломератом из мелкого щебня с песком.

Интересен второй предмет – двухсторонний чоппер-гигантолит (?). Размер орудия 20x14,2x9,5 см. Крупный желвак светло-серого цвета, покрытый известковой коркой с налипшим местами, на поверхность конгломератом из мелкого щебня с песком. Обработан один край с двух сторон. С одной стороны снят один крупный отщеп, охватывающий половину поверхности и есть следы нескольких мелких негативов пластинчатых сколов, подправляющих лезвие орудия. Со второй стороны было снято несколько последовательных сколов максимальной длиной до 5 см.

Около с. Сурра было обнаружено два предмета. Кремнистый скол беловатого цвета, часть брюшка покрыта известковой коркой. Спинка высокая, с негативами сколов, сформировавшими скребковидный рабочий край.

Второе изделие – двухсторонний, двухплощадочный нуклеус из темно-серого песчаника, подчетыреугольной формы. Естественная корка, покрывающая песчаник, сохранилась только на части одной из поверхностей. Вся остальная поверхность несет следы негативов сколов. На одной из сторон отщепы сняты с противоположных сторон. На обратной стороне – также два негатива скола, но один из них крупный, охватывающий две трети поверхности. В результате этой обработки образовался острый боковой край, а один из торцов подправлен ретушью, вероятно, для использования в качестве рубящего орудия.

Еще один район изысканий связан с обширной территорией, полукольцом (шириной от 15 до 30 км и длиной более 200 км) окаймляющей Карабахское плато и прилегающие к нему с запада хребты, и пересекаемая долинами нескольких рек. Исследования проводились в нижней части долин р. Куручай и параллельной ей р. Кенделанчай в зоне выхода долин к р. Аракс. Район сложен толщей галечников с линзами песков, общей мощностью более 100 м. В песках встречены кости крупных млекопитающих и остатки деревьев. Возраст толщи принимается в диапазоне от верхнего плиоцена до среднего неоплейстоцена. Интерес к району обусловлен тем, что он расположен в 30-35 км от раннепалеолитической стоянки Азых.

Здесь в районе с. Ахмедбейли Физулинского района была собрана самая значительная коллекция – 12 предметов. Среди них выделены нуклеусы, чопперы, скребла, отщепы.

Нуклеус (1 экз.) из светло-серой гальки. Одна сторона покрыта галечной коркой, на второй стороне негативы нескольких сколов.

Чопперы. Всего выделено 5 чопперов, 2 из них – односторонние, 3 – двухсторонние. Четыре орудия – из местных горных пород, одно – из кремня. Один из односторонних

чопперов на плоской гальке – трапецевидной формы, рабочий край его оформлен разновеликими сколами с одной поверхности. Другие чопперы также из местных горных пород как односторонние, так и двухсторонние оформлены на более массивных желваках. Пятый чоппер из светло-серого кремня. Орудие оформлено на первичном сколе. Значительная часть одной стороны орудия покрыта желвачной коркой. Брюшко орудия покрыто патиной. Рабочий край оформлен сколами с двух сторон. Противоположный рабочему лезвию край имеет нерегулярную ретушь утилизации.

Скребла (2 экз.). Оба скребла оформлены на первичных сколах с галек. Одно – на желваке местной породы. Одну из сторон и торец первого орудия покрывает желвачная корка. Рабочий край оформлен на широком утонченном крае средней ступенчатой ретушью. Второе скребло – на гальке светло-серого цвета. Орудие сильно окатано. На противоположной галечной поверхности стороне различимы негативы центростремительных сколов. На одном из краев – мелкая ретушь утилизации.

Отщепы (4 экз.). Два отщепа – из кремня и два – из местных горных пород. Наиболее выразительны два скола: один из светло-серого кремня с ударной площадкой и бугорком, на спинке хорошо читаются негативы предшествующих снятий; второй – представляет собой нуклевидный скол из желтоватого кремня, на брюшке выделяется ударный бугорок, на спинке – негативы предшествующих снятий.

Кулаков¹ С.А., Кулькова² М.А.

¹*Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург*

²*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БОГАТЫРИ/ СИНЯЯ БАЛКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 18-09-00282

Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка входит в состав Таманского палеолитического комплекса, расположенного на южном берегу Азовского моря в районе пос. «За Родину» Темрюкского района, Краснодарского края. Уникальный археологический объект был открыт в 2002 г., когда на палеонтологическом местонахождении Синяя Балка – стратотипе таманского фаунистического комплекса, были найдены каменные артефакты, залегающие *in situ* вместе с костями животных. Планомерные исследования стоянки Богатыри/Синяя Балка проводились 2003-2008, 2011, 2016, 2018-2019 гг. (Кулаков, 2012; 2018а, 2018б; Kulakov, 2019)

Комплексные междисциплинарные исследования Таманского палеолитического комплекса, проведённые в 2014-2019 гг. не только подтвердили первые наблюдения и предположения исследователей комплекса (Shchelinsky et al., 2010), но и дали новые данные для более точного понимания условий и процессов жизнедеятельности первобытных (Тесаков и др., 2019).

Особенно показательны многочисленные палеомагнитные исследования, проведённые в разные годы различными специалистами. Полученные результаты надёжно свидетельствуют пока только о том, что все раннепалеолитические памятники Таманского комплекса располагаются в зоне обратной полярности Матуяма, т.е. древнее 0,773 млн. л. (Тесаков и др., 2019. Табл. 7). Хронологическое соотношение памятников комплекса все еще находится в положении оживленной дискуссии. По некоторым представлениям хронологический разброс между памятниками может быть более 0,5 млн. л., тогда как каменные индустрии всех четырёх стоянок (Богатыри/Синяя Балка, Родники 1, 2, Кермек) составляют единый технологический и морфологический комплекс олдованской стадии раннего палеолита, естественно со своим отличием, обусловленным особенностями местного сырья (Кулаков, 2019; Kulakov, 2019).

Своеобразным подтверждением технологической и морфологической однородности раннепалеолитических индустрий Таманского комплекса стали данные геохимического анализа отложений вмещающих артефакты и таманскую фауну. Основные глинисто-песчаные отложения были сформированы в морских условиях. После интенсивных тектонических процессов, основная толща отложений была деформирована и смята в складки, отложения были смещены по разломам. По данным стратиграфических исследований в основании разреза рассматриваемой части азовского побережья Таманского полуострова выделяется толща I, сложенная верхнекуяльницкими глинами, алевролитами и песками.

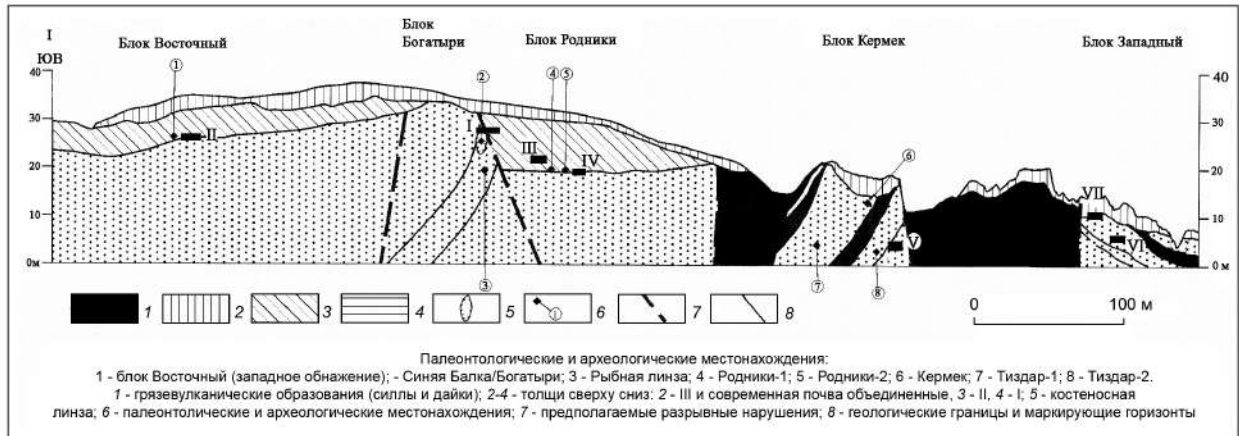

Рис. 1. Геолого-геоморфологическая схема Таманского палеолитического комплекса (по: Тесаков и др., 2019) с добавлениями. I-VII – места отбора образцов на геохимический анализ

В толще содержится фауна солоновато-водных моллюсков и мелких млекопитающих, которые позволяют датировать эту толщу в интервале около 1,8-2,1 млн. л. (Тесаков и др., 2019). По данным геохимических исследований, отложения толщи I были сформированы в небольшом лиманном бассейне, в солоноватых условиях. В глинах серо-коричневого цвета, относящихся к куяльницкому ярусу плиоценового периода, были зарегистрированы повышенная соленость водоема и влияние вулканических процессов на состав отложений.

Светло-серые пески толщи II, залегающие на отложениях куяльницких глин, формировались в слабосоленом водоеме, вероятно, когда бассейн становится более опресненным.

Условия формирования нижней части разрезов отложений в блоке Родники, представленной глинами куяльницкого яруса, по геохимическим данным сопоставимы с глинами в блоке Кермек (рис. 1). Состав желто-серых и светло-серых косослоистых песков указывает на субаэральные условия формирования отложений, с высоким окислительно-восстановительным потенциалом и низкой щелочностью.

Блок Богатыри имеет несогласное залегание по отношению к стратиграфии других отложений и является тектонически перевернутым. Геохимический анализ отложений подтвердил современное понимание стратиграфии стоянки Богатыри/Синяя Балка (Кулаков, 2012).

Слои «0», 1 и 2 – соответствуют отложениям толщи I, «куяльницкого времени», имеют обратную полярность.

Слои 3 и 4 – серо-желтые пески содержат кости и собственно «костеносную толщу» с остатками таманских слонов, кавказских эламотериев и каменными орудиями. Отложения отличаются повышенными концентрациями элементов, которые характеризуют щелочной характер среды. В конце формирования слоев происходит увеличение концентраций элементов показывающих увеличение активности грязевых вулканов. Эти слои соответствуют отложениям толщи II, но имеют обратную полярность.

Слои 5-6 – характеризуются повышенным содержанием элементов указывающих на перемешанный характер отложений, на фоне повышенной деятельности грязевых вулканов.

Таким образом, по данным геохимических исследований серый ожелезненный песок, в котором залегает «костеносная» толща на стоянке Богатыри/Синяя Балка, мог сформироваться в субаэральных, пляжных условиях, когда преобладали окислительные

процессы. Это произошло после формирования отложений косослоистых песков разрезов Родники 1 и 2. В конце формирования толщи песков происходит увеличение концентраций элементов, характерных для тектонической нестабильности и интенсивной вулканической деятельности, что привело в последствие к деформации, отрывам и смещению слоёв толщи II.

После интенсивной тектонической активности этот участок береговой зоны Азовского моря входит в стабильный режим, и начинают формироваться полого залегающие отложения субаэральных песков и глин вулканического генезиса, которые составляют отложения толщи III (рис. 1). Биостратиграфические и геохимические данные подтверждают отнесение этой толщи к среднему плейстоцену.

Литература

1. Кулаков С.А. 2012. Новые данные по стратиграфии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
2. Кулаков С.А. 2018а. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // Археологические вести. № 24.
3. Кулаков С.А. 2018б. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка – пример адаптации древнейших гоминид // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы. Сборник материалов международной научной конференции. Баку.
4. Кулаков С.А. 2018в. Крупные рубящие орудия в индустрии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Записки Института материальной культуры РАН. № 17.
5. Кулаков С.А. 2019. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб.
6. Тесаков А.С., Гайдаленок О.В., Соколов С.А., Фролов П.Д., Трифонов В.Г., Симакова А.Н., Латышев А.В., Титов В.В., Щелинский В.Е. 2019. Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, южное Приазовье // Геотектоника. № 5.
7. Kulakov S.A. 2019. Site du Paleolithique inferieur de Bogatyri / Sinyaya Balka dans la peninsule de Taman, Kraï de Krasnodar, Russie // L'Anthropologie. № 123.
8. Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. 2010. Early Paleolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 223-224.

Леонова Е.В., Стулова Д.И.
Институт археологии РАН, г. Москва

ПЕЩЕРЫ МЕДОВЫЕ (КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ РАЗВЕДОК В.П. ЛЮБИНА 1963 г.)

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 20-09-00388

Пещеры Медовые находятся в 3,5 км к востоку от с. Алтубинал Туапсинского района Краснодарского края, расположены у подножья скального массива, сложенного из песчаника, на борту каньона, образованного ручьем Пчелиный (правый приток р. Пшиш). Три пещеры были открыты В.П. Любиным в 1963 г. (Любин, 1963). Пещеры имеют южную экспозицию. В двух (Медовая 1 и 2) В.П. Любиным были заложены шурфы и получен археологический материал, предварительно датированный концом верхнего палеолита – мезолитом; в верхних слоях также обнаружены фрагменты разновременной керамики, кости животных и железные предметы XX в. Коллекции не были опубликованы, и в 2007 г. В.П. Любин передал их с целью публикации Е.В. Леоновой. В коллекции из пещеры Медовая 1 всего 157 артефактов (включая 50 фр. керамики); коллекция пещеры Медовая 2 оказалась неполной – отсутствует кремневый инвентарь из горизонтов 4-7 (всего 27 предметов по описи В.П. Любина). Таким образом, в нашем распоряжении оказалось 264 изделия из камня, 2 из которых вне стратиграфического контекста, а также фрагменты керамики и фаунистические остатки (табл. 1). В данном исследовании рассматривается только каменный инвентарь.

В качестве сырья на обоих памятниках использовался кремень преимущественно серых оттенков, есть изделия из кремня желтого, белого и темно-красного с коричневыми пятнами. Последний похож на сырье изделий из Ацинской пещеры. Из нижнего слоя пещеры Медовая 1 происходит 1 скребок из обсидиана.

Пещера Медовая 1 находится на высоте 856 м над у.м. (ок. 300 м над уровнем р. Пшиш¹, ок. 140 м над ручьем Пчелиный). В устьевой части был поставлен Г-образный шурф (3 кв. м), полностью вскрывший рыхлые отложения: 1 – черный гумусный слой с корнями, 10-20 см; 2 – белесый плотный цементированный суглинок с щебенкой и обломками песчаника, перекрывающий скальное дно, 15-50 см (Любин, 1963. С. 3).

Из слоя 1 происходят 50 фрагментов разновременной керамики, 3 обломка костей животных и 1 небольшой слабо окатанный фрагмент основания нуклеуса. Находки слоя 2 представлены только изделиями из камня – 107 артефактов. В коллекции имеется фрагмент нуклеуса – сохранилась часть фронта с однонаправленными негативами снятий пластинок и микропластинок и гладкая скошенная площадка; кроме этого 1 подправка площадки и 6 ребристых пластин. Среди сколов: 19 отщепов, 6 осколков, 6 пластин, 11 пластинок. Морфологически невыраженные орудия представлены 11 отщепами с

¹ По приблизительной оценке В.П. Любина, высота над уровнем воды в р. Пшиш составляет 500-600 м (Любин, 1963. С. 3), мы опираемся на полученные Д.И. Стуловой GPS-координаты и данные карт на сервисе Google Earth.

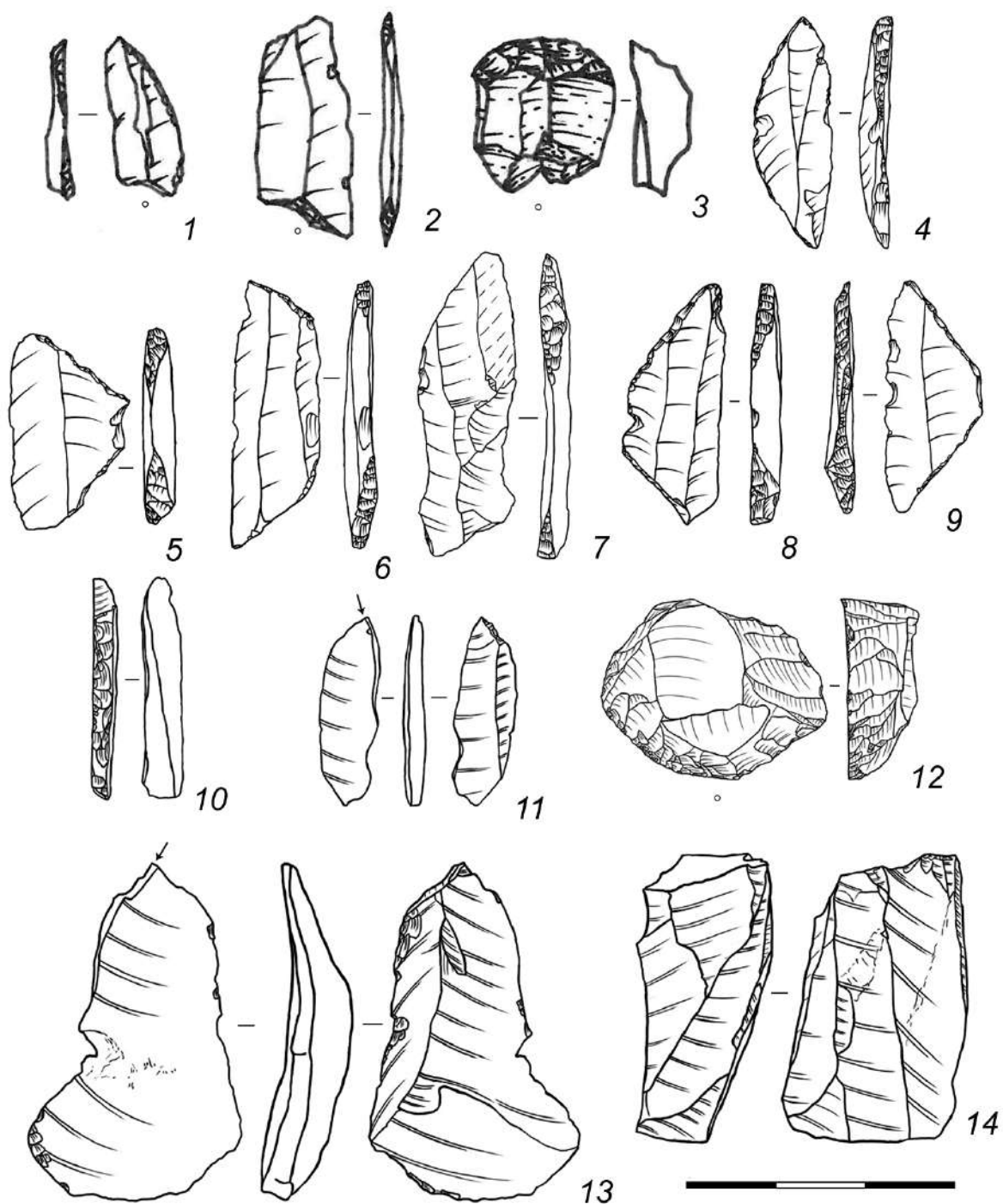

Рис. 1. Пещеры Медовые 1, 2. Кремневый инвентарь: 1-9 – пещера Медовая 2: 1-2 – микролиты, гор. 12, 4 – скребок; 4-9 – микролиты, горизонт 9; 10-14 – пещера Медовая 1, слой 2: 10 – игловидное острие, 11, 13 – резцы, 12 – скребок, 14 – фрагмент нуклеуса

нерегулярной ретушью, 6 пластинами и 16 пластинками со следами утилизации. Скребок – 5 экз.: 4 концевых (2 – на пластинках, заготовка еще двух неясна); 1 подовальный высокий с крутой ретушью по периметру (рис. 1, 12). Резцов – 5 экз. (рис. 1, 11, 13): 3 – косоретушных из пластинок и пластины; 1 – на сломе пластины и еще 1 отщеп с резцовым сколом, пересекающим заготовку по диагонали. Фрагмент пластины с широкой выемкой на краю заготовки – 1 экз. Обломков острий из пластинок – 3 экз.: 1 – со сходящимися краями и 2 фрагмента игловидных с усеченными вертикальной ретушью краем на всю толщину заготовки, сохранившиеся проксимальные концы которых в одном случае прямо усечены вертикальной ретушью, в другом – слегка скошены крутой ретушью по брюшку, а на дистальном конце – резцовый скол утилизации (рис. 1, 10). Фрагментов пластинок с притупленным краем – 2 экз.: пластинка со скошенным вертикальной ретушью дистальным концом, у еще одного фрагмента пластины конец поперечно усечен ретушью. Неопределимых обломков орудий – 4, краевой отщеп резца – 1 и скол подправки лезвия орудия – 1.

Пещера Медовая 2 находится в 140 м к востоку от первой, но значительно ниже – 770 м над у.м. В устьевой части пещеры поставлен шурф 2х1,5 м. Стратиграфия шурфа: 1 – пылеватый буровато-серый суглинок, 20 см; 2 – прослойка буровато-палевого слабо обожженного суглинка с отдельными угольками, 2-3 см; 3 – аналогичный слою 1 с золой и редкими угольками, 10-12 см; 4 – светло-серый пепел с тонкими линзами углей в подошве и линзами буровато-палевого слабо обожженного суглинка, 5-8 см, подстилается отложениями аналогичными прослойке 2; 5 – темно-бурый суглинок с отдельными угольками, 7-15 см; 6 – линза желтовато-палевого обожженного суглинка с углистыми прослойками – 3-10 см; 7 – темно-серый суглинок с золой, мелкими угольками и линзами желтоватого суглинка, 2-5 см; 8 – аналогичен слою 7, но обожжен, 3-15 см, подстилается менее обожженным слоем (8а), 3-18 см; 9 – желтоватый (стерильный) суглинок с тонкими (2-3 см) углистыми прослойками, 80 см. В слоях 7-9 много щебенки, в нижнем – более крупный обломочный материал. В горизонтах 1 и 2 найдены обломки предметов из железа и чугуна (Любин, 1963. С. 6). Рыхлые отложения пройдены до глубины 2,2 м, стратиграфическая колонка до конца не изучена. Вскрытие проводилось по условным горизонтам 15-25 см, не совпадающим с литологическими слоями. Горизонты 11 и 12 соотносятся с углистыми прослойками слоя 9 (Любин, 1963. С. 6-8), материалы их можно считать наиболее гомогенными. Из верхних горизонтов 1-8 происходит весь керамический материал и немногочисленные расщепленные кремни, в т.ч. фрагмент шлифованного долота (горизонты 4/5). Начиная с горизонта 8 количество кремневых находок резко возрастает (табл. 1). В горизонтах 8-10 наиболее многочисленны пластины и пластинки со следами утилизации, при этом во всех горизонтах более широкие заготовки преобладают более чем в 2 раза. Все 7 скребков – концевые из пластин, 1 – укороченных пропорций (табл. 1; рис. 1, 3); из горизонта 8 происходит 2 обломка и 1 целый резец на сломе массивной пластины. Трапеций – 11 экз. (рис. 1, 2, 5-9): все средних (8 экз.) и низких пропорций (3 экз.), с сильно скошенными, иногда слабо вогнутыми концами, таким образом, что при относительно высоких пропорциях микролита, верхнее основание получалось узким, в двух случаях на верхнем узком основании небольшая выемка, еще у одной – мелкая полукрутая ретушь по брюшку. Слабо асимметричная трапеция происходит из горизонта 12 и представляет пластинку с конвергентно сходящимися краями, концы которой усечены вертикальной ретушью (рис. 1, 2). Низкие симметричные сегменты (5 экз.), а также формы со дугообразноскошенными концами, близкие и к сегментам и к трапециям (6 экз.), найдены в горизонтах 9-12 (рис. 1, 1, 4).

Таблица 1. Состав коллекции из пещеры Медовая 2 по горизонтам.
Прим. Каменный инвентарь горизонтов 4/5 и 6/7 дан по описи, приложенной к отчету В.П. Любина (1963).

Наименование	Горизонты									
	1	2	3	4/5	6/7	8	9	10	11	12
Кости животных	28	10	13	4	1	0	0	0	3	0
Фрагменты керамики	6	11	24	11	4	3	0	0	0	0
отбойник	0	0	0			0	0	1	0	0
Нуклевидные обломки	1	0	0			0	1	1	0	0
Сколы подправки нуклеусов	1	0	0			1	3	0	0	1
Отщепы	3	0	3		6	1	12	4	3	3
Осколки	1	0	0			4	0	0	2	1
Пластины	2	0	0	1	18	0	0	3	5	0
Пластинки	2	0	0			3	1	10	2	0
Отщепы с ретушью	0	1	1			2	0	2	1	2
Пластины со следами утилизации	0	4	0			29	51	14	2	12
Скрепки	0	0	0		1	3	3	1	0	0
Резцы	0	0	0			3	0	0	0	0
Долотовидные орудия	1	0	0			0	0	0	0	1
Выемчатые орудия	0	0	0			4	2	3	0	3
Острия игловидные	0	0	0			0	0	1	0	2
Острия со сходящимися краями	0	0	0			0		0	0	0
Трапеции	0	0	0			4	6	0	0	1
Сегменты	0	0	0			0	2	0	2	1
Трапеция или сегмент - ?	0	0	0			0	2	4	0	0
ППК	0	0	1			0	0	0	0	0
Пластинки со скошенным концом	0	0	0			3	0	1	0	0
Тронке	0	0	0			1	0	0	0	1
Пластина с выемкой на основании	0	0	0			0	0	1	0	1
Пластинки с ретушью	0	0	0			1		0	0	1
Обломки орудий	0	0	0	1		1	3	0	0	1
ВСЕГО предметов из камня	11	5	5	2	25	60	85	46	17	32

Таким образом, рассмотренные коллекции содержат разновременные материалы. Наиболее архаично выглядит инвентарь слоя 2 пещеры Медовая 1, где прослеживается сходство с коллекцией слоя 7 пещеры Двойная (Леонова, 2015). Возможно, близки к ним по времени или чуть моложе материалы горизонтов 11 и 12 пещеры Медовая 2. Формы трапеций с выемкой на верхнем основании находят аналогии в горнокрымских памятниках (Бибиков и др., 1994. С. 55). Наличие симметричных трапеций с узким верхним основанием и низких сегментов в горизонтах 8-10 позволяет предварительно отнести материалы к рубежу плейстоцена-голоцена и раннему голоцену.

Литература

1. Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. 1994. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса.
2. Леонова Е.В. 2015. К проблеме хронологии и культурной варибельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре». М. С. 77-87.
3. Любин В.П. 1963. Отчет о работе палеолитического отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2976.

Ожерельев Д.В.

Институт археологии РАН, г. Москва

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТОЯНОК
ПО РАЗДЕЛКЕ ТУШ ЖИВОТНЫХ ЭПОХИ ОЛДОВАНА
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ
(СТОЯНКИ МУХКАЙ II, СЛОЙ 80 И МУХКАЙ IIa)**

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 19-1950057 – «Экспансия»

Группа памятников раннего плейстоцена Айникаб I-VI, Мухкай I-II, Гегалашур I-III была обнаружена в 2005-2006 гг. Х.А. Амирхановым во Внутреннем Дагестане (Акушинский район). Памятники приурочены к раннеплейстоценовым отложениям Акушинской котловины. Одним из объектов, на котором с 2008 г. проводятся интенсивные исследования, является Мухкай II. Благодаря мощности и полноте геологических напластований (свыше 70 м) он содержит многочисленные и многосторонние источники для изучения конкретных научных проблем раннего палеолита.

В ходе разведочных и полномасштабных стационарных раскопок на Мухкай II установлено наличие свыше 100 литологических слоев, в 34 из которых были обнаружены археологические находки. Культурные слои представлены на всех уровнях отложений – от самых древних (~2 млн. л.н.) и до самых молодых (~0,9-0,8 млн. л.н.), характеризую культуру олдована на протяжении более 1 млн. л. Одними из важных отдельных стоянок в пределах памятника Мухкай II являются Мухкай II, слой 80 (М.ИИ, сл.80) и Мухкай IIa (М.ИИa). Стоянки содержат уровни обитания древнего человека, сохранившиеся *in situ*. Культурные слои на них имеют мощность до 10 см (вне водотоков), содержат как обработанные каменные изделия, так и многочисленные костные останки млекопитающих. Стоянки расположены в средней части культуросодержащей толщи Мухкай II на глубине соответственно 33,5-34,20 м и 37,7-39,0 м от условного нулевого уровня. Расстояние между объектами – 44 м. Археологические раскопки на них проводились соответственно в 2010-2012 и в 2013-2015, 2017 гг. Памятники имеют единую стратиграфическую позицию в толще Мухкай II, их культурные слои приурочены к пачке суглинков мощностью около 1,8 м. Всего на каждом из пунктов фиксируется по три уровня обитания, которые хронологически коррелируются между собой и имеют схожую пространственную структуру. На обеих стоянках было обнаружено большое количество костей животных (305 ед. – М.ИИ, сл.80 и около 3000 ед. – М.ИИa). Коллекции каменного инвентаря насчитывают соответственно 1094 ед. (М.ИИ, сл.80) и 810 ед. (М.ИИa). При сравнении коллекций этих стоянок с материалами стоянок-мастерских из других слоев памятника Мухкай II (например, слои 4-7, 25, 74, 117 и т.д.) отмечаются общие признаки, которые, в первую очередь, указывают на их соответствие единой культуре олдована, во-вторых, говорят о некоторой фациальной специфике в рамках этой культуры. Принадлежность к олдовану определяет стратегия на получение средних и мелких (<5см)

отщепов для изготовления орудий, наличие орудий категорий чопперов, пиков, некрупных ретушированных орудий (скребла, скребки, ножи, долотовидные, орудия с выемками и шипами, отщепы и обломки с ретушью и др.), отсутствие бифасов и протобифасов. Фациальная специфика устанавливается незначительным количеством чопперов и пиков, статистическим преобладанием ретушированных орудий на мелких отщепах и обломках, минимальным количеством стандартизированных форм нуклеусов, большим количеством обломков, в т.ч. со сколами. Указанные особенности каменного инвентаря, видимо, отражают своеобразие стоянок и их функциональный тип.

Стоянки Мухкай II, слой 80 и Мухкай IIa не являются стоянками-мастерскими или местами постоянного обитания древнего человека (*home base*). Скорее, это периодически посещавшиеся места у берегов водоема, служивших, в т.ч., и водопоями для млекопитающих, где происходила разделка туш крупных млекопитающих и добыча мясной пищи. Согласно классификации памятников раннего палеолита они могут быть определены как разновидности стоянок типа *butchering site* (другое несколько устаревшее название *kill site*). При этом определение *butchering site* понимается не в узком смысле (Leakey, 1972), а в более расширенной интерпретации (Domínguez-Rodrigo, 2008. P. 948-953).

Определяя стоянки М.II, сл.80 и М.IIa в качестве *butchering site*, следует отметить, что характер хозяйственной деятельности на них функционально несколько различался. Отличия фиксируются в категориальном и статистическом представительстве каменных коллекций, в составе фаунистических останков и в некоторой степени в ландшафтной позиции стоянок. При равной площади вскрытых участков, на стоянке М.IIa была обнаружена большая коллекция костей животных, превышающая количественно почти в 10 раз фаунистическую коллекцию из М.II, сл.80. В каменном инвентаре же отмечается не только меньшее количество, но, что важно, минимальное число и типологическая невыразительность орудийного комплекса, который содержит менее 55 предметов. Состав орудий включает, главным образом, отщепы и обломки с ретушью. На стоянке М.II, сл.80 каменный инвентарь включает 99 орудий, среди которых содержатся как чопперы, пики, так и типологически разнообразные другие формы орудий, демонстрирующие большее функциональное разнообразие. Исходя из этих данных, допускается, что на стоянке М.IIa производилась первичная и фрагментарная добыча туш животных, сама стоянка находилась ближе к берегу водоема (озера, залива, эстуария) и подвергалась более частому и/или длительному затоплению. Этот факт влиял на сравнительно кратковременный характер ее посещения. Стоянка же М.II, сл.80 расположена на более высоком гипсометрическом уровне, и вероятно, подтопление ее происходило менее интенсивно. Более низкая обводненность стоянки проявилась в относительно долговременном ее посещении. Об этом говорит высокая степень утилизации частей скелетов и присутствие значительного набора каменного инвентаря, использовавшегося для обработки туш животных.

Литература

1. Domínguez-Rodrigo M. 2008. Butchery and kill sites // Pearsall D.M. (ed.). Encyclopedia of Archaeology. New York.
2. Leakey M.D. 1971. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I & II, 1960-1963. Cambridge.

Таймазов А.И.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУРЫ
ФИНАЛЬНОГО ЭОПЛЕЙСТОЦЕНА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА
(ПО ДАННЫМ РАСКОПОК СТОЯНКИ МУХКАЙ 1 В 2018-2019 гг.)**

Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-09-40026 «Древности»

Памятники эоплейстоцена Центрального Дагестана Айникаб 1-2, Мухкай 1-2, Гегалашур 1-3 были открыты Х.А. Амирхановым в 2005-2007 гг. (Амирханов, 2007). Они расположены на высоте 1500–1600 м над уровнем моря в среднегорной зоне недалеко друг от друга и в единых геолого-геоморфологических условиях. Стоянки приурочены к рыхлым отложениям, слагающим кровлю водораздела рек Акуша и Усиша. Разрезы некоторых из памятников уникальны для эоплейстоцена по мощности их культурных напластований и своему хронологическому охвату. Толщина отложений, к примеру, на стоянке Мухкай 2 составляет 73 м, на стоянке Мухкай 1 – 65,5 м. Возраст этой толщи на основе многочисленных естественнонаучных данных установлен в диапазоне, примерно, от 2,3 млн л.н. (но не менее 1,95 млн л.н.) до 0,8 млн л.н. (Амирханов, 2016. С. 67-77). Культурные слои залегают на разных уровнях эоплейстоценовых отложений, включая нижнюю часть разрезов исследованных памятников. Таким образом, эоплейстоценовые памятники Центрального Дагестана предоставляют уникальные возможности для изучения различных проблем раннего палеолита и характеристики каменной индустрии изучаемого региона на протяжении практически всего эоплейстоцена.

Полевые исследования 2018 и 2019 гг. были направлены на получение статистически значимых коллекций из отложений, датированных концом эоплейстоцена. С этой целью проводились раскопки на широкой площади верхней пачки слоев на стоянках Мухкай 1 и Мухкай 2. Задача раскопок состояла в получении материалов для выяснения технико-типологических характеристик индустрии данного региона в конце эоплейстоцена (0,99-0,8 млн л.н.) и определения стадийного статуса культуры, представляемой слоями верхней пачки отложений.

На стоянке Мухкай 1 раскоп был заложен в виде врезки в склон от самого верха памятника. За два года полевых работ он был углублен на 6 м. Общая площадь раскопа составила около 80 кв. м. Раскопками вскрыто 25 литологических слоев, в 19 из них обнаружены кремневые изделия. Находки, в основном, залежали в слоях пролювиального генезиса, состоявших из крупнообломочных фракций известняка разной степени окатанности. Каменные изделия в этих слоях, по всей вероятности, находятся не в первоначальном залегании, а были перемещены временными водотоками на небольшое расстояние с других уровней. Однако работы последних двух лет на памятнике выявили наличие и не переотложенных культурных горизонтов, где обработанные кремневые изделия залежали *in situ* в слоях мелкозема. Важным является обнаружение на памятнике отрезка палеореки, на берегу которой осуществлялась деятельность людей, обитавших здесь в один из моментов

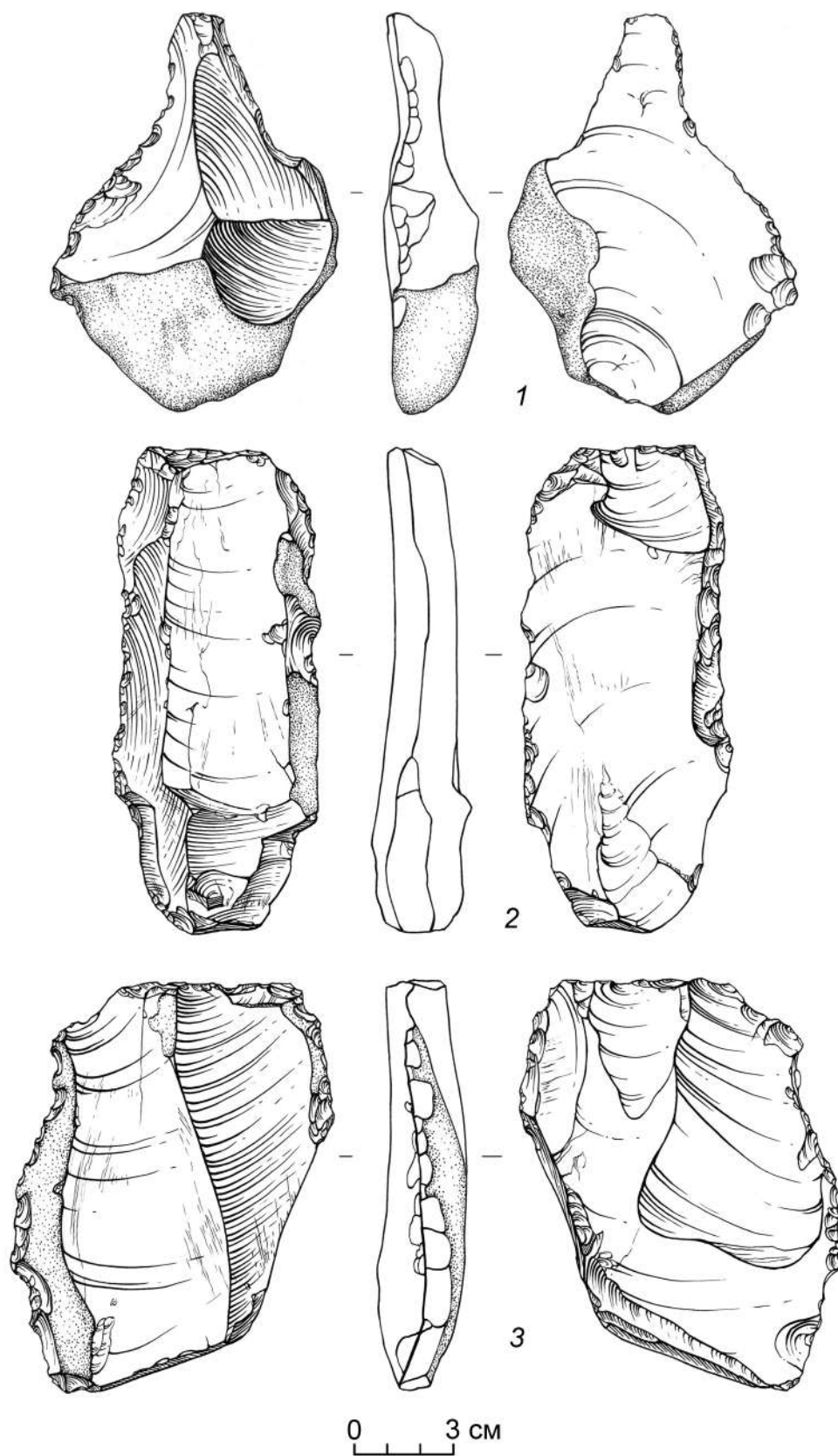

Рис. 1. Стоянка Мухкай 1. Образцы кремневых орудий: 1 - скребок с узким выделенным лезвием, 2, 3 - ножи. 1, 2 - слой 4, 3 - слой 3.

накопления культурных отложений. Участок, по всей вероятности, этого же русла был выявлен примерно на одинаковом гипсометрическом уровне и на стоянке Мухкай 2.

В ходе раскопок 2018-2019 гг. на стоянке Мухкай 1 во всех горизонтах найдено 3804 находок. Из них к зоплейстоцену относится 3756 предмета. 48 изделий из покровного почвенного слоя относится к более позднему времени. Распределение находок в слоях неравномерное. Выделяются горизонты с особо плотным залеганием археологического материала. К таковым относятся, например, слои 1д, 1л, 2, 4, 5, 5б и 8. Все изделия изготовлены из местного мелового кремня различных оттенков серого цвета. В кремневой коллекции представлено все многообразие каменной индустрии, начиная от первоначальных этапов раскалывания до широкого спектра изделий с вторичной обработкой и дебитажом.

Группа первичного раскалывания представлена выразительной серией нуклеусов (49 экз.), нуклевидными обломками (56 экз.), отщепами (644 экз. без учета орудий) и их обломками (190 экз.). Для получения сколов использовались желваки, обломки желваков и обломки кремня. Нуклеусы, в основном, крупные. Размеры самых крупных: 17×37×20 см, 31×13×15 см, 26,5×18×9 см. Наиболее мелкие экземпляры нуклеусов имеют размеры в пределах 5-7 см. Нуклеусы, в основном, не обработаны и не оформлены. Ударной площадкой служили естественные поверхности кремня, часто покрытые коркой, плоскости раскалывания этих отдельностей и негативы предшествующих сколов. Подготовленные и подправленные площадки встречаются редко. В полученной коллекции выделяются следующие разновидности нуклеусов: однонаправленного скалывания с плоской рабочей поверхностью, однонаправленного скалывания с двумя смежными рабочими поверхностями, однонаправленного скалывания с полукруглой рабочей поверхностью, торцевого типа скалывания и веерообразные. Наблюдается тенденция к раскалыванию уплощенных желваков и плитчатых отдельностей породы по длинной оси. Такой способ обработки предполагает получение крупных и удлиненных заготовок. Крупные отщепы (>10 см) представлены практически во всех раскопанных горизонтах верхней пачки. В нижних, более древних пачках памятника с типично олдованской культурой основной целью расщепления было получение мелких и средних отщепов.

Орудия многочисленны (625 экз. или 16,64 % всей коллекции) и разнообразны. Среди основных категорий представлены чопперы различных типов, пики трехгранные и плоские, пиковидные изделия, орудия со стержневидным концом, долотовидные орудия, унифас, скребла, скребки простые и с щипом, скребки высокой формы, ножи с различными видами обушков и ножи с поперечным лезвием, орудия с узкой и широкой ретушированной выемкой, шиповидные орудия, мелкие острия, отбойники, наковальня. Единично встречаются грубые (нестандартизованные) формы, близкие к бифасам.

Заготовками для крупных орудий служили, в основном, желваки и обломки кремня. Однако, наблюдается систематическое использование в качестве заготовок для чопперов, пиков, долотовидных орудий крупных отщепов. В каменной индустрии из верхней пачки отложений стоянки Мухкай 1 появляются ножи (рис. 1, 2, 3), скребла, скребки с выделенным лезвием (рис. 1, 1) и орудия с выемками, изготовленные на крупных отщепах. Общее количество орудий на крупных отщепах в полученной коллекции составляет 82 предмета. Для мелких орудий, в основном, использовались отщепы. Обломки желваков и кремня небольших размеров, широко употребляемые в качестве заготовок в слоях нижних пачек, здесь используются гораздо реже.

Общая оценка каменного инвентаря, происходящего из верхней части толщи многослойной стоянки раннего плейстоцена Мухкай 1, свидетельствует об их принадлежности

к стадии, которая характеризует переход от олдована к ашелю (Амирханов, Таймазов, 2019). В технико-типологическом отношении индустрия, определяемая как переходная характеризуется такими показателями, как появление и систематическое использование в качестве заготовок крупных (>10 см) отщепов и соответствующих им по размерам нуклеусов, возникновение элементов бифасиальной обработки, сокращение в общем составе инвентаря заготовок в виде обломков и желваков относительно отщепов, возникновение приема подживления лезвия крупных режущих орудий снятием, близким к плоскому резцовому сколу, возникновение протобифасов, расширение типологического разнообразия чопперов, появление тенденции к измельчению пиков и пиковидных изделий, возникновение категории крупных ножей (Амирханов, Таймазов, 2019. С. 24-27).

Литература

1. Амирханов Х.А. 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.
2. Амирханов Х.А. 2016. Северный Кавказ: начало преистории. М.
3. Амирханов Х.А., Таймазов А.И. 2019. Раннеплейстоценовая крупнотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус // КСИА. Вып. 254. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.13-33>

Успенская О.И.

Институт археологии РАН, г. Москва

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ РАСКОПОК В.П. ЛЮБИНА ПЕЩЕР МЕДОВЫЕ 1, 2 В 1963 г.

Пещеры Медовые 1, 2, расположенные к востоку от с. Алтубинал Туапсинского района Краснодарского края, были открыты палеолитическим отрядом СКАЭ ИА АН СССР под руководством В.П. Любина. [Характеристике коллекции каменных находок из раскопок 1963 г. пещер Медовые 1, 2 посвящена статья Е.В. Леоновой и Д.И. Стуловой в настоящем сборнике].

В пещере Медовая 1 шурфом была вскрыта полная стратиграфия отложений до скального основания и выделены два литологических слоя (Любин, 1963. С. 3). В нижнем, втором слое, обнаружены изделия из камня, которые предварительно можно отнести ко времени поздней поры верхнего палеолита – мезолита. Коллекция каменного инвентаря насчитывает 107 изделий, присутствуют все основные категории. Орудийный набор представлен скребками, резцами, остриями, выемчатыми орудиями, геометрические микролиты отсутствуют. Наиболее многочисленны сколы без вторичной обработки, со следами использования и участками нерегулярной ретуши.

В пещере Медовая 2 шурфом была прослежена стратиграфия отложений до глубины 2,2 м. Выделены 9 литологических слоев, содержащих разновременные и, видимо, разнокультурные археологические материалы мезолитического облика. Культурные отложения исследовались условными 12 горизонтами, которые невозможно точно соотносить с литологическими слоями (Любин, 1963. С. 5).

Коллекция каменного инвентаря из пещеры Медовой 2 насчитывает 295 изделий по отчету В.П. Любина, в нашем распоряжении оказалось 263 предмета. Состав коллекции отражает полный цикл производства и использования орудий. Подавляющее число находок приходится на горизонты 8-10. Почти половину всех изделий из кремня составляют пластинчатые заготовки, в т.ч. со следами использования. Орудийный набор представлен скребками, резцами, выемчатыми и долотовидными орудиями, остриями различных форм, а также геометрическими микролитами в виде трапеций и сегментов, единично встречены пластинки с притупленным краем. Наблюдается определенная закономерность в распределении различных форм геометрических микролитов: в горизонте 8 встречены только трапеции; в 9-12 – трапеции вместе с сегментами, а в горизонте 11 обнаружен сегмент архаичного облика (Любин, 1963. С. 10-11).

В рамках трасологического анализа все изделия из камня (включая морфологически выраженные орудия и заготовки без вторичной обработки) просматривались под микроскопом полностью, вне зависимости от наличия/отсутствия признаков функционального макроизноса, использовалась традиционная методика (Щелинский, 2015. С. 31-51). В процессе анализа фиксировались и описывались не только следы работы и аккомодации на орудиях, но и следы повреждений поверхности артефактов.-

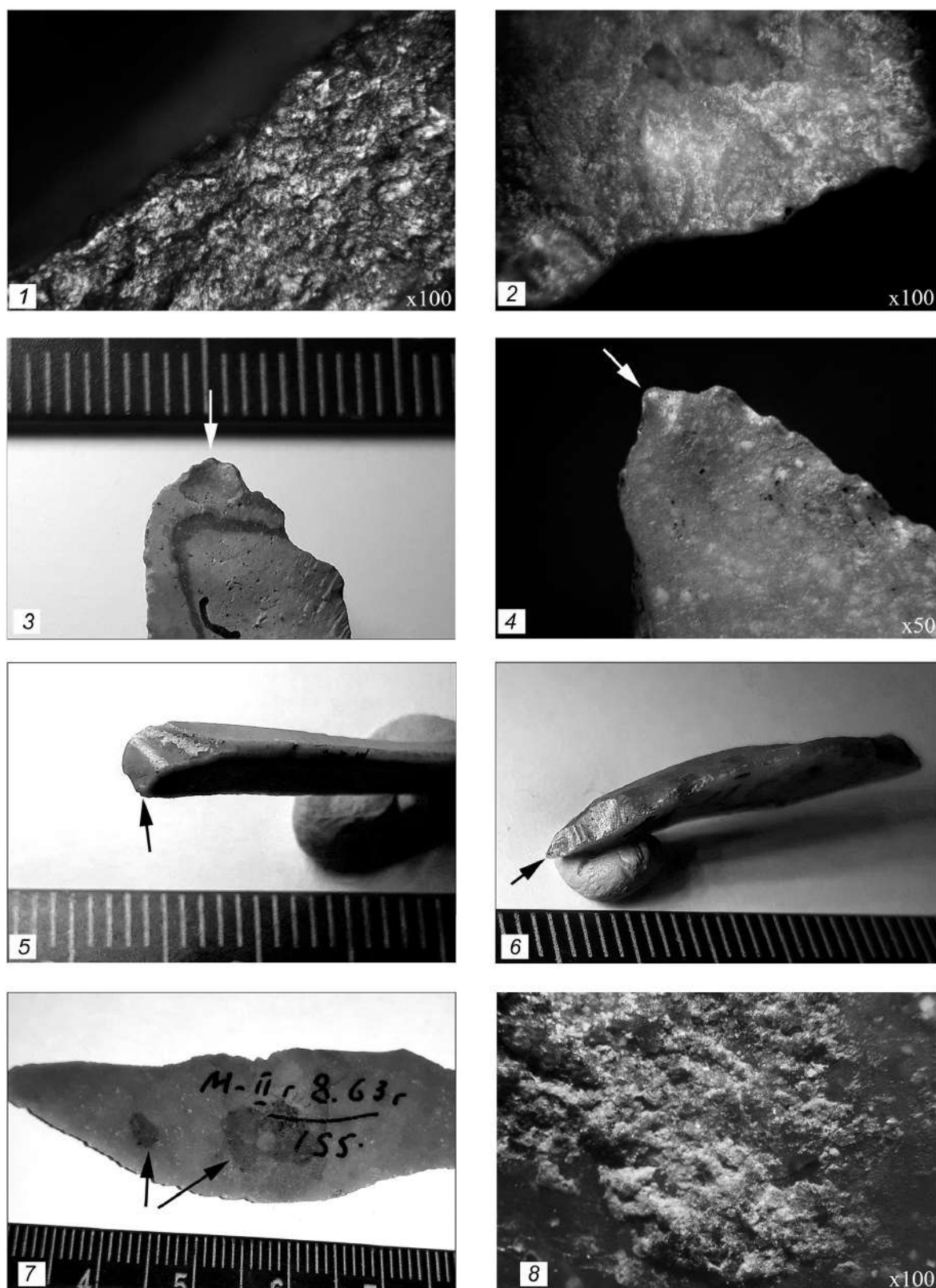

Рис. 1. Следы на поверхности каменных изделий из пещер Медовых 1 и 2: 1,2 – повреждения поверхности (люстраж и патина); 3-6 – повреждения, связанные с металельным износом, на геометрических микролитах и остриях; 7,8 – остатки предположительно органических клеев на орудиях.

Среди 107 изделий из камня, происходящих из слоя 2 пещеры Медовая 1, следы работы были обнаружены на 46 артефактах (43%). На орудиях часто фиксировалось по несколько рабочих лезвий, общее число орудий с учетом всех рабочих лезвий – 61. На 26 предметах (24%) следов работы не зафиксировано: Остальные предметы имеют повреждения, связанные с наличием неутилитарного износа, распространенного по поверхности частично или полностью – 23 ед. (22%), а также с термическими повреждениями – 10 ед. (9%) (Рис. 1, 1). Всего 2 предмета имеют признаки незначительной окатанности (2%).

По комплексу микро- и макроследов определены следующие функции орудий: скобление/строгание/резание кости/рога (38% от всех орудий), мелкие операции (строгание/резание/пиление/скобление) по обработке свежего дерева (26%); вооружение в виде колющих наконечников стрел и вкладышей составного охотничьего вооружения, роль которых выполняли острия и пластинки (13%); ножи для разделки охотничьей добычи и резания мяса (15%), а также орудия для резания и скобления шкур/кож (8%).

Из 263 каменных изделий пещеры Медовая 2 следы работы были обнаружены на 110 артефактах (42%). Поверхность еще 35 предметов (13%) не несла следов работы. На остальных 118 предметах предполагаемые следы работы перекрыты повреждениями поверхности различного генезиса, связанными со следами неутилитарного износа (40 ед., 15%), термическими повреждениями (40 ед., 15%), а также патинированностью поверхности – 38 предметов (14%), которая встречается на изделиях, начиная с горизонта 8, и достигает наибольшего распространения в горизонтах 9-10 (рис. 1, 2). В коллекции каменного инвентаря пещеры Медовая 2 присутствуют все основные функциональные группы орудий: преобладают изделия для обработки твердых органических материалов (кости/рога и дерева), значительное количество пластинчатых заготовок использовалось для разделки охотничьей добычи и резания мяса, а также обработки шкур.

Группа вооружения включает всего 25 орудий из всех горизонтов с диагностирующими признаками метательного износа, выявленными как на морфологически выраженных орудиях (игловидных остриях, сегментах, трапециях), так и на пластинчатых сколах без вторичной обработки (рис. 1, 3-6). В коллекции присутствуют различные функциональные типы наконечников стрел и составного вооружения. Доминируют косолезвийные формы (15 ед.), вкладышей составного вооружения – 4 экз., поперечнолезвийных – 3 и колющих – 3 экз. Примечательно, что поперечнолезвийные формы вооружения не встречены ниже горизонтов 8-9 и связаны с использованием высоких трапеций; начиная с горизонта 10, распространена косолезвийная ориентация наконечников/составного вооружения, в качестве которых использовались низкие трапеции и сегменты. Схожая закономерность была прослежена в материалах пещеры Двойной (Александрова, Леонова, 2017. С. 255-270). Присутствуют специфические приемы оформления геометрических микролитов: на нескольких трапециях зафиксирован прием оформления единичной выемки или мелкой подтески по верхнему основанию, видимо, для крепления наконечника в насаде или оправе. Аналогии описываемым формам можно встретить в материалах памятников финального палеолита и мезолита Горного Крыма: навесы Фатма-коба (слой 4) и Шан-коба (слой 3) (Бибиков и др., 1994).

На поверхности части предметов из пещер Медовые 1, 2 были обнаружены следы предположительно органических клеев и отпечатки обмотки, имеющие структуру и различную цветность, их расположение согласовывается с аккомодационными частями орудий (рис. 1, 7,8). Описываемые следы имеют аналогии в материалах пещеры Двойная (Александрова и др., 2014. С. 2-12).

В результате трасологического анализа изделий из камня из пещер Медовые 1, 2, были получены данные, позволяющие охарактеризовать изучаемые стоянки как неспециализированные с выраженной охотничьей направленностью и полным циклом производственной деятельности, связанной с выполнением бытовых операций по утилизации охотничьей добычи, а также изготовлению орудий из органических материалов и обработкой шкур/кожи.

Литература

1. Александрова О.И., Киреева В.Н., Леонова Е.В. 2014. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя пещеры Двойная // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (60).
2. Александрова О.И., Леонова Е.В. 2017. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // *Stratum Plus*. № 1.
3. Бибииков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. 1994. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса.
4. Любин В.П. 1963. Отчет о работе палеолитического отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2976.
5. Щелинский В.Е., 2015. Трасологический метод изучения функций первобытных изделий: следы износа на орудиях, их интерпретация и информативные возможности. Археологические вести. Вып. 21. СПб.

Фёдорова А.Ю.

МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЯХ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 20-09-00388

Пещера Двойная – многослойный памятник каменного века, расположенный в Губском ущелье, в 9 км от ст. Баракаевская Мостовского района Краснодарского края. Культурные слои пещеры относятся к эпохам палеолита (литологический слой 7) и мезолита (литологические слои 4-6). Для раннемезолитического слоя получены радиоуглеродные датировки от 8,9 до 11,8 тыс. л.н. (Леонова, 2015. С. 80-81).

Коллекция каменного инвентаря раннемезолитического слоя пещеры (литологический слой 6) насчитывает ок. 3 тыс. предметов, позднемезолитического (литологические слои 4, 5) – ок. 4,5 тыс. предметов. Незначительная часть каменных артефактов залегала в слоях, перекрывающих слой 4, предположительно переотложенных из нижележащих слоев (Леонова, 2015. С. 82). В ходе технологического анализа учитывался лишь тот инвентарь, который можно надежно связать со слоями мезолитического времени.

Технологический анализ указанных каменных индустрий был проведен на основании разработок ряда исследователей (Гиря, 1997; Inizan et al., 1999; Andrefsky, 2009). Определение техник расщепления базируется на параметрах пластинчатых сколов и нуклеусов, выделенных в работах Е. Гири, П. Волкова (Гиря, Волков, 1990), Ж. Пелеграна (Pelegrin, 2003; 2006; 2012), Дж. Кларка (Clark, 2012), П. Аллара, Л. Кларика, Б. Громадовой (Allard et al., 2017).

Состав коллекций позволяет реконструировать различные этапы производственной цепочки. Здесь представлены блоки сырья, нуклеусы, технические сколы оформления и подправки нуклеусов, отщепы, пластины, пластинки и микропластинки, орудия, осколки, чешуйки. Очевидно, значительная часть производственных операций осуществлялась непосредственно на стоянке.

Основным сырьем служил местный коричневый и серо-коричневый кремний невысокого качества (грубозернистый, с включениями). Также на стоянке использовали более качественный кремний желтых, белых и светло-серых оттенков, выходы которого имеются в 15-35 км от пещеры (Любин, Беляева, 2006. С. 86). Встречаются единичные изделия из обсидиана.

Морфологически выраженные орудия мезолитических слоев представлены следующими категориями: скребки, резцы, выемчатые и зубчато-выемчатые орудия, острия, ППК и МППК, геометрические микролиты, перфораторы и проколки, стамески, комбинированные орудия, пластины с ретушью. Наиболее яркое различие между разновременными индустриями заключается в формах геометрических микролитов. В раннемезолитическом слое преобладают сегменты, тогда как в позднемезолитическом – трапеции (Александрова, Леонова, 2017. С. 266).

В коллекциях обоих культурных слоев преобладают морфологически выраженные орудия из пластинчатых заготовок. Предпочтение отдавалось пластинкам и пластинам

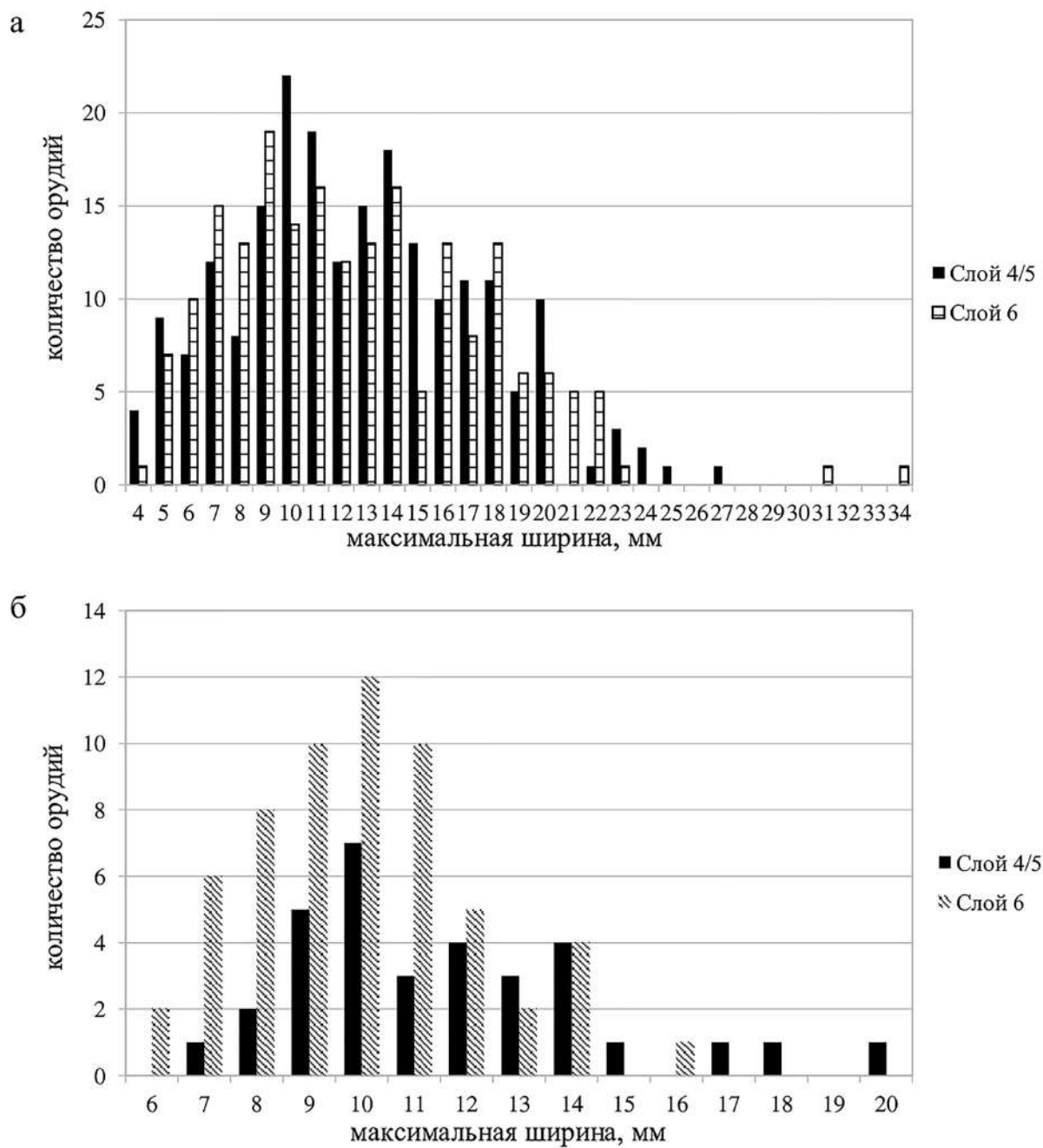

Рис. 1. Метрические параметры пластинчатых заготовок морфологически выраженных орудий из раннемезолитического (слой 6) и позднемезолитического (слой 4/5) слоев пещеры Двойная: а – заготовки орудий всех категорий, б – заготовки геометрических микролитов

шириной до 20 мм как в раннем, так и в позднем мезолите (рис. 1, а). Единичные орудия из раннемезолитического слоя сделаны из пластин шириной св. 30 мм, в позднемезолитическом слое такие орудия не зафиксированы. Изначальную ширину заготовки для сегментов определить невозможно из-за вторичной обработки, но ширина орудий укладывается в интервал от 7 до 11 мм. Схожие данные получены и для трапеций из верхнего слоя, но в данной выборке пока можно определить более узкий интервал ширины заготовок для трапеций – 9-10 мм, характерный для большинства этих микролитов (рис. 1, б). Отщепы, обломки, осколки и нуклевидные куски также использовались в качестве заготовок для орудий. В частности, из отщепов, обломков и нуклевидных кусков изготовлено большинство долотовидных орудий из слоя 4/5.

Одним из ключевых вопросов мезолитического времени на Северо-Западном Кавказе является вопрос о появления отжимной техники. В ходе анализа материалов из позднемезолитического слоя пещеры Двойная были выявлены подконические нуклеусы высотой 30-40 мм, использовавшиеся для скалывания микропластинок (шириной 5-8 мм). Поверхность расщепления таких нуклеусов отличается высокой степенью регулярности. Фасетированные площадки расположены под углом 90° и более к поверхности расщепления. Эти признаки указывают на использование отжимной техники расщепления. Примечательно, что для изготовления таких нуклеусов использовался только приносной высококачественный кремний светло-серых и жёлтых оттенков.

В коллекции 4/5 слоя представлены тонкие пластинки шириной 4-8 мм с прямым профилем и регулярной огранкой дорсальной поверхности, скалывавшиеся с подконических нуклеусов. Такого рода пластинки могли быть изготовлены ручным отжимом (Pelegriñ, 2012. P. 468-469). Для более крупных пластинок (шириной св. 8 мм) использование данной техники не зафиксировано. Более широкие регулярные пластинки массивнее либо являются изогнутыми в профиле. Вероятно, они получались преимущественно путем удара через посредник. Характерно то, что размеры геометрических микролитов не соответствуют метрическим параметрам отжимных заготовок. Среди материалов раннемезолитического слоя примеров использования техники отжима не выявлено.

Таким образом, на данном этапе исследования удалось установить, что, несмотря на сходство метрических параметров заготовок орудий из обоих рассматриваемых слоев, техника ручного отжима реконструируется лишь для микропластинок и пластинок позднемезолитического времени.

Литература

1. Александрова О.И., Леонова Е.В. 2017. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // *Stratum plus*. № 1.
2. Волков П.В., Гиря Е.Ю. 1990. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск.
3. Гиря Е.Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда Ч. 2). СПб.
4. Леонова Е.В. 2015. К проблеме хронологии и культурной вариативности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». М.

-
-
5. Любин В.П., Беляева Е.В. 2006. Ранняя преистория Кавказа. СПб.
 6. Allard P., Klaric L., Hromadová B. 2017. Obsidian blade debitage at Kašov-Čeregov I (Bükk culture), Slovakia // *Bulgarian e-Journal of Archaeology*. Vol. 7.
 7. Andrefsky W.Jr. 2009. The Analysis of Stone Tool Procurement, Production, and Maintenance // *Journal of Archaeological Research*. 17.
 8. Clark J.E. 2012. Stoneworkers' Approaches to Replicating Prismatic Blades // *The Emergence of Pressure Blade Making: from Origin to Modern Experimentation* (ed. P.M. Desrosiers). New York.
 9. Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. 1999. *Technology and Terminology of Knapped Stone*. Nanterre.
 10. Pelegrin J. 2003. Blade making techniques from the Old World: insights and applications to Mesoamerican obsidian lithic technology // K.G. Hirth (Ed.). *Mesoamerican Lithic technology: Experimentation and interpretation*. Salt Lake City.
 11. Pelegrin J. 2006. Long blade technology in the Old World // *Skilled Production and Social Reproduction: Aspects of Traditional Stone-tool Technologies: Proceedings of Symposium in Uppsala, August 20-24, 2003*. Uppsala.
 12. Pelegrin J. 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // *The Emergence of Pressure Blade Making: from Origin to Modern Experimentation* (ed. P.M. Desrosiers). New York.

АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Албегова (Царикаева)¹ З.Х., Шайблекер² М.

¹*Институт археологии РАН, г. Москва*

²*Университет Людвига и Максимилиана, г. Мюнхен, Германия*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТРЕХНОГИХ СТОЛИКОВ КАВКАЗА

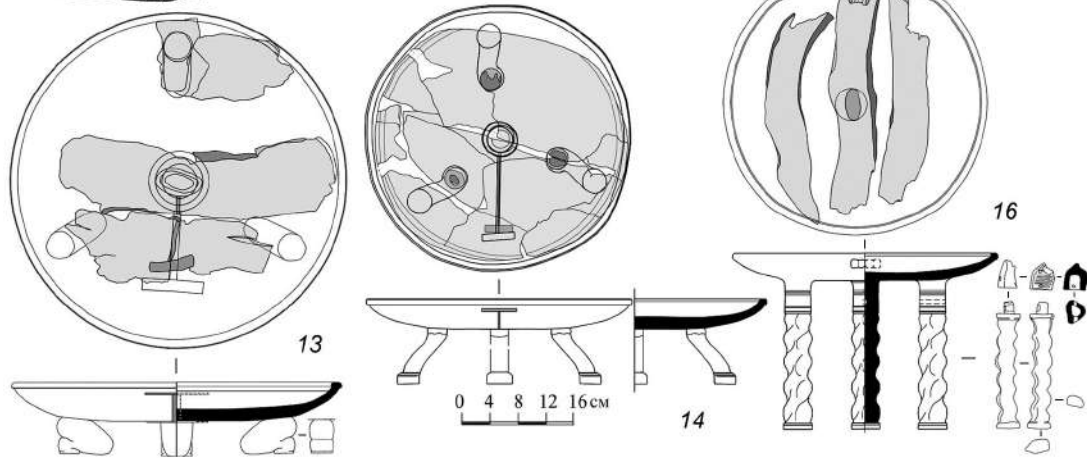
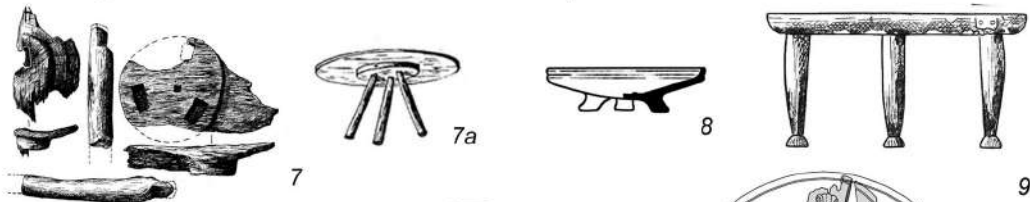
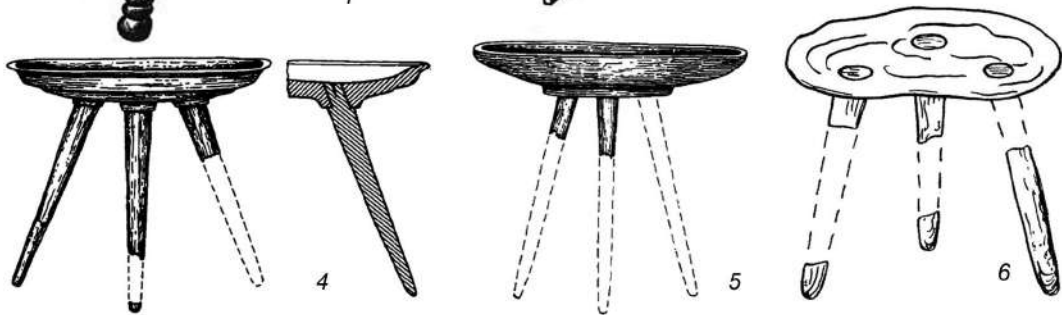
О деревянных столиках с круглой столешницей с бортиком, на трех съемных ножках, распространенных на Северном Кавказе и далеко за его пределами, неоднократно писалось (Гаджиев, Давудов, 2010; Туаллагов, 2015; Албегова, Малашев, 2018; и др.) (рис. 1). Авторы пытались проследить историю возникновения и эволюции этого предмета в регионе по археологическим данным. Ближайшие археологические аналогии этих столиков найдены в катакомбных погребениях аланской культуры VIII-XII вв. (Архон, Даргавс, Кольцо-гора, Рим-гора, Хасаут: рис. 1, 4-7). Диаметры столешниц большинства столиков около 38-40 см (в одном случае 30 см). В центральной части, в местах крепления ножек, нижняя часть столешниц, как правило, толще. Длина сохранившихся ножек – 27-30 см. Хотя эти столики предполагали наличие стульев или табуретов, они не были столами в современном понимании – это также были блюда, только на высоких ножках (Уарзиати, 1995. С. 108).

На раннем этапе аланской культуры (III в.) известны и керамические модели столиков (Албегова, Малашев, 2018).

Первая находка трехногого столика на Северном Кавказе происходит из подкурганного погребения скифского времени у с. Нартан (рис. 1, 9). Специалисты датируют погребение суммарно сер. VII-VI в. (Батчаев, 1985. С. 51, 52; Албегова, Малашев, 2018. С. 28, 29). Столик бронзовый. Диаметр столешницы ок. 35 см, высота бортика – 3 см, высота столика с бортиком – 17-18 см. В обряде и инвентаре погребения элементы кобанской культуры переплетались с переднеазиатскими.

Исследования эволюции данного типа столиков уводят нас все дальше в древность. Древнейшие деревянные блюда с круглой столешницей на трех ножках высотой (с бортиком) 12-30 см и диаметрами столешницы от 46 до 58 см встречены в кургане № 3 Ананури

Рис. 1. Трехногие столики: 1, 2 – осетинские столики-фынги (по: Калоев, 2004); 3 – аварский столик-tlutI (по: Дебилов, 1982); 4 – могильник Рим-гора, катакомба № 48 (по: Рунич, 1970); 5 – могильник Хасаут (по: Рунич, 1971); 6 – могильник Кольцо-гора, катакомба № 8 из раскопок Я.Б. Березина и С.Н. Савенко (по: Кузнецов, 1993); 7 – Даргавский могильник, катакомба № 1 (по: Дзаттиаты, 2014); 8 – Бесланский могильник, погребение 734; 9 – с. Нартан, курган № 9 (по: Батчаев, 1985); 10 – сцена на сосуде из Карашамба; 11 – сцена на сосуде из Триалети (по: Narimanishvili et al., 2018); 12 – Вавилон, VI в. до н.э., модель стола (по: Кленгель-Брандт, 1979); 13-15 – Ананури, курган № 3 (по: Махарадзе, 2019); 16 – Тель Бакхуз, погр. Z 67, реконструкция (по: Scheiblecker, 2016). 1-7, 13-16 – дерево; 8, 12 – керамика; 9 – бронза; 10, 11 – серебро. 1-3, 10-12 – без масштаба.

(Грузия) сер. – второй пол. III тыс. до н.э. (Махарадзе, 2019. Табл. X) (рис. 1, 13-15). Причем, чем ниже ножки, тем больше диаметр блюда-столешницы. Изображения столиков в контексте культовых сцен есть на кубках из большого Карашамбского кургана (Армения), из кургана № 5 Триалети (Грузия) кон. III – нач. II тыс. до н.э. (Narimanishvili et al. 2018. Abb.14) (рис. 1, 10, 11). Предполагается, что на формирование «курганных» культур Южного Кавказа (триалетской, беденской) повлияли носители новотиторской культуры Северного Кавказа (Гей, 2000. С. 205-209), где подобных столиков пока не выявлено. Вместе с тем очевидна тесная связь Южного Кавказа с Ближним Востоком.

Восемь деревянных столиков сохранились в «дольменных» погребениях могильника Тель Бакхуз XIX – нач. XVIII вв. до н.э. в Месопотамии (Du Mesnil du Buisson, 1948; Scheiblecker, 2017. P. 96). Морфология столиков различалась небольшими деталями. [На Ближнем Востоке гораздо больше находок деревянных трехногих столов, их глиняных моделей (рис. 1, 12) и вариантов из камня. Они, наряду с другой деревянной мебелью среднего бронзового века, стали предметом магистерской диссертации М. Шайблекер, показавшая и традиции в конструкции столиков, дошедшие до наших: Scheiblecker, 2017). Мы упоминаем памятник с яркими находками деревянных предметов]. Столешницы изготавливались из нескольких досок, соединявшихся при помощи пазов, имели бортик. Центральная часть, где делались отверстия (иногда сквозные) для ножек – утолщённая (ок. 2 см). Диаметр столешниц – 40-50 см, края в большинстве случаев плавно скруглялись при подъеме кверху, толщина обода ок. 1 см; ножки съёмные. Реконструированная высота одного из столиков (из погр. Z 67) – ок. 56 см (рис. 1, 16). Столешница могла использоваться как блюдо. Чашеобразная форма позволяла легко поднимать ее с земли. Ножки вставлялись в отверстия в столешнице, перекрещивались, и в месте скрещения дополнительно фиксировались деревянным кольцом, что обеспечивало устойчивость столика (Herrmann, 1996. P. XXIII). Диаметр кольца из погр. Z 67 – 11-12 см. Эксперимент, проведенный М. Шайблекер показал, что на изготовление подобного столика уходило около 23 часов (Scheiblecker, 2017. P. 115).

На древних изображениях мы видим столики в основном контексте культовых сцен (поклонение богам и предкам). Сцены повседневной жизни достаточно редки. Поэтому в изображениях сложно найти прямые аналогии простым повседневным столикам. Но примечательно, что в текстах дворца в Мари (XVIII в. до н.э.) содержались термины, различающие столы с фиксированной подосновой, столы со съёмными ножками и подносы без ножек (Scheiblecker, 2016. P. 89-95). Столы со съёмными ножками используются на Ближнем Востоке по сей день (Crawford, 1996. P. 37).

Перечисленные свидетельства говорят о достаточно длительной истории столиков-блюд на трех ножках. Их распространение в эпоху ранней бронзы на территории Южного Кавказа и в эпоху средней и поздней бронзы на Ближнем Востоке – очевидно.

Литература

1. Албегова З.Х., Малашев В.Ю. 2018. Погребение аланской культуры III в. н.э. с керамическим столиком // РА. № 3.
2. Батчаев В.М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик.
3. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. 2010. Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан) // Исследования первобытной археологии Евразии. Сборник статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, проф. Х.А. Амирханова. Махачкала.

4. Гей А.Н. 2000. Новотиторовская культура. М.
5. Дебиров П.М. 1982. Резьба по дереву в Дагестане. М.
6. Дзаттиаты Р.Г. 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ.
7. Калоев Б.А. 2004. Осетины: историко-этнографическое исследование. Третье изд., доп. перераб. М.
8. Кленгель-Брандт Э. 1979. Путешествие в древний Вавилон. М.
9. Кузнецов В.А. 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.
10. Махарадзе З.Э. 2019. Погребения с повозками эпохи ранней бронзы Грузии // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М.
11. Рунич А.П. 1970. Катакомбы Рим-горы // СА. № 2.
12. Рунич А.П. 1971. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. № 2.
13. Туаллагов А.А. 2015. О происхождении осетинского столика фынг // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. № 3.
14. Уарзиати В.С. 1995. Праздничный мир осетин. М.
15. Narimanishvili G., Shanshashvili N., Narimanishvili D. 2018. Die Trialeti-Kultur – Das Leben, der Tod und die Prozessionsstraßen in die Ewigkeit // Gold & Wein. Gejrgiens älteste Schätze. Begleitband zur Sonderausstellung. 6 Oktober 2018 – 10 Februar 2019. Hersg. von Liane Glemsch und Sven Hansen. Archäologisches Museum. Frankfurt.
16. Scheiblecker M. 2016. Möbel des frühen 2. Jahrtausends v. Chr. aus Nordmesopotamien und Syrien. MASTERARBEIT im Studiengang Vorderasiatische Archäologie der Ludwig-Maximilians-Universität München – Fakultät für Kulturwissenschaften – Betreuerin und Erstprüferin: Prof. Dr. Adelheid Otto Anmeldung: 01.09.2015. Abgabe: 19.01.2016. München. Matrikelnummer 11013648.
17. Scheiblecker M. 2017. Die Möbel aus Tall Baghouz (Syrien) – Neubetrachtung und Rekonstruktion // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. Bd. 149.
18. Du Mesnil du Buisson. 1948. Baghouz. L'ancienne corsôtê. Le tell archaïque et la nécropole de l'âge du bronze. Leiden.
19. Herrmann G. 1996. Introduction // G. Herrmann (Hrsg.). The Furniture of Western Asia Ancient and Traditional. Papers of the Conference Held at the Institute of Archaeology, University College London June 28 to 30, 1993. Mainz.
20. Matthiae P. 1980. Ebla. An Empire Rediscovered. Transl. by Christopher Holme. London.
21. Symington D. 1996. Hittite and Neo-Hittite Furniture // G. Herrmann (Hrsg.). The Furniture of Western Asia Ancient and Traditional. Papers of the Conference Held at the Institute of Archaeology, University College London June 28 to 30, 1993. Mainz.

Алмамедов Х.И.

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО- СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЁН ГАРАБАХА

В 2018 г. Гарабахская неолит-энеолитическая экспедиция продолжила начатые в предшествующие годы исследования поселений ранних земледельческо-скотоводческих племён Гарабаха. Ею был завершён первый этап фиксации и электронного картографирования памятников этого региона, были продолжены археологические работы на основном объекте исследования – неолитическом поселении Исмаилбейтепе.

В 2010-2018 гг. были проведены разведывательные работы на территории ок.3600 км², в результате зафиксировано и электронно картографировано более 300 археологических памятников. Особо отметим, что 156 из этих памятников являются поселениями поселений ранних оседлых земледельческо-скотоводческих племен.

По топографии расселения в период неолита Гарабахскую равнину можно сравнивать с Анатолией, Ираном и Междуречьем. Для сравнения хотелось бы отметить, что расположенные на Гарабахской равнине памятники неолита количественно превосходят известные памятники соответствующей эпохи всего Южного Кавказа как минимум в два раза. Плотность распространения памятников и выводы, сделанные в процессе их изучения, позволяют выдвинуть идею о том, что территория Гарабаха являлась одним из основных очагов Кавказского неолита в VI тыс. до н.э., и открывают возможности для изучения проблемы принципов расселения раннего оседлого населения на Гарабахской равнине в эпоху неолита.

С целью изучения вопросов зарождения, развития и распространения неолитической культуры на территории Гарабахской равнины на поселении Исмаилбейтепе с 2012 г. проводятся масштабные археологические раскопки.

По своему уникальному архитектурному строению и обнаруженным артефактам Исмаилбейтепе является инновацией в Кавказском неолите. Пространственно-архитектурный облик поселения отражает в себе как местные традиции Южного Кавказа, так и некоторые особенности архитектурной культуры Анатолии и Ирана периода позднего неолита.

Одной из архитектурных особенностей поселения Исмаилбейтепе является укрепление границ поселения рвами и высокими стенами. Высота стены, выполнявшей оборонительную функцию, достигала 4-4,5 м, ширина ок.1 м. Эта стена делила поселение на две части – внутреннюю и внешнюю. Во внутренней части были построены дома округлого, а во внешней части – прямоугольного плана. В полы домов и дворов были вкопаны крупные тарные керамические сосуды, объем самого большого из которых составлял 0,6 м³ (600 л).

В 2018 г. раскопки были проведены в южной части поселения на площади 112 кв. м (рис. 1). В результате проведенных работ здесь было выявлено и исследовано 8 строений прямоугольной, овальной и округлой формы, относящихся к двум строительным горизонтам.

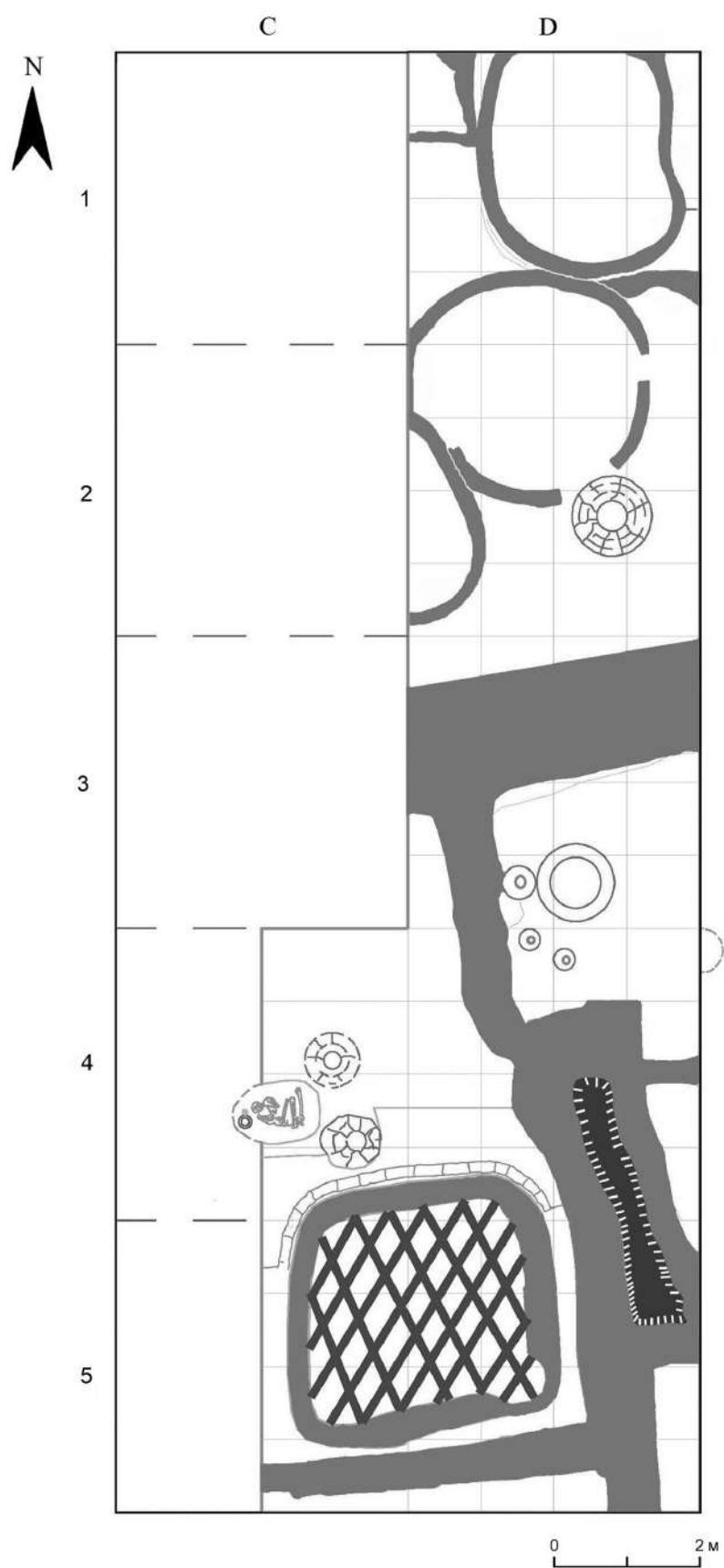

Рис.1. Поселение Исмаилбейтепе. План раскопа 2018 г.

Строения, относящиеся к первому (верхнему) строительному горизонту, имели округлую форму и были сооружены из одного ряда сырцового кирпича. Стены были обмазаны с обеих сторон глинистым раствором без примеси самана. Полы были сделаны из глины с примесью охры. В северной части строений прослеживались следы очагов. Дворы этих строений были окружены стенами шириной 0,9 м, возведенными из сырцового кирпича. Территория дворов была вымощена сырцовыми кирпичами.

Строения второго (нижнего) строительного горизонта имели прямоугольную и овальную формы. Нижняя часть некоторых из них находилась на 1-1,5 м ниже древней дневной поверхности. Эти полуземлянки прямоугольной формы были сооружены двумя рядами сырцового кирпича овальной формы без примеси самана. У кирпичей отсутствовали стандартные размеры, и они менялись в зависимости от своего местоположения.

По обнаруженному мощному слою пепла и другим показателям можно предположить, что эти полуземлянки использовались не для жилья, а для хозяйственных целей. Так, в одном из таких построений было выявлено рядом друг с другом три хозяйственных сосуда и хозяйственная яма, которая внутри была обложена сырцовыми кирпичами.

Во втором строительном горизонте дворики были окружены прямоугольными стенами шириной 0,5-0,7 м. Эти стены также были сооружены из сырцовых кирпичей в два ряда и оштукатурены с обеих сторон. Высота стен колеблется от 0,5 м до 2 м.

Вызывают особый интерес остатки овального (подпрямоугольного с закругленными углами) строения второго строительного горизонта. Оно сооружено в два ряда из сырцового кирпича и ее стены обмазаны с обеих сторон раствором без примеси самана. Это строение отличается от других некоторыми своими особенностями. Так, внутри него, в юго-западном направлении в стене имелся выступ напоминающий алтарь, а внутренняя поверхность стен и пол были окрашены в красный цвет. Отличительной чертой этого сооружения является также наличие фундамента.

Характерная для неолитических памятников Анатолии такая строительная техника в синхронных памятниках Южного Кавказа не встречалась. Двор овального построения был обрамлен прямоугольной стеной, в ее дворе были закопаны друг рядом с другом два больших хозяйственных кувшина. На полу строения была обнаружена фигура со сломанной головой. Можно предположить, что это сооружение, не имеющее входных проемов, представляло собой святилище.

Результаты археологических исследований памятников ранней оседлой земледельческо-скотоводческой культуры Гарабахской равнины дают возможность говорить о том, что этот регион являлся центром формирования локальной неолитической культуры на Южном Кавказе в первой пол. VI тыс. до н.э. В указанный период прогрессивные традиции, передававшиеся с юга на север, обусловили формирование на территории Гарабаха нового для неолита Южного Кавказа социально-культурного пространства – ранней оседлой земледельческо-скотоводческой культуры. Особенности архитектуры, технико-технологические различия, прослеживающиеся в изготовлении керамики, позволяют отличать носителей неолита Гарабаха от других локальных неолитических культур Кавказа.

Аразова¹ Р.Б., Скакун² Н.Н.

¹Университет Хазар, г. Баку, Азербайджан,

²Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Изучение трасологическим методом такого важного археологического артефакта как орудия труда сделало возможным воссоздать хозяйственно-производственную деятельность древнего населения Азербайджана, в частности, земледелие (рис. 1).

По данным функционального анализа, основным показателем земледельческого сектора являются многочисленные кремневые и обсидиановые вкладыши серпов (рис. 1, 1-6) с характерными следами износа и заполировкой на углу или вдоль боковых рабочих краев (Аразова, 1986. С. 86). На основе экспериментально-трасологических исследований представляется возможность реконструировать жатвенные орудия (Аразова, 1999. С. 31; Arazova, Skakun, 2017. P. 124, 127. Fig. 2, 4). Определено, что на раннеземледельческих поселениях использовали серпы трех типов.

Тип 1 — это наборно-зубчатые серпы (рис. 1, 8), получившие широкую известность как серпы шомутепинского типа, которые использовались земледельцами Гянджа-Казахской равнины западного Азербайджана. Вкладыши таких серпов вмонтировались в обойму в наклонном положении под углом, образуя, таким образом, зубчатое лезвие.

Тип 2 серпов (рис. 1, 9), более развитой формы, характерен для поздних оседло-земледельческих обществ Азербайджана. Они являются характерными и доминирующими для памятников Мугани (Аликемектепе) и Мильско-Карабахской равнины (Чалагантпе) и Нахчыванского Кюльтепе. У таких серпов пластины, плотно подогнанные друг к другу, помещались в обойму в горизонтальном положении, образуя сплошной вогнутый режущий край.

Тип 3 серпы – совершенно иного плана, у них лезвие состояло из одной очень крупной пластины, вмонтированной в обойму в горизонтальном положении (рис. 1, 10). Для Аликемектепе и особенно обсидиановой индустрии Кюльтепе макропластины являются характерными заготовками (Аразова, 2012. С. 170-171). Последние типы жатвенных орудий, как показали опыты, являются наиболее эффективными и производительными. Судя по реконструкции Г.Ф. Коробковой, древние общинники соседних территорий Кавказа также пользовались такими серпами (Коробкова, 1987. С. 147).

Независимо от того, какой тип серпа использовался ранними земледельцами древних поселений, все они имели совершенную, изогнутой формы основу из дерева или кости, что документируется находками целых наборно-зубчатых жатвенных серпов из ряда памятников западного Азербайджана (Шомутепе, Тойретепе и Геойтепе) (рис. 1, 7). Крепление вкладышей в обойме производилось с помощью битума: следы и остатки черной скрепляющей массы сохранились на поверхности почти всех кремневых вкладышей.

Отдельную функциональную группу составляют орудия, связанные с обработкой земли под посевы. Это костяные и роговые мотыги (рис. 1, 13, 14), землекопалки, лопаты, также показывающие высокую производительность, в 1,5-2 раза превосходящую примитивные палки-копалки (Аразова, 2017, С. 247. Рис. 2, 3).

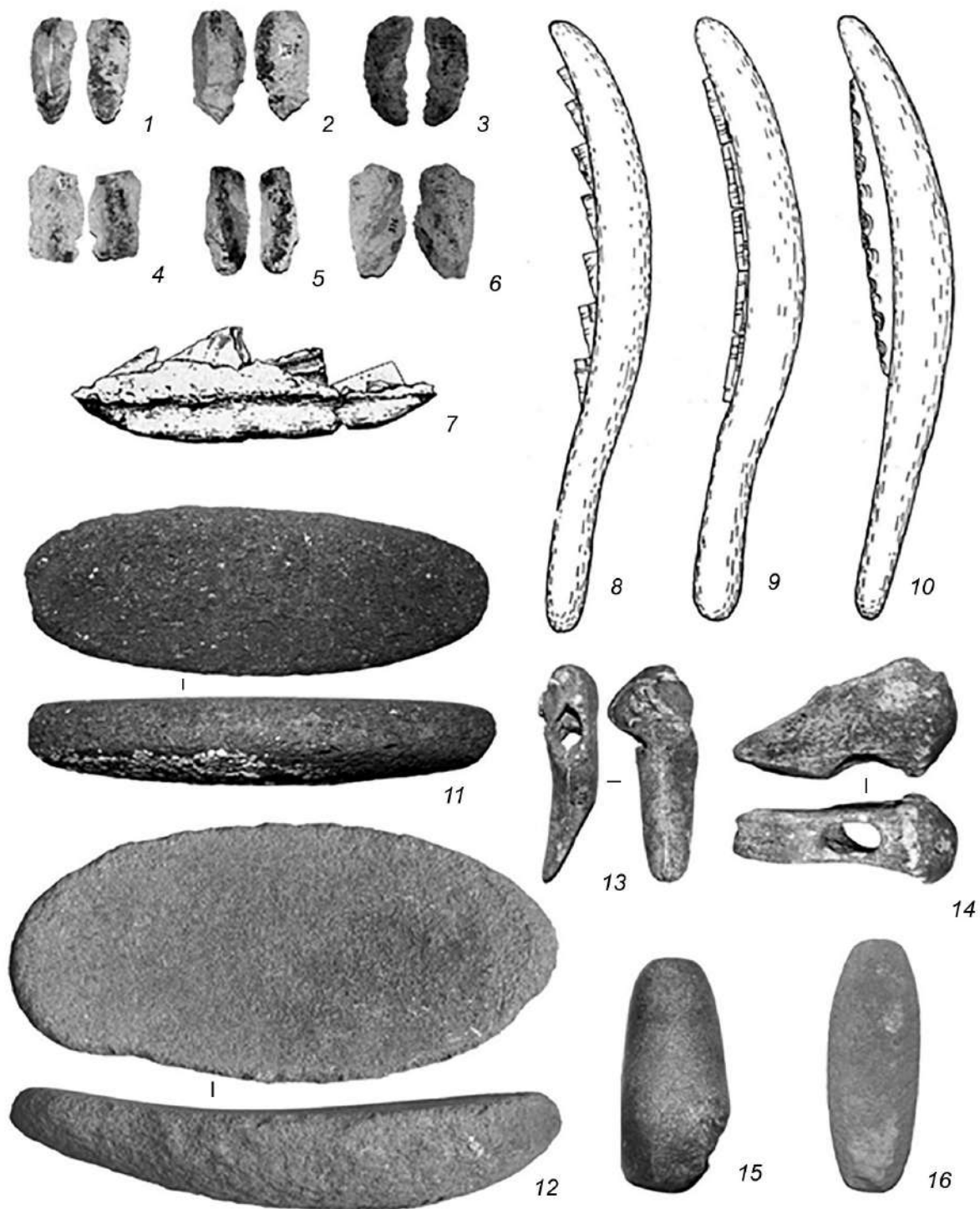

Рис. 1. Земледельческие орудия труда из раннеземледельческих поселений Азербайджана (без масштаба)

Переработка зерновых производилась с помощью зернотерок, ступок и пестов (рис. 1, 11, 12, 15, 16), которые встречаются на каждом поселении. Продукты земледелия хранились в крупных сосудах, специальных «амбарах» вблизи жилищ. Развитие прочной земледельческой традиции на поселениях документируется и находками зерновых. Земледельцы выращивали двузернянку, мягкую и твердую пшеницу, двурядный и многорядный ячмень и др.

Земледелие являлось ведущей отраслью производящей экономики, новый свет на изучение которой проливает трасологическое изучение многочисленных вкладышей и установление разных типов жатвенных серпов и землеобрабатывающих орудий. Вместе с палеоботаническими остатками они демонстрируют высокий уровень развития мотыжного земледелия, который стимулировал дальнейший прогресс орудий труда и общества.

Литература

1. Аразова Р.Б. 1986. Каменные орудия труда ранних земледельческо-скотоводческих племен Западного Азербайджана, Баку.
2. Аразова Р.Б. 1999. Древнейшие жатвенные орудия Азербайджана // *Azərbaycan Arxeologiyası*. № 3-4.
3. Arazova R., Skakun N. 2017. The oldest harvesting tools of Azerbaijan (according to experimental-traceological research) // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada (CPAG)*. Vol. 27.
4. Аразова Р.Б. 2012. Функциональное изучение обсидиановой индустрии Кюльтепе I в Нахчыване // Раннеземледельческие культуры Кавказа. Международная научная конференция. Баку.
5. Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л.
6. Аразова Р.Б. 2017. Костяные орудия труда ранних земледельцев Азербайджана (по материалам Аликемектепеси) // *Археология Евразийских степей*. № 2.

Атаев Г.Д., Сайпудинов М.Ш.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

ОБ ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ ИРГАНАЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ I (по материалам 2003-2006 гг.)

В процессе раскопок Ирганайского поселения I в 2003-2006 гг. было обнаружено 2575 фрагментов керамических сосудов – это наиболее многочисленная и разнообразная по формам и орнаментике и наиболее информативная категория артефактов поселения (Атаев, 2016а. С. 95-105; 2016б. С. 64-76; 2017. С. 51-69).

Орнаментации подвергнута незначительная часть зафиксированных обломков керамики – 140 фрагмента или 5,7% от общего ее количества. Из орнаментированных образцов 83 фрагмента (3,2% от общего количества) относятся к гладкостенной керамике, 57 фрагментов (2,4%) – к обмазанной. К расписной керамике относятся только 3 фрагмента (0,3%).

Орнамент подразделяется на 2 основные группы: 1) *врезной* или *гравированный*, 2) *рельефный* или *налепной*. Кроме того изредка встречается фрагменты с полосами и пятнами буро-коричневой и чёрной краски, нанесёнными поверх обмазки (3 экз., рис. 1, 23-26), и оттиски крученого шнура (2 экз., рис. 1, 27-28).

Между качеством формовочного теста и орнаментом наблюдается тесная связь. Обычно врезной орнамент характерен для сосудов с заглаженной или залощенной поверхностью, т.к. тесто у них более чистое, отмученное и зерна отощителя не выступают на поверхности стенок. Сосуды с обмазанной поверхностью в большинстве случаев украшались рельефным орнаментом. Керамика с гладкой поверхностью украшалась врезным вдавленным орнаментом, хотя встречается и рельефный. Врезной орнамент в виде горизонтальных рядов насечек в виде клиньев (рис. 1, 17), семечковидных вдавлений (рис. 1, 21, 22), врезных беспорядочно нанесенных линий (рис. 1, 13, 18), неровных горизонтальных линий и отходящих перпендикулярно от них прямых параллельных линий (рис. 1, 14-15). Особый интерес представляет орнамент, состоящий из горизонтальных рядов или беспорядочно нанесенных кружков, сделанных полой трубочкой (рис. 1, 2, 5, 12, 16). Врезной или гравированный орнамент, состоящий из горизонтального ряда округлых, овальных, клиновидных или семечковидных насечек и точек, расположенных в виде поясков по плечикам сосудов, встречается в эпоху средней бронзы в Дагестане довольно часто – подобный орнамент представлен на сосудах из поселений Ирганайском I (Атаев, Погребова, 1973. С. 30-34), Верхнегунибском (Котович, 1965. С. 170-181), из могильников Ирганай I, Гинчи, Чох (Магомедов, 1998. С. 71-101).

Рельефный или налепной орнамент встречается в виде: шишечек, конических налепов от 1 до 4 (рис. 1, 4-5, 26); горизонтальных валиков с насечками, вдавлениями, нарезками, защипами, клиновидными вдавлениями, опоясывающих горло сосуда (рис. 1, 1-3, 7-8, 10-11) и др.; налепного валика в виде ломанной линии (рис. 1, 6); валика и отходящего от него треугольников, образующих фестон, имеющий с наружной стороны короткие насечки (рис. 1, 16а); валика и отходящих от него трех полудуг (рис. 1, 9).

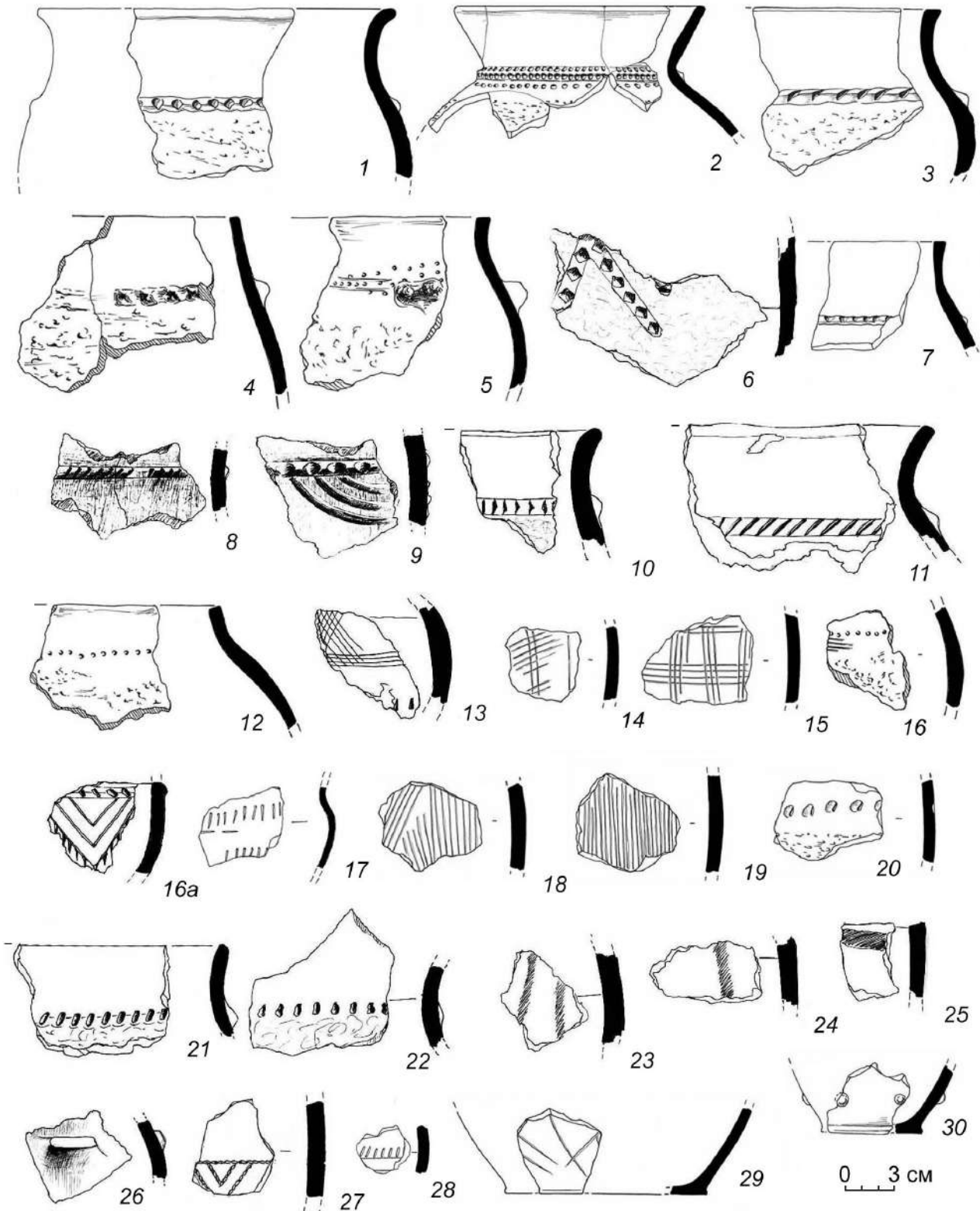

Рис. 1 .Орнаментация керамики Ирганайского поселения I. 1 - 11, 26-30 - рельефный орнамент; 12 - 22, 29 - врезной или гравированный орнамент; 23 - 25 - фр - ты керамики с потеками краски; 27 - 30 - фр - ты керамики со шнуровым орнаментом.

Применялся также прием собирания излишков жидкой обмазки к плечикам сосуда, из которых делали небольшой уступчик подобие валика, который затем украшался орнаментом вписанных кружков, сделанные полый трубкой (рис. 1, 21).

Наиболее распространенным видом рельефного орнамента являлся налепной горизонтальный валик, который, как правило, располагался на плечиках сосудов в основании горловины и обычно расчленялся насечками и защипами. Орнамент из налепных валиков известен в Дагестане с эпохи неолита и энеолита. Подобный орнамент встречается в Дагестане и на памятниках эпохи ранней бронзы. Широкое распространение он получает на памятниках эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа – на керамике поселений Ирганай, Верхний Гуниб, Галгалатли II, могильников Гинчи, Ирганай I, Галгалатли (Котович, 1965. С. 170-181; Гаджиев, 1969. С. 119-135; Магомедов, 1998. С. 71-101). Известен он и в керамике могильников предгорного и равнинного Дагестана, был распространен и на керамике из памятников эпохи средней бронзы Восточной Чечни (Магомедов, 1998. С. 71-101). В целом, следует указать, что рельефный орнамент в виде налепных валиков является характерной, отличительной чертой местной культуры эпохи энеолита и бронзы.

Большой интерес представляет найденные два фрагмента керамики со шнуровым узором, не характерные для культуры эпохи средней бронзы Дагестана. Один из фрагментов представляет орнамент в виде горизонтальной линии и отходящих от него треугольников, образующих фестон с опущенной вершиной вниз и нанесенных оттиском крученого шнура (рис. 1, 27); другой – в виде косых клиновидных насечек, ниже которых следуют два ряда горизонтальных параллельных линий, представляющих оттиски тонкого шнура (рис. 1, 28). Керамика со шнуровым орнаментом из Ирганайского поселения I имеет аналогии с сосудами из памятников присулакской культуры. Керамика со шнуровой орнаментацией выявлена также на могильнике Гертма II (раскопки Р.Г. Магомедова, Л.С. Ильюкова).

В результате сопоставления форм и декора сосудов установлено, что у баночных сосудов (тип 1) тулово обмазано жидкой глиной, а плечики или закраина обычно заглажены или залощены. Часть фрагментов орнаментирована налепным валиком, а псевдоручки рассечены на четыре шишечки. Встречаются фрагменты с врезным орнаментом в виде узора из округлых вдавлений. Горшки со вздутым шаровидным туловом с низкой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком (тип 2) имеют несколько вариантов орнаментации: горизонтальные ряды или беспорядочно вписанные кружки, нанесенные полый трубкой; в виде конических налепов; двух соединенных сосцевидных налепов, как правило, расположенных у основания шейки сосуда. Крупные сосуды типа корчаг с широким горлом, переходящим в яйцевидное тулово (тип 3): орнаментальный мотив встречен лишь на одном фрагменте: в виде кривой зигзагообразной линии, опоясывающей сосуд по нижней части венчика. Миниатюрные круглодонные горшочки (тип 4) не имеют орнаментации.

В заключении отметим, что для орнаментации керамики Ирганайского поселения I характерны две традиции: местная традиция (врезной или гравированный орнамент на гладкостенных сосудах; рельефный или налепной на сосудах с обмазанной поверхностью) и привнесенная (пришлая) традиция орнаментации керамики оттиском шнура. Встречающиеся на сосудах полосы и пятна, нанесенные краской, возможно, не являются декором, а, видимо, были следствием каких-то ритуальных действий с сосудами после их изготовления и т.д.

Литература

1. *Атаев Г.Д.* 2016а. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2003 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3.
2. *Атаев Г.Д.* 2016б. Исследование Ирганайского поселения Iв зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4.
3. *Атаев Г.Д.* 2017. Исследование Ирганайского поселения Iв зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2005 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1. С. 46-69.
4. *Атаев Д.М., Погребова М.Н.* 1973. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // МАД. Т. 3. Махачкала.
5. *Гаджиев М.Г.* 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала.
6. *Котович В.М.* 1965. Верхнегунибское поселение памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III-II тыс. до н.э. Махачкала.
7. *Магомедов Р.Г.* 1998. Гинчинская культура: (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала.

Атаев Г.Д.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА

Исследование проблемы преемственности и трансформации культур эпохи ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа имеет большое значение для выяснения исторических судеб археологических культур Кавказа эпохи ранней бронзы и формирования здесь на их основе новых образований эпохи средней бронзы. Эти вопросы освещались в работах А.П. Круглова, Р.М. Мунчаева, В.Г. Котовича, В.М. Котович, Г.Д. Атаева, Р.Г. Магомедова. Исследовались они и в работах М.Г. Гаджиева на основе изучения стратифицированных поселений и могильников.

Культурная трансформация первоначально произошла радикально на севере региона, а позднее – и на юге. Она сопровождалась, по мнению М.Г. Гаджиева, снижением темпов его экономического и культурного развития, упадком ремесел. В обществе отчетливо наметились признаки застоя, регресса. Для объяснения этого феномена он указывает на ряд причин: 1) ограниченность природных ресурсов горной зоны для реализации потенциальных возможностей раннеземледельческих культур в условиях ограниченной технической базы; 2) продолжающееся иссушение климата Каспийского региона в III – нач. II тыс. до н.э. в период избербашской регрессии; 3) активизация преимущественно скотоводческих групп в степной зоне и их воздействие на оседло-земледельческую северокавказскую среду (Гаджиев, 1991. С. 238-239).

Т.И. Ахундов также указывал на изменения климата и трансформации культур в Закавказье: «Одной из причин ... сложения культур явилось глобальное изменение геоклиматического порядка. То есть, имела место аридизация, сдвинувшая значительные массы носителей этнокультурных традиций. В начале второй половины III тыс. до н.э. земледельческо-скотоводческая куро-аракская культурная традиция эпохи ранней бронзы претерпевает кризис, сходит с исторической арены, а на этой территории возникает ряд локально-территориальных культур подвижных скотоводов. На южном Кавказе это этнокультурные образования: Сачхери, Марткопи, Бедени и культура подкурганых склепов. На востоке Кавказа выделяются гинчинская и великентская культуры, а также абшеронская группа памятников. В это время происходит значительное этнокультурное давление населения Евразийской степи на юг, в районы древних оседло-земледельческих культур. Одним из основных путей этих проникновений был Кавказский перешеек» (Ахундов, 2001. С. 228-234).

Прессинг и инфильтрации подвижно-скотоводческих племен Юго-Восточной Европы были одной из основных причин культурно-исторической трансформации общества раннебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа.

Важным обстоятельством также являлось изменения климата, серьезно влиявшее на хозяйство и быт древних обитателей региона. Ш.Н. Амиров отмечает, что «знакомство с колесным транспортом ... и наличие повозок, запряженных быками, принципиально

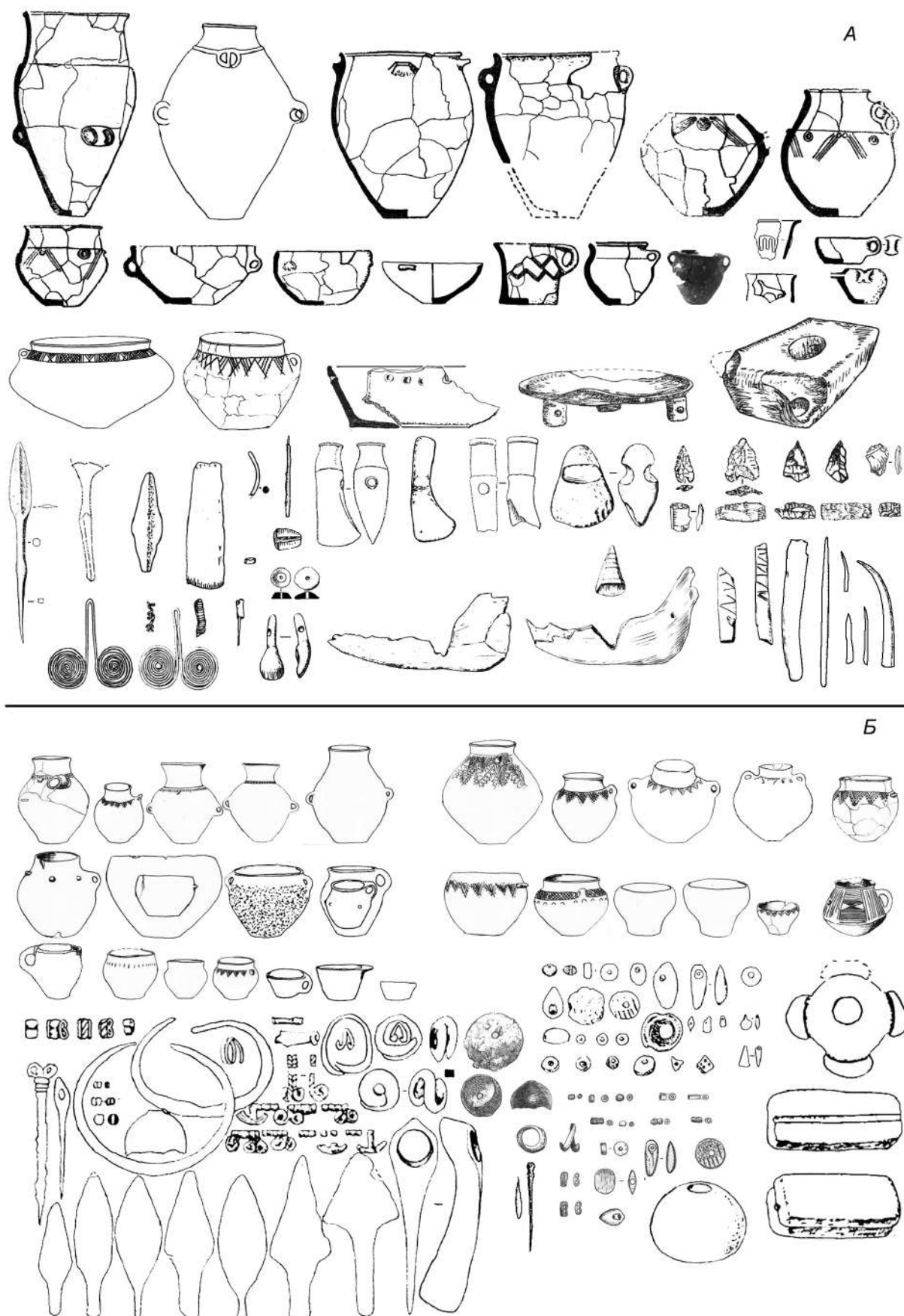

Рис. 1. Сводная таблица инвентаря памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Дагестана:
 А - инвентарь эпохи ранней бронзы; Б - инвентарь присулакской культуры эпохи средней бронзы.
 Без масштаба

изменили мобильность популяции майкопской культуры, хозяйственный уклад которой всегда в значительной степени был связан с животноводством. В этом контексте следует рассматривать появление на Дагестанской плоскости курганов позднемайкопского или постмайкопского круга» (Амиров, 2012. С. 15).

К концу эпохи ранней бронзы в Северном Дагестане известны комплексы майкопской культуры: Большой Миатлинский курган, раннее захоронение в кургане 2 группы III Миатлинского могильника.

В результате проникновения с севера степных племен произошло изменение культуры в Северном Дагестане, в зоне стыка степей и гор (рис. 1) и несколько позднее – в южных районах приморского Дагестана. Северные районы все теснее включаются в орбиту связей со степными и северокавказскими областями. В предгорных районах Северного Дагестана в эпоху средней бронзы была распространена присулакская культура, где выявлены подкурганные погребения в каменных гробницах, грунтовых ямах и каменных ящиках (Канивец, 1959. С. 50-51; Гаджиев, 1974. С. 7-18; Атаев, 1987. С. 154-156; Магомедов, 2007. С. 31-77). Данная культура обладает специфическими чертами, совершенно не характерными для памятников остальной части Приморского Дагестана. Особенность материальной культуры данной группы памятников проявляется в ее синкретическом характере. В погребальном обряде и инвентаре присулакских памятников сочетаются признаки, свойственные, с одной стороны, для культуры местного населения, с другой стороны – явно привнесенные элементы: курганный обряд захоронений, наличие в могиле охры и посыпка ею покойника. Данная культура, представляет своеобразный симбиоз двух различных культур (Гаджиев, 1974. С. 16; Атаев, 1986. С. 15-23).

Это свидетельствует не только о тесных связях населения Северного Дагестана с племенами Юго-Восточной Европы, но и о проникновении последних на эту территорию. За этим последовало прекращение функционирования поселений эпохи ранней бронзы – Сигитминского, Чиркейского. Произошло изменение облика местной культуры, за счет внедрения пришлых иноэтнических элементов возникла этническая пестрота, увеличилась подвижность населения, появился курганный обряд погребения. Очевидно, что каменные полированные топоры, песчаниковые выпрямители древков стрел, костяные фигурные пряжки, керамика и бронзовые изделия со шнуровой орнаментацией могли появиться здесь в результате инфильтрации с севера степных и северокавказских племен (Гаджиев, 1974. С. 16-17; Атаев, 1986. С. 22-23; Атаев, 1987. С. 154-157).

Поселения ранних этапов эпохи средней бронзы на этой территории не обнаружены. Присулакская культура представляет собой образование, основанное на подвижном скотоводстве. В составе ее населения были пришлые степные племена и местные, перешедшие к подвижно-скотоводческому типу хозяйства. Вместе с тем, значительная часть населения пришлого и местного, скорее всего, покинула эту зону. Часть продвинулась на юг в приморскую зону Южного Дагестана и в Азербайджан. Другая часть населения проникла в горы в район Ирганайской котловины и еще глубже.

Пришлого иноэтническое население сыграло значительную роль в этнокультурных процессах, происходивших на территории Северного Дагестана. Впоследствии в конце первой пол. II тыс. до н.э. этнокультурные различия между отдельными группами исчезают в результате ассимиляции пришлых племен местным населением. На это указывают поздние погребения курганных могильников Миатли, Чиркей, Манаскент, Гертма I, II, III, Саласу и др., определенно свидетельствующие о культурном единстве. В это время начинает формироваться каякентско-хорочоевская культура.

Литература

1. Амиров Ш.Н. 2012. Месопотамско-Кавказские связи IV-III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // Новейшие открытия в археологии северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
2. Атаев Г.Д. 1986. Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
3. Атаев Г.Д. 1987. Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1.
4. Ахундов Т.И. 2001. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку. Гаджиев М.Г. 1974. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала.
5. Гаджиев М.Г. 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.
6. Каневец В.И. 1959. Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала.
7. Магомедов Р.Г. 2007. Магистраль в будущее – сохраняя прошлое: Археологические исследования в зоне строительства газопровода-отвода к с. Ботлих Ботлихского района республики Дагестан. Махачкала.

Ахундов Т.И.

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку.

МУГАНСКАЯ СТЕПЬ В V–II ТЫС. ДО Н.Э.

Муганская степь – самостоятельная экологическая ниша, восточная часть которой, находится на юго-востоке Республики Азербайджан, а западная на смежной территории Исламской Республики Иран. Она интересна тем, что находится на стыке Южного Кавказа и Передней Азии и почти всегда была самым удобным участком взаимосвязей на линии их соприкосновения.

Археологические исследования показали, что заселение Восточной Мугани началось в середине второй половины V тыс. до н.э. носителями традиции позднего неолита, выделяемой нами под названием «Традиция Муганского неолита».

На сегодня в восточной части Муганской степи зафиксировано более 20 поселений эпохи неолита. На двух из них (Аликёмектепе и Полутепе) проведены раскопки, одно поселение (Феттепе) исследовано стратиграфическим шурфом. Все остальные памятники обследованы лишь визуально. По собранному подъёмному материалу, они всецело идентичны материалам, полученным в результате раскопок и указывают на принадлежность их к единой археологической традиции Муганского неолита.

Поселения представляют тепе площадью от 0,25 га до 6 га. Толщина культурных отложений эпохи неолита на раскопанных поселениях составляет от 5 м (Аликёмекепе) до 6 м (Полутепе). Возраст Муганского неолита укладывается в конец третьей четверти V – рубежа V-IV тыс. до н.э. (Ахундов, Махмудова, Гасанова, Рамазанлы, Рахманов, 2017).

Во второй пол. IV тыс. до н.э. в Муганскую степь продвинулись носители Урукской традиции. На Южном Кавказе на сегодня день зафиксировано несколько десятков их памятников, вошедших в литературу под названием Лейлатепинской традиции. В Муганской степи пока известно только два поселения этой традиции. Но имеются отдельные находки и памятники на границах степи и в прилегающих горах, указывающие, что носители этой традиции в последней трети IV тыс. до н.э. достаточно основательно освоили этот регион.

Первое их поселение в Муганской степи – поселение Мишарчай IV – было обнаружено на берегу усохшей старицы р. Мишарчай. В настоящее время оно перекрыто строениями разросшегося г. Джалилабад.

Второе поселение – поселение Алхантепе – исследовано раскопками. Оно находится 4 км к северу от поселений Аликёмектепе и Полутепе. Площадь памятника более 4 га, толщина культурных отложений 3 м. Коллекция материалов типична для лейлатепинских памятников Южного Кавказа.

Анализы металлов и отходов металлургического производства с поселения Алхантепе позволяют сделать вывод, что с появлением на Южном Кавказе носителей лейлатепинской традиции тут возникает местная, сугубо Кавказская металлургия. С их приходом на Южном Кавказе был сделан первый шаг к переходу этого региона в эпоху металла, не получивший, однако, дальнейшего развития. Второй, более удачный шаг на этом пути, был сделан носителями куро-араксской традиции.

Рис. 1. Поселение Полутепе. Гончарные печи двух последующих строительных горизонтов.

Время функционирования поселения Алхантепе или, если взять шире, Лейлатепинской традиции на Мугани, связанного с поздним этапом этой традиции, относится к XXXIII–XXXII вв. до н.э. (Ахундов, 2014.С. 78-92; Akhundov, 2018. Р. 49-76).

Между носителями Муганского неолита и Лейлатепинской традиции на этой территории отмечен hiatus в около 600 лет. Нет следов контакта лейлатепинцев со сменившими их на этой территории носителями Кура-Араксской традиции.

Следы Кура-Араксской традиции, расплывшейся на Мугани, сохранились в виде культурных отложений на поверхности естественных холмов или на поверхности холмообразных остатков поселений Муганского неолита. Археологически исследовано только поселение Хамшере тепеси, зафиксированное под названием Мишарчай-1. Оно находится на левом (северном) берегу р. Мишарчай и представляет округлый холм высотой 18 м и диаметром в основании около 160 м. В основании южного склона холма был заложен разведочный раскоп, определивший, что нижние 4,5-метровые отложения представляют остатки Кура-Араксского поселения. Здесь были выявлены остатки гончарной печи из сырцового кирпича, строения прямоугольной формы с закруглёнными углами, за которыми расчищены выемки от жердей, переносные очаги, орудия из камня и кости, много фрагментов керамической посуды, характерной для традиции Кура-Аракса. (Махмудов, 2008. С. 22-37).

В целом, весь комплекс Кура-Араксского слоя поселения Мишарчай-1, как, видимо, и обитание носителей этой традиции на Мугани можно отнести к первым векам III тыс. до н.э.

Вторая половина – конец III тыс. до н.э. отмечены в Муганской степи носителями курганных традиций начала эпохи средней бронзы, активно продвигающихся сюда через Южный Кавказ. Их следы представлены многими курганными захоронениями, поселениями, стоянками и погребениями на холмообразных остатках поселений предшествующих эпох. В начале II тыс. до н.э. на этой территории уже появляются носители среднебронзовых традиций с расписной керамикой (Махмудов, 2008. С. 35-54).

Литература

1. Ахундов Т.И., Махмудова В.А., Гасанова А.М., Рамазанлы Г.Х., Рахманов А.А. 2017. Археологические исследования 2015-2016 гг. Муганской неолит-энеолитической экспедиции // Археологические исследования в Азербайджане 2015-2016. Баку.
2. Ахундов Т.И. 2014. Алхантепе – поселение начала бронзового века в Азербайджане // Записки ИИМК РАН. Вып. 10. С.78-92. СПб.
3. Akhundov T.I. 2018. The South Caucasus on the Threshold of the Metal Age // Studies on the Archaeology of the Ancient Near East in Honour of Antonio Sagona. Peters. Leuven - Paris - Bristol.
4. Махмудов Ф.Р. 2008. Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку.

Ахундова Г.К.

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

КУРГАНЫ КУРО-АРАКССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Одним из основных направлений в исследовании куро-араксской культуры является изучение погребальных памятников. В западном Азербайджане (в Гянджа-Газахском, Товузском и Геранбойском районах) исследованы курганы куро-араксской культуры, которые привлекают внимание различием структур и погребальных обрядов. В этом регионе несколько курганов куро-араксской культуры были раскопаны еще в XX в.

Начиная с 2005 г. в Гянджа-Газахском районе были раскопаны еще несколько курганов куро-араксской культуры – Шамкирчайские курганы, относящиеся к периоду ранней бронзы. Структура этих курганов, их типологические особенности, характер погребений дают ценную информацию об обрядах захоронения населения раннебронзового периода этого региона. Несмотря на близкую расположенность друг от друга и принадлежность к одной культуре, эти курганы различаются по структуре и обрядам захоронения.

Шамкирчайские курганы № 1 и № 2 (Мусеибли, 2009) расположены в 600 м западнее левобережья Шамкирчая, недалеко от с. Ашагы Кечили. Из-за того, что на этой территории до начала раскопок долгие годы велись вначале сельскохозяйственные, затем строительные работы, насыпи курганов были повреждены. И это не дает возможность определить точные размеры курганных насыпей.

Могильная камера кургана № 1 обнаружена под выкладкой из речных камней. Она была вырыта на глубине 120 см от дневной поверхности в естественном слое гравия. Погребенный был захоронен на левом боку в скорченном положении головой на запад. В шейной части скелета было обнаружено св. 60 небольших пастовых бусин.

Несмотря на то, что насыпь кургана № 2 была снесена, удалось выявить кромлех, основное и периферийное погребения. Основное погребение № 1 с захоронением одного человека находилось в центре кургана. Круглоплановая могильная камера ($d = 4$ м) была вырыта на глубине 3,15 м. С юго-западной стороны она имела вход-дромос шириной 130 см. По периметру могильной камеры обнаружены вертикально расположенные сгоревшие остатки деревянных столбов ($d = 15-20$ см). Внутри камеры встречены угольки от сожженных веток и камыша в разбросанном виде. Могила была ограблена еще в древности. Анатомический порядок скелета сильно нарушен. В могиле обнаружены один целый сосуд, 10 золотых бус и втульчатый бронзовый предмет.

Погребение № 2 было обнаружено под каменной выкладкой, которая примыкала к кромлеху с ЮВ. Покойник был погребен на правом боку в скорченном положении головой на ЮЗ. В могиле выявлено несколько керамических сосудов и бронзовое зеркало.

Шамкирчайский курган № 3 (Museyibli et al., 2010) расположен в 2 км западнее левобережья Шамкирчая, в 500 м к ЮЗ от с. Ашагы Кечили на равнинной поверхности. Диаметр курганной насыпи в направлении восток-запад – 22 м, север-юг – 20 м. На момент начала раскопок ее высота составляла 60 см. У кургана отсутствовал кромлех.

Основное погребение № 1 было осуществлено в центре кургана на древней дневной поверхности. Скелет был уложен на деревянное ложе; после того как рядом был положен

различный погребальный инвентарь вокруг и поверх него был сооружена курганная насыпь из речных камней. Могила была посыпана красной охрой. Следы огня не обнаружены.

Погребение № 2 примыкало к насыпи кургана с юго-западной стороны. В могиле один на другом захоронено два покойника, оба скорченно на правом боку. Рядом с ними обнаружены керамические сосуды.

Погребение № 3 находилось на юго-восточном краю курганной насыпи. Ограблено еще в древности могиле, человеческие кости и фрагменты сосудов выявлены в разбро- санном состоянии.

Результаты радиоуглеродных анализов материала из Шамкирчайского кургана № 3 указы- вают на первую пол. III тыс. до н.э. (Beta. 2870-2490).

К западу от Шамкира, в Товузском районе, на многослойном памятнике Ментеш- тепе раскопан курган куро-араксской культуры. В огромной могильной камере (ок.7х5 м) с дромосом и деревянным перекрытием, обнаружено массовое захоронение. Здесь выявлены останки ок.50 погребенных, керамические сосуды и разные украшения. По данным радиоуглеродного анализа курган датируется второй пол. IV тыс. до н.э. (Лион- нет, Гулиев, 2011).

Несколько курганов эпохи ранней бронзы раскопаны к востоку от Гянджи – на террито- рии Геранбойского района (Джалилов, 2012). Около с. Шадылы под насыпью кургана № 1 находилась могильная камера размерами 5,5х4,5 м, с дромосом. Глубина камеры соста- вила 1,4 м. Вдоль стен могильной камеры, за исключением входной части, была вырыта узкая траншея. Вдоль траншеи плотно друг к другу были вертикально установлены брев- на, служившие опорами для деревянного перекрытия камеры. За некоторым исключением вся деревянная конструкция обнаружена в сгоревшем состоянии. В могильной камере вы- явлены останки ок.100 человеческих скелетов, десятки керамических сосудов, каменная печать, бусы из различных минералов и остатки ткани.

Вблизи с. Гарадаглы Геранбойского района изучен курган Узун Рама (Джалилов, 2013). Длина могильной камеры составила 6,5 м, ширина 5,5 м, высота 1,7 м. Сооруженная клад- кой из сырцовых кирпичей могильная камера на 0,9 м была заглублена в материк. Камера была перекрыта бревнами и служила для многоразового использования.

Оба Геранбойских кургана по радиоуглеродному анализу датируются второй пол. IV тыс. до н.э. Этой датировке соответствует технико-типологические данные многочислен- ных керамических сосудов из курганов.

Таким образом, на относительно небольшой территории изучены разнообразные по структуре и погребальному обряду подкурганые захоронения периода ранней бронзы, от- носящиеся ко второй пол. IV и первой пол. III тыс. до н.э. Наблюдаемые различия непосред- ственно связаны с хронологией – временем сооружения этих погребальных памятников. На более древних курганах (Ментештепе, Шадылы, Узун Рама) использованы деревянные перекрытия могильных ям, которые не обнаружены на поздних курганах Шамкирчая. Мо- гильные камеры ранних курганов полностью или частично вырыты в материке и служили склепами для многократного использования. В этих курганах синхронных дополнительных могил не обнаружено. В более поздних курганах наряду с могильными ямами, вырытыми в материке, встречаются погребальные камеры, сооруженные на дневной поверхности. В этих курганах с дополнительными могилами в насыпи, основная погребальная камера, не- смотря на большие размеры, предназначена для одноразового использования – индиви- дуального захоронения (может быть нескольких погребенных). Наблюдаются и некоторые иные отличия в погребальной практике в рамках отмеченных периодов. Вероятно, такие

отличия были обусловлено различиями в погребальной идеологии, как части религиозного мировоззрения, отдельных племен куро-араксской культуры.

Литература

1. Джалилов Б.М. 2012. Об исследованиях Гейгель-Геранбойской археологической экспедиции // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
2. Джалилов Б.М. 2013. О результатах исследований Гейгель-Геранбойской археологической экспедиции // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
3. Лионнет Б., Гулиев Ф. 2011. Археологические раскопки Ментештепе в 2008-2010 гг. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
4. Мусеибли Н.А. 2009. Курганы Шамкирчая эпохи ранней бронзы // Кавказ. Археология и этнология. Международная научная конференция. Материалы. Баку.
5. Museyibli N., Najafov Sh., Hajili Z. 2010. Early Bronze Age Shamkirchai Kurgan // Материалы международной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси.

Брилева¹ О.А., Днепровский¹ К.А., Исерлис² М.

¹Государственный музей Востока, г. Москва

²Германский Археологический Институт, г. Берлин

ПУБЛИКАЦИЯ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ 1986-1988 гг. СЕРЕГИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1986 г. в Адыгее Кавказская археологическая экспедиция (КАЭ) отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока исследовала курган 3 Серегинской курганной группы (Лесков, Днепровский, 1987). Под курганом было обнаружено поселение майкопского периода. В 1987-88 гг. его исследовал К.А. Днепровский (Лесков, Днепровский, 1988; 1989). Благодаря его работе стало известно одно из многочисленных поселений майкопской культуры – Серегинское (Днепровский, Яковлев, 1988; Днепровский, 1991).

62 года назад Е.И. Крупнов определил майкопский феномен как культурно-историческую общность, отметив необходимость исследовать поселения (Крупнов, 1957). Сегодня Серегинское поселение представляется одним из ключевых для понимания структуры жилых памятников всей майкопской КИО. С тех пор были опубликованы результаты раскопок лишь нескольких поселений: в Кабардино-Балкарии – Долинское (Круглов, Подгаецкий, 1941); в Адыгее – Серегинское, Псекупское (Дитлер, Ловпаче, 1988), Чекон, Псекупс и Пхагугапе (Резепкин, Лионне, 2007), Галюгаевское (Корневский, 1995); в Карачаево-Черкессии – Усть-Джегутинское (Мунчаев, Нечитайло, 1966). На них и основано наше представление о майкопском феномене, включающем погребальные и поселенческие комплексы.

Реконструкция некоторых элементов методики и последовательности раскопок дали возможность получить основания для нового детального стратиграфического анализа, произведенного на основе оригинальных планов и чертежей бровок и записям в полевом дневнике за 1986 г.

Курган 3 (Н = ок.2 м, d = до 60 м) расположен в 300 м на запад от кургана 1, в 250 м к северу от р. Грязнухи и в 500 м от автодороги Красногвардейская – Шовгенов. Всего на полевом чертеже на общем плане указано 7 бровок, 6 из них описано в отчете (рис. 1). К востоку и западу от центральной бровки расположены 3 восточных бровки (I, II, III) и 2 западных (I, II). На каждой из них было зачерчено два фаса – западный и восточный.

В абсолютных высотах высшая точка кургана 3 находилась на отметке 50,14 м, от этой точки (R0) велись все замеры. Кроме центрального погребения, связанного с эпохой средней бронзы, обнаружено несколько впускных погребений.

Сравнительный анализ рисунков профилей и планов, а также пересчет уровней указывают на наличие на поселении *многослойного* майкопского поселения. Толщина слоя поселения составляет 0,2-1 м. Постройки и ямы перекрывают одна другую и разница в верхнем уровне груд турлука доходит до 1 м.

Можно разделить археологические (не современные) остатки на памятнике на 4 основных периода (A-D) и 9 фаз (0-8) (табл. 1). К самому позднему периоду А относится меотское конское погребение, впущенное в курганную насыпь. В период В в курганную насыпь было впущено несколько захоронений. К периоду С относится сооружение кургана

и главное захоронение в нем. Курган перекрыл майкопское поселение, остатки поселения находились непосредственно под насыпью, а при его возведении была снята часть верхнего слоя поселения, о чем свидетельствуют профили и присутствие майкопского материала в насыпи. Из этого мы можем заключить, что к началу возведения кургана остатки поселения были расположены близко к поверхности или находились на поверхности.

Период D можно разделить на 5 фаз, одна из которых состоит из двух подфаз (8а и 8б): фазы 4, 6-8 включают в себя архитектуру. Фаза 3 слабо выражена и может относиться к пост-майкопской деятельности или к майкопскому слою, поврежденному строителями кургана.

Таблицу 1 иллюстрирует общий план кургана 3 (рис. 1).

Фаза 8а. Постройка 4 (47,17 м), находившаяся в северо-восточной части раскопа и исследованная в 1988 г., являлась самой ранней в исследованной части Серегинского поселения. Остатки постройки в виде груды турлука ($d = 5,8-7,7$ м), лежавшей на фрагментах прокалённого пола.

Фаза 8б. С разрушением постройки 4 в этой же части поселения были возведены две постройки, относящиеся к фазе 8б и обозначенные номерами 1 и 3. Северо-восточная часть постройки 3 (47,4-47,2 м, $d =$ до 8 м) была построена непосредственно поверх юго-западной части турлучного завала постройки 4 (47,25-47,17 м). К югу от постройки 3 находилась постройка 1 (47,52/47,24 м), турлучный завал которой, размером 6-7 м, был перекрыт постройкой 9 (верхний уровень завала 47,84 м), относящейся к фазе 6.

Фаза 7. Постройка 2, находившаяся к востоку от постройки 1, отнесена нами к фазе 7, следующей за фазой 8б, в которой сосуществовали постройки 1 и 3. Для расположения постройки 2 в другой фазе две причины: 1) нижний уровень завала и пол постройки 2 (47,38 м) находился выше пола постройки 3 (47,2 м) и выше пола постройки 1 (47,24 м); 2) при сосуществовании построек 1 и 2, постройка 2 должна была заслонять восточную стену постройки 1, мешая и входу в помещение. Дверные проемы устраивались жителями Серегинского поселения в восточной (солнечной) стене.

Фаза 6. Поверх остатков поселения фазы 7 были возведены постройки 9 и 10 ($d =$ до 8 м). Груда завала постройки 9 (верхняя часть 47,86 м) перекрывала западную часть завала постройки 1 (47,24 м) и была идентифицирована в обоих профилях I-восточной бровки. Постройка 10 (47,88 м) является самой южной постройкой, идентифицированной на поселении в обоих профилях III- восточной бровки. Яма 31 (47,6 м) была «запечатана» развалом постройки 10 и прорезала развал постройки 2, позволяя проконтролировать стратиграфические взаимоотношения между различными элементами. Яма 32 находилась над постройкой 2.

Фаза 5. К фазе 5 относятся ямы 1 и 30. Яма 30 (47,75 м) была врезана в южную часть завала турлука постройки 10, идентифицированной в III-восточной бровке (рис. 3, в). Яма 1 в центральной бровке зафиксирована под постройкой 8.

Фаза 4. Самое западное помещение 6, идентифицированное в западном профиле II-западной бровки, относится к самой поздней майкопской фазе с архитектурой – фазе 4. К этой же фазе относятся постройки 5 (48,11 м), 7 (48,26 м) и 8 (48,14 м). Остатки постройки 8 (центральная бровка) находились в 9 м к востоку от постройки 6 и представляли собой груду турлука ($h =$ до 0,25 м; $d =$ до 7,7 м). В 8 м от северной границы развала постройки 8, к СВ от неё, в I-восточной бровке находилась южная граница развала постройки 7 (48,26 м, $d =$ ок.5,8-6 м). К югу от постройки 7 и уровнем ниже неё была идентифицирована постройка 9 (верхняя часть завала 48,04 м, основание завала 47,79 м). Завал постройки 9,

в свою очередь, перекрывал завал постройки 1 (47,24 м), относящейся к фазе 8б. В своей восточной части постройка 1 находилась под II-восточной бровкой, в которой был прослежен завал турлука постройки 5 (48,14/47,94 м), относящейся к фазе 4.

Таким образом, наблюдения в бровках I-восточной, II-восточной и III-восточной, а также полноценные раскопки построек 1-4 Серегинского поселения позволяют заявить следующее:

- 1) поселение не является однослойным;
- 2) культурный слой Серегинского поселения достигает 0,9-1 м;

3) поселение характеризуется плотной стратиграфией и частой сменой археологических фаз. Для поселения типичны фазы в 20-30 см с изменяющейся планировкой, включающие в себя здания из турлука с печами, открытые пространства со следами человеческой активности и множеством ям различной формы и глубины. Турлучные постройки возводились иногда непосредственно на гудах турлука ранее рухнувших зданий;

4) опираясь на наблюдения по частоте слоев, мы полагаем, что между разными фазами, относящимися к майкопскому периоду, были небольшие перерывы, либо их не было.

Таблица 1. Стратиграфическое распределение археологических объектов в кургане 3 Серегинской курганной группы и Серегинского поселения под ним.

Период	Датировка/ Археологическая культура	Фаза	Объект зафиксирован в профиле бровки						
			II западная	центральная	I-восточная	II-восточная	III-восточная		
D	IV тыс. до н.э.	8а				Постройка 4 (47.25-47.17)			
		8б			Постройка 3 (47.4-47.2) перекрывает постройку 4				
					Постройка 1 (47.24)				
		7					Постройка 2 (47.53-47.38)		
		6			Постройка 9 (47.84), перекрывает постройку 1		Постройка 10 (47.88)	Яма 31 (47.6), разрезает постройку 2, перекрыта развалом постройки 10	Яма 32 находится под постройкой 2
		5		Яма 1 находится под постройкой 8			Яма 30 (47.75) разрезает постройку 10		
4	Постройка 6 (48.26)	Постройка 8 (48.14)	Постройка 5 (48.14-48.04)		Постройка 7 (48.26)				
D?	IV тыс. до н.э.?	3		Яма 35? (48.14-47.95), разрезает постройку 8		Яма 100			
C	29-28 вв. до н.э.	2	Сооружение кургана и первичное захоронение						
B	?	1	Впущенные в курган погребения						
A	V в до н.э. - III в. н.э.	0	Меотское (?) конское погребение						

В скобках даны высоты залегания объектов в балтийской системе высот. Первая цифра обозначает верхний уровень, вторая – нижний уровень, если указана одна цифра – значит, это единственный известный уровень залегания (например, прослежен уровень, с которого впущена яма, но глубина ямы не зафиксирована).

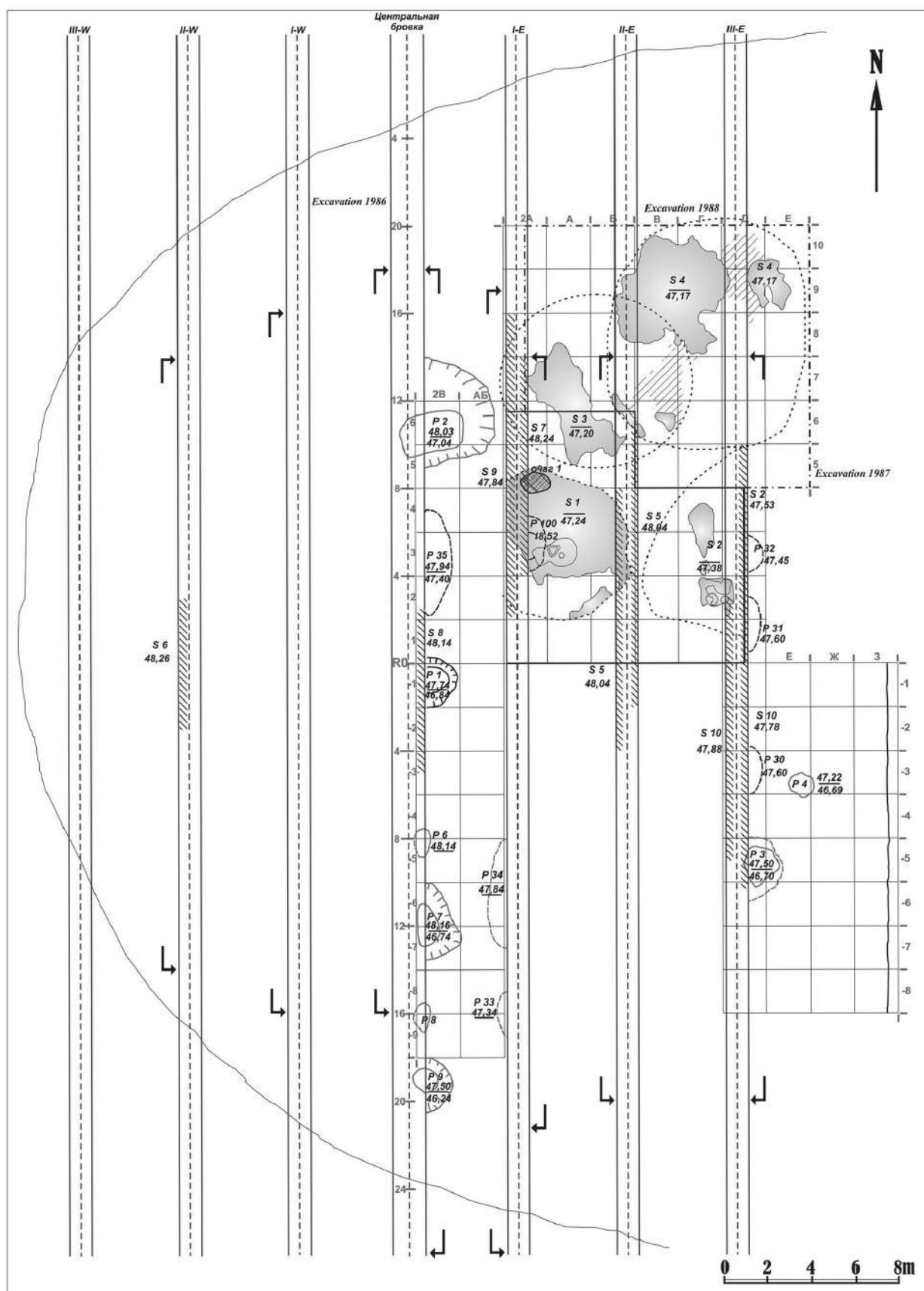

Рис. 1. Общий план кургана за 1986 г., зафиксированные подкурганные объекты в профилях бровок и исследованный в 1987-88 гг. поселенческий слой.

Бурков С.Б.

ГБУ «Институт истории и археологии РСО-Алания», г. Владикавказ

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОГО СОСЛОВИЯ ПОДВИЖНЫХ СКОТОВОДОВ В КОНЦЕ III – НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Для периода финала СБВ – начального периода ПБВ Северного Кавказа археологически зафиксированы миграционные процессы, связанные с изменением природно-климатических условий (Ростунова, Ростунов, 2007; Борисов, Мимоход, Демкин, 2011) и формированием нового блока т.н. «посткатакомбных» культур (Мимоход, 2011; 2013). В их числе – лолинская, присулакская, архонская, бамутская, нежинская (аликоновская) группы памятников. В большинстве из них зафиксированы следы перемещения восточно-кавказского населения – керамические формы, в т.ч. с обмазкой, украшения, которые обнаруживаются далеко за пределами его изначального расселения (Ростовская область, Подонье, Приазовье). Посуда восточно-кавказского типа присутствует и в материалах поселений Западного Кавказа финала СБВ (Кореневский, Мимоход, 2011). В качестве источника для изучения процессов формирования нового хозяйственного уклада, связанного с подвижным скотоводством его различных моделей, в первую очередь – предгорно-равнинного, а затем и следующего этапа – миграционного, могут быть привлечены и другие погребальные и поселенческие комплексы.

Погр. 1 кург. № 1 и погр. 1 кург. № 3 Утамышского могильника, гробница в урочище «Гентал». Обряд, инвентарь: четырехколесная повозка, деревянные саркофаги; височные подвески из серебра и золота в 1,5 оборота, длинный «рогатый» бисер, предметы вооружения (Котович, Котович, Магомедов, 1980).

Погр. 11 кург. № 2 Бамутского могильника. Обряд: скелет в позе т.н. «архонской группы – II». Инвентарь: спиральные бронзовые ленточные пронизи и костяное изделие, подобное кольцевидным пряжкам т.н. «раннебабинского» типа (Кореневский, Мимоход, 2011). Разрушенное погребение из кургана № 4 того же могильника с фрагментом нижней части сосуда с намечающимся поддоном (вторая пол. II – нач. I тыс. до н.э. (Мунчаев, 1965). Раннекобанские бронзовые наконечники и две подвески в виде кистей рук из кургана у с. Знаменское (Виноградов, Исламов, 1965).

Могильник «Бамутский поворот», погр. 11 кург. № 4 гр. II. Основное захоронение в деревянном срубе с перекрытием из деревянных плах, обмазанных глиной. Скелет скорченно на левом боку, головой на север (Савенко, Виноградов, 1988). Обряд – старшая ступень архаического периода срубной КИО Орельско-Самарского междуречья (Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова, 1986). Инвентарь: амфора типа Нартан – Чикола, бронзовый кинжальный клинок с отверстием в рукояти, золотые витые пронизи, височная подвеска в 1,5 оборота, пастовые и сердоликовые бусы.

Могильник «Бамутский поворот», курганы №№ 5-8, 11, центральные погребения. Обряд: ямы подтрапецевидной, подпрямоугольной формы, скелеты скорченно на левом боку, головой на восток, СВ, север. Инвентарь: керамика с обмазкой, «рогатый» бисер,

бронзовый наконечник дротика, золотая подвеска в 3,5 оборота с обратной, т.н. «переложной» петлей, пастовые бусы.

Могильник «Ассиновские курганы», кург. № 6, погр. № 14 (впускное). Обряд: скелет скорченно на левом боку, головой на ЮЮЗ, на разобранной деревянной 4-х колесной повозке. Инвентарь: 2 сосуда («бедени», пост-аракс), курильница, 2 золотые височные подвески в 1,5 оборота.

Экажевское поселение, верхний хронологический горизонт, керамика восточно-кавказских форм (Атавин, Лопан, Маслов, 1999). Памятник документирует распространение населения типа «Гинчи – Гатын-кале» и подкурганых захоронений типа «Бамут – Архонская». Погребения фиксируют «выплеск» населения с Северо-Восточного Кавказа. Подвески из драгметаллов, оружие маркируют социально престижные военизированные захоронения вождеского типа.

В предкобанское время в Предкавказье сложилось новое этнообразование, отличное от племен СБВ (Кореневский, 1990, Козенкова, 1996). Основу его экономической модели составляло подвижное скотоводство. В ходе миграционных волн создавались условия для формирования военного сословия. К последним векам II тыс. до н.э. оно принимает форму в начале – социально-престижных маркеров, а в дальнейшем – всаднических группировок (Козенкова, 1989; Дударев, 1999; Махортых, 1990; Бурков, 1999).

Трансформация культурного типа происходила под влиянием климатических изменений в конце III – нач. II тыс. до н.э. и на рубеже II- I тыс. до н.э. (Александровский, Александровская, 2005). Они приводили к экологическим, культурным и экономическим изменениям, к необходимости освоения комплексных экологических зон, к сложению новых экономических моделей (Марков, 2010). Это создало возможности освоения новых территорий скотоводческими в своей основе культурами (Махортых, Иевлев, 1991). Уменьшение площадей пригодных пастбищ в степи требовало поиска новых территорий, прежде всего, в зоне предгорных равнин. Для этого были необходимы группы пастухов-воинов. Локальная аридизация вызывала необходимость включения в экономический потенциал подвижного скотоводства. Это позволяло решить проблему пастбищной деградации и избытка населения и приводило к «переформатированию» сезонных зональных вертикальных перемещений в горизонтальные. Это демонстрируют учтенные нами комплексы от предгорий Дагестана до Ставропольской возвышенности. Условия вертикальной зональности накладывают отпечаток своеобразия на отдельные группы памятников и документируют не этнический компонент, а разные хозяйственно-культурные типы (Козенкова, 1996). Генезис посткатакомбных памятников в Предкавказье связан с инфильтрацией в степь восточно-кавказского населения Гинчи и Присулакского региона. Это масштабное передвижение было вызвано резкой аридизацией климата. Крайне неблагоприятная экологическая ситуация привела к нехватке зимних пастбищ на Кавказе, что стало причиной перемещения в степь скотоводческих групп с Северо-Восточного Кавказа (Мимоход, 2012). Большая растянутость пастбищной территории приводила к ее значительной уязвимости. Защита зимних и весенних пастбищ составляла наиболее трудную задачу. Усиление столкновений между отдельными группами приводило к увеличению подвижности военизированных групп (Марков, 1976). Происходило обособление функций военного и хозяйственного лидерства (Техов, 1977). Эта тенденция продолжила формировать новые сообщества уже в финале ПБВ и в начале РЖВ.

На раннем этапе формирования кобанской культуре были свойственны миграционные процессы. Хозяйственно-культурный тип мигрантов на начальном этапе – подвижно-

пастушеский, а затем – кочевой, в стаде растёт роль лошади, как и социальная значимость конных пастухов-воинов. Наличие в курганах финала ПБВ впускных захоронений с кобанским инвентарем и с элементами кочевых традиций – это фиксация изменений в социально-престижном плане под влиянием кочевнических традиций, но лишь с точки зрения смены культурно-хозяйственного типа. Курганный обряд является признаком определенного социального статуса погребённого и не фиксирует его принадлежность к определенному этносу или культуре (Эрлих, 1994). Подобные престижные группы кобанского военизированного населения осуществляли мирные и немирные контакты с чужеземцами, через них происходил процесс внедрения инноваций в области вооружения и конского снаряжения. Могли иметь место и военные походы с целью обогащения (Козенкова, 1975). Этот же механизм в подобных же формах сохранялся и в последующие времена.

Гусейнова М.М.

Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку

БЫК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЗЕРБАЙДЖАНА ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

Бык занимал важное место в хозяйственной жизни древнего населения Азербайджана. В периоды мезолита и неолита он был объектом охоты, а в последующие периоды широко использовался в хозяйстве. Быков изображали на скалах, изготовляли их фигурки, хоронили вместе с людьми.

Древнейшие изображения быков на территории Азербайджана выявлены в Гобустане и датированы эпохой мезолита. Здесь изображения диких быков переданы почти в натуральную величину. В период мезолита быки были важным объектом охоты гобустанцев (Джафарзаде, 1973).

Наскальные изображения быков, а также изображения быков, запряженных в повозку, мы встречаем на памятнике эпохи бронзы Гямигая в Нахчыване. Здесь зафиксировано более 40 изображений повозок, а основными упряжными животными предстают быки, изображенные с крупными дугообразными рогами (Муσειбли, 2004. С. 19-23).

При раскопках многослойного поселения Кюльтепе I в Нахчыване в слое ранней бронзы была обнаружена глиняная фигурка быка. Хотя голова у фигуры отсутствовала, характерные для этого животного форма и пропорции туловища и наличие отверстия, часто встречающееся именно у терракотовых фигурок быков, подтверждают, что это именно фигурка быка (Абибуллаев, 1982. С. 89, 305). Во втором раннебронзовом горизонте Кюльтепе I была выявлена глиняная модель повозки, что свидетельствует о наличии в тот период упряжных транспортных средств.

На поселении Кюльтепе I выявлены фигурки различных животных, но численно преобладают фигурки быков (21 экз.). Все они имеют на носу или на шее небольшое отверстие (Абибуллаев, 1982. С. 141). Следует также отметить, что среди многочисленных фигурок животных, обнаруженных в различных регионах, только у фигурок, изображающих быков, на шее имеются сквозные отверстия. Вероятно, что эти отверстия указывают на использование их в качестве упряжных животных. Отмеченные факты свидетельствуют о значительной роли быков в хозяйстве того периода.

Быки, наряду с обеспечением людей важнейшими продуктами питания и ремесленным сырьем, были также и незаменимыми упряжными животными. Поэтому их и в этом качестве широко использовали как земледельческие, так и скотоводческие племена уже в период бронзы. Столь высокое значение быка в жизни и хозяйстве людей способствовало тому, что его образ в сознании древних людей был возвышен до уровня культа. В материальной культуре Нахчывана периода ранней бронзы образ быка представлен достаточно широко. При раскопках таких поселений раннебронзового периода, как Кюльтепе I, II, Шортепе, Махта и другие, найдены как терракотовые фигурки быков, так и очажные подставки, изготовленные в форме головы быков. Это также свидетельство того, что в идеологических взглядах древнего населения Нахчыванского края образ быка имел широкое распространение (Муσειбли, 2004. С. 121).

Заметное положение образа быка в религиозно-мифологической системе периодов неолита-бронзы подтверждается и частым обнаружением их останков в погребениях этих периодов. Это отмечал еще в середине XX в. Я.И. Гуммель, проводивший раскопки погребальных памятников эпохи бронзы в Ханларском (совр. Гейгельский) районе (Гуммель, 1992. С. 9).

Интересный погребальный обряд с быками выявлен при раскопках кургана Гасансу в Акстафинском районе. В этом датированном периодом средней бронзы погребальном памятнике зафиксирован очень сложный погребальный обряд, имитирующий погребение на повозке, запряженной быками. Головы быков были расставлены по углам могильной камеры. Покойник был уложен на специальное ложе из плоского известняка и дерева, а более 70 различных сосудов были расставлены таким образом, чтобы имитировать контур повозки (Müseyibli, Ağalarzadə, 2013. S. 26). Особенное положение черепов быков и расположение сосудов наводит на мысль о том, что захоронение проводилось, будто бы, на запряженной быками повозке.

Начиная с конца периода средней бронзы постепенно на смену быкам, как основным упряжным животным, приходят лошади. Этот процесс нашел свое отражение в погребальном обряде Мингечаурского кургана, где наряду с захоронениями быков уже появляются и захоронения лошади (Müseyibli, Ağalarzadə, 2013. S. 30). Начиная с периода поздней бронзы в погребениях стали уже доминировать скелеты лошадей.

В Керимлинском кургане № 1, исследованном в Огузском районе на севере Азербайджана, среди прочих многочисленных артефактов была и золотая фигурка быка породы зебу (Muxtarov, Vədəlova, 2010. S. 81). Эта фигурка использовалась как навершие булавы. Её обнаружение в погребении конца эпохи средней бронзы свидетельствует о том, что в этот период в погребальной обрядности еще сохранялись элементы, связанные с почитанием культа быка.

Археологические находки, связанные с быками, встречаются и в регионах Передней Азии. Мы коснемся лишь некоторых из известных таких находок. Так, в Иране в области Хузистан при раскопках древних Суз в одной из могил был выявлен керамический сосуд с изображением четырехколесной повозки с запряженными в нее двумя быками-зебу. В самой могиле находился скелет быка с кольцом в ноздрях и скелет человека, возможно, погонщика (Чайлд, 1956. С. 204). Изображение быка рядом с людьми на священной ладье мы видим на оттиске цилиндрической печати первой пол. III тыс. до н.э. из Ура. Здесь же, в одной из царских гробниц, найдена голова быка с загнутыми в виде полумесяца рогами, являвшиеся навершием резонатора арфы (Дмитриева, Виноградова, 1989. С. 100-113).

Так как чаще всего рога быков изображались в виде полумесяца, этот образ связывали с культом Луны. Действительно в мифологии древнего Ирана и Индии образ быка ассоциируется с образом лунного божества. В шумерско-аккадской мифологии бог луны Сингой изображается в виде бородатого быка, что и зафиксировано на отмечавшемся навершии арфы из гробницы в Уре.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что быки, игравшие важную и чаще всего доминирующую роль в хозяйственной жизни древних племен на территории Азербайджана, являлись объектом культового поклонения.

Литература

1. Абибуллаев О.А. 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
2. Гуммель Я.И. 1992. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. № 4.
3. Джафарзаде И.М. 1973. Гобустан наскальные изображения. Баку.
4. Дмитриева Н.А., Виноградова Н.А. 1989. Искусство древнего мира. Москва.
5. Мусейбли Н. 2004. Гямигая. Баку.
6. Чайлд Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Москва.
7. Muxtarov N., Vədəlova İ. 2010. Şəki-Qax-Oğuz arxeoloji ekspedisiyasının 2010-cu il tədqiqatları (Şəki-Qax-Oğuz rayonları) // Azərbaycanada arxeoloji tədqiqatlar 2009. Bakı.
8. Müseyibli N., Ağalarzadə A. 2013. Həsənsu kurqanı. Bakı.

Давудов Ш.О.

ОАО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

ПОСЕЛЕНИЕ СТАРОТИТАРОВСКОЕ 19 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ КИО

В июне – августе 2015 г. Старотитаровский отряд ОАО «Археологическое общество Кубани» (Давудов, 2015) проводил раскопки крупного многослойного поселения у ст. Старотитаровской (рис. 1а) в 40 км на восток от ст. Таманской Краснодарского края. Поселение получило название Старотитаровское 19. Оно расположено в 6,1-6,75 км к СЗЗ от кладбища ст. Старотитаровской, на склоне возвышенности. На поселении было исследовано более 7000 кв. м, выявлено 209 объектов – хозяйственных ям, землянок, ровиков и погребений в хозяйственных ямах. Большая часть объектов датируется эпохой ранней бронзы и античным периодом.

Слои поселения перемешаны, хронологические горизонты не прослеживаются. Относительно слабо потревожены только самые нижние слои, которые относятся к эпохе ранней бронзы. Также, отдельные комплексы относятся к рубежу поздней бронзы – РЖВ (12 объектов) и средним векам (2 объекта). Античные материалы Старотитаровской-19 датируются V-IV вв. до н.э. Основной тип исследованных объектов античного времени – хозяйственные ямы. Материалы эпохи поздней бронзы – РЖВ малочисленны и разрознены. Наиболее интересны и представительны слои эпохи ранней бронзы. Этим временем датируется большинство исследованных объектов.

Наиболее показательные находки эпохи ранней бронзы представлены каменными топорами (рис. 1в, 1), кремневыми пластинами с ретушью (рис. 1в, 2), сосудами ручной лепки различных размеров и форм. Один из типичных, крупных сосудов имеет шаровидное тулово, узкое горло, круглое дно и следы небольшой ручки (рис. 1в, 3). Более мелкие сосуды (рис. 1в, 4-6, 10) представлены кубком с высоким цилиндрическим горлом, небольшим округлым туловом и слегка уплощенным дном (рис. 1в, 10). Другой – плоскодонный горшок с хорошо обозначенным туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 1в, 5). Третий сосуд имеет круглое дно и прямой венчик (рис. 1в, 4).

Также интересны двугорлые сосуды ближневосточного типа (рис. 1в, 9) и красно-охристые, с орнаментацией и без нее, сосуды с реберчатым туловом (рис. 1в, 7). Их можно отнести к реберчатым майкопским сосудам группы РБ-2 (Кореневский, 2004. Рис. 43, 45). Сосуды такого типа известны из разных памятников Западного Предкавказья, например, из кургана Синюха (Трифонов, 2014. С. 278. Рис. 2, 1), из погр. 15 кургана 1 могильника Ольховский (Кореневский и др., 2018), и относятся к позднему этапу майкопско-новосвободненской общности (МНО).

Также, на поселении представлены разнообразные вариации т.н. глиняных конусов – очажных приставок (рис. 1в, 8, 11). Все найденные конусы имеют грибовидную головку – группа 3 по типологии С.Н. Кореневского (Кореневский, 2013. С. 108-110).

Судя по описанным находкам, поселение датируется концом IV тыс. до н.э. и может быть отнесено к псекупскому варианту МНО.

На поселении исследованы три жилищные впадины, полуземлянки (Р1 – об. 9; Р3 – об. 45; Р4 – об. 2). В том числе крупная землянка, размерами 12,8х6,4 м (Р4 – об. 2),

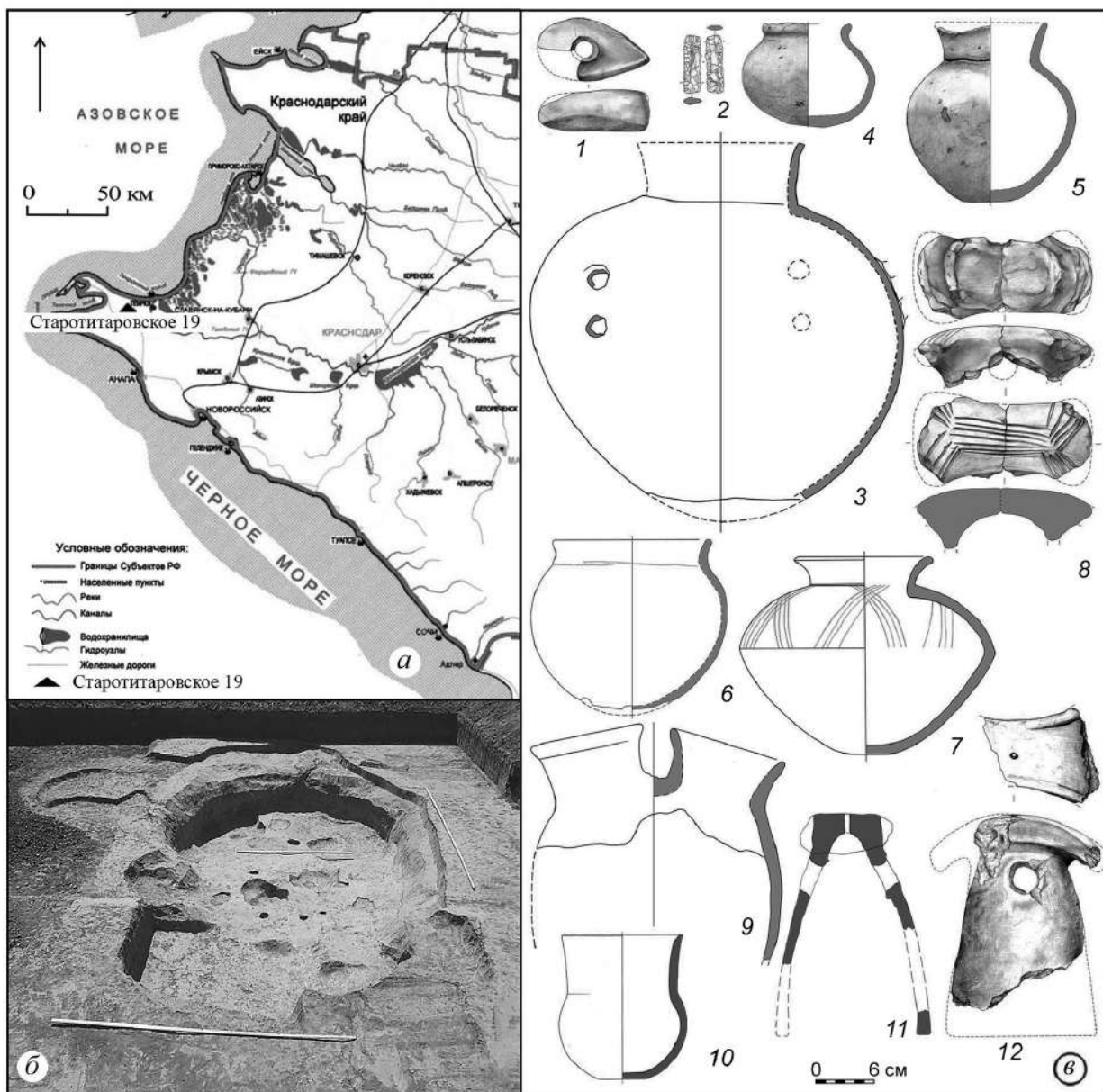

Рис. 1. Поселение Старотитаровское 19: а - местоположение поселения на карте; б - землянка (Р4, объект 2); в - находки: 1, 2 - камень; 3-11 - керамика

состоявшая из нескольких конструктивных зон. Прослежен вход в жилище, с тремя ступеньками. Внутреннее пространство разделяется на две зоны – подпрямоугольный участок, примыкающий к входу, и подовальный, заглублённый участок, расположенный в противоположном от входа конце жилища. В обоих помещениях прослежены многочисленные выемки, ниши, остатки опорных столбов и развалы обмазки, указывающие на наличие перекрытия и, возможно, легких стен (рис. 16).

Также в хозяйственных ямах эпохи ранней бронзы были обнаружены человеческие погребения разной степени сохранности: Р1 – об. 16; Р2 – об. 46 содержали плохо сохранившиеся остатки скелетов; Р2, об. 58-Б – групповое захоронение с четырьмя хорошо сохранившимися скелетами (Корневский, Давудов, 2019. С. 127-138). Такая погребальная обрядность не согласуется с типичными обычаями захоронения в курганах племен МНО. Также, погребения на территории майкопских поселений к востоку от причерноморской полосы – явление необычное. В причерноморских поселениях они встречаются, но редко. Так, на поселении Чекон в Анапском районе тоже были зафиксированы человеческие останки (Корневский и др., 2015).

Судя по концентрации материалов, можно сделать определенные выводы о структуре поселения в разные эпохи. Античное поселение (кон. VI-IV вв. до н.э.) занимало более возвышенный участок в северо-западной части памятника, слабо распространяясь на более низменную, юго-восточную часть. Поселение эпохи ранней бронзы было более обширным и занимало также низменность ближе к берегам балки.

Литература

1. Давудов Ш.О. 2019. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях поселения «Старотитаровская 19» на территории Темрюкского района Краснодарского края в 2015 г. // Архив ИА РАН.
2. Корневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. М.
3. Корневский С.Н. 2013. Культ жилища и очага у племен майкопско-новосвободненской общности (к проблеме символики обитаемого пространства) // *Stratum plus*. № 2.
4. Корневский С.Н., Давудов Ш.О. 2019. Поселение эпохи раннего бронзового века у станицы Старотитаровской Краснодарского края и найденное на нем погребение // *КСИА*. Вып. 255.
5. Корневский С.Н., Медникова М.Б., Бочковой В.В. 2015. Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности // *АЭАЕ*. Т. 43. № 2.
6. Корневский С.Н., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Яцюк Д.А. 2018. Майкопские погребения могильника Ольховский // *Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сб. к 90-летию со дня рождения Р.М. Мунчаева*. (в печати.).
7. Трифонов В.А., 2014. Западные пределы распространения майкопской культуры // *Изв. Самарского научного центра РАН*. Т. 16. № 3.

Дмитриев А.В.

НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

АРХИТЕКТУРА КАВКАЗСКИХ МЕГАЛИТОВ

Прошло почти два века, как начали изучать кавказские мегалиты (дольмены), но мы пока не можем ответить на вопросы – кто, когда, для чего построил эти сооружения? Это связано со спецификой отечественного исследования дольменов, базирующегося на изучении формы и содержимого камер. Так, В.И. Марковин, исследовав более 100 камер, не раскопал ни одного дольмена с окружающими его насыпями и крепидами.

Г. Чайлд считал, что все или почти все сооружения с камерой покрывались курганом или пирамидой из камней, которые строились с особой тщательностью и были *укреплены сухой кладкой* (Чайлд, 1952. С. 466). Его высказывание подтверждают раскопки больших площадей вокруг камер.

В 1986, 1987 г. на р. Озерейка у Новороссийска был раскопан комплекс из трех плиточных дольменов (камер), окруженных крепидами, которые поддерживали каменную насыпь вокруг камер (рис. 1, 1). В плане крепиды имели вид параболы с порталными нишами и в отдельных местах сохранились выше перекрытия камеры (Кононенко, 1988).

Пять подобных сооружений были выявлены в комплексе 2 (рис. 1, 2). (Дмитриев, 2007. С. 64-72). Около 10 крепид обнаружено на р. Ачибс у Геленджика. Остатки аналогичных порталных ниш имеются у дольменов Сочи (рис.1, 3).

Б.В. Мелешко в Назаровой щели в 1998 г. и Д.Э. Василенко в 2002 г. в местечке Тешебс г. Туапсе раскапывали камеры дольменов под каменными насыпями с остатками крепид из вертикально поставленных плит (рис. 1, 16-19).

Круглые в плане крепиды из крупных блоков дольменов 1 и 2 на р. Жане и в Джубге были раскопаны В.А. Трифоновым (Куликова, Трифонов, 2001. С. 96-100; Трифонов, 2009. С. 154-162).

Стену-крепиду с насыпью над камерой дольмена пока можно условно назвать «башней». Подобные башни известны в разных регионах мира. В Болгарии у с. Белеврен найдены 2 дольмена с насыпями из камней, окруженные крепидами с порталной нишей (рис. 1, 4). На о. Менорка в эпоху бронзы из массивных глыб строили наветы параболической в плане и в поперечном сечении формы (рис. 1, 5,6). Контур насыпи параболической формы видны на фото дольмена в Галилее (рис. 1, 7).

Дольмен Псынако первоначально тоже имел башню, которая была разрушена грабительской ямой, а затем прорезана большим шурфом М.К. Тешева. Под влиянием форм западных погребальных сооружений Древнего мира, имеющих помещения с купольными перекрытиями, В.И. Марковин решил, что Псынако имел толос, в который была заключена камера (Марковин, 2011. С. 22-26, 37, 38). На это его натолкнула округлая наружная поверхность крепиды булыжной насыпи и пустота над камерой, образовавшаяся в результате большого шурфа. В.И. Марковин не учел, что свод толоса из булыжной кладки сделать невозможно. Входа в «толос» не было, пространство между крепидой и камерой было заполнено булыжником. По описанию кладки «толоса» и неполным чертежам мной выполнены план, разрезы и реконструкция самого сооружения (рис. 1, 8-11). Это была башня округлой формы. Как выглядел фасад – неизвестно. На чертежах показано «обрушение

кладки». На второй стадии (вероятно, через большой срок после строительства башни с камерой) в порталной нише к фасадной плите был пристроен дромос, а над башней возведена насыпь из глины и булыжника.

Наземные дольмены Западного Кавказа представляли собой башни округлой или параболической формы с камерой из плит или блоков с плоским или изогнутым фасадом. На фасаде имела глубокая или не очень глубокая порталная ниша с плитой камеры, имевшей отверстие. Портал башни и внутренняя поверхность камеры были тщательно отделаны (рис. 1, 12-15). Следует учесть, что «подковообразные гробницы» вполне вписываются в контуры параболических башен.

Принято считать, что дольмены строили, как погребальные сооружения. Действительно, почти во всех камерах, закрыты ли они насыпями или нет, находят захоронения от эпохи бронзы до лошадей с железными пряжками (Марковин, 1997. С. 80, 81). Но никто из исследователей еще не раскопал какой-нибудь дольмен через отверстие в плите. Все раскопанные дольмены имели проломы в стенах или перекрытии. Даже «запечатанный» дольмен Колихо, где обнаружили кости 70 чел., не имел крыши и большей части передней плиты (Трифонов и др. 2012. С. 100-106).

Предполагали, что дольмены – это оссуарии. Для этой цели их конструкция неудачна. Низко посаженное отверстие не позволило бы рационально использовать объем камеры. В случае использования камеры, как костехранилища, в ней или рядом с ней накопилась бы масса костей, но этого не отмечено.

Есть мнение, что для «просовывания покойника» достаточно отверстия более 35 см (Лавров, 1960. С. 105. Трифонов, 2001. С. 31). Но в Геленджикском краеведческом музее хранится несколько пробок диаметром менее 30 см. В отличие от кавказских, европейские мегалитические сооружения имеют вполне удобный вход для совершения погребения. В то же время под земляными насыпями у ст. Новосвободной исследованы дольмены с дополнительной камерой, специально приспособленной для захоронений.

Можно полагать, что первоначально на Кавказе строились камеры одинаковой конструкции. Каменные ящики и новосвободненские гробницы специально делались для погребений и засыпались землей. Камеры, заключенные в башни, строились, как культовые сооружения (хранилища духов, душ?). Это продолжалось несколько столетий. На каком-то этапе времени культ испытывает затруднения. Башни становятся руинами. Новое строительство сокращается. Появляются ложнопортальные дольмены, порталы засыпаются с сооружением «дромосов» и т.д.

И только на третьем этапе полуразрушенные дольмены в башнях начинают использовать для захоронений. Этот последний этап изучается почти 200 лет. Дольмены сейчас датируют по артефактам их вторичного использования, а не по времени их строительства, которое еще предстоит определить. Самые ранние находки в дольменах пока определяют только начальную стадию деградации культуры, а не начало строительства.

Эта теория поднимает много проблем. Имеет ли «дольменная» культура и «культура строителей дольменов» отношение к первоначальным культовым сооружениям? Поселения «строителей дольменов» и ранние погребения в камерах могут принадлежать их разрушителям, а захоронения вне дольменов (более ранние, чем первые погребения в дольменах) могут относиться к строителям дольменов.

Чтобы выяснить это, нужно вести раскопки дольменов большими площадями, определить, какие камеры изначально были полностью засыпаны землей (гробницы), а какие находятся под развалами башен (культовые сооружения), и не искать ответы только в

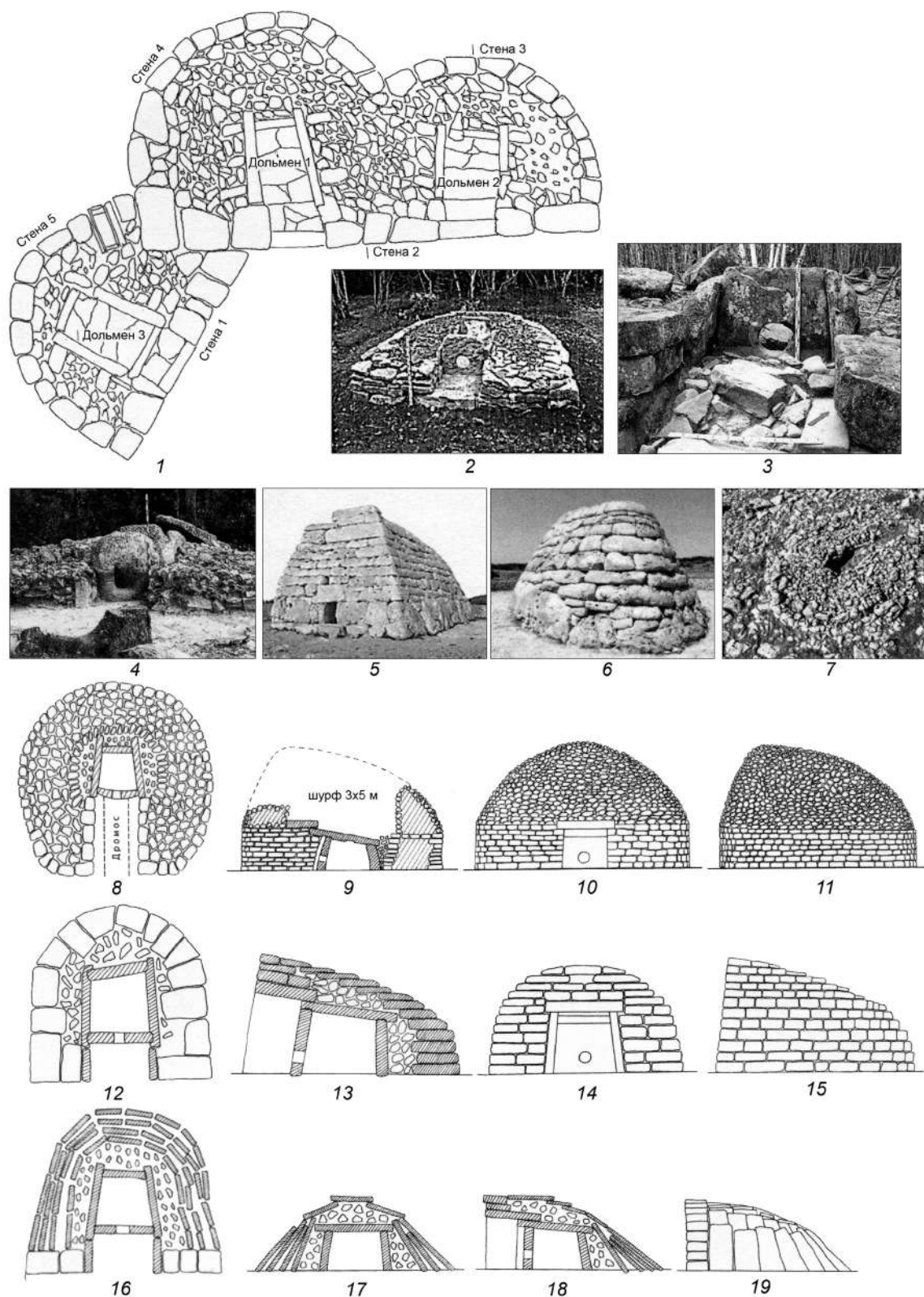

Рис.1. Реконструкция внешнего вида кавказских дольменов. 1- дольменный комплекс 1 на р. Озерейке; 2- крепида дольмена 4 комплекса 2; 3- порталъная ниша дольмена г. Сочи; 4- дольмен в с. Белеврен (Болгария); 5, 6- навета (о. Менорка), 7- башня дольмена в Галилее; 8, 9- план и разрез дольмена Псынако; 10, 11- реконструкция башни; 12, 13 план и разрез башни дольмена с «портальными выступами»; 14, 15 реконструкция фасадов; 16 – башня из вертикальных плоских плит (план); 17, 18 – разрезы башни; 19- реконструкция бокового фасада.

камерах. Абсолютная датировка сооружений должна быть основана не на позах и инвентаре погребенных в камерах, а на анализах веществ из-под самих конструкций.

Литература

1. Дмитриев А.В. 2007. Восстановление двух дольменных комплексов в верховьях реки Озерейки // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 1. Новороссийск.
2. Дмитриев А.В., Дрыга Д.О., Малышев А.А., Моор В.В. 2018. Дольмены в антропогенном ландшафте полуострова Абрау // Сибирские исторические исследования. № 3.
3. Кононенко А.П. 1988. Дольменный комплекс близ г. Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала.
4. Куликова О.П., Трифонов В.А. 2001. Как сохранить дольмены – культурное наследие древних народов Западного Кавказа // Дольмены. Современники древних цивилизаций. Краснодар.
5. Лавров Л.И. 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XXXI. Сухуми.
6. Марковин В.И. 2011. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик.
7. Трифонов В.А. 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения. Краснодар.
8. Трифонов В.А. 2009. Дольмен в п. Джубга (предварительные результаты исследования) // Вестник РГНФ. № 1.
9. Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А. Ришко С.А. 2012. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.
10. Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М.

Ильюков Л.С.

ЮНЦ РАН, г.Ростов-на-Дону

КОСТЯНЫЕ ПРЯЖКИ ТИПА ИПАТОВО–ТИПКИ (ЛОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА)

*Работа выполнена в рамках проекта (№ 0256-2019-0042) № гр.01201354248
«Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших
времен до нового времени»*

Среди костяных изделий выделяется группа пряжек, которым дано название Ипатово–Типки. Они характерны для лолинской культуры (Калмыков, Мимоход, 2005). К 4 экз. этого типа, обнаруженным в курганах Предкавказья, добавился еще один предмет, найденный 2015 г. в Родионовском могильнике в верховьях Егорлыка на Ставрополье.

Он происходит из погр № 3 кургана № 5 курганного могильника Родионов-4. Погребение было впущено в центральную часть большого кургана высотой ок.3,5 м. Глубина погребения -1,88 м от Цо. На дне могилы на подстилке темно-коричневого цвета лежал скелет взрослого человека, положенного скорченно на левом боку, головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти у лица, ноги поджаты. В области живота зафиксированы деревянные угольки.

На груди погребенного находилась костяная подвеска. Она состоит из трубчатой проници, которая крестовидно соединена с короткой планкой, нижняя часть которой заканчивается кольцом. Края проници с двух сторон окольцованы желобками. Ее высота ок.4 см, длина проници 3 см, диаметр кольца подвески 2 см.

Аналогичные подвески обнаружены в могильниках Ильинском I (кург. 1 погр.6), Ипатово III (кург. 2 погр.13) и Типки I (кург.2 погр.4). Эта группа изделий четко локализована в Центральном Предкавказье (Мимоход, 2013.Илл. 59, 60, 5-7). Особняком от них стоит изделие из могильника Кривая Лука XXI (кург. 1 погр. 9) Поволжье. У этой находки полая проница заменяется узким и коротким отрезком прута, от которого свисает вертикальная планка с кольцом на конце. Концы прута заканчиваются двумя полусферическими шляпками, напоминающими «молоточки костяной булавы». Полусферические «молоточки» с двух сторон отделены от вертикальной планки глубокими желобками. Эту группу изделий Р.А. Мимоход причисляет к группе фигурных поясных деталей. По своему местонахождению – в районе тазовых костей – они тяготеют к поясным предметам. Однако в ряде случаев (Чограй VIII, Кевюды) они найдены в стороне от пояса: на груди, перед лицом погребенного или в районе коленей. В двух случаях (Типки I, Родионовский) они обнаружены на груди погребенного. На аккумулятивной схеме эти предмеры обнаружены не только у коленей, но и в области груди. Поэтому считать их только пряжками вряд ли правомерно. Их функция была шире. Часть их могла использоваться в качестве подвесок (Мимоход, 2013. С.110. Ил.57, 62).

В ряде случаев их истоки были связаны с северокавказскими кольцевидными подвесками эпохи средней бронзы. В отличие от северокавказских, лолинский медальон состоял из двух элементов: короткой бусины или проници с желобками, к которым крестовидно подвешивался на тонкой планке кольцевидный диск.

В бабинское время встречаются отдельные короткие трубки с кольцевыми желобками, которые не имели привесок. Эти предметы были выточены из трубчатых овечьих костей (Арбузов). Среди лолинских находок встречаются узкие кольцевидные обрезки кости, которые снаружи окольцованы 1-2 желобками. Подобные предметы найдены в покровских и раннесрубных памятниках. Иногда кольцевидный спил снаружи опоясан несколькими валиками, на поверхности которых просверлена пара мелких отверстий для подвешивания.

Подвески типа Ипатово–Типки не содержат дополнительной петельки для их подвешивания на шнурке, как и находки из бабинских (Ливенцовская крепость, погр.б) и вольско-лбищенских памятников (Тамар-Уткуль). Если у последних крестовидно расположенная бусина была простой, то у ипатово-типковских экземпляров она представляла собой гофрированную пронизь, кроме находки из Кривой Луки. Последняя по краям имеет пару выпуклых дисков, между которыми размещен валик планки с кольцевидной подвеской. По-видимому, в этом ряду подвесок особое место занимает находка из Донифарса с выделенной бусиной с поперечным отверстием, от которой на короткой зауженной планке свешивалось кольцо, снаружи порытое несколькими рядами углубленных точек (Мимоход, 2013.Ил.61, 10).

Очевидно, Северный Кавказ являлся эпицентром развития костяных подвесок, имевших планку с колечком на конце. Наиболее простой их формой являлась находка из Гинчинского склепа 2, у которой простая планка в верхней части имеет поперечное отверстие, а в нижней части она плавно преобразована в кольцо (Мимоход, 2013.Ил.61, 13). На следующем этапе их развития эта планка крестовидно соединяется с простой бусиной или пронизью и гофрированной поверхностью (Мимоход, 2013.Ил.61, 16, 17). Пронизь опоясана рядом валиков, среди которых средний являлся основанием для крепления планки с кольцевидной подвеской (Мимоход, 2013.Ил.60, 5-7). Особую группу подвесок составляют находки, у которых поверхность поперечного монолитного стерженька, не имевшего сквозного отверстия, покрыта парой глубоких кольцевидных желобков, они с торцов заканчиваются полусферическими шляпками. По Р.А. Мимоходу, они напоминают «молоточки костяной булавы». С другой стороны, они напоминают невысокие грибовидные выступы на навершии каменной булавы или полусферических бляшек с парой отверстий для пришивания.

Узкая планка с кольцом имела не только боковое крестовидное соединение для ремешка или веревочки. Иногда отверстие для подвешивания располагалось на лицевой поверхности планки (Мимоход, 2013.Ил.61, 11-18). Тогда для подвешивания подвески требовалась дополнительная петелька, которая обеспечивала бы крестовидное соединение подвески со шнуром или ремешком.

Крестовидное соединение характерно для всех изделий типа Чограй-Кевюды. В одном случае щиток ирганайского изделия, украшенный циркульным орнаментом, тоже имел поперечное отверстие, как у находок типа Чограй – Кевюды или Ипатово – Типки. Ряд костяных изделий из Дагестана с фигурным орнаментированным щитком снабжен парой сквозных отверстий для закрепления предмета на конце поясной ленты, расположенных на поверхности самого щитка, а не сбоку. На фигурных костяных пряжках бабинской культуры фигурный щиток имеет поперечную щелевидную прорезь, в которую вставлялся конец ремня. На поверхности щитка, вдоль его края, просверлен ряд отверстий для закрепления конца ремня, вставленного в щелевидное отверстие. Этот щиток примыкал к полуовальному массивному центру изделия, у которого снизу был вырезан узкий овальный выступ-грибок для застегивания противоположного конца ремня, имеющего прорезь на конце (Мимоход, 2013.Ил.61, 5-9).

Вероятно, кольцевидные подвески с крестовидным креплением являлись продукцией Северного Кавказа. Тогда как другая группа изделий, связанная с их жестким креплением на конце ремня, была связано со степным миром Восточной Европы. Такое крепление было характерно для бабинских пряжек-запонок.

Литература

1. Ильюков Л.С. 2016. Костяные пряжки-запонки бабинской культуры // Наука Юга России. Т.12. № 2. Ростов-на-Дону.
2. Калмыков А.А., Мимоход Р.А. 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески полинской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вып.4. Луганск.
3. Мимоход Р.А. 2013. Полинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т.16. М.

Ильюков¹ Л.С., Магомедов² Р.Г.

¹ЮНЦ РАН, г.Ростов-на-Дону; ²ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачкала

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУРГАНА ХУНТУП 1

*Работа выполнена в рамках проекта (№ 0256-2019-0042) № гр.01201354248
«Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона
с древнейших времен до нового времени»*

Изучение относительной курганной стратиграфии имеет первостепенное значение. В 2004 г. в Приморском Дагестане был раскопан большой курган, в котором прослежена относительная стратиграфия ряда культурных групп бронзового века. В северо-восточном секторе кургана сохранились фрагменты трех кольцевых каменных оград. Две из них, сделанные из крупных речных валунов, опоясывали каменную насыпь, а третья ограда, самая широкая, состояла из мелкого камня и располагалась вдоль внешнего края кургана.

Первый этап формирования курганной насыпи был связан с созданием на древнем горизонте каменной насыпи над гробницей с коллективным погребением, возведенной на горизонте (погр. 12). Высота каменной насыпи – ок.1,75 м, диаметр – ок.6,5 м. Ее края укреплены плитами, поставленными на ребро и наклоненными на саму насыпь. Вскоре эта каменная насыпь была занесена чистым песком, который не являлся специальной досыпкой кургана. Строительство оград из обломков плит, поставленных на ребро, было распространено в степях Восточной Европы в эпоху энеолита. Иногда на этих камнях имелись следы гравировок. Обычно эта плиточная облицовка ограждала грунтовую насыпь. В майкопских курганах каменные насыпи имеют 2-3 кромлеха разного диаметра, из них внешний – наиболее широкий. Иногда одно из колец состояло из вертикально поставленных плит (Мунчаев, 1975). Вероятно, они символизировали этапы поминальных действий, которые проводились родственниками на кургане.

Каменная ограда с западной стороны была прорезана связкой из двух могильных ям (погр. 4, 13). Аналогичные каменные ограды известны в курганах раннего бронзового века на Северном Кавказе и связаны со строительством майкопских курганов.

На втором этапе функционирования кургана Хунтуп 1 произошло увеличение насыпи. Различные прослойки песка, появившиеся на ее поверхности, были связаны с погребениями эпохи средней бронзы. В это время насыпь выросла до высоты 2,2 м. По-видимому, рост насыпи связан с сооружением большой ямы погр. 3, расположенным восточнее центра кургана. Вероятно, после этого насыпь была покрыта слоем светлого суглинка (светло-серо-желтой супеси с незначительными вкраплениями щебенки и белоглазки). Им же были перекрыты камни кольцевой ограды.

На южном склоне этой досыпки, в западном фазе центральной бровки, отмечена тонкая линза коричневого цвета с вкраплениями щебенки, обломками трубчатых костей чело-века и мелкой речной галькой, которые происходили из основного погр. 12, разрушенного впускным погр. 11, которое оказалось ограбленным. Длинный прямоугольный ящик погр. 11, ориентированный по линии СВВ-ЮЗЗ, должен был содержать вытянутый скелет чело-века с восточной ориентировкой, тогда как в западной бровке связка из погр.13 и 4 проре-зала выше упомянутую каменную ограду. Каменный ящик погр. 13 с вытянутым костяком, ориентированным на восток, находился под западным заплечиком погр. 4, в котором вы-тянутый костяк был ориентирован на юг.

Стратиграфическое соотношение двух ящиков (погр. 11 и 13) неясно, они оказались в разных бровках. Выкид из погр. 11 лежал на светлой насыпи, которая покрывала каменную насыпь кургана и своим происхождением была связана с погр. 3. Видимо, начало формирования кладбища с вытянутыми восточно ориентированными скелетами связано с погр. 3. В дальнейшем у южной окраины кургана, покрытого светлой насыпью, было устроено погр. 7.

Таким образом, в кургане Хунтуп 1, воздвигнутом в эпоху ранней бронзы, на следующем этапе бронзового века формируется первый пласт погребений, связанный с вытянутыми ящиками, ориентированными по линии СВВ-ЮЗЗ. В этих ящиках погребенные были ориентированы головой в восточном направлении.

Следующий пласт погребений в кургане Хунтуп1 был связан с южной ориентировкой умерших, имевших тоже вытянутое труположение. При устройстве большой прямоугольной ямы погр.10 в южной части кургана, был прорезан слой светлого грунта, который принадлежал погр. 3. Судя по фасу бровки, погр.10 прорезало выкид из погр. 12.

С другой стороны под заплечиком погр.4 находилось погр.13, восточная стенка которого просела при устройстве нижней части ямы погр. 4. Сами же заплечики лежали на досыпке, состоявшей из слоя, залегавшего поверх светлого грунта. То, что яма этого погребения прорезала свиту досыпок лишь подчеркивает ее древность по отношению к ящикам с вытянутыми костяками. Оба погребения (погр. 4 и 10)с вытянутыми скелетами и южной ориентировкой стратиграфически моложе вытянутых захоронений с восточной ориентировкой.

Судя по западному фасу восточной бровки, высоко впущенное погр. 8, совершенное в деревянном ящике, заложенном крупными осколками плитчатых камней, имело скорченный скелет человека, захороненного на левом боку и ориентированный на ЮЗ.

Таким образом, в кургане Хунтуп 1 вытянутые погребенные с восточной и южной ориентировками стратиграфически более ранние чем захороненные в скорченных позах. Вероятно, на Северном Кавказе в эпоху бронзы традиция хоронить умерших в вытянутой позе на спине была более древней. Она эволюционировала. По крайней мере, восточно ориентированные захоронения хронологически предшествовали южно ориентированным погребенным. Своими «корнями» эта традиция была тесно связана с северокавказским миром. Появление «скорченников» на боку в курганах Северного Кавказа, вероятно, было связано со сложным взаимодействием населения Северного Кавказа и степного пояса Восточной Европы. Этнокультурные связи порождали гибридные формы культурных традиций. В целом, вытянутые захоронения предшествовали появлению захоронений в скорченном виде. Это отмечали различные исследователи курганных могильников в разных районах Северного Кавказа.

На третьем этапе курганного строительства появляются погр. 9 и 14, относящиеся к эпохе поздней бронзы (вторая пол. II тыс. до н.э.). Для них характерны укороченные каменные ящики, в которых находились скорченные костяки.

Литература

1. Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
2. Хашегульгов Б.М. 1986. К вопросу о происхождении обряда вытянутого труположения на Северном Кавказе в эпоху бронзы // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Кореневский С.Н.

Институт археологии РАН, г. Москва

ПОСЕЛЕНИЕ ТУЗЛА-15 НА ТАМАНИ

В последнее десятилетие в Причерноморской полосе Краснодарского края интенсивно идет строительство объектов различного хозяйственного значения, которые сопровождаются археологическими раскопками. В ходе этих работ были выявлены новые поселения майкопско-новосвободненской общности (МНО) второй пол. IV тыс. до н.э., такие как Натухаевские памятники, поселение Катусвина Кривица под Новороссийском (Шишлов, Федоренко, Колпакова), группа поселений у пос. Чекон в Анапском районе (Бонин, Бочковой, Юдин и др.), поселение у ст. Старотитаровская Темрюкского района (Давудов) и др. В этом ряду стоит и открытое на Таманском полуострове поселение Тузла-15. Раскопки отдельных из них протекали в условиях экстренных исследований с ограничением сроков, согласно графикам новостроечных работ. Они велись широкими площадями, но с интенсивными приемами изучения культурного слоя.

В целом раскопки упомянутых выше памятников отражают довольно плотное заселение Причерноморской полосы Краснодарского края племенами МНО в основном во второй пол. – конце IV тыс. до н.э.

Особое место среди этих объектов занимают работы на поселении Тузла-15. Они осуществлялись в 2011-2015 гг. и носили характер разведки культурного слоя. В этих разведках не было ограничения во времени, но и не было существенного финансирования работ. Такой подход был обусловлен стремлением предварительно ознакомиться с территорией памятника, его границами и объектами. Разведки культурного слоя осуществлялись небольшими раскопами, место которых выбиралось с помощью рамочного детектора, выполняющего роль геофизического сканера, определяющего плотность, однородность или неоднородность массы нижележащего слоя почвы. Благодаря этой методике было открыто четыре объекта, не имеющих признаков на поверхности и которые можно было при раскопках интерпретировать как остатки ям полуземлянок.

Первые находки на поселении Тузла-15 были сделаны С.А. Буравлевым на участке, предназначенном под расширение территории строительного объекта в 2011 г. В 2012 г. они были продолжены как разведки Н.И. Сударевым. В дальнейшем они проводились С.Н. Кореневским при поддержке Восточно-Боспорской экспедиции Н.И. Сударева.

Особенностью исследования объектов на поселении Тузла-15 стали работы с использованием горизонтальных зачисток после снятия пахотного слоя. В итоге были установлены ориентировочно границы памятника, раскопаны четыре объекта – ямы-постройки, захоронение теленка, получена коллекция керамики и остеологических остатков (изучены Е.В. Добровольской), проведены палинологические исследования культурного слоя (Е.А. Спиридонова) и сделаны фитоолитные анализы (А.А. Гольева). Все объекты построек датированы радиоуглеродным методом по костям животных. В тезисном порядке выводы по исследованию поселения Тузла-15 сводятся к следующим положениям.

Поселение Тузла-15 находится на невысоком всхолмлении, окаймленном ложбиной, по которой ранее текла вода. Культурный слой памятника имеет мощность до 0,5 м и более. Его низ подстилает прослойка карбонатных отложений, глубина которой около 1 м от современной поверхности земли.

Культурный слой памятника насыщен по-разному. Открытые объекты построек представлены ямами со ступеньками, что отличает их от обычных хозяйственных ям. Дважды при расчистке «на скальпель» удалось проследить заполнение таких ям. Оно включает бой керамики (но не целых сосудов), обломки глиняных конусов – приставок к очагам, множество костей животных, в т.ч. со следами расколов – отходов трапез. Кучкой были положены створки раковин устриц и раковин гребешков. В одной постройке следов очага нет. В другой постройке отмечено очажное место, но нет сильного прокала почвы. Заполнение этой ямы содержит массу золы. По данным фитолитного анализа зола связана с сожжением растительности и органических веществ где-то на стороне. Затем пепел от костра был принесен к яме постройки и брошен в нее. В этом заключается совершенно необычный сюжет консервации оставляемого жилища обитателями поселка. Подобная черта обряда полностью подтвердилась по раскопкам поселения Чекон А.И. Юдиным в 2018 г. (Корневский, Юдин, 2019. С. 60-68).

Данные палинологического анализа культурного слоя поселения Тузла-15 позволили представить окружающий ландшафт поселка и определить колебания климата, сопровождавшие его существование, финал которого совпал с заметной аридизацией.

Даты 14С из построек поселения Тузла-15 указывают на конец IV – первую четверть III тыс. до н.э. и соотносятся с финалом майкопско-новосвободненской общности. Керамический контекст находок и обломки глиняных конусов, сосуды с крашеными полосами позволяют относить поселение к псекупскому варианту МНО, который сосуществовал на своем позднем этапе с долиньским вариантом МНО, новосвободненской группой памятников предгорной Адыгеи, но носители псекупского варианта не относились по материальной культуре к новосвободненской группе.

Они также имели отличительные признаки по керамике и по бытовым комплексам от племен лейлатепинской культуры Южного Кавказа, хотя и принадлежали к общему блоку культур северо-месопотамского круга с керамикой, изготовляемой без искусственных минеральных примесей в формовочной массе.

Поселение Тузла-15 по полученным данным о его постройках (полуземлянках), находкам керамики является частью Причерноморской зоны псекупского варианта МНО. Оно имеет много общего с поселением Чекон, а также с поселениями в районе Новороссийска и ст. Старотитаровской (Корневский, Юдин, 2019).

Находка на Старотитаровском поселении коллективного захоронения из четырех человек в яме круглой формы имеет много общего с погребениями поселения Чекон (Юдин, Кочетков, 2019. С. 83-87). Эти находки ставят вопрос о специфических обстоятельствах финального периода носителей псекупского варианта в Причерноморской зоне ареала майкопско-новосвободненской общности в Предкавказье, которые не имели аналогов в других районах её распространения.

Литература

1. Корневский С.Н., Юдин А.И. 2019. Поселения майкопско-новосвободненской общности Тузла 15 и Чекон: особенности культурного слоя и стратиграфия. Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути и культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург.
2. Юдин А.И., Кочетков Ю.Е. 2019. Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути и культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург.

Кривошеев¹ М.В., Клещенко² А.А.

¹Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

²Институт археологии РАН, г. Москва

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ РАСКОПОК В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В 2018 г. археологической экспедицией ООО «НПЦ «ДАРС» было проведено исследование кургана № 2 могильника «Гвардейские 3-и курганы» в Надтеречном районе Чеченской Республики (Кривошеев, 2018). Могильник располагается на пахотных полях в 3,7 км к ЮВ от юго-восточной окраины с. Братское и в 4,4 км к югу от с. Гвардейское. Кургана № 2 находился на пахотном поле. D кургана = 47 м, Н = до 0,7 м. Кургана был сильно распахан. Изначально в процессе раскопок был сделан вывод о том, что основным в кургане могло являться погр. № 3, совершенное выше уровня древнего горизонта на площадке, сформированной грунтом из кольцевого рва. Однако детальный анализ курганной стратиграфии и планиграфии (рис. 1) позволил пересмотреть этот вывод. В итоге этапы сооружения кургана можно представить следующим образом.

Основным погребением в кургане следует считать погр. № 6, совершенное с уровня древнего горизонта. На это указывают ряд фактов: мелкие фрагменты костей к югу от края яма на уровне погребенной почвы, а также наличие следов камышовой подстилки на уровне древнего горизонта, зафиксированных в западном фасе центральной бровки. С сооружением этого погребения можно связать кольцевой ров шириной до 2 м, глубиной до 1 м и внешним диаметром 11-12 м. Грунт из рва послужил материалом для первой насыпи кургана. Диаметр ее, возможно, был ограничен внутренней границей рва и составлял ок. 8 м. Исходя из объема грунта, вынутого из рва ($\approx 44,5 \text{ м}^3$), высота первичной насыпи могла быть ≈ 2 м. Не исключено, что первичная насыпь, созданная из грунта из рва, достраивалась. Происходило это в это же время. Косвенным образом на это может указывать отсутствие следов затекания во рву. Вероятно, он был засыпан единовременно сразу после возведения курганной насыпи. Материалом для достройки могли служить дерновые блоки, вырезанные из верхних горизонтов древней почвы с внешней стороны рва, что зафиксировано в центральной бровке (рис. 1). Полностью восстановить особенности архитектуры кургана невозможно, т.к. он был сnivelирован до 0,7 м в советское время.

Форму и размеры погребального сооружения основного погр. № 6 достоверно установить не удалось, так как оно было ограблено в древности, о чем свидетельствует воронка грабительской ямы, в заполнении которой было совершено погр. № 3 эпохи средней бронзы. Ясно только, что яма имела небольшие размеры – не более 1x1,5 м и, возможно, овальную форму. Глубина ямы от уровня древней поверхности – ок. 0,6 м. На это указывают остатки древесного тлена на сохранившихся участках изначального дна ямы. По всей площади ямы, на разных глубинах с уровня погребенной почвы, встречались мелкие разрозненные фрагменты костей ребенка (подростка). Находок в погребении не обнаружено, однако есть косвенные основания для отнесения этого захоронения к эпохе ранней бронзы (майкопской культуре). Прежде всего, к ним относится тот факт, что в серии известных в настоящее время погребальных комплексов майкопской культуры с территории Чеченской республики (в основном это погребения, обнаруженные у с. Бамут и ст. Ассиновская – в 50 км к ЮВ от исследуемого могильника) около 1/4 составляют именно полностью или частично ограбленные. Еще выше этот показатель в группе погребений эпохи ранней бронзы, обнаруженных западнее – на территории Северной Осетии. Здесь ограбленные погребения составляют порядка 2/3 от общего числа комплексов этого времени.

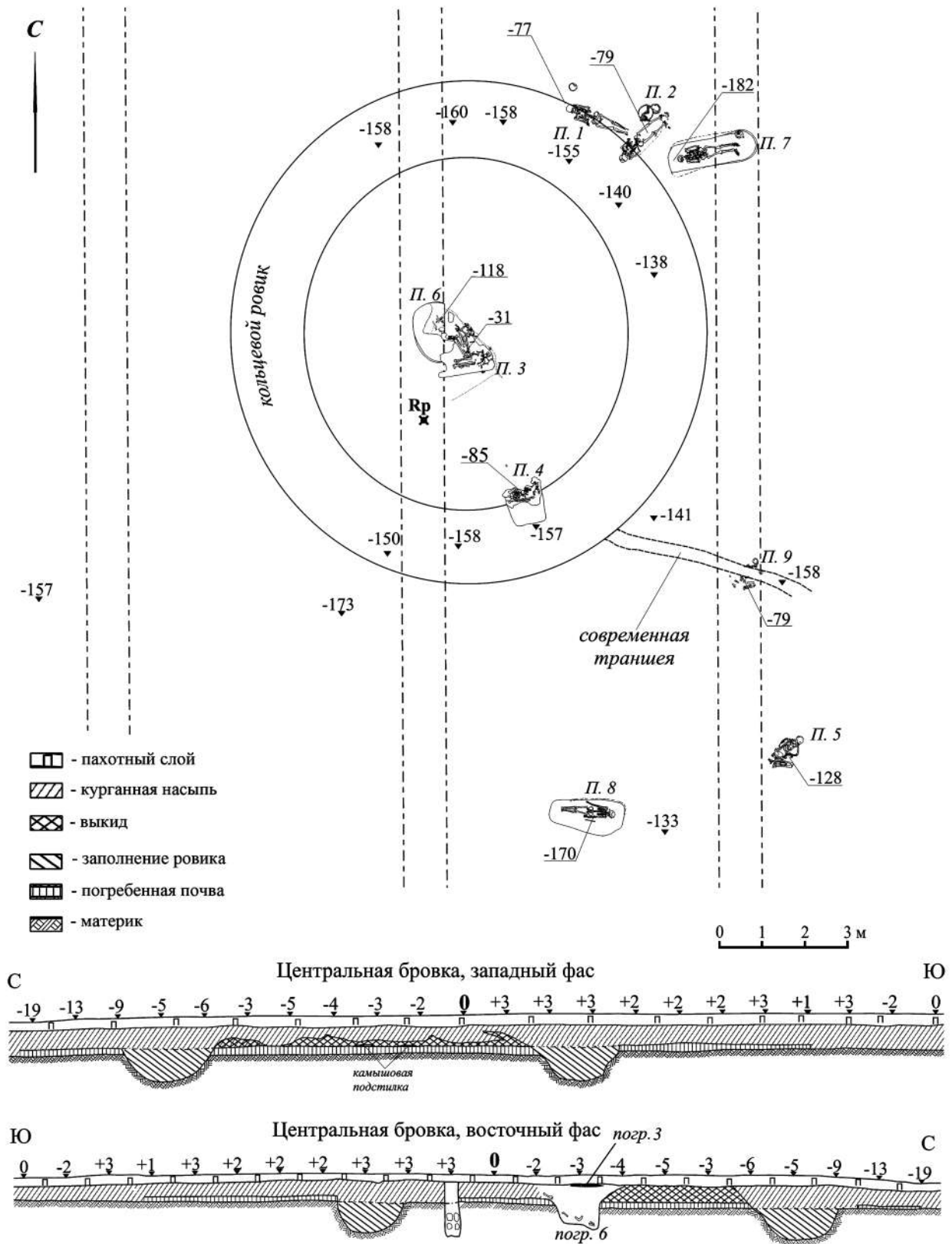

Рис. 1. Могильник «Гвардейские 3-и курганы». Курган № 2. План и профили центральной бровки.

Первым впускным в первичную насыпь кургана могло быть погр. № 3, относящееся к эпохе средней бронзы (северокавказской культуре). Оно было совершено в центре насыпи – непосредственно в заполнении восточной части ямы, разрушившей погр. № 6. Уровень дна погребения находился практически под современным дерновым слоем (глубина -0,3 м от нулевого репера), в связи с чем форму и размеры ямы проследить не удалось. Погребение парное. Северный скелет, принадлежавший мужчине 25-35 лет, лежал скорченно на левом боку головой на восток. Южный скелет, вероятно, представлял собой эскарпированное захоронение с имитацией положения на спине головой на восток. Над скелетами зафиксирован слой древесного тлена толщиной до 1 см и размерами 1,5x1,2 м. К западу от древесного тлена находилась прослойка белого цвета (вероятно, от камыша). Погребение сопровождалось двумя каменными топорами т.н. кабардино-пятигорского типа. Они относятся к подтипам II.2.2 и II.2.3, являющимися одними из самых массовых находок топоров такого вида в Предкавказье. Они маркируют в целом развитый и поздний этапы эволюции северокавказской культуры, датирующиеся в рамках второй четв. III тыс. до н.э. (Клещенко, 2018. С. 172-174. Рис. 20, 24).

Можно предположить, что над, безусловно, социально статусным погр. № 3 была совершена досыпка, увеличившая диаметр насыпи до 25-30 м – только в этом случае в полу этой насыпи могло быть впущено однокультурное погребению № 3 погребение № 8, совершенное в 11,5 м к ЮЮВ от центра кургана. Оно представляло собой яму подпрямоугольной формы размерами 1,8 x 0,7-0,9 м, ориентированную длинной осью по линии запад-восток. Особенности ямы позволяют предположить, что прослеженная конструкция представляла собой камеру катакомбы или подбоя. На ее дне ближе к северной стенке, лежал скелет подростка, вытянуто на спине головой на восток. При погребенном были обнаружены шесть довольно массивных бронзовых височных колец в 1,5 оборота (по 3 у каждого виска), свернутых из толстой проволоки. Концы их немного раскованы. Кроме того, на запястьях погребенного и у северной стенки были обнаружены фаянсовые многочастные пронизи, а также фаянсовый и бронзовый бисер. Данные находки позволяют датировать погр. № 8 сер. III тыс. до н.э.

Кроме погр. №№ 3 и 8 к эпохе средней бронзы могло относиться погр. № 4, совершенное в 4 м к ЮЮВ от центра кургана над кольцевым ровиком. Его конструкция не прослежена. Скелет очень плохой сохранности. Можно предположить как ограбление, так и обряд расчленения умершего. В эпоху поздней бронзы в юго-восточной поле кургана были совершены погр. №№ 5 и 9 – сильно скорченные на левом боку с северо-восточной ориентировкой. К раннему железному веку (II-I вв. до н.э.) относилась планиграфически компактная группа погр. №№ 1, 2 и 7, совершенных в северо-восточной части насыпи.

В целом полученный при раскопках кургана № 2 могильника «Гвардейские 3-и курганы» материал представляет значительный интерес. В частности, он дополняет известную сейчас весьма скромную серию погребений эпохи средней бронзы этой части бассейна р Терек. Особое значение имеет погр. № 3, содержавшее находки сразу двух каменных топоров, что является первым прецедентом такого рода для курганных древностей Северного Кавказа III тыс. до н.э.

Литература

1. Клещенко А.А. 2018. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.
2. Кривошеев М.В. 2018. Отчет о раскопках в зоне строительства «Магистрального газопровода Моздок-Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. // Архив ИА РАН.

Магомедов Р.Г.

ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачкала

О СОСУДАХ СО ЗНАКАМИ В СИСТЕМЕ ТРЕХЧАСТНЫХ КОМПОЗИЦИЙ ВЕЛИКЕНТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Настоящая статья посвящена предварительному обобщению данных по керамике со знаками из памятников великентской культуры куро-аракской КИО в Приморском Дагестане и предлагает новую их интерпретацию.

Впервые такую керамику со знаками отметил А.П. Круглов (1958. С. 28-28. Рис. 5, 1), а именно налепную двойную спираль на фрагменте сосуда из Каякентского поселения, посчитав, что «данную фигуру мы не можем назвать орнаментом, а должны рассматривать как определенное смысловое изображение».

В 1953 г. В.Г. Котович (1959.С. 123-126) раскопал гончарную печь на останце рядом с поселением Великент I, где были выявлены сосуды со знаками. По его мнению, центральная рельефная фигура на одном из наиболее сохранившихся сосудов изображала фигуру барана (Котович, 1959. С. 127). Обобщив материалы раскопок в Великенте и Каякенте, Р.М. Мунчаев (1961.С. 78-84) первым связал «налепной выпукло-рельефный орнамент преимущественно в виде спиралей и концентрических кругов, иногда в различных сочетаниях и вариациях», с большими яйцевидными сосудами, сблизив их с древнейшей керамикой Закавказья и Восточной Анатолии с аналогичной спирально-концентрической орнаментацией. В конце 1970-х – нач. 1980-х гг. М.Г. Гаджиев провел раскопки на ряде куро-аракских памятников Приморского Дагестана (Великент, Каякент, Мамай-Кутан), в ходе которых были обнаружены новые образцы больших тарных сосудов с рельефными «узорами» и их многочисленные фрагменты. Он первым отметил близость подобной орнаментации к спиральным изображениям на великентском металле, а также подчеркнул, что «раскрыть семантику сложных композиций на великентских сосудах не так просто», и осторожно высказался в пользу того, что мы имеем дело, возможно, с идеограммами, оберегами, а центральную фигуру «можно интерпретировать и как древо жизни, и как антропо- или зооморфное существо» (Гаджиев, 1990.С. 22). Раскрыть семантику орнамента великентских сосудов попытался П.М. Дебиров (1990.С. 30-40), включив его в известную систему трехчастной композиции с идеей «мирового древа жизни», в трактовке которого он высказался в пользу признания в центральной фигуре образа богини плодородия – «Великой матери природы». С.О. Хан-Магомедов (2000.С. 110), ошибочно отнес великентский сосуд со спирально-концентрическим узором из раскопок В.Г. Котовича к группе сосудов с обмазанной поверхностью, высказался о связи такого орнамента с эволюцией негативных лабиринтов, в то же время, не исключив, «что эта двойная спираль связана с сюжетом «древа жизни».

Существенное увеличение количества сосудов со знаками произошло в 2005 г., когда близ поселения Великент I доисследовали частично разрушенную гончарную печь: в ней наряду с большой коллекцией разнообразной керамической продукции были найдены 3 крупных тарных яйцевидных сосуда с аналогичным декором. Эти сосуды с развертками «орнаментальных» композиций были позднее опубликованы (Kohl, Magomedov, 2014. P. 102. Fig. 5b).

Краткий историографический анализ показывает, что, во-первых, пока нет обобщающей работы со сводкой известных на сегодня сосудов со спирально-концентрическими знаками и их семантикой; во-вторых, нет обоснованной семантики этих знаков (чаще всего их воспринимают как простые узоры); в-третьих, в тех случаях, когда акцентируются на центральной фигуре «узора» как на антропоморфном или зооморфном изображении, то вне внимания остается вся совокупность знаков в композиции, т.е. последняя не рассматривается как цельная семиотическая единица.

Отметим также, что в работе Н. Шаншашвили (1999), специально посвященной знакам и символам куро-аракской культуры, дагестанский материал совершенно не учтен, за исключением центрального мотива из композиции одного из великентских сосудов.

Также в книге А. Голана (1994), в которой широко используется сравнительный материал из археологии, этнографии и архитектуры Дагестана, из великентских композиций упомянут единственный мотив (двойная спираль), а его включенность в сложную композицию не рассматривается.

В недавней работе С.Н. Корневского (2013), в которой знаковые системы Кавказа рассматриваются в связи с понятиями «цивилизация, протоцивилизация», из Великента привлечен только один знак, связанный с керамикой типа Великент II, а знаки, о которых мы говорим, не упоминаются.

«Орнаментальные» фризы, которые мы трактуем как знаковые композиции, связаны исключительно с большими сосудами с низкой раструбной горловиной и резко отогнуты венчиком, яйцевидным туловом, непропорционально узким плоским дном и одной ленточной ручкой на плечиках. Такие сосуды обычно имеют асимметричную форму и неустойчивость: их устанавливали на кольцевидных керамических подставках или зарывали в грунт придонной частью. Лощеная внешняя поверхность этих сосудов – охристо-розоватая или серо-коричневая, местами – черная с металлическим блеском. Обжиг средний; примесь шамота. Параметры сосудов варьируют в пределах: H= 40-65 см, d венчика= 18-37 см, d тулова = 40-70см, d дна = 10-16 см, толщ. стенок = 1-2 см.

Рельефные лицевые фризы размещены на плечиках сосудов, на одном уровне с ручкой. Известно 14 целых или археологически реконструируемых форм сосудов с полными композициями или с частичной утерей знаков (см., напр.: рис.1). Подавляющая часть этих сосудов (12 из 14) происходит из великентских памятников (поселение Великент I; гончарные печи; могильник Великент I). В культурных напластованиях поселения Великент I и других поселений Приморского Дагестана (Махачкалинское, Геме-Тюбе I, Башлыкент II, Мамай-Кутан, Торпах-кала) обнаружено много обломков с отдельными знаками и их сочетаниями, не оставляющими сомнения в их принадлежности к описываемому типу керамики.

Для знаковых композиций, зафиксированных на великентских сосудах, общей является трехчастная горизонтальная структура: в центре – главный знак, а по обе стороны (влево и вправо) от него расположены последовательные комбинации знаков в зеркальной симметрии. Центральный знак, как правило, представляет собой цельную фигуру, которой, в свою очередь, свойственна трехчастность – от осевого сегмента отходят влево и вправо спирали или ветви. Единично отмечен случай трехчастно-раздельной структуры центрального элемента (Башлыкент). По своей форме центральные фигуры делятся на два типа: а) спиральные (превалируют); б) безспиральные. В зависимости от характера окантовки и оформления низа осевого сегмента различаются подтипы и варианты центральных фигур.

Левые и правые половины композиций состоят из последовательных доминантных знаков, разделенных пробелами или же рецессивными знаками, общее количество которых

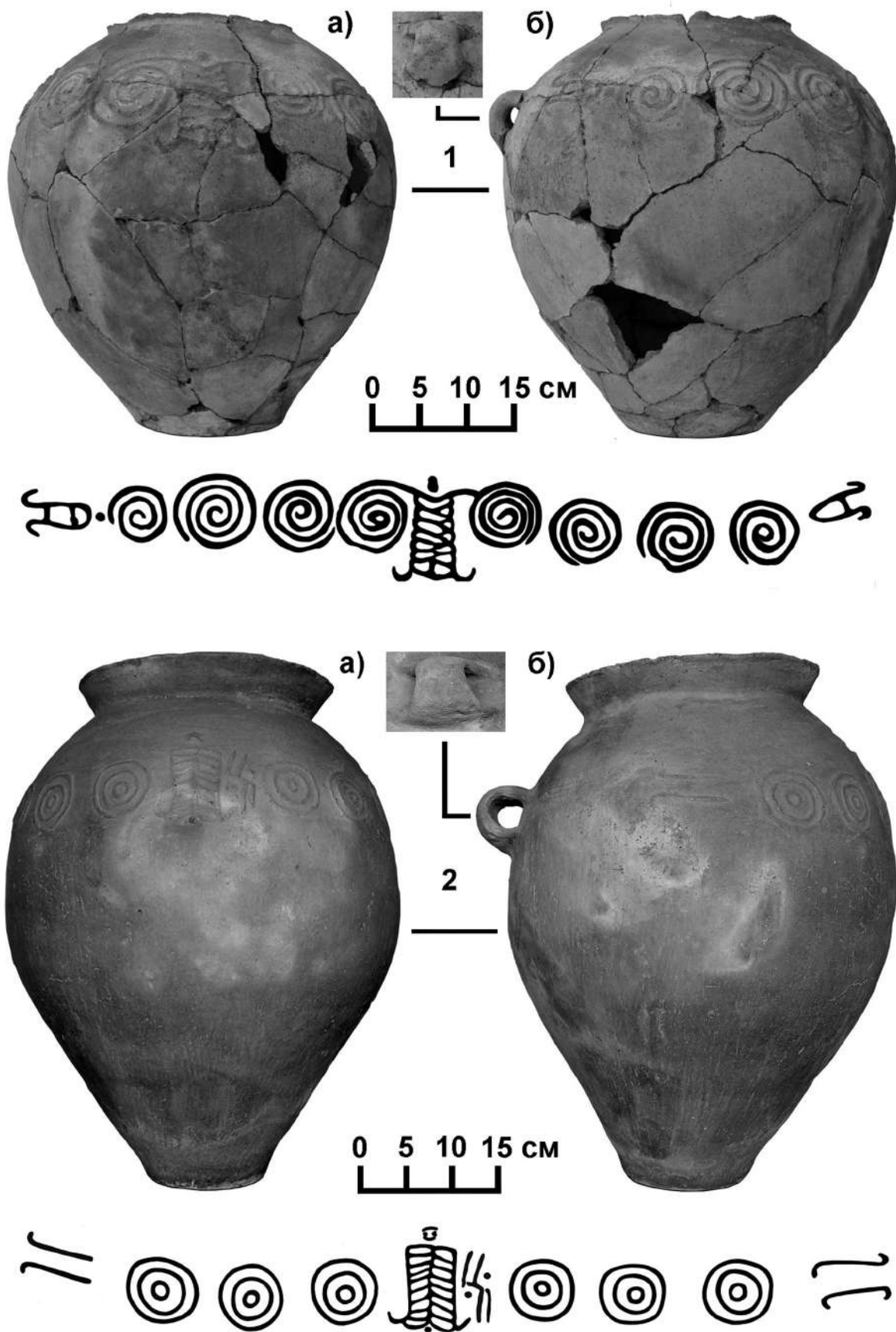

Рис. 1. Образцы керамики со знаками из гончарных печей близ поселения Великент I.

чуть превышает 50. Композиции закрываются по краям, за редким исключением, зеркально отображенными специальными знаками завершения. Левые и правые части композиций, при всей «зеркальности» отображения знаков, всегда отличаются заметной асимметричностью. Как правило, асимметричность распространяется и на форму центрального (осевого) знака. Помимо горизонтального расчленения, великентские знаки имеют также вертикальную ярусность, которую можно сопоставлять с известной первобытной картиной миропонимания в системе «Верхний мир – Земля – Нижний мир».

Формально-статистический анализ рельефных фризов на великентских сосудах, проведенный с опорой на семиотические разработки Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, позволяет отказаться от простой «орнаментальности» рисунков и с большой вероятностью определить их как образцы особо структурированной сакральной знаковой системы, семантика которой пока остается до конца непонятой. Такие пиктограммные системы, являющиеся предтечей ранней письменности, были характерны для многих археологических образований эпохи раннего металла, в т.ч. и для куро-аракской КИО, составной частью которой является великентская культура.

Литература

1. Гаджиев М.Г. 1990. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
2. Голан А. 1994. Миф и символ. Иерусалим - М.
3. Дебиров П.М. 1990. Семантика мотива трехчастной композиции в рельефном орнаменте некоторых сосудов эпохи бронзы Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
4. Корневский С.Н. 2013. О понятиях «цивилизация, протоцивилизация» в знаках на керамике в культурах Подунавья, Кавказа и Переднего Востока в V-III тыс. до н.э. // КСИА. Вып. 230.
5. Котович В.Г. 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала.
6. Круглов А.П. 1958. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа / МИА. Вып. 68.
7. Мунчаев Р.М. 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа / МИА. Вып. 100.
8. Хан-Магомедов С.О. 2000. Дагестанские лабиринты. М.
9. Шаншашвили Н. 1999. Знаки и символы на керамике куро-араксской культуры. Тбилиси (на груз. и рус. яз.).
10. Kohi P.L., Magomedov R.G. 2014. Early Bronze developments on the West Caspian Coastal Plain // Paléorient. Vol. 40.2.

Мусеибли Н.А.

Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку

ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИКИ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Последние 15 лет на территории Азербайджана выявлены десятки памятников лейлатепинской культуры (далее ЛК) позднего халколита – первой пол. IV тыс. до н.э. На поселениях Лейлатепе, Беюк Кесик, Пойлу, Галаери, Алхантепе и в курганах Союгбулаг обнаружено большое количество керамических сосудов, входящих важной составной частью в базу наших знаний о данной культуре. Характерные для этой культуры, изготовленные на гончарном круге керамические сосуды не имеют аналогов среди археологических культур Южного Кавказа как предшествующего, так и последующего периодов. Основные черты керамического комплекса ЛК и его производственные навыки сложились в условиях позднего халколита в Восточной Анатолии – Северной Месопотамии и появились на Южном Кавказе уже в сформировавшемся виде. Вместе с тем следует отметить, что керамика ЛК имеет свои местные, отличительные от переднеазиатской, традиции и типологическую специфику (Мусеибли, 2015. С. 5).

На основе формовочной массы керамические сосуды поселения Лейлатепе были разделены на три группы: первая группа представлена керамикой с растительной примесью, вторая группа сосудов изготовлена из чистой, без примеси, глины, третья группа – керамика с примесью песка и дресвы (Алиев, Нариманов, 2001. С. 36-37).

Обнаружение и исследование новых памятников и накопление многочисленных материалов позволяют внести некоторые коррективы в эту технико-типологическую классификацию керамики ЛК. Исследования также показали, что кроме ведущих типологических форм по всему ареалу ЛК, которые являются одним из главных показателей данной культуры, существуют некоторые различия в керамике по отдельным памятникам.

На основе последних исследований керамические сосуды ЛК по составу глины разделяются на четыре группы. В *группу I* входят сосуды, изготовленные из глины с растительной примесью, *группу II* – сосуды из глины с растительностью и песком одновременно, *группу III* составляют сосуды с чистой, без примеси, глины, *группу IV* – сосуды, изготовленные из глины с примесью песка и дресвы.

Типология керамики ЛК непосредственно связана с технологическими особенностями (с составом глины, способом изготовления, обжигом).

Среди общей массы керамического материала этой культуры количественно преобладают изделия *группы I* (рис. 1, 1-4). Сосуды этой группы отличаются высоким качеством обжига и разными оттенками красного, розового и желтого цветов. В то же время среди сосудов этой группы можно встретить экземпляры с бледно-зеленым, желтым или красным ангобом. Сосуды группы I – это кувшины, пифосы с воронкообразным венчиком и круглым дном и миски разных размеров.

Кувшины/пифосы группы I (рис. 1, 1-2) по форме разделены на две подгруппы: 1) узкогорлые с шаровидными туловами, 2) с широкими венчиками. Миски (рис. 1, 3-4) – круглодонные, отличаются размерами и различным оформлением венчиков; по этим чертам они также разделяются на две подгруппы.

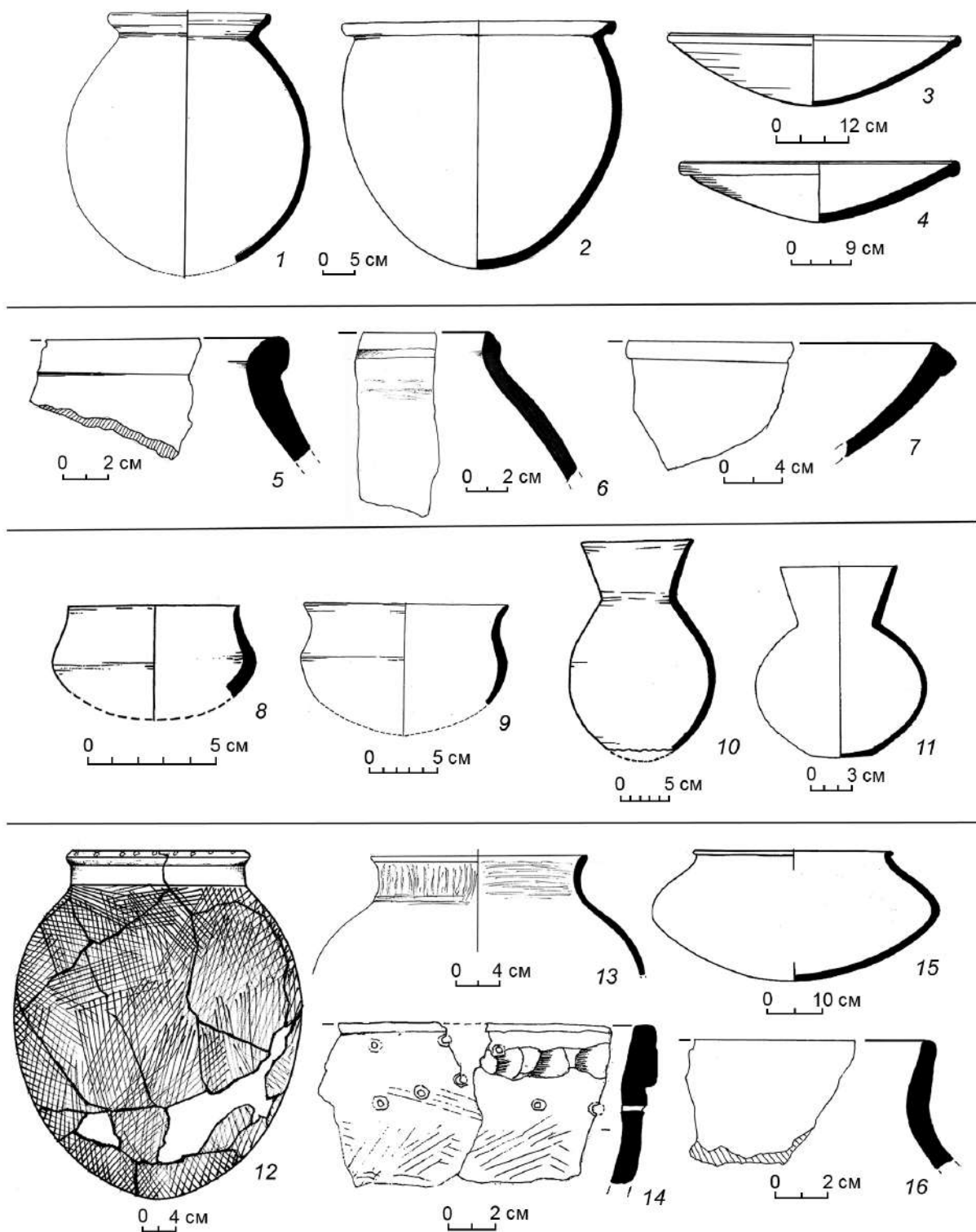

Рис. 1. Образцы керамики лейлатепинской культуры: 1-4 – группа I, 5-7 – группа II, 8-11 – группа III, 12-16 – группа IV

Сосуды группы II (рис. 1, 5-7) типологически близки к группе I – это кувшины и миски. Однако, они изготовлены из более грубого теста и относительно толстостенные. Кроме того, имеются формы, характерные именно для этой группы, например, горшки с невыразительными венчиками.

Группу III составляют исключительно, изящно изготовленные из чистой глины тонкостенные сосуды малых размеров – узкогорлые кувшины и чаши, они имеют в основном розовый цвет (обжиг) (рис. 1, 8-11). Чаши обнаружены во всех поселениях ЛК. Они особенно многочисленны на поселении Галаери. Горловины кувшинов в основном высокие, воронкообразные. Кувшины – круглодонные, но встречаются и плоскодонные.

Керамика групп I-III за некоторым исключением изготовлена с применением гончарного круга. Они условно объединяются в категорию «качественной керамики».

На донной и корпусной частях круглодонных сосудов отсутствуют следы вращения на гончарном круге и четко видны следы ручной формовки. Иногда корпуса этих сосудов формованы не симметрично. Но на горловине и венчике совершенно четко прослеживаются следы вращения на станке. Следовательно, верхняя часть сосудов этой группы изготавливалась на круге, а затем соединялась с остальной частью сосуда. Отметим, что на некоторых, изготовленных из чистой глины, глубоких чашах группы III, по всей внутренней поверхности, в т.ч. и в донной части, сохранились следы вращения. Это подтверждает факт того, что малые сосуды такого типа полностью формовались на гончарном круге.

Сосуды группы IV (рис. 1, 12-16) по всем параметрам (состав глины, цвет, техника изготовления, форма) совершенно отличаются от изделий первых трех групп. Они изготовлены от руки и слабо обожжены; цвет бурый и темно-розовый; черепок хрупкий и быстро разрушающийся. В основном представлены сосуды с широкой, плавно переходящей к плечу, горловиной, и сковородами в ограниченном количестве. За редким исключением все сосуды круглодонные. Поверхность их часто обработана гребенчатым инструментом («гребенчатая керамика»), край венчика часто заполнен разными насечками. Сосуды этой группы условно включены в категорию «грубой керамики». «Гребенчатая керамика» неравномерно распределена по памятникам. Так, на поселении Беюк Кесик на западе Азербайджана «грубая керамика» (рис. 1, 15-16) составляет около 40% от общего количества керамики. Тем не менее, на этом памятнике совершенно не встречается т.н. «гребенчатая керамика» (Мусеибли, 2007). На поселении Пойлу, которое находится в том же районе, обнаружено всего несколько фрагментов с обработанной поверхностью. В Лейлатепе 15% всей керамики составляет «гребенчатая керамика». Особенно многочисленна такая керамика в Галаери. Подобный способ обработки сосудов в позднем халколите был широко распространен в Восточной Анатолии и на Южном Кавказе.

Кроме вышеотмеченных типов сосудов ЛК в ограниченном количестве выявлены чаши типа *Soba bowl*, вазы, двугорлые и другие типы сосудов, а также подставки для сосудов и крышки, которые не представлены сериями. Двугорлые сосуды, связанные с традициями Тепе Гавры, обнаружены на поселениях Лейлатепе и Алхантепе. Идентичные двугорлые сосуды выявлены на поселениях майкопской культуры Серегинское и Чекон (Днепровский, 1991; Корневский, 2019. Рис. 3, 7). В Алхантепе обнаружены кувшины с ручками, соединяющие плечевую часть с горловиной (Ахундов, 2014). Такие же сосуды известны на поселении майкопской культуры Серегинское (Днепровский, 1991).

Типологические особенности керамических сосудов памятников ЛК, в основном, совпадают с переднеазиатскими периода позднего халколита. Ближайшие аналоги этим сосудам ЛК известны из памятников Тель Хамоукар, Ойлум Хеюк, Амуг F, Арслантепе VII и др. С другой стороны, «качественная керамика» ЛК четко сопоставляется с сосудами майкопской культуры.

Литература

1. Алиев Н., Нариманов И. 2001. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку.
2. Ахундов Т.И. 2014. Алхантепе – поселение начала бронзового века в Азербайджане // Записки ИИМК РАН. №10. СПб.
3. Корневский С.Н. 2019. Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии и хронологии на современном этапе изучения // Материалы V Международного симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты». Новосибирск.
4. Днепровский К.А. 1991. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. Москва.
5. Мусебли Н.А. 2007. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку.
6. Мусебли Н.А. 2015. Технология производства и общая характеристика керамики лейлатепинской культуры // Археология и этнография Азербайджана. № 1.

Перцева М.А.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

«ЧУГУНКОВИДНЫЕ» СОСУДЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА СРЕДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

1. Керамический комплекс восточноманычской культуры представлен большим разнообразием видов изделий. В данной работе рассматриваются две разновидности форм восточноманычской посуды – «чугунковидные» сосуды с орнаментальным пояском (рис. 1, 1-5) и сосуды с уступом на тулове (рис. 1, 6-7), которые могут выступать хронологическими маркерами соответственно раннего и позднего периодов маныхских древностей.

К настоящему времени мне известно о 38 погребениях с «сосудами с орнаментальным пояском» на территории Калмыкии и северо-восточного Ставрополя. Основное их число происходит из курганов, расположенных вдоль берегов р. Восточный Маныч и в южной части Ергенинской возвышенности.

Общая высота этих сосудов всегда меньше значения наибольшего диаметра их тулова, орнамент представляет собой горизонтальный поясок, составленный из чередующихся вертикальных и горизонтальных элементов (часто называемый «метопный») (рис 1, 1,2,4), либо из нескольких непрерывных полос, выполненных разными видами штампа. Между туловом и шейкой таких сосудов всегда есть небольшой перегиб-уступ, поверхность стенок часто ярко-красная или оранжевая.

Обряд, по которому были совершены погребения с «сосудами с орнаментальным пояском», несмотря на вариативность, характерен для памятников восточноманычской культуры (Власкин, 2010. С. 136-142; Андреева, 2014. С. 20-24).

Погребения с указанными сосудами включаются исследователями в круг памятников восточноманычской культуры. При формальной группировке керамического инвентаря такие горшки объединяют вместе с другими видами сосудов в группу под названием «чугунковидные» (Власкин, 2010. С. 94,95; Андреева, 2014. С. 26). В то же время «сосуды с орнаментальным пояском» практически не встречаются в могилах вместе с другой посудой, характерной для восточно- и западноманычских памятников.

2. Помимо Южных Ергеней и восточной части Кумо-Манычской впадины такие сосуды открыты в курганах на территории Волгоградской и Ростовской областей, единичные находки происходят из Центрального Ставрополя. Однако наибольшее число находок таких сосудов происходит из памятников Центрального Предкавказья. В настоящее время можно говорить о серии из 30 сосудов, близких найденным на территории Калмыкии. Это сосуды из курганов I-III Нежинских групп, Константиновского плато у Пятигорска, у станции Минутка в Кисловодске, города Лермонтов, из могильников Прогресс II, Учебный I, Чегем I-II и др. (рис. 1, 3,5).

Пропорции и профиль центрально-предкавказских сосудов имеют значительное сходство с параметрами сосудов Манычской впадины, мотивы орнамента этих горшков и способ его исполнения часто имеют точные соответствия.

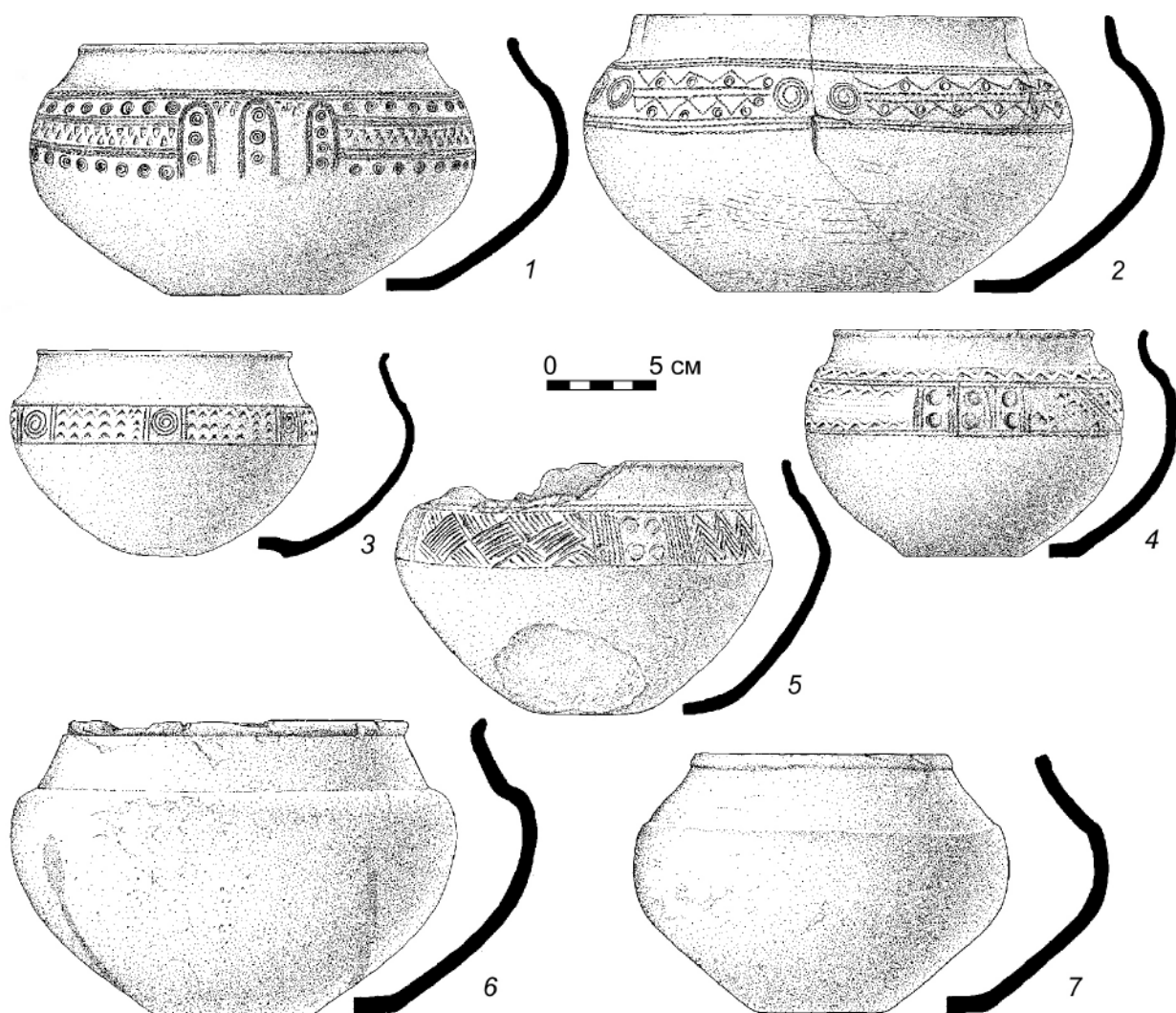

Рис. 1. «Сосуды с орнаментальным пояском» и «уступчатые чугушки» из погребений позднего периода среднебронзового века Северо-Западного Прикаспия и Центрального Предкавказья. Восточный Маныч, левый берег: 1 - I гр., 1965 8/2; 4 - III гр., 1966 30/2; 7 - I гр., 1965 4/1; 2 - Три Брата I 4/6; 3 - Нежинская III 1/4; 5 - Ракитная гора 2/5; 6 - Элистинский мог. 1/4 (Национальный музей Республики Калмыкия: 1 - № 7745/41, 4 - № 7745/58, 6 - № 3073; 2 - Саратовский областной музей краеведения, № 1455/3; 3 - Кисловодский краеведческий музей, № 5542/74; 5 - Пятигорский краеведческий музей, № 4148)

Хронологическими маркерами для погребений с «сосудами с орнаментальным пояском» выступают изделия из бронзы. В Калмыкии с такими сосудами встречаются бронзовые пятиугольные ножи с расходящимися гранями и небольшие дисковидные медальоны с петелькой, что указывает на раннюю хронологическую позицию этих памятников в контексте восточноманычских древностей.

В Центральном Предкавказье погребения с рассматриваемыми сосудами «с орнаментальным пояском» содержали, как и «степные» погребения, пятиугольные ножи, маленькие дисковидные медальоны, а также маленькие лапчатые подвески, пронизи с шишечками, сегменты-дольки, «в»-образные бусы. Такие украшения отнесены С.Н. Корневским к третьей подгруппе, характерной для верхнего горизонта погребений среднебронзового века кавминводской группы памятников (Корневский, 1990. С. 92-93). Следовательно, можно говорить о поздней дате погребений с сосудами с «метопным» орнаментом в контексте памятников среднего бронзового века Центрального Предкавказья.

Таким образом, находки бронз в центрально-предкавказских и восточноманычских комплексах с «сосудами с орнаментальным пояском» говорят об их одновременности (Перцева, 2018. С. 140-145).

3. Рассмотренные выше сосуды «с орнаментальным пояском» в памятниках Северо-Западного Прикаспия не встречаются в закрытых комплексах с «чугунковидными» горшками, имеющими уступ на тулове, оформленный в виде валика венчик и неорнаментированную внешнюю поверхность стенок (рис. 1, 6,7). Значение общей высоты таких «уступчатых чугунок» меньше или равно значению наибольшего диаметра их тулова, горло сосудов стянуто.

В настоящее время мне известно о 74 погребениях с «уступчатыми чугунками» на территории Калмыкии и Северо-Восточного Ставрополя. В Центральном Ставрополье и Степном Предкавказье находки таких сосудов единичны.

В отличие от «сосудов с орнаментальным пояском», «уступчатые чугунки» встречаются в комплексах с другими формами керамики восточноманычской культуры: с небольшими реповидными сосудами, кружками, воронками, курильницами, но чаще всего – с неорнаментированными кувшинами.

Об относительной датировке могил с «уступчатыми чугунками» позволяют судить находки фаянсовых двухрожковых бус, которые выступают маркерами позднего периода среднебронзового века (Мимоход, 2012. С. 142), бронзовых ножей с рельефной расковкой нижней части лезвия, соответствующих стереотипам позднего этапа маньчского очага каткомбной металлообработки (Гак, Егорьков, 2010. С. 58), а также керамических ковшиков с ручками-ушками, которые часто встречаются в памятниках лолинской культуры. Такие изделия свидетельствуют о поздней дате погребений с сосудами с «уступчатыми чугунками» среди восточноманычских памятников.

Можно заключить, что рассмотренные группы сосудов – «с орнаментальным пояском» и «уступчатые чугунки», являются хронологическими реперами соответственно раннего и позднего периодов маньчских древностей. Так как на металлические изделия маньчские комплексы бедны, выявление маркирующих хронологические периоды видов посуды представляется крайне важным.

Находки «уступчатых чугунок» сделаны преимущественно в памятниках Маньчской впадины и Ергенинской возвышенности. Территория распространения «сосудов с

орнаментальным пояском» гораздо шире, основное их число происходит из Центрального Предкавказья, что может указывать на центрально-предкавказское происхождение «степных» экземпляров.

Достоверных стратиграфических данных для погребений с обоими видами сосудов пока не зафиксировано, отсутствуют и серии радиоуглеродных дат для таких могил. Поэтому получение данных курганной стратиграфии и радиоуглеродных дат, возможно, позволит уточнить относительную хронологию рассмотренных погребальных комплексов.

Литература

1. Андреева М.В. 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.
2. Власкин Н.М. 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур манчского типа эпохи средней бронзы. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
3. Гак Е.И., Егорьков А.Н. 2010. Латунь Ергенинского могильника и ее историко-металлургический контекст // Археологические вести. Вып. 16.
4. Корневский С.Н. 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
5. Мимоход Р.А. 2012. Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов конца средней – начала поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие в древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.
6. Перцева М.А. 2018. Сосуды из Центрального Предкавказья в катакомбных памятниках Восточного Маныча // Проблемы археологии и музееведения: Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955-2017). Волгоград.

Поплевко Г.Н.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕКОН

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00548а

Поселение Чекон расположено в юго-восточной части Таманского полуострова. Исследование поселения начато в 2011 г. со спасательных раскопок (Бочковой, Марченко, Лимберис, Резепкин, 2012; 2013). В дальнейшем раскопки были продолжены А.Д. Резепкиным в 2014-2015 гг. Общая площадь раскопок составила 1156 м²; мощность культурного слоя 20-30 см. Самым массовым материалом на поселении является керамика. Количество изделий из кремня, кости, рога, камня насчитывает 105 экз. Все эти изделия были исследованы трасологически с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9 с увеличением до 100 раз.

На поверхности 86 экз. были обнаружены микроследы использования в разных хозяйственных операциях. На поселении представлены изделия из глины – 3 экз.; из кремня – 29 экз.; из других пород камня – 25 экз.; из кости, рога – 29. Среди них 11 орудий имеют по 2 рабочих лезвия одинаковой функции. Встречено 3 полифункциональных орудия с тремя и 9 экз. с двумя рабочими лезвиями разных функций. Общее количество рабочих лезвий насчитывает всего 113 экз., а у трех молотков дляковки имеется 17 участков рабочих поверхностей.

Трасологически выделенные орудия из кремня, камня и кости были объединены в разные хозяйственные комплексы: обработка мяса, шкур – 14 орудий; обработка дерева – 15; обработка злаков – 5; обработка кости, рога – 7; обработка камня – 17; обработка керамики – 29; обработка металла – 19/17 (Поплевко, 2013. Табл. 1). В количественном отношении доминирует комплекс по обработке керамики. Трасологически был выявлен большой набор орудий по изготовлению керамики (Поплевко, 2013. Табл. 1, 3, 4-11).

Автором впервые были выделены орудия по обработке керамики на материалах энеолитического поселения Мешоко на Северном Кавказе, а затем на поселении эпохи ранней бронзы Пхагугапе (Поплевко 2007; 2008). На поселении Мешоко было зафиксировано самое большое количество орудий из кости, использовавшихся для обработки поверхности керамики. Для этого использовали разные кости, часто брали осколок трубчатой кости без какой-либо подработки, определить такие орудия можно только с помощью трасологического анализа. На всех поселениях майкопской культуры с лощеной керамикой, как правило, присутствует набор орудий по ее обработке. Для изготовления керамики высокого качества надо специально готовить глину, причем для тонко отмученной керамики глину растирали на абразивных плитах до получения однородной муки из глины или толкли в ступах, которую затем смешивали с водой, вымешивали и выбивали колотушками, повышая ее пластичные свойства и добиваясь однородности структуры глиняной массы.

На поселении Чекон в качестве лощил и шпателей для обработки поверхности керамики использовали фрагменты трубчатых костей. На поселении Чекон собрана большая

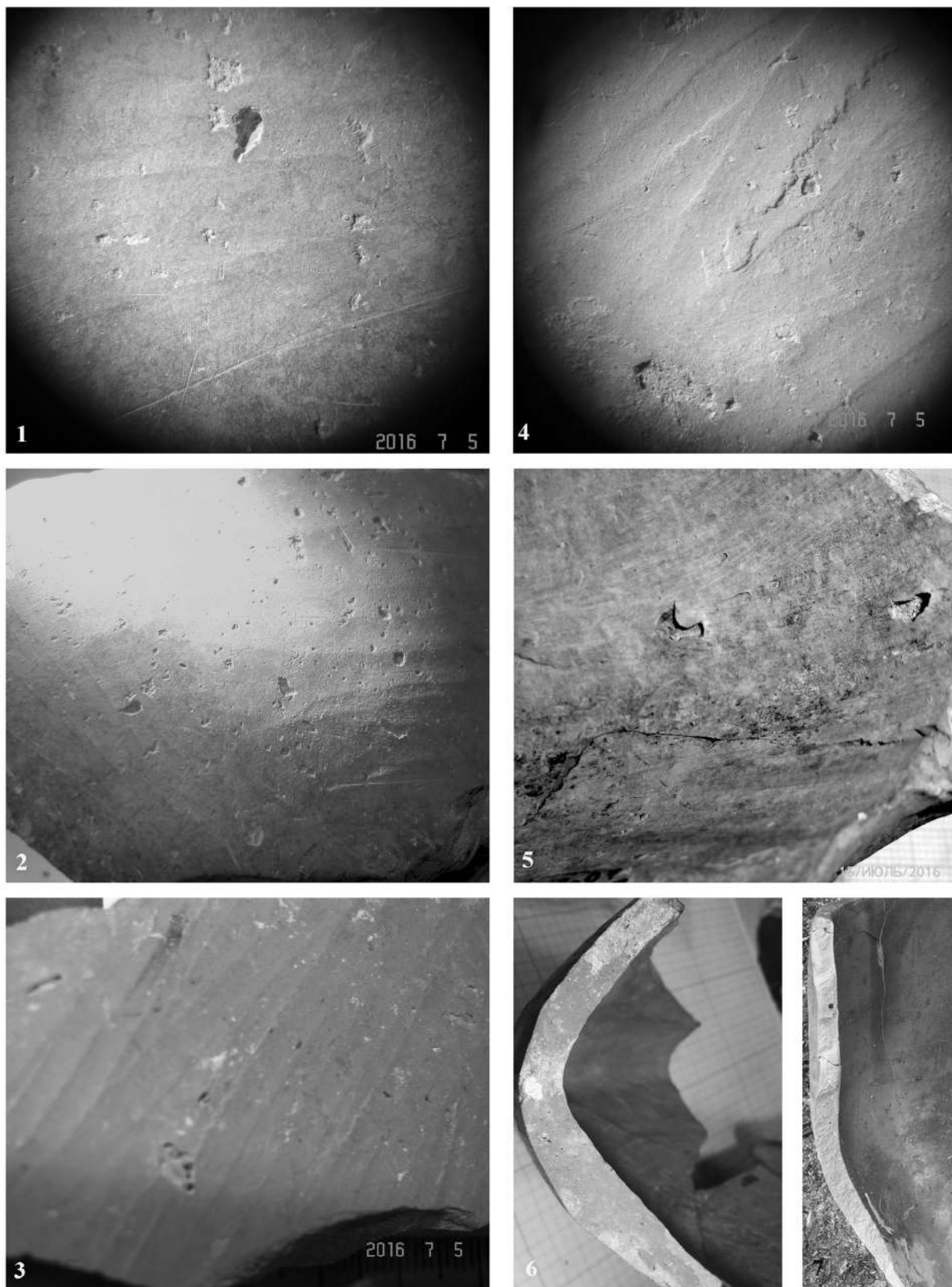

Табл.1. Использование различных производственных операций на керамике майкопской культуры:
 1-3 – следы лощения в виде узких полос от костных орудий на подсушенной поверхности сосуда;
 4 – следы лощения по влажной поверхности костяными орудиями; 5 – отслаивание тонокого слоя
 ангоба на двух участках поверхности. Ручная лепка стенки сосуда в изломе: 6 – археологический;
 7 – экспериментальный. Увеличение: 1, 4 – $\times 20$.

коллекция керамики с лощеной поверхностью, есть фрагменты с участками красной краски. Столь многочисленный комплекс орудий по обработке сосудов в процессе их изготовления обнаружен впервые на поселении майкопской культуры. В дальнейшем, при изучении материалов поселений Натухаевское и Катусвина Кривица 2 под Новороссийском, также был выявлен многочисленный комплекс костяных орудий для обработки поверхности керамики. Для этих же целей на поселении Катусвина Кривица 2 помимо костяных изделий, были использованы и фрагменты самой керамики, которые употреблялись в качестве шпателей или лоцил. Технология лепки майкопской керамики проводилась вручную лентами (Табл. 1, 6-7), сочетанием приемов ленточной лепки и последующей выколотки деревянными лопаточками на каменной наковаленке. Встречаются фрагменты сосудов, которые были изготовлены только выколоткой на форме-основе. Структура такой керамики камнеподобная, плотная без микропор.

Поверхность практически всех сосудов поселений Чекон, Пхагугапе, Чишхо, Беляевское (Резепкин, Поплевко, 2019), Натухаевское и Катусвина Кривица 2 имеет хорошо заглаженную или лощеную внешнюю поверхность. Лощение проводилось по слегка подсушенной поверхности, которая уже приобрела кожетвердое состояние (слегка подсушена), но еще податлива для ее заглаживания, лощения и выравнивания (Поплевко, 2019). Такие следы лощения часто фиксируются на поверхности разных сосудов в виде тонких узких полосок, часто разнонаправленных (Табл. 1, 1-3). Заглаживание проводилось по влажной поверхности и на ней сохранились следы от работы костяными орудиями в виде более широких плоских полос, накладывающихся друг на друга (Табл. 1, 4). Третью группу сосудов составляют фрагменты с гладкой однородной поверхностью без видимых следов разглаживания и лощения. Поверхность этих сосудов выравнивалась по сухой поверхности мягким камнем (известняк, мергель, сланец). В процессе разглаживания мягким камнем происходило выравнивание поверхности, он действовал как слабый абразив, с последующим нанесением жидкого ангоба с более ярким красящим цветом, чем основное глиняное тесто или более густого, в виде сметанообразной массы, которую затем разглаживали и полировали до зеркального блеска (Табл. 1, 5). Экспериментально было подтверждено, что ангобирование проводилось как жидким составом красящего вещества, так и более густым. Современная этнография показывает, что народы, сохранившие ручное изготовление круглодонной керамики, использовали чаще жидкий состав красящего вещества, чем более густой. По данным этнографии шамот часто измельчали до порошкообразного состояния, а затем добавляли в качестве отощителя в глиняную массу, поэтому визуально его можно и не заметить.

Комплексный подход к анализу всех материалов поселения разными методами исследования приближает нас к большему пониманию разных приемов, использованных в технологии изготовления керамики.

Литература

1. Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. 2012. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.
2. Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. 2013. Поселение майкопской культуры Чекон // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 1. Краснодар.

3. Поплевко Г.Н. 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий // Труды ИИМК РАН XXIII. СПб.
4. Поплевко Г.Н. 2008. Комплексное исследование материалов поселения майкопской культуры Пхагугапе // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. М.
5. Поплевко Г.Н. 2013. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар.
6. Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. 2019. Беляевское – поселение майкопской культуры на Кубани // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М.
7. Поплевко Г.Н. 2019. Майкопская керамика: технологические приемы изготовления и англобирование // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18-22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV-I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб.

Резепкин А.Д.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕКОН

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00548а

Поселение Чекон расположено в Анапском районе Краснодарского края в 0,5 км к СЗ от западной окраины хут. Чекон на пологом склоне водораздела, ограниченного с востока балкой.

Спасательными раскопками 2011 г. (В.В. Бочковой, И.И. Марченко, Н. Ю. Лимберис) было вскрыто 1050 кв. м культурного слоя и установлено, что поселение однослойное. На вскрытой площади было открыто 3 полуземлянки и 69 хозяйственных ям и обнаружено более 13 тыс. фрагментов керамики. В 2014-2015 гг. раскопки поселения были продолжены Майкопской археологической экспедицией. Было раскопано еще 108 кв.м. Дополнительные раскопки были заложены с целью более точного определения толщины культурного слоя, мощность которого, как предполагалось по раскопкам 2011 г., могла достигать до 1 м. В этом случае было бы возможным попытаться проследить динамику изменений керамического материала по ходу накопления культурного слоя. К сожалению, раскопки 2014-2014 гг. выявили только обычную для памятников майкопской культуры небольшую толщину слоя – 5-20 см.

Вся керамика из раскопок 2011 г. была обработана (Бочковой, Марченко, Лимберис, Резепкин, 2012. С. 95-100) согласно предложенной ранее классификации керамики майкопской культуры (Резепкин, 2009. С. 317-324; 2012. С. 125-128; Резепкин, Поплевко, 2009. С. 81-89). Помимо публикации и анализа новых данных, целью этой работы, на основе новой информации, полученной в ходе раскопок 2014-2015 гг., является:

1. Проверка предложенной классификации керамики майкопской культуры.
2. Проверка устойчивости пропорциональных соотношений выделенных типов керамики.
3. Проверка достаточной полноты выделенных типов керамики.

Миски. Сравнив данные, полученные в результате анализа, проведенного в 2012 г. с добавленными данными, полученными в ходе раскопок 2014-2015 гг., увидим, что количество мисок увеличилось на 111 ед., т.е. на 18,6% от общего числа и составило суммарно 707 ед. Рассмотрев по каждому типу керамики, какой процент занимает тот или иной тип среди остальных типов на поселении, мы видим, что это соотношение по всем типам изменилось в пределах 0,2-2,4%, т.е. в пределах статистической погрешности. Также не прибавилось и других типов. Иными словами, выделенные типы не искусственны, действительно отражают реальность, выявленную в материале. В предыдущих исследованиях было выявлено, что тип 2 с вариантом 2а является самым многочисленным – 264 ед. (44,6% от всех мисок), и сейчас, с добавлением еще 48 мисок (итого 312 ед.) – он продолжает быть таковым – 44,1% (Табл. 1А). Второе место по многочисленности, также как и в предыдущих исследованиях, занимает тип 2 с подтипом 2а – 34,7% от всех мисок и соответственно,

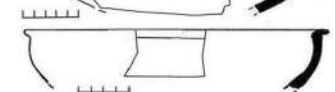

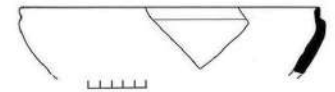

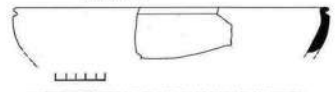
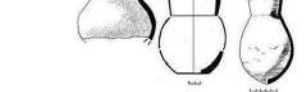
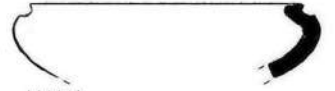

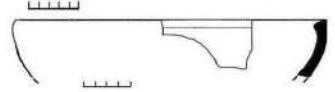

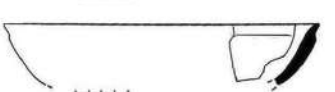

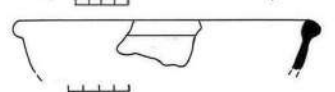

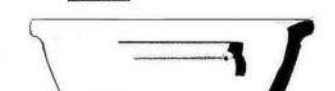

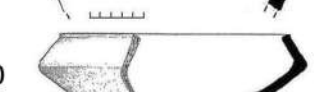

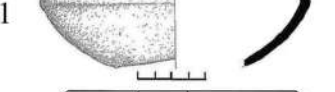

А			Б		
Типы мисок	Количество	%	Формы венчиков сосудов	К-во	%
1 	108	15,3	1 	123	24,5
2 	50	7,1	2 	39	7,6
2a 	262	37,1	3 	20	3,5
3 	139	19,7	4 	108	18,1
3a 	101	14,3	5 	70	13,0
4 			6 	8	1,4
5 	22	3,1	6a 	161	31,1
5a 	3	0,4	7 	1	0,2
6 	11	1,6	8 		
7 			9 		
8 	11	1,6	10 	1	0,2
9 			11 		
10 			12 		
11 			13 		
12 			14 	1	0,2
Итого:	707	100		531	100

Табл. 1. Поселение Чекон. Типы керамики и процентное соотношение форм:
А – миски; Б – сосуды.

с добавлением 38 мисок (итого 240 ед.) – 33,9%. Третью позицию занимает тип 1. В предыдущем исследовании он составлял 92 ед. (15%), с новыми находками (16 ед.) их стало 108 ед. (15,3% от всех мисок). Таким образом, если первые три типа мисок в общей сложности ранее занимали 94,3% от их общего количества, то сейчас – 93,3%.

Сопоставив все эти показатели, нетрудно увидеть, что общая совокупность количественно ведущих типов осталась практически неизменной, с разницей в 1%. Также неизменным, с разницей лишь до 0,8%, остается удельный вес каждого типа в общем количестве мисок. Это позволяет с достаточной уверенностью считать, что выделенные типы и их доля в общем количестве (степень массовости) отражают объективную реальность.

Сосуды. Прделав аналогичную операцию с выделенными типами сосудов, отметим, что их общее количество в связи с новыми раскопками увеличилось на 89 ед. (20,1% от общего числа), составив 531 экз.. В предыдущих исследованиях было выявлено, что тип 6 с вариантом 6а является самым многочисленным – 151 ед. (31,8% от всех сосудов), и сейчас, с добавлением еще 18 сосудов (итого 169 ед.), он продолжает быть таковым – 34,1% (Табл. 1Б). Второе место по многочисленности, также как и в предыдущих исследованиях, занимает тип 1 – 25,8% от всех сосудов и соответственно, с добавлением 9 сосудов (итого 123 ед.) – 23,1%. Третью позицию занимает тип 4. В предыдущем исследовании он составлял 65 ед. (14,7%), с новыми находками – 43 экз. (всего 108 ед. или 20,3% от всех сосудов). И также довольно многочисленный тип 5 насчитывал 61 экз. (13,8%), сейчас – 70 экз. (13,1%). Таким образом, эти четыре типа сосудов в общей сложности ранее занимали 86,1% от общего количества сосудов, то сейчас – 90,1%. Рассмотрев по каждому типу керамики, какой процент занимает тот или иной тип сосудов среди остальных типов на поселении, мы видим, что это соотношение по трем типам изменилось в пределах 0,7-2,7%, т.е. в пределах статистической погрешности. Некоторое исключение составляет тип 4. Здесь разница достигает 5,6%. Как и ранее, наибольший процент примесей наблюдался в типах 3-6а – это керамика в подавляющем большинстве хуже обожжена, она как бы второсортна, имеет более простые «мешковидные» формы. Других, новых типов в сосудах не прибавилось.

Проанализировав в общей сложности 1238 профильных образцов керамики (как правило, венчиков), приходим к выводу, что выделенные типы и их количественное и процентное соотношение отражает реальное соотношение различных керамических форм, использовавшихся населением поселения Чекон.

Литература

1. Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. 2012.
2. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.
3. Резепкин А.Д. 2009. Миски из поселений майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
4. Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. 2009. Классификация мисок майкопской культуры // Записки ИИМК № 4. СПб.
5. Резепкин А.Д. 2012. Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала.

Рябогина¹ Н.Е., Идрисов² И.А., Насонова² Э.Д., Борисов³ А.В.

¹Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень,

²Институт геологии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

³Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ОБИТАНИЯ В ГОРНЫХ И РАВНИННЫХ РАЙОНАХ ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ГОЛОЦЕНА

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 19-29-05205 МК

Пробелы в знаниях о палеоэкологических условиях в Дагестане существенно затрудняют рассмотрение круга вопросов, связанного с поэтапным освоением Дагестана в древности, объективную оценку палеоэкономических изменений и процесс формирования культурных агроландшафтов. До недавнего времени динамику природных изменений в голоцене северо-восточной части Кавказа было сложно анализировать, т.к. на территории Дагестана не были исследованы «архивы палеоэкологической информации» – торфяники. Имелись лишь данные по изучению поселенческих и подкуранных почв (Амирханов, 1987; Идрисов, 2015; Хохлова и др., 2015). Кроме природных изменений, в слоях торфа фиксируются и следы антропогенной трансформации – признаки земледелия, выпаса, сведения о лесах и другие.

Исследования двух торфяников Шотота и Аркида позволили впервые реконструировать историю растительности и климата, причем как для горной, так и для равнинной области Дагестана (Рябогина и др., 2019; Ryabogina et al., 2019). Отложения торфяника Шотота на Хунзахском плато характеризуют палеоэкологические записи большей части голоцена среднегорного пояса, начиная с 9000 кал. л.н. Возраст травяного болота Аркида на юге Прикаспийской низменности около 5000 кал. л.н.

Благодаря возрастным моделям, построенным по 27 радиоуглеродным датировкам в пакете Vchron для каждого торфяника, удалось достаточно точно сопоставить природные процессы в горной и равнинной частях Дагестана. Для объективной оценки и сравнения климатических условий двух районов были рассчитаны пыльцевые индексы (рис. 1), привязанные к калиброванной временной шкале:

- индекс открытости / лесистости ландшафта (AP/NAP: отношение древесной и травянистой пыльцы) тесно связан с увлажнением и вариациями теплообеспеченности в семиаридных и горных районах (Herzschuh, 2007);

- индекс аридности ((A+C)/P: отношение суммы пыльцы полыни и маревых к пыльце злаков) позволяет разделить полупустыни / сухие степи (показатель выше 5), разнотравные степи / субальпийские луга (ниже 5) (Herzschuh, 2007);

- индекс сухости (A/C: отношение пыльцы полыни к маревым) имеет тесную связь с количеством осадков, порог ниже 0,5 установлен для полупустынных условий и выше 0,5 – для степных условий (El-Maslimany, 1990).

Все указанные индексы связаны с растительностью. Однако на растительность кроме климата, большое влияние оказывает антропогенный фактор.

Установлено, что на протяжении последних 5000 лет горные и равнинные районы Дагестана существенно отличались как в облике ландшафтов, так и по изменениям климата. На Хунзахском плато и прилегающих районах альпийские луга сочетались с сосновыми и сосново-лиственными редколесьями, а в сухие фазы – с остепненными лугами. Этапы активного распространения сосновых редколесий в большинстве случаев связаны с улучшением увлажнения. Однако, не исключено, что люди сводили леса или препятствовали их росту при интенсивном выпасе, способствуя антропогенному остепнению лугов. Облик ландшафтов Прикаспийской низменности Дагестана был почти полностью безлесным в течение второй половины голоцена. Однако условия менялись от очень аридных полупустынных до умеренно влажных степных, с дубовыми редколесьями.

Уровень увлажнения являлся руководящим фактором в изменении природного фона, и, следовательно, определял благоприятность условий обитания и ведения хозяйства как в горах, так и на равнинах Дагестана. Наибольший интерес представляют интервалы с противофазными колебаниями увлажнения, во время которых контраст природных условий благоприятствовал освоению то одних, то других территорий. Так 3,0-3,5 тыс. л.н. на равнинной части Дагестана умеренное увлажнение привело к формированию разнотравных степей с редкими березово-сосново-дубовыми перелесками, в это время в них даже встречался дикий виноград. В среднегорной же зоне, напротив, увеличивается доля остепненных лугов и сокращается доля залесенных склонов в связи с недостатком увлажнения.

Другим примером может быть интервал 2,2-3,0 тыс. л.н., связанный с сухостепными и полупустынными ландшафтами на равнинах, в то время как в горной зоне признаки остепнения проявились только около 2,4 тыс. л.н., и не исключено, что в связи с выпасом и интенсификацией земледелия.

Последующее за этим увлажнение около 2,1-2,2 тыс. л.н. синхронно проявилось в растительности как горной, так и равнинной зоны Дагестана. Склоны гор в это время зарастали сосновыми редколесьями, возможно, отчасти из-за снижения антропогенного прессинга (нет пыльцы культурных злаков, мало сорняков). На территории Прикаспийской низменности в долинах появляются сосновые и дубовые перелески. Примечательно, что синхронно появляется пыльца дикого винограда.

Около 2,0-2,1 тыс. л.н. ситуация кардинально изменилась и повсеместно отмечается снижение влагообеспеченности. Однако, если в горных районах это привело к скачкообразному снижению лесистости, то на равнинах стало настоящим экологическим кризисом. Примечательно, что на Хунзахском плато именно около рубежа эр появляется комплекс признаков (увеличение зольности торфа и признаки почвенной эрозии), указывающий на интенсивное земледелие. На Прикаспийской низменности на рубеже эр начинается экстрааридная фаза, которая привела к пересыханию торфяников и установлению полупустынных условий на несколько веков. Оптимизация природных условий произошла здесь не раньше второй пол. I тыс. н.э., когда на равнинах вновь начинают формироваться степи с дубовыми перелесками.

Колебания увлажнения в горах происходили реже и не так значительно, как на равнинах и низменностях Дагестана, где достаточно быстро степные условия сменялись полупустынными.

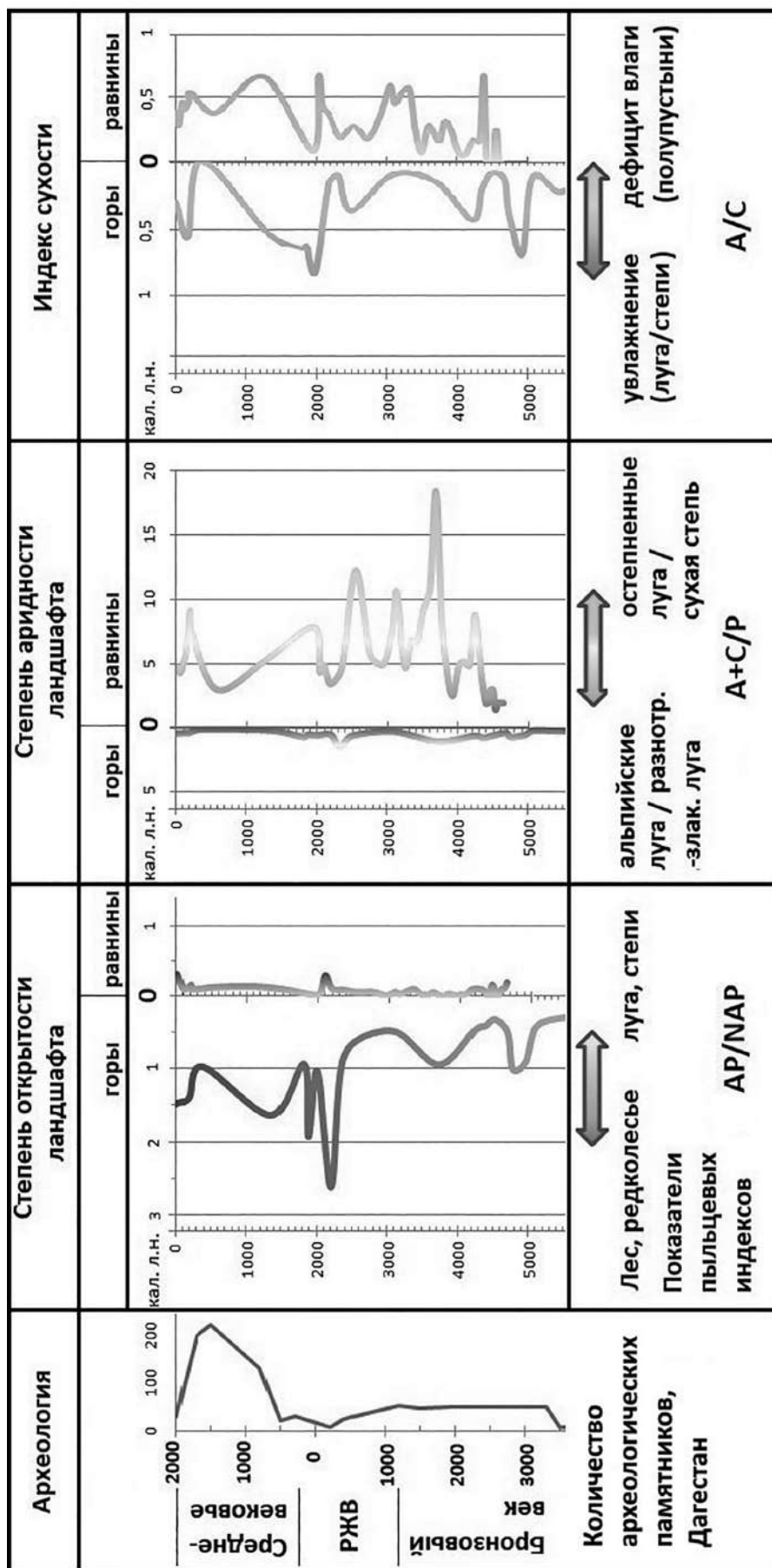

Рис. 1. Сопоставление основных ландшафтных и климатических изменений в горных и равнинных районах Дагестана по пыльцевым индексам

Литература

1. Амирханов Х.И. 1987. Чохское поселение. М.
2. Хохлова О.С., Хохлов А.А., Кузнецова А.М., Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г. 2015. Изменение свойств почв при разнонаправленных климатических колебаниях позднего голоцена в полупустынной зоне (на примере курганного могильника Паласа-Сырт) // Почвоведение. № 1.
3. Идрисов И.А. 2015. Материалы изучения палеопочв курганов Паласа-сыртского могильника (группа №6) // Вестник ИИАЭ. № 4.
4. Рябогина Н.Е., Идрисов И.А., Борисов А.В., Афонин А.С., Зазовская Э.П. 2019. Болота Восточного Кавказа как высокоразрешающие архивы палеогеографической информации // География и природные ресурсы. № 2.
5. El-Maslimany A.P. 1990. Ecological significance of common nonarbooreal pollen: Examples from drylands of the Middle East // Review of Paleobotany and Palynology. Vol. 64.
6. Herzsuh U. 2007. Reliability of pollen ratios for environmental reconstructions on the Tibetan Plateau // Journal of Biogeography. Vol. 34.
7. Ryabogina N., Borisov A., Idrisov I., Bakushev M. 2019. Holocene environmental history and populating of mountainous Dagestan (Eastern Caucasus, Russia) // Quaternary International. Vol. 516.

Сайпудинов М.Ш.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

О КЕРАМИКЕ С ОБМАЗАННОЙ ПОВЕРХНОСТЬЮ ИРГАНАЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ I ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 19-29-05205

В результате многолетних археологических исследований Ирганайского поселения I эпохи средней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС (1958-1960, 1986-1991, 2003-2006 гг. – раскопки Д.М. Атаева, М.Н. Погребовой, М.Г. Гаджиева, Р.Г. Магомедова, Г.Д. Атаева) получен большой археологический материал, в т.ч. керамика – 20162 фрагментов сосудов. Статистико-стратиграфические данные показали, что особых различий в процентном соотношении между гладкой и обмазанной керамикой нет; ок. 50% фрагментов от общего количества имеют следы обмазки. Р.Г. Магомедов указывает, что обмазанная керамика встречается во всех памятниках эпохи средней бронзы горного Дагестана.

Обмазанную керамику Ирганайского поселения I представляют баночные сосуды, крупные сосуды с яйцевидным туловом и миски. Тулова этих сосудов обмазывались жидкой глиной, а плечики или закраина обычно заглаживались или ложились (рис. 1, 1-4). Некоторые фрагменты орнаментированы налепным валиком с насечками или защипами; встречаются фрагменты с врезным орнаментом в виде клиновидных или округлых вдавлений и перекрещивающихся полосок (Атаев, 2016а. С. 90-105; 2016б. С. 58-76; 2017б. С. 46-69; 2017в. С. 71-92; Атаев, Малагитинов, 1992. С. 5; Атаев, Мирзоев, 2012. С. 5-9; Магомедов, Хангишиев, 1988. С. 9-11; Гаджиев, Магомедов, 1990. С. 3-4; Магомедов, 1992. С. 3; 1998).

Посуда Ирганайского поселения I изучалась на основе методики технико-технологического анализа древней керамики, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999. С. 5-106; Цетлин, 2012). Сравнение рецептур составления формовочных масс и соотношение различных групп исследуемых сосудов показывает, что при изготовлении керамики с обмазанной поверхностью использовались два основных рецепта: 1) глина + шамот + органика, 2) глина + шамот + навоз.

Отдельному бинокулярному изучению подверглись сосуды с обмазанной поверхностью Ирганайского поселения I для выяснения технологических традиций в изготовлении ошершавленной керамики. В итоге было выявлено две разные традиции: 1) поверхность сосудов обмазывалась формовочной массой аналогичной той, из которой был изготовлен сам сосуд, но предварительно доведенной до полужидкого состояния; 2) формовочная масса для обмазки поверхности сосудов готовилась специально и имела иной состав, чем формовочная масса самих сосудов, чаще всего использовался рецепт «глина + навоз».

В 2019 г. на базе Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства под руководством Ю.Б. Цетлина и Е.Л. Волковой нами проводился эксперимент для выяснения того на какую поверхность наносилась обмазка с жидкой глиной. Для эксперимента использовалась глина во влажном состоянии. Формовочная масса готовилась близкой к археологической (глина + шамот + навоз.). Навоз использовался в жидком по

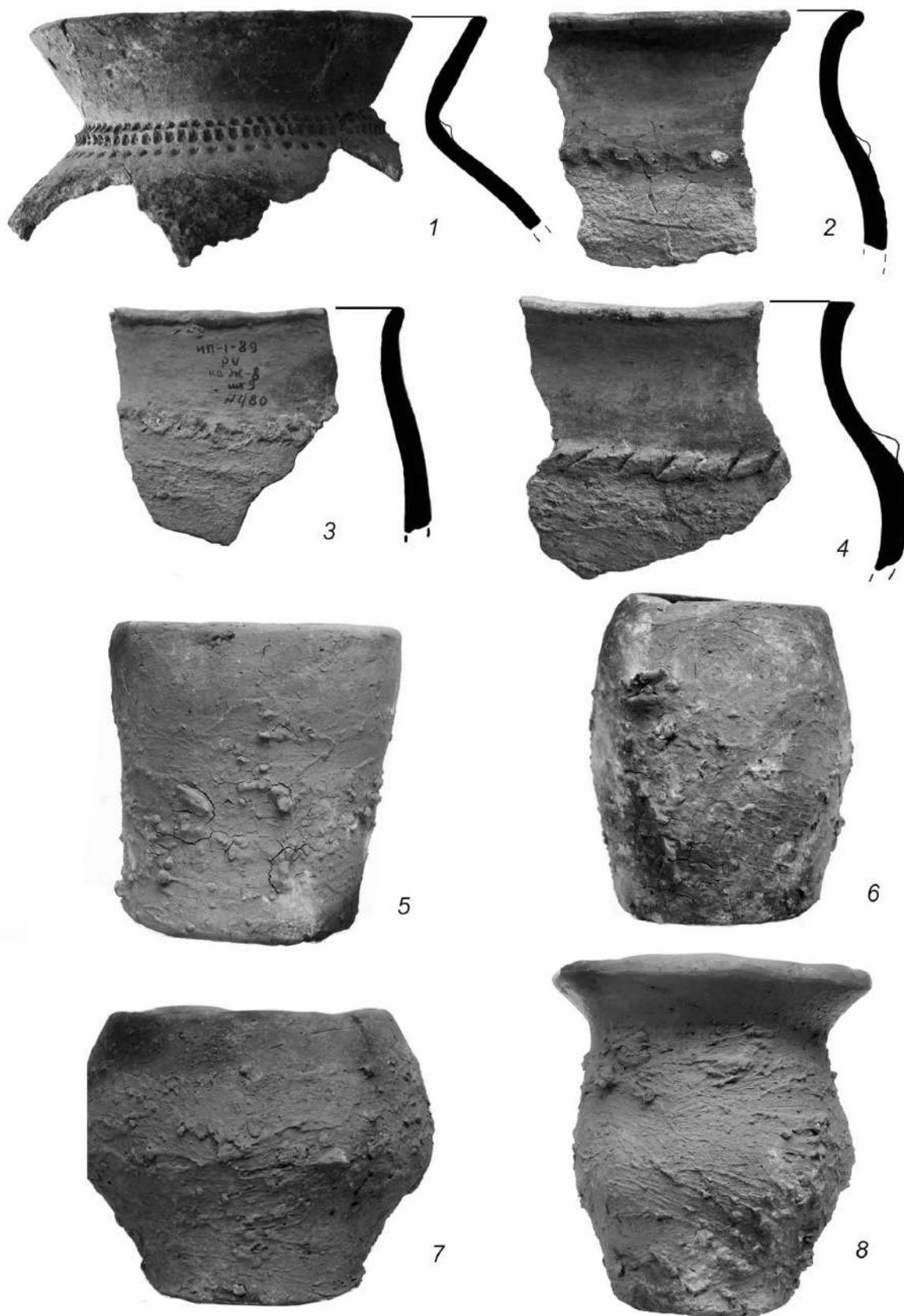

Рис. 1. Образцы керамики с обмазанной жидкой глиной поверхностью: 1-4 – фрагменты керамики Ираганайского поселения I; 5-8 – экспериментальные образцы.

отношению к глине состоянии концентрацией 1:5, шамот калиброван по верхней границе до 3 мм концентрацией 1:5. В ходе эксперимента было изготовлено четыре сосуда:

сосуд № 1 – внешняя поверхность заглажена твердым предметом; на тулово после полной сушки нанесена обмазка жидкой глиной (рис. 1, 5);

сосуд № 2 – внешняя поверхность заглажена твердым предметом; после полной сушки тулово сосуда обмочено в воде и сразу поверх обмоченной поверхности на тулово нанесена обмазка с жидкой глиной (рис. 1, 6);

сосуд № 3 – сосуд внешняя поверхность заглажена твердым предметом; тулово сосуда обмазано жидкой глиной сразу после завершения конструирования сосуда (рис. 1, 7);

сосуд № 4 – внешняя поверхность заглажена твердым предметом; сушка сосуда не полная, обмазка жидкой глиной на тулово наносилась после четырех дней сушки без предварительной обработки наружной поверхности сосуда (обмачивание) (рис. 1, 8).

Глина для обмазки была приготовлена из формовочной массы, из которой были изготовлены сосуды путем доведения до жидкого состояния. После полной сушки на это потребовалось 8 дней. Все сосуды обжигались в примитивном обжигательном устройстве (очаг). Сосуды №№ 1 и 2 спустя 2 часа после нанесения обмазки жидкой глины покрылись мелкими трещинами по всему тулову, оба сосуда покрыты трещинами одинаково (Рис. 1,5-6).

В результате проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы:

1. Сосуды, обмазанные жидкой глиной после полной сушки, дали в обмазке трещины, чего не наблюдается в керамике Ирганайского поселения I. Это связано с тем, что сосуды после сушки завершили усадку, а жидкая глина, нанесенная поверх сосудов, находилась в стадии усадки. Таким образом, можно говорить, что обмазка жидкой глиной наносилась на сосуды сразу после конструирования или спустя некоторое время, не более 4 дней.

2. Среди обмазанной керамики Ирганайского поселения I выявлены две традиции обмазки поверхности сосудов жидкой глиной: 1) сосуд обмазывался сразу после завершения конструирования жидкой глиной, доведенной до полужидкого состояния из формовочной массы самого сосуда; 2) поверхность сосуда обмазывалась спустя некоторое время после его неполной просушки, но при этом изменялся состав формовочной массы для обмазки.

Выше сказанное позволяет заключить, что обмазка жидкой глиной поверхности сосуда не носила в себе технологической нагрузки (покрытие микротрещин, улучшение, предание прочности, водонепроницаемости черепку), а носила исключительно декоративный характер. Возможно, гончары Ирганайского поселения I подражали, например, кожаными сосудами или грубо холщовым изделиям (сумы, мешки), придавая шероховатость поверхности керамических сосудов.

Лилетатура

1. Атаев Г.Д. Малагитинов М.М. 1992. Керамика Ирганайского поселения I // ТД НСПИЭИ Института ИЯЛ 1990–1991 гг. Махачкала,
2. Атаев Г.Д. Мирзоев Р.Н. Археологические исследования в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004-2006 гг. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. № 1. 2012. С. 5-9.
3. Атаев Г.Д. 2016а. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2003 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3.
4. Атаев Г.Д. 2016б. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4.

-
-
5. Атаев Г.Д. 2017а. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2005 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1.
 6. Атаев Г.Д. 2017б. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2006 г. в горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 2.
 7. Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
 8. Бобринский А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
 9. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. 1990. Об итогах охранных раскопок Ирганайского поселения I в 1988–1989 гг. // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1988-1989 гг. Махачкала.
 10. Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.Д. 1988. Новые исследования памятников эпохи средней бронзы в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала.
 11. Магомедов Р.Г. 1992. Работы на Ирганайском поселении I в 1990 г. // Тез. докл. Научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала.
 12. Магомедов Р.Г. 1998. Гинчинская культура // Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала.
 13. Цетлин Ю.Б. 2012. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.

Смекалова¹ Т.Н., Кашуба² М.Т.

¹Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

²Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

К ПРОБЛЕМЕ ПОЗДНЕБРОНЗОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ С КАМЕННОЙ АРХИТЕКТУРОЙ В КРЫМУ И В ПОНТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Работа подготовлена по гранту РФФИ-КОМФИ, проект № 18-00-00486

Блок культур Ноуа-Сабатиновка-Косложень (Восточная Трансильвания – Нижнее Подунавье – Западное Приазовье и Тамань), одно из самых значительных образований Причерноморского региона в позднем бронзовом веке, характеризует ряд *общих* компонентов (Sava, 2014. P. 9 ff., с литературой. Fig. 1, 2; ср. Черниенко, 2014. С. 16-39, 82-87). Но в каждой из этих культур прослежены особенности, к которым относятся техника строительства бытовых сооружений.

Поселения культуры Ноуа (Восточная Трансильвания – Верхнее–Среднее Поднестрие) характеризуют «зольники», важные выводы о структуре которых получены при исследованиях поселения Одая-Мичурин (Молдова) (Сава, Кайзер, 2011). «Зольники» культуры Ноуа оказались без золы, но имеют повышенное содержание карбоната и сформировались на месте остатков жилых и хозяйственных построек из деревянного каркаса и плетневых стен, обмазанных глиной с примесью соломы и навоза (Сава, Кайзер, 2011. С. 426 сл.). В «зольниках» Ноуа отсутствуют какие-либо каменные конструкции; основными строительными материалами являлись древесина и глина с органикой (Сава и др., 2019. С. 169).

Современный уровень изученности поселений культуры Косложень (Северная и Южная Добруджа) оставляет много вопросов относительно технологии и техники строительства. В Румынии (Северная Добруджа) раскопано несколько поселений; на эпонимном памятнике Косложень выявлен «зольник», но каменные конструкции не найдены (Savrus, Neagu, 1995. Pl. I, Ia). Большое количество памятников изучено в Болгарии (Южная Добруджа); на юго-восточном склоне широко исследованного поселения Дуранкулак выявлены каменные фундаменты жилищ, названные автором раскопок Г. Тодоровой «циклопической кладкой» (Atanasov, 2011. S. 187 ff.). Можно полагать, что у населения культуры Косложень основными строительными материалами являлись древесина и глина, также применялся камень.

Для поселений культуры Сабатиновка (степи Северного Причерноморья, в т.ч. Приазовье и Тамань) типичны каменные конструкции, но на севере ее ареала известны дерево-глинобитные жилища. «Зольники» зафиксированы на ряде сабатиновских поселений – Вороновка II (Ванчугов и др., 1991. Рис. 13), Тараклия-Гайдабул, где также найдены остатки каменных конструкций (Сава и др., 2019. С. 170). Многочисленные каменные конструкции обнаружены в ходе масштабных раскопок впервые открытых сабатиновских поселений на Тамани, материалы которых начинают вводиться в научный оборот (Кияшко, 2019. С. 54-56). На поселениях Северо-Западного Причерноморья (Вороновка II) прослежены три

вида кладки: 1) двухрядная с забутовкой глиной и мелкими камнями; 2) однорядная из уложенных плашмя камней; 3) вертикально установленные плиты с забутовкой глиной и гравием (Древние культуры, 2013. С. 297). На основе изучения поселений Черевичное, Викторовка III высказано предположение, что нижняя часть стен возводилась из камня, а их верхние части сооружались из глины, при этом высота стен могла составлять 1,55/1,7-2 м (Там же). На поселении Бурун-Эли в северо-западной части Крыма зафиксированы помещения со стенами, облицованными стоявшими на ребре плоскими камнями (Колотухин, 2003. С. 102-114; Pieniążek, 2007. P. 431. Fig. 17.7), т.е. в технике (однорядной) «орфостатной» сухой кладки. Можно заключить, что основным строительным материалом у племен сабатиновской культуры Причерноморья был камень, но также использовались древесина и, в меньшей степени, глина; прослежены сухая кладка и кладка на глиняном растворе.

Данные по непогребальной архитектуре культур Ноуа-Сабатиновка-Косложень широко используются при сравнительном изучении каменной архитектуры позднего бронзового века в Циркумпонтийском регионе, включая Северный Кавказ. Выяснилось, что поселения с каменной архитектурой имеют широкий хронологический диапазон (финал среднего – поздний бронзовый век) и охватывают практически весь регион (Pieniążek, 2012; Reinhold et al., 2017. S. 246 ff. Abb. 168).

Выдающиеся результаты получены на Северном Кавказе: в результате 20-летнего изучения открыты и изучены около 300 памятников с уникальной для региона непогребальной каменной архитектурой, которая по радиоуглеродным датам просуществовала более тысячи лет (нач. II – сер. I тыс. до н.э.) (Reinhold et al., 2017. S. 213-245. Abb. 150, 167). Северокавказские памятники с каменной архитектурой хронологически близки крымским поселениям – их «появление» помещено в посткатакомбный горизонт (Ibid. Abb. 175): для Северного Кавказа – на основе представительной серии радиоуглеродных дат, для Крыма – на материалах раскопок поселений каменной культуры в восточной части полуострова (Кислый, 2005. С. 93-126; 2016).

Новейшие исследования открыли новые возможности для сравнительного изучения памятников Крыма и Северного Кавказа и в целом Циркумпонтийского региона. Речь идет о ранее неизвестной в Крыму непогребальной каменной архитектуре – конструкциях овальной формы с каменными основаниями стен (d = до 50 м), названные «загоны для скота». Они выявлены неинвазивными методами на поселениях Северо-Западного Крыма (Смекалова, 2010) и при масштабных раскопках многослойных памятников на востоке и юге полуострова (Бейлин и др., 2018. С. 11-13. Рис. 2, 3; Свиридов и др., 2019. С. 187. Рис. 1, 2). На четырех памятниках в северо-западном Крыму в 2019 г. зафиксированы различия при строительстве стен помещений и каменных оснований стен загонов. Выявлены три типа кладки, из которых панцирная (однорядная, всухую подсыпанная с одной стороны средними и мелкими камнями) преимущественно использовалась для внутренних стен загонов, а двухпанцирная и 3-5-рядная «орфостатная» кладки применялись при возведении, соответственно, внешних и внутренних стен помещений. Эти данные, как и ранее известные, являются прямым свидетельством наличия стационарных элементов в архитектуре подвижных животноводов. Открытые в Крыму загоны для скота с каменными основаниями стен по многим компонентам обнаруживают системное сходство с постройками, исследованными на Северном Кавказе, что требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Бейлин Д.В., Кислый А.Е., Михайлов А.М., Рогудеев В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В. Ю. 2018. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. Вып. 23. М.
2. Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
3. Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса, 2013.
4. Кислый А.Е. 2005. Население и памятники каменной культуры Восточного Крыма // *Stratum plus*. № 2. Кишинев.
5. Кислый А.Е. 2016. О стенах (специальные постройки каменной культуры Восточного Крыма) // Древности Боспора. Вып. 20. М.
6. Кияшко А.В. 2019. Финал среднего – поздний бронзовый век Тамани и Восточного Крыма: к постановке проблемы // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18-22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV-I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб.
7. Колотухин В.А. 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев.
8. Сава Е., Кайзер Э. 2011. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). (Biblioteca "Tyragetia", Vol. XIX). Chişinău.
9. Сава Е., Кайзер Э., Сырбу М. 2019. Некоторые результаты исследований на поселениях комплекса Ноуа-Сабатиновка-Косложень, расположенных в южной части Республики Молдова // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18-22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV-I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб.
10. Свиридов А.Н., Язиков С.В., Топоривская М.А., Фролов В.В. 2019. Раскопки поселения Городище 11 км в 2017 году // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т. 1. М.
11. Смекалова Т.Н. 2010. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. Материалы к археологической карте Крыма. II. Симферополь.
12. Черниенко Ю.А. 2014. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2.
13. Atanasov B. 2011. Siedlungsmobilität im zweiten Jahrtausend v. Chr. auf dem Ostbalkan // *Interdisziplinäre Forschungen zum Kulturerbe auf der Balkanhalbinsel. Beiträge des Humboldt-Kollegs 19–22 November, 2009, Sofia, Bulgarien*. Sofia.
14. Cavruc V., Neagu M. 1995. Date noi privind stratigrafia Grădiştea Coslogeni // *Cultură și civilizație la Dunărea de Jos*. Vol. XIII-XIV. Călărași.
15. Pieniżek M. 2007. Domestic Architecture in the Steppe: a Discussion on the Availability of Building Resources and on the Building Strategies of the Late Bronze Age Sabatinovka Culture in the Southern Ukraine // *Social Orders and Social Landscapes*. Cambridge.
16. Pieniżek M. 2012. Architektur in der Steppe. Spätbronzezeitliche Siedlungen im nordpontischen Raum (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 211). Bonn.
17. Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B. 2017. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus (Archäologie in Eurasien, Bd. 38). Bonn.
18. Sava E. Așezări din perioada târzie a epocii bronzului în spațiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka). (Biblioteca "Tyragetia", Vol. XXVI). Chişinău.

Стеганцева В.Я.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА, СВЯЗАННЫЕ С КЕРАМИЧЕСКИМ ИНВЕНТАРЕМ

Посуда из обожженной глины является самой многочисленной категорией инвентаря в погребениях культур катакомбной культурно-исторической общности.

Для западноманычской катакомбной культуры (далее: ЗМКК), памятники которой расположены на левом берегу Дона, в низовьях рек Маныч и Сал, керамическая посуда также составляет значительную часть погребального инвентаря. В 1970-х гг. классификация керамики была проведена С.Н. Братченко (1976. С. 23-30. Рис. 8, 9). Почти 40 лет спустя, учитывая возросший объем материала, Н.М. Власкин обновил классификацию, добавив к ней несколько новых категорий посуды (Власкин, 2010. С. 88-109, 222. Табл. 44). Автором данной статьи были произведены подсчеты керамического инвентаря ЗМКК, в результате которых было установлено, что наиболее часто встречающейся категорией посуды были реповидные сосуды, а также курильницы и высокогорлые сосуды (Стеганцева, 2014. С. 500-503). Малочисленность таких категорий керамики как кружки, чугуновидные сосуды, кувшины и сосуды с двумя ручками и более многочисленное их присутствие в погребениях соседней восточноманычской катакомбной культуры (далее: ВМКК) послужило аргументом в обосновании направления влияния со стороны населения ВМКК (Стеганцева, 2018. С. 72-75). Ранее нами для выяснения критерия, свидетельствующего о высоком социальном положении объекта погребения, были учтены некоторые черты погребального обряда и типы инвентаря основных захоронений ЗМКК (Стеганцева, 2014. С. 104-107). Наиболее часто в основных погребениях присутствовали реповидные сосуды и курильницы. За редкими исключениями сочетание этих типов керамики находилось в каждой камере из учтенных (Стеганцева, 2014. С. 107. Рис. 1).

Малочисленные категории посуды, такие как кувшины, сосуды с двумя ручками, не встречаются в основных и близких к центральной части погребениях. Как правило, их обнаруживают в удаленных, впущенных в полы курганов, часто в детских погребениях. В кургане 1 могильника Ажиновский III в детском погр. 6 (Рябова, 1983. С. 109. Рис. 4, II), впущенном в юго-западный край насыпи I имелись два маленьких сосудика (Там же. Рис. 11, 7, 10); в погр. 15 (Там же. С. 110. Рис. 5, IV), впущенном в юго-западный край насыпи III находился сосудик, украшенный по горлу и плечу шнуровым орнаментом (Там же. С. 116. Рис. 12, 4); в погр. 22, впущенном в юго-восточную полу насыпи II (Там же. С. 112. Рис. 8, II), были обнаружены сосудик, украшенный по горлу оттисками шнурового штампа, и сосуд с двумя ручками (Там же. С. 115. Рис. 11, 6; С. 116. Рис. 12, 8); в погр. 24, впущенном в северо-восточную полу насыпи III (Там же. С. 112. Рис. 8, III) взрослый погребенный был снабжен реповидным сосудом, а ребенок – сосудиком, украшенным по горлу веревочным орнаментом (Там же. С. 116. Рис. 12, 14; С. 115. Рис. 11, 4). В кургане 1 могильника Чумной в детских погр. 5-7 (Там же. С. 119. Рис. 18, IV; С. 122. Рис. 21, I, II), удаленных от центра насыпи, были найдены горшочки с двумя ручками и мисочка (Там же. С. 122. Рис. 20, V-VII).

Такую же картину можно наблюдать и в других могильниках. Например, в кургане 1 курганной группы Шахаевская II в детском погр. 5 (Федорова-Давыдова, 1983. С. 63.

Рис. 3, III) кроме высокогорлого сосуда имелась кружка, орнаментированная заштрихованными треугольниками выполненными в прочерченной технике (Там же. С. 79. Рис. 17, 3,4); в погр. 8 кургана 2 того же могильника, у костей младенца, расположенных к северу от скелета 4 (Там же. С. 67. Рис. 6, I), находились два маленьких сосуда биконической формы, скругленных очертаний (Там же. С. 80. Рис. 19, 1,2).

Таких наблюдений можно привести довольно много, но по мере удаления от Дона в восточном направлении, количество погребений в курганах уменьшается, в т.ч. и детских погребений.

Приблизительно такую же картину можно наблюдать в ямной культуре. В нескольких курганах Саганского могильника в основных ямных погребениях не было инвентаря, а во впускных детских имелись маленькие сосудики (Стеганцева, 2004. С. 145).

Создается впечатление, что в погребальном обряде ЗМКК существовали довольно жесткие стандарты, которые регламентировали форму погребального сооружения, положение тела покойного, наличие погребального ложа, отправление культа огня (наличие курильницы), определенная напутственная пища (в реповидном сосуде). В основных погребениях, для которых правила соблюдались более жестко, находились кости взрослых покойников, дети зафиксированы в них только вместе со старшим умершим (Стеганцева, 2014. С. 107. Рис. 1).

Для ВМКК также отмечено, что наличие реповидных сосудов характерно именно для погребений взрослых (Андреева, 2014. С. 72).

Для детей существовавшие стандарты выдерживались не так жестко. Даже для ребенка, похороненного в одной камере со взрослым, ставили маленький «домашний» сосудик, как в упомянутом погр. 24 кургана 1 Ажиновского III могильника.

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

1. В погребальном обряде ЗМКК существовали довольно жесткие стандарты для погребений взрослых, которые несколько ослабевали для удаленных от центра погребений.

2. Большая доля реповидной керамики и курильниц в общем числе керамики обусловлена именно существованием предполагаемых стандартов в погребальном обряде. Из-за этого «перекоса» так мало керамики типов IA, IIБ, IVB, V, VI, VIII, IX, X, мисок, биконических форм, кружек, высокогорлых с орнаментированным горлом кувшинов, сосудов с двумя ручками. Количество перечисленных типов больше в комплексах ВМКК, что отмечал Н.М. Власкин (Власкин, 2010. С. 233. Табл. 45). Возможно, в ареале ВМКК стандарты были слабее.

3. Нельзя судить о наборе повседневной керамики по сосудам, найденным в погребениях, особенно в нашем случае. Только керамика из детских, нестандартных погребений могла употребляться в быту.

4. Новый взгляд на проблему керамического инвентаря в погребениях ЗМКК дает возможность предпринять последующие исследования в этом направлении.

Литература

1. Андреева М.В. 2016. Восточноманычская археологическая культура. М.
2. Братченко С.Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
3. Власкин Н.М. 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
4. Рябова В.Я. 1983. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М.

5. Стеганцева В.Я. 2004. Погребения ранней и средней бронзы Сагванского могильника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 19. Азов.
6. Стеганцева В.Я. 2014. Керамика западноманычской катакомбной культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Казань.
7. Стеганцева В.Я. 2014. Основные погребения западноманычской катакомбной культуры // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. М.
8. Стеганцева В.Я. 2018. Существовала ли граница между западноманычской и восточноманычской катакомбными культурами? // Связи и взаимоотношения культур бронзового века циркумпонтийского региона. М.
9. Федорова-Давыдова Э.А. 1983. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона. М.

Шаров О.В., Клемешова М.Е.

Институт археологии РАН, г. Москва

КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ИЛЬИЧ 1 НА ТАМАНИ: ДВЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Поселение Ильич-1, исследованное в 2015-2016 гг. экспедициями ИИМК РАН и ИА РАН, расположено вокруг известного памятника археологии – Ильичевского городища. Оно находится у северо-восточной окраины пос. Ильич Темрюкского района Краснодарского края, вместе с городищем является памятником федерального значения «Городище и поселение «Ильичевка». Ядро его – крепость, появившаяся около рубежа эр. Вокруг нее располагалось поселение I-II вв. н.э., к югу и юго-востоку от которого выявлена его хозяйственная периферия. Помимо этого, в 0,5 км к западу от городища, были открыты хозяйственные комплексы I в. до н.э. – I в. н.э. (раскопы «Берег-I» и «Берег-III»). В западной части поселения, на высоком берегу Керченского залива, в 2015 г. был заложен раскоп «Берег-IV» общей площадью 5675 кв. м (Шаров, 2015; 2016), в ходе работ на котором было выявлено 270 археологических объектов, относящихся к трем хронологическим горизонтам: *I горизонт* – сер. I в. до н.э. – сер. I в. н.э.; *II горизонт* – IV-II вв. до н.э.; *III горизонт* – XIII-X вв. до н.э.

Можно выделить следующие типы открытых сооружений эпохи поздней бронзы:

1. каменные колодцы (объекты №№ 55, 76D, 145, 192, 220, 226);
2. ямы глубиной до 5-6 м, d = до 6-10 м (объекты № 67, 153, 164, 188-189, 194-194A) (резервуары для воды?);
3. яма со стоящим на дне чернолощеном двуручным сосудом (объект № 190A), перекрытая сверху скорченным погребением на левом боку (объект № 190);
4. яма с каменной кладкой на дне (объект № 60) и чернолощеном двуручным сосудом, стоящим на ней (объект № 60A);
5. многокамерное каменное сооружение – «водосборник / водохранилище», примыкающее к каменному колодцу (объекты № 45A-E);
6. хозяйственные ямы различной конфигурации и глубины (объект № 156);
7. ямы с обкладкой стенок камнем, вырубленные в железистом песчанике под каменной кладкой колодца (объект № 145A).

В объектах III горизонта была встречена специфическая лепная керамика. Выделим лишь отдельные формы, важные для данного анализа: *форма 1*: ковш с петлевидной ручкой (объект № 192) (Рис. 1, 6); *форма 2*: ковш с выступами на ручках (объекты № 188-189) (Рис. 1, 5); *форма 3*: лепная чернолощенная керамика с выделенной шейкой (объекты № 45A, 45E, 45D, 55, 145-145A, 156, 199, 225, 257); *форма 4*: лепные чернолощенные сосуды с двумя ручками (объекты № 60, 145A, 190A) (Рис. 1, 1-4).

Методами технико-технологического анализа, произведенного М.Е. Клемешовой в лаборатории «История керамики» ИА РАН (Клемешова, 2018), была исследована значительная часть керамических материалов эпохи бронзы из раскопа «Берег-IV» поселения Ильич-1 (Шаров, Клемешова, 2019). Было установлено, что для изготовления данных сосудов использовались три различных вида исходного сырья: глина, морской (лиманский)

ил и илистая глина морских или приморских водоемов (лиманов) (Шаров, Клемешова, 2019. Табл. 1).

На основании результатов технико-технологического анализа керамики можно выделить на береговом участке поселения Ильич-1 объекты трех видов:

1. Объекты *типов 2, 5*, где встречена только керамика, изготовленная из глины с различными примесями (*формы 1-3*), имеющие аналогии в керамике сабатиновской и белозерской культур. Это объекты № 45, 45Л-С, 76, 123, 164, 188/189, 225.

2. Объекты *типов 1, 6 и 7*, где встречена керамика, изготовленная как из глины (*формы 1, 3*), так и из ила (*форма 4*). Это объекты № 145А, 156 и 192. Вероятно, что это объекты либо длительного использования (каменные колодцы), либо же относящиеся к двум различным хронологическим горизонтам, что прекрасно иллюстрируется ямой с каменной обкладкой стен (№ 145А), обнаруженной под каменным колодцем № 145.

3. Объекты *типов 3, 4*, где встречена керамика (*форма 4*), изготовленная только из ила. Это уникальные объекты № 60А, 190А.

Аналогии чернолощеному двуручному сосудам-урнам (Рис. 1, 1-4) есть в материалах более раннего времени. Это сосуды из комплексов дольменной культуры Западного Кавказа (Марковин, 1994а. Табл. 69, 15) эпохи средней бронзы, доживающей до XIII в. до н.э., т.е. ее памятники на позднем этапе синхронны памятникам сабатиновской культуры. Сосуды с двумя ручками представлены на всех этапах ее существования и принадлежат, по классификации В. И. Марковина, к типам II, III и VI (Марковин, 1978. С. 242-245, 247. Рис. 122, 123, 125). Большинство сосудов дольменной культуры богато орнаментированы, но есть сосуды и с лощеной неорнаментированной поверхностью (Марковин, 1978. С. 242. Рис. 122, 2,4; 123, 2). Морфологически близкие двуручные сосуды встречаются также и в погребальных памятниках северокавказской культуры, которая тоже доживает на позднем этапе до XIII-XII вв. до н. э. (Марковин, 1994б. Табл. 73, 11,15,19; 81, 2,13). Мы допускаем, что появление двуручных ваз, найденных в объектах № 60А, 190А, 145 А, может быть связано с миграцией нового населения, принесшего свои традиции на Тамань.

Время появления новой гончарной традиции – использования для изготовления керамики ила – пока не вполне ясно. Судя по стратиграфии, в двух случаях мы можем говорить о перекрытии комплексами эпохи поздней бронзы комплексов более ранних, в которых встречены сосуды из ила. В то же время такая керамика обнаружена и в объекте длительного пользования (колодец) вместе с сабатиновской/белозерской посудой.

Вопрос, можно ли эти комплексы относить только к эпохе средней бронзы или они могут датироваться также эпохой поздней бронзы и лишь фиксируют иную культурную традицию, пока остается открытым.

Литература

1. Клемешова М.Е. 2018. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Ильич-1 // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения. Карачаевск.
2. Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
3. Марковин В.И. 1994а. Дольмены Западного Кавказа // эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 226-253. (Археология СССР.)
4. Марковин В.И. 1994б. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

5. Шаров О.В. 2015. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории поселка Ильич Темрюкского района Краснодарского края Российской Федерации в 2015 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 52362-52368.
6. Шаров О.В. 2016. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный.
7. Шаров О.В., Соколова Л. А. 2017. Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич 1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015-2016 гг. // Таврические студии. Серия: Исторические науки. № 12.
8. Шаров О.В., Клемешова М.Е. 2019. Лепная керамика эпохи бронзы поселения Ильич-1 по данным технико-технологического анализа // КСИА. Вып. 256.

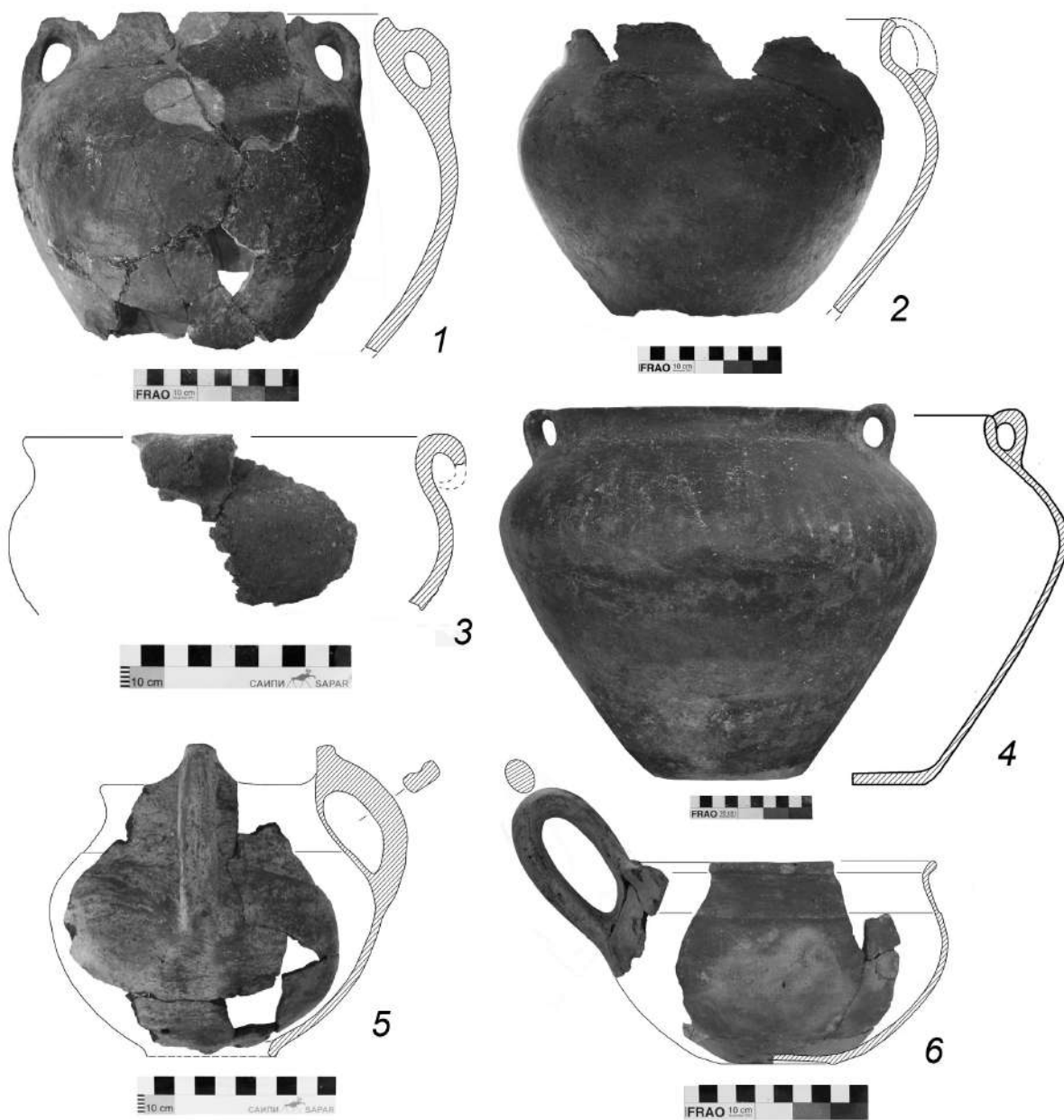

Рис. 1. Керамика поселения Ильич-1: 1 – сосуд из объекта № 190А; 2, 3 – сосуды из объекта № 145 А; 4 – сосуд из объекта № 60А; 5 – сосуд из объекта № 188/189; 6 – сосуд из объекта № 192.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.
Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск

ПОГРЕБЕНИЯ С КОНСТРУКЦИЯМИ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ КУРГАНА В МОСТОВСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В 2001 г. археологический отряд Новороссийского государственного исторического музея-заповедника провел раскопки кургана на южной окраине пос. Мостовского Краснодарского края (Шишлов, 2002). Курган по данным раскопок размером 40х38 м, высотой 5 м. Центральную часть кургана на всю длину прорезала грабительская траншея шириной до 6 м, глубиной до 3,5 м от R0. В кургане зафиксировано 4 строительных периода, два из которых относятся к насыпям, зафиксированным в центральной части кургана и заключенным в каменные панцири. Панцири усечено-конусовидной формы возведены один над другим общим размером 18х17 м и высотой до 1,3 м. Центральная часть этих насыпей повреждена траншеей и грабительской ямой размером 4,2х3,9 м. В ходе раскопок кургана выявлено 30 погребений, из которых 21 погребение мусульманского кладбища, впущенного в верхний слой насыпи. К эпохе бронзы относятся 7 погребений, перекрытые насыпью № 3, состоящей из светло-коричневой супеси. Из этих погребений по конструкции и по обильному инвентарю выделяется погр. 22. Особый интерес представляет и погр. 30, зафиксированное в основании кургана и датирующееся периодом энеолита. Органические материалы из этих двух погребений были исследованы в Институте географии РАН (Гей, Гольева, Малышев, Шишлов, Чичагова, 2003. С. 208-217).

Погр. 30 (рис. 1А) обнаружено в 1,25 м к ЮВ от центрального репера, на уровне –580 см от R0 по тлену перекрытия. Согласно стратиграфии, погребение было перекрыто насыпью № 1, состоящей из супеси коричневого цвета с большим включением гальки. Насыпь была заключена в каменный панцирь, сложенный в один-два слоя из речных валунов. Диаметр насыпи по профилю бровки 13 м, сохранившаяся высота до 1 м. После зачистки была выявлена впущенная в материк яма овальной в плане формы, вытянутая по линии запад – восток, размером 120х81 см, глубиной до 25 см. Стенки ямы покатые. Первоначально было зафиксировано перекрытие, провалившееся в яму, его толщина 1-2 см. Согласно анализу, перекрытие состояло из стеблей камыша, уложенного пучками внахлест. После снятия перекрытия зафиксировано погребение взрослого человека, сохранность костей плохая. Погребенный лежал на спине, головой на восток с большим отклонением к югу. Череп на краю ямы, кости рук, согнуты в локтях, локтевые и лучевые кости рук лежат слева и справа от черепа, кости ног подогнуты и лежат коленями на север. Кости погребенного и дно могильной ямы, окрашены охрой. В области грудной клетки обнаружен кремневый отщеп (рис. 1А, 1). Под костями погребенного зафиксирована подстилка из древесной коры. Погребение датируется эпохой энеолита. Для радиоуглеродного анализа был взят образец из тлена перекрытия.

Погр. 22 (рис. 1Б) обнаружено в 6,5 м к ВСВ от центрального репера, на уровне –485 см от R0. Яма подпрямоугольной формы, ориентирована с ЗСЗ на ВЮВ, была впущена в каменный панцирь кургана. Ее размеры 288х145 м, прослеженная глубина до 40 см. Яма имела древесное перекрытие, которое рухнуло в период раскопок, поэтому заполнение ямы состояло из рыхлой супеси с древесным тленом и редких булыжников, а в

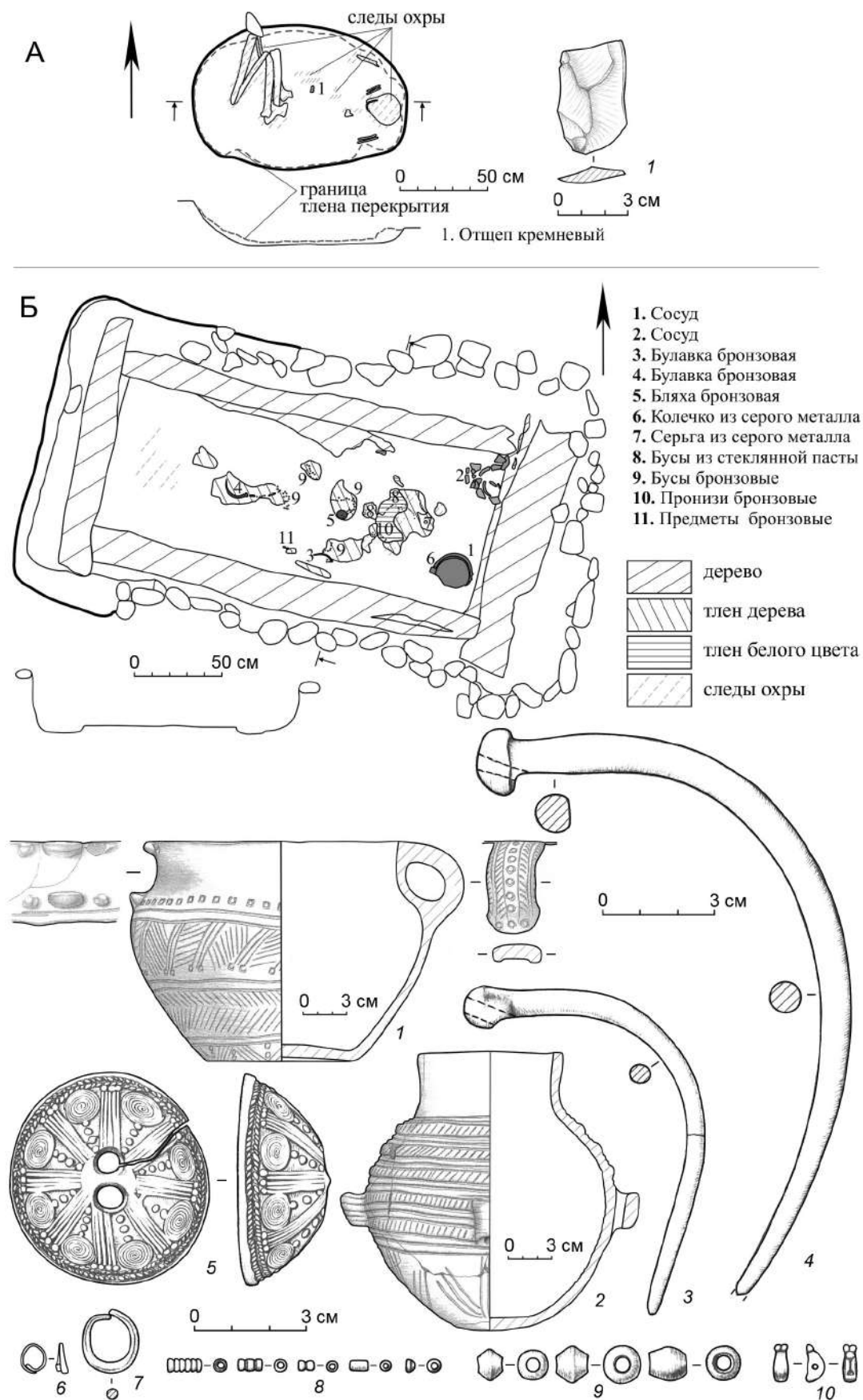

Рис. 1. Курган в пос. Мостовской: А – погребение 30; Б – погребение 22

донной части из подстилки, состоящей из сплошного плотного древесного тлена, который, согласно анализу органического материала, являлся корой и ветвями ивы, уложенными крест-накрест, не переплетаясь. Костей погребенного не обнаружено. На дне ямы прослеживались следы охры. В торцевой юго-восточной части ямы зафиксировано два лепных сосуда (рис. 1Б, 1, 2). Один, в восточном углу, был раздавлен рухнувшими камнями, другой, в южном углу, также был частично раздавлен, рядом с сосудом было найдено колечко серого металла (рис. 1Б, 6). В центральной части могильной ямы последовательно были зафиксированы: серьга из серого металла (рис. 1Б, 7) и бисер из стеклянной пасты (рис. 1Б, 8), круглая бронзовая бляха (рис. 1Б, 5) и бронзовые бусы (рис. 1Б, 9). В 25 см к ЮЮЗ от бляхи лежали бронзовая посоховидная булавка (рис. 1Б, 3) и бронзовые бусы (рис. 1Б, 9). Еще одна посоховидная булавка (рис. 1Б, 4) обнаружена в 50 см к ВСВ от бляхи, рядом с ней зафиксировано третье скопление бронзовых бус (рис. 1Б, 9). Четвертое скопление бронзовых бус зафиксировано в 23 см к ССЗ от бляхи. В 33 см к ВЮВ от бляхи находились спекшиеся бронзовые пронизи, типа «птичья головка» (30 ед.) (рис. 1Б, 10). Под бисером из стеклянной пасты отмечен тлен белого цвета. Исходя из положения найденных предметов, можно предположить, что если мы имеем дело не с кенотафом, а кости погребенного истлели, то погребенный лежал головой на ВЮВ. После снятия вещей было зачищено дно могильной ямы. В итоге зафиксирована деревянная рама, состоящая из четырех плах: двух продольных (северо-восточная плаха длиной 240 см и шириной 15-17 см, юго-западная плаха длиной 245 см и шириной 15-20 см) и двух поперечных (северо-восточная плаха длиной 142 см, шириной 17-32 см и юго-западная плаха длиной 145 см, шириной 15-20 см), причем, поперечные плахи перекрывали продольные. По инвентарю, погребение датируется поздним этапом северо-кавказской культуры или XXVI-XXV вв. до н.э. (Клещенко, 2011. С. 159). Для радиоуглеродного анализа были взяты образцы из тлена подстилки и рамы. Полученная в результате анализа датировка этого комплекса значительно отличается от предполагаемого археологического возраста.

Описание образца	Материал	Предполагаемый археологический возраст	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Интервал калиброванного возраста и калиброванный возраст (в скобках), на 1σ: CAL BC-лет до н.э., CAL BP-лет назад.
Обр. № 1 Курган, погр. 30. Перекрытие Гл. 5.80 м	стебли камыша	Энеолит	5440 ± 150	CAL BC 4453 (4327, 4275,4267) 4048 CAL BP 6403 (6276, 6224,6216) 5998
Обр. № 2 Курган, погр. 22. Гл. 4.85 м	дерево	XXVI-XXV вв. до н.э.	3230 ± 150	CAL BC 1677 (1511) 1320 CAL BP 3627 (3460) 3270

Литература

1. Гей А.Н., Гольева А.А., Малышев А.А., Шишлов А.В., Чичагова О.А. 2003. Новые данные к абсолютной хронологии памятников Северо-западного Кавказа // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIII. Москва – Магнитогорск. С. 208-217.
2. Клещенко А.А. 2011. Северокавказская культура Закубанья. Дис. ... канд. ист. наук М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2801.
3. Шишлов А.В. 2002. Отчёт об археологических раскопках кургана в пос. Мостовском Краснодарского края в 2001 году // Архив Новороссийского исторического музея-заповедника. НА-6922, 6923.

Эрлих¹ В.Р., Годизов² Г.Л.

¹Государственный музей Востока, г. Москва

²Северокавказский филиал ГМВ, г. Майкоп

ПОСТДОЛЬМЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ШУШУК. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00100

Открытие и исследования Археологического комплекса Шушук в 2015-2016 гг. в предгорьях Северо-Западного Кавказа у пос. Победа в Майкопском районе Адыгеи позволили выделить новый вид погребальных сооружений, названный нами ящиками-рамами, в которых использовались плиты разобранных дольменов (Эрлих, 2018). Последующие сезоны раскопок памятника показали, что эта «постдольменная» традиция начинается еще в эпоху средней бронзы. К настоящему моменту здесь исследовано уже 27 погребальных и ритуальных объектов. Некоторые объекты содержали более одного погребения. К концу 2019 г. для ряда объектов получена серия радиоуглеродных дат, которая позволяет предложить предварительную периодизацию памятника.

Период Шушук-1. СБВ. К этому периоду относятся объекты: Шушук-75, п.2, Шушук-51, Шушук-49, Шушук-42, п.1, Шушук 6 новый п.1 и п.2, для которых получены радиоуглеродные даты (в Центре коллективного пользования ИГАН), находящиеся в пределах III тыс. до н.э.. Ряд других погребений (Шушук-76, Шушук-75, п.1; Шушук-57, Шушук 7 новый и др.) датируются на основании аналогичного материала. Большинство из них представляют коллективные погребения, совершенные в ящиках-рамах, составленных из плит разобранных дольменов и крупных камней под небольшой каменной наброской. Лишь одну погребальную конструкцию (Шушук-75, п.2) можно признать дольменной (рис. 1А, 1). Встречаются также погребения в неглубоких ямках (Шушук-75, п.1) и одиночные погребения в гипсовых промоинах (Шушук-57). Для погребальных сооружений выбирались возвышенные места – выходы материкового гипса. Коллективные погребения содержали до 10 вторичных погребений. Сохранность костей плохая. Керамический инвентарь представлен двуручными и одноручными сосудами, сосудом с ушками (рис. 1А, 4-6). Ряд керамических форм имеет параллели с керамикой поселений Дагуако-Даховского и Старчики дольменной культуры. Встречаются украшения из металла (бронзы, золота, серебра), зубов животных, фаянса, кальцита. Характерны подвески из зубов животных и подражания им из кальцита (рис. 1А, 23-25). Изделия из бронзы (якоревидные, дисковидные, пестиковидные и каплевидные подвески, бусы) имеют параллели среди продукции северо-кавказской КИО (рис. 1А, 12-17), однако, отличаются чрезвычайно высоким содержанием мышьяка до 35%, что свидетельствует скорее о местном их производстве и отсутствии переплавки. Проведенное палеогенетическое исследование 10 образцов (в НИЦ «Курчатовский институт») из объектов Шушук-75, п.2, Шушук-49, п.1 и Шушук 42, п.1 показало, что все они относятся к мит.-гаплогруппе Н, причем 6 погребенных, происходящих из п.2 Шушук-75 относятся к одному гаплотипу Н1а и являются родственниками по материнской линии. Весьма показательным, что среди такого же количества образцов мит.-ДНК, выделенных из человеческих останков

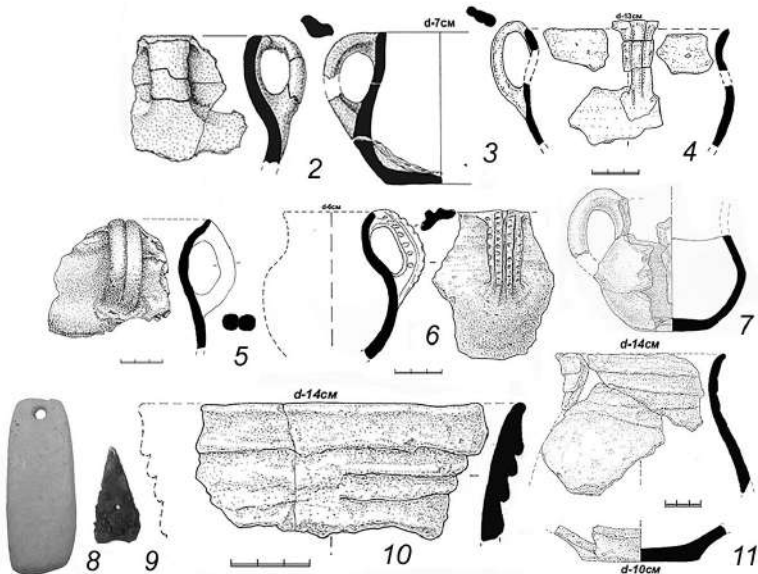
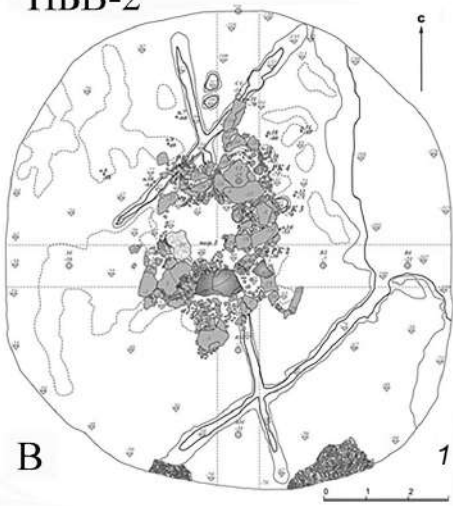
соседнего дольменного могильника Шушук (Резепкин, 2018), гаплогруппа Н не встречена (Шарко и др., 2017).

Период Шушук-2. ПБВ-1. К этому периоду относим комплексы погребений Шушук-48 новый, Шушук-70, п.1 и п.2, Шушук-50. Даты по радиоуглероду для этого периода пока не получены и его выделение делается исключительно по содержимому комплексов. Погребальные конструкции различны: это ямы-промоины с элементами рам из дольменных плит и деревянных плах (Шушук-70, п.1, п.2), погребение на древнем горизонте под каменной насыпью, содержащей крупные камни-блоки (Шушук-48 новый), коллективное погребение в разрушенном дольмене либо каменном ящике со следами огненного ритуала (Шушук-50). Инвентарь представлен горшками на кольцевых поддонах (рис. 1Б, 12, 14, 15), бронзовыми височными кольцами и спиральными пронизьями, иглами и проколками, сурьмяной пронизью (рис. 1Б, 2-10). Металл височных колец из п.2 Шушук-70 и Шушук-48 новый содержит олово, что является поздним признаком. Отсутствуют показательные для предыдущего периода украшения из зубов животных и подражания им, а также бронзовые подвески, характерные для северокавказской КИО. Эти материалы находят соответствия с инвентарем дольменного могильника Шушук (Резепкин, 2018) и предварительно могут быть датированы в пределах первой пол. II тыс. до н.э.

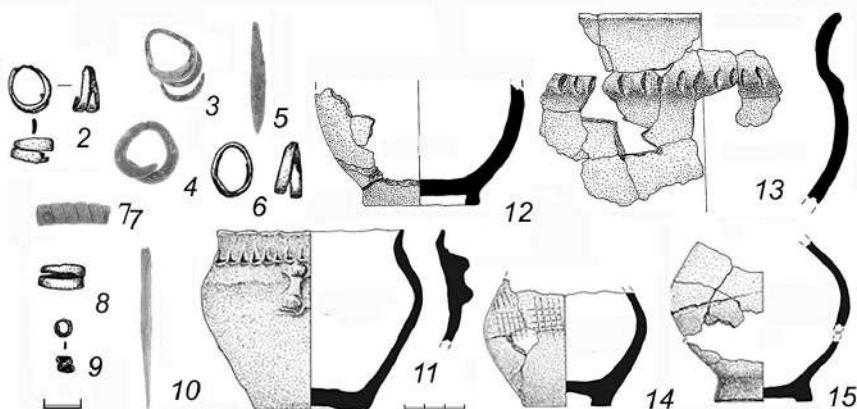
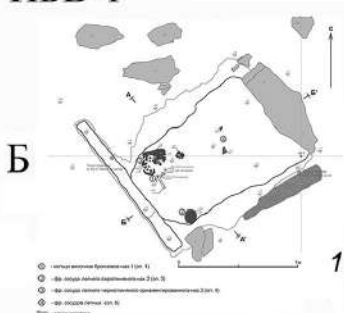
Период Шушук-3. ПБВ-2 (финальная бронза). В могильнике этот период пока представлен объектом Шушук- 53, для которого в лаборатории Мангейма получена дата MAMS 33997 - 3007±28 BP; 1366-1136 cal. BC 1б; 1380-1129 cal. BC 2 б. Представляет ограбленное погребение, совершенное в ящике-раме из крупных камней известняка (рис. 1В, 1), сооруженном на возвышенности, образованной выходом материкового гипса. За пределами ящика – скопления керамики тризны. Характерная форма в тризнах – кувшины-кружки с ленточной ручкой (рис. 1В, 2,3). К этому же времени относится и слой поселения Шушук, от которого сохранилась крупная яма – карстовая воронка (d = ок.8 м), использовавшаяся жителями поселка для свалки мусорных отбросов, насыщенная керамикой и костями животных, а также индивидуальными находками. Из последних можно отметить каменные сверленные оселки, костяные проколки и булавки, фрагменты бронзового и каменного топоров, бронзовые шило и наконечник стрелы с отверстием, характерный для памятников поздней бронзы Восточной Грузии (рис. 1В, 9) (Picchelauri, 1997. S. 30). Для этой ямы в разных лабораториях были получены две близкие радиоуглеродные даты. Низ ямы (шт. 6, уголь) – MAMS 28352 - 2980±24 BP; 1258-1131 cal. BC 1б; 1273-1122 cal. BC 2б. Верх ямы (шт. 1, кость лошади) – IGAN-ams 7124 - 2965±20 BP 1181-1157 cal. BC 1б 1235-1117 cal. BC 2б. Таким образом, накопление мусора в яме происходило относительно непродолжительный период, и она может рассматриваться как закрытый комплекс. Керамика этого комплекса содержит ок.3000 профильных фрагментов. Ряд форм находит параллели в периодах Шушук-1 и Шушук-2. В тоже время необходимо отметить и инновации. Это горшки с венчиком-воротничком и горлом, сформованным из жгутов глины (рис. 1В, 10,11). Такая же техника встречена в синхронном слое жилища 14 поселения Кабардинка-2, вторая фаза (1231-1128 BC) (Райнхольд, Белинский, 2019. С. 438. Рис. 16, 11, 17-19). Аналогичным образом было сформовано горло сосуда из Абадзехского поселения (Аутлев, 1972. С. 59. Рис. 8,8); имеются фрагменты подобной керамики и в материалах поселения Деметра.

Другой яркой инновацией являются кувшины-кружки с «двуствольными» либо желобчатыми ручками, иногда покрытыми насечками (рис. 1В, 5,6) Аналогии им на Северо-Западном Кавказе нам не известны, но их можно найти в Западном Закавказье в протоколхидских слоях поселений Пичори, Табакони и Наохваму (Arakidze J. 2009. Taf. 13, 11, 12;

Шушук-3
ПБВ-2

Шушук-2
ПБВ-1

Шушук-1
СБВ

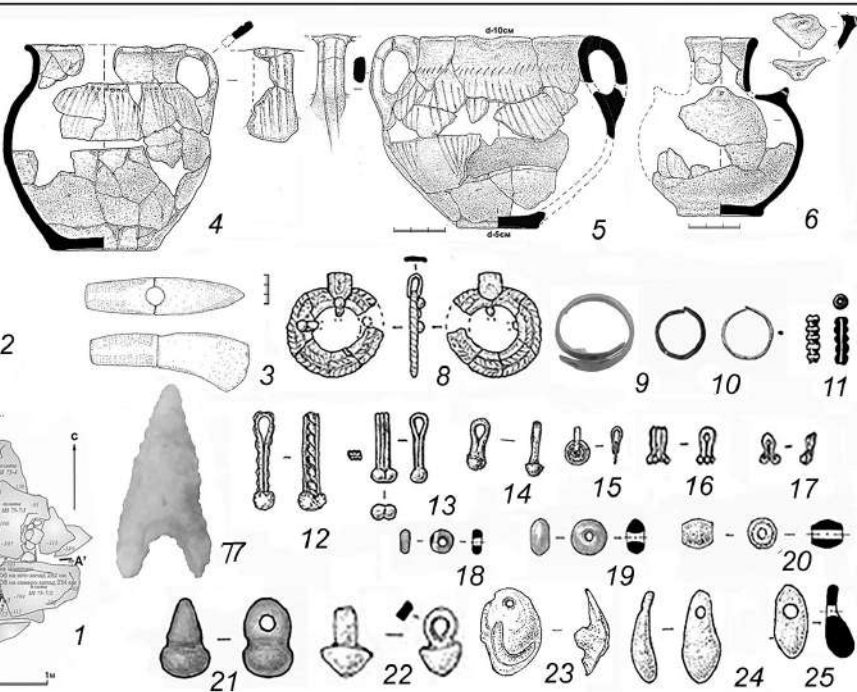
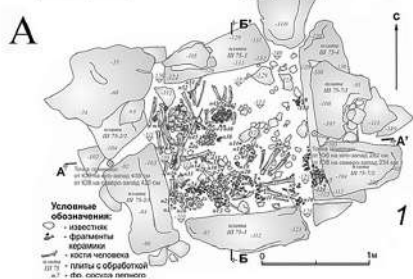
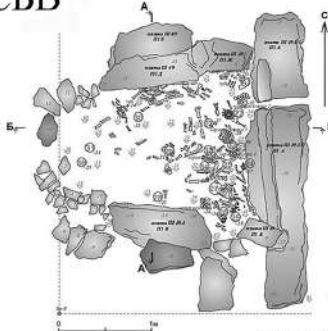

Рис. 1. Археологические комплексы Шушук 1-3.

14,1,2; 15,7,8; 57,1,2,4,5; Апакидзе и др., 2019. С. 464. Рис. 11). Появляются также характерные для финала бронзового века кубки и черпаки (рис. 1В, 7).

Таким образом, исследование археологического комплекса Шушук позволяет заключить, что переход к «постдольменному» обряду начался в предгорьях СЗ Кавказа еще в эпоху СБВ, в III тыс. до н.э. Возможно, сооружение ящиков-рам из частей разобранных дольменов вызвано притоком нового равнинного населения и появляется под влиянием погребений в деревянных рамах северо-кавказской КИО. Во всяком случае, это население использует украшения сходных типов, изготовленных, однако, из местных источников сырья. Примечательно также, что население, оставившее коллективные постдольменные погребения СБВ археологического комплекса Шушук, относится к мит.-гаплогруппе Н и никак не связано по материнской линии с погребенными в соседнем дольменном могильнике Шушук. В археологическом комплексе Шушук имеется определенная преемственность в погребальной конструкции и некоторых формах керамики между комплексами СБВ и ПБВ, что дает основание предполагать, что этот могильник мог использоваться одним населением более тысячелетия. На этапе финальной бронзы прослеживаются связи местного населения с различными регионами Закавказья и Центральным Предкавказьем.

Литература

1. Апакидзе Д., Хансен С., Мёртц Т, Чабашвили Л. 2019. Предварительные данные об археологических раскопках искусственного жилого холма колхидской культуры Табакони в Западной Грузии и // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. *Archäologie in Iran und Turan*. Bd.18. Berlin.
2. Аутлев П.У. 1972. Новые памятники бронзового века Прикубанья // Материалы по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп.
3. Резепкин А.Д. 2018. Спектральный анализ бронзовых украшений и вопросы хронологии дольменного могильника Шушук // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных территориях: хронология и интерпретация памятников. Сб. материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию Ю.Н. Воронова. Сухум.
4. Шарко Ф.С., Булыгина Е.С. Цыганкова С.В., Резепкин А.Д. , Недолужко А.В. 2017 Анализ митохондриальной ДНК, выделенной из человеческих останков дольменного памятника Шушук // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул.
5. Райнхольд С., Белинский А.Б. 2019. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. *Archäologie in Iran und Turan*. Bd.18. Berlin.
6. Эрлих В.Р. 2018. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. Вып. 250.
7. Apakidze J. 2009. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in Westund Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur, 1600–700 v. Chr. // *Prahistorische Archäologie in Südosteuropa* 24. Rahden/Westf.
8. Picchelaury K.N. 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // *Archäologie in Eurasien*. Bd. 4. Leidorf.

Belinskiy² A.B., Hansen¹ S., Haak³ W., Wang⁴ Ch.-Ch., Reinhold¹ S., Kalmykov² A., Krause³ J., Berezina⁵ N., Buzhilova⁵ A., Knipper⁶ C., Gerling⁷ C., Pichler⁷ S., Kurt Alt⁷, Erlikh⁸ V.R.; Kantorovich⁵ A.R., Maslov⁹ V.E., Trifonov¹⁰ V.A., Rezepkin¹⁰ A.D., Atabiev¹¹ B.Ch., Magomedov¹² R.G., Kohl¹³ Ph.

¹Eurasia-Department DAI, Berlin, Germany; ²OOO Nasledie, Stavropol, Russia; ³Dept. of Archaeogenetics, Max-Planck Institute for the Science of Human History, Jena, Germany; ⁴Institute of Anthropology, Xiamen University, Xiamen, China; ⁵Lomonosov Moscow State University, Russia; ⁶Curt Engelhorn Center for Archaeometry gGmbH, Mannheim, Germany; ⁷Institute of Prehistory and Archaeological Science, University of Basel, Basel, Switzerland; ⁸State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia; ⁹Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia; ¹⁰Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg, Russia; ¹²Ltd. Institute for Caucasus Archaeology, Nalchik, Russia; ¹³Institute of History, Archaeology and Ethnography DFRC RAS, Makhachkala, Russia; ¹³Wellesley College, USA.

NEW APPROACHES IN BIOARCHEOLOGY OF THE NORTH CAUCASUS – 5 YEARS BIOARCCAUCASUS & GENETIC HISTORY OF THE CAUCASUS – FIRST RESULTS, SURPRISES AND IMPLICATIONS

The Caucasus is a key study region for both current historical and bioarchaeological themes because it has always formed a bridge linking the civilizations of the Near East with Eurasia. Migration scenarios and evidence for heightened mobility have been dominating research questions for a long time. The international scientific project BIOARCCAUCASUS addresses these questions with a new methodological toolkit, making use of the well-preserved skeletons from two decades of excavation in Bronze Age mounds in the North Caucasus foothills and the neighboring steppe. The studies include the analysis of stable isotopes to investigate via dietary pattern subsistence practices (Knipper et al., 2018. P. 123-140), archaeogenetics and physical anthropology to learn about the general genetic make-up of Bronze Age populations, but as well systematic radiocarbon dating and data modelling. Editing the relevant sources is another main aim of this project. Here, we present the first synopsis of the palaeogenetic and bioarchaeological studies obtained during the last five years (Wang et al., 2019). Our results reveal a complex interplay of genetic groups and cultural practices. During some time periods, genetics profiles correspond with proposed cultural groups and economic practices, such as pastoralism vs. agriculture. At other times, however, populations share cultural elements but not economic practices, or culture and subsistence pattern differ, while the genetic results argue for a common profile.

A first important result of our study is that the early epoch, when a southern genetic ancestry component arrives north of the mountains is the mid-5th millennium BC. Individuals of the Darkveti-Meshoko type of Eneolithic culture represent individuals with a considerable part of Anatolian Neolithic-like ancestry components, while the Eneolithic populations associated with the steppe type or Khvalynsk type of Eneolithic revealed a contrasting set of genetic components which become later characteristic for the ‘steppe ancestry’. This divide continues during the 4th millennium BC in Maykop populations, which settle the piedmont respectively the steppe area.

For now, no indications of a mass migration from the South can be related to the Maykop culture, yet the increase of sites makes additional incoming populations likely. Their possible origin remains open until the South Caucasus is better understood in its genetic makeup.

An important first result was that the Yamnaya-associated individuals of the steppe zone north of the Caucasus revealed some outliers with a subtle component of Anatolian Neolithic and Western Hunter-Gatherer genetic ancestry. Population genetic analyses indicate that this component was not received from their southern neighbors of late Maykop-Novosvobodnaya communities, but via a Western influx that occurred during or prior to the formation of Yamnaya as a cultural phenomenon. This result was extremely surprising. It consists, however, with the transfer of innovations across Western Eurasia in the 4th millennium BC and opens up a lot of questions now to be addressed to both the genetic and archaeological perspectives of the formation of North Caucasian populations in the Bronze Age. It will be the task for future studies to entangle these complex modes of interaction and re-open the debate on archaeological cultures with an advanced knowledge of biological associations and economic practices.

References

1. Knipper C., Reinhold S., Gresky J., Belinskiy A., Alt K.W. 2018. Economic strategies at Bronze Age and Early Iron Age upland sites in the North Caucasus: Archaeological and stable isotope investigations // A. Vantresca Miller, C. Makarewicz (Eds.), *Isotopic Investigations of Pastoral Production: Innovative Approaches to Patterns of Mobility, Economy, and Exploitation*. Abington.
2. Wang Ch.-Ch., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong Ch., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.Ch., Magomedov R.G., Kohl P.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W. 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. 10:590, doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8

Ghalici³ A., Reinhold¹ S., Magomedov⁴ R.G., Belinskiy² A.B., Kalmykov² A.A., Krause³ J., Berezina⁵ N.Ya., Buzhilova⁵ A.P., Haak³ W., Hansen¹ S.

¹*Eurasia-Department DAI, Berlin, Germany;*

²*ООО Nasledie, Stavropol, Russia;*

³*Department of Archaeogenetics, Max-Planck Institute for the Science of Human History, Jena, Germany;*

⁴*Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;*

⁵*Lomonosov Moscow State University, Russia*

THE GENETICS OF CAUCASUS MOUNTAIN DWELLERS – FIRST RESULTS FROM DAGESTAN BRONZE AGE SITES

The mountain valleys of Dagestan harbor genetically and linguistically most diverse populations today, which might be deeply derived from various cultural systems established during the local Eneolithic and Bronze Age. Language diversity is high and the formation of this broad spectrum of languages is associated with the difficult terrain and residential pattern.

During the late 4th millennium BC, a southern impact is visible in the archaeological record. Kura-Araxes related archaeological sites are found in the coastal plains, g. in Velikent, among others. These formed a separate cultural variant compared to the mountain regions and also gave rise to local developments.

The first results of paleogenetic analysis of Bronze Age populations in the North Caucasian foothills and the neighboring steppe revealed a complex oscillation of populations with a southern ancestry related to the ‘Anatolian/Iranian Neolithic’, and a ‘northern’, i.e. ‘steppe-related’ genetic ancestry. The genetic results from Eneolithic and Early Bronze Age individuals of the Dagestan coastal site Velikent reveal not surprisingly a population with a southern genetic profile (Wang et al., 2019). This confirms the cultural interaction with the South and the integration of this area into the *koine* of Kura Araxes culture.

As similar general picture is reflected in newly generated paleogenetic data for individuals from the mountain cemetery sites of Ginchi and Gatyn-Kale, part of the Middle Bronze Age Ginchi culture – Ginchi situated in the high mountain part of Dagestan. At both sites collective burials are characteristic and the individuals buried together are thought to reflect family groups. However, the genetic profiles of individuals from two of the stone crypts of Ginchi reveal a much broader spectrum of genetic components as can be expected for direct relatives. Their profiles in contrary match the general makeup of different present-day Dagestan mountain populations. However, we also observe a gradual shift in ancestry towards the northern profile, which suggests that some kind of direct interaction existed, and that the Bronze Age was a critical period of contact that led to the formation of modern-day groups in Dagestan. The interpretation of these findings is still work in progress, as not all data has been analysed in full detail yet.

First radiocarbon dates date the individuals from Ginchi to the late 3rd millennium BC, which matches early Late Bronze Age dates from other mountain cultures, such as the post-Catacomb horizon of the North Caucasus and South Russian steppe zone. Contact between both areas were discussed from an archaeological point of view, including migration scenarios (Мимоход,

2013. C. 309-310, 352), and the new radiocarbon dates are consistent with this hypothesis. However, the actual directionality of the influence, i.e. of steppe groups moving into the mountains or vice versa must be discussed when the final results of the paleogenetic study are to be evaluated. In our ongoing study the number of post-Catacomb individuals was enlarged as well, both from steppe sites and the piedmont zone area.

References

1. Wang Ch.-Ch., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong Ch., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.Ch., Magomedov R.G., Kohl P.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskiy A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W. 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. 10:590, doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8
2. Мимоход Р.А. 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.

Hansen S.

Eurasia-Department DAI, Berlin, Germany

INNOVATIONS IN THE 4TH AND THE EARLY 3RD MILLENNIUM BCE

The Early Bronze Age of the 4th millennium BC was one of the most vibrant epochs, which was of crucial importance for the cultural development in Europe and Eurasia. A substantial number of technical innovations was developed within only a few centuries' time in the 4th millennium BCE. They constitute Eurasia's specific historical development: it was a time of radical changes and transformations. Only a few years ago a seminal paleogenetic study revealed that mass migrations during the early 3rd millennium BC even changed the European gene pool. Their role in the diffusion of key innovations such as wheeled transport, advanced metallurgy or new domesticates is still under debate. Palaeogenetics is one of the most fascinating fields of research in Eurasian archaeology.

Technical innovations have always played an outstanding role in prehistory. Summing up, the basic innovations of the Neolithic include: the domestication of livestock and plants, production of pottery and house building. In the 5th millennium BCE starts copper and gold metallurgy. Yet, in the 4th millennium BCE the density of innovations increased on a hitherto unknown scale. Among the most important innovations were the wheel and the wagon, the breeding of the woolly sheep, the domestication of donkey and the horse, and the cultivation of olives and wine. By improving metal objects with various alloys the production of prestigious items was transformed into that of common commodities. This was enhanced by innovative techniques in the process, such as casting in the lost-wax form. Silver was extracted from lead by means of cupellation, and this technology spread throughout the entire Near East and the eastern Mediterranean during the 4th millennium BC. Concerning pottery production, the potter's wheel must be emphasized. The developments of seals to manage goods and of writing for recording were utmost important innovations. Many of these innovations caused change in the way of production. Mass production and repetitiveness in work processes already started in the 4th millennium BCE.

Each of these innovations brought considerable economic, social and cultural consequences. Moreover, they shaped the bodies of men and women. People became drivers, horsemen, warriors or writers and readers through intensive training and repetitive practice. A new social *dispositive* (Foucault) evolved, in which the constellations and different elements until then were replaced by a fundamentally new social fabric. One basic innovation was the wheel. The wagon enabled the transport of heavy goods, e.g. the harvested produce, and thus made the expansion of agricultural production possible. It facilitated the development of a mobile way of life for cattle and sheep herders, which was of critical significance for the economy of the Bronze Age, especially the opening of the steppes. The breeding of sheep with long hair enabled the procurement and processing of wool, an achievement that led to a revolution in textile production and provided steppe dwellers with well isolating fabrics for cloth or mobile tents and yurts. The domestication, that is, riding horses, allowed control over larger herds of cattle and sheep. Even more important thereby was the ability to cover great distances swiftly by riding on horseback; this speed set the pace well into the modern era.

With the development of various copper alloys the properties of metal were decisively improved. Casting became easier, and the elasticity and hardness of the metal were considerably increased compared to pure copper. From a technique primarily meant for prestigious goods emerged an efficient metal industry. Connected with these technical improvements in the last quarter of the 4th millennium BCE were also technical innovations in weaponry: the first swords and spearheads as well as more effective battle axes appeared in the Caucasus and eastern Anatolia. Anthropomorphic stone stelae between the Caucasus and the Atlantic coast were part of a warrior ideology, which spread from the Caucasus to Western Europe during the 4th millennium BC.

The modern use of the term 'innovation' goes back to J. Schumpeter, who recognized at the end of the 1930s that technical innovations were the foundation for the existence of longer economic cycles, which overlie short-term cycles. For Schumpeter innovations play a decisive role in economic development.

That the technical innovations developed in centers of "civilizations" and from there diffused to the "peripheries" is a central research paradigm that still holds today. A Neo-Schumpeterian multi-level perspective will be more fruitful in describing these innovations. Furthermore, new radiocarbon-based chronology shows that the old model of the development of all technical innovations in the civilizations of Mesopotamia and Egypt is impossible to uphold. New data have now opened room for a different line-of-thought: The hypothesis is: it was not the development of new techniques, but the adaption of techniques from various "peripheries" and their new combination in "centers", which formed the actual basis for the success of Mesopotamian and Egyptian "civilizations".

**Reinhold¹ S., Kalmykov² A.A., Knipper⁴ C., Gerling⁵ C., Pichler⁵ S.,
Berezina³ N.Ya., Buzhilova³ A.P., Belinskiy² A.B., Hansen¹ S.**

¹Eurasia-Department DAI, Berlin, Germany; ²OOO Nasledie, Stavropol, Russia;

³Lomonosov Moscow State University, Russia;

⁴Curt Engelhorn Center for Archaeometry gGmbH, Mannheim, Germany;

⁵Institute of Prehistory and Archaeological Science, University of Basel, Basel, Switzerland

RADIOCARBON DATES, STRATIGRAPHIES AND RESERVOIR EFFECTS – NEW RESULTS FROM TWO MOUNDS OF THE STEPPE

Radiocarbon dating has meanwhile become the most important argumentations for absolute-chronological dating. Radiocarbon dating as a method is however complicated by obstructs according its accuracies. Values of the radioactive isotopes ^{14}C are not stable in the atmosphere, which result in variations of $^{14}\text{C}/^{13}\text{C}$ incorporated into organic matter during photosynthesis. Calibration with systematically measured tree-ring data is thus necessary to narrow down the dating ranges. During several phases of the Bronze Age, however, a series of calibration plateaus occur. Measurements falling in the calibration to this plateaus show practically the same date, even the original events differ for decades or even centuries.

Another complication are the so-called reservoir effects, which are the result of the intake of 'ancient' carbon components. Pioneer studied to these effects, which shift the dates to a much older age than real, were undertaken by N. Shishlina and J. van der Plicht (Shishlina et al., 2014. P. 767-78) a decade ago at sits from the Caspian steppe zone. We will now present new data-pairs and isotope-data from this region and from other parts of the steppe zone and the Caucasus piedmonts to evaluate their relation to specific forms of diet. Moreover, thanks to the stratigraphy's of the mounds from where our data stem, we can start to model them with Bayesian statistics. This will help to enhance the quality of dating of the separate site and the associated Bronze Age Culture.

References

Shishlina N.I., Sevastyanov V.S., Zazovskaya E.P., van der Plicht J. 2014. Reservoir effect of archaeological samples from steppe Bronze Age cultures in southern Russia // Radiocarbon. 56(2).

**Reinhold¹ S., Knipper⁴ C., Gerling⁵ C., Pichler⁵ S., Berezina³ N.Ya.,
Buzhilova³ A.P., Belinskiy² A.B., Hansen¹ S.**

¹*Eurasia-Department DAI, Berlin, Germany;* ²*ООО Nasledie, Stavropol, Russia;*

³*Lomonosov Moscow State University, Russia;*

⁴*Curt Engelhorn Center for Archaeometry gGmbH, Mannheim, Germany;*

⁵*Institute of Prehistory and Archaeological Science, University of Basel, Basel, Switzerland*

THE DIET OF NORTH CAUCASUS PIEDMONT AND STEPPE POPULATIONS IN THE BRONZE AGE

The formation of mobile pastoral economies becomes first time tangible during the late 4th millennium BCE. The Caucasus and the steppe zone north of it was one of the focal points of this development, but the timing and the geographical trajectories in the shift towards animal-based economies, however, are still debated.

In this first synthesis of new and published data of stable carbon and nitrogen isotope analysis we want to discuss dietary reconstructions for various Bronze Age cultural formations of the North Caucasus and the neighboring steppe as part of the development of pastoral economies (Knipper et al., 2018. P. 123-140). The studied sites are located in different environmental settings. From the archaeological record it is reasonable to anticipate different intensities and strategies of pastoral activities in the local economies. Caucasia witnessed the implementation of agro-pastoral Neolithic economies in the 7th to 5th millennium BCE as well as the emergence of new animal exploitation scenarios among them wheeled transport in the 4th millennium BCE (Reinhold et al., 2020. – in press). Consequently, adequate herd animals, a new perception of animals and enhanced transportation capacities, all prerequisites for the development of economies adapted to genuine steppe environments, have been present by that date. In our study we draw from a comprehensive bioarchaeological data of representative sets of individuals associated with different archaeological cultures and successive chronological periods covering the late 5th to 2nd millennium BCE.

As part of a larger bioarchaeological study, stable isotope analysis of carbon, nitrogen, strontium and oxygen were applied to evaluate dietary pattern as proxy data for different regional and chronological subsistence practices and socio-economic in the North Caucasian steppe zone. Dietary studies offer the possibility to evaluate human economy from the perspective of food. With the shift towards a predominance of pastoral components in an economy formerly based on agriculture, the consumption of meat and animal related food, i.e. milk and milk-products, rises. Likewise, more mobile communities and animals can be expected to have wider spatial geographical ranges. This can be evaluated by using strontium and oxygen isotopes, which indicate movements in different geological settings and variations in precipitation and temperature related to movement's indifferent altitudes. Basing on more than 400 investigated humans and animals we want to outline general trends in the economic history of Caucasian populations during the Eneolithic and Bronze.

Initial studies by Shishlina (2014. P. 767-778) or Hollund et al. (2010. P. 2971-2983) disclosed considerable regional differences in the importance of animal protein components and

the proportion of C3 and C4 plants in human diets, but likewise pointed to profound environmental influence on the isotope ratios. The aim of this paper is to discuss these variations in detail in a long-term perspective.

References

1. Hollund H.I., Higham T., Belinskiy A., Korenevskiy S. 2010. Investigation of palaeodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // *Journal of Archaeological Science*. 37.
2. Knipper C., Reinhold S., Gresky J., Belinskiy A., Alt K.W. 2018. Economic strategies at Bronze Age and Early Iron Age upland sites in the North Caucasus: Archaeological and stable isotope investigations // A. Vantresca Miller, C. Makarewicz (Eds.), *Isotopic Investigations of Pastoral Production: Innovative Approaches to Patterns of Mobility, Economy, and Exploitation*. Abington.
3. Shishlina N.I., Sevastyanov V.S., Zazovskaya E.P., van der Plicht J. 2014. Reservoir effect of archaeological samples from steppe Bronze Age cultures in southern Russia // *Radiocarbon*. 56(2).
4. Reinhold S., Belinskiy A.B., Korobov D.S. 2020. Mountain archaeology of the Bronze Age Caucasus – From vertical pastoralism to combined mountain economy and mountain farming // A. Garcia-Molsosa (ed.), *IEMA. Vol. 10 - Archaeology of Mountain Landscapes: Interdisciplinary Research Strategies of Agro-Pastoralism in Upland Regions*. Buffalo (in print).

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И САРМАТСКОГО ПЕРИОДА

Абрамова А.Н.

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕРЕПОВ ИЗ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЧЕКУПС-2

В 2018 г. в Крымском районе Краснодарского края при проведении археологических работ (рук. Д.Г. Баринов) была найдена яма с 34 черепами. О датировке данной находки археологи все еще спорят. В яме не было предметов, позволявших определить время совершения захоронения, однако по мнению Н.И. Сударева, вероятнее всего, мы можем говорить о VI-IV вв. до н.э. Все черепа были переданы для антропологического исследования.

Большинство черепов несут на себе следы рубленых перимортальных травм, в т.ч. свидетельствующих о декапитации. У всех черепов отсутствуют нижние челюсти и шейные позвонки, причем никаких следов манипуляций в районе нижнечелюстного сустава и мышечков у большого затылочного отверстия зафиксировано не было, что дает нам возможность предположить, что отрубленные головы перед захоронением находились в другом месте, где в результате разложения мягких тканей и были утеряны челюсти и шейные позвонки. Несмотря на то, что все черепа требуют реставрационных работ, сохранность костной ткани очень хорошая.

Из-за отсутствия посткраниальных скелетов половозрастная диагностика проводилась только по краниальному скелету и включала в себя следующие признаки: форма и толщина края орбит, степень развития надбровий, размер сосцевидных отростков; оценивалась общая массивность черепа и выраженность рельефа. При определении возраста использовалось максимально возможное количество признаков. При этом у взрослых индивидов на черепе фиксировалась степень облитерации швов и степень стертости зубных коронок (Алексеев, Дебец, 1964). Для определения возраста у детей и подростков использовались данные о развитии зубной системы (Ubelaker, 1978).

Большинство черепов принадлежало мужчинам (24 черепа) и подросткам и юношам до 18 лет (8 черепов), и только 2 черепа были женскими. Самому маленькому ребенку на момент смерти было 7-11 лет, еще двоим детям – 10-14 лет, все остальные подростки попадают в возрастной интервал от 13 до 18 лет. Не было зафиксировано ни одного индивида старческого возраста (старше 55 лет), большинству мужчин на момент смерти было 25-35 лет (8 индивидов), к возрастному интервалу 35-45 лет относится 6 индивидов,

в возрасте 45-55 лет умерло 7 мужчин и только троим на момент смерти было 20-25 лет. Одна из двух женщин умерла в молодом возрасте (20-25 лет), вторая женщина погибла в более зрелом возрасте (35-45 лет). В свете того, что большая часть взрослых индивидов были отнесены к мужскому полу, две женщины, возможно, также являются грацильными мужчинами.

На 20 черепах из представленных 34 были зафиксированы прижизненные травмы без следов заживления. Если разделить травматические повреждения черепа на травмы лицевой части черепа и травмы свода, то травм лицевого отдела будет намного меньше. Они были зафиксированы только у двух мужчин, обоим удар пришелся в район верхней челюсти. Большинство же травм расположено на своде черепа (18 индивидов). Также присутствуют травмы в районе основания черепа, ставшие результатом отрубания головы. У одного индивида в районе рубленой раны на теменных костях видны следы начавшегося воспалительного процесса, т.е. с момента получения данного повреждения и до момента смерти должно было пройти несколько дней.

В 12 случаях ранение пришлось на область затылка или теменных костей в районе лямбдовидного шва. У двоих мужчин верхняя часть свода черепа была полностью отсечена. На 11 черепах зафиксированы следы от удара, прошедшего вскользь; такой удар должен был срубить лоскут кожи с волосами и верхним кортикальным слоем кости черепа. Такие ранения зафиксированы в большинстве своем на мужских черепах в области затылка (6 черепов). У одного подростка и одного мужчины повреждение пришлось на теменные кости. Кроме того, у одного мужчины и у одной из женщины фиксируется скользящий удар в области сосцевидного отростка, в результате которого должно было быть отрублено ухо. Также у двух мужчин было зафиксировано отсечение кожи головы в двух местах. В одном случае на обеих теменных костях, во втором – на затылке и на теменной кости. Такие повреждения, когда удар прошелся по касательной, срубив часть кожи и волос, наводят на мысль о скальпировании.

Чтобы разобраться с распространением скальпирования среди племен, населявших в древности современный Кавказ и Предкавказье, обратимся к свидетельствам древних авторов. Первое письменное упоминание о данном обряде мы встречаем у Геродота при описании обычаев скифов: «С головы он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи...» (Геродот, IV, 64). Аммиан Марцеллин пишет о скальпировании, распространенном у древних аланов: «... и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» (Аммиан Марцеллин, XXXI). В осетинском эпосе о нартах мы также встречаем описание этого ритуала: «На Хазмийском поле, за Черным морем, живет Куцыков сын Елтаган, у него кожа на голове золотая, если ты силен, Созырыко, то убей Елтагана, сдери у него с головы кожу...» (Миллер, 1881. С. 35).

Однако все описанные источники содержат данные о скальпировании, при котором кожа полностью снималась с головы, для чего по всей окружности черепа производились насечки, позволявшие сильным рывком отделить скальп. В нашем же случае скальпирование произошло одним ударом, при котором была отрублена только часть кожи вместе с кусочком кости и прилегающим к ней фрагментом кости вместе с косой или волосами, собранными в «хвост». Аналогию с обрядом «срубания кос» мы находим только в Западной Сибири. В курганном могильнике Иванов Мыс I был обнаружен череп мужчины, умершего в возрасте 20-25 лет. Удар отсек часть скальпа с костной основой. Однако в данном случае исследователями были зафиксированы следы заживления (Ражев, Пошехонова, 2009).

В изучаемом же нами случае не было зафиксировано ни следов воспаления, ни следов начавшегося заживления. Вероятнее всего, данные действия были проведены уже на умерших людях или же незадолго до их смерти.

Возможно, мы никогда не узнаем, что же стало причиной гибели этих людей. Убиты были не только мужчины, но и женщины, подростки, дети. Часть мужчин и один подросток были скальпированы путем «срубания косы». На некоторых черепах фиксируются следы высокого отсечения головы, при котором повреждается основание черепа и сосцевидные отростки. А у семерых мужчин присутствуют раны, которые могли быть смертельными. В большинстве своем были убиты мужчины, подростки старше 10 лет, и только две взрослые женщины. Затрудняет интерпретацию полученных результатов и проблема датировки. Однако изучение полученного материала будет продолжено, и, возможно, со временем нам удастся понять причины данной трагедии.

Литература

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия: методика антропологических исследований. М.
2. Аммиан Марцеллин. 1996. Римская история. СПб.
3. Геродот. 1999. История. Пер. Г.А. Стратановского. М.
4. Миллер В. 1881. Осетинские этюды. Ч.1. Осетинские тексты. М.
5. Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. 2009. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10.
6. Ubelaker D.H. 1978. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago.

Антипенко А.В., Мульд С.А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СПЛАВА АКСЕССУАРОВ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ПОЗДНЕСКИФСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА

(по материалам некрополей Усть-Альма и Левадки)

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект №18-18-00193

В первые века н.э. значительные территории юга Восточной Европы были охвачены процессом сарматизации, что привело к распространению однотипных категорий инвентаря. Этот процесс коснулся и позднескифского населения Крымского полуострова. С сер. I в. н.э. в материальной культуре поздних скифов фиксируется все больше параллелей с вещевым комплексом культур среднесарматского круга, особенно из памятников Предкавказья и Прикубанья (Пуздровский, 2007. С. 165).

В 2019 г. были проведены исследования металлических изделий, найденных в позднескифских могильниках Левадки и Усть-Альма. Могильник Левадки расположен в 6 км к ЮЗ от г. Симферополя и датируется II в. до н.э. - III в. н.э. (Мульд, Кропотов, 2013. С. 114). Могильник Усть-Альма находится близ с. Песчаное Бахчисарайского района, функционировал в I в. до н.э. - сер. III в. н.э. (Высотская, 1994. С. 144-145).

Исследования элементного состава металла изделий осуществлялось на рентгенофлуоресцентном спектрометре M1 Mistral (Bruker). Прибор снабжен рядом режимов для работы с образцами, для которых отсутствуют первичные сведения о качественном составе металла. Элементный состав определялся с диапазоном концентраций до 0,01%. Детально изучались составы сплавов аксессуаров костюма из погребений второй пол. I – первой пол. III в. н.э. В результате исследования установлено, что мелкие литые украшения (бусы, подвески различных типов), изготовлены преимущественно из сильно легированной свинцом бронзы, но встречаются экземпляры, выполненные из практически чистой меди. К числу литых изделий относятся также зеркала. Довольно часто их находят в погребениях во фрагментированном состоянии в составе ожерелий. Местом зарождения формы зеркал-подвесок с боковой петлей типа Хазанов IX (Хазанов, 1963. С. 65-67) считают Сибирь или Северный Кавказ, как контактную зону между сарматами и местными племенами, наладившими их производство. Зеркала готовили из медно-оловянистых сплавов, содержание олова в норме должно быть не менее 33% (Минасян, 2014. С. 49) – такая концентрация олова требуется для получения светлого цвета сплава (Флеров, 1981. С. 48), необходимого для этой категории вещей. Для зеркал-подвесок из позднескифских некрополей (табл. 1, №№ 1-7, 21-22) основным легирующим компонентом выступало олово, его содержание варьируется от 1,89% до 25,43%. В отдельных случаях сплав имеет значительные присадки свинца – до 4,88% (табл. 1, № 21). Ни в одном из исследованных зеркал содержание олова не достигало нужной концентрации для придания «зеркального» светлого цвета. Зеркала из могил №№ 3, 18 и 43 некрополя Усть-Альма содержат свыше 95% меди в составе (табл. 1, №№ 1, 4, 7). Вероятно, в данном случае использовали зеркальные свойства полированной меди, имеющей красный или красновато-желтый

цвет. Была исследована лицевая и обратная сторона зеркала из могилы № 119 (табл. 1, №№ 22, 23) некрополя Левадки: значительных колебаний в процентном содержании олова не зафиксировано, что позволяет предположить, что лужение зеркальной поверхности не осуществлялось.

В 1960-е гг. был проведен спектральный анализ зеркал-подвесок с боковой петлей из некрополя Кобякова городища, в результате которого установлено, что материалом для их изготовления служил медный сплав с примесями олова и свинца и другими незначительными добавками (Косяненко, 1994. С. 55). В 1970-е гг. Т.Б. Барцева, проведя спектральный анализ зеркал-подвесок Центрального Кавказа, пришла к выводу об их изготовлении из оловянистых бронз с добавлением свинца и отметила, что химический и металлургический характер этих бронз свидетельствует об их кавказском происхождении (Барцева, 1971. С. 133-136).

Для исследования были отобраны простейшие формы браслетов, изготовленные из проволоки или дрота, различающиеся оформлением окончаний – замкнутые с перевитыми или завязанными концами и разомкнутые с утоньшенными или утолщенными окончаниями, либо с окончаниями в виде шишечек. 6 браслетов выполнены из чистой меди, количество других компонентов сплава не превышает 2-2,5% (табл. 1, №№ 8, 17, 19, 24, 26, 28). Материалом изготовления для 2 экз. служила оловянистая бронза (олово от 4,69% до 8,3%) (табл. 1, № 29, 32), для 4 – оловянисто-свинцовая, причем в двух из них фиксируется значительное содержание легирующих компонентов (табл. 1, №№ 10, 27), в остальных – меди св.92,5% (табл. 1, №№ 9, 31). Из латуней и многокомпонентных цинкосодержащих сплавов изготовлено 9 браслетов (табл. 1, №№ 11-16, 18, 20, 25, 30); концентрация цинка в них существенно различается – от 1,22% до 21,52%. Браслеты, изготовленные из сплава меди с цинком, в основном происходят из некрополя Усть-Альма. Следует отметить, что высокая вариативность составов сплава браслетов была отмечена на материалах погребений III-IV вв. н.э. некрополя Черная речка, что связано с массовостью этих изделий и разницей в методе их изготовления (Лобода, Антипенко, 2019. С. 343-344).

Большой разброс в элементном составе простейших форм браслетов, колец, проволочных серег, возможно, объясняется тем, что отдельные категории аксессуаров костюма позднескифское население Крыма выполняло самостоятельно из любых доступных материалов.

Отдельный интерес представляют литые металлические бусы, массово встречающиеся как на некрополях античных городищ, так и в погребениях варварского населения. Изделия, принадлежащие одному типу, могут быть изготовлены как из металла с высокими литейными качествами, так и из чистой меди, которая имеет низкие литейные свойства и высокую склонность к образованию трещин. Эта же тенденция прослеживается при анализе элементного состава зеркал одного типа. Не исключено, что материал изготовления может свидетельствовать о разных местах изготовления вещей – в античных городах и варварских центрах.

Таблица 1. Химический состав аксессуаров костюма позднескифского населения Крыма.

Характеристика изделия			Элементный состав						
№	Тип изделия	№ могилы	Cu	Sn	Pb	Ag	Zn	Fe	Прочие
<i>Могильник Усть-Альма</i>									
1	зеркало	3	95,02	2,76	1,04			1,18	
2	зеркало	18	83,99	12,85	1,12	0,19	1,85		
3	зеркало	18	86,25	11,69	1,16	0,53	0,12	0,25	

4	зеркало	18	97,36	1,89	0,38		0,15	0,22	
5	зеркало	18	88,2	8,98	2,6			0,07	0,15(Sr)
6	зеркало	43. К.27	80,21	18,95	0,52			0,33	
7	зеркало	43	94,62	4,94	0,44				
8	браслет	3	98,34	1,21	0,19			0,26	
9	браслет	4	92,49	4,78	2,4	0,14		0,19	
10	браслет	?	63,49	12,83	23,21			0,47	
11	браслет	14	87,92	0,05	1,35		7,43	3,25	
12	браслет	?	93,21	0,16	0,61	0,07	5,68	0,27	
13	браслет	18	90,71	6,7	0,77		1,22	0,59	
14	браслет	27	91,99	0,06	0,24		7,07	0,63	
15	браслет	27	88,07	8,08	1,7	0,1	1,37	0,69	
16	браслет	29	77,27		0,07	0,04	21,52		
17	браслет	36	99,51		0,18		0,3		
18	браслет	43. К.30	84,78	0,1	0,32		12,67	1,9	0,23(Sr)
19	браслет	43. К.16	99,36			0,18		0,46	
20	браслет	43	83,01	10,46	4,97		0,97	0,58	
<i>Могильник Левадки</i>									
21	зеркало	159 св	72	23,04	4,88			0,08	
22	зеркало (ЛС)	119	70,72	26,80	2,48				
23	зеркало (ОС)	119	70,37	25,43	4,08			0,11	
24	браслет	159св	98,93		0,51			0,57	
25	браслет	168	82,72	3	0,44		13,84		
26	браслет	163 св	99,23			0,29		0,48	
27	браслет	148	80,86	12,82	5,24			1,07	
28	браслет	144 сз	97,42		2			0,59	
29	браслет	143 сз	91,19	8,3	0,26			0,15	0,1 (As)
30	браслет	119	95,11		0,1	0,05	4,66	0,09	
31	браслет	120	95,58	1,78	1,83			0,8	
32	браслет	131	94,16	4,69	0,97			0,18	

Литература

1. Барцева Т.Б. 1971. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
2. Высотская Т.Н. 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
3. Косяненко В.М. 1994. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг) // Историко-археологические исследования на Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып.13. Азов.
4. Лобода А.Ю., Антипенко А.В. 2019. Изучение элементного состава украшений из могильника Черная речка // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции. Симферополь – Керчь.
5. Минасян Р.С. 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.
6. Мульд С.А., Кропотов В.В. 2013. Склеп № 96 могильника Левадки (Центральный Крым) // РА. № 3.
7. Пуздровский А. Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.
8. Флеров А.В. 1981. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.
9. Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских зеркал // СА. № 4.

Бакушев¹ М.А., Безматерных² А.Е.

¹Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону,

²Независимый исследователь, г. Воронеж

АМФОРЫ РАННЕАЛАНСКОГО ЗМЕЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В 2013-2014 гг. у ст. Змейской была исследована северная окраина раннеаланского Змейского поселения. Ко времени существования поселения относятся более 400 хозяйственных ям (из 979) и многочисленные фрагменты керамики, обнаруженные в различных пластах. Одной из показательных категорий керамики являются амфоры.

Общее количество фрагментов амфор составляет около 0,001% (42 фрагмента) от общего числа керамики раннеаланского времени. В пределах крупного Раскопа I амфоры были найдены на различных глубинах, начиная с первого пласта вплоть до русел древних ручьев в материковой глине, где они встречены среди массового керамического материала раннеаланского времени. Единичные фрагменты амфор были найдены также в 14 хозяйственных ямах. Картографирование находок амфор в Раскопе I не позволило выявить их скоплений: фрагменты равномерно распределены по всей площади. При этом надо отметить, что весь культурный слой раннеаланского времени, за исключением закрытых комплексов хозяйственных ям, потревожен более поздним раннесредневековым поселением, а впоследствии и Змейским катакомбным могильником, располагавшимся на этой же территории.

Амфоры представлены только фрагментами. Характеристики теста сосудов, в целом одинаковы: глина светло-жёлтая, мыльная, рыхлая, с обильной примесью крупного песка и отдельными фрагментами пироксена. На одном из фрагментов тулова сохранились следы бурой краски в виде двух параллельных диагональных полос (рис. 1, 4). В коллекции амфор Змейского поселения – 5 экз. горловин разных типов амфор (рис. 1, 9, 17, 19, 27), в трёх случаях с прилепами обеих ручек (рис. 1, 19, 27). В четырёх случаях присутствуют венцы – валикообразные, обращённые наружу, с грубым вертикальным ребром по внутреннему краю, высоко приподнятые над прилепами ручек (рис. 1, 9, 19). В одном случае (рис. 1, 17) ребро сбито либо отсутствует. Также 4 фрагмента имеют расширение выше крепления ручек (рис. 1, 9, 17, 19), одна горловина (рис. 1, 27) сколота сразу над прилепами. Амфорные ножки представлены 7 экз.; 6 из них – полые ножки, в одном случае ножка завершается плоской подошвой, однако вероятнее всего поддон был сбит, а место скола затёрто, т.к. в целом, по составу глины и пропорциям, фрагмент идентичен прочим. Из 6 ножек с полым поддоном, у 5 экз. ножки однотипные, узкие, с тонким, округло выступающим вниз дном, и чуть расширенным к низу узким кольцевым поддоном. В одном случае дно сосуда ровное, кольцевой поддон также узкий (рис. 1, 11). Наиболее массовой категорией находок (15 фр.) являются фрагменты амфорных ручек, с прилепами и без. В разрезе – условно овальные, с двумя или тремя продольными врезами по внешней стороне. В профиле ручки округлые, с пологими перегибами к горлу. Треть длины непосредственно у нижнего прилепа – прямая (рис. 1, 10, 19, 22, 26, 28).

Светлоглиняные амфоры встречаются на памятниках Причерноморья римского времени наиболее часто (Зеест, 1960; Каменецкий, 1963; и др.). В конце 1970-х гг. Д.Б. Шелов

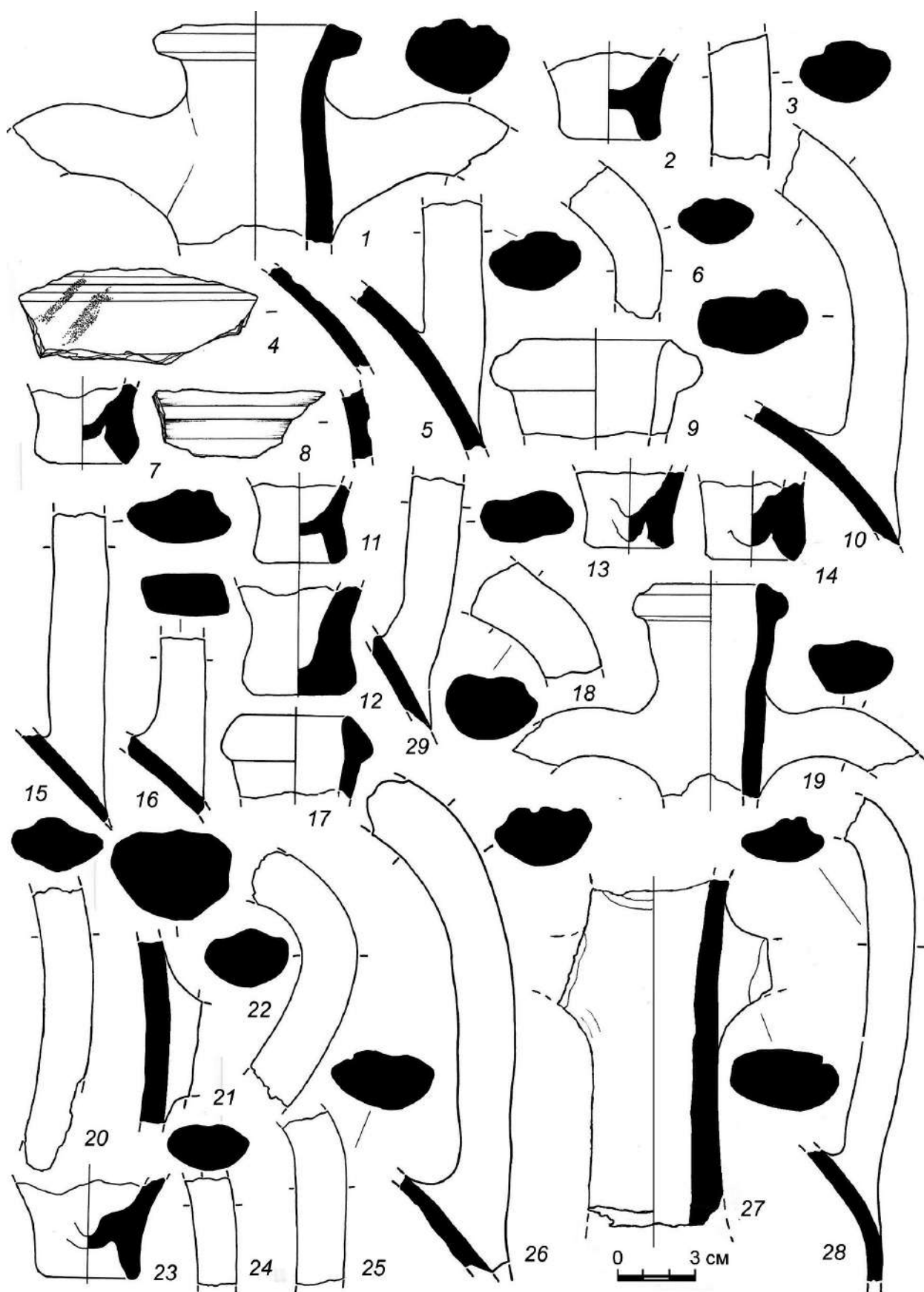

Рис.1. Фрагменты амфор раннеаланского Змейского поселения

выделил 6 типов светлоглиняных амфор (A-F), которые, по его мнению, производились в Синопе в разное время (Шелов, 1978. С. 16-21). Предложенная им общая система разделения типов светлоглиняных сосудов используется и поныне. Петрографические исследования позволили отнести светлоглиняные амфоры к продукции Гераклеи Понтийской (Внуков, 2006. С. 48-57). С.Ю. Внуков делит их на 5 типов (C-I, C-II, C-III, C-IV, C-V). Узкогорлые амфоры типа C-IV являются наиболее массовыми. На востоке ареал распространения данной тары доходит до Западного Казахстана (Внуков, 2016. С. 36). Согласно последним исследованиям, все узкогорлые светлоглиняные амфоры относятся к одному длительно бытовавшему типу C-IV. Главные признаки сосудов этого типа: узкое высокое горло, профилированные ручки и кольцевой поддон – широкий или рудиментированный. Внутри типа выделяются хронологические варианты (A-J), имеющие также определенные морфологические отличия. Характерной особенностью узкогорлых амфор вариантов C, D и, в меньшей степени, J является волнистая поверхность тулова, что в нашем случае проиллюстрировано двумя фрагментами (рис. 1, 4, 8).

Все амфоры, найденные на Змейском поселении, являются фрагментами гераклейских амфор типа C-IVC и датируются второй пол. II в. н.э. Возможно, такая выборка определяется в т.ч. и удаленностью региона от основных морских и крупных речных торговых путей: малые размеры амфор типа C-IV (их объём – 3-5 л) облегчают их доставку сухопутным путем. Обращают на себя внимание узкие хронологические рамки и однотипность амфор, что позволяет говорить о кратковременности импорта продукции в амфорной таре. Змейское поселение было не единственным в регионе, где отмечены находки светлоглиняных амфор. Так, фрагменты амфоры типа C были найдены, в частности, в ровике кургана 3 могильника Брут 2, а также в слоях Брутского, Киевского, Алхан-калинского, Зилгинского городищ, где они также представлены единичными фрагментами. Торговые пути из Причерноморья вдоль Кавказа продолжали существовать и сразу после прекращения импорта в Змейское поселение, на что указывают фрагменты амфор типа D конца II – нач. III в. н.э., обнаруженные в насыпи кургана 7 Алхан-калинского могильника (Малашев, Мамаев, 2011. С. 252).

Т.А. Габуев и В.Ю. Малашев отмечали, что на Зилгинском городище находки светлоглиняных амфор типа C отмечены в нижних слоях на периферии. Это, по мнению исследователей, подразумевает наличие более ранних слоев в центральной части городища, и выступает хронологическим маркером (вторая пол. II в. н.э.) завершения сложения поселенческого комплекса раннеаланской культуры (Габуев, Малашев, 2009. С. 148). Судя по местам находок и типу амфор, данное утверждение применимо и к процессу формирования синхронного Змейского поселения.

Амфорные фрагменты являются достаточно надежным хронологическим маркером, значимость которого повышается в закрытых комплексах. На исследованном поселении фрагменты амфор, как отмечалось, были найдены на двух раскопах в 14 хозяйственных ямах с фрагментами местной керамики, что позволило уточнить хронологию отдельных типов посуды и, в частности, мисок с вертикальными бортиками и орнаментацией косыми врезными линиями, коричневоолощенных кувшинов с раструбовидной горловиной, некоторых типов зооморфных ручек. Расположение этих ям в пределах наиболее крупного Раскопа I позволило определить, что ко второй пол. II в. н.э. была равномерно освоена вся территория периферии поселения без концентрации хозяйственных комплексов на отдельных участках.

Литература

1. Внуков С.Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. 1. Морфология. М.
2. Внуков С.Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.
3. Внуков С.Ю. 2016. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. № 2.
4. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
5. Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора. / МИА. № 83.
6. Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. 2011. Алхан-калинский могильник (материалы раскопок 1937-1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный - Москва.
7. Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.1

Балахванцев А.С.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

САРМАТСКИЕ ПОХОДЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Как известно, письменные источники содержат довольно мало информации по контактам сарматских племен с государствами Закавказья и Передней Азии. Неудивительно, что исследователи, занимающиеся этой темой, пытаются восполнить скудость нарративной традиции за счет постоянно растущего объема археологических данных. Так, находки в кочевнических погребениях различных переднеазиатских импортов часто воспринимаются как свидетельства активного участия сарматов в войнах понтийских, боспорских и иберийских царей на территории Закавказья и Малой Азии в III в. до н.э. – II в. н.э.

Разумеется, стремление использовать при оценке военно-политической активности сарматов за Кавказским хребтом все имеющиеся виды источников можно только приветствовать. Но при этом должны быть обязательно соблюдены два условия. Во-первых, в анализируемую базу исследователь имеет право включать отнюдь не все импорты подряд, но лишь те артефакты, которые явно не могли быть объектами обычной торговли. Во-вторых, полученные при анализе археологического материала результаты следует обязательно увязывать с данными нарративной традиции.

К сожалению, данные принципы соблюдаются далеко не всегда. Например, многие исследователи трактуют встречающиеся в сарматских погребениях стеклянные сосуды как захваченные в Малой Азии и Закавказье трофеи или полученные там же за военную службу дары. Последнее аргументируется тем, что стеклянные сосуды (канфары и скифосы) практически не встречаются в городах Боспора и других античных центрах Северного Причерноморья (Марченко, 1996. С. 36, 130; Лимберис, Марченко, 2010. С. 269, 271-272; Трейстер, 2018. С. 150; 2019. С. 278).

Однако эта точка зрения представляется весьма спорной. Во-первых, центры производства упомянутых стеклянных сосудов находились, скорее всего, в Египте и прибрежных городах Сирии (Смирнов, 1953. С. 19; Засецкая, Марченко, 1995. С. 100. Прим.*; Трейстер, 2019. С. 273). Во-вторых, в Закавказье в данную эпоху аналогичные стеклянные сосуды не известны; число же артефактов из Малой Азии (Трейстер, 2019. С. 277. Прим. 6) совпадает с количеством находок из Фанагории (Смирнов, 1953. С. 17) и Пантикапея (Засецкая, Марченко, 1995. С. 103). Поэтому наиболее верной представляется некогда высказанная М.Ю. Трейстером, а затем отвергнутая им точка зрения относительно неправдоподобности предположения о связи поступления к сарматам стеклянных канфаров с конкретными историческими событиями к югу от Кавказа (Трейстер, 2007. С. 180).

Еще более нелепо выглядит попытка представить в качестве маркеров военно-политической активности сарматов переднеазиатские печати. Так, в среднесарматском погребении первой пол. I в. н.э. кургана № 1 могильника Чеботарев V (Ростовская область) была обнаружена древнееврейская гемма-инталия, которая первоначально принадлежала коменданту иудейской крепости Арад кон. VII – нач. VI в. до н.э. Элиашибу, сыну Эшияху (Балахванцев, Мимоход, Успенский, 2017. С. 156-158). М.Ю. Трейстер, отвергнув предло-

жения авторов статьи по возможным путям попадания печати на Нижний Дон, считал, что она была захвачена кочевниками в Иберии: или во время похода Фарнака II в 49-47 гг. до н.э., или в ходе иберо-парфянской войны в 35 г. н.э. Основанием для этого, прямо скажем, весьма смелого вывода послужили находки ближневосточных печатей III-I тыс. до н.э. в святилищах и погребениях Кавказской Иберии (Трейстер, 2018. С. 149).

Что можно заметить по данному поводу? Во-первых, на территории Закавказья древнееврейские печати допленного периода ни разу не встречены. Что же касается других переднеазиатских печатей, например, ахеменидских, то они нередки в некрополях не только Иберии, но и Боспора (Балахванцев, 2018. С. 63). Поэтому у нас нет никаких оснований видеть источник поступления таких печатей к сарматам непременно в Иберии. Во-вторых, поход Фарнака II в Малую Азию проходил через территорию Колхиды и никак не затронул Иберию. В-третьих, версия М.Ю. Трейстера требует согласиться с тем, что приглашенные в 35 г. н.э. царем Фарасманом I для вторжения в Армению (Тас. Апп. VI. 33. 2) сарматы принялись грабить иберийцев, осквернять их храмы и гробницы. Если бы сарматы-наемники вздумали вести себя в Иберии подобным образом, то ни один из них не смог бы вернуться домой живым, не говоря уже – с добычей.

На наш взгляд, действительными свидетелями участия сарматов в военных кампаниях за Кавказским хребтом можно считать следующие артефакты: во-первых, фиала из храма Аполлона Гегемона в Фасисе, обнаруженная в кургане у Зубовского хутора в Закубанье (Думберг, 1901. С. 98-100) и датированная сер. – второй пол. I в. до н.э. (Гущина, Засецкая, 1989. С. 87). Как отмечалось в литературе, чаша попала в руки сарматов в ходе похода Фарнака II через Колхиду. Далее, с территории Передней Азии происходит меч, найденный в погребении у с. Косика (Трейстер, 2018. С. 127), время и место изготовления которого еще нуждаются в уточнении. Наконец, находка в составе клада в Гонио бляхи, выполненной в сарматском полихромном зверином стиле (Лордкипанидзе, Микеладзе, Хахутайшвили, 1980. С. 49-50. Табл. XVII-XVIII), свидетельствует о присутствии на побережье Черного моря аланов, вторгшихся в этот район по наущению иберийского царя Фарасмана II в 135 г. н.э. (Dio Cass. LXIX. 15. 1).

Все это вместе взятое, наряду с полной недостоверностью представлений о вторжении сарматов в Иберию в нач. III в. до н.э. и в 72 г. н.э. (Балахванцев, 2009. С. 11-12), доказывает, что в событиях к югу от Кавказа номады принимали сравнительно скромное участие, выступая лишь в роли наемников Митридатидов и Фарнавазианов.

Литература

1. Балахванцев А.С. 2009. Сарматы I-IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.
2. Балахванцев А.С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб.
3. Балахванцев А.С., Мимоход Р.А., Успенский П.С. 2017. Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // РА. № 4.
4. Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребение «зубовско-воздвиженского» типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 70. М.
5. Думберг К.Е. 1901. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 1. СПб.

-
-
6. Засецкая И.П., Марченко И.И. 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32.
 7. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010. Сарматы // Античное наследие Кубани. Т. I. М.
 8. Лордкипанидзе О.Д., Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А. 1980. Гонийский клад. Тбилиси.
 9. Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
 10. Смирнов К.Ф. 1953. Северский курган. М.
 11. Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. // Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Т. I. Симферополь – Бонн.
 12. Трейстер М.Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. № 10.
 13. Трейстер М.Ю. 2019. Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н.э. // Крым в сарматскую эпоху. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. V. Симферополь.

Баранюк¹ А.В., Кудрявцев² Е.А.

Независимый исследователь, г. Краснодар

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

МОГИЛЬНИК ГРУШЕВСКОГО ГОРОДИЩА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Объект культурного наследия федерального значения «Грушевское городище, VII-III вв. до н.э.» расположен на южной окраине г. Ставрополь, примыкая с юга к ул. 45-я параллель. В 2016 г. на основании результатов многолетних исследований, которые проводились с 1973 г., были утверждены границы памятника, которые включают в себя: 1) укрепленную цитадель, наиболее выраженную в ландшафте, и расположенную в юго-юго-восточном секторе памятника; 2) селище, расположенное на ССЗ, север и СВ от цитадели, 3) грунтовый могильник, по современным данным расположенный к западу, СЗ от цитадели; а также, вероятно, курганы, ранее прослеженные некоторыми исследователями на территории грунтового могильника.

В общей сложности предыдущими исследователями было раскопано по площади ок.6200 кв. м. В подавляющем большинстве исследования проводились на территории селища и городища (А.В. Гадло, А.В. Найденко, 1973-1981 гг.; Я.Б. Березин, 1995 г.; В.Н. Галаева, 2007, 2015 гг.).

В 1977-1981 гг. был открыт грунтовый могильник, располагавшийся к СЗ от цитадели городища. В 1980-1981 гг. А.В. Найденко были исследованы погребения кобанской культуры в каменных ящиках, окруженных каменными кольцами-кромлехами. Отчет по раскопкам А.В. Найденко на могильнике Грушевского городища сдан не был. В связи с этим отсутствует точная информация о локализации места данных раскопок.

При раскопках в 2015 г. В.Н. Галаевой на западной окраине селища были зафиксированы два погребения, которые маркируют северо-восточную границу могильника.

В марте-августе 2018 г. археологической экспедицией ООО «Археолог» под руководством Е.А. Кудрявцева в западной части Грушевского городища на территории, отводимой под хозяйственное освоение, проводились археологические раскопки. Эта территория примыкала с запада к грунтовой дороге, ведущей к дачному посёлку «Маяк 2», и, по факту, отделяющей раскоп 2018 г. от раскопа В.Н. Галаевой 2015 г. Всего общая площадь исследования составила 14357 кв. м, было исследовано 391 погребение и 38 объектов.

Исследованные объекты в основном представляли одиночные камни и каменные наброски без каких-либо следов погребальных комплексов. В основном это камни из закладов погребений, перемещенные в ходе хозяйственной деятельности (распашка) либо в результате грабежа погребений, а также, возможно, заклады детских безынвентарных погребений, в которых не сохранились кости. Также среди объектов присутствовали остатки тризн (кости животных), современные хозяйственные ямы, ямы от работы землеройной техники (территория раскопок, особенно южная часть, подвергалась интенсивному антропогенному воздействию).

Погребальные комплексы были распределены по территории раскопа неравномерно. Наибольшая концентрация была отмечена в центральной части (кв. Е-Л 14-18), а также в юго-западной части (кв. А-Д 1-20). Кв. АД 26-34 показали полное отсутствие каких-либо комплексов (это территория древнего водотока и водоема, который существовал до наших дней).

273 погребальных комплекса состояли из каменных закладов и погребений в ямах. Остальные погребальные комплексы прослеживались по контрастному заполнению ям, либо, там где ямы не «читались», по инвентарю или костякам. Положение скелетов в подавляющем большинстве скорченное (в позе эмбриона или позе спящего). Погребенные лежали как на левом, так и на правом боку. Ориентация в основном – головой в восточный сектор (от СВ до ЮЮВ). Единичные, вытянутые на спине костяки, – безынвентарные (ориентировка – западная).

8 погребений были заключены в каменные кольца (кромлехи). Кромлехи представляли собой каменную наброску шириной 0,5-1 м и диаметром 6-12 м.

Заклады в основном представляли собой плотную подпрямоугольную наброску из рваных камней неправильной формы, лежащих в 1-3 слоя (средние размеры 2,2×1,6 м). Зачастую погребальная яма также обкладывалась по периметру камнями. Детские погребения обычно перекрывались хаотичным скоплением нескольких камней.

Погребения без заклада в основном фиксировались в материке и предматериковом суглинке. Ямы – в плане как подовальные, так и подпрямоугольные. Среди подпрямоугольных в плане ям выделялось несколько, конструктивной особенностью которых являлось то, что углы прямоугольника были не просто скруглены, а образовывали по углам округлые ниши, которые выступали за прямые линии бортов на несколько сантиметров.

Большая часть погребений была с инвентарём. Инвентарь характерный для позднего этапа кобанской культуры. Лепная серо-коричневоглиняная (единично красноглиняная) керамика была в основном представлена корчагообразными сосудами и кубками, реже – кружками, кувшинами и мисками. Очень часто в погребениях находились пряслица различных типов. Керамический инвентарь характерен для позднего этапа кобанской культуры (Козенкова, 1998).

Бронзовые предметы в погребальных комплексах представлены иголками, булавами, пронизями, височными подвесками, пуговицами-бляхами, браслетами и т.п. В погр. 60 выявлено бронзовое зеркало, относящееся к отделу I, типу I, варианту II по классификации В.И. Козенковой (1998, С. 84-85). Подобные зеркала появляются на Северном Кавказе в VIII в. до н.э. Также распространенными предметами инвентаря являлись бисер и бусы (паста, сердолик, бронза, янтарь). Встречались пронизи из сурьмы и спиральные височные кольца, раковины каури и астрагалы. Часто в погребениях выявлялись железные изогнутые, с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием ножи и каменные оселки (в погр. 390 – мраморный). Весь вышеуказанный инвентарь представлен в материалах кобанской культуры, в погребениях VIII-VII вв. до н.э. (Белинский, Дударев, 2015. С. 303, 309, 358, 362, 367).

Также были найдены костяной топор в погр. 50, биметаллический кинжал (бронза-железо) и наконечник копья в погр. 193. В нескольких погребениях выявлены наборы наконечников стрел: бронзовых втульчатых литых двулопастных и костяных вытянуто-пирамидальной формы со скрытой втулкой. Наконечники этих типов были широко распространены на позднейшем этапе предскифского периода по всему югу Восточной Европы (Вальчак, 2018. С. 142. Рис. 2, 1,2; Белинский, Дударев, 2015. С. 319).

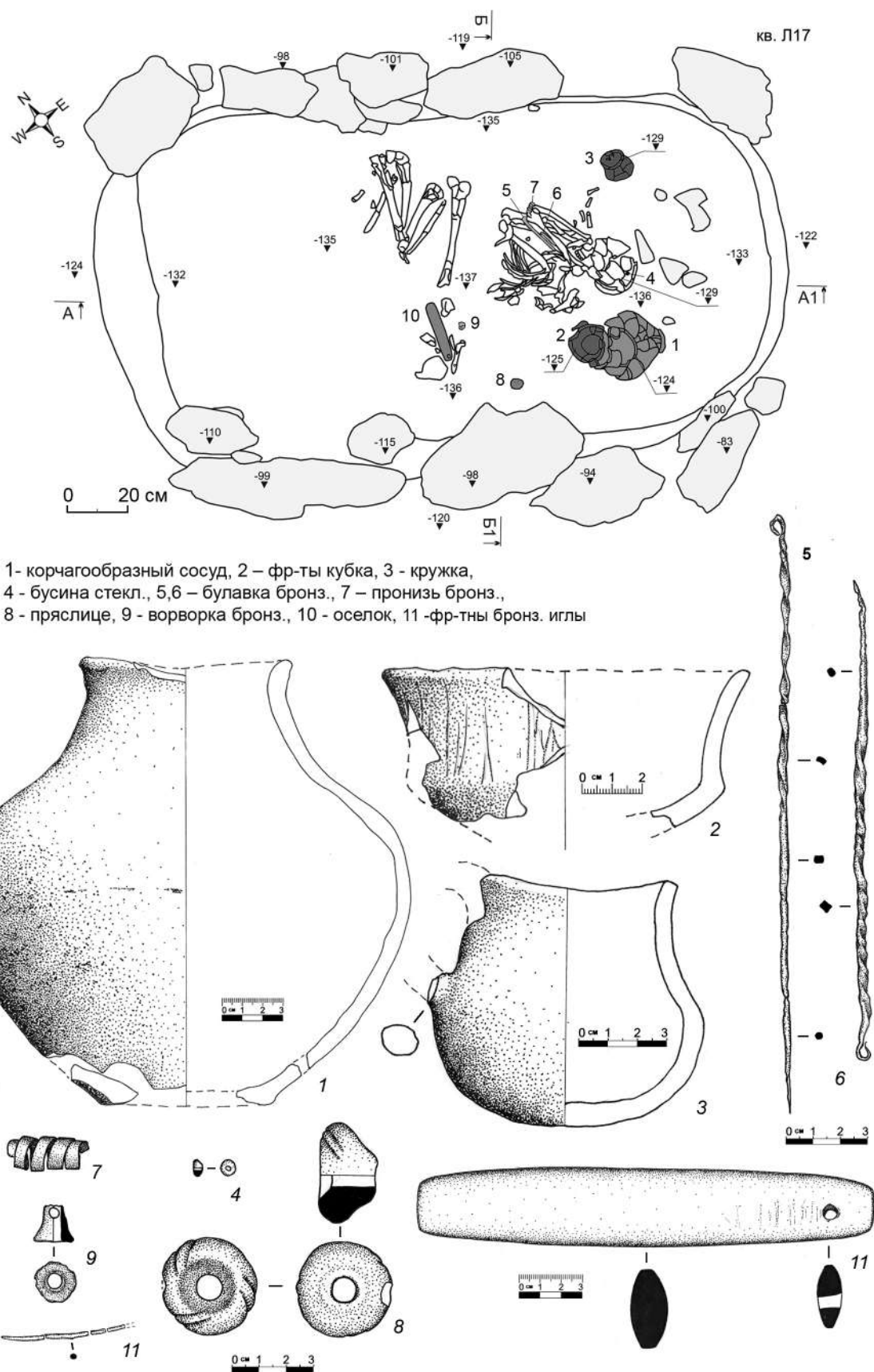

Рис. 1. Грушевское городище. Погр. 118. План и инвентарь

Предварительно обобщая материалы раскопок, можно говорить о том, что исследованная часть могильника Грушевского городища относится к финальному периоду западного варианта кобанской культуры и датируется VII-VI вв. до н.э.

Литература

1. Белинский А.Б., Дударев С.Л. 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа. Ставрополь.
2. Вальчак С.Б. 2018. Новочеркасский клад 1939 г. – эпонимный памятник предскифского период а// Древности. Исследования. Проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев-Тирасполь.
3. Козенкова В.И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. / САИ России. Вып. В2-5. М.

Бацанюк И.С.

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар*

ИГОЛЬНИКИ В ПОГРЕБЕНИЯХ МОГИЛЬНИКА СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 3

Грунтовый могильник Старокорсунского городища № 3 относится к числу наиболее крупных и полно исследованных меотских некрополей Прикубанья. Памятник расположен в 20 км восточнее г. Краснодара, на правом берегу Кубани в районе Краснодарского водохранилища. Раскопки проводились в 1986-1990 гг., их результатом стало исследование 515 погребений и 53 объектов. Время функционирования некрополя укладывается в период второй пол. V до н.э. – нач. III в. н.э.

Темой настоящей работы стало изучение серии бронзовых игольников, найденных в 12 погребениях и относящихся к двум разным типам.

Тип 1 (рис. 1, 1-5) представляет собой две вложенные друг в друга трубочки (внешняя – с несомкнутыми краями), соединенные в верхней части шарнирным способом. Шесть из них соединены бронзовым проволочным кольцом, в двух случаях – проволочной петлей 8-видной формы. Также можно отметить завитки на противоположных концах трубочек. В нескольких случаях отмечены круглые отверстия в нижней части, в двух случаях через отверстия была продета скрученная проволока. Длина игольников варьируется от 8,6 см до 13,3 см, d трубочек = 0,3-0,8 см. В нескольких случаях верхняя трубочка (футляр) украшена пуансонным орнаментом. Внутри игольника из погр. 289 находилась бронзовая игла с овальным ушком: общая длина 6,4 см. (рис. 1, 4).

В погребениях с игольниками этого типа найдены: фибулы лучковые подвязные, группа 15, вариант 3, первая пол. II в. н.э. по А.К. Амброзу; по В.В. Кропотову – группа 4, серия 1 вариант 3, первая пол. – сер. II в. н.э.; фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника группа 13, вариант 2, вторая пол. I в. н.э. и часть II в. н.э., и вариант 3, I в. н.э. – отчасти II в. н.э. по А.К. Амброзу, и группа 8, серия 1, вторая пол. I-II вв. н.э. по В.В. Кропотову (Амброс, 1966. С. 46, 48-50; Кропотов, 2010. С. 74-75, 182-185); бронзовые зеркала типа Хазанов IX (Хазанов, 1963. С. 67). Аналогичные бронзовые игольники найдены в Цемдолинском некрополе (Малышев, 2008. С. 179. Рис. 115, 17, 19), некрополе Крепостного городища (Горбенко, Косяненко, 2011. С. 216-217. Рис. 34, а, б), в захоронениях Неаполя Скифского (Сымонович, 1983 С. 95. Табл. XXXVIII, 34-36) в комплексах I-II вв. н.э.

Тип 2 представляет собой бронзовую трубочку с колпачком на одном конце и узким кольцевым перехватом на другом. Длина – 9,4, d = 0,6 см (рис. 1, б). Погр. 81, в котором был найден игольник, включает пять фибул. Из них две лучковые одночленные «лебяжьинской серии» варианта II датируются I в. н.э., одна лучковая подвязная с приемником «лодочкой» и узкой ножкой, группа 15, вариант 1 – первой пол. I в. н.э.; еще одна лучковая подвязная с приемником лодочкой и расширенной ножкой варианта 3 – II в. н.э. (скорее, первой его половины); одна смычковая одночленная проволочная с высоким приемником конца I-II в. н.э. (Амброс, 1966. С. 47-49, 56). Из погребения происходит также зеркало-подвеска типа IX по Хазанову и варианта I по Абрамовой, относящееся к I – нач.

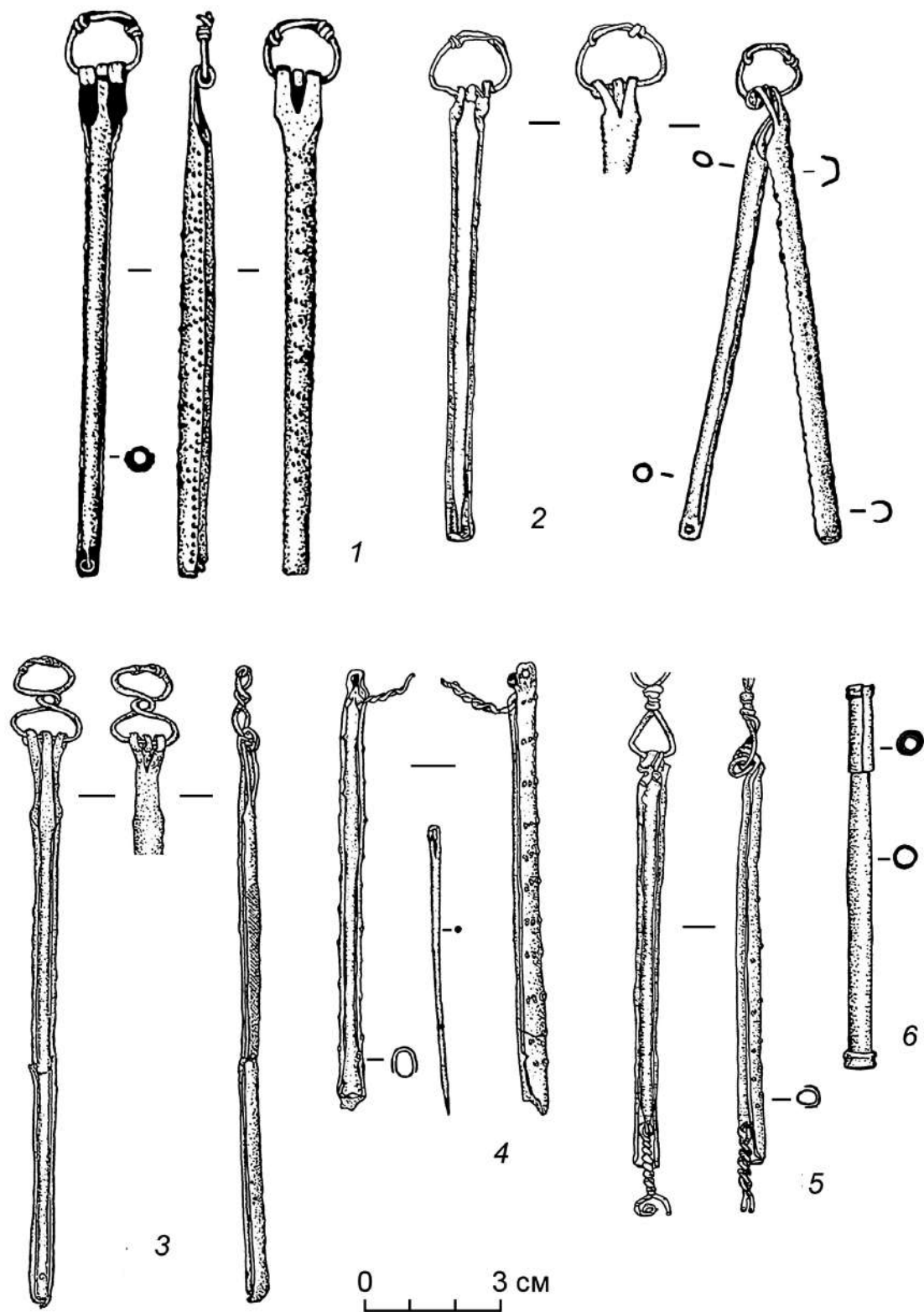

Рис. 1. Бронзовые игольники из погребений могильника Старокорсунского городища № 3: 1 - погр. 104 (1987); 2 - погр. 203 (1988); 3 - погр. 277 (1989); 4 - погр. 289 (1989); 5 - погр. 339 (1989); 6 - погр. 81 (1986).

II в. н.э. (Хазанов, 1963. С. 67; Абрамова, 1971. С. 128-129). Аналогичный игольник был найден в женском погребении могильника Мезмай I, датирующемся нач. I в. н.э. (Шевченко, 2014. С. 295).

Таким образом, комплексы с игольниками из погребений могильника Старокорсунского городища № 3 датируются в пределах I-II вв. н.э.

В связи со сложностью изготовления, иглы в древности имели высокую ценность и, вероятно, поэтому 11 футляров из 12 были пустыми. Часто фрагментированные двойные подвешивающиеся полутрубочки исследователи интерпретировали по-разному: трубочки в виде щипцов для завивки волос (Ларенок, 2008. С. 26,29), бронзовые футляры (Малышев, 2008. С. 179), подвеска из желобчатых полутрубок (Горбенко, Косяненко, 2011. С. 216-217).

Игольники зафиксированы в девяти женских и трех детских захоронениях и, как правило, они расположены в верхней половине скелета на уровне грудной клетки. В одном случае футляр находился возле берцовой кости. Возраст женщин колеблется от 20 до 60 лет с преобладанием старшей группы. Наличие проволочного кольца говорит о том, что игольники типа 1 подвешивались к одежде или поясу, например, с помощью фибулы как в погр. 3(Л) из некрополя Крепостного городища (Горбенко, Косяненко, 2011. Рис. 34 а, б). Находки игольников как в захоронениях взрослых женщин, так и в детских, свидетельствуют не только о функциональном назначении предметов, используемых в погребальном обряде, но и не менее важных культовых составляющих. Например, хорошо известно использование острых предметов (игла, нож, веретено, стрела) в качестве оберегов для ритуального предохранения тела погребенного (Веселовский, 1921. С. 277; Карамышева, 1986. С. 153; Гаджиев, 2004. С.44-46). Вполне возможно, что символическое значение предмета сохранялось при замещении его частью или составляющими.

Литература

1. Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д 1-30.
2. Веселовский Н.И. 1921. Роль стрелы в обрядах и её символическое значение// ЗВО РАО, т. 25.
3. Гаджиев М.С. 2004. Археологические реалии мифологического образа // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Москва. 15-19 марта 2004 г. Тез. докл. М.
4. Горбенко А.А, Косяненко В.М. 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Донские древности. Вып. 11. Азов.
5. Карамышева Б.Х. 1986. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы. М.
6. Кропотов В.В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
7. Ларенок В.А. 2008. Меотские древности или рассказ о древних жителях Ростова. Некрополь Кобякова городища. Ростов-на-Дону.
8. Малышев А.А. 2008. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.
9. Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев.
10. Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. №4.
11. Шевченко Н.Ф. 2014. Особенности социальной стратификации древнего общества (по материалам Могильника Мезмай // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. М.

Васильева Е.Е.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПОДВЕСОК В ВИДЕ БАРАНЬИХ ГОЛОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Подвески в виде бараньих голов являются одной из многочисленных категорий инвентаря в памятниках Центрального Кавказа конца эпохи средней бронзы – раннего железного века. К сожалению, эти памятники были ограблены во второй пол. XIX в., в результате чего находки оказались вынесены из культурного контекста. Главной проблемой в исследовании подвесок, как и других категорий предметов из памятников Центрального Кавказа этого времени, стала нехватка полноценных закрытых комплексов, в связи с чем вопрос их датирования долгое время оставался нерешенным. Подвески в виде бараньих голов, прежде всего, рассматривались, как предметы художественного творчества, отражающие мировоззрение и верования древних горцев.

Исследование подвесок показало, что они являются полноценным источником информации, и наравне с другими древностями могут быть использованы в построении хронологических схем.

Для подвесок в виде бараньих голов была разработана классификация. Многочисленные признаки были объединены в три группы, описывающие петлю, морду и рога. Оказалось, что типобразующими являются признаки, описывающие положение петли относительно подвески. Изучение этого признака позволило разделить все подвески на две группы – с горизонтальной петлей (группа I) и с вертикальной петлей (группа II). Кроме того, для каждой из групп оказались характерны эксклюзивные признаки, описывающие направление закручивания рогов, форму морды, орнамент, виды глаз и т.д.

Выделенные группы подвесок отражают временные изменения изделий. Это подтверждается таблицей взаимовстречаемости типов различных предметов в замкнутых комплексах, в которые входят подвески обеих групп. Полученные данные позволяют выделить два хронологических периода и один промежуточный подпериод.

К первому периоду относятся погр. №№ 12 и 31а могильника Брили, погр. № 6 могильника Кари Цагат, погр. №№ 66, 74, 76, 82, 91 Адайдонского могильника¹. В нем выделяется подпериод, который, вероятно, является переходным. Он представлен погр. № 56 Тлийского могильника и погр. № 2 Стырфазского кромлеха № 5, в которых найдены бараньи головки с закрученными вверх рогами². Подвески составляют тип 2 группы I по классификации подвесок в виде бараньих голов.

Первый хронологический период характеризуется следующим набором основных типов изделий: топоры типа Фаскау-6 и Фаскау-7 по классификации С.Н. Кореневского (1981. С. 28-31), кинжалы с отверстием в черенке, наконечники копий с раскрытой втулкой, кремневые наконечники стрел с глубокой выемкой в основании, булавы с округлыми выступа-

¹ Приношу искреннюю благодарность А.П. Мошинскому и В.Т. Чшиеву за предоставленную информацию и возможность работы с материалами погребений.

² Приношу искреннюю благодарность М.М. Зассееву за возможность работы с материалами Тлийского могильника.

ми, булавки с навершием в виде павлиньего пера, дисковидным, конусовидным, волчютообразным навершием, узкие браслеты с суженными концами, широкие браслеты с ребром посередине, подвески в полтора оборота, птицевидные и секировидные бляхи с головками барана, навершия треугольной формы с головкой барана, подвески в виде головы барана с горизонтальной петлей, фибулообразные подвески, спиральные пронизи, бисер, гагатывые и сердоликовые бусы, сурьмяные украшения.

Основными характерными категориями предметов переходного подпериода являются: диадемы из бронзового листа, булавки с овальными шляпками, булавки с навершием в виде пяти шишечек, булавки с гвоздевидными, вилообразными навершиями, подвески в виде головы барана с горизонтальной петлей и закрученными вверх рогами, булавки с навершием в виде бычьих голов, биспиральные крючки.

Первый хронологический период частично соответствует периоду Кобан I (протокобанский период) по периодизации В.И. Козенковой (1996. С. 90. Табл. 1) или протокобанскому II периоду, который А.П. Мошинским и А.Ю. Скаковым соотносится с дигорской культурой (Мошинский, 2000. С. 102-104; 2008. С. 261-264; Скаков, 2001. С. 233-238). В абсолютных датах это будет соответствовать XIV-XII вв. до н.э. (Козенкова, 1996. С. 90. Табл. 1), XV-XIII вв. до н.э. (Скаков, 2001. С. 234). Р.А. Мимоходом предложена датировка в пределах конца III тыс. до н.э. - XVII вв. до н.э. (Мимоход, 2013. С. 261. Илл. 114).

Ко второму хронологическому периоду относятся комплексы Кобанского могильника из раскопок Э. Шантра (погр. №№ 9, 12, 13, 15), Тлийского могильника (погр. №№ 17, 23, 86, 97, 105, 148, 217, 338, 341, 345), Эльхотовского могильника (погр. №№ 68, 77, 87), могильника Заюково-3 (погр. №№ 22, 24, 25, 29, 33), могильника Кичмалка II (погр. №№ 9, 30). Для этого периода характерны топоры кобанского типа, клинки пламевидной формы, прямоугольные пряжки, дуговидные фибулы, ромбовидные и полусферические бляшки, булавки с раскованным и скрученным в трубочку навершием, браслеты с ребром посередине и скрученными в спираль концами, подвески в виде бараньих голов с вертикальной петлей, бронзовые сосуды и другие предметы.

Во второй хронологический период вошли погребения кобанской культуры: от ранних, датированных XII-X вв. до н.э. (погр. № 15 Кобанского могильника, погр. №№ 17, 23, 86, 105, 148, 217 Тлийского могильника), до погребений конца VIII-VII вв. до н.э. (погребения с головками барана из могильника Заюково-3; погр. № 12 Кобанского могильника; погр. № 341 Тлийского могильника) (Козенкова, 1996. С. 90. Табл. 1; Техов, 1980. С. 14, 16-17, 24-25, 27-28, 31, 36-37. Табл. 35, 2, 39, 19, 61, 2, 68, 9-11, 13, 80. Рис. I, 4-5, 94. Рис. III, 16-19; Кадиева, Демиденко, 2016. С. 85-88; Вальчак, 2001. С. 69; Bedianashvili, Bodet, 2010. P. 285; Техов, 2002. С. 12. Табл. 7, 4). Самым поздним во втором хронологическом периоде является погр. № 9 могильника Кичмалка II, датированное концом VI – нач. V в. до н.э.

Хронологическая последовательность групп подвесок подтверждается составом металла (Васильева, Хаврин, 2019. С. 165-168).

К первому периоду относятся подвески с горизонтальной петлей, в составе металла которых отсутствует олово. Они отлиты из т.н. мышьяковистой бронзы и относятся к докобанскому времени. В составе сплавов подвесок этого периода отмечено повышенное содержание сурьмы. У некоторых экземпляров сурьма является основным элементом.

Во второй период входят подвески с вертикальной петлей, изготовленные из оловянистой бронзы. Они характерны для кобанской культуры. Наличие олова в составе сплава одной подвески типа 2 группы I (с закрученными вверх рогами) может являться подтверждением переходного характера памятников, из которых происходят подвески этого типа

(Тли, Стырфаз). Анализ металла биспиральных крюков, булавок с навершиями в виде пяти шишечек и овальных шляпок, также показывает наличие олова в составе сплавов (Кореневский, 1981. С. 156-161. Рис. 6; Техов, 2006. С. 140). Вместе с тем, эти предметы синхронны другим находкам докобанского времени. Есть основания полагать, что на южных склонах Кавказского хребта олово появилось раньше, чем на северных. Подвески с вертикальной петлей и сближенными витками рогов из мышьяковистой бронзы, вероятно, относятся к раннекобанскому периоду, и этот тип, скорее всего, также носит переходный характер.

Культурная принадлежность подвесок в виде бараньих голов группы II очевидна – они являются характерной категорией инвентаря погребений кобанской культуры. Культурная принадлежность подвесок группы I пока остается открытой.

Габуев Т.А.

Государственный музей Востока, г. Москва

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ РАННЕАЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (II-IV ВВ. Н.Э.)

В настоящее время существует две основные гипотезы о формировании и распространении аланской культуры на Северном Кавказе – Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева (см.: Габуев, Малашев, 2009).

Мнение В.Ю. Малашева, неоднократно высказанное, первоначально сводилось к тому, что раннеаланская культура сложилась на базе двух традиций – среднесарматской культуры (идея курганов с ровиками) и местной культуры (катакомбный обряд) (Малашев, 2007. С. 490-491, 494; Габуев, Малашев, 2009. С. 146-157). Позже, с выявлением в зоне Киевского городища аланских курганов без ровиков, осталась идея передачи традиции насыпи (Малашев, 2016). Это мнение основано на нескольких среднесарматских курганах, зафиксированных в Предкавказье, но не попадающих в зону первоначального распространения раннеаланской культуры и находящихся на значительном (Коби, Ачикулак – в 60 км и 120 км соответственно) или очень значительном (Бударка, Айгурка – более 220 км и 260 км) расстоянии от зоны ее сложения. За последние годы новых памятников, подтверждающих эту идею, выявлено не было, и все построения основываются на семи курганах Коби и Ачикулака.

В то же время в поддержку этой гипотезы выдвинута другая – о происхождении зооморфного стиля на предметах, происходящих из аланского Бесланского могильника (Малашев, Дзуцев, 2016. С. 160-202). Идея, сводится к тому, что группа предметов, представленная элементами конской узды и декорированных в зверином стиле, рассматривается как особая группа, которую именуют *«звериным стилем аланской культуры Северного Кавказа»*, восходящим к среднесарматским традициям. Без подтверждения того, что эти вещи были изготовлены непосредственно в Алании эта идея, не продуктивна. В.Ю. Малашев и Ф.С. Дзуцев приводят широкий круг аналогий бесланским предметам из числа вещей среднесарматского времени, указывая, что будут обращаться не к стилистическим соответствиям, а к репертуарному сходству ряда мотивов и образов (Малашев, Дзуцев, 2016. С. 172). При этом аналогии представлены высокохудожественными вещами I – первой пол. II в. н.э. (Дачи и др.), которые не могли быть созданы собственно сарматами. На предметы быта из бронзы, кости и пр. этот стиль сарматов не распространялся. Зооморфные предметы могли соответствовать идеологическим воззрениям сарматской знати, но не были изготовлены в сарматской среде. Бесланские вещи выполнены в очень интересной и сложной системе образов. Этот особый стиль мог бы быть продолжением высокого полихромного стиля через его некоторую «примитивизацию», но это могло происходить только в обществе, имеющем очень серьезную технологическую базу и, главное, образно-художественную основу. Подчеркну – средние сарматы были только потребителями этого стиля. Аргумент же о тайниках, в которых обнаружены эти предметы (Малашев,

Дзущев. 2016. С. 177), касается погребального обряда и рассматривать его как фактор в передаче или в формировании того или иного вида искусства можно только при большом желании. Датируют эту группу авторы в одном случае – сер. III в. н.э., в другом – «в рамках первой половины/середины III-IV в. н.э., с теоретической возможностью опускания нижней границы во II в. н.э.». При второй датировке учитывается фалар IV в. н.э. из могильника у хут. Октябрьский, что сдвигает дату вверх, но объяснения понижения даты авторы не приводят. Возможно, мы сталкиваемся с желанием авторов сократить временную лаку отделяющую бытование бесланских вещей от среднесарматских, основной временной ареал бытования которых укладывается в I – первую пол. II в. н.э.

На мой взгляд, две недоказанные гипотезы не могут дополнять друг друга, становясь аксиомой. Это начинает «работать» в интерпретации памятников и явлений и за пределами Центрального Предкавказья. Как факт рассматривается приход алан в Приморский Дагестан из центральной части Северного Кавказа (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015). Не возражая против присутствия здесь средних сарматов на раннем этапе, приход собственно алан из Центрального Предкавказья видится недостаточно аргументированным.

По моему мнению, подкурганные катакомбы были привнесены на Северный Кавказ из Средней Азии (Габуев, Малашев, 2009. С. 106-114). В полемике со мной о невозможности этого, В.Ю. Малашев выдвинул несколько аргументов. Остановлюсь на главных. Первый – курганы и ровики. Первоначально В.Ю. Малашев полагал, что важнейшим признаком, характеризующим ранних алан, являются подкурганные катакомбы с ровиками, которые в Средней Азии не представлены. Из этого следовало отрицание идеи привнесения катакомбы с востока. До выявления курганов без ровиков у Киевского городища этот аргумент часто приводился, но позже на него автор уже не опирался (Малашев, 2016). Вторым аргументом – хронологический. Первоначально катакомбы Средней Азии рассматривались, как явление достаточно позднее (Габуев, Малашев, 2009. С. 156). Но после установления факта существования катакомб с I в. н.э. (Малашев, Торгоев, 2018) без поправки на конец века, и этот аргумент не следует рассматривать как определяющий. Третий аргумент – об удаленности районов распространения катакомб в Средней Азии и на Северном Кавказе и отсутствии катакомб на территориях между этими регионами. В данном случае отвергается возможность прохождения большого расстояния кочевниками в короткие сроки. Примеров же в древней истории немало, когда номады покрывали огромные расстояния за очень короткое время (походы алан в Закавказье и на Дунай, движение гуннов, монголов и др.). Так, миграция юечжей из провинции Ганьсу в Китае в Семиречье на земли народа сэ заняла, по подсчетам Л.М. Боровковой, около года, при расстоянии между этими областями в 2100 км (Боровкова, 2001. С. 110). Расстояние же, например, от Кзыл-Орды до Моздока не превышает 2500 км, и его покрытие могло занять значительное время, но не превышать нескольких лет. Вряд ли правители племен, замыслившие те или иные переселения, полагали, что эти миграции могут занять жизнь нескольких поколений. При столь стремительных передвижениях вряд ли стоит серьезно требовать обязательного наличия открытых (и исследованных) погребальных памятников, маркирующих путь следования переселяющегося социума.

Сказанное свидетельствует о нерешенности проблемы генезиса раннеаланской культуры Северного Кавказа на той базе источников, которой мы сейчас обладаем.

Литература

1. Боровкова Л.М. 2001. Царства “Западного края” в II-I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из “Ши цзи” и “Хань шу”. М.
2. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
3. Малашев В.Ю. 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М.
4. Малашев В.Ю. 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.
5. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала.
6. Малашев В.Ю., Дзуцев Ф.С. 2016. Парадные сбруйные наборы III в.н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В.Ю. 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.
7. Малашев В.Ю., Торгоев А.И. 2018. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // РА. № 4.

Гаглойти Р.Х.

Юго-Осетинский НИИ им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЗАУССКОГО РАЙОНА ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД)

1. Территория, занимаемая Южной Осетией, богата памятниками культурного наследия, в т.ч. и археологического, причем, именно в археологическом отношении она представляет значительный интерес, т.к. на этой территории выявлен ряд важнейших памятников от эпохи палеолита и до зрелого средневековья.

2. Важность археологического изучения территории Южной Осетии заключается в том, что она занимает южные склоны Центрального Кавказа, где с древнейших времен функционировали перевальные пути, используемые представителями разных племенных, государственных, культурно-политических образований. Именно через эти пути распространялись культуры закавказских и переднеазиатских племен на северные склоны Большого Кавказа и наоборот (Техов, 1974. С. 5). Эта территория фактически явилась одним из связующих звеньев между древним Востоком и Передней Азией, с одной стороны, и Северным Кавказом и Юго-Восточной Европой, с другой. Несомненно, что именно этот фактор позволяет нам констатировать факты нахождения в памятниках культурного наследия из Южной Осетии предметов из разных отдаленных от Кавказа культурных регионов.

Еще Е.И. Крупнов отмечал, что «...хребты Центрального Кавказа три-пять тысяч лет тому назад не были для кавказских племенных групп разделяющей преградой» (Крупнов, 1960. С. 350). Это касается, конечно же, не только кавказских племенных групп, но и племенных групп, живущих на сопредельных с Кавказом территориях.

3. Одним из основных видов контактов были торговые связи, игравшие важную роль в экономической, культурной, политической и социальной жизни общества, причем через них «шел не только обмен необходимыми и новыми товарами, заморскими экзотическими изделиями, но происходило широкое заимствование культурных, хозяйственно-технических достижений, знаний, идей, ценностей, традиций, осуществлялось познание окружающего мира» (Гаджиев. 1997. С. 3).

4. Значимые археологические памятники Дзаусского района Южной Осетии расположены в верхнем и среднем течении р. Большая Леуахи (Лиахви), с ее притоками из разных ущелий, которые с древнейших времен были густо заселены.

В 1870-х гг. в этом районе были проведены первые археологические изыскания, которые осуществил корреспондент Российской Императорской Археологической комиссии В.И. Долбежев, южнее с. Едыс – здесь им было вскрыто ок.30 погребений (Техов. 1971. С. 11), а в 1890 г. он провел раскопки в с. Дыргджын (Долбежев, 1901. С. С.233-251). Как считал Е.И. Крупнов, «ни до него, ни после, никто из местных исследователей не охватил столько археологических объектов своими работами, как В.И. Долбежев» (Крупнов. 1960. С. 33). Этой точки зрения придерживался Л.П. Семенов (Семенов, 1930. С. 211).

После В.И. Долбежева, в 1891 г. Южную Осетию посетила председатель Московского археологического общества, графиня П.С. Уварова, которая провела небольшие раскопки в с. Тли (Уварова, 1900).

5. До 1920-х гг. в Дзаусском районе, как и на всей территории Южной Осетии, никаких работ археологического характера не проводилось. В 1924 г. по решению Закавказской научной ассоциации были возобновлены археологические изыскания в Южной Осетии, в частности, в Дзаусском районе, где работали археологи С.М. Тер-Аветисян, Е.Г. Пчелина и этнограф Г.Ф. Чурсин. Результаты работ были освещены в книге «Краткий историко-археологический очерк страны Ирон Хуссар», автором которой являлась Е.Г. Пчелина (2013. С. 250-271).

В 1924 г. в Южной Осетии провел полевые исследования доцент Тифлисского университета Л.М. Меликсетбеков, опубликовавший по итогам работ статью «К археологии и этнологии Туальской Осии», в которой, правда, больше места уделено памятникам архитектуры (Меликсетбеков, 1925. С. 252-278).

С 1926 г. археологические работы в Южной Осетии и, в частности, в Дзаусском районе расширяются, приобретают систематический характер. Е.Г. Пчелина проделала большую работу по фиксации и изучению памятников материальной культуры Южной Осетии, собрала материал по древней металлургии и металлообработке и впервые составила карту Южной Осетии. В 1926 г. она обследовала могильник близ с. Сохта Дзаусского района (Пчелина, 1968. С.131-154; Куфтин, 1949. С. 21-23).

Начиная с означенного периода на территории Южной Осетии и в частности, Дзаусского района, были проведены десятки археологических экспедиций, результатом которых явилось открытие серии памятников, начиная с эпохи палеолита и до раннего средневековья.

В 1955 г. Юго-Осетинский НИИ провел археологические работы у с. Стырфаз, где был обнаружен могильник античного и раннесредневекового периодов. С 1965 г. археологические изыскания были проведены близ селений Дзрия, Дыргджын, Ходз, Сохта, Урсдзуар, Рук, Морго, Стырфаз, Едыс и др. Наиболее исследованным из вышеперечисленных памятников античного времени, выявленных в Дзаусском районе Южной Осетии, явились Сохтинский и Стырфазский могильники.

6. Артефакты из исследуемых памятников античного времени Южной Осетии представлены большим разнообразием (керамика, украшения, монеты, глиптика и т.д.). Интерес вызывают бусы, серьги, браслеты, булавки, фибулы, ажурные поясные пряжки, по которым можно проследить не только торгово-культурные связи населения интересующего нас этногеографического района, но и место насельников изучаемой зоны среди племенных образований Кавказа, и в частности, его Центральной зоны. Этот материал, подвергнутый соответствующей научной классификации, дает возможность освещения важных вопросов социально-экономического развития, истории материальной и духовной культуры местного населения.

К сожалению, малое количество материалов из бытовых памятников (поселений, городищ) не позволяет в должной мере изучить многие моменты истории населения данной области. Надеемся, последующие масштабные изыскательские работы на территории Южной Осетии, в т.ч. в Дзаусском районе, дадут возможность углубленного изучения проблем древней и средневековой истории Центрального Кавказа.

Литература

1. Гаджиев М.С. 1997. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.

2. Долбежев В.И. 1887. Краткий очерк о раскопках в с. Едыс // Рукописный архив ЛОИА, ф.1. д. №39. С-Петербург.
3. Крупнов Е.И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
4. Куфтин Б.А. 1949. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси.
5. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып.VIII. М.
6. Меликсетбеков Л.М. 1925. К археологии и этнологии Туальской Осии // Труды Закавказской Научной Ассоциации. Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Серия 1. Вып. 1. Тифлис.
7. Долбежев В.И. 1901. Извлечение из отчета В.И. Долбежева в 1898 г. // ОАК за 1898 г. СПб.
8. Пчелина Е.Г. 1968. Погребальные комплексы Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Вып. XV. Тбилиси.
9. Пчелина Е.Г. 2013. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон - Хуссар (Юго-Осетии) // Ossetica: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ.
10. Семенов Л.П. 1930. В.И. Долбежев, как археолог-кавказовед // Известия Горского педагогического института. Т.VII. Владикавказ.
11. Техов Б.В. 1971. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси.
12. Техов Б.В. 1974. Стырфазские кромлехи. Цхинвал.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Гараев И.А.

ООО «Ирида», пос. Волна

К ВОПРОСУ О СКИФСКОМ ВЛИЯНИИ НА ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА «ВОЛНА-1»

Хорошо известно, что территория Боспорского государства была зоной активных политических, экономических, культурных контактов. Образцом таких контактов являются материалы грунтового могильника «Волна-1», исследовавшегося экспедицией ООО «Ирида» (2015-2018 гг.) и Сочинской экспедицией ИА РАН (2016-2018 гг.). За это время на могильнике было открыто 1381 погребение, относящиеся к VI-II вв. до н.э., в которых можно выделить элементы погребальной обрядности, сформировавшейся под влиянием традиций различных народов: греков, меотов, скифов. В работе использован материал раскопок, проведенных экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур, которой автор выражает признательность за предоставленный материал и ценные консультации.

К VI в. до н.э. скифы являлись наиболее мощной в военном отношении группировкой в регионе (Гайдукевич, 1949. С. 41), и поэтому неудивительно, что они оказали сильное влияние на военное дело местного населения, что не могло не отразиться на погребальном обряде. Главным образом, это относится к наличию в погребениях мечей (в 28 погребениях из 783). 17 мечей относятся к скифским (рис. 1, 1-4, 7-12) – отделы I и II по А.И. Мелюковой (1964. С. 46-60), 2 меча – однолезвийные (рис. 1, 5,6).

11 мечей датируются первой-второй четвертью V в. до н.э., 12 мечей – рубежом V-IV вв. до н.э. По археологическим и письменным источникам в это время отмечаются серьезные военные конфликты на территории Тамани (Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 46, 73). Правители Боспора всегда активно пользовались услугами наемников, в т.ч. скифов (Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 91), а курганы варварской знати вокруг боспорских городов свидетельствуют о союзнических связях с теми или иными группами кочевников (Виноградов, 2001. С. 78). Вероятно, не было исключением и поселение «Волна-1».

Скифское влияние проявилось и в способе ношения меча. На положение меча в погребении обратил внимание еще Н.И. Сокольский. Он же связал способ ношения меча с этническим происхождением его обладателя: скифским обычаем является ношение меча у правого бедра, греческим – у левого, а поперек костяка от правой руки до левого бедра – синдским. Причем последний случай исследователь считал не способом ношения, а элементом погребального обряда (Сокольский, 1954. С. 127-132).

Однако, характерным для скифов следует признать и ношение меча спереди, от правой руки до левого бедра. Причем этот обычай распространяется с конца VI в. до н.э. и исчезает к IV в. до н.э. Это подтверждает изображение воинов на скифских каменных изваяниях (рис. 1, 42,43) (Мелюкова, 1964. С. 63. Табл. 5), и археологический материал грунтовых и курганных могильников – например, «Артющенко-2» или курган у с. Новая Розановка (Ворошилов, Кашаев, 2010. С. 83; Ольховский, 1991. С. 69-109; Шапошникова, 1970. С. 208-213), куда традиция такого ношения меча могла прийти с новой волной кочевников – так называемых «царских» скифов (Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 46).

Другим способом ношения меча было привязывание его к ноге. В погребении такой меч фиксируется на правой или левой бедренной кости. Такое ношение меча было характерно не только для скифов (Мелюкова, 1964. С. 63), но и для сарматов (Хазанов, 1971. С. 27).

Анализ материалов могильника «Волна-1» показывает, что поперек костяка мечи положены в девяти погребениях (рис. 1, 41): шесть из них датируются первой-второй четвертью V в. до н.э., а три – концом V – нач. IV в. до н.э. Мечи, которые были привязаны к ноге, открыты в трех погребениях и датируются первой пол. V в. до н.э. Таким образом, из 10 погребений с мечами первой пол. V в. до н.э. в девяти налицо признаки влияния скифской традиции ношения меча. К рубежу V-IV вв. мечи, лежащие поперек костяка, фиксируются только в трех погребениях, тогда как количество погребений с мечами слева увеличивается до шести. Способы ношения меча на поясе спереди или привязанные к ноге фиксируются в погребениях могильника, относящихся к периодам военной нестабильности на территории Таманского полуострова, что, возможно, связано с присутствием в регионе наемников – носителей данных традиций.

Другим типично скифским предметом вооружения являются бронзовые наконечники стрел и часто им сопутствующие, железные. В 33 погребениях могильника найдено 107 экз. бронзовых (рис. 1, 13-33) и 26 экз. железных (рис. 1, 34-40) наконечников. Бронзовые наконечники стрел – трехгранные и трехлопастные, со скрытой или выступающей втулкой (II и III отделы – Мелюкова, 1964. С. 23-29), железные – трехлопастные с выступающей втулкой. Колчанные наборы (от 5 до 24 экз.) выделяются лишь в 8 погребениях; в них стрелы лежали группами слева от погребенного, либо рядом с мечом или копьем. В остальных погребениях находилось по 1-2 стрелы, либо стрелы были разбросаны по погребению. Считается, что единичные экземпляры стрел в погребениях колоний Северного Причерноморья имели скорее религиозное значение и связывались, например, с культом Аполлона (Сударев, 1999. С. 220-221). При этом обращалось внимание на то, что такие стрелы располагаются в нехарактерных для колчаных наборов местах: под плечом, тазом, у рук или головы (Сударев, 1999. С. 221-223). Но подобный ритуал встречен во многих скифских погребениях Северного Причерноморья (Ольховский, 1991. С. 69, 88, 107), что указывает на определенный обычай, но не связанный с культом Аполлона.

В могильнике «Волна-1» к первой-второй четверти V в. до н.э. относится 5 погребений, в которых наконечники стрел найдены в единственном экземпляре. С сер. V в. до н.э. погребения со стрелами не встречаются. Только в конце V – нач. IV в. до н.э. происходит резкое их увеличение – 19 погребений: в 6 были открыты «колчаные наборы», а в 13 – отдельно лежащие наконечники (1-3 экз.).

Таким образом, как и в случае с мечами, мы можем проследить зависимость данной погребальной традиции от роста или снижения военной напряженности. Причем эта традиция связана с конкретными предметами (мечи и стрелы), которые можно соотнести с определенной культурой и, соответственно, с ее влиянием. Прослеживаемые в погребениях могильника «Волна-1» обычаи ношения меча спереди, положение его в погребении поперек костяка и размещение стрел в колчаных наборах и поштучно может быть связаны с присутствием в регионе в тот период наемных воинских контингентов скифского происхождения.

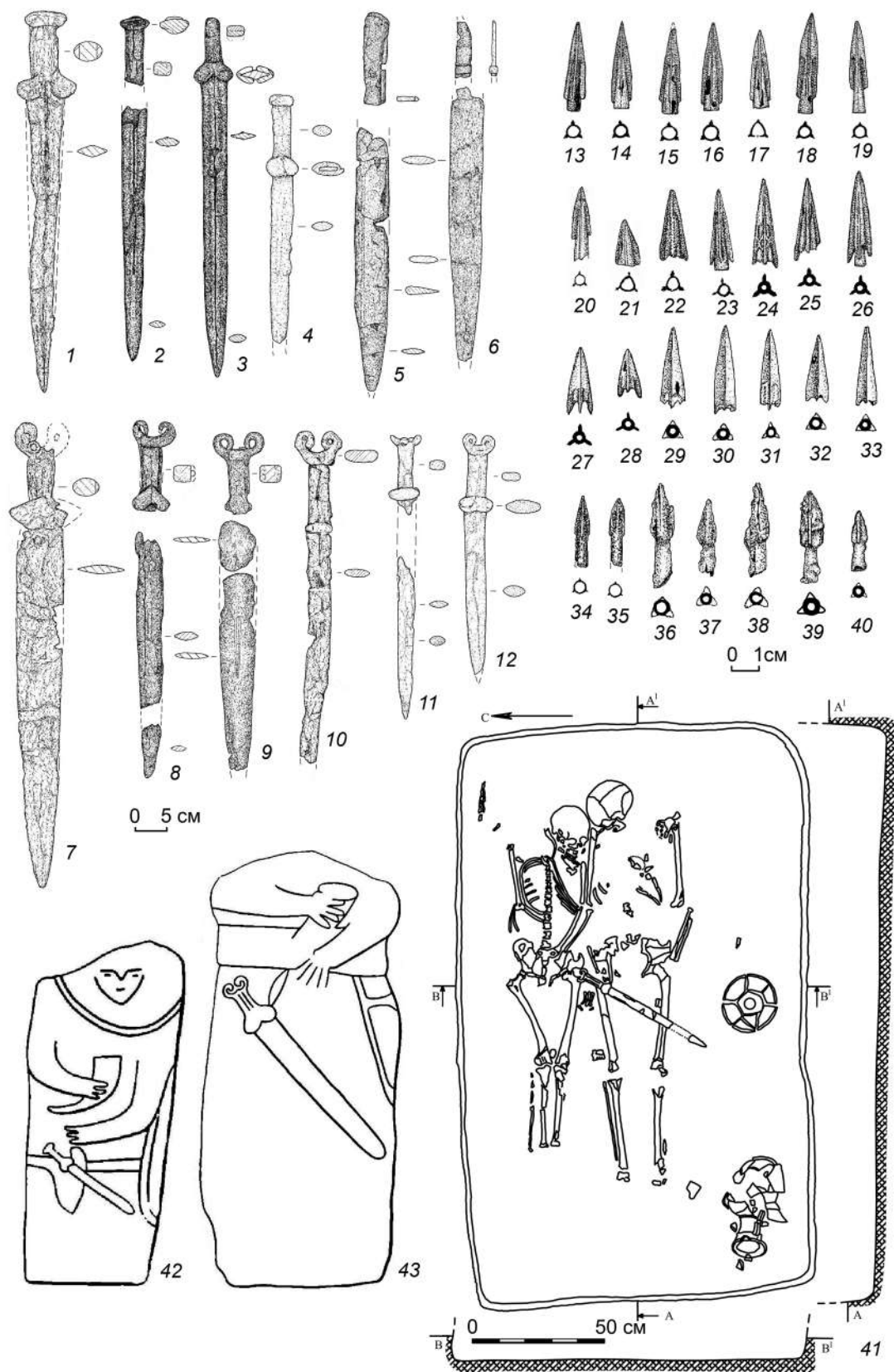

Рис. 1. Грунтовый могильник «Волна-1». Инвентарь погребений: 1-12 – мечи, 13-40 – наконечники стрел. 1-12, 34-40 – железо, 13-33 – бронза. 41 – план и разрезы погр. 24. 42, 43 – скифские каменные изваяния.

Литература

1. Виноградов Ю.А. 2001. Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. № 4.
2. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.
3. Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. 2010. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // Древности Боспора. Вып. 14. М.
4. Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.
5. Мелюкова, А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.
6. Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.
7. Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи // МИА. № 33.
8. Сударев Н.И. 1999. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора. Вып. 2.
9. Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
10. Шапошникова О.Г. 1970. Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация) // СА. № 3.

Джигунова Ф.К.

Национальный музей Республики Адыгея, г. Майкоп

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА ПСЕКУПСКИЙ 1

Раскопки кургана 1 у пос. Псекупский проводились в 2006 г. В кургане было зафиксировано 28 комплексов, включающих керамическую посуду, предметы быта, украшения, ритуальные предметы, оружие, конскую упряжь. Большая часть комплексов располагалась в южной поле кургана. Погребений в кургане не обнаружено. В соответствии с классификацией В.Р. Эрлиха памятник атрибутирован как святилище первого типа (Эрлих, 2001; Эрлих, 2002. С. 7-17; Джигунова, Эрлих, 2008. С. 146-147).

Керамическая посуда является самой массовой категорией находок – обнаружено ок.110 ед. Количество сосудов в комплексах распределено неравномерно – от одного до нескольких десятков. Встречаются как целые сосуды, так и отдельные фрагменты. В целом керамический комплекс представлен столовой, кухонной и тарной посудой.

Столовую посуду составляют кувшины, миски, кружки, вазочки.

Все кувшины гончарные с округлым туловом, раструбным горлом, на невысоком кольцевом поддоне. Значительно преобладают серые сосуды, встречаются и красноглиняные. В зависимости от конструктивных особенностей и размеров кувшины можно разделить на группы.

Небольшую группу составляют кувшины без ручек, яйцеобразной формы, узким горлом, сильно отогнутым венчиком. Поверхность орнаментирована вертикальными валиками, горизонтальным лощением на плечиках. В одном случае в верхней части тулова кувшина имелся декор в виде трех треугольников, состоящих из трех полусферических выступов.

Наиболее многочисленной является группа одноручных кувшинов яйцеобразной формы на низком кольцевом поддоне или с вогнутым дном. Ручки в сечении овальные или с продольным желобком, одним концом крепятся к венчику, другим – к корпусу.

Одним экземпляром представлен невысокий кувшинчик с двумя ручками, которые крепятся к краю венчика и тулову (d тулова = 9 см, d венчика = 7 см).

Среди кувшинов имеются небольшие изделия, высотой в среднем 10-12 см с округлым туловом на низком кольцевом поддоне, ручка крепится к краю и середине тулова.

К столовой посуде относятся гончарные и лепные миски.

Гончарные миски – сероглиняные, на низком кольцевом поддоне либо с вогнутым дном. Тулово биконическое или с округлыми стенками; d дна в среднем = 5-6 см, h = 5-6 см, d тулова = 17-18 см, d венчика = 15-16 см.

Лепные миски – острореберные или со скругленными стенками, плоскодонные, коричневоглиняные; d дна = 6-8 см, d тулова = 16-18 см, h = 5-6 см.

Встречаются миниатюрные гончарные и лепные чашечки (h = до 4 см и d = до 6 см) с плоским дном.

Также к столовой посуде относятся немногочисленные кружки. Они однотипные гончарные, сероглиняные, со слегка расширяющимися стенками и одной ручкой, на низком кольцевом поддоне или с плоским дном. Ручка верхним концом крепится к краю венчика,

а нижним – к середине тулова. У одного экземпляра приостренный носик; h кружек = 12-13 см, d дна = 4 см, d венчика = 9 см.

В двух комплексах встречены небольшие сероглиняные гончарные вазочки на полый конической ножке, стенки расширяются, венчик отогнут наружу; d венчика = ок.15 см, d дна = 5 см, h = 5-7 см.

Кухонная посуда представлена лепными горшочками, с большой примесью дресвы, песка. По форме они однотипны: плоскодонные, с округлым или яйцеобразным туловом; d дна = 4-6 см, d тулова = 8-12 см, d венчика = 5-8 см, h = 9-12 см.

В одном комплексе обнаружена лепная курильница с плоским дном, округлым туловом, стенками вовнутрь. На плечиках – две горизонтальные ручки-выступы. Поверхность орнаментирована: под венчиком – горизонтальный опоясывающий валик, от которого вниз спускаются 6 вертикальных валиков. Размеры курильницы: h = 6,5 см, d дна = 7 см, d тулова = 16 см, d венчика = 10 см.

В кургане обнаружен ритуальный комплекс: в небольшом горшке находилось 7 лепных миниатюрных сосудов-баночек с плоским дном и прямыми стенками, высотой 2-4 см, диаметром 2-4 см.

В трех комплексах обнаружены амфоры, которые предварительно определены как косские и кидские.

Практически все сосуды, обнаруженные в кургане, имеют широкие аналогии в памятниках Прикубанья (Лимберис, Марченко, 2005. С. 219-324).

На основании предметов материальной культуры, в т.ч. амфор, горгонейонов и др., памятник датируется III в. до н.э. (Эрлих, 2012. С. 467-491). Керамический комплекс является характерным для меотских памятников этого времени.

Литература

1. Джигунова Ф.К., Эрлих В.Р. 2008. Меотский курган–святилище из Теучежского района Адыгеи // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Тезисы докладов. Владикавказ.
2. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар.
3. Эрлих В.Р. 2001. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени (к постановке проблемы) // Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб.
4. Эрлих В.Р. 2002. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир-Москва.
5. Эрлих В.Р. 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. М.

Джопуа¹ А.И., Ньюшков² В.А. Счастный¹ Д.А.

¹Абхазский государственный музей, г. Сухум

²Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, г. Сухум

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ФОНДОВ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Ежегодные археологические раскопки в республике являются главным источником пополнения фондов Абхазского государственного музея. Однако, нередко в музейные коллекции поступают и случайные находки. Как правило, их обнаруживают местные жители на своих приусадебных участках во время земляных работ. В 2018 г. в Абхазский государственный музей было передано восемь предметов вооружения разных эпох, а именно три топора, один акинак, один наконечник стрелы и три наконечника копий, о которых и пойдет ниже речь.

Бронзовый топор колхидского типа (Рис. 1, 7) с полукруглым лезвием, овальным проухом с тремя ребрами на каждой стороне и конусовидным обухом в виде шляпки. Корпус топора имеет шесть граней. Химический состав: медь – 97%, мышьяк – 1%, имеются следы железа (возможно от сверла). Общая длина топора – 18,2 см. Ширина лезвия – 6,7 см. Верхняя длина проуха – 4,4 см, нижняя длина – 4, 1 см. Верхняя ширина проуха – 2,8 см, нижняя ширина – 2,6 см. Проух и обух топора асимметричны. По всей видимости, у мастера не хватило металла во время литья меди в форму.

Топоры этого типа широко представлены в Абхазии. О.М. Джапаридзе в своей классификации относит данные экземпляры к типу II (Джапаридзе, 1953. С. 285), а по классификации П.С. Уваровой они относятся к типу «Б» (Уварова, 1900. С. 15-16. Табл. IV, 3, 4). Сюда же можно отнести топоры из грунтового погребения на Сухумской горе (VII-VI вв. до н.э.) (Трапш, 1970. С. 121), из с. Лабра (Стражев, 1926. С. 109) и с. Члоу Очамчирского района. Также, как и большинство подобных находок, они были отнесены к категории кладов и датированы IX-VIII вв. до н.э. (Джопуа, 1990. С. 17-18).

Бронзовый топор колхидского типа (рис. 1, 8) с полукруглым лезвием. Проух и обушная части были утеряны в древности. Химический состав: медь – 89%, олово – 9%; имеются следы железа и мышьяка. Длина сохранившейся части – 10,2 см, ширина лезвия – 8,5 см. Массивный корпус топора, также как и предыдущий экземпляр, имел шесть граней. Все перечисленные признаки позволяют отнести данный образец к типу II по классификации О.М. Джапаридзе или к типу «Б» по классификации П.С. Уваровой.

Массивная боевая часть данного топора очень похожа на другой, целый экземпляр, выставленный в экспозиции АГМ.

Железная секира (рис. 1, 6) с полукруглым асимметричным лезвием и длинной бородкой, резко профилированной обушной частью и округлым молоточковидным обухом в виде шляпки. Общая длина – 17 см. Ширина лезвия – 10,6 см. Диаметр шляпки обуха – 2,8 см. Корпус секиры в горизонтальной плоскости имеет следы шести граней. Перпендикулярно им с обеих сторон проуха расположено по одной грани, образованных четырьмя обломанными зубцами. Длина зубцов – 4,8 см. Форма проушного отверстия прямоугольная с закругленными углами, длина – 2,8 см, ширина – 1,8 см.

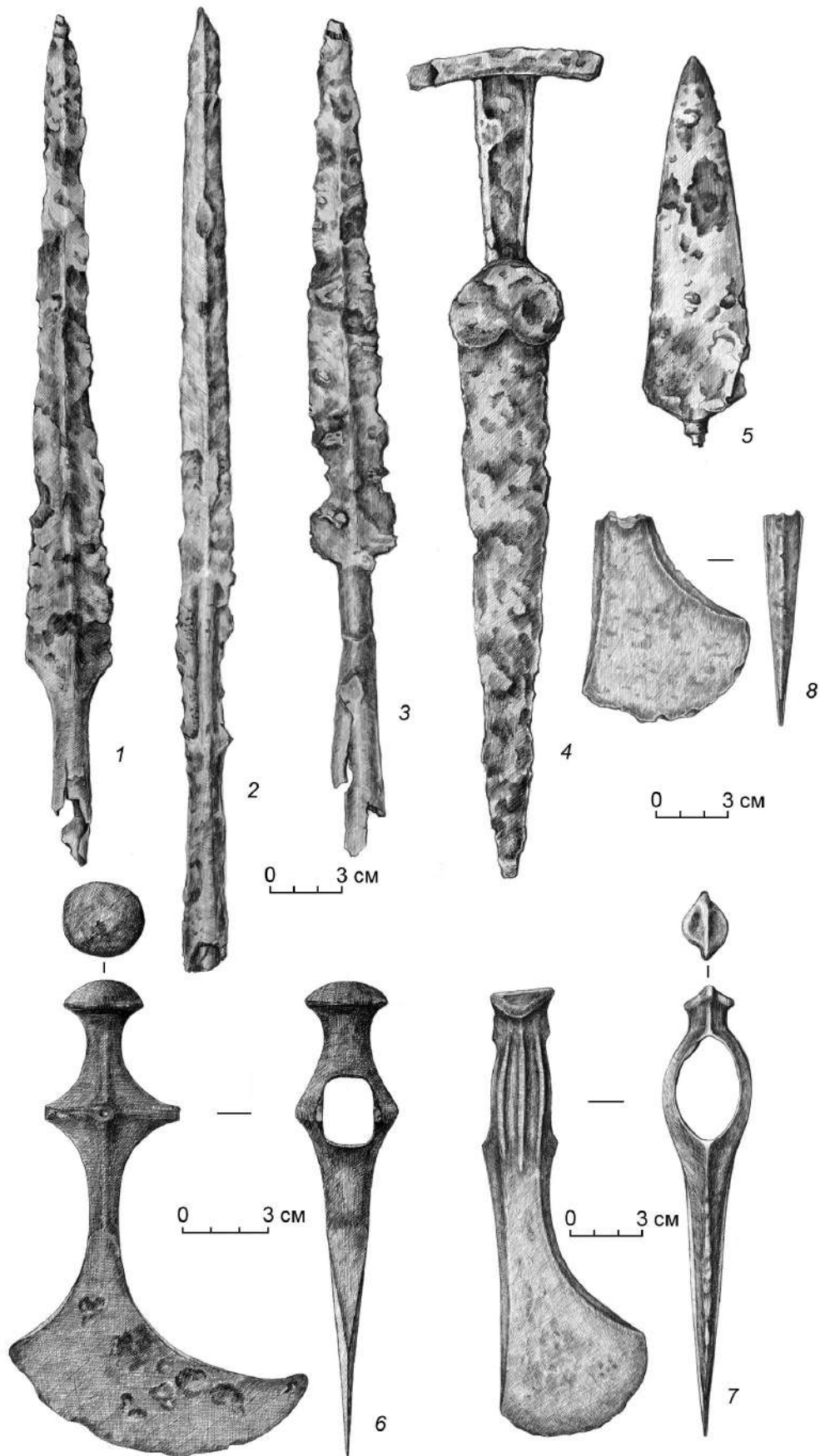

Рис. 1. Предметы вооружения из фондов Абхазского государственного музея.

Основная масса находок топоров данного типа в Абхазии сосредоточена в окрестностях Диоскуриады (Сухум) и датируются они V-III вв. до н.э. (Трапш, 1969. С. 242), IV-III вв. до н.э. (Каландадзе, 1953. С. 78), IV-II вв. до н.э. (Воронов, 1975. С. 221-222).

Три железных наконечника копий ромбического сечения (рис. 1, 1-3). Наконечник № 1 (рис. 1, 3): общая длина – 38,5 см, ширина пера у основания – 3,8 см, длина сохранившейся части втулки – 12 см, диаметр – 1,9 см. Плечики отходят от втулки под углом около 110°. Форма пера имеет очертания вытянутого треугольника, плавно сужающегося от основания к острию. Наконечник № 2 (рис. 1, 1): общая длина – 39 см, ширина пера у основания – 3,7 см, длина сохранившейся части втулки – 8 см, диаметр – 1,6 см. Плечики плавным изгибом вовнутрь переходят в перо. Форма пера имеет очертания вытянутого треугольника, плавно сужающегося от основания к острию. Наконечник № 3 (рис. 1, 2): общая длина – 44 см, ширина пера у основания – 2,4 см, длина сохранившейся части втулки – 10 см, диаметр – 1,9 см. Перо вытянутое, узкое по всей длине с выраженным ромбическим сечением. От основания пера на высоту до 9 см прослеживается четкая штамповка закрытого типа, что является характерным признаком для древнеабхазских наконечников II-VII вв. (Воронов, 2003. С. 66. Рис. 161, 6; Казанский, Мастыкова, 2008. С. 106).

Наконечник стрелы уплощенно-ромбического сечения (рис. 1, 5). Общая длина – 13,2 см, ширина у основания пера 3,5 см, черенок не сохранился за исключением шейки пера. Плечики отходят от шейки под углом около 120°. Похожие по ряду признаков экземпляры наконечников происходят с жертвенника на перевале Напра и отнесены исследователями к IX-XI вв. вплоть до XIV в. (Бгажба, Воронов, 1978. С. 189; Воронов, Левинтас, 1982. С. 15-19).

Акинак с клинком уплощенно-ромбического сечения и изогнутым навершием (рис. 1, 4). Общая длина – 27,7 см, длина клинка – 18,7 см, ширина клинка у основания – 3 см, высота почковидного перекрестья – 2,8 см, ширина почковидного перекрестья – 3,8 см, длина рукояти – 6,3 см, максимальная ширина – 2 см, минимальная ширина – 1,4 см (с обеих сторон рукояти вдоль всей ее длины отчетливо читаются бортики (валики) толщиной до 0,4 см, между которыми, видимо, помещался некий декоративный материал), длина навершия – 6,7 см, ширина навершия – 0,8 см, максимальная толщина навершия (посередине) – 0,7 см. Концы навершия сплющены. По аналогиям, в т.ч. из Абхазии, данный тип кинжалов можно датировать VI-V вв. до н.э. и связать с влиянием скифского мира (Воронов, 1975).

Таким образом, поступившие в Абхазский государственный музей разновременные предметы пополняют корпус археологических артефактов по истории вооружения и со всей очевидностью указывают на существование у местного древнеабхазского населения развитых форм оружия, находящего аналоги в соседних регионах.

Литература

1. Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. 1978. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии (жертвенник на перевале Напра) // Изв. Абхазского института истории, языка, литературы и искусства.
2. Вып. VII. Тбилиси.
3. Воронов Ю.Н. 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э. // Скифский мир. Киев.
4. Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. 1982. По древним тропам горной Абхазии. Сухуми.
5. Воронов Ю.Н. 2003. Могилы апсиллов. Пущино.
6. Джапаридзе О.М. 1953. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА. № XVIII.

-
-
7. Джопуа А.И. 1990. Клад бронзовых топоров из с. Члоу // Археологические открытия в Абхазии. 1985 г. Тбилиси.
 8. Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2008. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум.
 9. Каландадзе А.Л. 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми.
 10. Стражев В.И. 1926. Бронзовая культура Абхазии // Изв. Абхазского Научного Общества. Вып. IV. Сухум.
 11. Трапш М.М. 1969. Труды. Древний Сухуми. Т. II. Сухуми.
 12. Трапш М.М. 1970. Труды. Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Т. I. Сухуми.
 13. Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа. / МАК. Вып. VIII. М.
 14. Шамба Г.К. 2000. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум.

Дмитриев¹ А.В., Малышев² А. А.

¹Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск,

²Институт археологии РАН, г. Москва

МЫСХАКСКИЙ НЕКРОПОЛЬ (РАСКОПКИ 1978-1979 гг.): ХРОНОЛОГИЯ, ПЛАНИГРАФИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Исследования проведены по гранту РФФИ, проект № 18-09-40121 («Древности»)

В результате разведочных, а затем стационарных работ в конце 1960-х гг. в научный оборот были введены данные о многослойном поселении в долине р. Мысхако. Слои эпохи энеолита (майкопской культуры) (Дмитриев, 1984) перекрывали отложения античного времени (рубежа эр и римского времени) (Дмитриев, Малышев, 2005).

Спустя десятилетие, в 1978 г., в обрыве морского берега, в долине безымянного ручья, А.В. Дмитриевым были обнаружены остатки древних захоронений античной эпохи. Выше по склону, на территории пос. Мысхако, было доследовано несколько погребений эпохи средневековья (погр. 2, 3), которые были включены в общую нумерацию.

В прибрежной части работы были продолжены в 1979 г. А.В. Дмитриевым и Н.А. Онайко (Онайко, Дмитриев, 1980; Дмитриев, 1996). На площади ок. 1100 м² была выявлена сложная стратиграфия: помимо погребальных комплексов античного времени, зафиксированы захоронения эпохи бронзы и объекты (хозяйственные ямы) поселения римского времени. Значительная часть захоронений оказалась связана с невысокими каменными насыпями (рис. 1).

Таким образом, за два полевых сезона (1978-1979 гг.) было исследовано 81 комплекс, что составляет не более 18% от известных на памятнике погребений. Наиболее представительными оказались группы захоронений эпохи бронзы и раннеримского времени, единичны комплексы римского времени и эпохи Великого переселения народов. Уникален как для данного памятника, так и для всего полуострова Абрау, комплекс захоронений эпохи бронзы: на других участках Мысхакского некрополя погребения этого времени не обнаружены.

Впоследствии на территории пос. Мысхако был исследован обширный некрополь античного времени, второй по величине после горгиппийского (Малышев, Батченко, 2018). Наиболее значительный располагался на юго-восточном склоне Западного холма, его исследования были проведены А.В. Дмитриевым в 1990-1992 гг. (359 комплексов). Небольшое количество погребальных комплексов обнаружено на левом берегу р. Мысхако (10 комплексов), а также в культурном слое поселения античного времени на Восточном холме (2 комплекса).

Литература

1. Дмитриев А.В. 1984. Поселение Майкопской культуры на Мысхако // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп.
2. Дмитриев А.В. 1996. Некрополь римского времени в пос. Мысхако // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа/ XIX Крупновские чтения. Тезисы докладов. М.

3. Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2005. Мысхакское поселение – античный мир Бата на Торетском мысу // На юго-восточных рубежах азиатского Боспора. Москва – Новороссийск.
4. Малышев А.А., Батченко В.С. 2018. Полуостров Абрау в античную эпоху (историографический очерк) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4 (62).
5. Онайко Н.А., Дмитриев А.В. 1980. Раскопки античного могильника у пос. Мысхако // АО 1979 г. М.

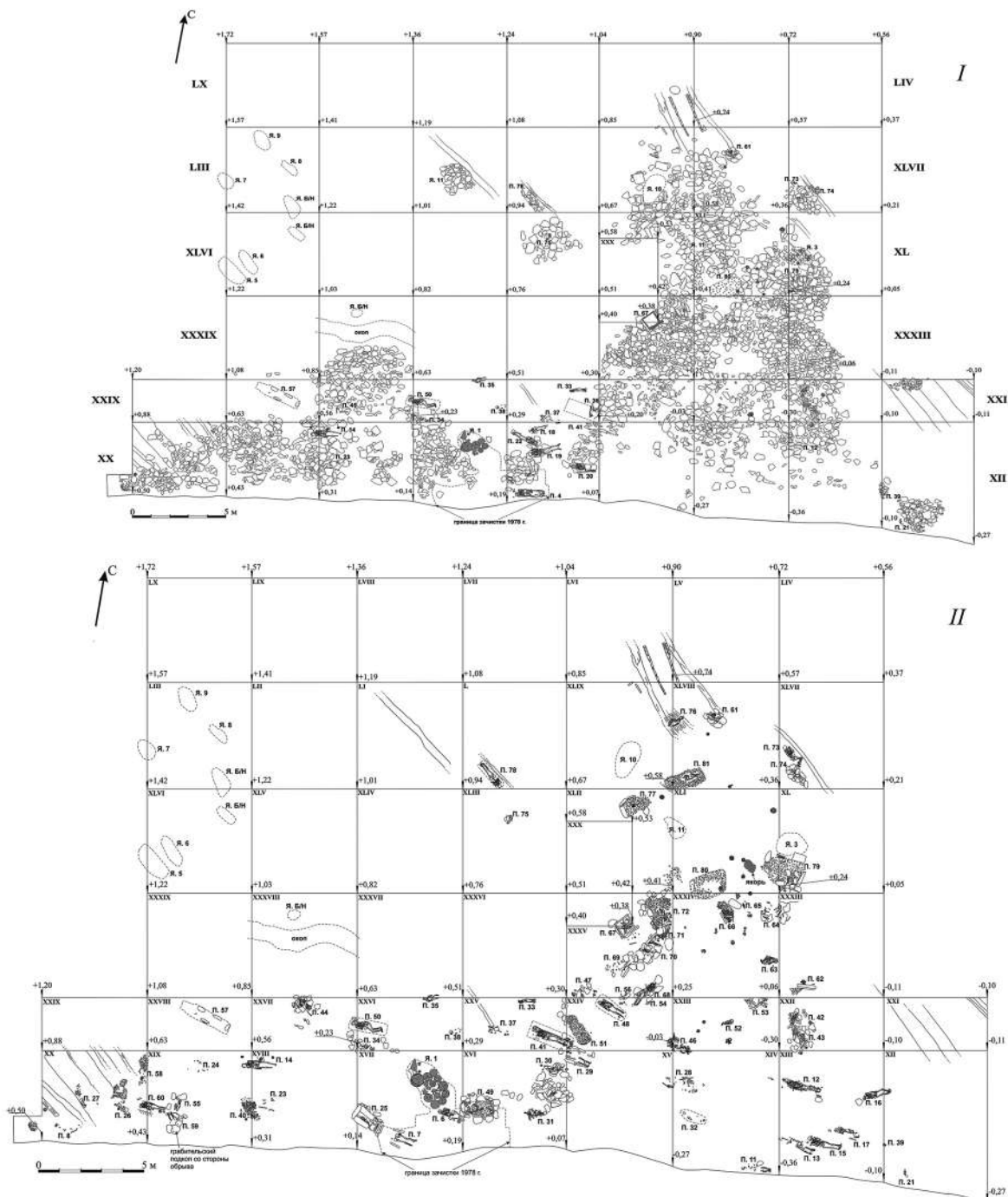

Рис. 1. Мысхакский некрополь. План раскопок участка 1978-1979 гг.:
I – первый уровень, II – уровень.

Дударев С.Л.

Армавирский государственный педагогический университет

ЕЩЕ РАЗ О СВЯЗЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ВОЛГО-КАМЬЕМ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Вопрос о связях Северного Кавказа с Поволжьем был поставлен специалистами давно (А.А. Спицын, В.А. Городцов, А.М. Тальгрэн). Эта тема была вновь поднята в 1950-х – нач. 1970-х гг. (Крупнов, 1960. С. 119, 121, 294, 343-344 и др.; Смирнов, 1973. С. 130-135; Виноградов, 1972. С. 124-127). Данные авторы писали о торговом и культурном характере этих связей в сер. I тыс. до н.э. между кобанскими и ананьинскими племенами, подчеркивая их преимущественно кавказско-поволжское направление.

Новое проявление интереса археологов к северокавказско-поволжским связям, обусловленное развернувшимися исследованиями ананьинских и раннеананьинских погребальных памятников Волго-Камья, имело место в 1970-е гг. (Халиков, 1977). Временная неполнота информации о сделанных здесь открытиях, в т.ч. связанных с выявлением предметов кавказского происхождения, иногда порождала недоразумения. В 1975 г. в статье В.И. Козенковой было указано, что в погребениях Старшего Ахмыловского могильника в Поволжье найдены искаженные поздние варианты бронзовых топоров кобанского типа (Козенкова, 1975. С. 101). В 1977 г. А.Х. Халиков конкретно перечислил все 5 известных тогда находок бронзовых топоров колхидо-кобанского типа из Волго-Камья, ни одна из которых не была связана с указанным могильником (Халиков, 1977. С. 181). Покомплексная публикация материалов Старшего Ахмылова подтвердила данный факт (Патрушев, Халиков, 1982).

В 1970-1980-х гг. внимание исследователей к изучению контактов населения эпохи раннего железа Волго-Камья и Северного Кавказа продолжало расти. А.Х. Халиков склонен был видеть прямые связи между Волго-Камьем, причерноморскими степями и Кавказом, в результате чего в раннеананьинской среде появились оружие, орудия труда, бытовые изделия, украшения, в которых ярко проявлялись черты киммерийского и кавказского (мышьяковистого) металла. Позднее он стремился объяснить появление в Волго-Камье предметов колхидо-кобанского типа посредничеством киммерийцев, допуская и прямое их включение в VIII-VII вв. до н.э. в лесостепные районы Поволжья (Халиков, 1989. С. 154). Одновременно появились попытки дать периодизацию связей ананьинских племен с кавказцами. Так, С.В. Кузьминых выделил два этапа этих связей – VIII - конец VII в. до н.э.; конец VII-VI в. до н.э. – и выступил с заключением, что внешний товарный обмен ананьинского металлургического очага с Кавказом поддерживался до конца VI в. до н.э. и четко не фиксируется в комплексах камских могильников V-IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983). Исследователь склонен объяснять появление кавказских импортов в Волго-Камье как проявление многоступенчатого обмена.

Возвращаясь к роли киммерийцев, как посредников в связях между указанными двумя регионами, следует подчеркнуть значение работ Н.Л. Членовой, писавшей о перемещении носителей т.н. каменноостско-березовской культуры с Северного Кавказа на Среднюю Волгу (Членова, 1976. С. 80). Она отнесла к памятникам воинов-киммерийцев,

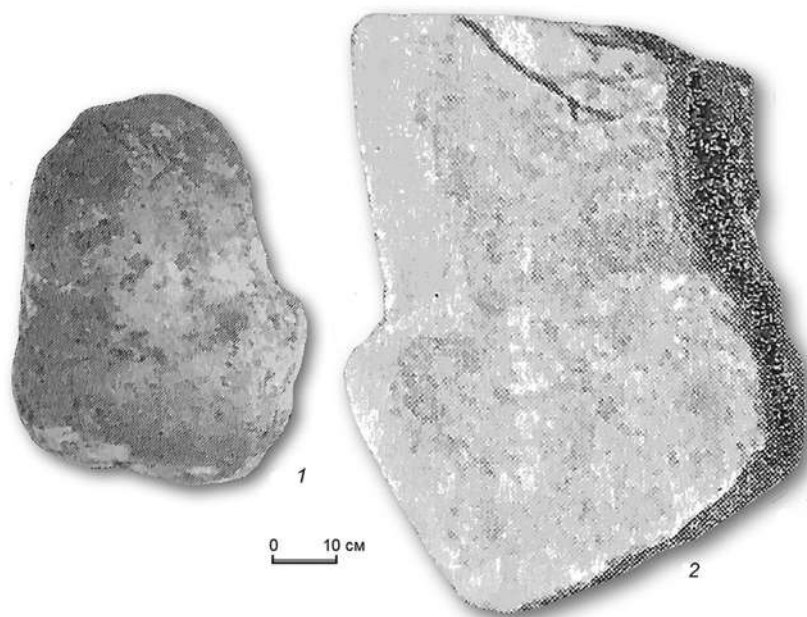

Рис. 1. Каменные стелы из Николаевского (1) и Тетюшского (2) могильников (по: Чшиев, 2014; Халиков, 1977).

совершивших сюда поход (походы) с Северного Кавказа, новомордовские каменные стелы (Членова, 1981. С. 15). Н.Л. Членова полагала, что к следам этих походов должна быть отнесены и значительная группа погребений мужчин-воинов с каменноостско-березовским оружием, конским убором и т.д., а также обломками урартских бронзовых поясов в Старшем Ахмыловском, Аозинском и ряде других могильников Средней Волги.

Со своей стороны, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский позднее трактовали находки скифского, колхидо-кобанского и урартийского типа из Волго-Камья также, как привнесенные сюда извне внешними контактерами. Но в качестве таковых у этих ученых выступили т.н. «отложившиеся скифы» (Погребова, Раевский, 1992. С. 197-220). Специалисты указывали на давние отношения между обитателями Волго-Камья и племенами Северного Кавказа, что и оказало впоследствии воздействие на выбор маршрута «отложившимися скифами».

В 1996 г. автор данной статьи вместе с В.А. Фоменко опубликовали погребение № 4 (1) могильника «Мачты» (западная окраина г. Кисловодска) VII-VI вв. до н.э., в комплексе которого были найдены железные наконечники стрел с листовидным пером, корни которых находятся в раннеананьинских памятниках Среднего Поволжья и имеют глубокие местные истоки (Дударев, Фоменко, 1996. С. 4-5. Рис. 1, 2, 3, 5, 6, 8). Нами были приведены и иные свидетельства *обратного влияния* волго-камских племен (или возвращения части кавказцев?) на население Северного Кавказа (рукоять биметаллического кинжала из района Кисловодска). На глубокое и разностороннее взаимодействие обеих сторон указывает и исследование Н.Н. Тереховой и Л.С. Хомутовой, относящееся еще к 1980-м гг., которое показало, что у кобанских и ананьинских племен в VII в. до н.э. существовала единая технология железообработки. Этот давний важный вывод нуждается в корреляции с заключением о том, что в материале кобанской культуры (КИО) слабее всего фиксируются разнокультурные инфильтрации из ареалов культур Приуралья, Волго-Камья и Азиатского региона (Козенкова, 2013. С. 142). Очевидно, у нас пока еще не хватает новых данных об этих инфильтрациях (см. ниже).

В 2000-е гг. вопрос о связях Северного Кавказа и Среднего Поволжья в древности вновь привлек к себе внимание ученых (С.А. Васильев, А.А. Чижевский, В.В. Мингалев, и др.). Их наработки были в определенной степени обобщены Г.Н. Вольной через призму материалов, связанных с предметами изобразительного искусства. Она охарактеризовала два этапа связей между Волго-Камьем и Северным Кавказом. На I этапе (предскифский и раннескифский период) имели место как устойчивые торговые связи, так и миграции, которые начинались с территории Центрального Кавказа (Вольная, 2009. С. 266). II этап (VI-III вв. до н.э.) во многом был обусловлен деятельностью скифо-сарматских племен. Для него характерны не только миграции с Северного Кавказа в Волго-Камье, но и реэмиграции (Вольная, 2009. С. 268). Вероятно, что последние могли иметь место и ранее.

Мы имеем в виду каменную стелу из Николаевского могильника IX – начала VII в. до н.э. кобанской КИО (погр. № 5) (Чшиев, 2014. С. 209-210. Рис. 1, 3). На наш взгляд, она морфологически весьма напоминает некоторые каменные стелы из раннеананьинского Тетюшского могильника (Халиков, 1977. С. 62. Рис. 25) в Волго-Камье (рис. 1). Это еще одно возможное подтверждение прямого перемещения населения между обоими регионами. Выражаем надежду на то, что проблема взаимодействия между Волго-Камьем и Северным Кавказом будет обогащаться новыми фактами, которые позволят поднять ее на более высокий уровень осмысления.

Литература

1. Виноградов В.Б. 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
2. Вольная Г.Н. 2009. К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология евразийских степей». Вып.8. Елабуга.
3. Дударев С.Л., Фоменко В.А. 1996. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир.
4. Козенкова В.И. 1975. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. 1. Фрако-скифские культурные связи. София.
5. Козенкова В.И. 2013. Кобанская культура и окружающий мир. М.
6. Крупнов Е.И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
7. Патрушев В.С., Халиков А.Х. 1982. Волжские ананьинцы. М.
8. Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1992. Ранние скифы и древний Восток. М.
9. Смирнов А.П. 1973. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
10. Халиков А.Х. 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII-VI вв. до н.э. М.
11. Чшиев Х.(В.)Т. 2014. Каменная стела Николаевского могильника кобанской культуры // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. М.

Загородняя¹ О.Н., Мимоход² Р.А.

¹Независимый исследователь, г. Харьков, Украина,

²Институт археологии РАН, г. Москва

ГРУНТОВЫЕ И СЫРЦОВЫЕ БЛОКИ В КОНСТРУКЦИЯХ МОГИЛ НЕКРОПОЛЯ «ВОЛНА-1» (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ СОЧИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН В 2017-2018 гг.)

В 2017-2018 гг. Сочинской экспедицией ИА РАН проводились раскопки северной части грунтового некрополя «Волна-1» на Таманском полуострове (Темрюкский район, Краснодарский край) (Мимоход, Сударев, Успенский, 2018). Исследованная площадь составила 38450 кв. м. Выявлено 369 погребений и 161 комплекс. Большинство могил датируется второй четв. VI – первой пол. IV в. до н.э.

Среди погребальных сооружений некрополя особый интерес представляют погребения с использованием грунтовых и/или сырцовых блоков. Всего исследовано 77 таких могил.

Традиция строительства грунтовых и/или сырцовых ящиков широко распространена на территории Северного Причерноморья в период VI-III вв. до н.э. На Таманском полуострове они известны со второй пол. VI в. до н.э., в частности в некрополях Артющенко-2 и Виноградный-7, курганной группе Вышестеблиевская-21 и Кепы (Сударев, 2016; Иванов, Сударев, 2017; Сударев, Кашаев, 2018).

Тщательная фиксация и анализ материалов позволили выявить несколько конструктивных вариантов в использовании грунтовых и/или сырцовых блоков при строительстве могил некрополя «Волна-1».

1. *Простые грунтовые ямы* можно разделить на следующие типы:

- могилы с деревянным перекрытием, сверху которого укладывали слой грунтовых блоков (рис. 1, 3а). Скорее всего, перекрытие размещалось на заплечиках. В заполнении фиксируются редкие фрагменты истлевшего дерева и разрушенные грунтовые блоки;

- могилы с перекрытием и уложенными плашмя блоками на дне в один или два ряда, формирующими своеобразную «лежанку» высотой 8-15 см для погребенного (рис. 1, 3б). В одном случае под слоем блоков обнаружены четыре ямки по углам камеры;

- могилы со стоящими на ребре несколькими блоками, углубленными в материк (рис. 1, 3в). В одной из них они образуют п-образную форму «ящика» без восточной стенки, во второй – одну продольную стенку вдоль длинной оси могильной ямы.

2. Наибольшую группу составляют *грунтовые и/или сырцовые ящики*. Для устройства могил этого типа выкапывали большие ямы прямоугольной формы, часто с закругленными углами, вдоль стен которых выкладывали плашмя в несколько рядов грунтовые и/или сырцовые блоки. Затем делали перекрытие из дерева, сверху которого укладывали слой из грунтовых и/или сырцовых блоков. Средние фиксируемые размеры блоков – 40×30 см, толщина 7-10 см. Ширина стенок до 0,5 м.

Обычное положение скелета – вытянутое на спине по центру погребальной камеры либо со смещением к правой стенке. Ориентировка в восточный сектор. В основном в мо-

гиле находился один погребенный, реже – 2-3, в единичных случаях – от 4 до 10. Иногда встречаются остатки органической подстилки коричневого цвета или камки. Расположение инвентаря в могиле – вдоль левой стороны погребенного или в ногах. Среди погребального инвентаря встречены керамические сосуды, предметы обихода, вооружения, украшения, монеты, кости животных.

Достаточно разнообразными и сложными оказались внутримогильные конструкции с разноуровневым полом и надмогильные сооружения. Среди них можно выделить:

- грунтовые ящики в котловане, где погребенный лежит на земляном полу (рис. 1, 1,3а);
- ящики с блоками, установленными на заплечиках, погребенный – на земляном полу (рис. 1, 3д);

- ящики, вдоль коротких стенок которых в материковом грунте выкопаны канавки, либо четыре ямки по углам камеры, погребенный – на земляном полу (рис. 1, 3е);

- ящики с разноуровневым полом: на дне камеры уложены плашмя грунтовые блоки, причем не полностью покрывающие дно, а с оставлением пространства вдоль коротких стенок, по размерам соответствующих углублениям-канавкам в предыдущем типе (рис. 1, 3з). В итоге получалась своеобразная «лежанка» для погребенного. Один из вариантов – оставление не только пустого пространства вдоль коротких стенок, но и полосы шириной ок.40 см вдоль левой стороны камеры, куда помещали инвентарь (рис. 1, 3ж);

- грунтовые ящики с одно- или разноуровневым полом, по всему дну камеры уложены плашмя грунтовые блоки, а под ними вдоль коротких стенок в материковом грунте выкопаны канавки либо четыре ямки по углам камеры (рис. 1, 2,3ж);

3. *Ящик со входом*, сооруженный из вырезанных блоков ракушечника (погр. 625) (рис. 1, 3к). Это единственный случай, где четко зафиксирован ступенчатый вход в погребальную камеру, оформленный блоками как дополнительная камера прямоугольной формы размерами 1,5×1,2 м. Вход примыкает к ящику с западной узкой стороны и находится выше дна котлована на 18-20 см.

4. *Подземный склеп* (катакомба) с использованием грунтовых блоков в качестве заклада во вход погребальной камеры (погр. 680) (рис. 1, 3л). Из крупных блоков была выложена стенка высотой до 0,72 м, толщиной 0,35-0,4 м, которой был закрыт вход в склеп.

Следует обратить внимание на одну особенность грунтовых ящиков. Выкопанные канавки глубиной 20-30 см, шириной 30-45 см в коротких сторонах погребальной камеры, либо четыре округлые ямки по ее углам, в которых фиксируются фрагменты истлевшего дерева, вероятно, предназначались для установки ножек деревянных носилок-клине. Чаще всего, деревянные носилки ставили сверху слоя выложенных грунтовых блоков. В целом же дерево очень плохо сохраняется в местном грунте, поэтому полностью реконструировать деревянные конструкции не представляется возможным. Лишь в одной могиле, глубиной до 0,8 м, был помещен деревянный саркофаг (погр. 539) – обнаружены его остатки с железными гвоздями. Под ним по углам камеры были выкопаны четыре ямки.

По типу перекрытия отличаются ящики с выкладкой поверх дерева слоя грунтовых блоков, в нескольких случаях – слоя ракушки. Примечательно, что в случаях помещения слоя ракушки на дерево, его остатки фиксируются практически по всей площади погребальной камеры. При использовании же грунтовых блоков на перекрытии дерево сохранялось фрагментарно и в редких случаях. Впоследствии перекрытие вместе с блоками проседало в камеру – на уровне костей иногда обнаружены остатки древесного тлена, а в заполнении камеры фиксируются по цвету разрушенные блоки. В одной могиле четко прослежена конструкция из грунтовых блоков по центру камеры сверху перекрытия из дерева (рис. 1, 3и).

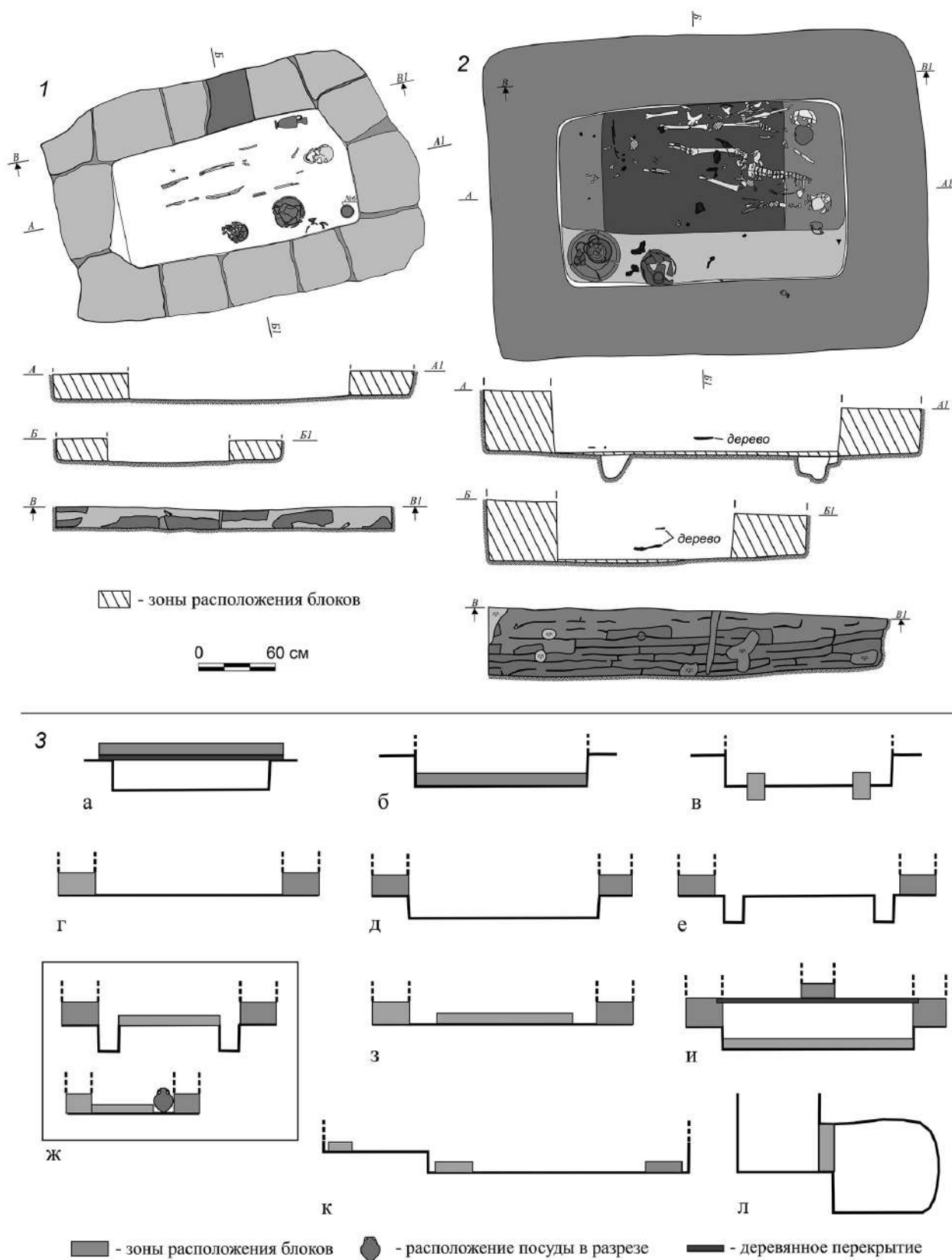

Рис. 1. Погребальные конструкции некрополя «Волна-1»: 1 – погр. 320; 2 – погр. 583; 3 – схематические разрезы могильных ям с блоками

Очевидно, что грунтовые ящики использовались как семейные склепы, предполагающие возможность последующего захоронения родных. На это указывает расположение скелетов в могилах с двумя погребенными, где один из них расположен в анатомическом порядке, останки другого сдвинуты к правой стенке (рис. 1, 2). Т.е. на момент второго захоронения перекрытие еще существовало и свод не обвалился. В нескольких случаях выявлены многократные погребения, причем с добавлением новых строительных элементов. Например, в погр. 362 стратиграфически зафиксировано, что первый погребенный был сдвинут к правой стенке, в центре помещен второй погребенный и слева от него в полу из блоков и частично в стенке была прорезана яма овальной формы, куда поместили инвентарь.

Большинство погребений в грунтовых и/или сырцовых ящиках некрополя «Волна-1» датируются кон. VI – первой пол. V в. до н.э. Некоторые могилы можно отнести к рубежу V-IV вв. и второй четв. IV вв. до н.э. Приведенная характеристика погребальных сооружений вполне вписывается в традиционный обряд некрополей боспорского региона. В использовании грунтовых и/или сырцовых блоков в погребальных конструкциях проявляются греческие строительные традиции, а некрополи чаще всего тяготеют к греческим городам. Сырцовые склепы с входом появляются в кон. IV в. до н.э., используются для многократных захоронений и предшествуют грунтовым склепам эллинистического периода (Сударев, 2016. С. 336).

Иванов А.В.

ООО «Южный региональный центр археологических исследований» г. Краснодар

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАКУНЕ МЕЖДУ ПРОТОМЕОТСКИМИ И РАННЕМЕОТСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕЙ КУБАНИ

Работа выполнена в ИВИ РАН по проекту РНФ № 18-18-00237

Исследования, проведенные за последние десятилетия на поселениях раннежелезного века у западного края Закубанской равнины на Левобережье Нижней Кубани, позволяют наметить ряд хронологических горизонтов (Иванов, 2019). Первый горизонт датируется VIII – сер. VII в. до н.э. и связывается с протомеотами. Второй горизонт соотносится с меотами, которые занимают эти земли с сер. VI в. до н.э. При этом, между горизонтами отмечается хронологическая лакуна примерно в сто лет, когда земли Левобережья Нижней Кубани, были свободны от какого-либо оседлого населения, что совпадает с эпохой скифских походов, и, вероятно, именно с ними и связана.

Основными находками, позволяющими выделить протомеотский горизонт на поселениях, являются фрагменты сосудов. Из них наиболее представительная серия принадлежит черпакам. Большая их часть имеет округлое, выделенное дно, высокую петлевидную гладкую ручку. Сосуды толстостенные, без орнаментации. Своим обликом они близки черпакам из верхнего слоя поселения Красногвардейское II, относящегося к IX – сер. VIII в. до н.э. и могильника Черноклан (Шарафутдинова, 1989; Эрлих, 2007. С. 177. Рис. 136, 14; 29, 22). На поселении Неберджай-1 фрагмент черпака с гладкой ручкой находился в одном комплексе с фрагментированным сосудом, профиль которого аналогичен экземпляру из погр. 10 могильника Черноклан предновочеркасского горизонта (Эрлих, 2007. С. 177). Также встречены ручки черпаков с вогнутым профилем, образующим по краям острые бортики; в одном случае ручка была украшена гвоздевидными налепами. Подобно был декорирован черпак из погр. 9 кургана 2 последней четверти VIII в. до н.э. могильника Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко, 2014. С. 180). Гвоздевидными налепами украшались черпаки из Геленджикских дольменов кон. VIII – первой пол. VII в. до н.э. (Эрлих, 2007. С. 179, 180). Другая посуда менее информативна, но отмечу кружки, близкие по форме к сосудам из погр. 27 могильника Ахтырский лиман (Беглова и др. 1997) и погр. 6/3 могильника Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко, 2014. Рис. 5, 6). Данные комплексы связываются с протомеотами и относятся к предскифскому времени (Эрлих, 2007. С. 40; Лимберис, Марченко, 2014. С. 180).

Материалы протомеотского горизонта поселений синхронизируются с известными здесь погребальными комплексами. Древнейшие из них исследованы в могильнике Фурожан (Иванов, 2013). Двуручные черпаки, а также биметаллический наконечник копья являются продолжением еще белозерской традиции и относятся к предновочеркасскому / раннечерногорскому времени. К этому же времени относятся и два погребения из кургана у с. Кеслерово. Хронологию могильника Железнодорожный-2 определяют погребения с предметами конской упряжи. Самые ранние из них относятся к последней четверти VIII в.

до н.э. Верхнюю дату могильника на основании хронологии колчанного набора и упряжи раннекелермесских типов определяет погр. 2/8 и связанное с ним захоронение лошадей 2/20, совершенное предположительно около сер. VII в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2014. С. 180). Таким образом, территория у западного края Закубанской равнины были обжиты протомеотами уже в предновочеркасское / раннечерногорское время. Исчезновение их памятников приходится на сер. VII в. до н.э. и соотносится с финальным этапом протомеотского периода.

Освоение меотами Левобережья Нижней Кубани начинается не ранее сер. VI в. до н.э. Датировка шести поселений, исследованных здесь широкими площадями, основана на массовом античном импорте второй пол. VI в. до н.э. В материалах поселений отсутствуют основные индикаторы второй пол. VII – первой пол. VI в. до н.э., такие как узда, орнаментированные ковши с вогнутым дном и раздвоенной «рогатой» ручкой (единственный фрагмент ковша с такой ручкой найден в хозяйственной яме с фрагментом тулова раннепухлогорлого Хиоса второй пол. VI в. до н.э.), ионийская керамика стиля WG, ранние типы клазоменских, теосских, лесбоских и амфор круга Самос / Милет. Перечисленное, например, хорошо представлено на поселении Тарасова балка (Рябкова, 2016. С. 108-111; 2019. С. 57) и на укрепленном поселении Марьянское 1. Но на поселениях Левобережья Нижней Кубани ничего из этого маркирующего набора нет, что и дает основание для выводов о хронологической лакуне между протомеотскими и раннемеотскими памятниками, расположенными у западного края Закубанской равнины.

В Западном Закубанье и на Тамани известны комплексы второй пол. VII – нач. VI в. до н.э., традиционно считающиеся памятниками скифского круга. Среди них – погребения в Мазепинском и Воронцовском кургане, погребение у Цукурского лимана (Алексеев, Рябкова, 2010 С. 249), а также ритуальный комплекс в кургане у хут. Красный, который связывается автором раскопок с перемещением скифских племен в период после завершения переднеазиатских походов (Шевченко, 2013. С. 117). На этом фоне версия о ведущей роли скифов в вытеснении протомеотов с территории Левобережья Нижней Кубани во втор. пол. VII в. до н.э. выглядит предпочтительной. Впрочем, даже если признать дискуссионность культурной атрибуции перечисленных комплексов, это не исключает того, что на сегодняшний день, исследовав десяток рядовых протомеотских и раннемеотских памятников на Левобережье Нижней Кубани, мы не располагаем материалами второй пол. VII – первой пол. VI в. до н.э.

Литература

1. Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. 2010. Скифы // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.
2. Иванов А.В. 2013. О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы «Фурожан-3» // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
3. Иванов А.В. 2019. Специфика меотских поселений раннежелезного века Левобережья Нижней Кубани // АРХООНТ. Севастополь.
4. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2014. Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // Археологические вести. Вып. 20. СПб.
5. Рябкова Т.В. 2016. Поселение Тарасова балка – памятник раннего железного века в Закубанье [предварительная публикация] // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Международной научной конференции. Грозный, 18-21 апреля 2016г. Грозный.

-
-
6. Рябкова Т.В. 2019. Свидетельства ранних контактов варварского и античного мира в Закубанье (по материалам поселения Тарасова Балка) // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V Международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб.
 7. Шарафутдинова Э.С. 1989. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи бронзы – начала раннего железа // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
 8. Шевченко Н.Ф. 2013. Курган раннескифского времени у хутора Красный // Археологический сборник. Вып. 39. СПб.
 9. Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

Кадиева¹ А.А., Демиденко² С.В.

¹Государственный исторический музей, г. Москва

²Институт археологии РАН, г. Москва

ЭЛИТНЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III в. НА МОГИЛЬНИКЕ ЗАЮКОВО-3 (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

Сарматская эпоха в горной зоне Центральных районов Северного Кавказа на сегодняшний день является наименее изученным периодом раннего железного века. Между тем, именно в это время вслед за прекращением существования материальной культуры кобанской культурно-исторической общности начинается проникновение сармат в Предкавказье, а затем и в кавказские горы. Именно с этими ираноязычными племенами связано сложение аланского этноса, который впоследствии сыграл важнейшую роль в формировании ряда коренных народов региона. Следует отметить, что для равнин и предгорной зоны благодаря работам В.Ю. Малашева и Т.А. Габуева в последние десятилетия был осуществлен значительный прорыв как в области накопления источниковой базы, так и в аналитическом аспекте. В частности, помимо собственно «раннеаланской» археологической культуры в Центральном Предкавказье был выделен самостоятельный комплекс «предаланской» культуры, участвующей в сложении «раннеаланской», но не составляющей с ней единую линию развития (Габуев, Малашев, 2009. С. 157). Речь идет о памятниках типа Нижний Джулат–Чегем–Заманкул, которые авторы исследования датируют II (III) в. до н.э. – I/нач. II в. н.э.

Однако ситуация в горах Центрального Кавказа по-прежнему остается довольно неясной. Последней аналитической работой по этой зоне остается статья М.П. Абрамовой, где автор утверждает, что в горных районах «ни о каком оседании иранцев не может быть и речи вплоть до эпохи раннего средневековья» (Абрамова, 1974. С 27). При этом исследовательница обращает внимание на слабую изученность горных памятников сарматской эпохи территории Кабардино-Балкарии по сравнению с соседней Осетией, где, впрочем, их тоже немного.

Таким образом, выявление закрытых археологических комплексов III в. до н.э. – III в. н.э. в горной зоне Центрального Кавказа является одним из важнейших направлений исследования древностей раннего железного века в регионе. К таким памятникам относится могильник Заюково-3, в составе которого на сегодняшний день обнаружено уже более 20 погребений сарматского времени.

Вниманию читателя предлагаются два элитных погребения, выявленных в ходе работ Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2017 г.

Погр. 102, вероятно, представляло катакомбу, но из-за гомогенности слоя удалось проследить только камеру, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Размеры камеры 1,26x0,89 м. Костяк погребенной практически полностью истлел, а кроме того, возможно, был нарушен в древности. Судя по остаткам, погребенная была уложена слегка скорченно на боку,

головой на СВ. На остатках костяка, а также в перемесе заполнения ямы лежало значительное количество погребального инвентаря (26 предметов, в т.ч. 3 низки бус общей длиной более 2 м), среди которого выделяются: бронзовое зеркало с центральной петлей (рис. 1, 1), фрагмент подобного зеркала, двусоставные наконечники ремней из железа и бронзы (рис. 1, 2), четыре петлевидные застежки (рис. 1, 3), железная пряжка с вытянутой прямоугольной обоймой и миниатюрная бронзовая пряжечка с обломанной обоймой (рис. 1, 4). Кроме того, в погребении обнаружены железная и пять бронзовых фибул (рис. 1, 5-7). Складывается впечатление, что погребение было ограблено в древности. Но значительное количество инвентаря, в т.ч. бус из стекла и халцедона позволяет отнести его к числу богатых.

Погр. 104, вероятно, представляло катакомбу, но из-за гомогенности слоя удалось проследить только камеру, ориентированную по линии ЮЗЗ–СВВ. Размеры ямы 2,53х1,35 м, глубина 0,18-0,65 м. В погребении обнаружены два костяка (по полевому определению, женских). Обе погребенных уложены вытянуто на спине (погребенная 2 с подогнутыми ногами), головами на ЮВ. В головах погребенной 1 была обнаружена имитация китайского зеркала с центральной петлей и бронзовая ажурная бряха (Рис. 1, 8). На шею женщины была надета бронзовая гривна. В районе грудной клетки этой же погребенной обнаружены стеклянные и сердоликовые бусы, петлевидные застежки из бронзы, небольшое зеркало с центральной петлей. На груди обнаружен медальон со стеклянной вставкой и орнаментом в виде пунсонных точек и девятиконечной звезды с квадратом в центре (рис. 1, 9). На груди и в районе ниже тазовых костей были обнаружены сильнопрофилированные фибулы (рис. 1, 10). Обувь погребенной была расшита бисером белого, желтого, зеленого и черного цветов, скопление которого обнаружено у ее стоп. На груди погребенной была миниатюрная сильнопрофилированная фибула из серебра, а на висках – бронзовые проволочные серьги (рис. 1, 11).

На шее погребенной 2 было обнаружено ожерелье из 14-гранных сердоликовых бус и двух медальонов – бронзового со стеклянной вставкой и золотого (Рис. 1, 12). Последний сделан из овальной пластины, на которой закреплены две петли для подвешивания. По краю медальона напаяны две сканные полосы. В центре медальона в высоком касте находится вставка из синего стекла с желтыми вкраплениями, выполненная в технике миллефиори. На груди погребенной были обнаружены две серебряные фибулы (Рис. 1, 13, 14) и две петлевидные застежки. Обувь женщины была расшита 14-гранными бусами из сердолика.

Обилие погребального инвентаря в обоих захоронениях и присутствие в его составе (погр. 104) нескольких предметов из драгоценных металлов, в т.ч. золотого медальона, выполненного высокопрофессиональным ювелиром, позволяют отнести оба погребения к числу богатых, а погр. 104 – к числу захоронений представительниц высшей знати общества, оставившего могильник Заюково-3. Зеркала, фибулы, пряжки и двучастные наконечники ремней в совокупности указывают на временной отрезок в рамках второй пол. II – первой пол. III в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 123-124, 131-132, 136, 138).

В аспекте этнокультурной атрибуции вышеописанные погребения и другие синхронные им захоронения могильника Заюково-3 представляется наиболее вероятным отнести к памятникам типа Нижний Джулат–Чегем–Заманкул, выделенных В.Ю. Малашевым и датированных им в рамках II (III) в. до н.э. – I/нач. II в. н.э. Исследователь соотносит эти памятники предгорий Кавказа в районах Затеречья и Кабарды с «предаланской» культурой. При этом он отмечает, что в эпоху Великого переселения народов на территории, занимаемой

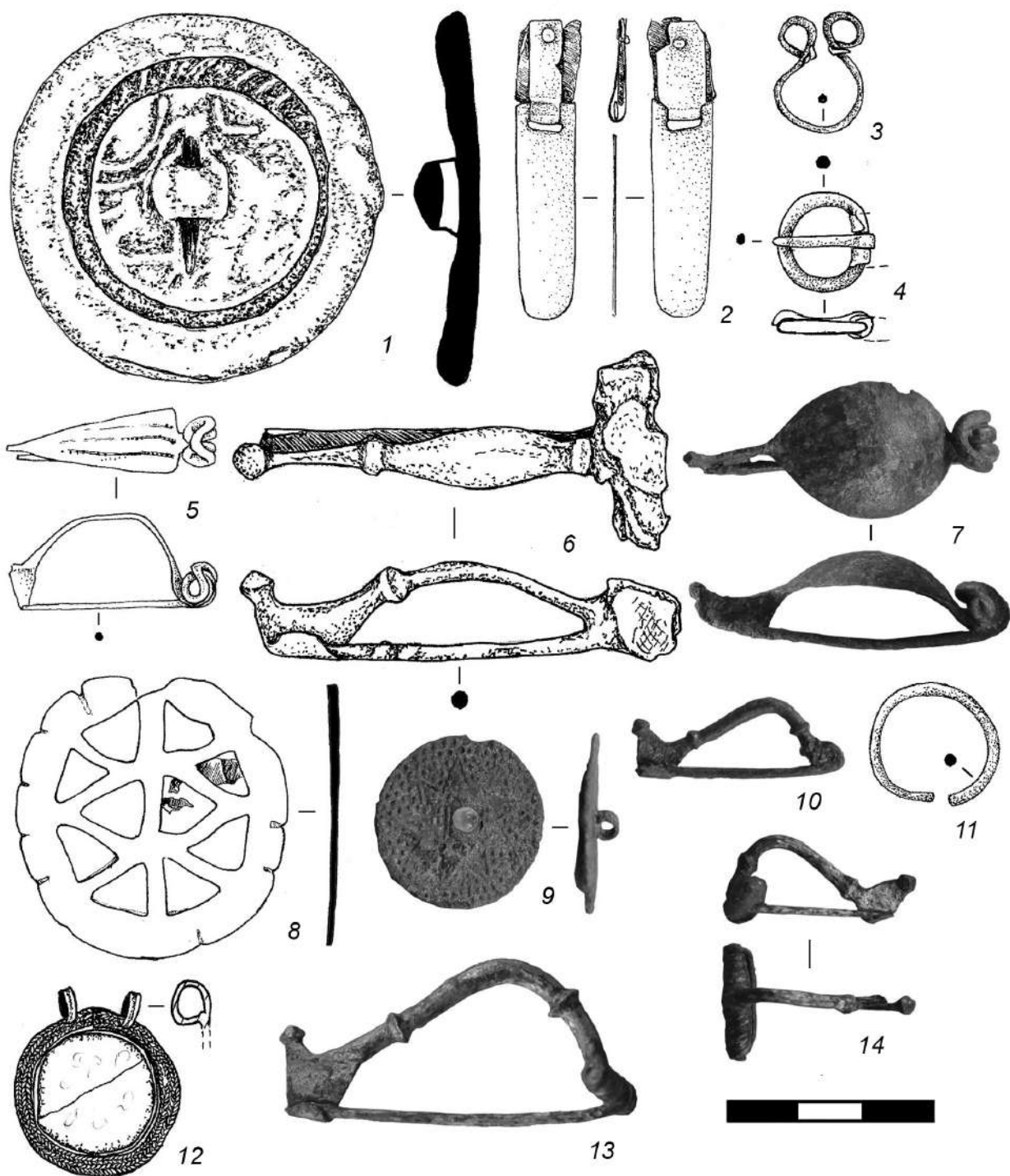

Рис. 1. Элементы погребального инвентаря захоронений первой половины III в. могильника Заюково-3: 1-7 – погр. 102, 8-14 – погр. 104.

1 – зеркало, 2 – ременной наконечник, 3 – петлевидная застежка, 4 – пряжка, 5-7, 10, 13, 14 фибулы, 9, 12 – медальоны, 11 – серьга. 1-8, 10, 11 – бронза, 9 – бронза, стекло, 12 – золото, стекло, 13, 14 – серебро.

другой предаланской культурной группой Подкумок–Хумара (внутренние районы Пятигорья и Верхняя Кубань), сменяется население. Этот культурный пласт по Т-образным катакомбам и морфологии и орнаментации керамики ученый соотносит с носителями раннеаланской археологической культуры. Важно отметить, что аналогичная ситуация произошла и с населением, оставившим могильник Заюково-3. На сегодня погребения 102 и 104 и синхронные им комплексы являются самыми поздними погребениями некрополя сарматского времени. Новый этап функционирования памятника сейчас достоверно прослеживается с постгуннского времени, а именно не ранее, чем со второй пол. V в. (Кадиева, Демиденко, 2019). В это время единственной формой погребального сооружения могильника становится Т-образная катакомба, и керамические формы также позволяют уверенно соотнести новое население Баксанского ущелья с аланским этносом.

Литература

1. Абрамова М.П. 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
2. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа М.
3. Кадиева А.А., Демиденко С.В. 2019. Золотые украшения с полихромной инкрустацией из княжеского погребения второй половины V – VI в. в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // КСИА Вып. 256.

Канторович А.Р.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СТАТИСТИКА ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 18-09-00725

Неуклонный прирост археологического материала заставляет постоянно корректировать статистические показатели, в т.ч. отражающие репертуар и динамику скифского бестиария. По состоянию на 2019 г. (включительно) мною насчитывается 2466 оригинальных зооморфных изображений (без учета копий и зеркальных отображений), выполненных в канонах скифского звериного стиля и оформляющих/украшающих предметы, относящиеся к скифской археологической культуре Восточной Европы.

Как видно из табл. 1, основными темами восточноевропейского скифского звериного стиля (далее: ВСЗС) являются мегаобразы копытных (34,6%), птиц (27,3%), хищников (25,9%) и, с большим отрывом – синкретических, фантастических животных (9,2%). В совокупности эти 4 мегаобраза составляют 97% от всего массива изображений. На периферии репертуара ВСЗС находятся образы зайцев (1%) и рыб (1,1%), которые занимают определенную нишу в искусстве и идеологии скифов. И еще менее популярны экзотичные для ВСЗС образы верблюдов (0,2%) и дельфинов (0,16%). Кроме того, небольшую долю (0,4%) составляют пока не идентифицируемые зооморфные образы – неопределенные животные, которые, тем не менее, образуют 3 отчетливых иконографических типа, что говорит в пользу наличия определенных идеологем, составлявших содержание этих образов и заставлявших мастеров придерживаться неких норм при их воплощении.

В рамках мегаобраза хищника в системе ВСЗС часто не удается осуществить конкретную семейственную и, тем более, родо-видовую зоологическую атрибуцию изображений. В тех же случаях, когда их идентификация (хотя бы на уровне семейства) оказывается возможной, выясняется, что чаще встречается изображение кошачьих, несколько реже – волчьих, гораздо реже (и лишь в связи с локальными морфологическими типами) – медведей.

В рамках мегаобраза копытного безусловным лидером является образ оленя, составляющий треть от всех изображений копытных (33,6%) и более одной десятой (11,6%) от общего корпуса изображений ВСЗС.

Подавляющее большинство изображений птиц в ВСЗС следует связывать с отрядом соколообразных или дневных хищных птиц, подсемейством соколиных, реже с семейством ястребиных; лишь в отдельных случаях орнитоморфные изображения представляют не соколообразных, а иные отряды, в частности, гусеобразных (семейство утиные).

Синкретические образы в ВСЗС достаточно разноплановы, но абсолютно преобладают две темы, изображения которых составляют в сумме более 2/3 массива синкретических изображений: это, во-первых, грифоны и крылатые львы (47,6% от всех изображений синкретических животных), причем в отношении грифона в основном реализуется греческий модифицированный иконографический канон – раннегреческий и, особенно, позднегреческий; во-вторых, барано-птицы/грифо-бараны (22% от всех изображений синкретических животных).

Сознательное отступление от природы присуще в искусстве скифо-сибирского звериного стиля не только синкретическим образам (впрочем, представлявшим их создателям и потребителям вполне реальными), но и ряду конкретных изображений с весьма четкой природно-тематической доминантой (и потому учитываемых нами в рамках мегаобразов копытных, птиц и хищников), при этом с зооморфно трансформированными частями (в особенности распространено превращение рогов, хвостов, лопаток, лап и иных анатомических деталей в головы хищных птиц). Имеются также амбивалентные изображения, своего рода «перевертыши», например, голова лося с рогами, образующая в ином ракурсе обособленные конечности хищника, голова кабана в аналогичном превращении и т.д. Они учитываются в нашей статистике дважды – в рамках соответствующих мегаобразов и копытных, и хищников. Наблюдается и иная полиэikonия, а именно «гибриды» оленей и лосей, лосей и козлов, оленей и козлов, изначально вызванные, очевидно, бессознательным искажением природы, давшим импульс определенной (как правило, недолгой и локальной) стилистической традиции; такие персонажи учитывались нами как синтетические копытные в рамках мегаобраза копытного.

В рамках массива оригинальных изображений ВСЗС (2466 ед.) нами дифференцируются 353 морфологических типа, выделенных в итоге классифицирования по совокупности иерархически сопоставленных критериев – образных, композиционных и стилистических (табл. 1). Соответственно в среднем на 1 морфологический тип приходится 6,9 изображения. Чем меньшее количество типов возможно выявить для того или иного образа, тем более высокой следует считать его иконографическую цельность. Наибольшая стандартизация присуща иконографии птицы: составляя более четверти всего массива оригинальных изображений ВСЗС, изображения птиц концентрируются в рамках 55 морфологических типов, а это лишь 15,6% от общего количества таковых, т.е. в среднем на 1 тип приходится 12,2 изображения птицы. Наиболее богато данная тема реализуется в редуцированном отображении: 588 оригинальных изображений птицы формируют 34 типа, в т.ч. 27 типов сформированы 472 изображениями обособленных птичьих голов, большая часть которых является элементами зооморфных превращений, т.е., в принципе, тематически вторична.

Удельный вес морфологических типов копытных и хищников соответствует доле соответствующих изображений в общем массиве: 30,6% типов приходится на долю хищников, 36,8% – на долю копытных. Доля изображений копытных в общем массиве почти идентична доле образуемых типов: в среднем на 1 тип приходится 6,6 изображения, что говорит о достаточной стандартизации иконографии копытных. Немногом менее стандартизирован мегаобраз хищника: здесь в среднем на каждый тип приходится 5,9 изображения, но при этом редуцированные изображения хищника значительно более унифицированы, нежели полнофигурные, о чем свидетельствует следующее соотношение: 386 редуцированных изображений формируют лишь 46 типов, тогда как 253 полнофигурных изображения распределяются по 62 типам.

Соотношение доли оригинальных изображений синкретических существ (9,2% от общего массива изображений) и доли соответствующих типов (13% от общего количества типов) также свидетельствует о меньшей стандартизации в этой сфере (в среднем на каждый тип приходится 4,9 изображения), и в особенности это проявляется в разработке темы грифона, 108 изображений которого образуют 33 типа, т.е. в среднем приходится всего лишь 3,3 изображения на тип. Последнее вполне закономерно, поскольку этот образ изначально был внешним для скифской художественной системы и в наибольшей мере подвергался изобразительным экспериментам и внешним воздействиям (подробнее: Канторович, 2012. С. 106-133).

Приведенные показатели демонстрируют, что за период с 2014 г., когда нами были осуществлена систематизация и статистический анализ имевшегося на тот момент массива оригинальных изображений ВСЗС (Канторович. 2015. С. 66-67. Табл. 2), налицо существенный прирост объема источника, что связано как с новыми раскопками, так и с публикациями случайных находок и коллекций, передаваемых на государственное хранение. Прирост материала, как видно, составил 274 ед. оригинальных изображений (2466 изображений в 2019 г. против 2192 изображений, учтенных к 2014 г.). Что касается удельного веса основных мегаобразов, данные показатели модифицировались за указанный период крайне незначительно – в пределах 1-2%, что, видимо, свидетельствует о репрезентативности нашей выборки. Незначительно изменилось и количество выявленных изобразительных типов – оно возросло на 10 ед. (353 в 2019 г. против 343 типов в 2014 г.), что на фоне значительного прироста оригинальных изображений за этот же период говорит, как представляется, в пользу действенности разработанной нами классификации, выдерживающей «напряжение», создаваемое притоком новых данных.

Табл. 1. Основные темы восточноевропейского скифского звериного стиля

Образно-видовая принадлежность изображений	Количество оригинальных изображений и доля, %	Количество морфологических типов и доля, %
Хищники	639 (полнофигурных – 253, редуцированных - 386) (25,9%)	108 (30,6%)
Копытные	853 (34,6%)	130 (36,8%)
Птицы	672 (полнофигурных – 84, редуцированных – 587) (27,3%)	55 (15,6%)
Синкретические животные	227 (9,2%)	46 (13%)
Зайцы	26 (1%)	5 (1,4%)
Верблюды	6 (0,2%)	1 (0,2%)
Дельфины	4 (0,16%)	2 (0,6%)
Рыбы	28 (1,1%)	3 (0,8%)
Неопределенные животные	11 (0,4%)	3 (0,8%)
ИТОГО	2466 (100 %)	353 (100 %)

Литература

1. Канторович А.Р. 2012. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII-VI вв. до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной. Труды ГИМ. Т. 191. М.
2. Канторович А.Р. 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Керцева Г.Н.

Институт истории и археологии РСО-А, г. Владикавказ

МЕЛКАЯ БРОНЗОВАЯ ПЛАСТИКА С ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА (ФИГУРКИ ОЛЕНЯ)

Зооморфное искусство Дагестана раннего железного века представляет собой сложную картину. В силу того, что эта территория длительное время являлась мостом между Северным Кавказом и Восточным Закавказьем и Передней Азией, в зооморфном искусстве Дагестана встречаются самые различные художественные направления. Они отражают различные культурные контакты. Так, со скифами связывают изображения оленей на скалах с. Верхнее Лабкомахи и хребта Нара-тубе у с. Ленинкент (Марковин, 2006).

На территории Дагестана бронзовые фигурки оленей, выполненные в мелкой бронзовой пластике, появляются в скифский период (VII-IV н.э.). Среди них можно выделить три типа фигурок. В основу типологии положена поза (расположение ног) животного.

Тип 1. Скульптурная фигурка в виде стоящего оленя с длинными тонкими ногами, расположенными под острым углом к туловищу (рис. 1, 1), происходит из культового места близ с. высокорного с. Чадаколюб и является верхней частью булавки (Доманский, 1984, рис. 65; Доманский, Пиотровский, 1984. С. 36-28). Фигурка достаточно реалистично изображает оленя с длинными ногами, собранными в одной точке. На ногах изображены плюсны и копыта. Моделировка туловища цилиндрическая, морда вытянуто-цилиндрическая, сужена к концу. Выделяется нос. Углублениями показаны ноздри. Глаза крупные – круглые или миндалевидные. Уши средних размеров, торчат вверх, соединены с рогами. Ствол рогов и отростки – дуговидные. Шея длинная слегка дуговидная. Хвост короткий, торчащий кверху с небольшим наклоном к спине.

Фигурки стоящих оленей с ногами, расположенными под острым углом к туловищу (в ряде случаев ноги сходятся в одной точке), известные на навершиях булавок и жезлов, видимо, имеют общие истоки. Наиболее древние аналогии фигурке оленя найдены в Аладжа Гюке (Анатолия), датируемые второй пол. III тыс. до н.э. (рис. 1, 5, 6) (Museum of Anatolian Civilizations, 2001. С. 49), позже – в Центральном Закавказье (Бериклдеви XIV-XIII вв. до н.э.), на Южном Кавказе в эпоху поздней бронзы в Лчашене и в РЖ – в Айруме, Паравакаре, Верхнем Талине, Нижнем Баязете (рис. 1, 7, 13), в Центральном Закавказье (Бериклдеви) (Unterwegs ..., 1995. Abb. 97) (рис. 1, 7). Со временем наблюдаются тенденция сближения ног оленя внизу, в скифское время ноги расположены на маленькой площадке.

Наиболее близкими аналогиями являются фигурки оленя на булавках из Хевсуретии (Тифлисский музей, собрание Ермакова, Фотоархив ИИМК, Q 506,62. № 3) (рис. 1, 2, 3). Фигурки оленя в аналогичной позе известны из случайных находок в Краснодарском крае (КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына № 8462; выражаю признательность Е.А. Хачатуровой за возможность опубликовать находку), из с. Прис в Южной Осетии (рис. 1, 12, 15).

В такой позе известны изображения копытных (коней, козлов) в памятниках VI-IV в. до н.э. юго-восточной Чечни (Ножай-Юртовский 1 (Виноградов, 1972. Рис. 52, 4), Бельтинский 2 могильники (Виноградов, 1986. Рис. 1, 13-15, 22-26), из с. Курен-Беной (Козенкова, 1982. Табл. XXV, 11)), Дагестана (Согратль, Гагатль, Орзен и др.: Давудов, 1974. Табл. XIV, 1, 6, 7, 9; Доманский, 1984. Илл. 66).

Но стилистически ближе всего фигурке оленя на булавке из Дагестана изображения из памятников азиатской Скифии – могильник Аржан-2 (втор. пол. VII в. до н.э.), 2-й Пазырыкский курган (V-IV вв. до н.э.), из Минусинской степи, Ордоса, а также из Китая (III в. до н.э.) (рис. 1, 8-14).

Скорее всего, этот тип изображения оленя мелкой бронзовой пластики Дагестана связан со скифской культурой и датируется по аналогиям из Хевсуретии (рис. 1, 2-3) (Unterwegs... 1995. S. 272. Taf. 199, 200) второй пол. – кон. V в. до н.э.

Тип 2. Фигурка стоящего оленя из Хосрехского святилища VIII- первой пол. VII в. до н.э. (рис. 1, 16) (Давудов, 1983. С. 52, 53. Рис. 7, 27). Ноги расположены параллельно, направлены вперед, левая и правая – сдвоены. Моделировка туловища цилиндрическая, морда вытянуто-цилиндрическая, «обрубленная». Для этого изображения характерна примитивизация. Глаза круглые, изображены уши. Рога представлены двумя уплощенными параллельными прямыми жгутами направленными вверх с пятью отростками. Короткий хвост направлен вниз. Этот тип имеет аналоги из памятников северо-восточного Ирана (Дайламан) X-VI вв. до н.э. (рис. 1, 23-25) (Куликан, 2010. Фото13. С. 241). Также изображения встречаются на территории Грузии: Боржоми (Unterwegs ..., 1995), Самтавро XIV-XIII вв. до н.э. (рис. 1, 18, 19), Чабарухисхеви VIII-VII вв. до н.э. (Unterwegs zum golden vlies..., 1995. Foto 227). Схожие изображения оленей характерны для Центрального Кавказа – могильники Тлийский (Рис. 1, 20-21), Кобанский, Верхняя Рутха (Рис. 1, 17-20) (Техов, 2006. Рис. 55, 56; Motzenbäker, 1996. Taf. 31, 6), ст. Казбек (Фотоархив ИИМК Q 506, 8), из Джейрахского ущелья (Семенов, 2009). Фигурка оленя из Дагестана, представляющая тип 2, скорее всего, ведет свои истоки с территории Северо-Восточного Ирана. По аналогиям с Центральным Кавказом может датироваться VI-IV вв. до н.э.

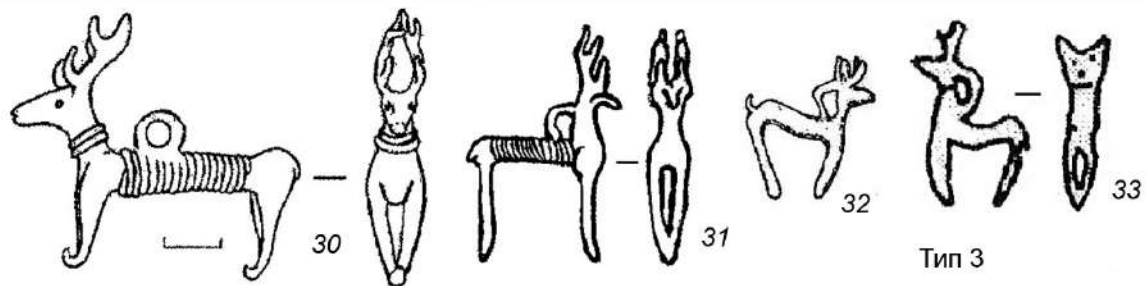
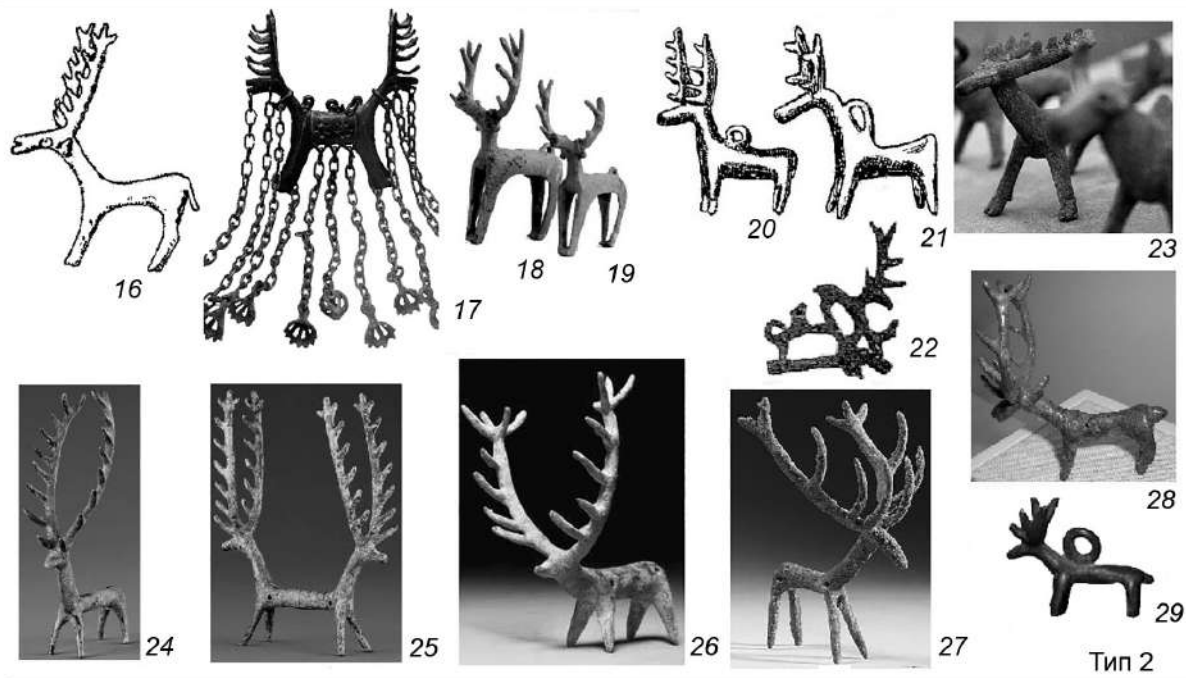
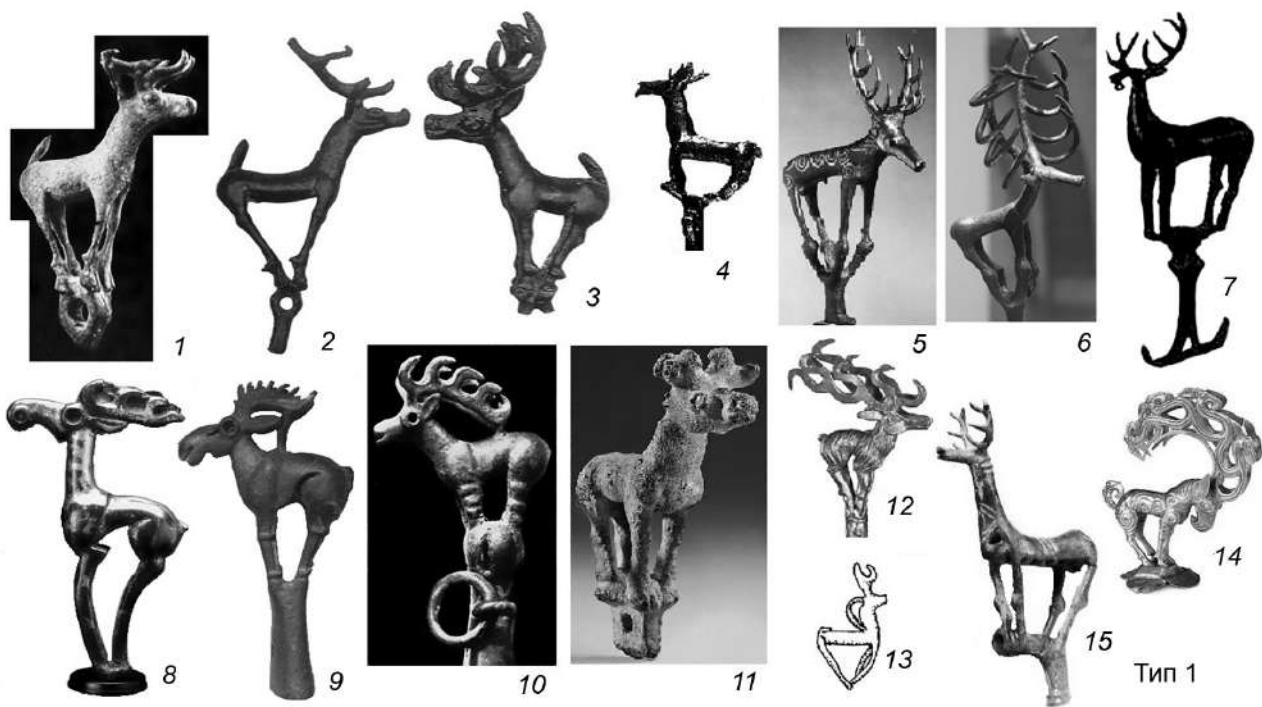
Тип 3 представляет фигурку-подвеску оленя из окрестностей с. Хунзах (Давудов, 1974. С. 94. Табл. XIV, 2). У нее цилиндрическое туловище преувеличенно удлиненное, на нем ближе к шее – петля для подвешивания. Моделированы шея и ноги. Левые и правые ноги попарно соединены. На туловище и шее навита лента. Рога показаны стволом с двумя ветвями, соединены вверху. Этот тип изображений имеет аналогии из могильников VII-VI н.э. Восточной Чечни: Ножай-Юртовского I, погр.7 (V-IV вв. до н.э.), Галайты, Элистанжи. Новогрозненского.

По мнению исследователей, предметы из Элистанжи, в т.ч. и фигурка оленя, имеют позднекобанский облик (Дударев и др. 1987. С. 12). Более ранние аналогии происходят из Луристана (Иран) X-VI вв. до н.э. Цилиндрическая моделировка и навитые ленты на туловище и шее характерны для восточного варианта кобанской культуры, а также передне-восточной бронзовой пластики. По изображениям из Восточной Чечни олень из Тинди может датироваться VI-IV вв. до н.э.

Различные по типу единичные фигурки, изображающие оленей, обнаруженные на территории Дагестана, свидетельствуют скорее об импортном происхождении этих фигурок и о различных направлениях контактов населения этой территории как с кочевниками-скифами, так и с населением Северо-Восточного и Центрального Кавказа и Северного Ирана.

Литература

1. Виноградов В.Б. 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
2. Виноградов В.Б. 1986. Клад второго Бельтинского могильника // КСИА. Вып. 186.

3. Давудов О.М. 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
4. Давудов О.М. 1983. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
5. Доманский Я.В. 1984. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.
6. Доманский Я., Пиотровский Ю. 1984. Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // Сообщения ГЭ. Вып. 49.
7. Дударев С.Д., Мамаев Х.М., Хасбулатова З.И. 1987. Новые находки скифского времени из с.Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный.
8. Козенкова, 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып.В2-5.
9. Куликан У. 2010. Персы и мидяне. М.
10. Марковин В.И. 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.
11. Семенов Л.П. 1929. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 гг. Владикавказ.
12. Техов Б.В. 2006. Археология южной части Осетии. Владикавказ.
13. Museum of Anatolian Civilizations. Ankara, 2001.
14. Motzenbäker I. 1996. Sammlung Kossnierska. Der digprische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin.
15. Unterwegs zum Goldenen Vlies: archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken, 1995.

Рис. 1. Фигурки оленей: 1 - Дагестан, навершие булавки. ГЭ (Доманский, 1984); 2, 3 - Хевсуретия. НМ Грузии. Собрание Ермакова. Фотоархив ИИМК. Q 506, 62. Конец втор. пол. V в. до н.э.; 4 – Боржоми, навершие булавки, XV-XIV вв. до н.э.; 5, 6 – Аладжа Гуюк, навершие штандартов, втор. пол. III тыс. до н.э.; 7, 13 – Бериклдеви, XIV-XIII вв. до н.э.; 8 – Минусинская степь: 9 - Ордос, Монголия, VI-V вв. до н.э.; 10 – Ордос, Монголия; 11 – Скифия (e-tiquities.com); 12 – Пазырык, V-IV вв. до н.э.; 13 - Прикубанье. Краснодарский краеведческий музей. № 8462/69.; 14 - Китай. Исторический музей Шанхая. III в. до н.э.; 15 - с. Прис, Южная Осетия. VII-VII вв. до н.э. (Древности Южной Осетии, 1977); 16 - Хосрех (Дагестан). Зандакская культура; 17 - Долонлар, Азербайджан. Фибула, VI-IV вв. до н.э. Azərbaycan Tarix Muzeyi. <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=480626068690137&set=a.116178021801612.28428.100002282456208&type=1&>; 18-19 - Самтавро, XIV-XIII вв. до н.э.; 20, 21 - Тлийский мог. (Техов, 2006); 22 - Кобанский мог., навершие булавки, втор. четв. I тыс. до н.э. ГЭ; 23 - Иран. I тыс. до н.э. Иранский национальный музей (flickr.com); 24-25 - Иран (XIV-VI вв. до н.э.), <http://www.pinterest.com/pin/457748749598233241/>, <http://www.pinterest.com/pin/403987029046788872/>; 26 - Алмаш, Северный Иран, X в. до н.э., <http://amlashculture.blogfa.com/post-9.aspx>, <http://www.mpm.edu/collections/artifacts/history/iranian/collection/>; 27 - Иран; 28 - Иран, X-VI вв. до н.э. Museum für Vor- und Frühgeschichte, Берлин. Экспозиция; 29 – Луристан, Иран; 30 - с. Хунзах, Дагестан; 31- Ножай-Юртовский мог. I, погр. 7. V-IV вв. до н.э. (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989); 32 - Элистанжи, Чечня (Дударев и др., 1987); 33 - Галайты, Чечня. VI-IV вв. до н.э. (Багаев, 2008).

Кононов В.Ю.

Крымский региональный центр археологических исследований, г. Керчь

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКОЙ ГРОБНИЦЫ «КРИНИЦА-1»

В 2018 г. были проведены охранно-спасательные археологические исследования на объекте археологического наследия «Остатки мегалитической гробницы «Криница-1» (III-II тыс. до н.э.), находившейся в с. Криница, г. Геленджик. В ходе проведения раскопок было установлено следующее:

- обследованные в ходе разведок каменные плиты, выступавшие из земли и принятые за остатки мегалитического сооружения, являются порталной частью гробницы (дольмена) с каменной оградкой-кромлехом – реконструкция периода РЖВ, связанная с вторичными захоронениями и тризнами в VI-V вв. до н.э.

- мегалитическая гробница представляет собой подкурганый дольмен (с порталной частью и каменной оградкой-кромлехом), перекрытый стерильным слоем оползня, произошедшего в период между эпохой средней бронзы и РЖВ.

Горизонт РЖВ (рис. 1А). В ходе проведения работ на первом этапе были зафиксированы и исследованы: пристройка в порталной части гробницы и каменный кромлех вокруг погребальной камеры, относящиеся к вторичному использованию погребального сооружения эпохи бронзы в период РЖВ.

Портальная часть располагалась в юго-восточной части гробницы и представляла собой пристройку размерами 2,60x2,40 м. На дне пристройки (серо-желтая стерильная глина со скальной крошкой – слой оползня) на уровне пола гробницы были уложены две плоские прямоугольные плиты, использовавшиеся в древности в качестве алтарей для тризн, неоднократно совершавшихся в порталной части. Следы приношений были зафиксированы на двух условных уровнях как в виде скоплений фрагментов сосудов, так и в виде целых форм, датируемых в пределах VI-IV вв. до н.э.

Кромлех окружал верхнюю часть гробницы (дольмена) и состоял из необработанных камней разных средних размеров, диаметр кромлеха до 4,80 м, ширина до 1,60 м, прослеженная высота до 1,07 м. Судя по расположению камней и направлению их завала, кромлех выполнял функцию оградки, предотвращающую сползание грунта со склонов в сторону погребальной камеры.

Погребальная камера представляла трапециевидную в плане мегалитическую гробницу эпохи бронзы, использованную вторично для совершения погребений в VI-V вв. до н.э. На момент обнаружения плита перекрытия гробницы была расколота на несколько крупных кусков, рухнувших внутрь погребальной камеры (без заполнения на момент обрушения); часть фрагментов плиты перекрытия сохранилась по краям на боковых стенках.

В заполнении погребальной камеры удалось зафиксировать 82 погребения, располагавшихся на 10 условных уровнях. Всего по данным анализа антропологической коллекции из заполнения погребальной камеры были выделены кости 113 индивидов (антропологическая коллекция была обработана к.и.н., н.с. Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, зав. лаборатории палеоантропологического изучения Казахстана Института археологии им. А.Х. Маргулана Китовым Е.П.).

Погребальный инвентарь весьма разнообразен и представлен: предметами вооружения (копья, топоры, мечи и наконечники стрел), которые преобладают по количеству, керамикой, украшениями (браслеты, гривны, бусы и бляшки), а также предметами быта (ножи, пряслица, шилья и т.д.); особо следует отметить находку бронзового кованого шлема.

Горизонт эпохи бронзы (рис. 1Б). *Курганная насыпь* в плане округлой формы ($d = \text{ок.} 12 \text{ м}$, $H = \text{до } 1 \text{ м}$), слегка вытянута по линии З–В, состояла из камней и грунта, в центре насыпи находилась каменная гробница (дольмен), выступавшая над поверхностью насыпи на высоту в СЗ части до 0,66 м и в ЮВ части (портал) – 1,86 м.

Кромлех кольцевидный был зафиксирован в основании курганной насыпи, вокруг мегалитической гробницы. Юго-восточные концы его упирались в комплекс А (дворик перед порталльной частью гробницы). Кромлех ($d = \text{до } 10,40 \text{ м}$, $h = \text{до } 0,74 \text{ м}$, ширина 1,20–2,80 м) был сложен из плоских необработанных камней в высоту до 4–6 рядов. В северную и восточную часть кромлеха и насыпи были впущены семь погребений эпохи бронзы.

Комплекс А представлял собой огороженный каменной кладкой дворик. Ограда овальной формы, вытянута по линии ЮЗ–СВ, размерами 11,20x6,00 м. Северо-восточная часть ее была оформлена в виде двух «усов», пристроенных к порталльной плите гробницы. «Усы» состояли из сложенных в 3–4 ряда крупных плоских прямоугольных камней, высота кладки уступами уменьшалась от центра к краям. Во внутреннем пространстве ограды были зафиксированы отдельно стоящие сосуды, являвшиеся остатками тризн, совершенных перед порталом гробницы.

Комплекс Б находился к ЮЗ от мегалитической гробницы, под кромлехом, и представлял собой мегалитическую каменную вымостку размерами 2,28x3,70 м. У юго-западного края, на 30 см выше, находился прямоугольный каменный блок (возможно, выполнял роль алтарной плиты), размерами 0,60x1,20 x0,30 м.

При снятии камней, на уровне материка, была выявлена группа объектов, характер которых (ямки с фрагментами сосудов, углями, золой и фрагментами костей животных) позволяет рассматривать данный комплекс как ритуальный.

Мегалитическая гробница (дольмен) находилась в центральной части раскопа, в плане трапециевидной формы, вытянута по длинной оси ЮЗ–СВ, сложена из 4 плит, установленных на плиту основания и перекрытых плитой-крышей. Плиты изготовлены из серого камня (конгломерата) со следами обработки, поверхности подтесаны и зашлифованы; фасадная плита трапециевидной формы, расширяется к основанию, размерами 2,37x2,70x1,97 x0,38 м. В нижней части порталльной плиты, по центру, находилось округлое сквозное отверстие размерами 0,44x0,40 м, закрытое каменной, грибовидной формы пробкой размерами 44x38 см, изготовленной из светлого песчаника. Боковые плиты трапециевидной формы, размерами: 1,87x2,10x1,40x0,28 м, сужаются к задней стенке. С внешних сторон стен находились по два массивных подпорных камня, основания которых были подперты более мелкими камнями. Задняя плита трапециевидной формы размерами 1,87 x2,10 м, $h = \text{до } 1,40 \text{ м}$, толщина до 0,20 м, с внешней стороны стены находилась массивная подпорная плита, основание которой было подперто более мелкими камнями. Плита основания дольмена, подпрямоугольной формы, изготовлена из камня конгломерата; по периметру, на внешней поверхности, продолблены пазы для установки стен гробницы; размеры плиты: длина 4,28 м, высота 4,10 м, толщина 0,40 м, ширина пазов до 0,30 м, глубина до 0,08 м. Под плитой-основанием дольмена была прослежена подсыпка из мелкого скального гравия серого цвета, толщиной до 0,30–0,40 м, перекрывавшая погребенную почву эпохи бронзы.

С юго-востока и юго-запада от гробницы (дольмена) на уровне материка (желтая глина со скальной крошкой) была прослежена группа столбовых ямок, заполненных камнями, и,

по всей видимости, являвшихся элементами строительных конструкций для монтажа плит гробницы.

На завершающем этапе работ был произведен демонтаж элементов гробницы, после чего они были доставлены в МБУК «Геленджикский историко-краеведческий музей», где была проведена реконструкция мегалитической гробницы.

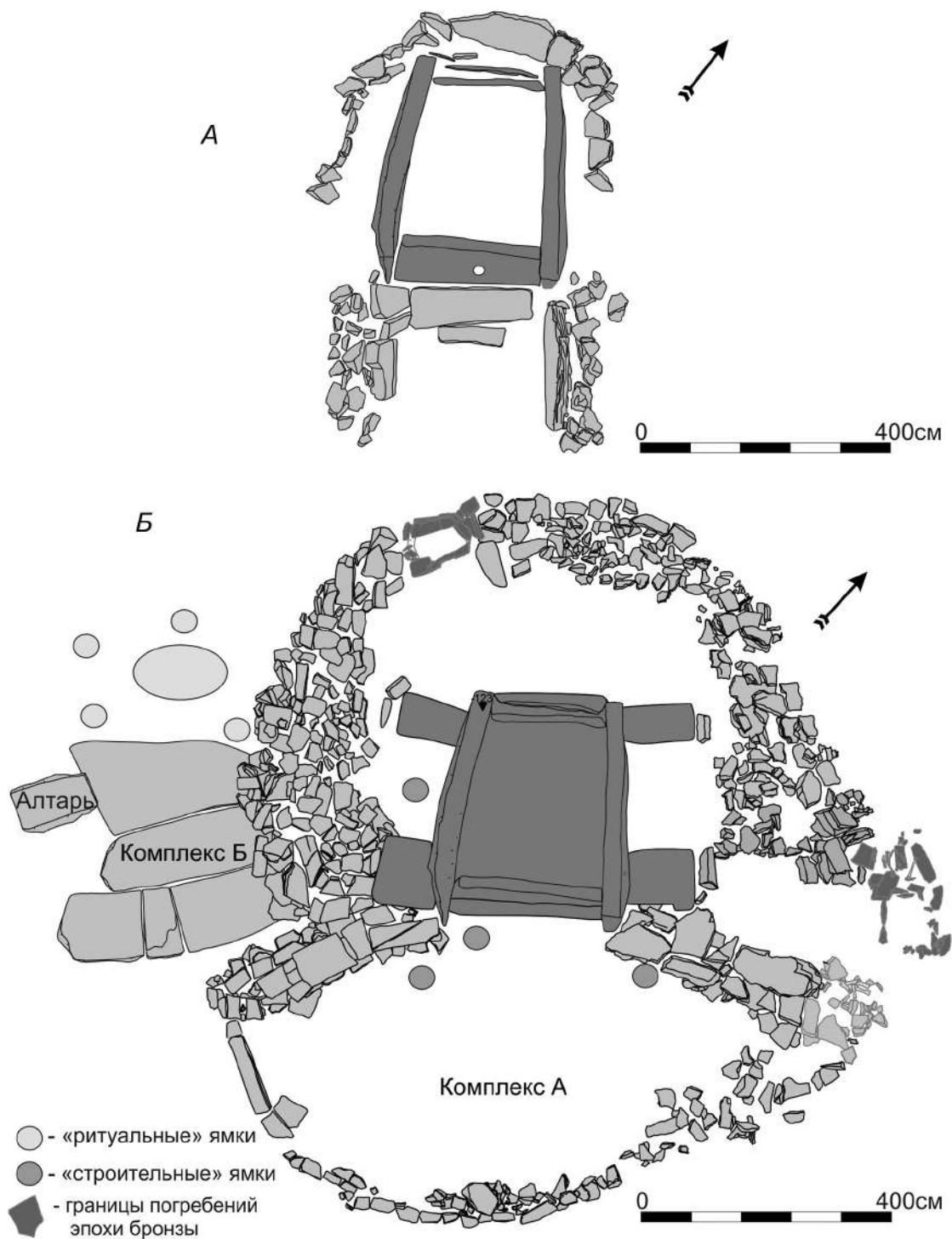

Рис. 1. Мегалитическая гробница «Криница-1»: А - план горизонта РЖВ; Б – план горизонта эпохи бронзы

Коробов¹ Д.С., Булыгина² Е.С., Добровольская¹ М.В.,
Малашев¹ В.Ю., Решетова¹ И.К., Фассбиндер³ Й., Фризен⁴ С.Ю.,
Шарко² Ф.С., Шведчикова¹ Т.Ю., Недолужко⁵ А.В.

¹Институт археологии РАН, г. Москва, ²Курчатовский геномный центр, г. Москва

³Ludwig Maximilian University of Munich, Germany

⁴Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва,

⁵Nord University, Bodø, Norway

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАН: АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ПАЛЕОГЕНЕТИКА

*Работа подготовлена при содействии РФФИ,
проекты №№ 18-00-00398, 18-00-00399*

Доклад посвящен первым итогам проекта, направленного на мультидисциплинарное изучение памятников раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа (II-IV вв. н.э.).

Основные полевые работы были сосредоточены в 2019 г. в окрестностях с. Киевское Моздокского района РСО-А – на курганном могильнике Киевский I, являющимся некрополем Киевского городища раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа. Здесь в результате геофизического обследования, проведенного в мае 2019 г. профессором Мюнхенского университета Й. Фассбиндером, был намечен к раскопкам ряд подкурганных захоронений к северо-западу от селения (рис. 1, 1). Две насыпи (курганы 254 и 265), окруженные кольцевыми ровиками с меридионально расположенными перемычками, были раскопаны в ходе полевых работ летом того же года (рис. 1, 2). Основными погребениями были устроенные в глинистом материке Т-образные катакомбные захоронения, относящиеся по предварительным данным к финалу III – началу IV в. н.э.

В настоящей публикации отражены результаты мультидисциплинарного исследования материалов, полученных с помощью палеоантропологического, палеопатологического, краниологического и других анализов. Особое внимание уделено первым результатам палеогенетического анализа костных образцов представителей раннего этапа аланской культуры, а также предшествующего им населения Северного Кавказа кобанской культуры и сарматского времени, который в настоящее время проводится коллективом Центра геномных исследований «Курчатовский геномный центр» под руководством С.М. Расторгуева. В настоящий момент в обработке находится более 50 образцов палео-ДНК из грунтовых могильников Клинь-Яр 3 (раскопки А.Б. Белинского и Г. Харке), Заюково-3 (раскопки А.А. Кадиевой и С.В. Демиденко), Кич-Малка II (раскопки Е.Е. Васильевой) и курганного могильника «Братские 1-е курганы» (раскопки В.Ю. Малашева), датирующихся в диапазоне IX в. до н.э. – VII в. н.э. К моменту написания данной публикации получены первые результаты секвенирования митохондриального ДНК и Y-хромосомного разнообразия 14 образцов представителей кобанской культуры и одного представителя населения сарматского времени, чьи останки были раскопаны на некрополях Заюково-3 и Клинь-Яр 3 на Северном Кавказе (Boulygina et al., in press).

Полученные данные дают более глубокое понимание происхождения и генетического разнообразия северокавказских сообществ на рубеже бронзового и железного веков и показывают, что кобанская археологическая культура имеет генетическую преемственность с другими древними культурами Кавказа. Так, выявленные в ходе анализа

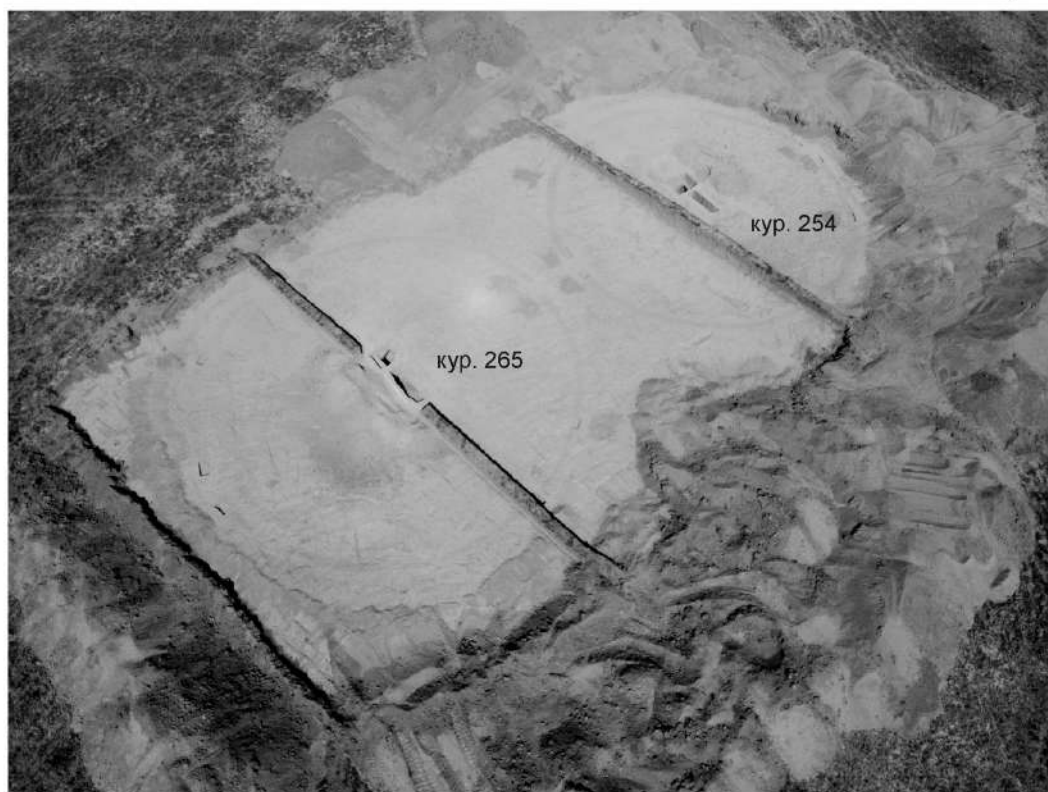
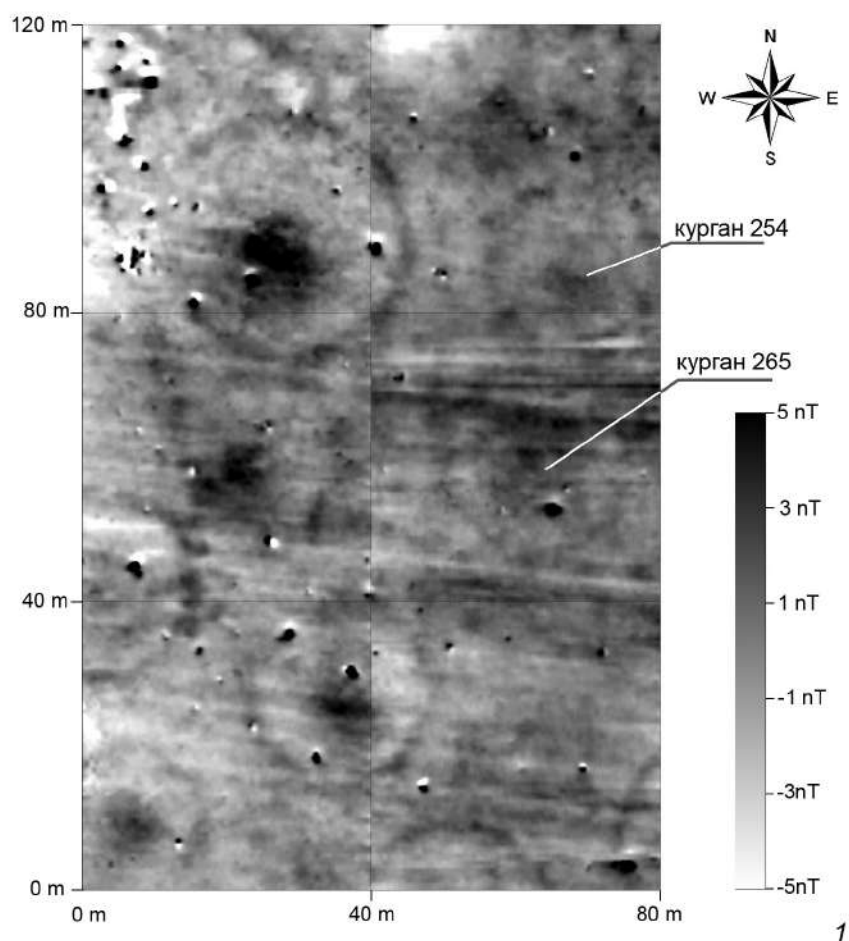

Рис. 1. Магнитометрическая съемка, выполненная Й. Фассбиндером (1), и результаты раскопок подкурганных катакомбных захоронений (2) могильника Киевский I в Северной Осетии.

однонуклеотидные полиморфизмы митохондриальной ДНК древних людей, которые были захоронены на Клинь-Яре 3 и Заюково-3, относятся к гаплогруппам H20a, J1c, N, HV1, T1a, H1e, W5a, R6, I1. Полученные предварительные результаты демонстрируют, что проанализированные представители имеют общие гаплотипы для древних культур Северного Кавказа и Западной Европы (Brandt et al., 2013; Allentoft et al., 2015; Sokolov et al., 2016; Damgaard et al., 2018; Wang et al., 2019).

Из 15 исследованных образцов шесть дали результаты по Y-хромосоме. Основные Y-хромосомные гаплогруппы, которые были получены при данном исследовании, являются общими для Кавказа и Европы в период железного века – E1a2a, G2a1a, R1b и R1a, причем последняя гаплогруппа была идентифицирована у единственного представителя местного населения II-III вв. н.э. из могильника Заюково-3. Некоторые из перечисленных гаплогрупп широко распространены у современных кавказских этносов – черкесов, осетин, лезгин и абхазов (Balanovsky et al., 2011). В то же время на могильнике Заюково-3 (погр. 79) была обнаружена восточноазиатская Y-гаплогруппа D1a2a1 (Gayden et al., 2007; Wang et al., 2014), и тот же самый образец имеет редкую HV митохондриальную гаплогруппу, которая, по-видимому, распространяется в Европу через территорию Кавказа во время периода после последнего ледникового максимума и в неолите (Shamoon-Pour et al., 2019).

Коллектив ожидает новой информации по палеоантропологическим и палеогенетическим особенностям кавказского населения, сформировавшего основу аланского этногенеза, однако уже сейчас полученные первые результаты генетического разнообразия представителей кобанской культуры являются важным свидетельством преемственности северокавказского населения с эпохи бронзового века до раннего средневековья.

Литература

1. Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L. et al. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. Vol. 522 (7555).
2. Balanovsky O., Dibirova K., Dybo A., Mudrak O., Frolova S., Pocheshkhova E., Haber M., Platt D., Schurr T., Haak W. et al. 2011. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 28 (10).
3. Boulygina E., Tsygankova S., Sharko F., Slobodova N., Gruzdeva N., Rastorguev S., Belinsky A., Härke H., Kadieva A., Demidenko S., Shvedchikova T., Dobrovolskaya M., Reshetova I., Korobov D., Nedoluzhko A. Genetic origin and ancestry of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // *Journal of Archaeological Science: Reports*. (in press).
4. Brandt G., Haak W., Adler C.J., Roth C., Szecsenyi-Nagy A., Karimnia S., Moller-Rieker S., Meller H., Ganslmeier R., Friederich S. et al. 2013. Ancient DNA Reveals Key Stages in the Formation of Central European Mitochondrial Genetic Diversity // *Science*. Vol. 342 (6155).
5. Damgaard P.B., Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliusen T., Moreno-Mayar J.V., Pedersen M.W., Goldberg A., Usmanova E. et al. 2018. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. *Nature*. Vol. 557 (7705).
6. Gayden T., Cadenas A.M., Regueiro M., Singh N.B., Zhivotovsky L.A., Underhill P.A., Cavalli-Sforza L.L., Herrera R.J. 2007. The Himalayas as a directional barrier to gene flow // *American Journal of Human Genetics*. Vol. 80 (5).
7. Shamoon-Pour M., Li M., Merriwether D.A. 2019. Rare human mitochondrial HV lineages spread from the Near East and Caucasus during post-LGM and Neolithic expansions // *Scientific Reports*. Vol. 9.
8. Sokolov A.S., Nedoluzhko A.V., Boulygina B.S., Tsygankova S.V., Sharko F.S., Gruzdeva N.M., Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Rezepkin A.D., Skryabin K.G. et al. 2016. Six complete mitochondrial genomes from Early Bronze Age humans in the North Caucasus // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 73.
9. Wang C.C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D. et al. 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. Vol. 10.
10. Wang C.C., Wang L.X., Shrestha R., Zhang M.F., Huang X.Y., Hu K., Jin L., Li H. 2014. Genetic Structure of Qiangic Populations Residing in the Western Sichuan Corridor // *PLoS ONE*. Vol. 9 (8).

Косяненко В.М.

*Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, г. Азов*

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА И РЕДКИЕ НАХОДКИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КРЕПОСТНОГО ГОРОДИЩА

Крепостное городище и его могильник расположены в центре г. Азов Ростовской области. Раскопки памятника особенно интенсивно стали вестись в послевоенные годы, с возобновлением работы Азовского краеведческого музея. Исследование могильника позволило издать часть его материалов в 2011 г. в монографии «Некрополь Паниардуса (Крепостного городища)» (Горбенко, Косяненко, 2011).

Раскопки продолжают и выявляют новые и интересные особенности культуры населения, жившего здесь в I-II вв. н.э. Археологические исследования на могильнике Крепостного городища фиксируют сложную систему погребальной идеологии населения, одной из ветвей которой было создание особых, специально отведенных мест для совершения культовых обрядовых действий.

Религия меотов – явление сложное, состоящее из различных обрядов и ритуалов. Мы сталкиваемся с археологическими материальными свидетельствами их, но очень мало имеем мифологических отождествлений с объектами. В эпоху зарождения традиционных взглядов человек был ближе к природе, имел стремление находиться в гармонии с окружающим миром. Поэтому некоторые ритуально-культовые места располагались под открытым небом.

Культовые места в некрополе Крепостного городища представлены площадками, местами окруженными ровиками и жертвенными ямами. Первый вид культовых мест выявляется по разбросу амфорных обломков и костей животных, сконцентрированных в определенном месте. На одном из них были найдены сероглиняный кувшин редкой формы с зооморфной ручкой и бронзовый колокольчик – предметы, которые несут в себе культовую нагрузку, качество оберегов. Интересно, что кости животных – в основном метопидии и фаланги.

Второй вид – круглые площадки, окруженные неглубоким кольцевым ровиком, концы которого не сходятся, таким образом, образуется вход на внутреннюю территорию. Основные находки в пределах площадки – обломки амфор и костей животных.

Помимо культовых площадок, на окраине могильника открыт ряд ям, представляющих специально отведенный участок, где также совершались жертвенные и поминальные действия, остатками которых являются амфорные фрагменты и кости животных. Все эти ритуально-культовые места, о которых шла речь, относятся к I-II вв. н.э.

Подобные места «задабривания богов» с возлиянием вина и жертвами животных известны также в Прикубанье, откуда и переселились меотские племена на Дон в I в. до н.э. – I в. н.э.

Несмотря на то, что раскопки памятника ведутся многие годы, каждый полевой сезон удивляет новыми редкими находками. Остановимся на некоторых. Следует отметить, что культурный слой г. Азова настоящий слоеный пирог: нижний слой – античное поселение,

следующий – средневековый монгольский город Азак, затем турецкая и русская крепости. Каждый последующий народ при строительстве разрушал более ранние строения и связанные с ними культурные напластования. В результате многие античные предметы не всегда находят в своих комплексах, иногда они «перемещаются» не только в пространстве, но и во времени, попадая в сооружения XIV в. и даже XIX в.

Редчайшей находкой является обнаружение фрагментов ткани на бронзовых колокольчике и фибуле. В некрополе Крепостного городища неоднократно находили бронзовые колокольчики с треугольными прорезями по тулову и петелькой для подвешивания. Подобные украшения-обереги известны и в других памятниках первых веков н.э. Фрагмент ткани сохранился на конической части колокольчика (рис. 1, 1). Исследование показало, что это льняная ткань. Также фрагмент ткани был обнаружен на пружине фибулы. Анализ ткани показал, что пряжа состоит из натуральных лубяных волокон льна с добавлением волокон хлопка. Ткань выполнена в технике полотняного переплетения, цвет ткани не сохранился. Скорее всего, ткани импортного происхождения. Дата колокольчика I в. н.э., фибулы – II в. н.э.

Бронзовые фибулы – широко распространенное украшение в первые века н.э. Но, тем не менее, каждая такая находка пополняет наши знания об этом аксессуаре костюма. Так была найдена фибула, изготовленная из разных металлов (рис. 1, 2). Фибула имеет закрытый приемник с горизонтальным выступом на верхней части, пластинчатую дужку и шарнирное соединение с иглой. Дужка отделена от приемника углублением и орнаментирована кружками. Фибула темно-коричневого цвета, а кружки окрашены желтой латунью «под золото». Фибул идентичных, тем более «двухцветных», не обнаружено. Она близка к группе шарнирных дуговидных фибул, относящихся к I в. н.э. (Амброз, 1966. С. 26).

Интерес представляет находка поломанной фибулы, вторично использованной с новым способом использования. У фибулы типа Авциссы частично сломалась игла и из оставшейся ее части иголки был сделан крючок, а дужку согнута пополам (рис. 1, 4). Такое новое изделие могло использоваться самостоятельно, а могло дополнять другую фибулу. Так, согнутую дужку фибулы подвесили на иголку другой и в таком виде отправили в погребение в некрополе Кобякова городища (г. Ростов) (Косяненко, 2008. Рис. 27, 5). То, что фибулу сочетали с другим украшением, свидетельствует и другая находка в некрополе Крепостного городища: фибулу дополнили длинным трубчатым украшением (Горбенко. Косяненко, 2011. Рис. 34, 1).

Бронзовые зеркала неоднократно встречаются в могильнике. Однако одно из них необычно. Относится оно к I в. н.э. Представляет круглый диск с небольшим валиком по краю и утолщением в центре с ручкой-петелькой. Орнамент – в виде выпуклой зигзагообразной линии вокруг центрального утолщения. Четкие детали орнамента просматриваются на половине диска, затем три неопределенно изогнутые линии (рис. 1, 5). Пока аналогий нам неизвестно. Редким явлением стала находка 2,5 однотипных зеркал в одном комплексе I в. н.э. С зеркалами связано немало поверий, но пока мы не можем объяснить такое количество зеркал в одном комплексе. Также непонятно положение согнутого пополам зеркала в погребение.

Интересна находка бронзовой подвески в форме двух полых цилиндров с петлей. Поверхность украшена пуансонным орнаментом. Изделия подобной формы известны, но наша отличается большим размером – 2,6x1,7 см.

Редкой является и ажурная подвеска I в. н.э. в форме додекаэдра, с шишечками-утолщениями по углам и петлей для подвешивания (рис. 1, 6).

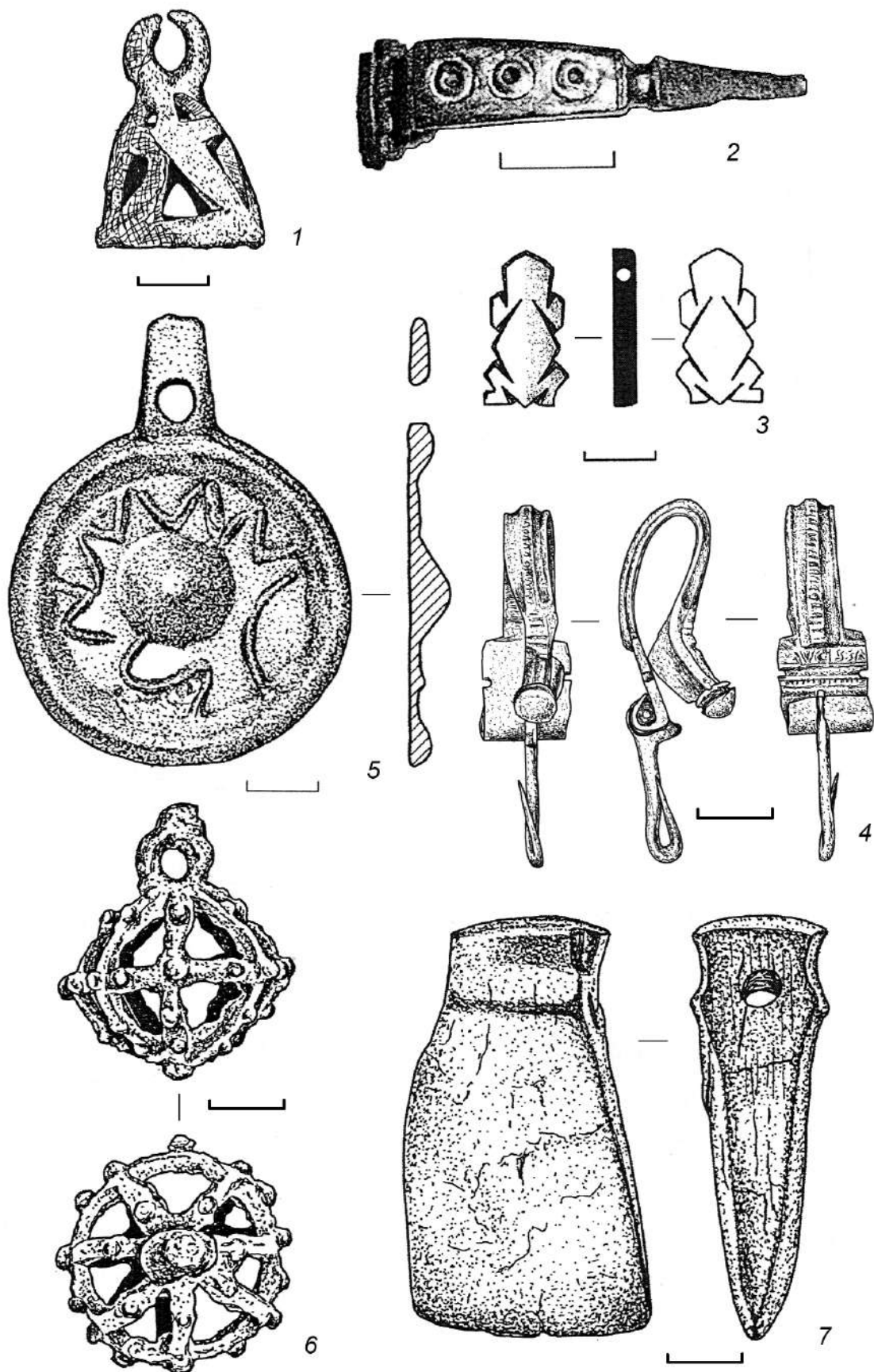

Рис. Предметы из некрополя Крепостного городища

Необычна своими крупными размерами (6,0x3,5 см) и гагатовая подвеска в виде топорика (рис. 1, 7). Пока это единственная находка из некрополя Крепостного городища. Подобные, но гораздо меньшие по размерам, происходят из Причерноморья, где датируются I в. н.э.

Также из гагата изготовлена подвеска в виде лягушки (рис. 1, 3), широко почитавшейся в древности различными племенами. Такого изделия из гагата с изображением лягушка в плоской манере мне не известно. Хорошо известны египетские фаянсовые амулеты в форме лягушки, но они объемные и изображают земноводное в сидячей позе.

Литература

1. Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. Некрополь Паниардуса (Крепостного городища) / Донские древности. Вып. 11. Азов.
2. Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ Д1-30. М.
3. Косяненко В.М. 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

МЕОТСКИЕ МЕЧИ С СЕРПОВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 18-09-00619

Мечи с серповидным навершием в меотских комплексах встречаются значительно реже, чем мечи синдо-меотского типа IV – нач. III в. до н.э., выделенные К.Ф. Смирновым. К поздним дериватам мечей этого типа исследователь отнес мечи с серповидным навершием без перекрестия (Смирнов, 1980). В меотских памятниках встречены мечи с серповидными навершиями, как с перекрестием, так и без него. Мечи различаются формой навершия: классические серповидные, V-образные и полукольцевые (последние выделил В.Р. Эрлих). Мечи с серповидным (или полукольцевидным) навершием он выделил в подотдел II отдела II мечей с антенным навершием, подразумевая, что серповидные навершия происходят от антенновидных (Эрлих, 1991. С. 83-84). Нам представляется, что объединение в один отдел мечи с разной формой навершия – не корректно. Известные нам находки мечей с серповидным навершием из меотских памятников требуют уточнения хронологии.

Из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2 происходят три меча этого типа без перекрестия. Меч из погр. 188в с V-образным навершием, судя по остаткам тлена, находился в деревянных ножнах (рис. 1, 1). Основание клинка срезано почти под прямым углом к рукояти. Длина меча – 68 см.

Из этого погребения происходит амфора «прикубанской» серии типа II-B, дату которой мы ограничиваем второй четв. II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, Монахов, 2011. С. 268. Табл. 4, 11). Вместе с амфорой был найден сероглиняный трехручный канфар с шипами у верхних прилепов ручек, на высоком коническом поддоне. Хронология этого типа сосудов, как мы писали ранее, пока ограничивается второй четвертью II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 229, 237. Рис. 23, 4; 40, 5; 50, 12).

У меча с V-образным навершием из погр. 205з (рис. 1, 2) основание клинка срезано под прямым углом к рукояти. На основании клинка лежала узкая, тонкая железная пластинка от оковки ножен. Клинок был заключен в железные ножны, которые сверху были обложены деревом. Между железными ножнами и деревянной обкладкой была проложена ткань крупного переплетения. Длина меча – 71,6 см, ширина клинка – 6 см, ширина ножен – 7,4 см (размеры по полемому чертежу).

Вместе с мечом были найдены амфора того же типа, что и в предыдущем погребении, и сероглиняный двуручный канфар на низком кольцевом поддоне последней четверти II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 229. Рис. 23, 4).

Из погр. 318з (рис. 1, 3) происходит меч с полукольцевым навершием без перекрестия. Основание клинка срезано под тупым углом к рукояти. Длина меча – 60 см. По сероглиняному трехручному канфару на кольцевом поддоне этот комплекс датируется в пределах второй пол. II – нач. I в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 237).

Два меча с серповидным навершием известны в могильнике городища Спорное. В погр. 67 был найден меч без перекрестия (рис. 1, 4). Длина меча (по графической реконструкции) – 63 см. Данных для узкой датировки недостаточно, железный втульчатый наконечник стрелы с маленькой (1,2 см) головкой из этого погребения позволяет условно отнести этот комплекс к III-II вв. до н.э.

Из погр. 97 происходит меч без перекрестия (рис. 1, 5). Основание клинка срезано под тупым углом к рукояти. Длина меча – 64,4 см. Вместе с мечом в комплексе были встречены железный наконечник копья и стеклянные бусы, которые позволяют датировать это погребение в пределах II-I вв. до н.э.

В погр. 3 (раскоп VI 1983 г.) могильника городища № 3 хут. Ленина вместе с разнообразным инвентарем был найден меч с полукольцевым навершием (рис. 1, 6). Восстановленная длина меча – ок. 70 см. Из этого погребения происходит родосская амфора поздней серии варианта *вилланова* (I-E-2) с клеймом эпонима Аглумброта, деятельность которого ограничивается 197 г. до н.э. (Finkielsztejn, 2001. P. 124, 192. Tabl. 6, 19). На этом основании хронологические рамки погр. 3 можно ограничить первой четвертью II в. до н.э.

Из погр. 14 (раскоп II 1982 г.) этого же могильника происходит меч с серповидным навершием (рис. 1, 7). Основание клинка срезано под прямым углом к рукояти. Длина меча 49,2 см. Сероглиняные кувшин, миска и чашечка датируют это погребение в пределах II-I вв. до н.э.

У меча из разрушенного погр. 6 (раскоп VI 1983 г.) этого же могильника не сохранилась верхняя часть, но судя по форме и размерам клинка, его также можно отнести к рассматриваемому нами типу. В комплексе была найдена родосская амфора варианта *вилланова* поздней серии (I-E-2) с клеймом эпонима Тисамена, хронологическая позиция которого соответствует промежутку между 125-121 гг. до н.э. (Finkielsztejn, 2001. P. 156, 195. Tabl. 12, 21). Это позволяет отнести комплекс к началу последней четв. II в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 227-228. Рис. 47).

Следует упомянуть также погр. 4 II-I вв. до н.э. некрополя Воронежского городища № 3 (раскопки Н.В. Анфимова 1966 г.), из которого происходят два меча длиной 75 см с серповидными навершиями, без перекрестия. Сероглиняные кувшин и миска из этого комплекса относятся ко II-I вв. до н.э.

Мечи этого типа, без перекрестия известны и в меотских памятниках Закубанья. Четыре меча найдены в Тенгинском некрополе. Меч из погр. 68 длиной 75,5 см имеет V-образное навершие. В погр. 140, 158, 251 были встречены мечи с серповидным (или полукольцевидным) навершием. Длина целых мечей – 68 см и 84 см. Хронологическую позицию этих комплексов авторы монографии определили в пределах II в. до н.э. (Беглова, Эрлих, 2018. С. 149. Рис. 180, 1, 3, 4, 10).

Хронологический анализ показывает, что рассмотренные комплексы с узкими датами укладываются в рамки II в. до н.э. Но есть один комплекс, который может датироваться более ранним временем. К.Ф. Смирнов приводил меч с серповидным навершием из погр. 2 Елизаветинского могильника № 1 (раскопки А.В. Городцова 1934 г.), в котором была найдена пантикапейская монета второй пол. III в. до н.э. с изображением лука, стрелы и надписью «ΠΑΝ», в качестве доказательства того, что синдо-меотские мечи с брусковидным навершием «доживают» до второй пол. III в. до н.э. (Смирнов, 1980. С. 43. Рис. 3, 1). В этом погребении находилось четыре монеты, на трех из них читалась надпись «ΠΑΝ» и представлены указанные изображения (МАЭ, инв. № 5266/1-4), поэтому предполагать большое «запаздывание» монет не приходится. На данный момент меч с серповидным

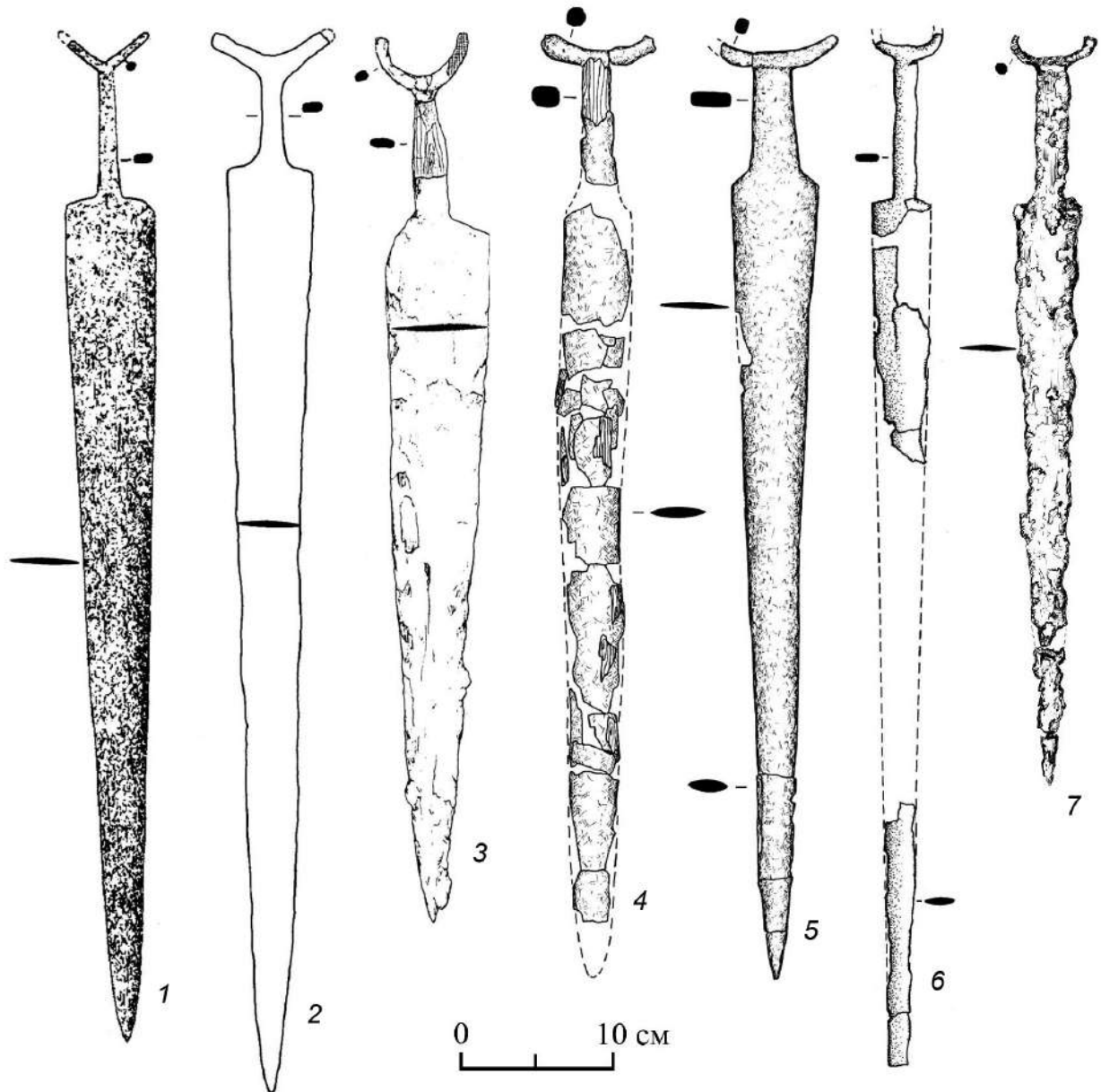

Рис. 1. Мечи из меотских памятников: 1-3 – могильник Старокорсунского городища № 2 (1 – п. 188в; 2 – п. 205в; 3 – п. 318в); 4, 5 – могильник городища Спорное (4 – п. 67; 5 – п. 97); 6, 7 – могильник городища № 3 хут. Ленина (1 – р. VI, п. 3 1983 г.; 7 – р. II, п. 14 1982 г.)

навершием из Елизаветинской является самым ранним из всей серии оружия этого типа. Однако остается открытым вопрос о хронологическом разрыве, как минимум, в четверть века, между верхней датой существования (сер. III в. до н.э.) синдо-меотских мечей с брусковидным навершием и нижней границей появления (вторая пол. III в. до н.э.) мечей с серповидным навершием из меотских памятников.

Литература

1. Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника. М., СПб.
2. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК № 5.
3. Смирнов К.Ф. 1980. О мечах синдо-меотского типа // КСИА 162.
4. Эрлих В.Р. 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
5. Finkielsztein G. 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphorique rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C environ. Premier bilan, British Arch. Rep., Int. ser. Oxford.

Магомедов М.Г., Абдулаев¹ А.М., Шаушев² К.Б.

¹Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала,

²ООО «НПЦ туризма и краеведения», г. Махачкала

АНДРЕЙАУЛЬСКИЙ 2-Й МОГИЛЬНИК (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Андрейаульский 2-й могильник, расположенный в 3 км к югу от сел. Эндирей (бывш. Андрейаул) Хасавюртовского района Республики Дагестан, исследовался в 1984-1985 гг. экспедицией ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР под руководством М.Г. Магомедова (1932-2007). Некрополь состоит из каменных ящиков-склепов, служивших, очевидно, в основном, семейными усыпальницами. Материалы могильника публиковались лишь частично, выборочно (Магомедов, 1994. С. 12, 22-23. Рис. 4; Бакушев, 2006. С. 35, 56; 2010. С. 50, 53. Рис. 1; 2013, рис. 2, 24; Бакушев, Гаджиев, 2011. С. 215. Рис. 1, 4-5, 5, 2).

Всего было исследовано 15 ящиков-склепов (рис. 1), служивших, главным образом, для многократных погребений. Ящики-склепы ориентированы по оси Ю-С (погр. №№ 2, 3, 5, 6 1984 г.; погр. №№ 1-4 1985 г.), ЮЗ-СВ (погр. №№ 4, 7-10 1984 г., погр. 5 1985 г.) и лишь один – по оси З-В (погр. № 1 1984 г.). Большинство погребенных в ящиках-склепах было перемещено в ходе подзахоронений. При этом перед очередным захоронением из погребальной конструкции удалялись кости предыдущего погребенного кроме его черепа. Вследствие этого положение и ориентировка погребенных фиксируются не для всех погребенных, а, как правило, для последних захороненных или для единственных погребенных в могиле, чьи кости сохранились *in situ*.

Большинство погребенных захоронены в вытянутом положении на спине с подогнутыми ногами.; трое погребенных – в скорченном положении (погр. №№ 1, 3, 7 1984 г.; погр. № 2 1985 г.). Погребенные ориентированы в южный сектор. Исключение составляет погр. № 1 1984 г. в сильно скорченном положении, в ящике, ориентированном по линии З-В, головой на восток. В погр. 2 1984 г. в ящике-склепе, ориентированном по оси С-Ю, погребенный лежал на спине, по диагонали погребальной камеры с ориентировкой СЗ-ЮВ, головой на ЮВ.

Захоронения в ящиках-склепах характерны для Северо-Восточного Кавказа, и погребения Андрейаульского 2-го могильника обнаруживают довольно близкие аналогии в погребальной конструкции и обряде, в частности, в Сиртычском могильнике первых веков н.э., где были прослежены многократные захоронения в гробницах (Бакушев, 2006. С. 56, 60). На местный характер также указывают такие признаки, как погребальная конструкция (ящик, ящик-склеп), скорченная поза погребенных на левом или правом боку (погр. №№ 1, 3, 7, 1984 г.), многократность захоронений в относительно долго функционировавшем ящике-склепе (от 3 до 13 погребенных, судя по количеству черепов), восточная ориентировка (погр. № 1 1984 г., погр. № 3 1985 г.). Давудов О.М. отмечал, что скорченные на боку погребения и вторичные захоронения характерны для погребальных памятников предгорной и горной зоны Дагестана, причем в большинстве памятников такие признаки доминируют (Давудов, 1997 С. 94). Влияние сарматского погребального обряда, учитывая расположение могильника близ Андрейаульского городища, в контактной зоне взаимодействия

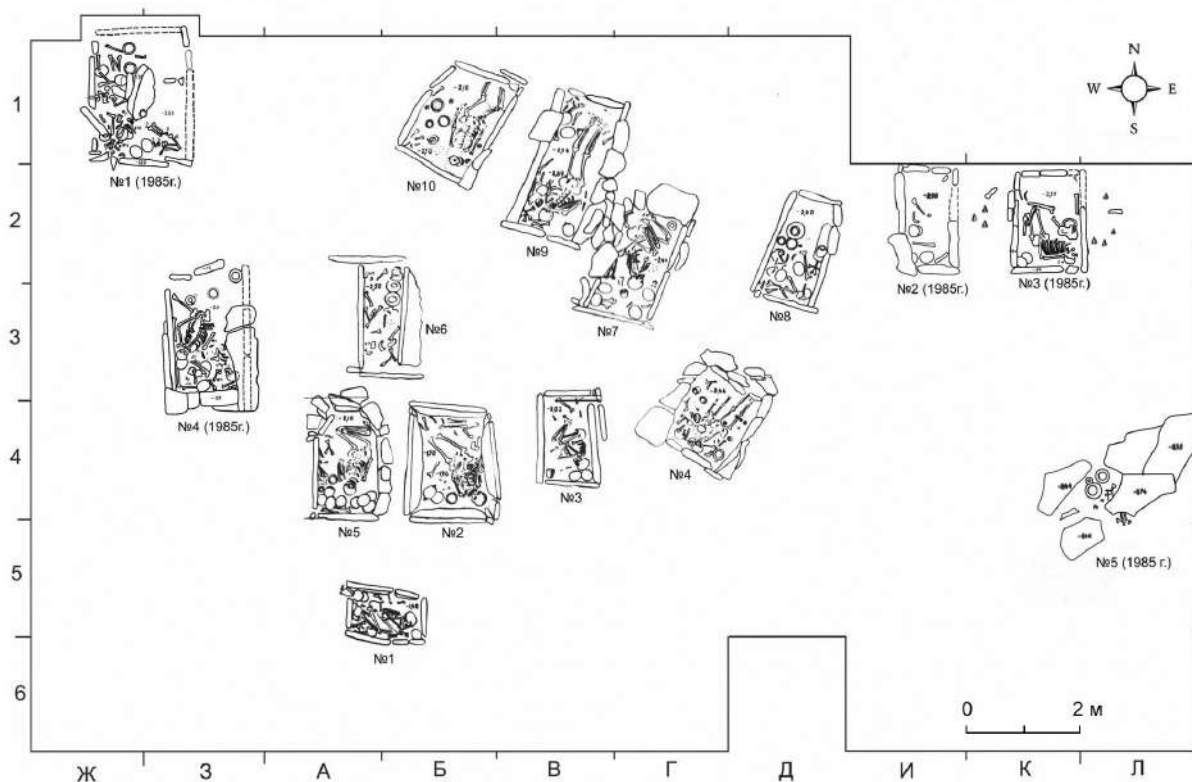

Рис.1. Андреяульский 2-ой могильник. Общий план раскопа.

местных и сарматских племен, возможно, нашло отражение в вытянутой на спине позе погребенных с ориентировкой в южный сектор (погр. №№ 2, 4, 5, 7-10 1984 г.) и в отмеченном выше диагональном погребении на спине с ориентировкой в южный сектор (погр. № 2 1984 г.). М.С. Гаджиев ранее обратил внимание, что типичная для погребений Львовских курганных могильников позднесарматского времени ориентировка в южный сектор характерна для памятников среднесарматской культуры Волго-Донского междуречья (Гаджиев, 1997. С. 78). В дальнейшем В.Ю. Малашев развил эту точку зрения (см., напр.: Малашев, 2016. С. 8, 12, 52).

Погребальный инвентарь Андреяульского 2-го могильника включает керамические сосуды, предметы одежды и украшения, орудия труда, оружие.

Керамический комплекс представителен и разнообразен (47 целых сосудов). Он представлен кувшинами (в т.ч. с так называемым пышным орнаментом типа Андреяул и с характерными ручками с валиками и насечками), горшками, миниатюрными горшочками с внутренним валиком для упора крышек (которые также были найдены в погребениях), кружками, мисками (находящими близкие аналоги в материалах Львовских могильников и Зеленоморского кургана-кладбища), баночными сосудами, плоскими-солонками и ритуальными сосудами, рассмотренными М.А. Бакушевым и М.С. Гаджиевым (2011. С. 215-236). В целом керамический комплекс Андреяульского 2-го грунтового могильника проявляет чрезвычайную близость к керамике нижних слоев первых веков н.э. Андреяульского городища и сочетание различных гончарных традиций.

Предметы одежды представлены двумя лучковыми бронзовыми фибулами, бронзовой и железной сьюльгамами, железными пряжками и оригинальными бронзовыми бляхами.

Украшения представлены бронзовыми браслетами, бронзовыми витыми кольцами, серебряными и бронзовыми гладкими кольцами, бронзовыми серьгами с разомкнутыми концами, бронзовой пуговицей, подвесками из зубов животных. Представительна коллекция бус, которая включает стеклянные, пастовые, сердоликовые и гагатовые бусы различных форм и размеров.

Орудия труда представлены железными ножами, керамическими и каменными пряслицами, шильями и костяной пластинкой-скребком (?).

Предметы вооружения немногочисленны и представлены фрагментом рукояти меча (кинжала?) с антенновидным навершием, фрагментами меча с бронзовой накладкой от обкладки ножен, костяным втульчатым пирамидальным наконечником стрелы, небольшим железным втульчатым наконечником копья-дротика.

Данный некрополь относится к кругу памятников, тяготеющих к культуре Андрейаульского городища, и по представленному погребальному инвентарю (прежде всего, лучковые фибулы и кувшины с «пышным» орнаментом, выступающие хронологическими индикаторами) его следует датировать II-III в. н.э. Отметим, что по мнению В.Ю. Малашева в основе культурогенеза памятников круга Андрейаульского городища были три компонента – население, оставившее памятники типа «Чегем – Манаскент», население из предкавказских степей, являвшееся носителями культуры ранне- и среднесарматского времени, и местное оседлое население равнинных территорий Дагестана (Малашев, 2016. С. 44).

Литература

1. Бакушев М.А. 2006. Погребальный обряд населения Дагестана в албано-сарматское время. Ростов-на-Дону.
2. Бакушев М.А. 2010. Типология ритуальных сосудов Дагестана албано-сарматского времени // Вестник Дагестанского научного центра. № 37.
3. Бакушев М.А. 2010. Подковообразные фибулы Северо-Восточного Кавказа первой половины I тыс. н.э. // Вестник Дагестанского научного центра. № 43.
4. Бакушев М.А., Гаджиев М.С. 2011. О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный - М.
5. Гаджиев М.С. 1997. Между Европой и Азией: из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
6. Давудов О.М. 1996. Материальная культура населения Дагестана албанского времени. Махачкала.
7. Магомедов М.Г. 1994. Хазары на Кавказе. Махачкала.
8. Малашев В.Ю. 2016. Памятники среднесарматской культуры северо-кавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.

Магомедов¹ Р.Г., Сагитова² М.Д., Хазамов¹ Д.-А.А.

¹ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачкала

²Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

КУЛЬТОВОЕ МЕСТО РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У ХУТОРА ГВАЛЛА (ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН)

Весной 2012 г. в окрестностях хутора Гвалла (Гунибский р-н РД), в урочище *Маххалратил ахали* (в пер. с авар. – «Низина, где находят бусины») (1160 м над у.м.), при выравнивании площадки под строительство частного дома местными жителями были обнаружены бронзовые антропоморфные и зооморфные статуэтки и другие предметы культового характера. К сожалению, информация об обнаружении, разрушении и ограблении археологического объекта очень скупа и разноречива. Работая в новостроечной археологической экспедиции в зоне затопления Гоцатлинской ГЭС, мы посетили место обнаружения археологических находок, провели опрос информаторов. Уроженец этого хутора, бульдозерист Рамазанов Пархурав передал нам две зооморфные статуэтки, которых подобрал на строительной площадке. По его словам, находок было много, они появились внезапно из-под ножа бульдозера. Каких-либо деталей вероятных погребальных конструкций он и другие очевидцы не запомнили. Отрицателен был ответ и на вопрос об обнаружении бронзовых предметов в каком-либо сосуде. В последующем находки разошлись по рукам, некоторые из них выставлялись в социальных сетях.

Цель настоящей публикации – обобщение имеющейся информации по данному археологическому объекту. Точное количество найденных артефактов установить не удалось. В разное время от местных жителей нам удалось заполучить следующие бронзовые предметы, которые в настоящее время передаются в Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи (далее – НМ РД): две зооморфные фигурки (козел и конь – рис. 1, 3,4); колокольчик (железный язычок не сохранился) (рис. 1, 2); обломки ног антропоморфной статуэтки с соединительной перемычкой под ступнями; два наконечника (один деформирован) конической формы, свернутые из тонких пластин; трубчатая пронизка с утолщением и отверстием в центре; фрагмент гофрированного кольца – шайбы (от привески); пуговица с ромбовидным щитком и петелькой; четырехлопастный наконечник стрелы с обломанными концами. При осмотре сдвинутого со строительной площадки грунта нами также были обнаружены: бронзовая пластинка полуовальной формы в виде геральдического щита от кожаного панциря с отверстиями вдоль верхнего края и одним отверстием у узкого нижнего фигурного края; пастовая «глазчатая» бусина и раковины «каури» (8 экз.). Кроме того, имеется информация о целом ряде бронзовых предметов, происходящих с этого места и хранящихся у местных жителей, а именно: женская статуэтка с обломанными ниже колен ногами; аналогичная целая фигурка; статуэтка быка с обломанными рогами и фрагмент ноги зооморфной статуэтки.

Бронзовая зооморфная фигурка (высота 9,2 см), изображающая безоарового «бородатого» козла в статичном состоянии (рис. 1, 3), имеет симметрично расположенные на тулове и шее ямки (для вставок инкрустаций). Фигурка деформирована в древности: раскидистые рога смяты и частично обломаны; ноги согнуты в дугу под брюхом и заходят друг на друга. Концы ног соединены между собой, образуя петли. Фигурки козлов, в том числе безоаровых, находили в Дагестане многократно (Арчо, Беледи, Чадоколюб, и т.д.),

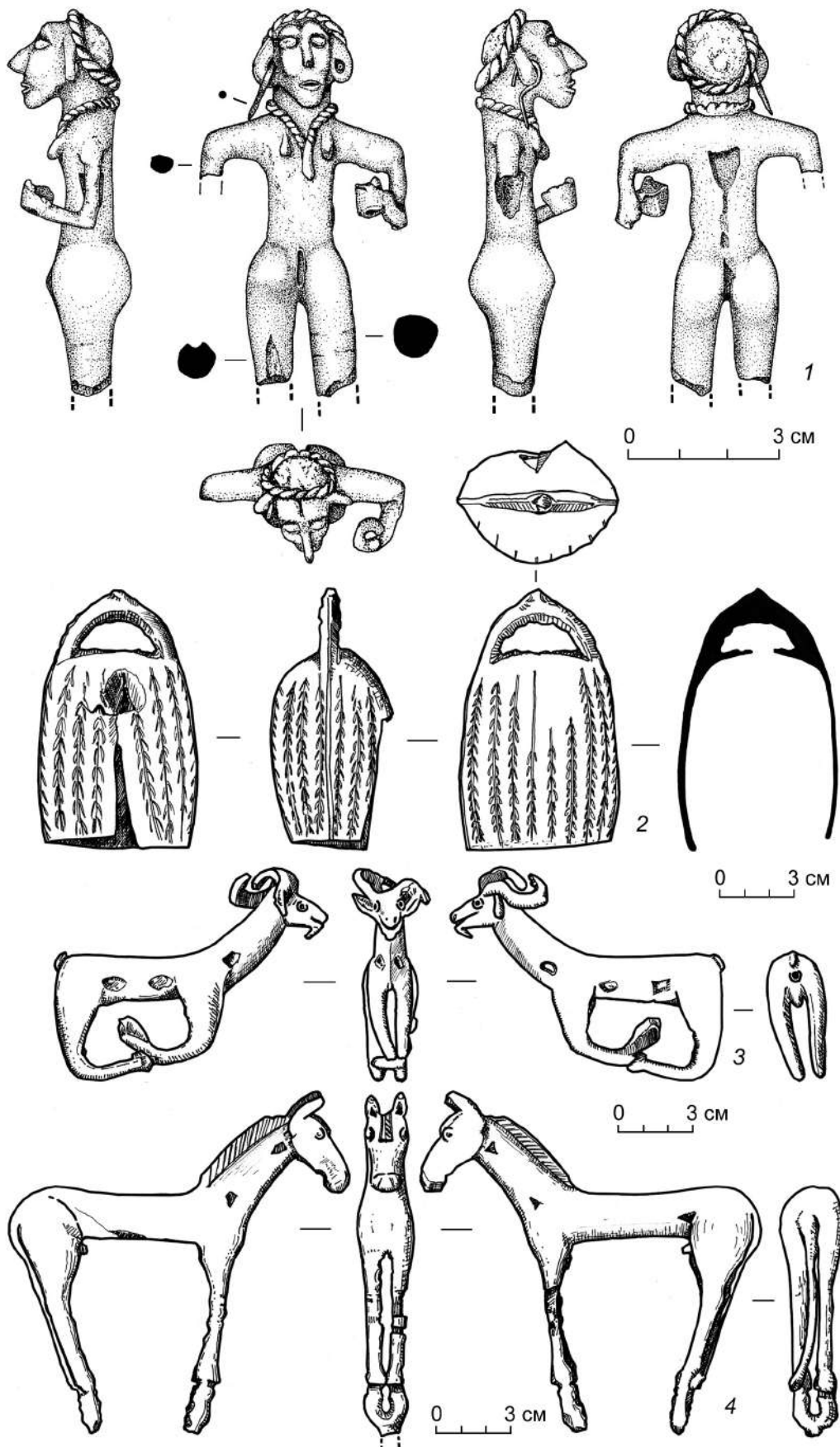

Рис. 1. Бронзовые находки из культового места Гвалла (1 – женская фигурка; 2 – колокольчик; 3 – фигурка безоарового козла; 4 – фигурка коня)

но прямой аналогии фигурке из Гвалла нет. Наиболее близка фигурка неясного происхождения («из горного Дагестана»), хранящаяся в фондах НМ РД и отнесенная к середине I тыс. до н.э. (Маммаев, 1989. Рис. 26).

К этому же времени можно отнести и бронзовую объемную фигурку коня (высота 14,7 см), найденную у хутора Гвалла (рис. 1, 4): у нее – реалистично моделированная голова с челкой и выступающими ушами, вытянутая шея с подстриженной гривой, удлиненное туловище, округлый круп, обозначенный фаллос, длинные, тонкие ноги параллельно сдвинуты и заканчиваются петлями. Как и у фигурки козла, поза коня статичная; на его тулове и шее также имеются плохо сохранившиеся треугольные ямки, предназначенные для инкрустаций (железом?). Очень близкие по технике изготовления и иконографии бронзовые объемные фигурки коня, обычно датируемые серединой I тыс. до н.э., известны из горного Дагестана (Гагатль, Согратль – см.: Круглов, 1946. С. 38-40. Рис. 15-16; Давудов, 1974. Табл. XIV, 7, 9). Еще одна подобная статуэтка коня, происходящая из горного Дагестана, хранится в НМ РД (Исаков, 1966. С. 85. Табл. 7, 4 – местонахождение ошибочно связано с перевалом Речол у с. Гагатль).

Антропоморфные статуэтки из культового места у хутора Гвалла представляют изображения женщин. Они, как и зооморфные фигурки, изготовлены литьем по восковой модели, показаны в статичной манере. Одна из статуэток с обломанными ниже колен ногами (рис. 1, 1) сохранилась на высоту 8 см. У нее выразительное, слегка асимметричное лицо, большой выступающий горбатый нос; на мочке правого уха сохранилась проволочная серьга в виде знака вопроса. Верх головы фигурки оконтурен обручем, имитирующим витую диадему или косу. Подобный витой жгут-гривна обнимает шею, свисая соединенными гладкими концами между миниатюрными грудями. Правая рука ниже локтя отломлена; левой согнутой в локте рукой фигурка держит ритон. У второй целой женской статуэтки верх головы также увенчан витым обручем, от которого вдоль позвоночника по спине свисает лента (коса?). Обе фигурки близки известной женской статуэтке, происходящей из с. Корода (около 4,7 км к СВ от хутора Гвалла) и впервые опубликованной З.И. Нечушкиной (1973. С. 13-23. Рис. б/н), которая отнесла ее к сер. I тыс. до н.э. По классификации В.И. Марковина (1986. С. 84, 86, 90-91. Рис. 10, 2), данная фигурка была причислена к варианту «г» серии 3, а ее происхождение по ошибке было связано с территорией Цунтинского района. Как известно, всю культовую антропоморфную пластику Кавказа В.И. Марковин датировал в рамках кон. II тыс. до н.э. – V в. до н.э. (1986. С. 107). По классификации О.А. Брилевой, статуэтки из Корода и Гвалла относятся к самостоятельно и статично стоящим фигуркам с предметами в руках, датируемые I-II вв. н.э. (Брилева, 2012. С. 206. Ил. 28, кат. 488). По типологии О.М. Давудова такие статуэтки определены как бронзовые (категория 2) объемные (отдел 2) женские (группа 2) обнаженные статуэтки с ритонами в руках (тип 5) с широкой датой от III в. до н.э. до VIII в. н.э. (Давудов, 2016. С. 47-48, 59, 60, 70. Рис. 22, 4). Следует сказать, что ранее бронзовые объемные статуэтки им датировались в рамках IX-IV вв. до н.э. (Давудов, 1974. 84-94., 133).

Как видим, в датировке бронзовых антропоморфных статуэток, аналогичных гваллинским, нет единства: даты варьируются в пределах почти тысячелетия. При установлении примерной даты предметов, обнаруженных у хут. Гвалла, в т.ч. и бронзовых фигурок, надо обратить внимание на находку бронзового тюльпановидного колокольчика (высота 11,3 см) с боковой прорезью, орнаментированного параллельными вертикальными линиями висячих гирлянд с елочным узором (рис. 1, 2). Такой колокольчик, правда, без орнамента, был найден ранее в с. Мачада (Шамильский район РД) в глиняном сосуде вместе с бронзовыми

фигуркой обнаженного мужчины в гребенчатом шлеме и орнаментированной булавкой с зооморфным навершием (Давудов, 1974. С. 82. Табл. XIV, 1; 2016. С. 45. Рис. 17, 5). Бронзовые тюльпановидные колокольчики с боковой прорезью, с гладкой или рифленой поверхностью хорошо известны по раннескифским погребальным памятникам Северного Кавказа VII-VI вв. до н.э. (Батчаев, 1985. С. 49-53. Табл. 14, 21; Табл. 27, 45-48; Табл. 35, 12, Табл. 39, 1-4; Табл. 43, 25; Махортых, 2014. 175-176. Рис. 1, 8-9). Подобные колокольчики были характерны и для кобанских древностей: например, они были найдены в составе Казбегского клада VI-V вв. до н.э. (Брилева, 2012. С. 102-111. Ил. 17. Кат. 304, 306, 307, 315, 316); встречались в Ксанском ущелье Грузии в комплексах VI-V вв. до н.э. (Доманский, 1984. Ил. 35).

Таким образом, комплекс находок из культового места у хутора Гвалла может быть датирован раннескифским временем (VI-V вв. до н.э.). Этой дате не противоречат и такие бронзовые предметы из комплекса, как панцирная пластинка, пуговица ромбовидной формы с прямой поперечной петелькой, известные по кобанским и скифским памятникам Кавказа.

Культовое место Гвалла, к сожалению, разрушенное и разграбленное, относится к редкой группе мест обнаружения бронзовых статуэток – на террасированных склонах гор (наряду с вершинами гор и высокогорными долинами – см.: Брилева, 2014. С. 128) и имеет важное значение для уточнения хронологических рамок существования бронзовой антропо- и зооморфной пластики на Северо-Восточном Кавказе.

Литература

1. Батчаев В.М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.
2. Брилева О.А. 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.
3. Брилева О.А., Давудов Ш.О., Чижова А.А. 2014. Культовые места горного Дагестана // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апр. 2014. М.
4. Давудов О.М. 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
5. Давудов О.М. 2016. Антропоморфная пластика Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
6. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.
7. Исаков М.И. 1966. Археологические памятники Дагестана. Махачкала.
8. Круглов А.П. 1946. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК. Вып. XII.
9. Маммаев М.М. 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала.
10. Марковин В.И. 1986. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
11. Махортых С.В. 2014 // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апр. 2014. М.
12. Нечушкина З.И. 1973. Женская скульптурка из селения Корода // Сообщения ГМИНВ. Вып. VII. М.

Марченко¹ Ю.В., Котин² М.А.

¹Государственный Эрмитаж, ²Библиотека РАН, г. Санкт-Петербург

ЭЛЕМЕНТЫ КОБАНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ КУРКУЖИН (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

В 2016-2018 гг. в ходе работ на могильнике Верхний Куркужин Северо-Кавказской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа было исследовано 65 погребальных конструкций, в т.ч. 52 каменных ящика и 13 грунтовых ям. В одном погребении могло быть захоронено от 1 до 3 чел. Во всех случаях, где можно судить об ориентировке погребенных, ее можно условно обозначить как восточная, иногда с незначительными отклонениями. Поза погребенного – скорченно на правом, реже – на левом боку. В некоторых комплексах кости человека обнаружены не были, в первую очередь, это связано с плохой сохранностью погребений (оползни, ограбления, норы). Каменные ящики имели перекрытие из плит, над грунтовыми захоронениями зачастую располагалась каменная плита. Судя по планиграфии могильника, все захоронения имели наземные признаки, т.к. лишь в одном случае грунтовое погребение (погр. 8, раскоп I) было нарушено каменным ящиком, в результате чего в захоронении отсутствовала верхняя часть костяка погребенного. В процессе раскопок нами был зафиксирован уровень погребенной поверхности, на котором располагались камни оградок погребений, скопления фрагментов керамики и костей животных. Последние встречались и в самих погребениях, в двух случаях в могилу были помещены целиком лошади, в остальных – различные кости собаки, барана и козла.

Там, где *in situ* были обнаружены кости человека и глиняные сосуды, можно говорить о том, что керамические сосуды всегда размещались в ногах погребенного. Помимо керамики погребальный инвентарь был представлен предметами вооружения, украшениями и деталями костюма. К последним относятся служившие застежками для одежды фибулы и булавки, скрепленные цепочкой, а также раковины каури, которые были нашиты на головной убор.

Всего нами было исследовано 5 комплексов, в которых были найдены фибулы. Две из них плохо сохранились, т.к. были изготовлены из железа, и три – хорошей сохранности, отлитые из бронзы.

Первая фибула была обнаружена в 2016 г. в погр. 1 раскопа II. Еще во время расчистки верхнего уровня плит каменного ящика стало понятно, что большая часть объекта, располагавшегося на краю оползня, уничтожена. Помимо того, что одна из стенок каменного ящика ранее упала в обрыв, в погребении была обнаружена грабительская яма, скорее всего, она была сделана после того, как ящик частично обрушился. Несмотря на то, что погребение было ограблено, в заполнении был обнаружен железный наконечник копья и бронзовая фибула с утолщениями на концах (рис. 1, 16). Костей человека в погребении обнаружено не было.

Еще две бронзовых фибулы было найдено в 2018 г. в погр. 31 и погр. 49. В погр. 31 фибула (рис. 1, 15) располагалась под черепом погребенного. Скелет лежал скорчено на правом боку, головой на ЮВ. Кости кистей отсутствовали, руки согнуты в локтях, ноги согнуты в коленных и тазобедренных суставах. Судя по антропологическим данным, погребение принадлежало мужчине старше 55 лет. Помимо фибулы в погребении был найден

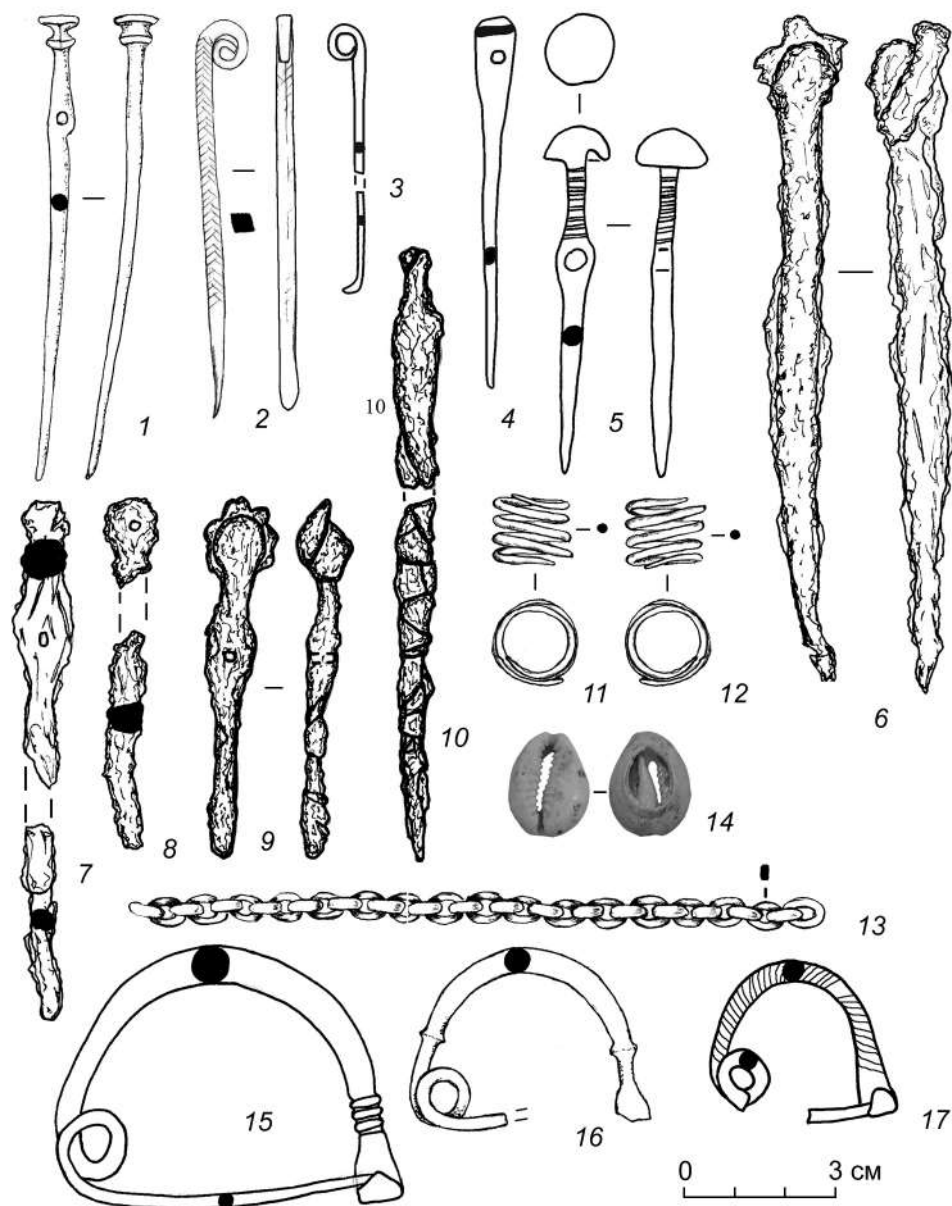

Рис. 1. Могильник Верхний Куркужин. Элементы кобанского погребального костюма. 1-5, 11-13, 15-17 – бронза; 6-10 – железо; 14 – раковина. 1 – раскоп I погр. 4; 2 – раскоп II погр. 5; 3,4 – раскоп II погр. 10; 5,7 – раскоп II погр. 43; 6 – раскоп II погр. 44; 8 – раскоп II погр. 48; 9 – раскоп II погр. 23; 10 – раскоп II погр. 11; 11-13 – раскоп II погр. 4; 14 – раскоп II погр. 65; 15 – раскоп II погр. 31; 16 – раскоп II погр. 1; 17 – раскоп II погр. 49

железный топор, лежавший справа на уровне черепа. В ногах погребенного была обнаружена раздавленная чернолощенная корчага во фрагментах, внутри которой была кружка. При расчистке костей ног был обнаружен фрагмент железного ножа с изогнутой спинкой.

В погр. 49 из-за ограбления все, что находилось в захоронении выше тазовых костей погребенного, не сохранилось. Кости ног ниже коленных суставов находились *in situ*, поэтому можно утверждать, что погребенный лежал скорчено на правом боку. Выше костей ног располагался фрагмент лучевой кости, рядом с которым находились ребра, и фрагменты плечевой кости, лопатки, ключицы и шейных позвонков. Предположительно в погребении был захоронен мужчина старше 20 лет. В ногах погребенного была установлена корчага,

которая была раздавлена плитами перекрытия. Внутри корчаги находилась орнаментированная кружка. Рядом с костями ног была обнаружена бронзовая фибула с орнаментом (рис. 1, 17), и железный нож.

Железные фибулы сохранились гораздо хуже. В 2016 г. в ограбленном погр. 6 раскопа I были обнаружены фрагменты железной фибулы. Также здесь были найдены нож с изогнутой спинкой, керамическое пряслице, стеклянные бусины в виде колокольчиков желтого и голубого цвета и миниатюрные бронзовые колокольчики-подвески с петелькой сверху. Погр. 21 могильника Гастон Уота, где были найдены аналогичные колокольчики, А.П. Мошинский датирует первой пол. IV в. до н.э. Там они вероятно крепились на головной убор ребенка (Мошинский, 2006. С. 46). В нашем случае бронзовые колокольчики были на низке и перемежались с бусинами желтого и голубого цвета. Предполагаемый возраст погребенного – 25-35 лет, половая принадлежность по антропологическому материалу не определяется.

В исследованном в 2018 г. погр. 50 верхняя часть костяка была разрушена грабителями. Судя по антропологическому материалу, захоронение принадлежало женщине старше 55 лет. Она была положена скорчено на левом боку. В северном углу погребения стояла массивная чернолощенная корчага с широким туловом. Сверху на корчаге стояла орнаментированная кружка. Фрагменты железной фибулы, а также железный нож были найдены в мешаной земле.

Помимо фибул для крепления одежды использовали бронзовые и железные булавки, соединенные между собой бронзовой цепочкой (рис. 1, 13). Эти предметы встречаются в погребениях могильника Верхний Куркужин гораздо чаще – в двенадцати погребениях.

Бронзовые булавки были обнаружены нами в трех захоронениях, железные – в восьми, а в погр. 43 была найдена железная булавка (рис. 1, 7) вместе с орнаментированной бронзовой булавкой с грибовидной шляпкой (рис. 1, 5). Лишь в шести случаях булавки были обнаружены в непо потревоженных грабителями комплексах, и мы можем судить об их местоположении около грудной клетки (погр. 4, 10, 11, 42, 43, 44). Что касается положения бронзовых булавок, только в погр. 10 они были найдены нетронутыми, причем принадлежат они разным типам (рис. 1, 3, 4). А в погр. 4 раскопа I и погр. 5 раскопа II бронзовые булавки были найдены в единичном экземпляре в заполнении грабительской ямы (рис. 1, 1,2 соответственно). Типы железных булавок различны, для некоторых из них мы не знаем аналогий (рис. 1, 6,9), другие – имеют плохую сохранность (рис. 1, 8,10).

В погр. 4 раскопа II помимо двух железных стержневидных булавок, скрепленных бронзовой цепочкой, также были найдены бронзовые височные подвески (рис. 1, 11,12). Погребение принадлежало девочке 8-12 лет.

В 2019 г. нами было исследовано детское погр. 65. На черепе ребенка в один ряд по кругу располагались раковины каури (рис. 1, 14). Судя по всему, они были нашиты на головной убор ребенка.

В целом обнаруженный археологический материал позволяет датировать раннюю группу погребений в пределах VII-VI вв. до н.э. а позднюю – IV- нач. III в. до н.э.

В результате исследования могильника Верхний Куркужин в 2016-2019 гг. были получены новые археологические и антропологические материалы, которые дают нам возможность уточнить черты погребального обряда западного варианта кобанской культуры, в т.ч. детали погребального костюма.

Литература

1. Мошинский А.П. 2006. Древности Горной Дигории. VII-IV вв. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 154. М.

Маслов В.Е.

Институт археологии РАН, г. Москва

КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ-II

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 18-09-00725а

В ходе исследования раннескифского курганного могильника Новозаведенное-II в Георгиевском районе Ставропольского края были обнаружены костяные пластины (рис. 1А) неясного назначения: в курганах №№ 6 (3 экз.), 8 (1 экз.), 11 (2 экз.), 13 (2 экз.), 17 (2 экз.) (рис. 1А). Часть из них имеет прямоугольную форму (из кург. №№ 6, 11, 13, 17), часть – сложную фигурную с боковыми вырезами (из кург. №№ 8, 11, 17). По материалам этих курганов данные находки можно отнести к последней трети VII в. до н. э. (кург. № 8, 11, 13) и первой пол. VI в. до н.э. (кург. №№ 6 и 17).

Фигурные пластины в среднем несколько крупнее прямоугольных. Размеры пластин всей серии варьируют в пределах 2,9-6х2,5-5 см. Сечение пластин линзовидное, плавно сужающееся к краям. Некоторые пластины благодаря естественной структуре кости, из которой они изготовлены, имеют желобки на обороте. Поверхности всех пластин заполированы.

Только две пластины из кург. № 13 имеют на поверхности изображения в «зверином стиле». На одной помещено низкорельефное изображение «летающего» оленя (эта пластина, вероятно, роговая) (рис. 1А, 1), на второй – частично сохранившееся, врезное изображение оленя с подогнутыми ногами (Петренко и др. 2000. Рис. 2Б) (рис. 1А, 2). Фигурная пластина из кург. № 11 орнаментирована по центру и краям с вырезом бордюром из глухих округлых углублений (рис. 1А, 7), а сходная пластина из кург. № 17 имеет рельефно выделенный бордюр, дополненный декором из точечных углублений (рис. 1А, 10). В центральной части этой пластины также имеется заполнение из точечных углублений, расположенных хаотично. Одна из трех прямоугольных пластин из кург. № 6 имеет в центре округлое отверстие (рис. 1А, 3). У прямоугольной пластины из кург. № 11 в одном из углов прочерчен крестообразный знак (рис. 1А, 8).

Контекст этих находок не ясен за исключением кург. № 17, где они обнаружены в составе «игрового набора», принадлежавшего подростку, который, судя по доспеху, уже имел воинский статус. Предметы набора были уложены в коробку или сумочку (Петренко и др., 2006. С. 393. Рис. 2, 8). В его состав входили 80 астрагалов МРС и одного КРС, двух бронзовых бит (?) отлитых, вероятно, по отпечаткам настоящих астрагалов, нескольких разноцветных галек, кусочек розового минерала и костяной «волчок» – низкий конус с отверстием в центре, декорированный врезным орнаментом (рис. 1А, 11).

Известно, что в древности игровая и культовая практика дополняли друг друга. Игровой момент мог быть включен в различные ритуалы и использоваться в магических действиях, например, при жеребьевке или гадании. В свите культур, которые предположительно связывают с индоиранцами, наборы игровых/культовых предметов известны уже с периода средней бронзы (Сотникова, 2019; 2019а). В нашем случае пластинки, которые могли

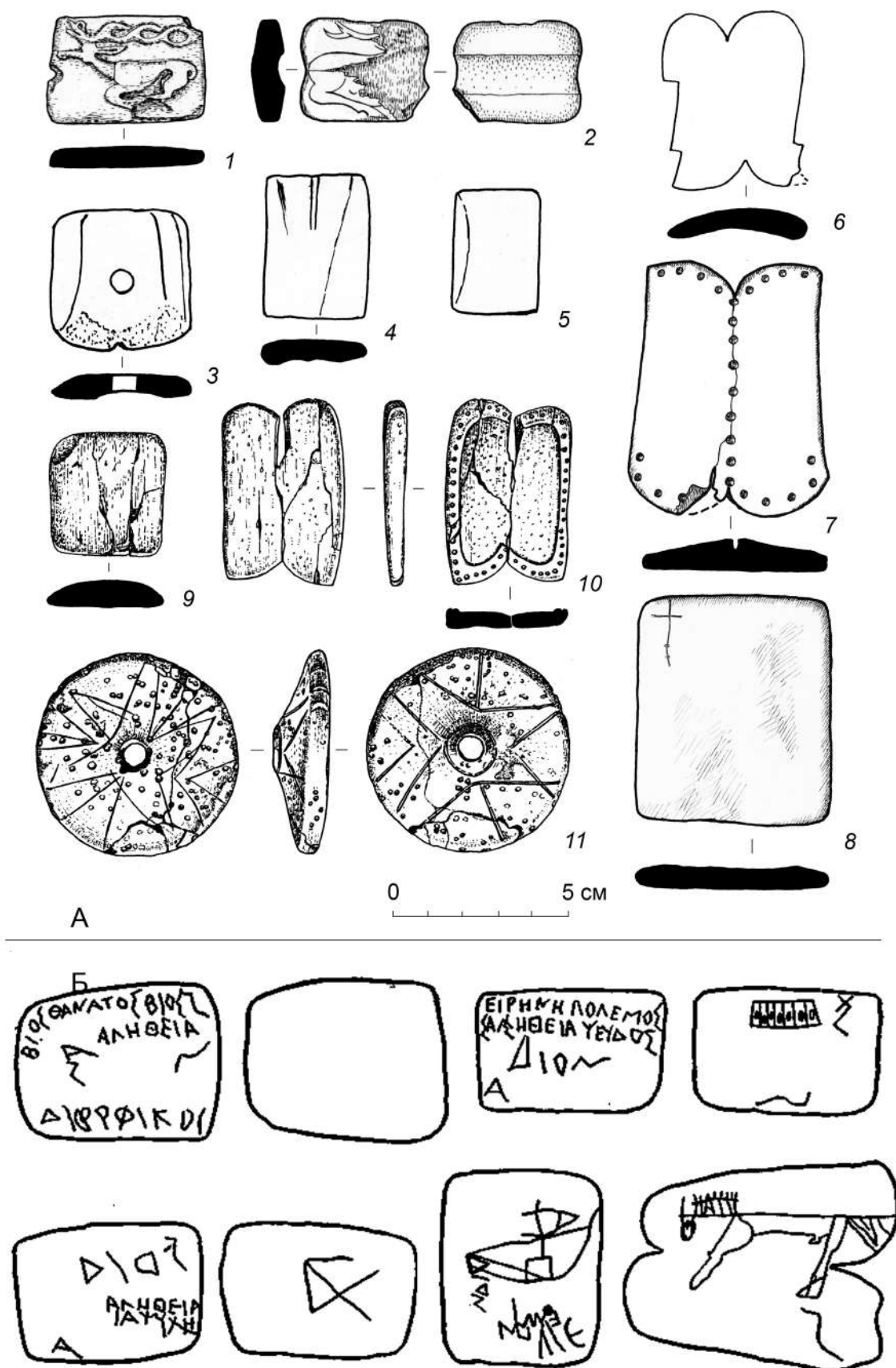

Рис. 1. Костяные пластины из могильника Новозаведенное-II (А: 1-2 - кург. № 13; 3-5 - кург. № 6; 6 - кург. № 8; 7-8 - кург. № 11; 9-11 - кург. № 17) и из Ольвии (Б - по: Русяева, 1979).

являться культовым атрибутом, встречены как в мужских, так и в женских, и подростковых захоронениях. Могильник Новозаведенное-II, вероятно, оставлен семейно-клановой группой племенной верхушки, контролировавшей определенную территорию в эпоху «завоевания родины». Инвентарь некоторых захоронений указывает на то, что военные вожди одновременно являлись жрецами (Петренко и др. 2009. С. 226-228). Жреческие функции могли принадлежать всему клану на правах родства и наследства.

Культовый характер данных изделий следует рассматривать на фоне того, что схожие пластины известны из античных памятников – дореволюционных раскопок некрополя Березани (Капошина, 1956. С. 237) и городских слоев Ольвии – находка 1947 г. (участок Е) (Капошина, 1950. С. 49. Рис. 12), находки 1951 г. на теменосе близ храма Зевса (Русяева, 1979. С. 73-78. Рис. 37, 38, 1-6) и 1975 г. на акрополе (Пургало, 1976. С. 56. Рис. 4, 4). Есть и другие находки (Русяева, 1979. С.79. Рис. 37, 38, 7,8) (Рис. 1Б). Большинство из них датированы V в. до н. э. Форма, размеры и характер обработки поверхности ольвийских пластин близок к новозаведенским. Очень важны граффити на пластинах из теменоса, которые А.С. Русяева связывает с орфическим культом Диониса, имевшим характер мистических таинств. В таких вакхических таинствах, возможно, принимал участие скифский царь Скил, согласно известному рассказу Геродота (Русяева, 1979. С. 79, 80).

Тесные контакты греческих колонистов со скифами, начались, очевидно, с момента их появления на черноморских берегах. Ныне установлено, что не позднее сер. VI в. до н.э. в Березани и, возможно, Ольвии начинается производство т.н. зеркал «ольвийского» типа, декорированных образами скифского «звериного стиля», типологически восходящих к моделям раннескифских зеркал с вертикальным бортиком (Зуев, 2014. С. 71, 72, 83. Рис. 3-5). Зеркала этого типа представлены находками в архаическом некрополе Ольвии (Скуднова, 1988. С. 26, 27). На одном из таких зеркал содержится посвятельная надпись Дионису-Ленею (Русяева, 1979. С. 80, 81. Рис. 39, 12), на другом – зооморфные изображения, нанесенные в свободной графической манере, но в стилистике «звериного стиля» (Скуднова, 1988. С. 115. Кат. 174). Очевидно, эллины опосредованно включали элементы варварских культов в собственную культовую практику, вероятно, полностью их переосмыслив.

Однако такие заимствования не были односторонними. Навершая, декорированные изображениями грифона, восходящими к образам ориентализирующего искусства, из кург. № 8 могильника Новозаведенное-II, возможно, как и «ольвийские зеркала» являются продукцией греческих ремесленников первой волны колонизации (Канторович, 2007. С. 244, 245. Рис. 8, 6). Уже упомянутый выше «волчок» из кург. № 17 (рис. 1А, 11) по декору очень близок к дисковидным костяным предметам с центральным отверстием из архаических слоев храма Артемиды Эфесской (Hogarth, 1908. Pl. XXXVIII, 1, 2).

Литература

1. Зуев В.Ю. 2014. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола. СПб.
2. Канторович А.Р. 2007. Истоки вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // МИАР. № 8.
3. Капошина С.И. 1950. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. Вып. XXXIV.
4. Капошина С.И. 1956. Из истории колонизации Нижнего Побужья // МИА. № 50.

5. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2000. Хронология центральной группы могильника «Новозаведенное II» // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.
6. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2006. Погребение подростков в могильнике Новозаведенное-II // МИАР. № 7.
7. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2009. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991-2003 гг. // Археологические открытия. 1991-2004 гг. Европейская Россия. М.
8. Пургло В.И. 1976. Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г. // КСИА. Вып. 156.
9. Русяева А.С. 1979. Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени. Киев.
10. Скуднова В.М. 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.
11. Сотникова С.В. 2019. К вопросу об интерпретации знаков на игральные кости катакомбной культуры // КСИА. Вып. 255.
12. Сотникова С.В. 2019а. Воинские погребения эпохи поздней бронзы с наборами астрагалов: проблема интерпретации // Поволжская археология. № 1(27).
13. Hogarth D. G. 1908. Excavations at Ephesus. The Archaic Artemisia. London.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И.

НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БЕЙСУЖЕК-1 В 2012 г.

Поселение «Бейсужек-1» площадью ок.20 га открыто в 2012 г. И.В. Цокур близ восточной окраины ст. Новобейсугской (правый берег р. Левый Бейсужек; Выселковский район Краснодарского края). Археологический объект попадал в охранную зону трассы будущего магистрального нефтепровода «Тихорецк – Туапсе 2». Строительным отводом была затронута лишь периферия памятника.

Охранно-спасательным исследованием, производившимся в тот же год на площади в 14258 м², предшествовало снятие техникой верхнего гумусного горизонта, представлявшего собой комковатый слегка увлажненный грунт, содержащий преимущественно битые «глечики» с зеленой поливой и без нее и железную утварь «станичного периода» (по монетам – вторая пол. XIX – сер. XX в.). Исследуемая площадка была разделена между основным исполнителем, ОАО «Наследие Кубани» (раскоп «Восточный», 4832 м²), и четырьмя субподрядными археологическими отрядами из Краснодара и Ростова-на-Дону (нач. экспедиции Е.И. Нарожный).

Участок работ ОАО «Наследие Кубани» дал не слишком многочисленный инвентарь. Под слоем «станичного» периода напластований и, в особенности, на территории между раскопом и береговой полосой реки собрано чуть более десятка средневековых красно- и желтоглиняных амфорных ручек, несколько больше фрагментов венчиков, стенок и донышек от красноглиняной посуды, а также осколки венчиков и стенок от толстостенных сосудов неравномерного прокала. Предварительно укажем: незначительная часть однотипных амфорных фрагментов (ручки, стенки и обломки донышек) находят аналогии среди керамики поселений Железнодорожное 1 и 2 (Майко и др. 2014. С. 341. Рис. 3, 7-8). Есть и пара ручек, вероятно, от т.н. «трапезундских» амфор. Куски толстостенных сосудов заманчиво соотносить с фрагментами стенок т.н. дигирей – керамических емкостей, использовавшихся для подъема воды из реки посредством водоподъемного колеса, приводившегося в движение тягловыми животными. Такие же «следы» т.н. «чигирной системы орошения» сегодня известны на поселении близ Алхан-Калинского городища в Чечне (Нарожный, 2008. С. 525-542), а также и в окрестностях золотоордынского города Маджара (Ртвеладзе, 1975). Аналогичные находки фрагментов дигирей типичны и для сельскохозяйственных округ ряда золотоордынских городов и поселений Нижнего Поволжья. Эти остатки значительно отличают систему подачи воды на поля от системы, следы которой были зафиксированы на поселениях Железнодорожное 1 и 2 (Крымский район Краснодарского края). Орошение здесь, как представляется, предусматривало широкое использование быстро наполняющихся ключевой водой неглубоких колодцев (Нарожный, Соков, 2016а. С. 290-297; 2016б. С. 175-180). Указанные материалы позволяют ставить вопрос о существовании в границах исследованного поселения Бейсужек-1 участков со слабо выраженным культурным слоем XIII-XIV вв. (Нарожный, 2019. С. 22-32).

На участке поселения Бейсужек 1, исследованного ООО «Кубаньохранкультура», был выявлен жернов, средневековая красноглиняная керамика с вытянуто-цилиндрическим туловом, черешковый наконечник стрелы и кресало, вероятно, этого же периода времени, хотя предварительно авторы раскопок отнесли их к «хазарской эпохе».

Выявлен и количественно преобладающий инвентарь более раннего, меото-сарматского, времени. В нем было несколько фрагментов чернолаковой посуды, из которой

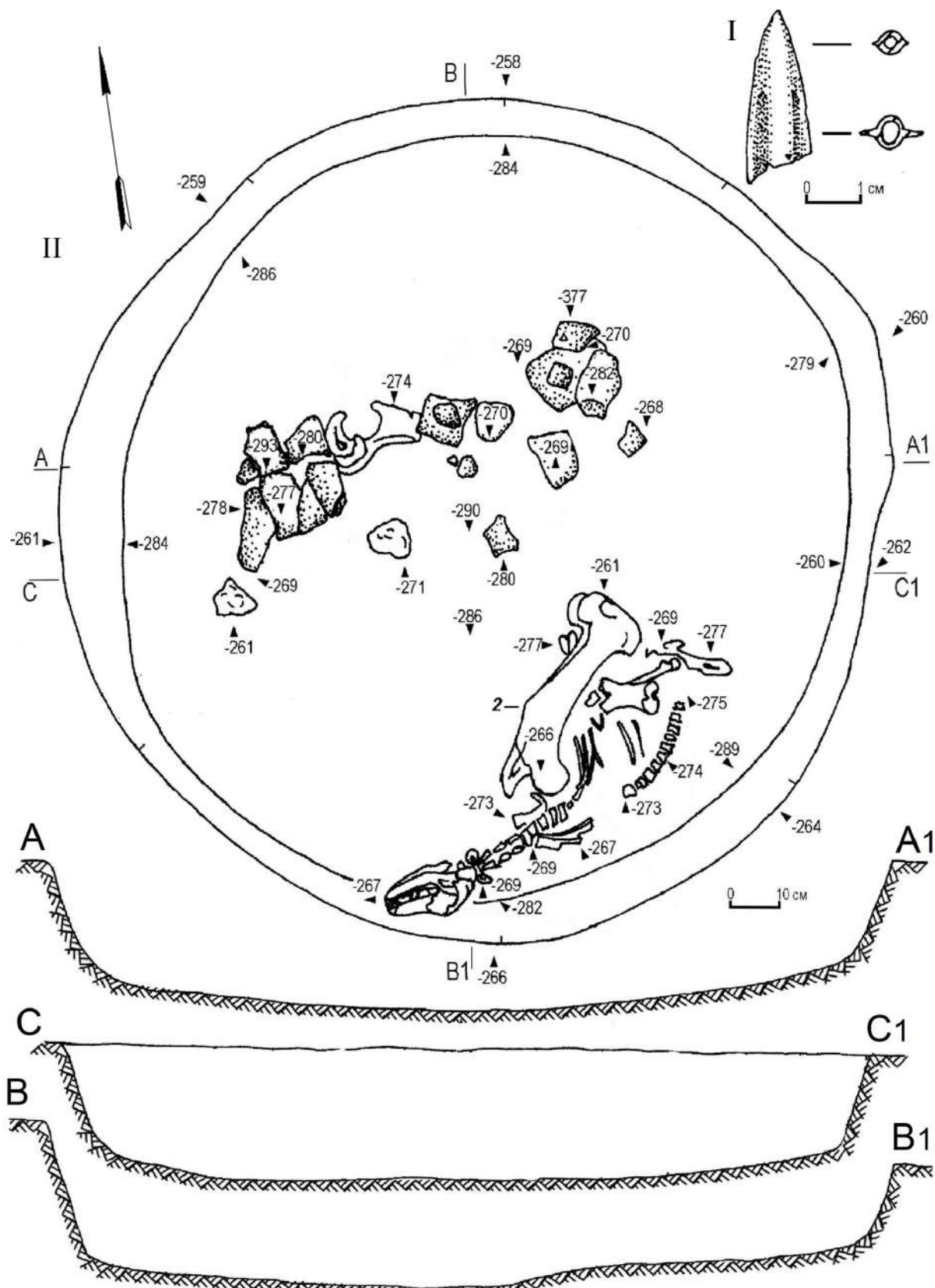

Рис. 1. Поселение «Бейсузжек 1» (по раскопкам 2012 г.). I – базисный бронзовый наконечник стрелы (кв. А-64); II – яма в кв. ДЕ-57: план и разрезы (1 – фрагменты керамики; 2 – кости животных).

выделим фрагмент нижней (внешней) части (внутренняя поверхность сбита) дна чернолаковой «солонки на кольцевом поддоне», аналогичной типу солонок из погр. № 94 могильника селища № 5 у хут. Ленина (1980 г.) третьей четверти IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2017. С. 216, 221. Рис. 2, 14).

Среди маловыразительных находок керамики на поселении эпизодически встречались глиняные пряслица, точные аналогии которым можно привести из Прикубанья, например, из погребения II-I вв. до н.э. кургана «Кирпичный» (Лимберис, Марченко, 2019. С. 185. Рис. 2, 1,3). Два железных втульчатых наконечника стрел с трехгранным острием, а также подобранный местными жителями на поле (2013 г.) фрагментированный керамический сосуд с горизонтально расположенными ручками датируются рубежом III-II вв. до н.э. и также находят параллели в составе опубликованных коллекций (Марченко, 1996. Рис. 53, 9; 117, 105). Немалый интерес вызывает фрагмент ручки стеклянного канфара.

Заслуживает внимания и одна из немногочисленных ям (в кв. ДЕ-57), имевшая неправильно округлую форму диаметром 1,6-1,65 м (рис.1, II). У ее южной стенки расчищен фактически полный скелет животного (собаки - ?). Почти в центре ямы отмечено скопление обломков глиняной кухонной утвари раннемеотского времени (сер. VII-VI вв. до н. э.).

Особо выделим найденный в кв. А-64 достаточно редкий в европейских степях базисный бронзовый наконечник стрелы типа 4 с шипом, образованным продолжением одной из двух его лопастей, заостренной на конце (рис. 1, I); его длина 32 мм, ширина – не более 12 мм. В археологических памятниках, например, Украины их включают в состав первой хронологической группы скифских древностей (VII-VI вв. до н. э.): Цукурский лиман (7 экз.); Аксютинцы (курган 4 - 1 экз.); Гуляй-город (курган 38). Судя по иллюстрациям, такие изделия существенно крупнее (не менее 4 см в длину) и, обычно, с очень короткой втулкой (Мелюкова, 1964. С. 18; табл. I, II; 6, О, 9-10, П, 2). В Старшей Могиле интересные нас предметы (6 экз.) обнаружены в колчане, вместе с наконечниками других типов в количестве 205 экз.; среди них есть и железные (Іллінська, 1951. С. 197-198; табл. II, 18-20).

Литература

1. Іллінська В.А., 1951. Курган Старша Могила – пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. № 5.
2. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2017. Миниатюрные чернолаковые сосуды для сервировки стола из меотских могильников правобережья Кубани // Античный мир и археология. № 18. Саратов.
3. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2019. Сарматское погребение из кургана «Кирпичный» в Прикубанье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18. № 1. Волгоград.
4. Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. 2014. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII-XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Вып. XXX. Симферополь.
5. Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
6. Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4. М.
7. Нарожный Е.И. 2008. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России. М.
8. Нарожный Е.И. 2019. Археологические памятники XIII-XV вв. на Кубани: (некоторые актуальные направления в их изучении) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов Вып. 24. Краснодар.
9. Нарожный Е.И., Соков П.В. 2016а. Колодцы и остатки оросительной системы поселения «Железнодорожное-1» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 9. Казань.
10. Нарожный Е.И., Соков П.В. 2016б. О колодцах поселения «Железнодорожное-1» в Крымском районе Краснодарского края // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар.
11. Ртвеладзе Э.В. 1975. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII-XIX вв. и ее связей со Средней Азией. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Мошинский А.П.

Государственный исторический музей, г. Москва

УТРАЧЕННАЯ МОДЕЛЬ И ОРНАМЕНТАЦИЯ КОБАНСКИХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ

Кобанские бронзовые изделия, подавляющее большинство которых изготовлялось в технике литья по утраченной модели, были орнаментированы различными способами. Большинство артефактов, изготовленных в мастерских центральной кобанской культуры, были орнаментированы по восковой модели до отливки, некоторые предметы, относящиеся к кобанской культурно-исторической общности, несомненно, украшены путем гравировки по уже отлитой вещи.

Изучение артефактов производилось как при помощи оптических приборов, так и по макросъемке. Для сравнения привлекались современные бронзовые изделия, изображения на которые наносились как способом гравировки по холодному металлу, так и способом нанесения линий на воск модели.

Техника нанесения изображений на предметах подразделяется на два основных приема: инкрустацию и гравировку, причем инкрустированные предметы почти всегда гравированы.

Инкрустация может осуществляться как железом – путем вставки в восковую модель, так и стеклом – заливкой в гнездо в уже отлитом предмете. При наличии железной вставки часто на тыльной стороне пряжки заметны железные штифты, которые удерживали вставку в форме. Также на обратной стороне пряжек зачастую видны негативные по отношению к гнездам выпуклости – следы вдавления штампов. В ряде случаев поверхность более или менее тщательно заглажена и следов штампа не видно.

Гнездо в модели могло вырезаться или наноситься штампом. Штамп мог быть как отдельным для отдельной фигуры, так и общим для всего изображения. В одном случае на поясной пряжке одно из изображений не поместилось полностью на модели, и на предмете осталась только верхняя часть нижнего изображения (Уварова, 1900. Табл. XVI, 3; Мошинский, 2010. Рис. 90). Одинаковые изображения на изделиях обладают почти полной идентичностью, но и различиями в мелких деталях. Штамп, безусловно, изготовлялся по трафарету, но потом изображение доводилось вручную. Это могло делаться как при изготовлении штампа, так и при окончательной доводке модели (или в обоих случаях). Доводка изображения происходила путем резьбы по уже застывшему воску, что может создавать иллюзию работы по холодному металлу.

Техника работы с трафаретами была хорошо известна кобанским мастерам. В позднекобанское время известно три изделия, изображения на которых выполнены с использованием трафаретов (Журавлев, Мошинский. 1994. Рис. 1; Мошинский, 2006. Рис. 40, 1; 2010. Рис. 242). На всех них – барельефное изображение, полученное в результате оттиска прорезного трафарета на восковую модель. В одном случае – изображение пантеры, состоящее из отдельных частей, соответствующих прорезам в трафарете. В двух других – идентичные изображения козлов (при разной форме пряжек). Таким же способом (отливкой из бронзы) могли изготовляться и недошедшие до нас штампы.

Конечно, нельзя исключать, что штампы не отливались из бронзы, а вырезались из дерева по контуру, нанесенному по трафарету. Для кобанских мастеров, обладавших прекрасными навыками художественной резьбы по дереву, это не составило бы проблем (Мошинский, 2006. Рис. 40, 1,2). Но такая работа была бы для профессиональных литейщиков более трудоемкой, чем отливка металлического штампа. На деревянной плашке пришлось бы выбирать весь фон вокруг изображения. Оттиснуть тот же самый трафарет по воску и далее выполнить привычную работу по отливке изделия было бы для них, наверное, проще.

При наблюдениях за результатом работы современных мастеров были отмечены особенности нанесения линий как при работе по холодному металлу, так и по воску. Проверочным материалом для определения соответствия этих приемов для древних изделий послужили кавказские бронзовые пояса, изображения на которых могли наноситься только методом чеканки. Характер линий на них полностью соответствовал характеру линий на изделиях современного мастера, работавшего по холодному металлу: прерывистые линии, у которых одна сторона – прямая, вторая зачастую – скругленная. Такой же характер имели и линии, нанесенные на пряжках типа Исти-су (восточная кобанская культура).

Изображения на поясных пряжках центральной кобанской культуры (с территории Северной Осетии), как на ранних, так и на позднекобанских, имели совершенно другой характер. Линии – сплошные, тянутся с редкими перерывами или совсем без оных. В случае нанесения спиральных и прочих закругленных линий четко отмечается изменение ширины линии при ее повороте. Поворачивался инструмент и разворачивалась плоскость его режущего кончика, что и приводило к изменению ширины линии.

Ту же картину мы видим и на позднекобанской керамике из поселения Сауар (Мошинский, 2019). При нанесении орнамента в виде волны ширина линии меняется в зависимости от ее направления. Инструменты гончаров поселения Сауар, предназначенные для нанесения узора на керамику, нам хорошо известны. Это костяные лоцилки с приостренным кончиком. Весьма вероятно, что и орнамент на восковых моделях делался сходными инструментами, и не исключено, что и теми же самыми людьми (по ряду наблюдений – женщинами).

На позднекобанских изделиях, орнамент на которых нанесен более грубо, хорошо заметен отжим воска при нанесении линий. Предметы «классического» времени сделаны более тщательно. Линии, вероятно, наносились по уже остывшему воску (обильный тонкий орнамент предполагает относительно длительную процедуру) и, возможно, более тонким и более твердым инструментом. Этим же инструментом дорабатывались и гнезда для инкрустации, оттиснутые штампом, создавая для исследователей иллюзию доработки по холодной бронзе.

Литература

1. Журавлев Д.В., Мошинский А.П. 1994. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // СА. № 1
2. Мошинский А.П. 2006. Древности Горной Дигории VII-IV вв. до н.э. Систематизация и хронология // Тр. ГИМ. Вып. 154. М.
3. Мошинский А.П. 2010. Древние бронзы Кавказа. М.
4. Мошинский А.П. 2019. Керамический комплекс кобанского поселения Сауар // КСИА. Вып. 255. М.
5. Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа. / МАК. Вып. VIII. М.

Науменко С.А., Гугуев Ю.К.

Археологический музей-заповедник «Танаис», хут. Недвиговка

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ТАНАИСА С СЕВЕРНЫМ КАВКАЗОМ И ПРИКУБАНЬЕМ

Расположенный на правом берегу донской дельты Танаис со времени своего возникновения в нач. III в. до н.э. и до поздней античности являлся главным центром торговли в Северо-Восточном Приазовье. В частности, эмпорий поддерживал тесные экономические и торговые отношения с Центральным Предкавказьем и, возможно, с Прикубаньем. Материалом для изучения этих связей служит, прежде всего, неантичная кружальная сероглиняная посуда сарматского времени. Как выяснилось, технологически и морфологически она принадлежит к двум большим группам – меотской и центральнокавказской (Гугуев В., Гугуев Ю., 1989. С. 72-75; Гугуев, 1993. С. 114-121; Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007. С. 435-440), что подтвердили результаты петрографического анализа образцов этой керамики (Гугуев, Малашев, Рылов, 2017).

Но вопрос о территориальной идентификации керамической продукции меотских мастерских, обнаруженной в Танаисе, осложняется одним обстоятельством. Известно, что на рубеже эр часть меотов Прикубанья переселилась (возможно, не без вмешательства боспорских царей) на Нижний Дон. В округе Танаиса появляются их городища и поселения – Подазовское, Крепостное, Хапровское, Мокро-Чалтырское, Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское и др. (Каменецкий, 1989. С. 239-243). Из исходного ареала меотской культуры сюда было перенесено высокопроизводительное, ориентированное на внешний рынок гончарное производство (Каменецкий, 1965. С. 7-8; Керамическое производство ..., 1966. С. 34; Братченко, Косяненко, 1994). Следовательно, наличие в Танаисе сероглиняных сосудов, изготовленных по меотской технологии, может свидетельствовать как о связях с Прикубаньем, так и о взаимодействии с местными меотскими племенами¹. Тем не менее, почти для всего допалеолитического периода в истории Танаиса, кроме, наверное, последних одного-двух десятилетий, «ближние» связи с меотами исключены априори, т.к. в это время их поселений на Нижнем Дону ещё не существовало². Поэтому достаточно распространённые в закрытых комплексах и культурных напластованиях городища I в. до н.э. находки целой и фрагментированной меотской посуды (например, кувшинов с цилиндрическим горлом, уплощённо-сферическим туловом, декорированных полосами из тонких прочерченных линий, оттиснутыми спиральями и штампом) (рис. 1, 1,2), возможно, демонстрируют кубанское направление торговых связей Танаиса в позднеэллинистический период (хотя вопрос требует дальнейшей проработки). В это же время здесь встречаются – гораздо реже, чем меотские – некоторые характерные разновидности центральнокавказской керамики, например, кувшины и кружки с расширяющимся горлом и стилизованной зооморфной ручкой, декорированные по тулову сгруппированными вертикальными желобками (Гугуев В., Гугуев Ю., 1989. С. 74). Данный факт, вероятно, указывает на эпизодические, опосредованные контакты Танаиса с Центральным Предкавказьем.

¹ Многочисленная меотская керамика Танаиса римского времени (I – пер. пол. III в. н.э.), судя по её морфологии, вся произведена на близлежащих донских городищах (Гугуев, 1993. С. 115-116; Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007. С. 436; Гугуев, Малашев, Рылов, 2017. С. 48-50).

² Высказывалось предположение, что Азовское (Крепостное) городище возникло ещё во II в. до н.э. (Каменецкий, 1989. С. 239), но это, видимо, не так. Если меотские городища и поселения на левом берегу Дона возникли даже и несколько раньше правобережных, то это, скорее всего, произошло в последние десятилетия I в. до н.э.

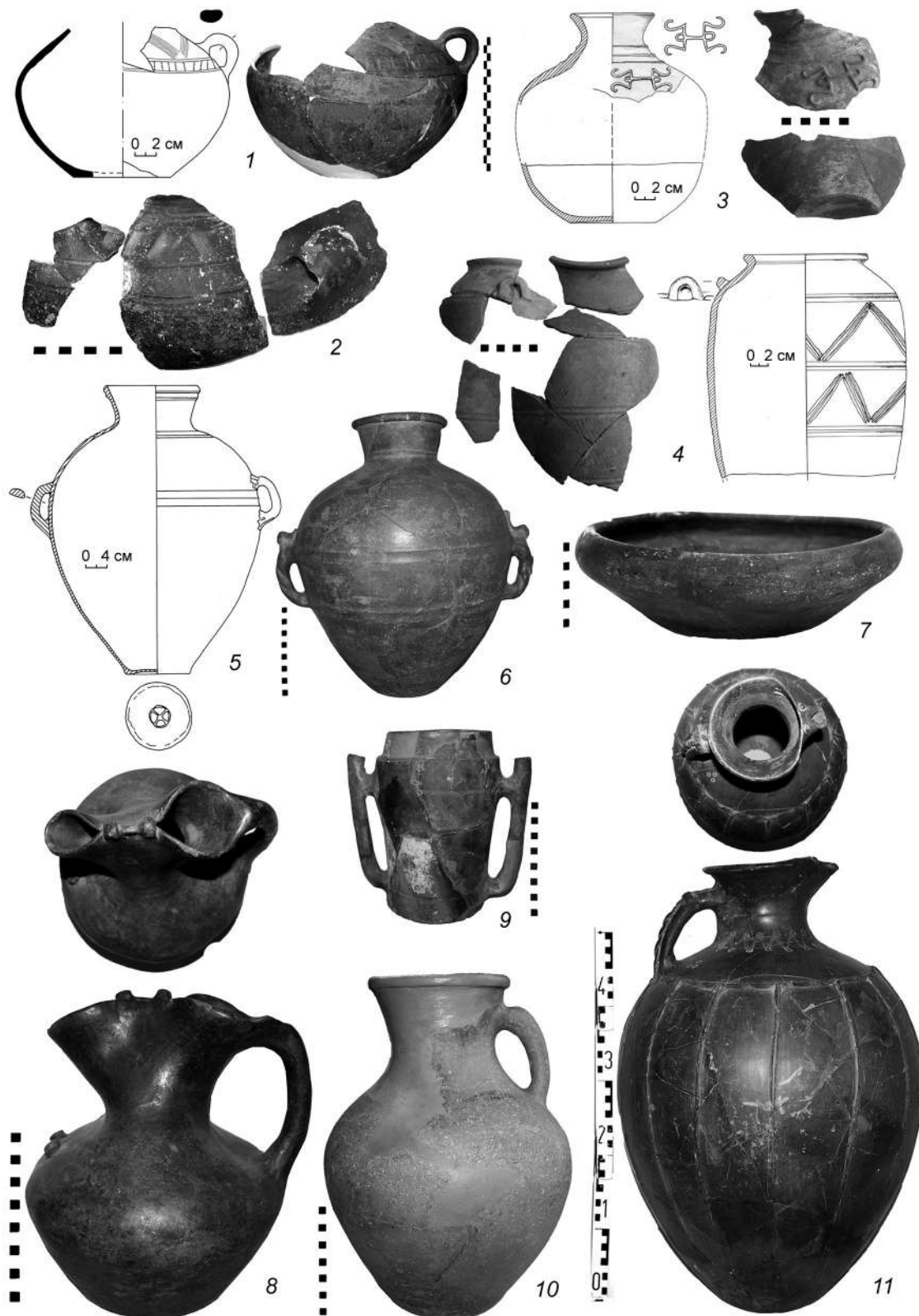

Рис. 1. Некоторые образцы керамики Танаиса: *I в. до н.э.*: 1 – кувшин из пост. 6, раскоп XIX, 2018 г.; 2 – фрагмент кувшина из башни 3, 2002 г. *Сер. II в. н.э.*: 3-4 – сосуды из подв. 3, пост. 4, раскоп XIX, 1996 г. *Сер. III в. н.э.*: 5 – двуручник из пост. 3, пом. 3, раскоп XIX, 1997 г.; 6 – двуручник из пом. И, раскоп IV, 1965 г.; 7 – миска из раскопа IV, 1975 г.; 8 – кувшин из подв. ДТ, раскоп XIV, 1982 г.; 9 – кружка из пом. БП, раскоп VI, 1976 г.; 10 – кувшин из подв. МБ, раскоп XIV, 1991 г. *V в. н.э.*: 11 – кувшин из позднеантичного слоя, раскоп IV

На протяжении I – пер. пол. III в. н.э. количество центральнокавказской (аланской³) сероглиняной посуды в Танаисе постоянно увеличивается, значительно расширяется её ассортимент, что особенно хорошо заметно на материалах городских подвалов и помещений, погибших при разгромах города сер. II в. н.э. (рис. 1, 3,4) и 251 г. н.э. (рис. 1, 5-10). Это свидетельствует как об интенсификации торговли эмпория с протогородскими центрами ранних алан Кавказа, так и о нарастающей его «варваризации», т.е. об увеличении притока в город кочевников, а может быть, и выходцев непосредственно из Центрального Предкавказья (Гугуев, Малашев, Рылов, 2017. С. 52-53). Вероятно, именно присутствие среди жителей города множества «варваров» сарматского происхождения обусловило тот устойчивый спрос, которым пользовалась здесь специфическая по своему назначению, морфологии и декору центральнокавказская сероглиняная посуда (Гугуев, 1993. С. 123-124; Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007. С. 433-434, 440-444).

К сер. III в. н.э. меотская культура в Прикубанье переживает глубокий кризис и исчезает. Та же участь постигла ок. 251 г. н.э. и поселения танаисской округи, погибшие вместе с городом, и, соответственно, их гончарные мастерские. Поэтому после сер. III в. н.э. ни в степных курганных захоронениях, ни в Танаисе нет меотских керамических изделий.

Возможно, с сер. IV по VI в. н.э. в Танаисе, как и в других городах Боспора, функционировало собственное производство гончарной сероглиняной керамики. Судя по технологии, ряду массовых форм, господствующим орнаментальным техникам и схемам, оно являлось разновидностью аланского, в связи с чем среди позднетанаисской сероглиняной посуды пока довольно сложно выделить собственно кавказский импорт. Тем не менее, отдельные весьма выразительные его образцы имеются (рис. 1, 11), что, вероятно, говорит о сохранении связей Танаписа с Центральным Предкавказьем в позднеантичную эпоху.

В отсутствие данных письменных источников трудно судить, как функционировали сухопутные торговые пути, на протяжении столетий связывавшие Танаис с Центральным Кавказом (и Прикубаньем?). Однако некоторые прямые и косвенные исторические параллели указывают на возможную активную роль кочевников в этом процессе.

Литература

1. Братченко С.Н., Косяненко В.М. 1994. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ) // Донские древности. Вып. 2. Азов.
2. Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. 1989. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.) // Изв. Ростовского Областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону.
3. Гугуев Ю.К. 1993. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – первой половине III в. н.э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов-на-Дону.
4. Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. 2007. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.
5. Гугуев Ю.К., Малашев В.Ю., Рылов В.Г. 2017. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н. э. (по результатам минералого-петрографических исследований) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16. № 1.
6. Каменецкий И.С. 1965. Население Нижнего Дона в I-III вв. н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.
7. Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
8. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Отв. ред. И. Б. Зеест // САИ. Вып. Г I-20. М., 1966.
9. Малашев В.Ю., Габуев Т.А. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

³ Ко втор. пол. II в. н.э. в Центральном Предкавказье завершилось формирование аланской («раннеаланской») культуры с её своеобразным керамическим комплексом (Малашев, Габуев, 2009. С. 148-150). Большинство относящихся к нему разновидностей столово-кухонной посуды, а также некоторые виды тары встречены в Танаисе в слоях II – пер. пол. III в. н.э.

Прокопенко Ю.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

О НАХОДКАХ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ФИБУЛ РИМСКО-ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА I-II вв.

Застежки-фибулы из памятников Северного Кавказа сарматского времени (I-IV вв. н.э.) до сих пор не были удостоены пристального внимания. Обобщающая работа А.К. Амброза, включившего в свой каталог и фибулы из памятников Предкавказья, была подготовлена более 50 лет назад и ныне серьезно устарела (Амброз, 1966). В ряде публикаций представлены сводки находок только из локально ограниченных регионов Предкавказья: Прикубанья и отдельных памятников Северной Осетии (Grabschätze vom Kaukasus, 1991; Лимберис, Марченко, 2004. С. 221; Туаллагов, 2007. С. 379. Рис. 36). В обобщающих работах М.П. Абрамовой отмечены не все застежки из памятников Центрального Предкавказья (Абрамова, 1993; 1995. С. 140). В добротной монографии В.В. Кропотова также учтены далеко не все фибулы из памятников Предкавказья (Кропотов, 2010).

Данные недостатки существующих каталогов застежек свидетельствуют об актуальности создания полного свода находок фибул из памятников Центрального Предкавказья II в. до н.э. – IV в. н.э. Таким образом, для достижения этой цели в будущем, целью настоящей статьи является ввести в научный оборот ряд таких предметов, обнаруженных на территории Кабардино-Балкарии, но не зафиксированных в отмеченных публикациях.

Следует отметить четыре редкие бронзовые фибулы, происходящие из памятников долины рек Чегема и Баксана (Чегемский мог. и др.), купленные венгерским графом Е. Зичи в конце XIX в. (Zichy, 1897. Pl. XX) и два экземпляра застежек, обнаруженные в процессе раскопок в Чегемском ущелье в 1960 г. П.Г. Акритасом.

1 – сильнопрофилированная фибула (Kräftig profilierte Fibeln) – коллекция Е. Зичи (рис. 1, 1) – бронзовая застежка, с одним гребнем на дужке, со сплошным пластинчатым приемником, с головкой с оттянутым назад краем, с широким крюком для тетивы (пружина и игла утеряны): тип 3.1.1 по Э. Риха (Riha. 1979. S. 79, Taf. II, 271–277); Nr 485 – 486 по Х. Зедльмайер (Sedlmayer, 2009. S. 276, Taf. 23, 485–486. 35); группа 12, форма 4 по В.В. Кропотову (2010. С. 260). Подобные экземпляры I – первой пол. II в. н.э. характерны для памятников Северной Италии, Норика, Реции, Паннонии, Рейнских провинций, а также для территорий к западу и к югу от этих областей (Riha, 1979. S. 79; Кропотов, 2010. С. 260).

2 – воинская или солдатская фибула (со сплошным приемником, гладким дуговидным корпусом и короткой пружиной, с нижней тетивой – Soldatenfibeln) – коллекция Е. Зичи (рис. 1, 2). Аналогичные застежки I в. до н.э. – сер. I в. н.э. из памятников Западной и Восточной Европы представлены в многочисленных типологиях фибул: тип 1.6 по Е. Риха (Riha. 1979. S. 59–61, Taf. 3, 92–130) и др.

3 – шарнирная дуговидная фибула с пластинчатым, сужающимся к ножке корпусом – коллекция Е. Зичи (рис. 1, 3). Дужка состоит из двух поперечных прямоугольных пластин, соединенных продольной прямоугольной пластиной, декорированной по оси поперечными миниатюрными эмалевыми вставками, заполняющими пространство центральной части

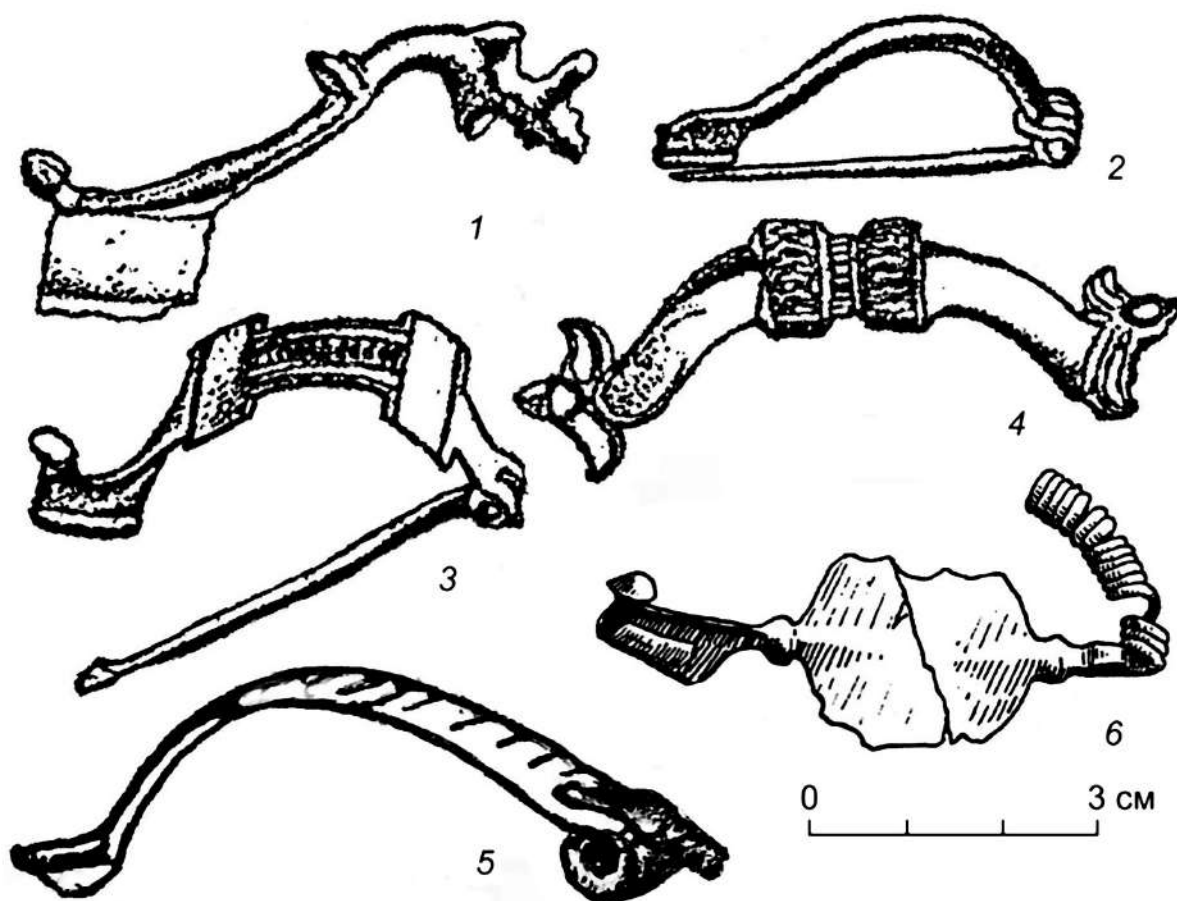

Рис. 1. Бронзовые фибулы конца I в. до н.э. – II в. н.э. из памятников Кабардино-Балкарии: 1-4 – долина рр. Чегем и Баксан (коллекция Е. Зичи); 5 – погр. 10/2 могильника в урочище Агач-Ара в Чегемском ущелье (раскопки П.Г. Акритаса, 1960 г.); 6 – окрестности с. Нижний Чегем (раскопки П.Г. Акритаса, 1960 г.)

дужки между нарезными продольными линиями. Сплошной преемник украшен на конце шариком, направленным вверх. Застежка является характерной для римских провинций фибулой типа «Алезия» – «Scharnierbogenfibel Alesia», вторая пол. I в. до н.э. – I в. н.э.: тип IIb по Х. Зедльмайер (Sedlmayer, 2009. S. 278).

4 – дуговидная фибула с шарниром из двух стоек (утеряны) («Backenscharnierfibeln»), симметричная по двум осям – коллекция Е. Зичи (рис. 1, 4). Концы дужки завершаются отогнутыми, симметрично расположенными зооморфными окончаниями в форме ушастых головок. Центральная часть дужки состоит из двух поперечно расположенных прямоугольников, разделенных на ячейки, заполненные эмалью, продольными перегородками. Более узкая перемычка между ними, также, декорирована перегородчатой эмалью (вставки продольные).

Наиболее близкие по форме оформления верхней части дужки (инкрустированные эмалью поперечно вытянутые прямоугольники) и опорных пластин для шарниров в форме стилизованных зооморфных окончаний застежки относятся к типу 7.15 (Fibelmittbewerigliecher Tierplastik) и 7.16 (Gleichseitige Scheibenfibeln) по классификации Э. Риха (Riha, 1979. S. 191, Taf. 62, 1626, 1636, 1637). Их использование характерно для всех римских провинций в сер. I – конце II в.

5 – шарнирная фибула с пластинчатым сужающимся к ножке корпусом. Сплошной приемник без кнопки. Большая часть иглы утеряна (рис. 1, 5). Изделие было обнаружено в процессе исследования погребения 10/2 могильника в урочище Агач-Ара в Чегемском ущелье. Скорее всего, застежка относится к типу «Алезия»: тип 5.1 по Э. Риха (Riha, 1979. S. 113, taf. 23); тип I по Х. Зедльмайер (2009. S. 278, Taf. 24); группа 13, форма 1 по В.В. Кропотову (2010. С. 264-265). Данный вариант «Алезии» наиболее ранний, датируется второй пол. I в. до н.э. (Кропотов, 2010. С. 284).

6 – сильно профилированная фибула с пластинчатой округлой спинкой и бусинами на дужке – II серия по В.В. Кропотову. Пружина многовитковая, тетива и игла утеряны (рис. 1, 6). Предмет найден во время расширения дороги между с. Нижний Чегем и могильником раннего железного века (исследования П.Г. Акритаса 1960 г.). Подобные экземпляры датируются II – первой пол. III вв. (Кропотов, 2010. С. 229-230). Спинка застежки в форме диска, возможно, является следствием влияния фибул типа «Алезия» (вариант IIb по Х. Зедльмайер).

Анализ данных типов застежек указывает в основном (кроме последнего экз.) на их римско-провинциальное происхождение в I-II вв. н.э. Видимо, это связано с их массовым поступлением на юг Восточной Европы, в том числе в города Боспора, начиная со второй половины I в. н.э. Затем, из этих центров они завозились по северокавказскому пути (вдоль Кубани) в Центральное Предкавказье (Прокопенко, 1999. С. 80). Следует предположить и другой вариант их транспортировки в район рек Чегема и Баксана – они были привезены группой сарматов, участвовавших в северо-причерноморских событиях второй половины I в. до н.э., I в. н.э. и европейских событиях конца II – начала III в. (движение германцев и сарматов вдоль границ Дакии – могильники на р. Тиса) (Istvánovits, 1990. S. 108).

Литература

1. Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
2. Абрамова М.П. 1995. Римские провинциальные фибулы на Северном Кавказе // Историко-Археологический альманах. Вып. 1. Армавир – М.
3. Амброз А.К. 1966. Фибулы Юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.
4. Кропотов В.В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
5. Прокопенко Ю.А. 1999. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – IV в. н.э. Ставрополь.
6. Туаллагов А.А. 2007. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ.
7. Grabschätze vom Kaukasus. 1991. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in der Adygee und Nördlichen Ossetien. Rim.
8. Istvánovits E. 1990. A Felső-Tisza-vidék legkorábbi szarmata leletei – 2 – 3 századi sírok Tiszavas váriból // A Nyíregyházi Jóna András Múzeum. Évkönyve XXVII-XXIX (1984-1986). Nyíregyháza.
9. Riha E. 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Keiseraugst. Forschungen in Augst. Bd. 3. Augst.
10. Sedlmayer H. 2009. Die Fibeln vom Magdalensberg. Funde der Grabungsjahre 1948 – 2002 und Altfunde des 19. Jahrhunderts. № 16 / Redigiert von G. Piccottini // Kärntner Museumsschriften. № 79. Klagenfurt am Wörthersee.
11. Zichy J. 1897. Kaukaszusies közepzai Vtazasai comte eu gene die Zichy Vogages au Caucaceet en Asie Centrale. T. II. Budapest.

Рябкова Т.В.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

РАННЕСКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В СЕМИКОЛЕННОМ КУРГАНЕ И КУРГАНЕ 11 МОГИЛЬНИКА ЛЕБЕДИ V: К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ПОСЛЕПОХОДНОГО ПЕРИОДА

Несоответствие между данными письменных источников, сообщающих о возвращении скифов из переднеазиатских походов как о масштабном событии (Геродот, IV, 1), и невыразительностью археологических памятников конца VII – нач. VI в. на Северном Кавказе уже отмечена (Алексеев, 2003. С. 154). Между тем, это обстоятельство может объясняться не только историческими причинами, но и состоянием археологических источников. Вполне вероятно, что памятники этого периода были более многочисленными, чем это представляется нам теперь.

В этой связи важно отметить полное издание материалов погр. 8 кургана 11 могильника Лебеди V, известного специалистам до недавних пор лишь благодаря публикации амфоры из него (Монахов, 1996. С. 39). С момента публикации амфоры было очевидно, что комплекс входит в серию погребений Северо-Западного Кавказа с транспортными амфорами (Хапры, курган 25, погр. 1; погребение у Цукур-Лимана, Красногоровка – III, курган 14, погр. 5; Ципилиевский кут, курган 7; Новоалександровка, курган 7 погр. 8; курган 1 у хут. Красный и др.) и показывает связи региона с античным миром. Детальный анализ материалов комплекса (Пьянков, Рябкова, Зеленский, 2019) продемонстрировал тесные связи с памятниками Центрального Кавказа и Предкавказья. Аналогии боевому топору, акинaku, железным ножам, оселку с отверстием, пронизи с ребристой поверхностью из погр. 8 кургана 11 могильника Лебеди V массово представлены в комплексах Тлийского и Нижне-Чегемского могильников, что позволило обосновать принадлежность этого погребения воину, принимавшему участие в походе через Кавказ на обратном пути из Передней Азии. Предметы из Лебедей V объединяет с кавказскими архаичность и синкретизм: топор совмещает признаки клевца и ножа, акинак напоминает бронзовые прототипы предыдущего периода, оселок с отверстием показывает сохранение традиции ношения этих предметов на поясе, утраченной в более позднее время. Показательно, что в материалах погребений Нижнего Чегема и Тли, как и в материалах Лебедей V, зафиксирован процесс постепенной трансформации элементов материальной культуры: на базе клевца формируется скифская секира, меч утрачивает признаки, характерные для оружия предшествующего периода, исчезает традиция ношения оселков на поясе, форма и способы изготовления привычных для Предкавказья украшений используются для создания вещей, декорированных в скифском зверином стиле. Вероятно, что набор предметов из Лебедей V, сохраняющий ряд архаичных признаков, характерен для начального этапа этой трансформации и показывает «эталонный набор» скифского вооружения, представленного в памятниках более позднего времени типа Старшей и Репяховатой могил. В этот «эталонный набор» входят: боевой топор, акинак, железные ножи, престижный сосуд (иногда бронзовый, иногда античная амфора). Памятники с таким комплексом инвентаря распространяются на широкой территории от Предкавказья до низовий Дона и далее до Приднестровья. Время бытования определяется датами амфорного материала: это конец VII - первая пол. VI в. до

Рис. 1. Нашивные бляшки и накладка на сосуд. Погребение одного из Семиколенных курганов. Государственный Эрмитаж.

н. э. (Чистов и др., 2019. С. 14; Sezgin, 2017. С. 15). Если принять во внимание архаичность элементов, составляющих комплекс погр. 8 кургана 11 могильника Лебеди V, то можно определить дату началом этого временного отрезка и датировать погребение последним десятилетием VII в. до н.э.

Еще одним погребением, которое можно соотнести с кругом памятников, относящихся ко времени возвращения воинских объединений из Передней Азии через Кавказ, возможно, является комплекс одного из Семиколенных курганов на плато Шахан близ Майкопа. Семиколенные курганы были тотально ограблены, предметы из них «благодаря» деятельности перекупщиков оказались в коллекциях многих музеев мира и лишь небольшая часть была передана в Эрмитаж. Работа с эрмитажным собранием позволила выделить серию нашивных бляшек, которые по ряду признаков можно отнести к одному набору и, следовательно, к одному комплексу. Это бляшки с полнофигурным изображением грифона, лотоса и крестообразной фигуры с волютами (рис. 1, 1-3). Проведенный стилистический анализ показал, что изображения на всех бляшках восходят к сиро-финикийской, ново-эламской, урартской и луристанской изобразительным традициям и не имеют признаков влияния искусства скифского звериного стиля, что указывает на явную инокультурность данных предметов в кочевнической среде.

Все доступные для изучения бляшки выполнены из довольно толстого листового золота в технике тиснения при помощи пуансонов: они одинаковы и имеют более четкий отпечаток на изнаночной стороне. Для изготовления подобных серий необходимо было изготовить пуансон, что требовало предварительного моделирования в воске, последующей отливки и чистовой доводки. Техника тиснения характерна для высокоразвитого ювелирного производства. На оборотной стороне каждой бляшки припаяно по 4 петли из круглой в сечении золотой проволоки для пришивания на одежду. Все бляшки сделаны из высококачественного золота: бляшки с изображениями волют-завитков и грифона – из золота 850 пробы, сдвоенной пальметки с изображением лотосов – из золота 900 пробы. Таким образом, весьма вероятно, что эрмитажные бляшки, равно как и аналогичные в собраниях других музеев, составляли единый комплект, украшавший одеяние погребенного в одном из Семиколенных курганов.

Предположительно, кроме нашивных бляшек в комплекс этого погребения входила и накладка на сосуд с изображением крылатой антропоморфной фигуры в «коленипреклоненном беге» (рис. 1, 4), которой посвящено отдельное исследование (Рябкова, 2019). Интересен тот факт, что типично скифский предмет, каким без сомнения, является сосуд для питья из дерева или кости, украшала накладка, не имеющая отношения к скифскому звериному стилю. Учитывая многочисленные параллели образу и каноничность положения фигуры, изображение на накладке сосуда из Семиколенных курганов должно быть определено как владыка зверей, а не как *Potnia Theron*. Стилистические особенности изображения показывают, что работавший в привычной манере мастер воспроизвел древний и широко распространенный в искусстве Переднего Востока сюжет так, что его невозможно напрямую соотнести ни с ново-ассирийской, ни с урартской, ни с сиро-хеттской, ни с греческой изобразительными традициями. Вероятно, пластина изготовлена в том месте, где были сильны традиции искусства Северо-Западного Ирана, Луристана и сиро-хеттских государств. Учитывая несомненное сходство в трактовке ряда деталей на накладке сосуда и ножнах мельгуновского и келермесского мечей, можно предположить, что эти предметы создавались на протяжении небольшого хронологического отрезка. Для мечей он определяется в рамках второй-третьей четверти VII в. до н.э. (Кисель, 2003. С. 30), и, вероятно, для накладки может быть определен в границах конца этого периода.

Представляется, что оба эти памятника относятся к слепоходной эпохе, хотя погребение из Семиколенного может быть, как и Келермес 1 Ш, несколько древнее погребения из Лебедей V.

Литература

1. Алексеев А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.
2. Кисель В. А. 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.
3. Монахов С. Ю. 1996. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря: Тезисы докладов VIII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
4. Пьянков А. В., Рябкова Т.В., Зеленский Ю. В. 2019 Комплекс раннескифского времени кургана 11 могильника Лебеди V в Прикубанье/ Археологические вести. № 25. СПб.
5. Рябкова, 2019. Раннескифская золотая накладка на сосуд из Эрмитажа. ВДИ. (в печати).
6. Чистов Д. Е., Монахов С.Ю., Кузнецова Е. В. 2019. Амфоры первой половины – середины VI в. до н. э. из раскопок Березани // Проблемы истории, филологии и культуры. 2019. № 1.
7. Sezgin Y. 2017 Arkaik dönemde teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anatolia – Ankara. № 43.

Скаков¹ А.Ю., Джопау² А.И., Ендольцева³ Е.Ю.

¹Институт археологии РАН, г. Москва, ²Абхазский государственный музей, г. Сухум

³Институт востоковедения РАН, г. Москва

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ГИЕНОСА (АБХАЗИЯ)

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 18-09-00293

С 2002 г. совместная Российско-Абхазская экспедиция ведет работы на территории Республики Абхазия. В 2019 г. были начаты работы на городище Гиеноса (Гиэноса) – античного и ранневизантийского города на окраине совр. г. Очамчира. В настоящее время Гиенос является единственным точно локализованным греческим городом на восточном побережье Черного моря (напомним, что ни «Великий Питиунт», ни Диоскурия, ни Фасис до сих пор так и не обнаружены). Гиэнос упоминается Псевдо-Скилаком (сведения восходят ко второй пол. V – первой пол. IV в. до н.э.) и, вероятно, отождествляется с Кикном Помпония Мелы (сер. I в. н.э. Попытка современных комментаторов отождествить Кикн с Пичвнари или Эшерским городищем (Подосинов, 2002. С. 241) не убедительна, т.к. в источнике последовательно говорится об южном берегу Понта, изгибе берега – «заливе», земле колхов, Фасисе, начинающихся горах Кавказа (I, 108-109), затем о Кикне; далее речь идет о приморских племенах (меланхленах, торетах и др.) и Диоскурии (I, 110). Город Киамеис (Кианеис) упоминается и у Равеннского Анонима (II, 12; V, 10) (приблизительно между Зиганисом и Себастополем).

Остатки античного города были обнаружены в 1935 г. при строительстве Очамчирского порта (восточный берег бухты при устье р. Джыкумыр), хотя местоположение Гиеноса вблизи устья Моквы (Мыку) не вызывало сомнений (Дюбуа де Монпере, 1833 г.; П.К. Услар, 1881 г.; Д.И. Гулиа, 1925 г.), исходя из созвучий топонимов на правом берегу р. Моквы (Тгуанас, Игуанас, Дуана) и наличия «развалин» на левом берегу этой реки. В 1935-1936 гг. археологическая экспедиция (Б.А. Куфтин, М.М. Иващенко, Л.Н. Соловьев) осуществляла надзор за строительными работами. Городище располагалось на трех поросших лесом холмах, вытянутых вдоль берега моря с запада на восток, и занимало также значительную площадь к северу от холмов. В результате строительства порта средний и западный холмы были уничтожены. Изучение стратиграфии памятника затруднено значительной мощностью культурного слоя.

В 1977 г. работы на восточном холме были возобновлены Абхазской археологической экспедицией ЦАИ ГССР (М.В. Барамидзе, Г.К. Шамба, Г.Т. Квирквелия), шурфы были заложены в северо-западной и южной частях холма. В 1981 (раскоп в средней части восточного холма), 1982 и 1983 (исследование обнаруженного в 1981 г. храма), 1984 (раскоп, примыкавший с юга к раскопу 1981 г.), 1985 и 1986 (доследование пространства внутри храма, шурфы к востоку, юго-востоку и югу от храма) гг. исследования проводились экспедицией АбНИИЯЛИ (С.М. Шамба, при участии Г.К. Шамба, Б.С. Кобахия, Л.Г. Хрушкова) (Шамба, 1988).

После запустения в связи с Митридатовыми войнами, новый расцвет поселения относится к поздней античности. Во второй пол. V в. или на рубеже V-VI вв. (первоначальная дата – юстиниановское время, т.е. VI в., затем – доюстиниановское, т.е. кон. V - нач. VI в.)

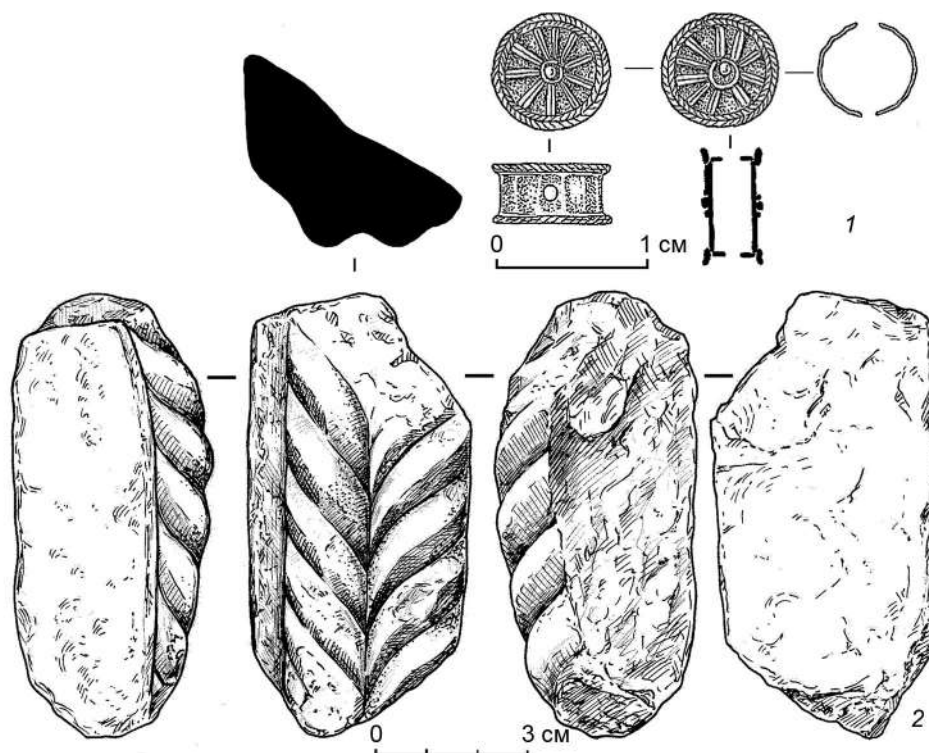

Рис. 1. Находки из раскопок Гиеноса: 1 – золотой кулон V в. до н.э.,
2 – фрагмент мраморной капители (?) VI в. н.э.

на восточном холме строится однефная кирпичная церковь с полуциркульной апсидой с заплечиками, нартексом (охватывающим основной объем с запада и юго-запада), северным и южным притворами. Нартекс и основной объем церкви не одновременны, но разделены, по мнению публикаторов, очень незначительным промежутком времени. Церковь имела стропильное перекрытие, была изнутри оштукатурена и расписана.

При возобновлении работ на памятнике возникли три основные проблемы: отсутствие полноценного общего плана памятника, планов раскопов на восточном холме и стратиграфических данных.

В качестве единственной привязки выступали сохранившиеся фундаменты храма. Для начала работ было выбрано два участка – к ЮЗЗ от храма (шурф 5x5 м) и к ЮВВ от него (два смыкающихся шурфа 5x5 м). В первом случае выбор был обусловлен наличием там непо потревоженного культурного слоя. Во втором случае – слой к востоку от храма, вероятно, не был доследован до материка.

В юго-западном шурфе выявлены стена и находящееся к востоку от нее помещение, синхронные храму, исследование этого участка дало значительный материал. В более нижних слоях появляется античная керамика, в т.ч. VI в. до н.э.

Неожиданные результаты дало исследование восточных шурфов. В слое перекопа (ок. 1,5-2 м мощностью) был обнаружен ряд интересных находок, в т.ч. золотой кулон с соляной орнаментацией V в. до н.э. (рис. 1, 1) и фрагмент плинфы с арамейской надписью (Акопян, Скаков, Джопау, тезисы в данном сборнике). В этом же слое был найден небольшой фрагмент архитектурной декорации из проконесского мрамора (рис. 1, 2): по продольному краю различим ободок небольшого размера, далее – орнамент типа косичка.

Характер резьбы выдает руку квалифицированного мастера, орнамент выполнен объемно, каждая доля косички скрупулезно проработана.

Среди наиболее близких аналогов – некоторые капители, происходящие с территории Византии. К примеру, это две ионических капители времени Юстиниана с плетеным орнаментом в виде корзины, завершающиеся в нижней части пояском с аналогичным орнаментом типа косичка: одна из них происходит из собора св. Софии в Константинополе, другая хранится в Коптском музее в Каире (Kautzsch, 1936. P. 163. Taf. 32. № 522, 523). Как и на фрагменте из Гиеноса, косичка составлена из двух рядов плетения, ее доли выполнены объемно с детальной проработкой.

Другой случай завершения композиции капители нижним пояском с похожим орнаментом фиксируется на капители с растительным узором из Пергама (Ibid. Taf. 40. № 673) – резьба здесь выполнена более плоско. Возможно, это связано с тем, что капитель, вероятно, выполнена чуть позже, в пределах VI-VII вв. (Ibid. P. 201). Подобный орнаментальный поясик обрамляет нижнюю часть капители VI в. из Маниссы (Ibid. Taf. 42. № 707. P. 207). Он появляется в VI в. и на кубической капители с растительным орнаментом из Египетского национального музея в Каире (Ibid. Taf. 48. № 837. P. 23-234).

Таким образом, приведенные аналогии позволяют идентифицировать фрагмент резьбы из Гиеноса как нижний поясик капители. Данную версию косвенно подтверждает слегка изогнутая форма этого обломка. Характер резьбы позволяет датировать его VI в.

Обнаружено 6-7 фрагментов обработанного мрамора, также, очевидно, входящих в состав алтарной преграды. Количество фрагментов мраморного декора, обнаруженных нашими предшественниками, было незначительным (база колонки и часть плиты), и, как они полагали, «алтарная преграда представляла собой низкий парапет из плит и столбиков, увенчанных капителями в виде сплюснутых шаров, несущих архитрав» (Шамба, 1988. С. 52-53). При этом основная часть была выполнена из местного песчаника зеленоватого цвета (его обработанные фрагменты также обнаружены нами), а некоторые детали – из белого проконесского мрамора. Результаты работ этого года позволяют допускать, что мраморные детали могли преобладать.

Найдены также фрагменты фресок, как не имеющих изображений, так и с декором в виде меандра (?), и фрагменты оконного стекла.

Все фрагменты плинфы были измерены. В восточных шурфах (слой разрушения основной части храма) доминирует т плинфа толщиной 3,8 см, при общем разбросе основной массы от 3 до 5,8 см. В западном шурфе приблизительно одинаково представлена плинфа толщиной 3,5-3,9 см, при общем разбросе от 2,9 до 4,2 см. Это может быть объяснено различным временем возведения храма и пристроенного к нему нартекса.

Дальнейшее исследование городища Гиенос, очевидно, принесет новые и незаурядные находки.

Литература

1. Подосинов А.В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.
2. Шамба С.М. 1988. Гюэнос-I. Тбилиси.
3. Kautzsch R. 1936. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert. Berlin, Leipzig.

Фабиан Л.

Фрайбургский университет, Германия

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА V В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.

Исследования на территории Восточного Кавказа давно доказали, что стеклянные предметы (бусы, сосуды) представлены здесь уже в античный период и получили широкое распространение к началу IV в. н.э. (см.: Nuriyev, 1981). Недавние работы демонстрируют роль Южного Кавказа как центра сасанидского стеклянного производства (Simpson, 2015). Предлагаемая статья, рассматривая доказательства, связанные со стеклянными сосудами античного периода, преследует две цели: определить (1) фазы распространения стеклянных сосудов и их технологии на Восточном Кавказе и (2) пути их проникновения. Эти факторы, наряду с сырьевой базой, обусловили возникновение и развитие местного стеклоделия в сасанидский период.

В этом контексте следует отметить, что важные сырьевые материалы, используемые в производстве стекла, можно было получить на Южном и Восточном Кавказе. Например, недавние исследования свидетельствуют о том, что Кавказ был вероятным источником сурьмы (Sb), которая использовалась как краситель в самом раннем стеклянном производстве (Degryse et al., 2015). В древних источниках озеро Ван упоминается как источник натрита (Страбон, 12. 14. 8), и археологические данные показывают, что этот источник использовался уже в I в. до н.э., если не раньше (Dardeniz, 2015). Однако, несмотря на то, что многие ранние центры производства стеклянных сосудов в Сирии и Средней Месопотамии находятся не очень далеко от Южного Кавказа, стеклянные сосуды играли только второстепенную роль в Кавказе в бронзовом и раннем железном веке (напр.: Джанполадян, 1964), хотя местное производство стеклянных бус имеет долгую историю.

В последние годы археологические работы на памятниках южного Кавказа обнаружили доказательства раннего этапа распространения стеклянных сосудов, которые датируются V-III вв. до н.э. Эти ранние типы стеклянных сосудов, изготовленные в технике сердечника или прессованные, встречаются лишь изредка среди материалов из раскопок в Центральном и Восточном Кавказе. Например, так называемое «финикийское стекло» предположительно происходящее из Восточного Средиземноморья и хорошо известное в Северном Причерноморье (напр.: Колесниченко, 2018; Дзиговский, Островерхов, 2000. С. 79-84), редко встречается на Западном Кавказе (напр.: Shortland and Schroeder, 2009). Тем временем, т.н. *kohl-tubes* (косметические флаконы), также изготовленные в технике сердечника, но предположительно иранского происхождения (Bagar, 1975), известны из раскопок в Грузии, Северно-Западном Иране, в Южном Приуралье, но редко на Восточном Кавказе (Трейстер, 2012). Укажу на фрагмент прессованной фиалы или чаши, относящейся к этому периоду, который был найден в Караджамирли (Knauß et al., 2007) и является уникальным по причине его непрозрачного голубого цвета (см. более широко распространенный вид: Makharadze, Saginashvili, 1999). Характерные поздно-эллинистические формы (напр., литые в формах скифосы, реберчатые чаши и мозаичные сосуды) также редко представлены на Восточном Кавказе (напр.: Гаджиев, 1997. Рис. 2, 11).

Следующий этап распространения стеклянных сосудов на Кавказе относится к I-III вв. н.э., когда они стали доступнее для более широких слоев населения. В этот период стеклянные сосуды известны по многочисленным раскопкам памятников Восточного Кавказа – Мингечевир, Габала, Хыныслы, Торпаккала и др. Среди сосудов количественно преобладают бальзамарии, но присутствуют и флаконы, бокалы, кувшины, чаши. Бальзамарий – типичная форма римского мира, и их экземпляры, найденные на Восточном Кавказе (напр.: Nuriyev, 1981. Таб. I, 1-7), являются стандартными во всех аспектах.

Весьма интересны флаконы, бокалы, кувшины, изготовленные по форме техники дутья. Среди этой группы представлены изделия, наглядно иллюстрирующие укрепление связей между Восточным Кавказом, Северной Месопотамией и Северным Причерноморьем в этот период. Но круг различных форм стеклянных сосудов на Восточном Кавказе более ограничен, чем на Западном и Центральном Кавказе.

Мингечаурский флакон, украшенный с 16 рядами ромбовидных элементов, из кувшинного погребения (Nuriyev, 1981. Таб. III.1), например, более всего схож с находками из Дура-Европос (хотя этот тип обычно приписывается сиро-палестинскому региону, см.: Stern, 1995. № 129, 130). Бокалы со змеевидным декором, найденные в Мингечауре и в Агдашском районе (Nuriyev, 1981. Таб. II.1,3), также связаны с Сирией (Barag, 1967). Имеется также несколько флаконов с одной или двумя ручками, тулова которых покрыты вертикальными каннелюрами (Nuriyev, 1981. Таб. III.5; Рзаев, 1964. Рис. 3). Аналогические сосуды известны в Северном Причерноморье (Stern, 1995. № 50). Более простые флаконы с двумя ручками (*aryballoi*), предположительно из Восточного Средиземноморья, также представлены в Северном Причерноморье (см.: Sorokina, 1987). Один такой арибалл недавно обнаружен в Габале, что является еще одним свидетельством международных связей. Известна находка двуручного арибалла из светло-зеленого стекла в разрушенном погребении в Нижнем Кайтаге (Дагестан) (устная информация проф. М.С. Гаджиева). Наконец, один кувшин обнаружен в грунтовом погребении в Торпаккале (Nuriyev, Guliyev, 1969), отличающийся размером (H = ок. 24 см) и декором, аналоги которому мне не известны.

Рассматривая стеклянные сосуды Восточного Кавказа в целом, можно заметить, что эта коллекция имеет особые характеристики. Хотя в ней присутствуют типичные «римские» формы, они не многочисленны. Коллекция имеет также необычно большое число открытых форм (бокалы и чаши). Местное стеклянное производство сосудов на Восточном Кавказе, как полагают, началось только в III-IV вв. н.э. (Nuriyev, 1981. С. 34-35; но в Армении см.: Хачатрян, 1983). Но уже в предыдущий период, вкусы потребителей в контексте международной торговли создали уникальный рынок на Восточном Кавказе, определивший будущее развитие стеклоделия.

Литература

1. Barag D.P. 1967. "Flower and Bird" and Snake-Thread Glass Vessels // *Annales AIHV*. Vol. 4.
2. Barag D.P. 1975. Rod-Formed Kohl-tubes of the mid-first millennium B.C. // *Journal of Glass Studies*. Vol. 17.
3. Dardeniz G. 2015. Was ancient Egypt the only supplier of natron? New research reveals major Anatolian deposits // *Anatolica*. Vol. 41.
4. Degryse P., Lobo L., Shortland A., Vanhaecke F., Blomme A., Painter J., Gimeno D., Eremin K., Greene J., Kirk S., Walton M. 2015. Isotopic investigation into the raw materials of Late Bronze Age glass making // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 62.

5. Knauß F., Ludwig N., Mehnert G., Sens U., Wicke D. 2007. Ein Perserbau auf dem Ideal Tepe bei Karaçamirli (Aserbajdschan) // ARTA. Vol. 2. P.
6. Makharadze G., Saginashvili M. 1999. An Achaemenian glass bowl from Sairkhe, Georgia // Journal of Glass Studies. Vol. 41.
7. Nuriyev, A.B., 1981. Qafqaz albaniyasının şüşə məmulatı və istehsalı tarixi. Bakı.
8. Nuriyev A.B., Guliyev, N.M. 1969. Torpaqçaladan tapılmış şüşə kuzə // Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyasının Məruzələri. Cild 25. № 6.
9. Simpson St. J. 2015. Sasanian Glassware from Mesopotamia, Gilan, and the Caucasus // Journal of Glass Studies. Vol. 57.
10. Sorokina N.P. 1987. Glass Aryballoy (First-Third centuries A.D.) from the Northern Black Sea Region // Journal of Glass Studies. Vol. 29.
11. Stern E.M. 1995. Roman Mold-blown Glass: The First Through Sixth Centuries. Rome.
12. Гаджиев М.С. 1997. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
13. Джанполадян Р.М. 1964. О трех образцах стекла из Кармир-Блура // СА. № 1.
14. Дзиговский А.Н. Островерхов А.С. 2000. Стекло как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса.
15. Колесниченко А.Н. 2018. Стекло в закрытых формах VI-I вв. до н. э. в сакральных контекстах Средиземноморья и Северного Понта // Стародавнє Причорномор'я. Вып. 12.
16. Рзаев Н.И. 1964. Художественное стекло Кавказской Албании // Изв. АН Азерб. ССР. Серия общественных наук. Т. 5.
17. Трейстер М.Ю. 2012. Стекло в закрытых формах ахеменидского круга из Южного Приуралья. // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье. Том 1. М.
18. Хачатрян Ж. 1983. Армения и Сирия – центры стеклоделия (производственные общности) // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. Вып. 7.

Цокур И.В.

ООО «Ирида», пос. Волна

**К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ VI-II ВВ. ДО Н.Э.
ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ
«ВОЛНА 1» РАСКОПКИ 2015-2018 гг.)**

В 2014 г. во время разведок в юго-западной части Таманского полуострова сотрудниками археологической лаборатории ООО «Ирида» ЗАО «Таманьнефтегаз» был открыт грунтовый могильник «Волна 1» античного времени. В 2015-2018 гг. были проведены охранно-спасательные раскопки, в ходе которых могильник был полностью исследован экспедицией совместно с сотрудниками ИА РАН (Мимоход, Сударев, Успенский, 2017. С. 295-310; 2018. С. 220-223; 2018а. С. 120-144; Берлизов, Кашаев, Мимоход, 2019. С. 229-245).

Могильник расположен был в 4,5 км к СЗ от пос. Волна и к ЮЗ от ст. Тамань, на пологом склоне г. Зеленская, в 300 м к северу от крупного античного сельского поселения «Волна 1» (Темрюкский район Краснодарского края). Могильник представлял собой однослойный памятник. На площади 12 тыс. кв. м было открыто 1381 погребение и 725 комплексов. В данной публикации рассматриваются материалы 783 погребений, открытых в 2015-2018 гг. археологическим отрядом ООО «Ирида».

Концентрация погребений на могильнике была неоднородной, особенно плотной она была в южной части памятника, которая ближе всего располагалась к поселению. Анализ материала позволил выделить несколько хронологических периодов: 1) VI – первая пол. V вв. до н.э.; 2) вторая пол. V – нач. IV вв. до н.э.; 3) IV – нач. III вв. до н.э.; 4) вторая пол. III-II вв. до н.э. На могильнике встречены только ингумационные захоронения, погребальный обряд которых представлен несколькими типами погребений: простые грунтовые ямы; подбои; грунтовые склепы в виде катакомб; сырцовые гробницы; каменные склепы, сложенные из плохо обработанных плит;

Самую многочисленную группу захоронений на могильнике «Волна 1» составляют грунтовые ямы, которые присутствуют на некрополе с VI по II до н.э. Погребения этой группы совершены в ямах прямоугольной (48%), овальной (33%), круглой (0,4%) и трапециевидной формы (0,5%). Среди ям прямоугольной и овальной формы встречены ямы: с закладом (из камней или верхней части амфор); с прослойкой из глины, которая перекрывала погребение или прослеживалась вдоль одной из длинных стенок ямы; с заплечиками (ямы прямоугольной формы); с деталями под погребальное ложе-«клик» (9 погребений).

Кроме этого, было открыто 11 грунтовых склепов-катакомб, 3 каменных склепа прямоугольной формы, сложенных из плохо обработанных плит известняка, 3 сырцовые гробницы, 2 деревянных ящика, установленных в ямы прямоугольной формы

Наряду с индивидуальными захоронениями в ямах прямоугольной формы, в каменных и грунтовых склепах, в сырцовых гробницах и в погребениях с ящиками, начиная с нач. V в. до н.э., встречаются коллективные захоронения. Возможно, это говорит о семейной преемственности захоронений, что подтверждается антропологическими материалами (исследования А.Н. Абрамовой, аспиранта Волгоградского государственного университета).

Другая группа погребений представлена подбоями (56 погребений), у которых входная яма и погребальная камера расположены параллельно друг другу. В подбойных могилах погребальные камеры встречаются овальной или прямоугольной формы. По форме входной ямы их можно разделить на два варианта: с овальной и прямоугольной формой. В большинстве подбоев (33 из 56) наблюдалась прослойка глины, которая «запечатывала» камеру, отделяя ее от входной ямы.

Погребения детей встречались в захоронениях вместе с взрослыми в 25 случаях, в 8 случаях – в отдельных в амфорах.

Общая характеристика некрополя, форм и видов погребений, погребальный обряд, анализ материала позволяют датировать исследованный участок грунтового могильника «Волна 1» концом V-II вв. до н.э. (Паромов, с.67-73; Сударев, 2005; 2010. С. 418-473).

Материалы могильника находят многочисленные аналогии с характерными материалами боспорских некрополей Артющенко 2 (Кашаев, 2009; 2018. С. 265-270), около мыса Панагия (Коровина, 1962; Сорокина, 1957), Нимфея (Силантьева, 1959), у хут. им. Ленина и ст. Старокорсунской (Лимберис, Марченко, 2001). Исследования могильника «Волна 1» позволяют дополнить и уточнить ряд вопросов, связанных с этнокультурным аспектом некрополей Азиатского Боспора.

Литература

1. Берлизов А.Н., Кашаев С.В., Мимоход Р.А. 2019. Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI-IV вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3. Москва – Магнитогорск - Новосибирск.
2. Кашаев С.В. 2009. Некрополь Артющенко-2 // Боспорские исследования. Вып. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. СПб.
3. Кашаев С.В. 2014. Погребальные обряды сельских некрополей Артющенко-2 и Панское-1 // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1. М.
4. Коровина А.К. 1962. Некрополь около мыса Панагии // Археология и история Боспора. Т. 2. Симферополь.
5. Мимоход Р.М., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2017. Новый городской некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация). // Древности Боспора. Вып. 21. М.
6. Мимоход Р.М., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2018. Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Темрюкский район). Городища, селища, могильники. Раскопки 2017 г. // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. ИА РАН.
7. Мимоход Р.М., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2018. Исследования грунтового некрополя Волна-1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Ростов-на-Дону.
8. Паромов Я.М. 2013. Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19-22 ноября 2013 г.). СПб.
9. Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА. № 69. М.-Л.
10. Сорокина Н.П. 1957. Тузлинский некрополь // Труды ГИМ. Вып. XXVI. М.
11. Сударев Н.И. 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI - II вв. до н.э. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
12. Сударев Н.И. 2010. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. Ч. XI. Гл. 3. М.
13. Цокур И.В. 2017. Грунтовый могильник «Волна 1» // Древности Боспора. Вып. 20. М.

Табл. 1. Грунтовый могильник «Волна 1». Типы погребений и их ориентировка.

Погребения			Ориентировка								
Тип погребального сооружения	Общее кол-во	% от 783 погр.	С	В	СВ	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	НП
ПЯ - яма прямоугольной формы, в т.ч.:	375	47	12	186	82	40	7	11	16	12	10
- ямы с заплечиками	19										
- ямы с «ложем»	9										
- с прослойкой глины	17										
- сырцовые гробницы	3										
ОЯ - яма овальной формы, в т.ч.:	259	33	17	77	60	54	17	11	4	19	
- с закладом камнем	3										
- с закладом амфор-3	3										
- с прослойкой глины	3										
КЯ - яма круглой формы	3	0,3		1		1				1	
ТЯ - трапецевидная яма	4	0,4		1	1	1					
ПБ - подбой	56	7	1	15	11	9	3	6	1	2	
ГС - грунтовый склеп	11	1,4	1к1	45+1к2	3+1к2		1к1		1		
КС - каменный склеп	3	0,3		2	1						
НП - погребальное сооружение не прослеживалось	66	8,3	4	17	12	14	5	1	4	4	2
В амфоре	8	1									
В т.ч.:											
кенотафы	12	1,7									
- с детьми	25	6,3									
- с амфорой	2										
-детские	7	0,9									

Шевченко Н.Ф.

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар*

САРМАТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В РАННЕСАРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Историческая интерпретация материалов раскопок подкурганных захоронений последних вв. до н.э. Восточного Приазовья долгое время служит иллюстрацией непрерывного развития раннесарматской культуры Западного Предкавказья в IV-I вв. до н.э. (Марченко, 1996. С. 100). Это мнение применительно к Центральному Предкавказью в целом поддержала М.П. Абрамова, хотя допустила возможность того, что памятники раннесарматской культуры можно делить на две группы: IV-III и II-I вв. до н.э. (Абрамова, 1999. С. 103 и сл). Тем не менее, анализ кубанских комплексов позволяет говорить об отсутствии прямой преемственности между этими группами и о том, что массовое расселение сарматов в Прикубанье происходит не ранее II в. до н.э. (Анфимов, 1975. С. 50; Берлизов, 2002. С. 24; Шевченко, 2011. С. 55). Именно в этот период формируется устойчивый облик материальной культуры кочевых племен, входящих в т.н. Сиракену, протянувшуюся от степей Центрального Предкавказья до Приазовских плавней.

По данным археологии в Прикубанье этот племенной массив фиксируется в пределах последних двух столетий до н.э., при этом большинство надежно датированных импортами и фибулами комплексов относится ко второй пол. II – сер. I в. до н.э. Памятники сарматского круга Центрального Предкавказья традиционно датируются III-I вв. до н.э., но погребения III века тоже четко выделить не удается.

Таким образом, ранний этап процесса формирования культуры кавказских сарматов археологически почти не улавливается ни в Центральном Предкавказье, ни в Прикубанье, в первую очередь, из-за отсутствия надежных маркерных комплексов. А priori можно полагать, что такие погребения вряд ли скоро появятся в большом числе, и пока можно говорить только о том, что на рубеже III-II вв. до н.э. часть племен сарматского круга действительно сдвигается к югу где-то в широкой полосе Предкавказья. Вопрос в том, происходит ли это одновременно на территориях Восточного Приазовья и в степях Центрального Предкавказья или это была локальная миграция с последующим расселением из неизвестного центра.

Важным фактором в решении этой проблемы может стать исследование трансформаций погребального обряда, вызванных развитием межплеменных контактов. Новые связи меняли культуру кочевников и должны были отразиться на традициях аборигенов. Изучение территориальных отличий в сфере отношений «номады – земледельцы» позволит приблизиться к пониманию процессов внутренних миграций и выйти на решение вопроса хотя бы относительной хронологии.

Имеющийся многочисленный материал постоянно «толкает» на поиски неуловимых подкурганных погребений III в. до н.э., некоторое число которых, несомненно, присутствует в степной полосе Предкавказья. Но подавляющее большинство комплексов датируется II в. до н.э., и их массовость свидетельствует о масштабной миграции или миграциях,

которые должны были вызвать существенные последствия в контактной зоне. Поэтому различия в характере отношений пришлых кочевников с местным населением в Приазовье и Центральном Предкавказье очень показательны.

Для памятников степной части Центрального Предкавказья на фоне появившейся новой группы подкурганных погребений, в т.ч. с катакомбным обрядом, происходит очевидное смешение традиций, фиксируемое на материалах курганных и грунтовых могильников, и формирование культуры с неустойчивым набором признаков (Абрамова, 1993. С. 106). При этом в местной среде распространяются литые зеркала с валиком по краю типа Хазанов IV, наблюдаются изменения в типах оружия. В погребениях кочевников распространяется лощеная керамика, многие типы которой существуют со скифского времени. Начинают использоваться миски с положенной внутрь мясной пищей (Абрамова, 1993. Рис. 22; Маслов, 2006; Бакушев, Абдулаев, 2012. С. 163; Прокофьева, 2016. С. 230 и сл.).

Массовое освоение Восточного Приазовья сарматами в первой пол. II в. до н.э. практически никак не отразилось в жизни правобережных городищ Кубани. Версия о том, что меотская керамика в период ранних контактов доминирует в подкурганных комплексах, не соответствует действительности. Более того, в этот период преобладают образцы керамики кавказских форм и распространяется красноглиняная кружальная боспорская посуда (Шевченко, 1993. С. 36). Изучение погребальных наборов свидетельствует о том, что мигранты скорее избегали контактов с коренным населением, вступая в торговые связи с Боспором.

Опираясь на изложенные факты, можно сделать несколько предварительных выводов.

1. Миграции племен сарматского круга происходят на рубеже III-II вв. до н.э. с направлением в степные районы, в первую очередь, западной части Центрального Предкавказья. Переселение, скорее всего, связано с последствиями природно-климатических изменений, вызвавших кризис кочевого хозяйства (Полин, 2018. С. 280-281; Бакушев и др., 2018. С. 294).

2. Во II в. до н.э. здесь формируется смешанное население, кочевая часть которого стала ядром т.н. Сиракены Страбона.

3. Расселение сираков в Прикубанье происходит с территории Центрального Предкавказья в ходе широтных перекочевок не ранее второй четв. II в. до н.э. Мигранты не формируют свои культурные устои в процессе смешивания с местным населением, а приходят с уже сложившейся традицией, которая включает подбойные и катакомбные захоронения, разные образцы кавказской керамики, в т.ч. миски. Письменные источники и обилие в погребениях импорта свидетельствуют о широких долгих контактах с античным миром. Количество предметов условно меотского производства невелико. Устойчивую группу составляют только кованые зеркала с бортиком по краю. Численность кружальной сероглиняной керамики в разы меньше сосудов боспорского производства. Сложившийся облик «сиракской культуры» сохраняется в Прикубанье неизменным до рубежа эр.

Литература

1. Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III-I вв. до н.э.) М.
2. Абрамова М.П. 1999. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.
3. Анфимов Н.В. 1975. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа (тез. докл.). Махачкала.

4. Бакушев М.А., Абдулаев А.М. 2012. Хасавюртовский курган-II // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
5. Бакушев М.А., Борисов А.В., Рябогина Н.В. 2018. Миграционные факторы на территории Дагестана на рубеже эр // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск.
6. Берлизов Н.Е. 2002. К определению исходных районов миграции савроматов и сармат в Прикубанье в IV и II вв. до н.э. Древности Кубани. Краснодар.
7. Маслов В.Е. 2006. К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье // РА. № 1.
8. Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
9. Полин С.В. 2018. Сарматское завоевание северного Причерноморья (современное состояние проблемы). Древности. Исследования. Проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев-Тирасполь.
10. Прокофьева Т.Е. 2016. Новые сарматские погребения юго-запада Ставропольского края // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти К.Ф. Смирнова. Оренбург.
11. Шевченко Н.Ф. 1993. Некоторые аспекты Боспоро-сарматских отношений (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар.
12. Шевченко Н.Ф. 2011. Степи Прикубанья и сираки в IV-III вв. до н.э.// Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир – Краснодар - М.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Акопян¹ А.В., Скаков² А.Ю., Джоуа³ А.И.

¹Институт востоковедения РАН, г. Москва,

²Институт археологии РАН, г. Москва

³Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа, г. Сухум,

НОВАЯ НАХОДКА АРАМЕЙСКОЙ НАДПИСИ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 18-09-00293

В 2019 г. совместная Российско-Абхазская археологическая экспедиция возобновила раскопки античного и ранневизантийского Гиеноса (Гюзноса) на окраине современного г. Очамчиры в Восточной Абхазии (Воронов, 1976; Шамба, 1988; Скаков и др., тезисы в этом сборнике). Античный город, возникший не позднее начала – первой пол. VI в. до н.э., несколько раз разрушался, а в I в. до н.э. – I в. н.э., вероятно, приходит в упадок. Новый расцвет поселения относится к эпохе поздней античности – О.Д. Лордкипанидзе датировал его II-V вв. н.э., Д.Д. Качарава – IV-V вв. Отметим, что город Киамеис или Кианеис упоминается в «Космографии» Равеннского анонима, написанной на рубеже VII-VIII вв., а под названием Суанес – на Певтингеровой карте (основа – первые вв. н.э., корректировалась до V в. н.э.).

Позднеантичный слой особенно хорошо представлен на западном и восточном холмах. Во второй пол. V в. или на рубеже V-VI вв. на восточном холме строится кирпичная церковь, функционировавшая до сер. VII в. (Хрушкова, 2002. С. 273-290).

В 2019 г. на восточном холме были заложены три шурфа (5x5 м), один из них – к ЮЗЗ от храма, два, смежные друг с другом – к ЮВВ от храма. Восточные шурфы прорезали слой перекопа (мощностью до 2 м) и вышли на слой разрушения храма, насыщенный строительным мусором. Непосредственно на уровне дерна был обнаружен фрагмент плинфы из руин храма с надписью на верхней постели (показательно, что не на торце, который мог бы быть доступен для обозрения после использования плинфы в строительстве).

Надпись (длина 17,2 см, высота букв от 4,5 см в начале до 2,5 см в конце) прочерчена по сырой плинфе (кроме того, на плинфе есть схематический подтреугольный рисунок, прочерченный по высохшей глине) и состоит из семи знаков, исполненных своеобразным вариантом восточноарамейского письма, другие примеры которого неизвестны (рис. 1).

Письмо на плинфе практически не имеет общих черт с зафиксированным в Грузии и Армении армазским арамейским (далее – АА, I-III вв.) и известным здесь сасанидским монетным письмом (СМ, III-VII вв.), но обнаруживает существенное сходство с позднеарамейским (ПА, III-IV вв.) и пальмирским (П, I-III вв.), а отдаленно с парфянским монетным (ПМ, I в. до н.э. – III в. н.э.) и еврейским квадратным письмом (ЕК, со II в. до н.э.)

Рис. 1. Фрагмент плинфы с арамейской надписью.

(начертания алфавитов см.: Euting, 1877; Церетели, 1941; Фридрих, 1979. С. 303, 373. Рис. 127, 255). Лапидарность текста и отсутствие других памятников, исполненных тем же почерком, заставляют с осторожностью предположить его чтение в виде краткого алфавитария *ʔbgdhwz*, что требует эпиграфического комментария.

Написание первого знака *ʔ* довольно близко к СМ и ПМ, но при его реконструкции надо учитывать высокую вариативность *ʔ* в разных арамейских алфавитах (ср., напр., форму *ʔ* в АА). Форма второго знака *b* весьма близка к таковой в ПА и П и может быть понята, если представить следующий порядок ее выписывания – сначала черта из правого верхнего угла в нижний левый, а затем приставление к ней сверху и слева крюка (в такой форме знак походит на *u*, но чтению *ʔ* препятствует отсутствие корней, начинающихся на *ʔʕ-*, и значение остальных букв). Написание третьего знака *g* на плинфе практически идентично таковому в ПА, а твердая верхняя горизонтальная черта шириной в знак роднит его и с формой в ЕК (*λ*). Четвертый знак *d* написан на плинфе несколько более угловато, чем в ПА, но от наклонных в ПА *k* и *r* его отличает вертикальность. Пятый знак *h* выписан довольно близко к *n*- или *λ*-образному *h* в СМ (как и в других почерках на базе арамейского он может быть смешан с *h*). Определенная сложность возникает с остальными графемами. Если в шестой позиции *w* *z*-образного типа (как в АА или СМ), то тогда надо предполагать его вписанность в прямоугольник, причем вертикальные линии знака написаны толще (т.е. увереннее?) серединной диагонали, что можно объяснить только ошибкой пишущего. Графема *z* в седьмой позиции узнаваема, но непропорционально широка, на что могли повлиять ее финальное положение и свободное место слева. Небольшие черты, видимые внутри нее и у ее верхнего левого окончания (начало следующей буквы *h*?), могут свидетельствовать о неуверенности пишущего в том, как продолжить или завершить надпись.

Наличие ошибок, нарастающих к концу текста, и само содержание надписи, могут указывать на ее создание в процессе обучения алфавиту. Но, несмотря на «учебный» характер текста, в уверенно написанных и однозначно опознаваемых первых пяти буквах (*ʔbgdh*) можно видеть своеобразное восточноарамейское письмо, развившееся из локальных курсивных форм и сильно отклонившееся от того, что синхронно бытовало в Иране. Надо отметить, что сложный характер генетических связей внешней формы графем (с ПА, П, ПМ и СМ) был предложен и для другого закавказского варианта восточноарамейского письма – АА (Церетели, 1941. С. 18).

Литература

1. Фридрих И. 1979. История письма. М.
2. Хрушкова Л.Г. 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). М.
3. Церетели Г.В. 1941. Армазская билингва. Тбилиси.
4. Шамба С.М. 1988. Гюэнос-I. Тбилиси.
5. Euting J. 1877. Semitische Schrifttafel. Strassburg.

Албегова¹ (Царикаева) З.Х., Успенский¹ П.С., Дзаттиаты² Р.Г.

¹Институт археологии РАН, г. Москва, ²СОИГСИ, г. Владикавказ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДАРГАВСКОГО МОГИЛЬНИКА VII-XII ВВ.

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 18-09-40105

Погребальный обряд носителей аланской культуры не раз становился объектом изучения. Важность материалов Даргавского некрополя заключается в непрерывности его функционирования на протяжении ок.600 лет, что позволяет проследить динамику развития грунтового катакомбного обряда погребения на Центральном Кавказе.

Исследование строится на 75 опубликованных комплексах некрополя (Дзаттиаты, 2014). В основе погребальных сооружений лежит Т-образная катакомба с перпендикулярным расположением длинных осей камеры и входной ямы. Только в одном случае длинные оси камеры и входной ямы находились на одной линии.

Особенностью подхода Р.Г. Дзаттиаты является то, что при наличии в катакомбе нескольких камер, каждая камера считалась отдельной катакомбой. В данной работе мы опираемся на ранее высказанное мнение, что погребальные сооружения с одной входной ямой и несколькими камерами – это единое сооружение – многокамерная катакомба (Габуев, 1988. С. 146-159; Коробов, 2003; Мамаев, 1988. С. 133-146). Таким образом, анализируемая выборка включает в себя 57 однокамерных и многокамерных катакомб. Достоверно однокамерными являлись 25 катакомб (44% выборки), многокамерными – 17 (30%), из них 1 – четырехкамерная, 1 – трехкамерная, 9 – двухкамерных (рис. 1, 1). Количество камер в остальных катакомбах точно не устанавливается, т.к. входные ямы не были прослежены.

При характеристике многокамерных катакомб мы используем термины: *основная камера*, под которой подразумевается камера, расположенная выше по склону; *боковые камеры* и *нижняя камера*. Однокамерные катакомбы раннесредневековых могильников Кавказа, как правило, врезались в склон камерой в сторону его повышения, что характерно и для Даргавса (Коробов, 2003. С. 42-43).

В настоящее время на поверхности отсутствуют какие-либо маркеры местоположения катакомб, но в период функционирования могильника, судя по единичным находкам, над дромосами устанавливались столбы, сложенные из нескольких речных камней, отдельные камни, камнями обкладывались входные ямы. Наличие случаев «перерезания» одних катакомб другими, указывает, что подобная маркировка или утрачивалась со временем, или была сделана не для каждого погребения.

Входные ямы катакомб трапециевидной (30 ям) или прямоугольной (5 ям) в плане формы, в основном со скругленными углами. Трапециевидные ямы расширялись к входу в верхнюю камеру. В многокамерных катакомбах дополнительные камеры устраивались как в задней, так и в боковых стенках входной ямы. Для большинства катакомб характерно наличие наклона пола в сторону основной погребальной камеры. Чаще всего вход в камеру перекрывался сланцевыми плитами, иногда дополнительно укрепленными камнями.

Дромосы арочной, округлой, прямоугольной или неправильной формы характерны для всех катакомб.

Камеры. 57 камер имеют овальную форму, 8 – неправильную, близкую к овалу, 6 – круглую, 2 прямоугольную, 1 – квадратную, 1 камера – разрушена. Дно камеры находилось ниже дна входной ямы на 0,12-1,05 м. В единичных случаях перепада нет, но есть порожек в дромосе. Высота камер зафиксирована только в 6 случаях и варьирует от 0,78 до 1,42 см. В 5 случаях в камерах выявлены ниши, в 1 – ступенька под головами погребенных.

В камерах катакомб фиксируются подстилки/подсыпки из ткани, дерева, угля. В заполнении входных ям и в камерах выявлены кости животных.

В камерах находились как *одиночные* (18%), так и *коллективные захоронения*. Из-за плохой сохранности не всегда прослежено точное количество погребенных индивидов, их положение, а также половозрастные различия. Всего зафиксировано не менее 174 погребенных. Взрослые и подростки – 154 чел., дети – 18. В камерах находилось от 1 до 4 погребенных. Погребенные лежали вытянуто на спине (52%), скорчено на правом боку (14%), скорчено на левом боку (1%), скорчено на спине (1%), кости 32% погребенных были сдвинуты при последующих подхоронениях.

74% погребенных уложены влево головой от входа в погребальную камеру, 19% – вправо головой от входа, единичны случаи, когда погребенные лежали головой к входу (3%) или к задней стенке (4%).

Прослеживаются закономерности в ориентировке погребенного относительно склона и относительно других погребенных. В основных камерах погребенные укладывались влево головой от входа вытянуто на спине или скорчено на правом боку лицом к входу. Индивиды, захороненные в основной камере последними, могли укладываться вправо головой от входа, скорчено на левом боку лицом внутрь камеры, в единичных случаях – головой или ногами к входу. В боковых камерах скелеты устойчиво ориентированы черепом вверх по склону. Наибольшая вариативность положения умерших наблюдается в нижних камерах. Преимущественно, если индивид был погребен последним и в скорченном положении, его ориентировали головой или лицом вверх по склону, в сторону основной камеры (рис. 1, 3).

«Мужской» инвентарь в основном коррелирует с индивидами, лежащими вытянуто на спине, а «женский» как со скорченными на боку погребениями, так и с вытянутыми на спине.

Все разновидности катакомб представлены неравномерно в течение всего времени функционирования могильника (рис. 1, 2). К первому периоду (VII - первая пол. VIII в.) относится 19% катакомб, ко второму (вторая пол. VIII-IX вв.) – 42%, к третьему (кон. IX-X вв.) – 10%, к четвертому (кон. X-XI вв.) – 11%, к пятому (вторая пол. XI-XII вв.) – 2%; остальные комплексы имеют более широкую датировку или безынвентарны. На второй период приходится наибольшее число погребальных сооружений, именно для этого времени характерно максимальное разнообразие конструкций катакомб, широкое распространение многокамерных катакомб. Возможно, это указывает на определенное увеличение численности населения в Даргавской котловине во второй пол. VIII-IX вв.

Как показывает анализ параметрических характеристик камер катакомб, они сооружались для многократных подхоронений (до 3-х чел.). Одним из способов увеличения площади в катакомбе становится сооружение дополнительных камер. Сооружение многокамерных погребальных комплексов позволяло экономить площадь земельных угодий, входивших в ресурсную зону поселения, расположенного в горной зоне.

Двухкамерные катакомбы известны в первых веках н.э. в Клине-Яре, Хумаре, в предсалтовское и салтовское время – в Архоне, Балте, Гоусте, Чми и в X-XII вв. – на Змейском могильнике. В Гоусте также известна трехкамерная катакомба (ОАК, 1890. С. 87; Фидаров, 1982; Коробов, 2003. С. 90, 96, 102, 105). То есть данные конструктивные особенности в

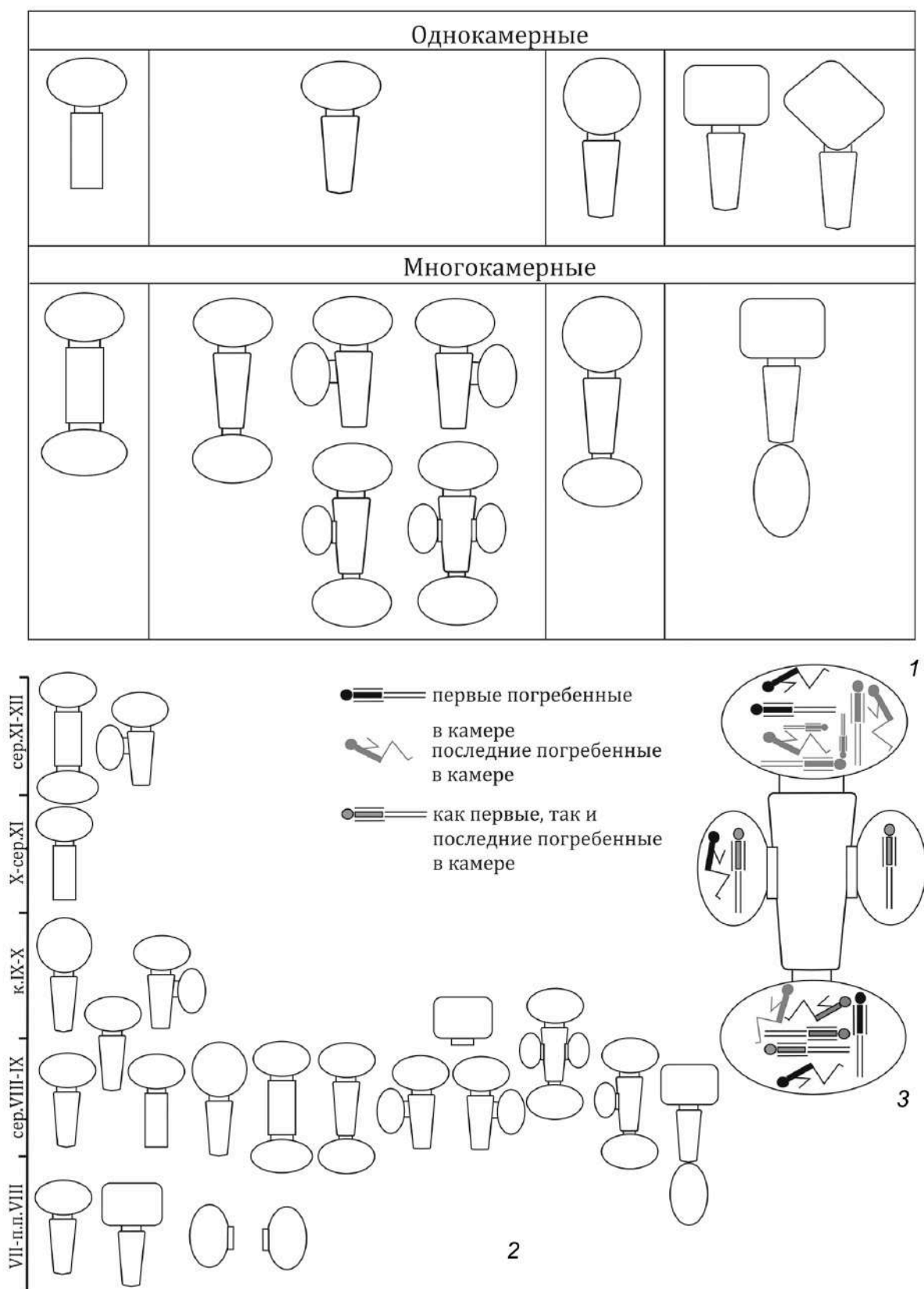

Рис. 1. Погребальный обряд Даргавского могильника. 1 – разновидности катакомб; 2 – распределение разновидностей катакомб по хронологическим периодам; 3 – положение погребенных в камере.

синхронное Даргавскому могильнику время были достаточно распространены на территории Центрального Кавказа.

Помимо катакомб, на территории некрополя исследовано 14 синхронных захоронений лошадей в прямоугольных ямах. Они могли являться как сопровождающими для определенных катакомбных захоронений, так и отдельными погребениями боевых коней. Только в одном случае, кости лошади были выявлены во входной яме катакомбы.

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть, что на всем протяжении существования могильника основные черты погребального обряда сохраняются практически без изменений. Это в определенной степени указывает на отсутствие активных влияний извне.

Литература

1. Габуев Т.А. 1988. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в до н.э. – VII в. н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
2. Дзаттиаты Р.Г. 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ.
3. Коробов Д.С. 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб.
4. Мамаев Х.М. 1988. Погребальный обряд раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Притеречья (некоторые итоги изучения) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
5. ОАК за 1890 г. СПб. 1893.
6. Фидаров Р.Ф. 1982. Альбом иллюстраций к отчету по раскопкам Змейского катакомбного могильника (СОАССР) в 1982 году // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р.1. № 13722.

Аргун А.В.

АБИГИ им. Д. Гулиа АН Абхазии, г. Новый Афон

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ АНАКОПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ В ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОЙКУМЭНЫ

Проведенное исследование нацелено на определение функционального назначения и первоначального местонахождения объектов архитектурной пластики, большая часть из которых украшали раннесредневековые христианские постройки в Анакопийской крепости, на выявление их композиционных особенностей и историко-культурных связей с соседними регионами Византийской ойкумены: Северным Кавказом и Крымом.

Впервые сведения об Анакопийских плитах приводят Архимандрит Леонид (Кавелин, 1885.) и П.С. Уварова (Уварова, 1894. С. 7-34). Первый профессиональный перевод эпиграфических памятников Анакопии вышел в своде В. В. Латышева (Латышев, 1911. С. 189). Археолог М.М. Трапш (Трапш, 1975. С. 104. рис. 35) опубликовал рельефы из раскопанного им храма у второй линии обороны. Л.Г. Хрушкова (Хрушкова, 1980. С. 26-32) предложила определения для части плит. Авторы издания «Искусство Абхазского царства VIII-XI веков» (Агумаа, Белецкий, Виноградов, Ендольцева, 2011) частично исследовали храмовое зодчество Анакопии, представили каталог каменных рельефов и уточненные переводы эпиграфических надписей Анакопии.

Раннехристианские памятники архитектурной пластики и эпиграфики из Анакопийского храма представлены деталями и фрагментами в количестве 102 шт. (рис. 2), из которых 82 предмета отнесены нами к раннесредневековым объектам Анакопии. Большее число исследованных объектов архитектурной пластики представлено декоративными резными орнаментами, сгруппированы нами по технике исполнения и узорам и отнесены к 3 храмам Анакопии.

Два Анакопийских храма длительное время находятся в научном обороте. В крепости существует еще один храм, расположенный на восточном гребне горы, который прежде не был предметом исследования (рис. 1, № 3). Самой ранней церковной постройкой является храм базиликального типа в цитадели (рис. 1, № 1). Время основания храма цитадели и его реконструкции исследователями в основном относятся к VII в. и XI в. (Башкиров, 1926. С. 55; Трапш, 1975. С. 88-148; Леквинадзе, 1968. С. 102-104; Хрушкова, 2002. С. 193). За основу времени перестройки была взята греческая надпись на плите престола, которая якобы была найдена за алтарной частью храма цитадели в 1866 г. (И.Н., 1899. С. 119-122). Исследователи доверились сообщению арх. Леонида, который черпал сведения у монахов. К XI в. относят реконструкцию храма Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 83-86). Позже они пересмотрели время реконструкции на середину X в. (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 124). Они убеждены, что именно Анакопийский храм в цитадели был освящен в честь св. Феодора Тирона и при реконструкции не переосвящался, что, по-видимому, должно определять исходную дату постройки храма в цитадели.

Рис. 1. Схема Анаконийской крепости.

Рис. 2. Прорисовка лапидарной коллекции из храма №1 до демонтажа.

Строительная техника храма цитадели идентична объектам южной части второй линии обороны, которые были сооружены в конце VI в. (Pishchulina, Kotlyar, Argun, 2018. P. 613-617).

В полукруглой апсиде храма устроены три широких окна с параллельными откосами, в продольных стенах – также по три широких окна, с запада, над входным порталом, также был устроен оконный проем, храм был посвящен, согласно косвенным данным, Пресвятой Богородице. В рассматриваемой коллекции не были обнаружены подходящие по размерам проемов плиты. В первой пол. X в. храм был реконструирован в связи с новыми литургическими правилами, введенными в Константинополе с сер. IX в. Он по-прежнему остался посвященным Пресвятой Богородице, при перестройке апсида получает пять граней, появляется новая отделка фасадов, часть из которой сохранилась в двух входных порталах. Возможно, в храме появились барабан и купол, а также новая алтарная преграда из декоративных известняковых плит. К храму Богородицы отнесены: наиболее массивная плита престола со значительными утратами, декоративные плиты фасада с резными профилированными тягам, плиты с латинскими крестами под прямоугольной полочкой арочной формы. Часть плит группируется в композицию алтарной преграды развитой формы, в которой прямой по форме архитрав установлен на высоких колоннах, украшенных с лицевой стороны резьбой.

По нашему мнению, посвятельная надпись о Феодоре относится к зальной церкви, расположенной у второй линии обороны, которая была возведена в первой пол. X в. (рис. 1, 2). В настоящее время автору удалось проследить грань в одном сохранившемся ряду на северо-восточной стороне цоколя апсиды, в связи с чем резные орнаментированные плиты, композиция которых представлена переплетающимися геометрическими фигурами (круг, ромб в различном сочетании), являвшиеся обрамлением окна гранной апсиды, отнесены к этому храму.

Третья церковная постройка, расположенная на восточном гребне Анакопийской горы, почти не сохранилась. Особое местоположение храма, полукруглая форма апсиды могут свидетельствовать о возникновении постройки в иконоборческий период на отрезке VIII-IX вв. (В IX-X вв. на территории Абхазии доминируют гранные апсиды). Его оконные проемы могли украшать плиты с композициями из фигур животных, что характерно для церквей иконоборческого периода. Одна из плит престолов прямоугольной формы (малая) отнесена нами к этому храму.

Появление орнаментальных переплетающихся композиций, состоящих из трех параллельных жгутов, вблизи границ Абхазского царства в пос. Ильич, выявленных М.Н. Ложкиным (Ложкин, 1973. С. 270-277), подтверждает участие Абхазских царей в христианизации Алании, что согласуется с письменными данными. Техническое сходство престолов из Анакопии с престолами из Херсонесских храмов, появление орнаментальных переплетающихся композиций в Анакопии и в пос. Ильич, указывает на сложившуюся в X в. на обозначенной территории систему единого культурного пространства, входящего в византийскую ойкумену.

Литература

1. Архимандрит Леонид (Кавелин Л.А.). 1885. Абхазия и в ней Новофонский Симоно-Кананитский монастырь. М.
2. Башкиров А.С. 1926. Археологические разыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия АБНО. Вып 4. Сухум.

-
-
3. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. 2015. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII-X в. М.
 4. И.Н. 1899. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М.
 5. Искусство Абхазского царства VIII-XI веков. СПб., 2011.
 6. Латышев В.В. 1911. К истории христианства на Кавказе (греческие надписи из Новоафонского монастыря) // Сборник археологических статей в честь графа А.А. Бобринского. СПб.
 7. Леквинадзе В.А. 1968. По поводу Анакопийской крепости // ВГМГ. Вып. XXV–В. Тбилиси.
 8. Ложкин М.Н. 1973. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА. № 4.
 9. Трапш М.М. 1975. Средневековая Анакопия // Трапш М.М. Труды. Т. 4. Сухуми.
 10. Уварова П.С. 1894. Христианские памятники Кавказа // МАК. Т. IV.
 11. Хрушкова Л.Г. 1980. Скульптура раннесредневековой Абхазии V-X века. Тбилиси.
 12. Хрушкова Л.Г. 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). М.
 13. Pishchulina V, Kotlyar V, Argun A. Integrated Cross-disciplinary Approach to Dating the Architectural Heritage Objects Based on Abkhazia and Chechnya Architectural Monuments Dating back from 2nd to 11th Centuries // Proceedings of the 2nd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 284. Atlantis press.

Бабенко В.А.

ООО «Наследие», г. Ставрополь

ПОХОДЫ АРМИИ ТАМЕРЛАНА В ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В 1395-1396 гг.

Важным событием в средневековой истории Северного Кавказа стали походы среднеазиатского завоевателя Тамерлана (Тимура) в 1395-1396 гг. Они преследовали цели ослабления Золотой Орды и разгрома местных союзников Токтамыша. Маршруты его походов в горные районы региона детально рассмотрены в работах Э.В. Ртвеладзе (1976), Х.А. Хиэриева (1976) и А.Е. Криштопы (2007). Маршруты походов армии Тамерлана по территории степных районов Центрального Предкавказья нуждаются в уточнении.

Весной 1395 г. армия Тамерлана вторглась на Северный Кавказ. После переправы через реки Самур, Сулак и Сунжу она подошла к Тереку. Переправившись на его левый берег, она вошла в «область Джулат» (Тизенгаузен, 1941. С. 175). В записках И. Шильтбергера она упомянута как «страна Джулад» (Брун, 1867. С. 31) и как «страна Бештамак (bestan)» с главным городом Джулад (Брун, 1867. С. 56).

По мнению И.М. Чеченова, армия Тамерлана остановилась у брода в урочище Бештамак (место слияния пяти притоков р. Терек у совр. ст. Екатериноградской) и переправилась на правый берег Терека с целью пополнения запасов продовольствия (Чеченов, 2008. С. 371). Армия Токтамыша отступила к р. Кура, именуемой в источниках как Каурай или Курай (Тизенгаузен, 1941. С. 119, 175), где Токтамыш занялся собиранием своего войска. Под названием «Курай» река упоминается в сочинении акад. И.П. Фалька, описывающего свою поездку на Терек в 1773 г. (Полное собрание ..., 1824. С. 92).

Вероятно, Токтамыш проводил сбор войска на Новопавловском поселении (название населенного пункта неизвестно) или в его окрестностях. Поселение располагалось в верховьях р. Куры на маршруте перекочевков ханских ставок в XIV в. из Маджара на Терек и торговом маршруте из Маджара в Дербент.

Перед генеральным сражением армии противников сближались друг с другом не по берегу Терека, как это следует из источников, а по левому берегу его крупнейшего притока Малки. В междуречье Малки и Куры 14 апреля 1395 г. началось решающее сражение между армиями противников. И.М. Чеченов предполагает, что оно произошло к востоку от канала Малка-Кура у ст. Солдатской и западнее ст. Приближная в пределах территории между течением р. Малка и районом расположения пос. Комсомольский и с. Пролетарское по линии канала им. Ленина (Чеченов, 2008. С. 371). По этому участку междуречья Малки и Куры могли проходить отмеченные выше коммуникации (рис. 1). Вероятно, Токтамыш пытался перекрыть дорогу в Пятигорье и Маджар.

После победы в сражении Тамерлан дошел до «местности Каурай» (Новопавловского поселения) и стал лагерем. Здесь он оставил своего сына Мираншаха вместе с обозом. Сам Тамерлан отправился с основными силами в погоню за Токтамышем в Нижнее Поволжье и дошел до Укека (Тизенгаузен, 1941. С. 121). Вероятно, он прошел по долине р. Горькая Балка, через Прикумскую возвышенность и Кумо-Манычскую впадину в Волго-Донские степи.

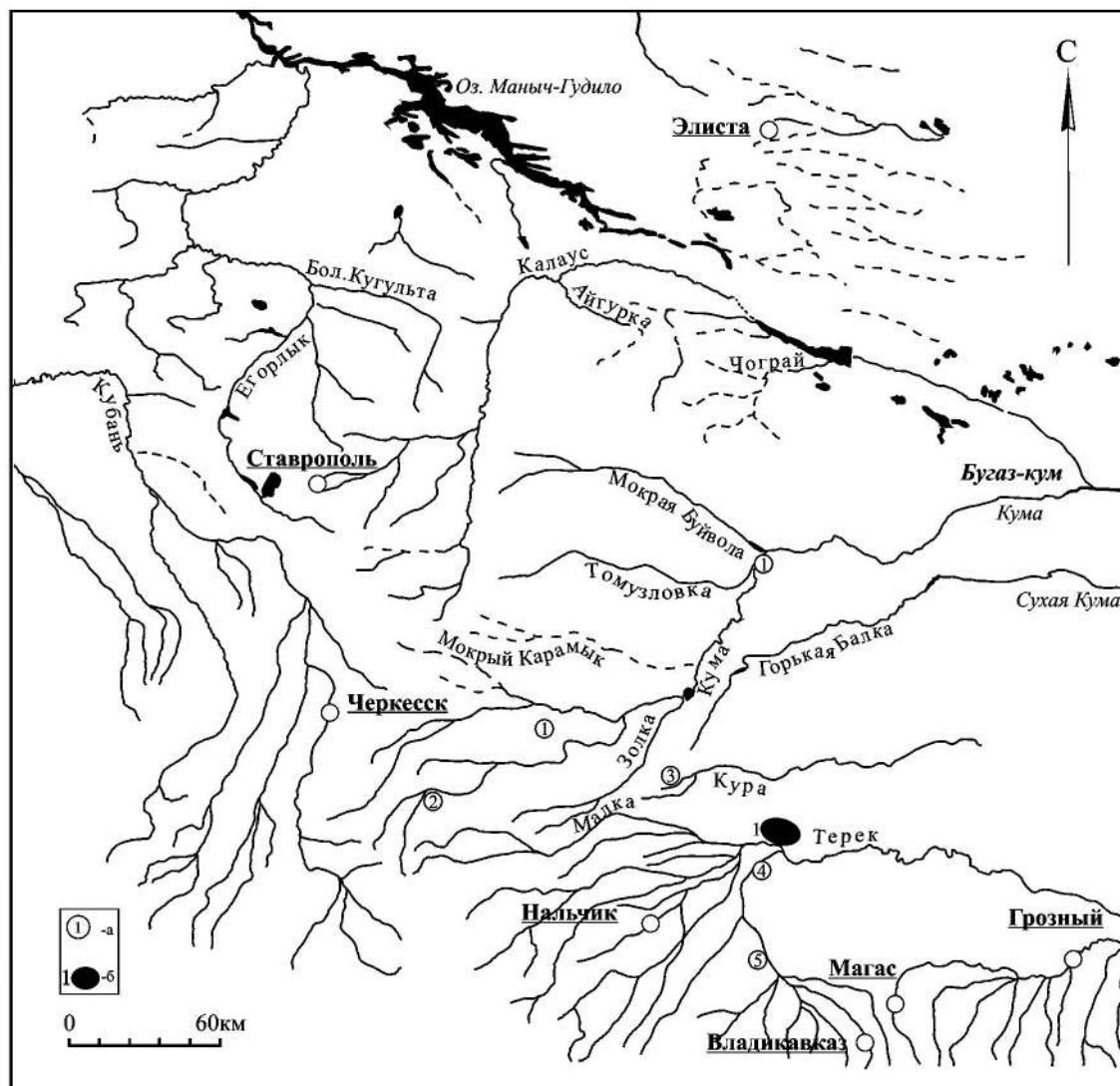

Рис.1. Центральное Предкавказье. Бытовые памятники (1 – Маджар, 2 – городище Рим.-гора, 3 – Новопавловское поселение, 4 – Нижний Джулат, 5 – Верхний Джулат) и локализация места генерального сражения армий Тамерлана и Токтамыша (1 – обведено черным овалом) по И.М. Чеченову (2008).

По предположению Э.В. Ртвеладзе, войска под командованием Мираншаха, оставшиеся после битвы на р. Куре, разорили Маджар, а затем присоединились к армии Тимура где-то на Дону (Ртвеладзе, 1976. С. 127). Но Шериф-ад-дин Йезди сообщает о следовании обоза за основными силами, которые совершили походы, и их воссоединении недалеко от «страны мрака» (Тизенгаузен, 1941. С. 178), что вполне закономерно. В другом отрывке он упоминает земли Маджара в числе других крупных территорий, разоренных Тамерланом (Тизенгаузен, 1941. С. 185). Вероятно, были разорены не только Маджар, но и его округа. Их покорение небольшими силами Мираншаха могло занять много времени. Это могло произойти осенью 1395 г.

После рейда в Поволжье, Подонье и Прикубанье армия Тимура возвратилась на Северный Кавказ. В источниках имеются сведения о пребывании ставки Тимура и обоза во время походов в Прикубанье и в Приэльбрусье в области Бишдаг (Тизенгаузен, 1941. С. 123, 182-183), в месте традиционного расположения летних пастбищ и ставок ханов Золотой Орды в XIV в. Это могли быть либо окрестности бытовых памятников на месте

современных городов Эссентуки и Новопавловск, либо летние пастбища на отрогах Джинальского хребта к югу от гор-лакколитов Пятигорья.

Э. Челеби зафиксировал в 1666 г. предание о посещении Тамерланом долины р. Подкумок и крепости Боргустан на Рим-горе, он также описывает в превосходных тонах «Боргустанское ущелье» (Челеби, 1979. С. 91). А. Фиркович в 1857 г. во время посещения Рим-горы зафиксировал предание о взятии армией Тамерлана этой крепости, принадлежавшей княгине Ак-Билек (Фиркович, 1857. С. 358). По предположению С.Н. Савенко, под «ущельем Боргустана» следует подразумевать долину р. Эшакон, узкая теснина которого начинается недалеко от Рим-горы (Афанасьев и др., 2004. С. 10).

После походов в центральные и восточные районы Кавказа армия Тамерлана завершила кампанию 1395 г. походом на север Предкавказья. Она razорила область Чутур-Казак, отождествляемую Х.А. Хизриевым со Ставропольской возвышенностью (Хизриев, 1976. С. 153). Возможно, по пути на север региона армия Тимура razорила Маджар и его округу. После этого она провела зиму 1395/1396 гг. в местности Бугаз-Кум (Тизенгаузен, 1941. С. 123). Эта местность локализуется на территории Кумо-Маньчской впадины (Ртвеладзе, 1976. С. 120; Хизриев, 1976. С. 155) в зоне зимних пастбищ средневековых кочевников. Она использовалась в качестве базы для походов на Нижнюю Волгу и в район Дербента (рис. 1).

Таким образом, в 1395-1396 гг. армия Тамерлана вела боевые действия, опираясь на ресурсы Центрального Предкавказья – продовольствие области Джулат, летние пастбища области Бишдаг и зимние пастбища Кумо-Маньчской впадины. Разоряя правое крыло улуса Джучи, Тимур использовал ресурсы, использовавшиеся до этого золотоордынскими ханами.

Литература

1. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. 2004. Древности Кисловодской котловины. М.
2. Брун Ф.К. 1867. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1426 год // Записки Императорского Новороссийского университета. Том 1, вып. 1. Одесса.
3. Криштопа А.Е. 2007. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М.
4. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. 1824. СПб.
5. Ртвеладзе Э.В. 1976. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный.
6. Хизриев Х.А. 1976. Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополя против Тимура // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный.
7. Фиркович А. 1857. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.
8. Чеченов И.М. 2008. Вопросы локализации места генерального сражения между войсками Тимура и Тохтамыша в апреле 1395 г. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21-25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ.
9. Тизенгаузен В.Г. 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л.
10. Эвлиа Челеби. 1979. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков, прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. (Памятники литературы народов Востока, VI). М.

Белецкий Д.В.

Независимый исследователь, г. Москва

ДВА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКА ЧЕГЕМСКОГО УЩЕЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЗОДЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

В литературе неоднократно поднималась тема культурных связей Балкарии и Карачая со средневековой Грузией. Однако свидетельствующие об этом архитектурные памятники рассматривались довольно поверхностно. Из очевидных примеров таких сооружений обычно приводятся лишь башня Балкаруковых в Эльтюбю (Верхний Чегем) и ограда фамильного участка Крым-Шамхаловых на кладбище в Карт-Журте.

К этой же группе, очевидно, следует отнести церковь Байрым, расположенную на окраине с. Эльтюбю, недалеко от упомянутой башни. Памятник известен по описаниям в литературе и частично обследован археологически (см., напр.: Акритас, 1961. С. 187-188; Кузнецов, 1977. С. 123-124; Белецкий, Виноградов, 2011. С. 279-280). Это была двухъярусная церковь, в верхней части которой находилось помещение для богослужения, а в нижней – погребальное помещение-склеп. В настоящее время второй ярус Байрым разрушен, и памятник представляет собой земляной холм с выступающими остатками бутовой известковой кладки. Судя по видимым фрагментам стен, внешние габариты сооружения были не менее 7х4,5 м. В плане это была вытянутая по линии ССВ-ЮЮЗ постройка, причем входной проем в нижнее пространство – лаз высотой ок.80 см и шириной ок.65 см – располагался под ее алтарной частью. Склеп, в который через него попадают, – это невысокое помещение (ок.3,3х2,5 м, высота до перелома свода не менее 1,9 м), перекрытое одной из вариаций ложносводчатой конструкции – два прямых ската, образующие на торцовых стенах «щипцы» треугольной формы.

Внешний облик церкви Байрым можно реконструировать лишь предположительно. В нашем распоряжении имеются два снимка Эльтюбю первой пол. XX в., на которых запечатлено приземистое двухъярусное здание, имеющее декор, имитирующий махикули и хорошо известный по архитектуре жилых домов Сванетии и Горной Рачи. Но расположение его входного проема, отсутствие на фасадах окон и реконструируемая на основе этого внутренняя структура здания не находят параллелей в жилом зодчестве. Есть основания полагать, что на указанных снимках мы видим еще не разрушенную церковь Байрым.

Второй памятник, не известный по публикациям, находится ниже по течению р. Чегем, на плато около с. Лечинкай в относительной близости от фамильного кладбища кабардинских аристократов Куданетовых (Къундет). В настоящее время он представляет собой земляной курган, в северо-западном склоне которого просматриваются остатки кладки. В середине кургана находится четырехугольное отверстие-лаз (ок.0,5х0,6 м), ведущее в перекрытое двускатным сводом помещение (ок.3,3х2,4 м, высота до перелома свода – не менее 150 см). По размеру, конструкции, а также по функции (судя по человеческим костям в заполнении), оно аналогично склепу под храмом Байрым, отличаясь лишь расположением лаза не в торцевой стене, а в юго-восточном склоне перекрытия.

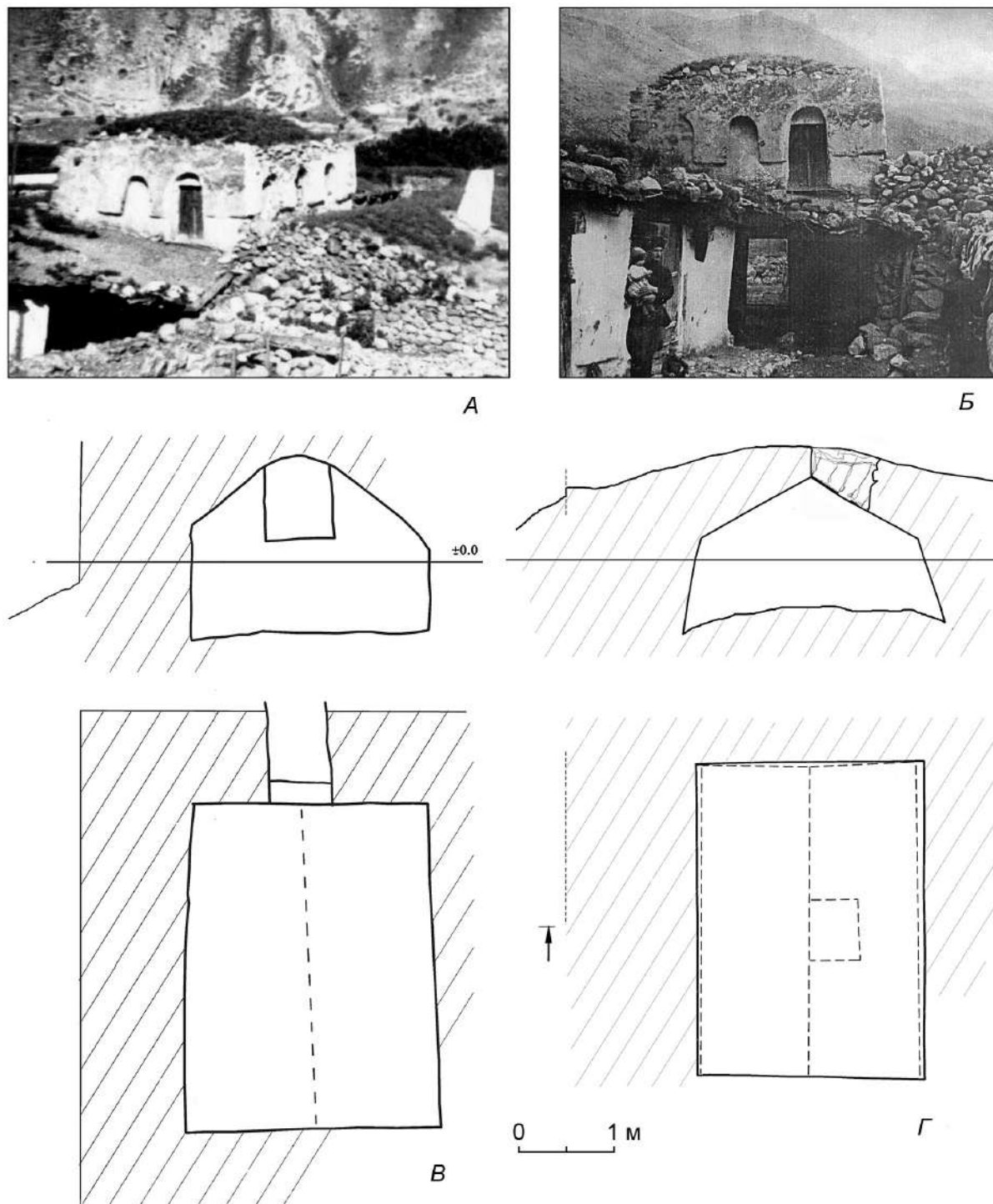

Рис. 1. Позднесредневековые памятники Чегемского ущелья: А – вид северной части Эльтюбю. Фрагмент фотографии нач. XX в. (фонды Национального музея КБР); Б – усадьба в Эльтюбю. Фрагмент фотографии 1939 г. (ЦГА КБР. Фотофонд, № 143); В – склеп под церковью Байрым. Схематичный обмер 2019 г.; Г – склеп у с. Лечинкай. Схематичный обмер 2015 г.

Примерно в 20 м южнее кургана прослеживаются остатки еще одного четырехугольного сооружения размером ок. 4х5 м, построенного с использованием бутовой кладки. Таким образом, в Лечинкае мы имеем дело с остатками целого архитектурного комплекса. Делать какие либо выводы о его назначении пока еще сложно, однако можно предположить, что курган со склепом является остатками церкви, близкой по структуре храму Байрым.

Отмечу, что своды с прямыми скатами характерны для зодчества ряда областей горной части Центрального Кавказа. Своеобразная форма этих конструкций была связана с конфигурацией, использовавшейся при строительстве примитивной опалубки, состоявшей из продольных «лаг» и положенных на них наклонно досок. В тех случаях, когда концы «лаг» оказывались зажатыми кладкой, опалубка не разбиралась. В случае же ее утраты на растворе от нее оставались отпечатки и пазы. Подобные перекрытия повсеместно встречаются в Сванетии и Раче, а также известны в Карачае и Балкарии (мавзолеи в Карт-Журте, Верхнем Чегеме). Аналогичный по форме свод, не имеющий следов опалубки, известен восточнее – в Дигории (Фараската, Авд-дзуар) и Мтиулети (Чохелни, Сепе, Земо и Квемо Млета и т.д.) (Белецкий, 2018. С. 400-403). Свод склепов Байрым и Лечинкай принадлежит последнему типу. Однако внешняя декорация храма Байрым, известная нам по снимкам, говорит о принадлежности памятника к свано-рачинскому архитектурному кругу.

Нам не известен обряд, по которому хоронили в описанных склепах – в одном случае нет полноценных материалов обследований, в другом – они еще не проводились. Сама же система погребений в помещениях под церквями чрезвычайно распространена в восточном христианстве (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 263-267). Однако входные отверстия-лазы связывают описанные памятники, несомненно, и с северокавказской склеповой традицией. Показательны в этом плане два склепа у принадлежащих грузинскому архитектурному кругу Таргимских храмов. Первый, датирующийся XI в., расположен под зданием 1-го Таргимского храма (Гадиев, 2018. С. 109-115), т.е. аналогично нашим примерам. Второй, полуподземный, находится в непосредственной близости от 2-й Таргимской церкви, построенной в XIII в. (Гадиев, 2014. С. 72-73), и, видимо, ей синхронен. Оба склепа имеют небольшие торцовые лазы и перекрыты клинчатыми сводами. Последние характерны для построек Ассинского ущелья «грузинского времени» и, несомненно, являются датирующим признаком для северокавказского зодчества. При этом второй склеп имеет ложносводчатую пристройку, свидетельствующую о его использовании и в более позднее время. Это является свидетельством преемственности погребальной традиции Северного Кавказа на протяжении развитого и позднего средневековья. В подобном контексте следует рассматривать и склепы под храмами Байрым и Лечинкай, являвшиеся, видимо, фамильными усыпальницами.

О датировке обоих памятников до более глубоких исследований можно говорить лишь предположительно. В.А. Кузнецов, основываясь на данных археологии, определяет время строительства Байрым XIII-XIV вв. Однако имитация боевых машикулей на его фасадах, не встречающаяся, кажется, в церковном зодчестве, известна у построек более позднего времени. Это, в сочетании с «варварской» конструкцией перекрытия, сдвигает возможное время возведения Байрым к XV-XVI вв. Памятник в Лечинкае, скорее всего, близок ему по времени. Учитывая почти полное отсутствие в эту эпоху «сакрального» строительства в Верхней Сванетии, церкви соседнего с ним Чегемского ущелья, сочетающие в себе черты храмовой и гражданской архитектуры, следует рассматривать как один из феноменов в кавказском зодчестве.

Литература

1. Акритас П.Г. 1961. Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 году // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик.
2. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2011. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. М.
3. Белецкий Д.В. 2018. Храмы «дигорской» группы и их мтиульские параллели // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Карачаевск.
4. Гадиев У.Б. 2014. Е.И. Крупнов и христианские памятники Ингушетии // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И.Крупнова (15 апреля 2014 года, г. Магас). Магас - Кисловодск.
5. Гадиев У.Б. 2018. О датировке Таргимского храма // Вестник Археологического центра. Вып. VI. Назрань.
6. Кузнецов В.А. 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.

**Березина¹ Н.Я., Албегова² З.Х., Зиганшин³ Р.Х.,
Александров³ П.Л., Бужилова¹ А.П.**

¹НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

²Институт археологии РАН, г. Москва

³Институт биоорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова РАН, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА С УЧЕТОМ ДАННЫХ АНТРОПОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА МАМИСОНДОН)

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 17-29-04125

Погребальный обряд, наряду с другими важными ритуалами, входит в круг символических систем, отражающих наиболее важные черты социокультурного сообщества. Несомненным преимуществом погребального обряда, по сравнению с другими ритуалами, является возможность его частичной реконструкции по данным археологии и антропологии. Информация, полученная в ходе анализа погребального обряда, позволяет рассматривать специфику этнокультурных процессов в регионе, осуществлять характеристику социальной организации общества, а также затрагивать процессы, связанные с мировоззренческими представлениями создателей некрополя. Одним из важных маркеров как социальных, так и биологических характеристик популяции является половозрастной состав погребенных. Антропологические исследования позволяют ответить на вопросы, связанные с полом и возрастом взрослых индивидов и возрастом детей. Определение пола у детей с использованием одних лишь морфологических критериев, зачастую мало достоверно и не проверяемо, а детские погребения нередко составляют значительную часть погребений некрополя.

Материалом для данного исследования послужила серия Мамисондон из коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ. Серия Мамисондон собрана в 2007-2008 гг. в процессе охранных раскопок Североосетинской экспедиции Института археологии РАН под руководством З.Х. Албеговой. По данным археологов некрополь использовался сравнительно непродолжительное время. Основное время существования могильника – VIII век. Но отдельные погребения могут относиться к концу VII в. или началу IX в. (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010). Вся площадь раскопа была разбита археологами на две части: Основная часть могильника (далее в тексте: ОЧМ) и Холм 1 (далее в тексте: Х-1). Основанием для подобного деления послужили некоторые отличия в инвентаре и деталях погребального обряда. Тем не менее, ОЧМ и Холм-1 представляют собой хронологически последовательные участки некрополя.

Погребения совершались в прямоугольных в плане ямах с деревянными сосновыми рамами. Рамы перекрывались сверху поперечными плахами. В захоронениях были обнаружены предметы личного обихода и украшения (персти, височные кольца, булавки, браслеты).

Труположение было полоспецифично для взрослой части выборки: мужчины хоронились вытянуто на спине, женщины – на боку, в основном скорченно, но иногда и вытянуто (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010). У детей, включая новорожденных, также было выделено несколько вариантов укладки тела в погребение.

Нередко одну и ту же могилу использовали несколько раз, при этом более ранние останки сдвигали вбок в сторону. В этом случае первоначальное положение тела не прослеживалось. Такая тенденция встречается чаще на более поздних этапах существования могильника.

Пол всех половозрелых индивидуумов определялся методами антропологии; для двух взрослых индивидуумов определение пола было подтверждено еще и генетическими исследованиями. Что касается детских погребений, их труположение по данным археологии повторяло взрослый обряд, но по морфологическим критериям методами антропологии проверить данную гипотезу было невозможно без применения методов лабораторной диагностики.

В данной работе представлены результаты комплексного исследования по определению пола погребенных в могильнике Мамисондон методами антропологии и анализом белкового состава эмали зубов с использованием протеомных технологий. Для взрослых определение пола по положению тела в погребении было возможно для 109 из 128 индивидов, что составило 85,2%. По данным антропологии было определено 126 погребенных из 128, что составило 98,4%. Лишь в одном случае из 114 (0,88%) пол погребенного по труположению и по данным антропологии не совпал.

Также была проанализирована детская часть могильника, подтверждена связь между труположением и полом детей. Информация о соотношении полов в детских погребениях значительно расширила понимание как биологических аспектов исследования, таких как демография серии, так и культурных традиций связанных с погребальным обрядом.

Литература

1. Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. 2010. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. М.

Болдырева Е.М.

Государственный исторический музей, г. Москва

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ЗАКАВКАЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Первая глазурованная посуда появляется на городище Самосделка в конце X в. Это редкие единичные импорты с территории Средней Азии и Ирана. Изучение всего комплекса поливной керамики дало возможность выделить три этапа в поступлении этой категории посуды на городище: X-XI вв.; XII - сер. XIII в.; сер. XIII - первая пол. XIV в. (Болдырева, 2016. С.7).

Для данной работы наиболее интересен второй условный этап, который начал формироваться на рубеже XI-XII вв. В этот период объем импортной поливной посуды значительно увеличивается и начинает формироваться юго-западное направление в развитии контактов Нижнего Поволжья. Появляется первая кашинная посуда и поливные чаши из Восточного Кавказа и Закавказья. Она представляет собой блок закавказских чаш с широким венчиком и полихромной росписью в сочетании со сграффито. Эта выборка происходит из предмонгольских и ранне-ордынских горизонтов городища Самосделка. Такая форма чаш характерна для многих городов Закавказья, большая часть из которых расположена на территории современного Азербайджана. Она существовала там в XII – первой пол. XIII в. почти повсеместно (Якобсон, 1959. С. 256). Такие же чаши обнаруживаются на Средней Волге, в Болгаре (Полубояринова, 2008. С. 59, 60. Вкл. ил. V, 1) и на городище Сарайчик в Казахстане уже в ранне-ордынское время (Самашев, Кузнецова, 2008. С. 174). Поэтому можно предположить, что импорт этой группы посуды с территории Азербайджана осуществлялся поэтапно. Сначала он частично оседал в городе на месте с. Самосделка, а потом переправлялся вверх по Волге и к востоку от Каспия, т.к. в указанных местах эти чаши появляются только в ордынский период.

Наиболее многочисленна рядовая глазурованная посуда с глазурью оттенков зеленого и желтого цветов и дополнительным декором в технике сграффито в виде спиралей, зигзагов, полуovalов, схематичных листьев, заполненным потеками цветных красителей или без них. Поступала такая посуда, вероятнее всего, из Дербента и Ширвана. Именно в Дербенте найдена бракованная керамическая посуда, аналогичная целой, привезенной в город на месте с. Самосделка. Еще одним доказательством импорта из Дербента, являются некоторые особенности обжига, фиксируемые на поверхности посуды. Это особенная расстановка сосудов при обжиге в печи, когда не использовались треножки-сепай, а сосуды складывались в печи «горками»: к более крупным прислонялись более мелкие, оставляя на стенках соседних сосудов, концентрические отпечатки. Такая особенность обжига зафиксирована на части дербентской керамики и на самосдельской, что еще более сближает два указанных пункта.

Монгольское завоевание отразилось на импорте поливной посуды. Во второй пол. XIII в. начинается общий экономический упадок в городе. Это отразилось на объемах поступления и качестве привозимой поливной посуды. Неорнаментированные обломки

сосудов с толстыми стенками и поливой плохой сохранности концентрируются в самых верхних слоях памятника. В то же время сохраняются редкие статусные импортные вещи, которые могли быть привезены мусульманскими паломниками или вывезены в качестве трофеев или сувениров.

На небольшом количестве материала удалось проследить преемственность между домонгольскими и ранне-ордынскими импортами в материалах городища. Например, дербентский и ширванский керамический импорт, достигший расцвета в домонгольский период, частично сохранился и в ранне-ордынское время. Чаши с зеленой поливой и сграффито, со стилизованными листьями, заполненными потеками красителей, есть и в ранне-ордынских слоях. Однако, можно видеть отличие в их исполнении: поздние чаши более толстостенны, в тесте выделяются крупные примеси шамота и органики. Кроме того, количество таких находок ограничено.

Вероятно, некоторые импорты попадали на городище Самосделка опосредованно, не напрямую из источников производства, а вот большая часть глазурованной посуды могла быть привезена в город на месте с. Самосделка непосредственно из стран Ближнего Востока и Закавказья, а уже потом переправляться по Волжскому пути в Золотую Орду, Волжскую Болгарию и на территорию Древней Руси. Этот факт доказывает не только географическое положение городища, которое можно считать самым первым остановочным и перевалочным пунктом при выходе из Каспийского моря. В первую очередь, это город с домонгольским слоем, а, следовательно, его торговые связи и контакты, существовавшие еще до прихода монголов, продолжались и в золотоордынский период.

Литература

1. Болдырева Е.М. 2016. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
2. Полубояринова М.Д. 2008. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля (сборник очерков). М.
3. Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. 2008. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы.
4. Якобсон А.Л. 1959. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА. № 67. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I. М.-Л.

Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.Л., Абдулаев А.М.
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: СЕЗОНЫ 2016, 2017, 2019 гг.

Работа подготовлена при содействии РГНФ, проект № 16-01-18022е

В 2016, 2017, 2019 гг. Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДФИЦ РАН продолжала работы на раскопе XXV (рис. 1А), заложенном в 2012 г. южнее цитадели Нарын-кала (Гаджиев, 2017; Гаджиев, Будаичиев, 2013. С. 108-129; Гаджиев и др., 2016а. С. 144-173; Гаджиев и др., 2016б. С. 168-187; 2017. С. 70-92) – на территории Дербентского поселения, расположенного на отроге Джалганского хребта и предшествовавшего городу, возведенному в конце 560-х гг. н.э. и получившему имя Дербент.

Площадь раскопа составила 221 кв. м. Общая мощность культурных напластований достигает 3 м. Работы в последние годы производились в южном секторе раскопа и были сконцентрированы на исследовании слоев 1-3 сасанидского времени (IV-VI вв.) и многокомнатного жилищно-хозяйственного комплекса, связанного с финалом отложения слоя 3 и датируемого V веком.

Для датировки слоев поселения и связанных с ними архитектурных и иных остатков важными хронологическими индикаторами, наряду с показательным керамическим комплексом, включающим местную дагестанскую (в частности, красноангобированную и черно- и серолощеную посуду) и сасанидскую керамику, выступают две бронзовые пряжки и две бронзовые фибулы.

Обе пряжки найдены в закрытых комплексах – в хозяйственных ямах 12 и 18, стратиграфически связанных с отложением слоя 3, и представляют один тип – овальнорамчатые пряжки со слегка утолщенной в передней части рамкой и немного утонченной и выпрямленной в задней части, с Г-образным язычком, охватывающим рамку на всю высоту и заходящим за середину ее сечения и примыкающим к ней (рис. 1Б, 1,2). По форме рамки и язычка, они близки пряжкам типа П11 по В.Ю. Малашеву (2000. С. 196) и датируются концом IV в. – нач. V в. н.э. (Кривошеев, Малашев, 2016. С. 138-147. Рис. 1, 6).

Бронзовые фибулы с железными иглами происходят из слоев 1 и 2, накрывающих исследуемый жилищно-хозяйственный комплекс. Фибула из слоя 1 (рис. 1Б, 3) относится к кругу раннесредневековых шарнирных прогнутых фибул с удлинено-треугольной дугообразной спинкой и железной иглой и наиболее близка фибуле из погр. 4 VI в. могильника Чми 1 (Абрамова, 1986. С. 52, 54. Рис. 2, 13). Фибула из слоя 2 (рис. 1Б, 4) – шарнирная прогнутая с крестовидным корпусом, пластинчатой дужкой и длинной ножкой, которая переходит в желобчатый приемник, закрепленный с помощью пластинки/подвязки, загнутой за перекладину крестовидного корпуса, и находит аналоги среди фибул второй пол. VI-VII вв. (Гавритухин, 2010. С. 426, Рис. 5, 14-17). Из слоя 2 также происходит фрагмент стенки сасанидского бокала из светло-зеленого стекла с округлыми шлифованными фасетками (рис. 1Б, 16).

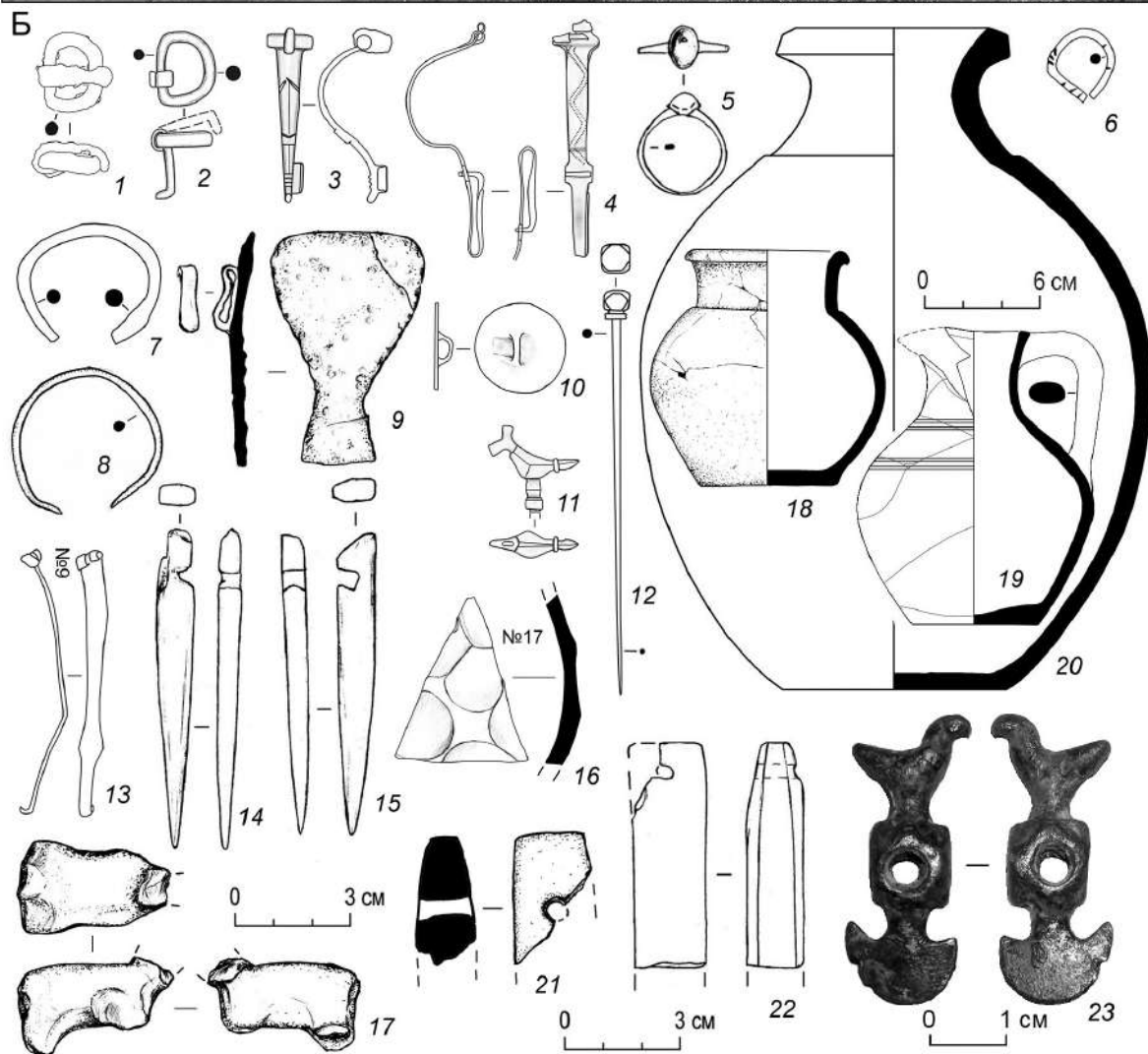
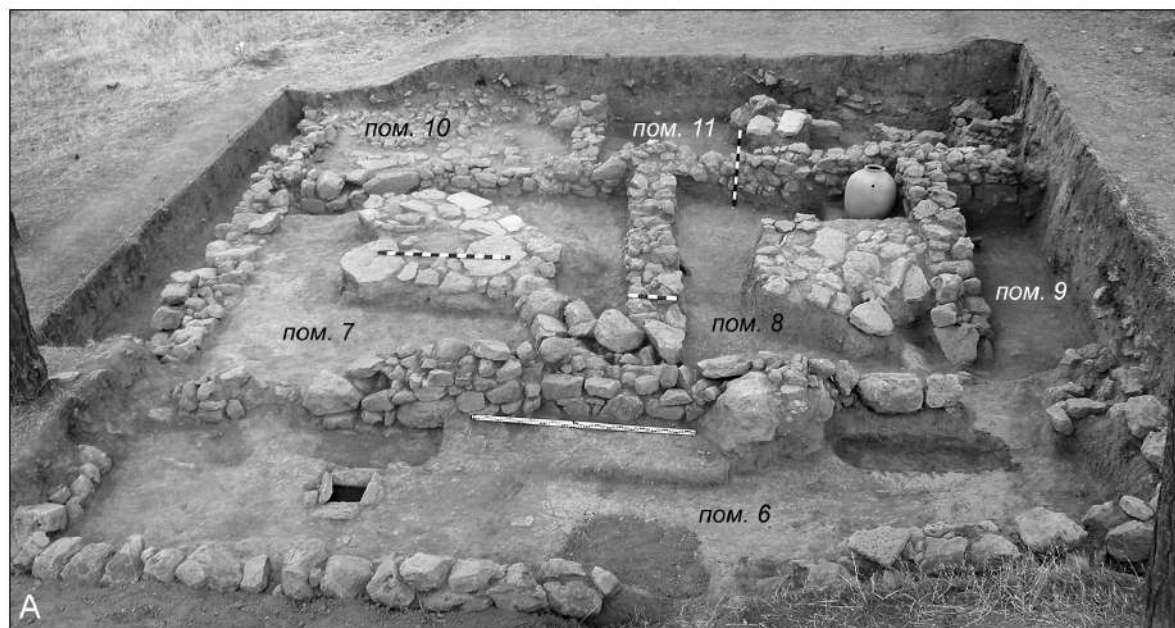

Рис. 1. Дербентское поселение. А – южный сектор, помещения 6-11; Б – находки: 1-13, 23 – бронза, 14, 15 – кость, 16 – стекло, 17-20 – керамика, 21, 22 – камень

На основе керамических комплексов и индивидуальных находок слои 1 и 2 датируются позднеасанидским временем (VI – нач.VII в.), а нижележащий слой 3 – сер./кон. IV-V вв.

Частично вскрытый многокомнатный жилищно-хозяйственный комплекс (рис. 1А), появление которого приходится на финал отложения слоя 3, включает смежные помещения 1-11, большинство из которых примыкает к одной общей для них стене 4 (прослеженная длина стены – св.29 м). Эта стена сложена на глиняном растворе двупанцирной или двурядной по толщине кладкой из крупных и средних необработанных и частично подправленных камней с использованием мелких камней во внутренней забутовке стены и при подкладке под крупные камни для их большей устойчивости. Ширина стены составляет 65-75 см, при сохранившейся высоте max. 68-95 см. От других стен комплекса эта стена, отличающаяся более крупными параметрами и обращенная своим наружным (восточным) фасом в сторону Прикаспийской равнины (Дербентского прохода), очевидно, играла роль наружной (внешней) фасадной стены домостроений поселения и осуществляла, тем самым, оборонительную функцию.

В площади вскрытого архитектурного комплекса фиксировались следы пожара (золенные и обожженные пятна, скопления древесных угольков, следы сгоревших балок и жердей). В помещении 6 выявлены остатки глинобитной стационарной пристенной печи, а на уровне пола – скопления 11 сосудов (кухонных, столовых, тарных) *in situ*. Обнаружение значительного количества сосудов в данном помещении (и отдельных целых сосудов в других секторах раскопа, связанных с функционированием данного жилищно-хозяйственного комплекса) может свидетельствовать о внезапности его оставления, связанного с какой-то угрозой, и последующей его гибели.

Учитывая датировку накрывающего слоя 2 и подстилающего слоя 3, гибель этого комплекса, вероятно, произошла в период бурных военно-политических событий 440-х – 450-х гг. (вторжения гуннов, иранские военные кампании, антисасанидское восстание 450-451 гг.) или же в нач. VI в. (ирано-савирская война).

В ходе работ был получен разнообразный археологический материал, представленный фрагментами и целыми экземплярами керамической посуды, изделиями из глины (пряслица, штыри), бронзы (фибулы, головная булава, кольцо, зеркальце-амулет), железа (наконечники стрел, однолезвийный нож с горбатой спинкой, кованые гвозди), камня (пряслица, зернотерки, пест, оселки), стекла (фрагменты сосудов), кости (иглы, проколки) (рис. 1Б).

В площади раскопа вскрыты средневековые мусульманские погребения (погр. 22-37), впущенные в культурный слой поселения.

Полученные материалы характеризуют культуру и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с городом-крепостью Чор/Чол, известным раннесредневековым авторам (Елишэ, Хоренаци, Агатангелос, Каланкатуаци, Цуртавели, Прокопий Кесарийский, Михаил Сириец и др.) и выступавшим важным административно-политическим, военно-стратегическим и религиозно-идеологическим центром Восточного Кавказа.

Литература

1. Абрамова М.П. 1986. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.
2. Гавритухин И.О. 2010. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон.

-
-
- Результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС / Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. М.
3. Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012-2016 гг.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. 2017.
 4. Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л. 2013. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4.
 5. Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М. 2016а. Раскопки Дербентского поселения в 2013 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1.
 6. Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. 2016б. Раскопки Дербентского поселения в 2014 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3.
 7. Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. 2017. Раскопки Дербентского поселения в 2015 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1.
 8. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М. 2018. Раскопки Дербентского поселения в 2016 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 3.
 9. Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. 2016. Хроноиндикаторы середины III – IV вв. н.э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева. Ростов-на-Дону.
 10. Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Гадиев¹ У.Б., Лейбова² Н.А., Фризен² С.Ю.

¹ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова», г. Назрань

²Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ СКЛЕПОВ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 17-29-04329 офи_м

В 2017 г. в рамках проектов «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» («Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам»), «Экспериментальное исследование костных останков методами палеоантропологии и аналитической химии» РФФИ и при финансовой поддержке мэра г. Назрань А.М. Тумгоева, которому выражаем искреннюю благодарность, нами был осуществлен экспедиционный выезд с целью сбора палеоантропологических материалов из склепов горной Ингушетии. В ходе исследований были собраны палеоантропологические материалы из пяти склепов у селений Таргим, Эгикал, Салги, Цори и Мужган. Была собрана представительная краниологическая серия (36 мужских и 20 женских черепов). Сбор материала производился без нарушения культурного слоя.

Сохранность материала хорошая, но, в связи с тем, что материал собирался без нарушения культурного слоя, численность выборок различна. Наиболее представительной является серия из склепа Эгикал (18 мужских, 8 женских черепов). Остальные значительно уступают по численности (Таргим 4♂ и 2♀; Цори 3♂ и 3♀; Мужган 6♂ и 3♀; Салги 4♂ и 3♀). Изученная краниологическая серия визуально неоднородна в рамках европеоидного краниологического комплекса, но выделить составляющие ее компоненты не представляется возможным. В связи с неравномерной численностью выборок из склепов проводить их сопоставление между собой, на наш взгляд, не имеет смысла.

В связи с этим нами был предпринят внутригрупповой анализ суммарной серии. Анализ среднеквадратического уклонения, как в мужской, так и в женской выборках, демонстрирует значения средние или ниже среднего.

Мужская и женская выборки из изучаемых склепов демонстрируют сходные тенденции и являются достаточно однородными для использования средних значений суммарной серии при межгрупповом сопоставлении. В связи с тем, что работа по сбору материала из склепов горной Ингушетии будет продолжена, проведение межгруппового сопоставления пока не является целесообразным и будет проведено после окончания исследования.

По одонтологической программе было изучено 67 индивидов (Цори – 8, Эгикал – 25 (все без нижних челюстей), Таргим – 9, Салги – 9, Мужган – 16). Частоты важнейших

одонтологических признаков в исследованной нами краниологической серии из склепов горной Ингушетии не выходят за пределы их вариации на территории Кавказа. Одонтологический комплекс средневековых ингушей, безусловно, характеризуется как западный. В его пределах серия относится не к грацильным формам, как большинство современных групп Кавказа, а к матуризованному варианту, уходящему своими корнями к населению эпохи бронзы на Кавказе. Рассмотрение изучаемой серии на фоне территориальных выборок современных народов, проживающих на территории Северного Кавказа (осетин, адыгейцев, кабардинцев, карачаевцев и балкарцев), выявило обособленное положение средневековых ингушей горной Ингушетии. Это указывает на то, что для них характерен иной одонтологический комплекс, нежели для современных народов Северного Кавказа, в т.ч. и для современных ингушей и чеченцев.

Гадиев¹ У.Б., Мацковский² В.В.

¹ГКУ «Археологический центр им. Е. И. Крупнова», г. Назрань

²Институт географии РАН, г. Москва

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Вопросы хронологии памятников средневековой архитектуры горной Ингушетии, как и в целом сопредельных районов Северного Кавказа, носят дискуссионный характер. Причиной тому является отсутствие твердо датирующих маркеров, которые могли бы выступать в качестве опорных для всех типов памятников региона. Относительно легче обстоят дела с памятниками культового и погребального зодчества, которые на протяжении многих лет систематически изучались методами археологии. Но это, в целом, не решило задачу.

В последние годы группой исследователей из Археологического центра им. Е.И. Крупнова и Института географии РАН предприняты попытки определения возраста памятников средневековой архитектуры горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа. Материалом для датирования послужили образцы, полученные из деревянных элементов местных строений – балки-распорки сводов, оконные и дверные перемычки. Предварительные результаты исследований были опубликованы в сборниках материалов XXIX и XXX Крупновский чтений (Гадиев, Мацковский, 2016. С.269-270; 2018. С. 429-431). Еще одна статья, посвященная этой проблематике, была издана в известном журнале Аризонского университета “Radiocarbon” (Matskovsky et al., 2019. P. 777-797).

Настоящей публикацией вводятся в научный оборот новые данные по итогам радиоуглеродных исследований памятников архитектуры горной Ингушетии, проведенных в 2019 г. На основе изучения древесных образцов были получены следующие результаты для памятников оборонительной и погребально-культовой архитектуры:

боевая башня с. Салги – 1670-1696 гг.;

боевая башня с. Эрзи – 1683-1723 гг.;

боевая башня с. Вовнушки – 1536-1645 гг.;

двускатный наземный склеп с. Фалхан – 1668-1691 гг.

Датировка образцов была осуществлена в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США).

Также, впервые в практике изучения местных историко-архитектурных древностей нами было организовано радиоуглеродное датирование карбонатов раствора и штукатурки храмов Тхаба-Ерды и Альби-Ерды (табл. 1). Следует оговориться, что методика радиоуглеродного датирования карбонатов находится пока еще на экспериментальной стадии, поэтому полученные датировки для указанных выше памятников следует использовать лишь как общий ориентир.

Полевой забор образцов и датирование карбонатов осуществлялось следующим образом. Куски строительного раствора извлекались из горизонтальных швов кладки, куски штукатурки – с поверхности стен интерьера зданий. Образцы раствора и штукатурки обрабатывались в ультразвуке в течение 30 минут, затем тонкую фракцию менее 50 мкм

Табл. 1. Результаты радиоуглеродного датирования памятников архитектуры горной Ингушетии

Объект	Порядковый номер радиоуглеродного образца	Материал, из которого извлечен образец	Лабораторный номер радиоуглеродного образца	Датировка ^{14}C , ВР (1σ)	Калиброванные годы (OxCal 4.3, IntCal 13), 95.4% интервал	Калиброванные годы по результату сопоставления дат (wigggle-matching), 95.4% интервал.
Храм Тхаба-Ерды	ТНА-1 (10')	Штукатурка	**UGAMS-28040a	980±50	972–1170 (94.9%) 1176–1182 (0.5%)	** Предлагается учитывать только датировки с временем реакции 10 минут, т.к. при более длительной реакции начинает проявляться «мертвый» углерод из природного карбоната кальция
	ТНА-1 (30')	Штукатурка	**UGAMS-28040b	1020±25	974–1040 (94.9%) 1110–1115 (0.5%)	
	ТНА-2 (10')	Раствор	**UGAMS-28041a	1020±25	974–1040 (94.9%) 1110–1115 (0.5%)	
	ТНА-2 (30')	Раствор	**UGAMS-28041b	1140±25	777–791 (4.4%) 804–843 (7.6%) 859–979 (83.5%)	
Храм Альби-Ерды	ALB-1 (1)	Штукатурка	**UGAMS-29121 in	1300±25	662–762 (64.3%) 738–768 (31.1%)	**Ранняя датировка может быть связана с вступлением в реакцию «мертвого» углерода из природного карбоната кальция
	ALB-1 (1)	Штукатурка	UGAMS-29121 out	1010±30	973–1049 (82.4%) 1085–1124 (10.4%) 1136–1150 (2.6%)	
	ALB-2	Раствор	UGAMS-29122	1050±25	901–921 (5.7%) 961–1025 (89.7%)	

собирали путем просеивания через нейлоновое сито, центрифугировали и сушили при 60°C. Полученная фракция обрабатывалась 100%-й фосфорной кислотой в вакууме при температуре 0°C в течение 10 минут для восстановления диоксида углерода. Чтобы исследовать степень загрязнения старым углеродом из естественных карбонатов, для образцов ТНА-1 и ТНА-2 были собраны две отдельные газовые фракции, соответствующие времени реакции 10 и 30 минут, и затем каждая газовая фракция была датирована отдельно. Полученный диоксид углерода подвергали криогенной очистке от других продуктов реакции и каталитически превращали в графит. Подготовка и датирование образцов производилось в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США). Полученные результаты сведены в табл. 1.

Литература

1. Гадиев У.Б., Мацковский В.В. 2016. Дендрохронологические исследования в Ингушетии в 2014-2015 гг. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Сборник тезисов Международной научной конференции ХХІХ Крупновские чтения. Грозный.
2. Гадиев У.Б., Мацковский В.В. 2018. Датировки памятников архитектуры горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Сборник тезисов Международной научной конференции ХХХ Крупновские чтения. Карачаевск.
3. Matskovsky V., Gadiev U., Dolgikh A., Cherkinsky A., Polumieva P., Panov V., Kudikov A., Lomakin N., Dolgova E. 2019. Radiocarbon dating of medieval buildings in the mountainous part of Ingushetia (Northern Caucasus, Russia) // Radiocarbon. Vol. 61. Nr. 3.

Гончаров¹ Е.Ю., Ситник² В.Г.

¹Институт востоковедения РАН, г. Москва

²Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону

ЛИТЫЕ МОНЕТЫ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Техника литья для изготовления монет применялась в Золотой Орде исключительно редко. Статус единичных литых экземпляров, совпадающих по типам с чеканенными монетами, неизвестен. Вероятно, они являются средневековыми подделками. Но есть группа литых пулов оригинальных, новых типов, которые не являются подделками, им и посвящён наш доклад. За 15 лет (до ноября 2019 г.) нам удалось собрать информацию о 24 экз. таких монет. Находки их известны в Кабардино-Балкарии, Чечне, Дагестане, Астраханской обл. (Селитренное городище) и Ставропольском крае (Будёновский, Изобильненский районы).

В силу некачественного литья некоторых монет, приведенное ниже их деление на типы условно, т.к. непролитые экземпляры могут быть аналогичны изготовленным более качественно. Номера типов в описании соответствуют номерам их изображений на Табл. 1.

Тип 1. Л.с.: линейный ободок; легенда «шестнадцать пул [один] данг». О.с.: линейный ободок; рыба (или две рыбы?), головой влево (табл. 1, 1).

Вес: 1,44 г.

Вероятно, прототипом для этих монет послужили пулы с такой же легендой и изображением, один из примеров представлен на табл. 1, 1а. Чеканенные пулы с рыбами часто встречаются на памятниках северо-кавказского региона и имеют несколько разновидностей.

Тип 2. Л.с.: линейный ободок; неясная легенда, вероятно, как на типе 1. О.с.: линейный ободок; рыба, головой влево, перед ней часть растения.

Вес: 1,41 г.

Если на типе 1 легенда выглядит как-бы оттиснутая чеканенным пулом, то на этом типе она была прочерчена непосредственно в форме для литья.

Тип 3. Основными элементами повторяет Тип 2, но легенда имеет ещё большие искажения. Возможно, разновидность того типа.

Вес: 1,26 г; 1,48 (2) г; 1,56 г;

Тип 4. Л.с.: линейный ободок; изображение солнца с человеческим ликом анфас. О.с.: линейный ободок; рыба, головой влево.

Вес: 1,45 г; 1,49 г; 1,65 г; 2,14 г.

Тип 5. Л.с.: точечный и линейный ободки; изображение солнца с человеческим ликом анфас. О.с.: ободки те же; двойная шестилепестковая розетка в центре которой розетка из трёх лепестков (один из видов орнамента *гирих*).

Вес неизвестен.

Тип 6. Л.с.: линейный ободок; тамга в виде треугольника с кружками на углах, по сторонам её неясный символ, по начертанию напоминающий некое слово. Как предположение: это может быть название *Джулат* (جولت) или титул *хан* (خان). О.с.: линейный ободок; барс или лев, обращённый влево, одна из передних лап поднята.

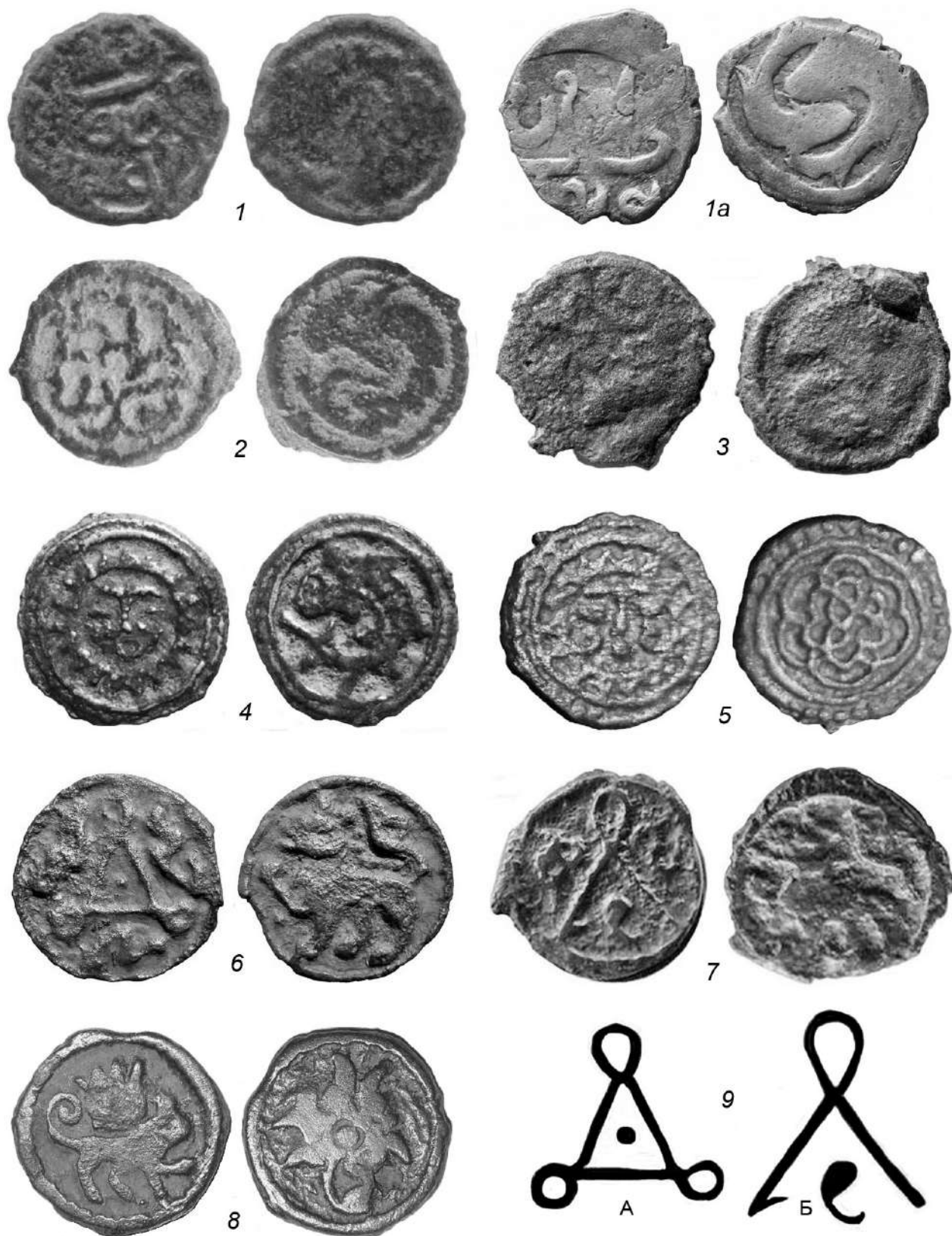

Рис. 1. Литые монеты эпохи Золотой орды

Вес: 2,16 г.

Тип 7. Л.с.: линейный ободок; тамга в виде угла, вершина которого имеет каплевидную форму, стороны угла опираются в ободок, от левой внутрь отходит косою штрих, между сторонами стоит знак в виде крупной запятой; по сторонам тамги находятся украшения в виде трёх соприкасающихся кружков. О.с.: как на типе 6.

Вес: 1,26 г; 1,41 г; 1,51 г; 1,62 г; 1,84 г.

Тип 8. Л.с.: линейный ободок; лев с солнцем над спиной («Гюнеш Арслан») вправо. О.с.: линейный ободок; цветок с длинными лепестками на длинной же цветоножке.

Вес: 1,91 г.

Установить точную датировку литых пулов, а также хронологическую последовательность типов (т.е. эмиссий) пока невозможно. На основании известных типологических параллелей, — пулов с двумя рыбами (как на табл. 1, 1а), чеканенных в конце 1370-х или начале 1380-х гг., и пулов Азака, также имеющими на оборотной стороне рисунки одной или двух рыб и датируемые нач. 1380-х, можно предположить, что и эмиссии литых монет произошли в течение седьмого и восьмого десятилетий XIV в. Наличие на типах 6 и 7 знаков, считать которые тамгами есть все основания, позволяет нам отнести литые пулы к выпускам региональных правителей. Данные тезисы являются предварительной публикацией этой группы интересных, необычных монет с Северного Кавказа. По мере появления новых экземпляров изучение их будет продолжено и выводы уточнены.

Джоуа¹ А.И., Ньюшков² В.А.

¹Абхазский государственный музей,

²Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, г. Сухум

ЖЕЛЕЗНЫЕ ТОПОРЫ ЦЕБЕЛЬДИНСКОГО ТИПА В АБХАЗИИ

Говоря о железных топорах цебельдинского типа, мы, так или иначе, не можем обойти молчанием известную Цебельдинскую культуру (ЦК), которая, на наш взгляд, была едина на современной территории Абхазии, и в целом, в Восточном Причерноморье (Западная Грузия, зона Сочи – Адлер РФ), принимая, в частности, во внимание, что в I тыс. н.э. существовала единая древнеабхазская этнокультурная общность (Джоуа, Ньюшков, 2018. С. 457-465). Общеизвестно, что отмеченная общность подразделялась на несколько этнических объединений апсилов, мисимиан, абасгов, санигов. Традиционно считается, что создателями ЦК являются апсилы, т.к. именно в их ареале обитания (центр Цебельдинская долина) было найдено более всего артефактов, имеющих отношение к ЦК.

Среди более 30 могильников с типичным инвентарем ЦК наибольшее внимание привлекают неоднократно исследовавшиеся разными археологическими экспедициями (М.М. Трапш, М.М. Гунба, Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба) холмы-некрополи Абгыздраху, Ауахуамаху, Ахьацараху, Ахаччарху. Выявленный в них материал показал отличие ЦК от синхронных культур Восточного Причерноморья. Материальная культура ЦК представлена набором специфических вещей, отличающихся своими совершенно неповторимыми чертами. Это, в частности, одноручные и двуручные глиняные кувшины с чашечкообразными венчиками, орнаментированные амфоры с такими же венчиками, женские и мужские украшения из бронзы, серебра, золота, железа и т.д.

Хорошо известно и доказано, что местное древнеабхазское население, в данном случае апсилы, были отличными воинами, что подтверждает найденное в воинских погребениях оружие: мечи, наконечники копий, ножи, топоры. Необходимость в обеспечении безопасности своей территории обуславливала значительное представительство в составе материальной культуры оружия и защитных сооружений, что нашло отражение в погребальном инвентаре и, в частности, в находках в погребениях воинов-апсилов достаточного количества цебельдинских топоров (ЦТ) (рис. 1).

Они были предметом изучения Г.К. Шамбы, который выделил два их типа по материалам раскопок могильника Ахаччарху в Цабале. Тип I (рис. 1, 1-8) представляет топоры со слегка вытянутой лобной частью и дуговидной, свисающей лопастью лезвия. Топоры этого типа наиболее представлены в Цебельде, Мерхеуле, Латах, Амткеле, Атаре и т.д. Вероятно, они использовались не только как оружие, но и как орудие хозяйственного назначения. Тип II – топор-молоток, удлинённой пропорции со слегка свисающим лезвием (рис. 1, 9-12). По мнению Г.К. Шамба, этот тип морфологически близок к бронзовым колхидским топорам (Шамба, 1970. С. 43).

Нельзя не заметить, что некоторая вислообушность и короткая рукоять цебельдинских топоров находит аналогию среди метательных топоров франков V-VII вв. – т.н. франциск. Если принять во внимание, что боевые ЦТ могли иметь и функцию метательных, то эта традиция могла сохраниться здесь еще со времен бронзовых топоров, как считал

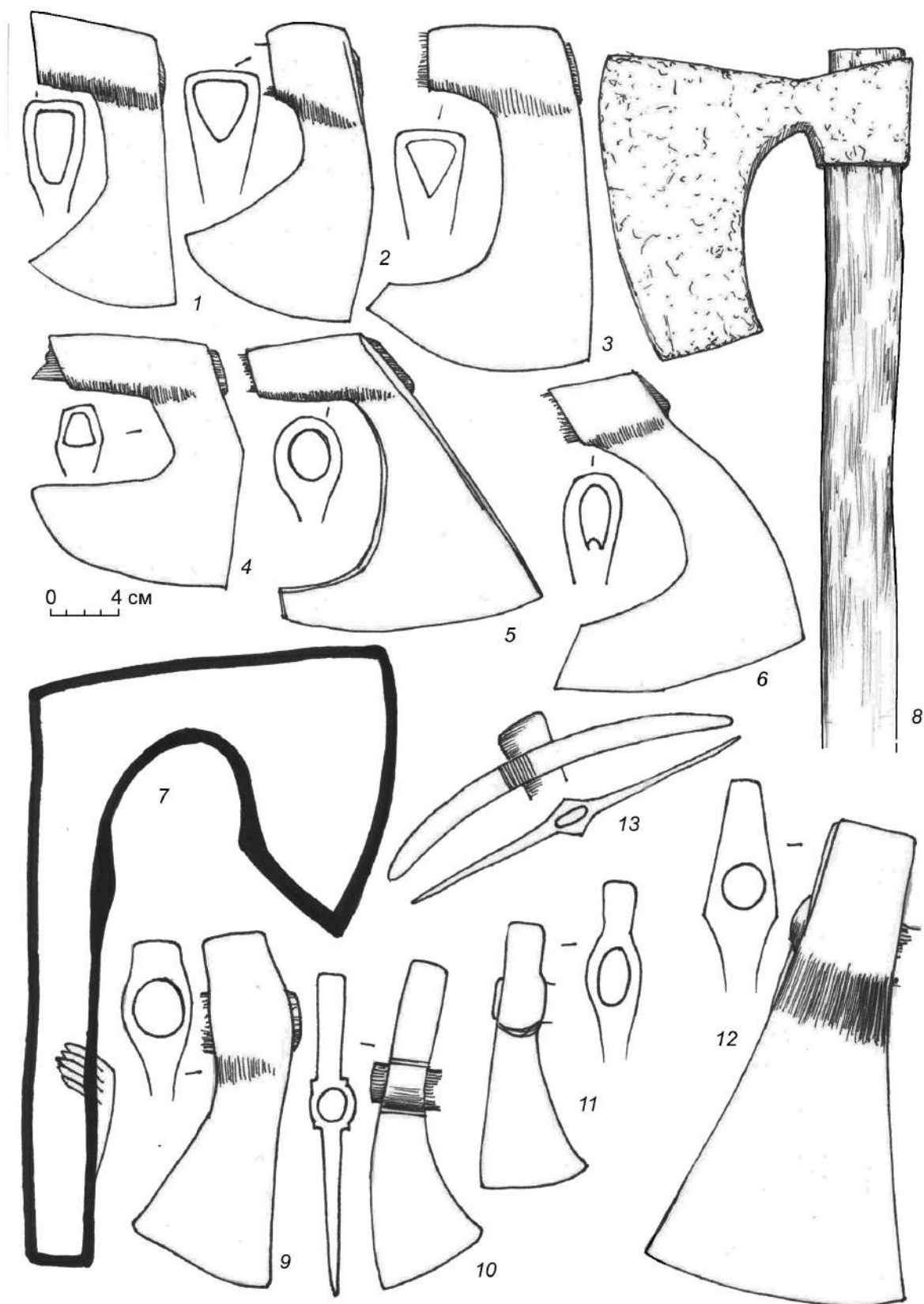

Рис. 1. Железные топоры Цебельдинского типа: 1-6 (тип I), 9-12 (тип II) – топоры из Цебельдинской долины, рис. Ю.Н. Воронова; 7 – изображение топора на культовом камне в верховьях р. Джампал (гора Гуаран); 8 - железный топор из Музея САО РАН (пос. Нижний Архыз), прорисовка по фото без масштаба.

Ю.Н. Воронов (Воронов, 1975. С. 87). ЦТ типа I характеризуются массивной формой, широким лезвием, узкой шейкой и округлой обушной частью; рукоять также массивная, короткая – его изображение имеется на культовом камне в верховьях р. Джампал (гора Гуарап, Абхазия) (рис. 1, 7). Тип II – редкий, топоры характеризуются узкой лезвийной частью и длинным молоточковидным обухом (Воронов, 1975. С. 87).

Очевидно, военное предназначение ЦТ заключалось в том, что они использовались как универсальное оружие, которым были вооружены воины в массовом порядке, т.е. практически почти каждый второй воин древней Аписилии был вооружен этим холодным видом оружия. По археологическим данным мы также можем считать, что этот тип оружия использовался и на других исторических территориях северо-западной Абхазии (Абасгия, Санигия). Так, в Гагрском районе, в частности, в Урочище Бароновка, на правом берегу р. Лапста в одном из разрушенных погребений было обнаружено 3 железных топора цебельдинского типа, такой же топор также в разрушенном погребении был найден в с. Микельрипш (Воронов, 1979. С. 55). Нельзя не отметить и Хашупсинский погребальный комплекс, среди многочисленного инвентаря которого находился железный боевой топор со свисающей лопастью лезвия цебельдинского типа (Шамба, 1974. С. 51). В окрестностях г. Сочи тоже был найден ЦТ: при рытье траншеи в 1942 г. на глубине 1,1 м на северо-восточной окраине Красной Поляны у развилки дороги в с. Эстосадок было обнаружено погребение – обложенная крупными камнями могильная яма, на дне которой находились остатки скелета (ориентированного головой на ЮВ) с сопровождающим погребальным инвентарем. Среди обнаруженных предметов был представлен и железный боевой топор цебельдинского типа (Воронов, 2014. С. 345). К новым находкам ЦТ следует отнести место в гористой части Гагринского хребта Мамзышха, на правой стороне р. Бзып (Гагрский район), где среди разнообразного инвентаря были представлены ранние античные топоры, а также топоры цебельдинского типа (V-VI вв.) (Хондзия, 2012. С. 393).

Наконец, отметим, что в 2018 г. во время XXX юбилейных Крупновских чтений мы посетили Музей САО РАН (пос. Нижний Архыз) и среди многочисленного экспозиционного материала был представлен и железный топор (рис. 1, 8), весьма близкий типу I ЦТ и, судя по форме, более поздний. По информации хранителя музея В.В. Городовой, этот топор был найден без признаков погребения на правом берегу Зеленчукского ручья, где, по-видимому, проходила дорога, которую использовали в разное время.

Литература

1. Воронов Ю.Н. 1979. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II-VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси.
2. Воронов Ю.Н. 2010. Научные труды. Т. III. Сухум.
3. Воронов Ю.Н. 2014. Научные труды. Т. IV. Сухум.
4. Джопуа А.И., Ньюшков В.А. 2018. К проблеме этнокультурной принадлежности памятников Северо-Западной Абхазии в I-VI вв. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сб. научных трудов, посвященный 70-летию проф. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону.
5. Хондзия З.Г. 2012. Новые археологические находки близ села Бзып (Абхазия) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала.
6. Шамба Г.К. 1974. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми.
7. Шамба Г.К. 1970. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми.

Доброва¹ О.П., Леонтьева² А.С.

¹АНО «Центр палеоэтнологических исследований», г. Москва,

²Институт археологии РАН, г. Москва

БУСЫ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013-2014 гг.)

В 2013-2014 гг. на известном Змейском катакомбном могильнике, расположенном в Кировском районе РСО-А у подножия северного склона Терского-Сунженского хребта на левом берегу р. Терек, были проведены масштабные охранно-спасательный характер раскопки. Общая численность коллекции бус из раскопок 2013-2014 гг. составляет ок. 5000 экз. Бусы были обнаружены в 78 катакомбах и 91 погребении. Из них 3194 экз. были изучено *de visu* (часть материалов могильника в настоящий момент недоступна в связи с переездом музея). Классификация материала проводилась на основе подходов, разработанных Ю.Л. Шаповой, З.А. Львовой, Й. Каллмером (Шапова, 1989; Львова, 1958. С. 15-17; 1968. С. 64-94; 1979. С. 90-103; Callmer, 1977). Нужно отметить, что сохранность стеклянных бус различна. В большинстве наблюдений удалось описать все признаки, но у части бус удалось установить только их часть, что обусловлено, как правило, окислением и ирризацией. В составе погр. 144 раскопа 1 обнаружен оплавленный бисер. Кроме стеклянных были выявлены бусы из полудрагоценных камней, кости, глины, металла, янтаря, гагата и кашина.

Основная масса бус принадлежит стеклянным бусам, изготовленным в различных техниках (табл. 1). Большинство их относится к широко распространенным на территории Восточной Европы типам. Часть бус имеет аналогии в предшествующих памятниках Кавказа (мозаичные бусы, из тянутой трубочки, из тянутой палочки, ряд типов бус из горного хрусталя и сердолика), и материалы Змейского могильника и синхронных ему памятников при наличии достаточных по численности серий способны уточнить верхние даты распространения некоторых типов бус, известных на Кавказе (Ковалевская, 1998; 2000).

Таблица 1. Распределение стеклянных бус по техникам изготовления

Техника	Количество	%
Из тянутой трубочки	1460	49,93
Навитые	1373	46,96
Из тянутой палочки	16	0,55
Мозаичная	11	0,38
Слоеная	1	0,03
Обертывание	1	0,03
Неизвестна	62	2,12

Интересным типом является красно-розовый полупрозрачный бисер (22,1% от всех стеклянных бус) из тянутой трубочки, аналогии ему пока не найдены. По-видимому,

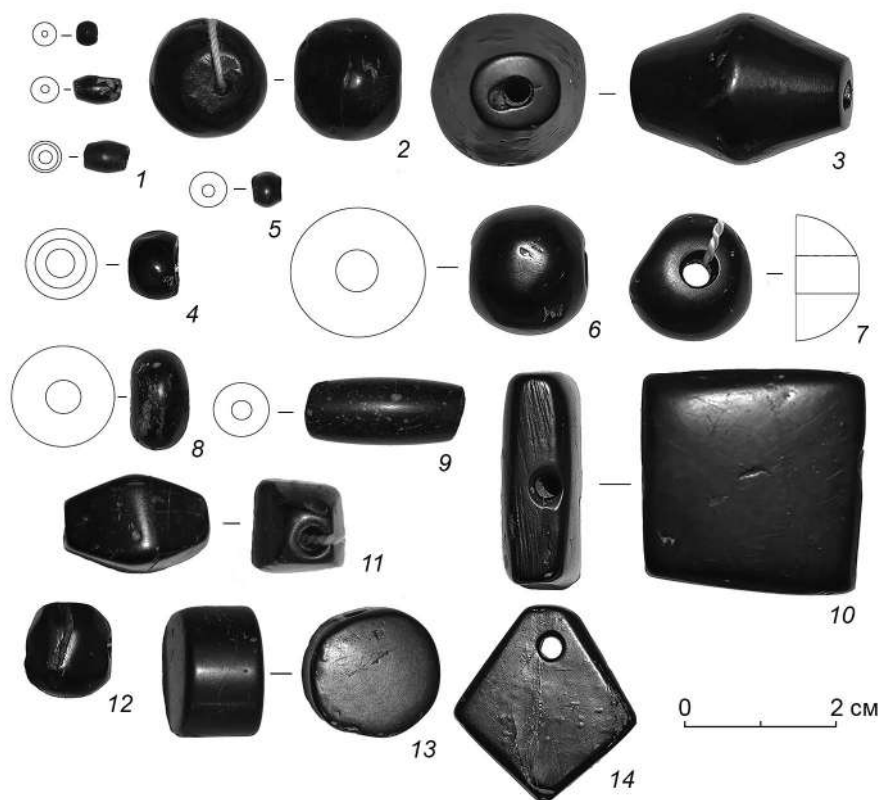

Рис. 1. Гагатые бусы Змейского катакомбного могильника.

данное обстоятельство связано с недостаточным вводом бусинных коллекций из памятников Кавказа синхронного времени в научный оборот. Данный тип бус присутствует также среди материалов Змейского могильника из раскопок Р.Ф. Фидарова 1982-2005 гг. (с перерывами).

Обращает внимание значительное количество янтарных изделий, представленных не только бусами, но и бляшками, привесками, причем последние имеют на себе следы неоднократного ремонта. Значительную долю составляют гагатые бусы, часть которых по размерам может быть атрибутирована как бусы-привески (рис. 1). Бусы из горного хрусталя и сердолика – немногочисленны, а изготовленные из других материалов (глины, металла, жемчуга, кости и пр.) – редки. Стоит отметить, что одна из бусин из горного хрусталя имеет на себе следы бирюзовой поливы – подобные изделия известны из памятников Верхнего Прикамья, где в зависимости от формы они датируются концом IV-VIII вв. (Голдина, 2010. С. 45. Рис. 31-32, 36). Декорированные бусы имеются также среди сердоликовых, причем аналогии одной из бусин тоже происходят из прикамских памятников.

Бусы представлены во всех половозрастных группах захоронений, однако основная масса их происходит из мужских и детских погребений (в тех случаях, когда было возможно антропологически определить половозрастные характеристики). Полевая фиксация местонахождения бус в погребениях позволяет говорить, что бусы и бисер в основном носились на шее, либо ими могли украшаться головные уборы и верхняя часть одежды.

Аналогии бусам Змейского могильника представлены как в материалах Кавказа, так и в материалах синхронных памятников сопредельных регионов, таких как Древняя Русь, Золотая Орда. Ввиду отсутствия разработанной хронологии бус X-XIV вв. Северного

Кавказа, в качестве хронологической опоры мы использовали материалы древнерусских памятников. Хронология вещевых древнерусских комплексов, в т.ч. бус, в значительной степени опирается на дендрохронологические шкалы древнерусских городов (Львова, 1968, 1970; Щапова, 1972; Асташова, 1999; Самойлович, 2006; Бубенько, 2001; Кузина, Захаров, 2008). Помимо древнерусских материалов мы также учитывали материалы золотоордынских городов (Полубояринова, 1988, 1993; Валулина, 2005).

В материалах Змейского могильника по результатам работы с коллекцией бус выделяются две группы погребений. В погребениях X-XI вв., как правило, присутствуют бусы из тянутой трубочки и тянутой палочки, а также мозаичные бусы. В погребениях XII-XIII вв. (возможно, XIV в.) представлены в основном навитые одноцветные бусы: зонные желтые и зеленые прозрачные, синие прозрачные, бусы с пластическим декором, пятнистые, а также бусы, декорированные различными накладными нитями. Полученные данные по хронологии носят предварительный характер и должны быть скорректированы после хронологического анализа иных категорий инвентаря Змейского могильника, а также материалов синхронных ему могильников, т.к. древнерусские материалы относятся к иному культурному пласту, и хронология выделенных групп и типов бус Змейского могильника может несколько отличаться от таковых памятников, на которые мы опирались.

Литература

1. Асташова Н.И. 1999. Хронология Смоленских древностей // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер. / Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
2. Бубенько Т.С. 2001. Стекланные украшения средневекового Витебска (по материалам раскопок нижнего замка) // МАБ. № 3.
3. Валиулина, С.И. 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань.
4. Голдина Е.В. 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск.
5. Ковалевская В.Б. 1998. Хронология восточно-европейских древностей V-IX вв. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.
6. Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пушино.
7. Кузина И.Н., Захаров С.Д. 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X-XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2. Материальная культура и хронология. М.
8. Львова З.А. 1958. Технологическая классификация стекланных бус домонгольской Руси // СГЭ. Вып. XIV.
9. Львова З.А. 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть 1 // АСГЭ. Вып. 10.
10. Львова З.А. 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. Вып. 20.
11. Полубояринова М.Д. 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
12. Полубояринова М.Д. 1993. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
13. Самойлович Н.Г. 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья. М.
14. Щапова Ю.Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.
15. Щапова Ю.Л. 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.
16. Callmer J. 1977. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800-1000 A.D. // Acta archeologica Lundensia. Series in 4. Nr. 11.

Архимандрит Дорофей (Дбар), Сангулия Г.А.

Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, г. Сухум

**СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХРАМ СВ. ГЕОРГИЯ В СЕЛЕ АНХУА:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
РАСКОПОК 2019 г.**

Руины храма св. Георгия расположены на вершине одного из холмов в центральной части с. Анхуа, на высоте 328 м над ур. м, в 8,5 км к СЗ от г. Новый Афон (43°7'5.26»С, 40°48'31.38»В).

Храм однозальный (размеры зала по наружным стенам: длина – 9 м, ширина – 7 м, площадь зала – 35 м²) с полукруглой апсидой, выступающей на 3 м (рис. 1, 1,2). Продольная линия стен толщиной до 1 м – непосредственно через заплечики шириной 25 см – переходит в апсиду, причем это ее изначальное состояние. Скрепляющий известковый раствор просматривается только на уровне фундамента. Вход в храм расположен с западной стороны со смещением на север. В центре алтарной части сохранилась каменная колонка Св. Трапезы с барельефным орнаментом креста.

Каких-либо исторических сведений о храме св. Георгия в с. Анхуа в настоящее время не выявлено. Памятник был зафиксирован в 1961 г. В.П. Пачулиа. Он датировал его началом XI в. (Пачулиа, 1961. С. 14; 1968. С. 667). В 1965 г. руины храма св. Георгия были обследованы научной экспедицией, в состав которой входили В.С. Орелкин, Ю. Цвинария и М.В. Ильичева. В рукописном отчете руководителя экспедиции В.С. Орелкина высказано мнение, что храм является поздней постройкой и исторического интереса не представляет (Орелкин, 1965: 3-4). Ю.Н. Воронов в одной из работ впервые опубликовал план храма св. Георгия в с. Анхуа и отнес этот храм к числу христианских памятников Абхазии, построенных в VIII-X вв. (Воронов, 2002. С. 353-354). А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий в исследовании по церковной архитектуре Абхазии ошибочно соотносят храм, указанный в вышеупомянутой статье Ю.Н. Воронова, с храмом в пос. Бжылуа (Веселовка) (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 96-97). А.В. Аргун в своей диссертации предполагает, что храм мог быть построен во второй пол. VI в.: им приведены результаты анализа раствора, указанного дату – начало VI в. (Аргун, 2019. С. 46).

Археологические раскопки у руин храма св. Георгия в с. Анхуа проводились в октябре 2019 г. Общая площадь раскопок составила 119 м².

Стратиграфия. В шурфе, заложенном в центре зала, была прослежена следующая стратиграфия: верхний горизонт до глубины 0-15 см выложен слоем крупных камней пола, следующий слой (5-7 см) состоит из мелкой подсыпки, лежащей на материковом слое светло-коричневой глины с включением мелких известняковых частиц. Такая же стратиграфия наблюдается и непосредственно в фундаменте храма.

В ходе раскопок обнаружено 24 погребения различной сохранности. Наибольший интерес представляют погребения 1, 1.Г и 6.А.

Погребение 1. Остеологический материал располагался не в анатомической последовательности. Инвентарь: 1) фрагмент распятия, отлитый из двух сваренных пластин (высота 44 мм, ширина макс. 1 см); 2) медный кувшинчик (h = 9,6 см, d дна = 4,1 см, рис. 1, 16), из которого было изъято три металлических шильца и восемь деревянных палочек; 3)

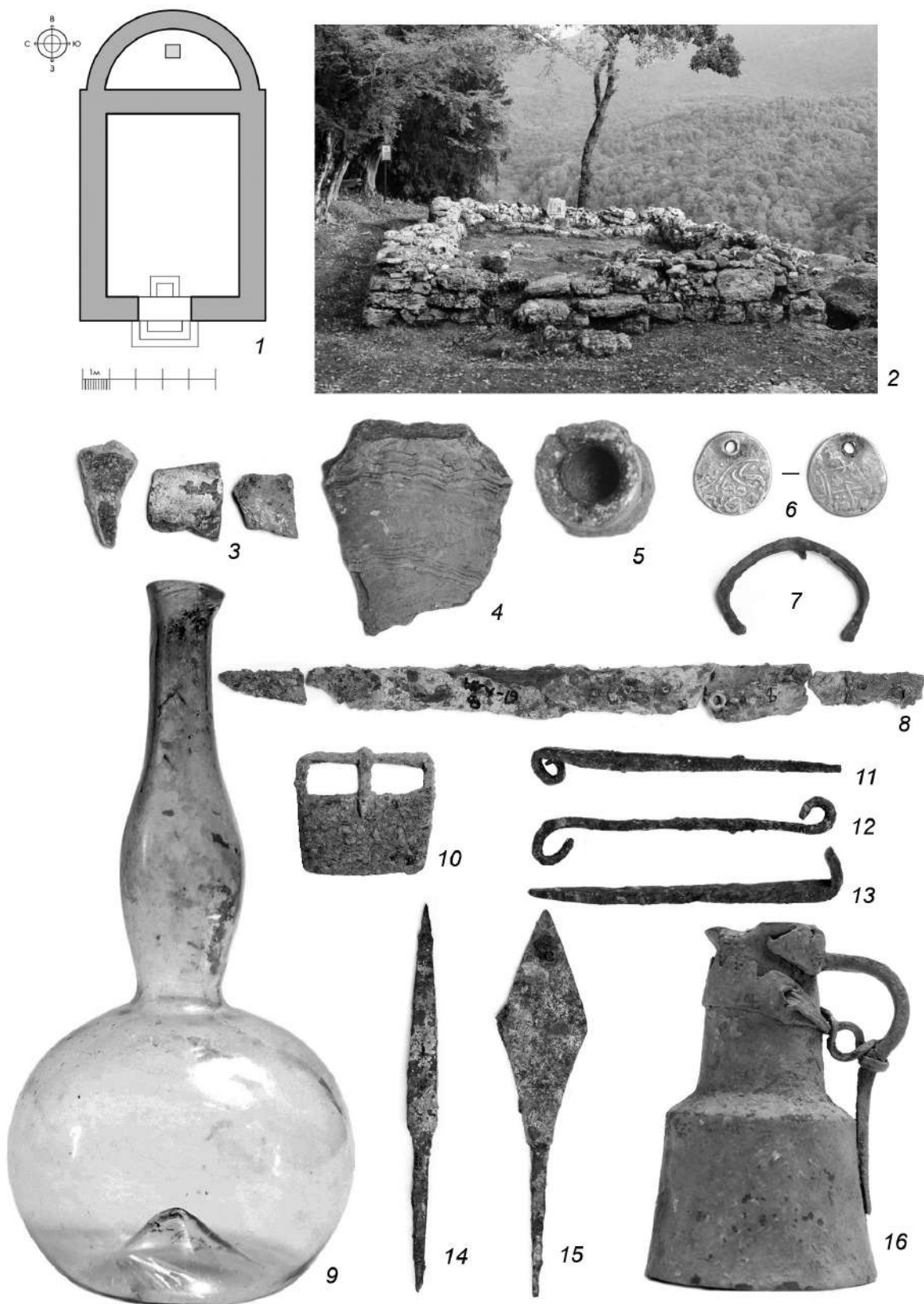

Рис. 1. Храм св. Георгия в с. Анхуа. 1 – план храма; 2 – современный вид. Находки (без масштаба): 3 – фрагменты глазурованной керамики; 4 – фрагмент керамики с многорядным волнистым орнаментом; 5 – глиняный подсвечник; 6 – серебряная монета; 7 – обкладка ножен; 8 – нож с прямой спинкой и две заклепки; 9 – бальзамарий; 10 – пряжка; 11 – булавка; 12 – застежка; 13 – гвоздь; 14 – наконечник стрелы; 15 – наконечник стрелы; 16 – медный кувшинчик.

металлическая булавка (длина 8 см, рис. 1, 11); 4) застёжка (длина 7,7 см, рис. 1, 12); 5) наконечник стрелы (длина 7,2 см).

Погребение 1.Г сохранилось нетронутым. Характерная особенность – скрещенные ноги. Инвентарь: 1) бальзамарий (h сосуда = 21 см, h горла = 13 см, d дна = 11,5 см, рис. 1, 9); 2) две металлические пряжки (рис. 1, 10; 4 x 3 см); 3) нож (длина 17 см); 4) фрагменты угля.

Погребение 6.А. Человеческие останки лежали под каменной колонной Св. Трапезы: голова с северо-восточной стороны от престола, корпус тела с восточной стороны под престолом.

Ниже приводим краткую характеристику находок из раскопок храма.

Керамика. Обнаружен в основном лом керамической посуды (2264 фрагмента). В процессе обработки удалось собрать и восстановить форму пока только одного блюдца. Обнаружено несколько типов посуды, в целом характерных для VIII-X вв. Встречаются фрагменты ранней красноглиняной керамики с многорядным волнистым орнаментом (рис. 1, 4), часть которых относится к кувшинчикам, возможно, являющимся остатками ранней традиции «цебельдинской культуры», относящихся также к слою VIII-X вв.

Найдены фрагменты глазурованной керамики, в т.ч. с белым ангобным покрытием под прозрачной зеленой глазурью (рис. 1, 3), и посуды миниатюрных форм, датируемые X-XIV вв. Обнаружен и глиняный подсвечник цилиндрической формы (h = 53 мм, рис. 1, 5). Ранее аналогичный подсвечник был обнаружен в Анакопийской крепости.

Металл. 1. Посуда: медный кувшинчик (рис. 1, 16). *2. Украшения и предметы костюма:* пряжки, в т.ч. обувные (9 экз., рис. 1, 10), накладка с шипом, булавка (рис. 1, 11), застёжка (рис. 1, 12). *3. Хозяйственно-бытовые предметы:* гвозди (16 экз., рис. 1, 13), фрагмент пластинчатых щипцов, ушко. *4. Предметы вооружения:* наконечники стрел четырехгранного сечения (5 экз., рис. 1, 14) и ромбовидного листа (2 экз., рис. 1, 15), обкладка ножен (2 экз., рис. 1, 7), ножи с прямой спинкой, характерные для VIII-X вв. (6 экз., рис. 1, 8), пластина доспеха, обкладка перекрестия кинжала. *5. Культовые (церковные) предметы:* фрагмент распятия, фрагменты накладок (окладов) (2 экз.), колокольчик от кадила.

Серебряные монеты (3 экз.), округлой формы (d = ок.14 мм), с пробитым отверстием (d = 1,5 мм) у края, использовавшиеся как подвески, с обеих сторон – арабографические надписи (рис. 1, 6).

Стекло: бальзамарий (рис. 1, 9); фрагменты тонкого стекла (26 экз.); фрагмент толстостенного стекла.

Предварительные выводы. Полевые работы на руинах храма св. Георгия в с. Анхуа и камеральная обработка полученного материала отвергают мнение В.С. Орелкина о том, что рассматриваемый памятник является поздней постройкой и исторического интереса не представляет. На основе материала, полученного непосредственно в результате раскопок, можно утверждать, что основание храма приходится на период не ранее VIII в. и не позднее X в. Данные выводы доказывают предположение Ю.Н. Воронова, что храм относится к числу христианских памятников Абхазии, построенных в VIII-X вв. Отсутствие находок, относящихся к периоду до VIII в., ставит под сомнение результат анализа строительного раствора, указывающего на начало VI в. Находки, относящиеся к развитому средневековью, свидетельствуют, что храм функционировал и в более поздний период.

Литература

1. Аргун А.В. 2019. Историко-культурное исследование Анакопийского архитектурного комплекса в контексте истории Абхазии II-XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. Сухум (на правах рукописи).
2. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. 2015. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII-X вв. М.
3. Воронов Ю.Н. 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V-XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 12. Магнитогорск.
4. Орелкин В.С. 1965. Отчет комплексной экспедиции Научно-исследовательского института туризма по памятникам в районе Н. Афона, обследованным с 12 июля по 2 августа 1965 г. (Рукопись из личного архива Ю. Н. Воронова).
5. Пачулиа В.П. 1961. Список памятников культуры, взятых на учет по Абхазской АССР. Сухум.
6. Пачулиа В.П. 1968. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.

Достиев Т. М.

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ШАМКИР

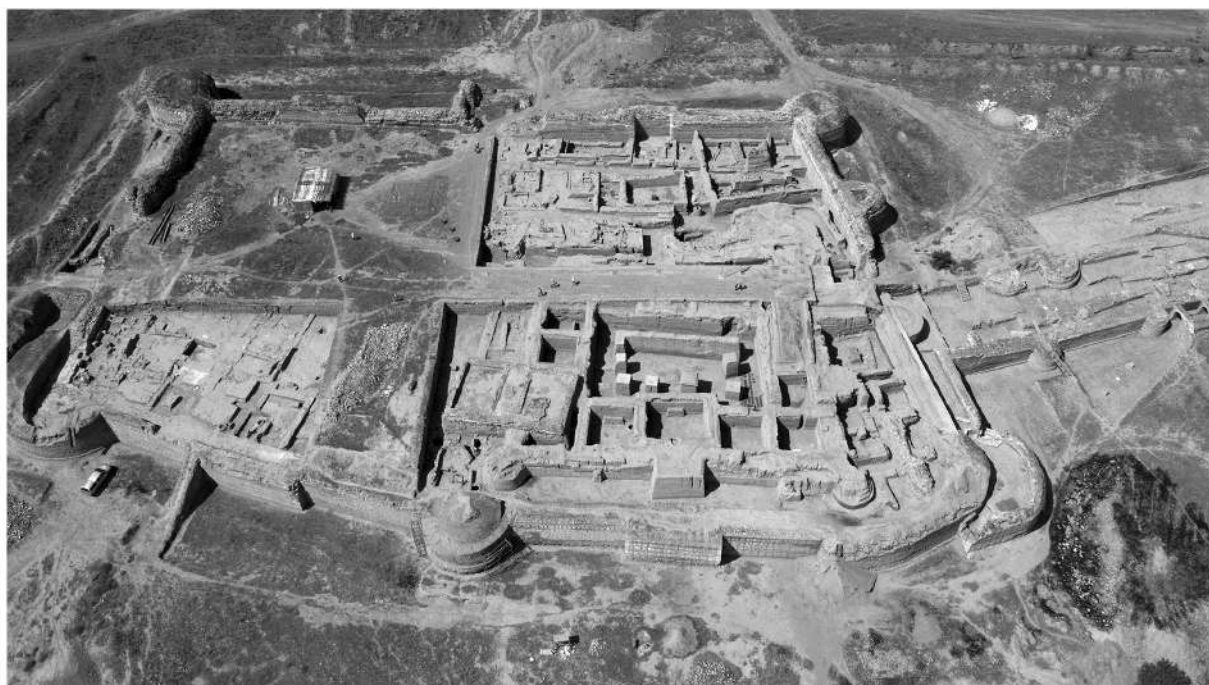
Важным атрибутом городских населенных пунктов средневекового Азербайджана были крепостные стены. Местные зодчие возводили фортификационные сооружения, надежно противостоящие массированным атакам, метательным орудиям и стенобитным машинам – как при стремительном штурме, так и при длительной осаде.

Сравнительно хорошо изучены фортификационные сооружения, особенно крепостные стены цитадели, средневекового города Шамкир. Городище Шамкир расположено на левом берегу р. Шамкирчай, на северной окраине современного с. Гедимгала Шамкирского района Азербайджанской Республики. В процессе археологических раскопок в 2007-2018 гг. был получен значительный фактический материал, позволяющий выявить общие и особенные черты фортификационных сооружений средневекового города. Как и в других равнинных городах Азербайджана, оборонительные сооружения Шамкира были возведены опытными зодчими (Достиев, 2016. С. 108-111).

Археологическими раскопками были выявлены линии оборонительной системы, функционировавшие в различные периоды. Городская крепость Шамкира в плане имела форму неправильного четырехугольника. Установлено, что в VIII-X вв. город был обнесен крепостной стеной из булыжника и сырцового кирпича. Нижние ряды кладки были выложены из речных камней на известковом растворе, а верхние ряды кладки сложены из сырцовых кирпичей. В XI в. были возведены параллельные оборонительные стены. Обе стены выстроены комбинированной кладкой, которая характерна для Арранской архитектурной школы. Надо заметить, что комбинированной кладкой выложена облицовка, то есть наружные и внутренние грани оборонительных стен, а внутреннее пространство заполнялось речными булыжниками, рваными камнями, изредка кусками обожженного кирпича и заливалось высококачественным известковым раствором.

Расстояние между внутренней и внешней стенами достигает 10 м. Внешняя стена располагалась вдоль старой стены. Эта стена у башни № 4 поворачивает к СЗ. Протяженность вскрытой внешней городской стены более 100 м, при ее ширине 3,8 м. Параллельная внутренняя оборонительная стена изучена на протяжении 27,5 м. Ворота на южной стороне защищались двумя фланкирующими башнями. Южная башня оказалась более разрушенной. Обе башни были умело облицованы местным белым камнем. Расстояние между башнями составляет 4,1 м.

Особенно хорошо изучены крепостные стены цитадели (рис. 1, 1). Цитадель города расположена в восточной части городища, на левом берегу р. Шамкирчай. Она имеет форму неправильного четырехугольника, вытянута с юга на север, и занимает площадь более гектара. В процессе археологических работ определены планировка, конструктивные элементы, получены новые данные по датировке и периодизации строительства и ремонтов этого оборонительного сооружения, проводившихся в средневековье. Стены цитадели укреплены круглыми и полукруглыми башнями и прямоугольными контрфорсами. Раскопки показали, что северо-восточная башня цитадели имеет с востока удлиненно-дугообразную форму, а с севера – полукруглую. Высота сохранившихся стен колеблется в пределах 5,5-7,5 м, ширина 3,2-4,0 м. Установлено, что фундамент крепостной стены цитадели

1

2

Рис. 1. Шамкир: 1 - цитадель (аэрофотосъемка), 2 - комбинированная кладка фортификационных сооружений

в зависимости от рельефа и характера грунта различался. Если у северо-восточной башни восточной стены фундамент и цоколь были мощными и монолитными, двухступенчатыми, то в центральной башне нужды в этом не было, так как материковый грунт здесь был очень твердым. После нивелировки раствором, напоминающим бетон, толщиной 8-10 см, начинаются ряды кладки стены.

Стена цитадели, возведенная комбинированной кладкой, представляет собой чередование рядов обожженного кирпича, речного булыжника и тесанного белого камня (рис. 1, 2). При этом булыжник или белый камень вставлен в клетку, составленную из 1-3 стоящих вертикально по бокам и лежащих сверху и снизу обожженных кирпичей. Ряды кладки с булыжником или же белым каменным блоком расположены через каждые 4-5 рядов кирпичной кладки, положенной цепным способом со смещением на 1/2 кирпича. Надо заметить, что комбинированная кладка фортификационных сооружений Шамкира очень близка к гянджинской (Джафарзаде, 1949. С. 45-46), но вместе с тем имеет свои локальные черты (Авалов, 1980. С. 70-89). Установлено, что комбинированная кладка обладала амортизационными свойствами, и степень противодействия комбинированных стен ударам стенобитной техники была значительно больше.

Воротный проезд цитадели расположен с боку центральной башни, что является отличительной особенностью оборонительных сооружений Шамкира. Такая организация входа усиливала оборонительные возможности центральной башни (Авалов, 2008. С.249).

Следует отметить, что город Шамкир был одним из центров Арранской архитектурной школы, для которой была весьма характерна полихромная, комбинированная кладка стен. Средневековые зодчие и строители комбинированной кладкой создали шедевр оборонительной архитектуры.

Стены цитадели, судя по данным археологии, были сооружены в XI в. и отремонтированы несколько раз. После монгольского разрушения стены находились в руинах. Вдоль восточной стены цитадели с наружной стороны верхние напластования культурного слоя толщиной 2 м и более выделялись насыщенностью обожженными кирпичами и их фрагментами, каменными блоками, речными булыжниками и прослойками извести. Очевидно, эти строительные груды появились в результате разрушения крепостных стен при взятии города монголами в 1230-х гг.

В комплекс фортификационных сооружений входили также рвы, окружавшие крепостные стены снаружи. Они усиливали оборонительную мощь города и являлись дополнительными препятствиями для противника.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что город с цитаделью был укреплен достаточно надежно. Цитадель укреплена особенно основательно. Зодчие и строители Шамкира достигли большого мастерства и создали оборонительные сооружения, которые соответствовали уровню фортификационного искусства своего времени и были способны противостоять как массированным атакам, так и ударам осадной стенобитной техники. Фортификационные сооружения Шамкира являются шедевром военного зодчества Азербайджана.

Литература

1. Авалов Э.1980. К воссозданию градостроительной структуры средневекового Шамкура // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка, истории. № 4.
2. Джафарзаде И.М. 1949. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку.
3. Достиев Т.М. 2016. Значение археологических раскопок городища Шамкир для изучения мусульманского города Азербайджана // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдилов. Казань.

Дружинина И.А.

Институт археологии РАН, г. Москва

К ДАТИРОВКЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АДЫГОВ XVI-XVIII вв.

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 17-29-04313, офу-м

Особенностью комплекса находок из погребений адыгов XVI-XVIII вв. является отсутствие предметов конской упряжи, защитного вооружения, монет, единичные находки керамических сосудов. Проявляется тенденция к количественному, категориальному и типовому обеднению вещевого набора. Ниже рассмотрены находки, которые служат хроноиндикаторами при датировке комплексов.

Предметы вооружения. *Сабли* XVI-XVII (рис. 1, 29,46) – с длинными (115-130 см) клинками с выраженным колющим концом квадратного сечения, сильноизогнутые, с характерным «ломаным» абрисом. Известные со второй пол. XV в. прямые перекрестия длиной 82-112 мм с небольшими утолщениями на концах к XVII в. удлиняются до 120-130 мм. До сер. XVII в. сохраняются бытовавшие в XV в. перекрестия с ромбовидной или овальной сердцевиной, прямыми симметричными усами, концы которых под прямым углом отогнуты вниз и раскованы в квадраты (рис. 1, 47). Особняком стоит сабля XVI-XVII вв. из мог. Черноморка 2 (Дедюлькин, Курмановский, 2018. С. 233-251) (рис. 1, 48).

Датировка подкурганых погребений с шашками (Бжид II (рис. 1, 1) (Шишлов и др., 2003), Церковная щель I, Алепси, Лысенков I, Холодный родник 5) устанавливается в рамках XVIII в. Шашка из Лысенков I 1/1 (рис. 1, 2) обрезана, длина 46 см, видимо, является известной по этнографии «колчанной саблей».

В XVI-XVII вв. распространяются небольшие (18-19 см) втульчатые *наконечники копий* ромбического сечения подтреугольной формы пера шириной 4-5 см (Грузинка Ха) (рис. 1, 56,57). К кон. XVII-XIX в. относятся наконечники дротиков пропеллеровидного сечения (рис. 1, 3,4) (Грузинка Хб, Свистунова щель, Бжид 2, Алепси, Чаплук 2, Церковная щель) (Дружинина, Чхаидзе, 2011).

Предметы быта. В XVI-XVII вв. распространяются *ножи* с деревянными накладками на рукояти и изогнутой метеллич. пластинкой на ее пяте (Крепостной 2, Кашхатау) и складные бритвы (рис. 1, 80). В XVII-XVIII вв. – ножи с прямой спинкой и характерным коленчатым перегибом при переходе от лезвия в черенок (на Константиновском плато (рис. 1, 30), Центрлаба 3, Крепостной 2, Грузинка Ха, Свистунова щель, Холодный родник 5) и ножи с широким лезвием, прямой спинкой, с расширяющейся к обушку рукоятью и тонким перегибом у перехода рукояти в лезвие (Холодный родник 3 (рис. 1, 15) (Бакушев и др., 2018. С. 184. Рис. 7, 31), Церковная щель, Чаплук 2 и 3, Крепостной 2, № 2 у сел. Чегем II).

Во второй пол. XV-XVI вв. распространяются треугольные *кресала* с высоким язычком и смыкающимися прямыми ветвями, концы которых закручены, длина кресала больше высоты (Пшикуйхабль, мог. к СВ от Нальчика) или длина равна высоте (Иноземцево 1) В-образные кресала с завернутыми в петли концами, одно или два из которых смыкаются с основанием (рис. 1, 35) распространены в кабардинских курганах, известны и западнее (Центрлаба 3 и Лефтерова щель), датировка широкая XV-XVII вв. В XVIII в. основание

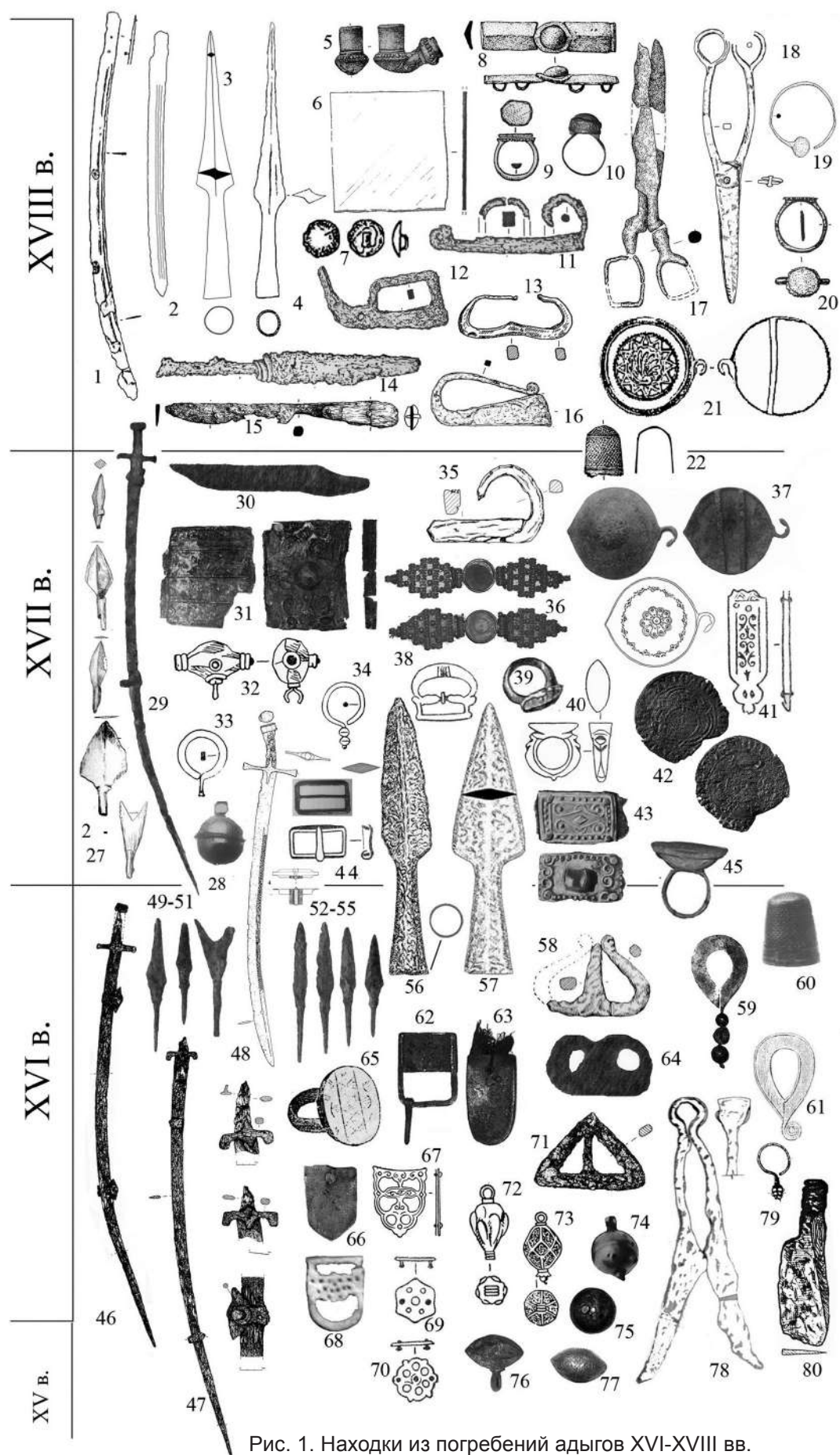

Рис. 1. Находки из погребений адыгов XVI-XVIII вв.

таких кресал удлинняется и завершается петелькой (рис. 1, 11) (Холодный родник 5 (Бакушев и др., 2018. Рис. 7, 13). Для XVI в. характерны т.н. «лировидные» кресала, длина равна высоте (рис. 1, 58) (№ 1,4 у Чегем II, Октябрьский, Бамут, Лефтерова щель, Молдаванка); кресала с коротким острым язычком, сомкнутыми концами, прямыми либо завернутыми в завитки, длина которых равна высоте (№ 2 у Чегем II). В XVII-XVIII в. появляются кресала: в виде пластины, согнутой в петлю, края косо срезаны (Чаплук 3, Церковная щель), в виде 9-ки – с широким основанием, один конец которого завернут в петлю на 2/3 длины основания, второй – отгнут в сторону (Чаплук 3 (рис. 1, 12) или отсутствует (завернут в маленькую петельку) (Чаплук 2, Холодный родник 5 (Бакушев и др., 2018. Рис. 7, 27); Л-образные, с широким основанием и с одним концом, отогнутым в сторону под тупым углом (Чаплук 2); кресала с невысоким треугольным заостренным язычком и с обломанными ветвями (Чаплук 3, Свистунова щель, Грузинка Ха,ХБ, Лысенков I (рис. 1, 13) – отличие этих кресал от подобных более ранних – заостренные концы, меньшая высота кресал и меньшая длина концов кресал.

Пружинные *ножницы* с перехватом под расплющенной в пластину дужкой выявлены в погребениях XVI в. мог. Лефтерова щель, Чегем 3 (рис. 1, 78). В памятниках СВП XVIII-XIX вв. выявлены шарнирные ножницы с выгнутыми или прямыми стержнями рукоятей (рис. 1, 7-18) (Чаплук 2 и 3).

Наперстки XVI-XVII вв. – фабричного вида с точкованием по стенкам и колпачку и рядом косой насечки над устьем (Грузинка Ха) (рис. 1, 60), XVII-XVIII вв. – с перехватами под колпачком и в нижней части – над устьем (Холодный родник 3 (рис. 1, 22) (Бакушев и др., 2018. С. 181. Рис. 4), Церковная щель, Чаплук 2 и 3).

Хроноиндикатором XVII-XVIII вв. являются керамические *курительные трубки* и *стеклянные зеркала* (рис. 1, 5,6) (Холодный родник 3 (Бакушев и др., 2018. С. 182, Рис.5), Чаплук 2).

Украшения. *Серьги* XVI в. – каплевидные с длинным стержнем с петлей или 3 бусинами на конце (рис. 1, 59,61) (Каррас), в XVII-XVIII вв. известны серьги из проволоки ромбовидного сечения, свернутой в кольцо, один конец которого заужен, другой расклепан в кружок (рис. 1, 19) либо 8-ку (Бжид 2 (Шишлов и др., 2003. С. 60), Чаплук 3), в т.ч. и с гнездами для вставок бусин (Чаплук 2), а в XVIII в. – серьги в виде крупных несомкнутых колец ($d = 4$ см), на которые надета бусина (Чаплук 2).

К XVI-XVII вв. относятся *перстни* с узким сплошным обручем плоского сечения и массивным щитком в форме усеченного конуса с гладкой или рельефной боковой поверхностью (Каррас, рис. 1, 45), с объемной дужкой, в т.ч. рельефной, овальным щитком (Шалушка) (рис. 1, 39,40), к XVII-XVIII вв. – перстни с широким разомкнутым плоским обручем, со вставкой из пасты или стекла, украшенной сканью (рис. 1, 65), с объемной дужкой и плоским щитком с гравировкой или бордюром (Каррас, Холодный родник 5) (рис. 1, 9,20,65).

Для XVI-XVII в. характерны полые *пуговицы*: шаровидные с гладкой поверхностью и розеткой на полюсе (рис. 1, 75), поперечно-эллипсоидные граненые с тиснением (рис. 1, 73), в виде «шишек хмеля» с петлей на большем полюсе и гнездом для вставки на меньшем (рис. 1, 72), эллипсоидные с ушком посередине широкой части (рис. 1, 76), орнамент в виде завитков и меандра. Пуговицы XVIII в. современного типа: с полусферической шляпкой и петлей (рис. 1, 7). С XVII в. в погребениях появляются *застежки нагрудников* (рис. 1, 8, 36).

Упрощаются и стандартизируются детали ременного набора (рис. 1, 41,43-44,62,63,66-70). В погребениях Грузинка Ха/42 (рис. 1, 37), Бжид 2 6/1 (рис. 1, 22) (Дружинина,

Чхаидзе, 2011; Шишлов и др., 2003. Рис. 19) выявлены пафти. В XVII-XIX вв. распространяются крупные пряжки из двух секций прямоугольной формы (Заяковский 2/1) (рис. 1, 31).

Единственная нумизматическая находка – нюрнбергский *счетный жетон* XVII в. из кургана 15 могильника Шалушка (рис. 1, 42).

Литература

1. Бакушев М.А., Давудов Ш.О., Сергеева О.В., Схатум Р.Б. 2018. Курганные группы “Холодный родник 3” и “Холодный родник 5” – погребальные памятники шапсугов Нового времени у г. Туапсе // Материалы Международной научной, посвященной 75-летию Ю.Н. Воронова. Сухум.
2. Дедюлькин А.В., Курмановский В.С. 2018. Воинское погребение из кургана 14 могильника «Черноморка 2» // ВВА. Вып. 4.
3. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2011. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV-XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // ЭО. № 2.
4. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенек Л.Н., Дмитрук В.В. 2003. Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Вып. 4. Новороссийск.

Зиливинская Э.Д.

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ОЧАГИ САНДАЛИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ, НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

В этнографических исследованиях, посвященных изучению жилых построек Средней Азии достаточно часто упоминается тип очага, называемый *санда* или *сандали*. Очаг представляет собой углубление в полу прямоугольной формы, в которое клали угли для отопления комнаты. В центре этого углубления могла быть сделана еще одна, более глубокая ступень. В эту яму сгребали золу и могли ставить чайник, чтобы он не остывал. Над углублением ставили деревянный табурет или столик высотой 40-50 см. Крайя выемки, в которую устанавливали столик, часто обкладывали обожженным кирпичом. В бедных домах под столик вмазывали в пол большую глиняную лохань.

Сверху табурет накрывали квадратным одеялом, края которого лежали на полу. Около сандали на тюфячках рассаживались люди, подсовывали ноги под край одеяла и, таким образом, согревались. С наступлением холодов семья проводила у сандали большую часть времени. Здесь работали, ели и спали (Писарчик, 1982. С. 94-96). А.К. Писарчик отмечает, что такой способ отопления был не только приятным, но и полезным, так как во время сна ноги были в тепле, а голова – в холоде. «Некоторые из стариков в Ферганской долине, Ташкенте, пользовавшиеся всю жизнь этим видом утепления, так привыкли к постоянному нахождению на свежем воздухе, что когда после революции в быт местного населения интенсивно начали проникать застекленные рамы и русские печи, они нередко выселялись из такого дома на айван и проводили там всю зиму, даже в самые сильные морозы, предпочитая согреваться сандали, чем жить в нагретом печью воздухе комнаты, в котором они задыхались и чувствовали себя больными» (Писарчик, 1982. С. 95).

Очаги-сандали известны в Южном и Северном Таджикистане, Фергане, Самарканде и Бухаре (Воронина, 1963. С. 92; Кисляков, Писарчик, 1970. С.40; Давыдов, 1973. С. 40; Мухиддинов, 1982. С. 217; Хамиджанова, 1982. С. 292). Этнографы фиксируют сандали с XIX в. и отмечают их бытование в Узбекистане до 1970-х гг. (Писарчик, 1972. С. 97). Более того, недавно появилась информация о том, что в Таджикистане в результате дефицита электроэнергии в некоторых кишлаках снова стали отапливать дома печами-сандали, и даже готовить на них пищу (<http://theopenasia.net/ru/post/tadzhiki-vspomnili-o-starinnykh-pechakh-sandali>).

Археология также дает интересный материал о существовании сходных с сандали отопительных сооружений. При раскопках крепости Кампыртепа недалеко от Термеза в одном из домовладений кушанского времени (I в. н.э. - первая четв. II в. н.э.) был открыт напольный очаг в виде прямоугольного углубления в полу, которое было по периметру обложено сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. По мнению исследователей, это остатки очага-сандали (Кампыртепа..., 2018. С. 260-261).

Рис. 1. Дербент. Раскоп XXXI. Очаг *сандали* в пристройке к мечети.

На поселении Гардани Хисор на Зеравшане, близ знаменитого замка на горе Муг, исследованы бытовые очаги, относящиеся к VII-VIII вв. Среди них были и ямки в полу с золой, которые интерпретируются как *сандали* (Якубов, 1982. С. 119). Ю. Якубов, опубликовавший эти данные, не согласен с А. Давыдовым, считавшим, что *сандали* появляются в верховьях Зеравшана только в XIX в. (Давыдов, 1973. С. 40). Кроме раннесредневековых очагов он также приводит данные о находке переносного керамического *сандали* и глазурованного керамического столика в слоях XVII-XVIII вв. в крепости Сарвода.

На городище Сауран XIV-XVI вв. в Южном Казахстане полностью раскопана центральная городская площадь с окружающими ее постройками (Смагулов, 2016). К северу от Джума-мечети располагалось здание, которое интерпретируется как медресе, ханака или караван-сарай. Оно имело замкнуто дворовую планировку с порталным входом. По периметру двора располагались помещения различного назначения. В некоторых комнатах, которые можно считать жилыми, в выстланных жженым кирпичом полах были сделаны квадратные углубления, стенки которых облицованы стоящими на ребре кирпичами. Размеры их 25x25 см, глубина 20-25 см. При этом в углах помещений находились камины с вертикальными дымоходами. Такие же очаги зафиксированы и в худжрах медресе XVI в., расположенного напротив через площадь. Вне всякого сомнения, эти небольшие очажки также можно считать разновидностью *сандали*.

Весьма интересную форму имели *сандали* на Северном Кавказе. Несколько таких очагов было найдено в 2014 г. при раскопках в приморского (портового) района Дербента в

слоях X-XII вв. (раскоп XXXI). В жилом помещении на полу лежала керамическая плита размерами 65x65 см с невысоким орнаментированным бортиком по краю. В центре плиты было сделано отверстие, под которым в полу был установлен котелок, заполненный золой и углями. По периметру плита была обложена вымосткой из обожженных кирпичей по 5 кирпичей с каждой стороны. Общие размеры сооружения составляли 120x115 см. Рядом был вкопан тандыр, из которого, возможно, и брались угли для отопления сандали.

Аналогичный очаг находился в одной из комнат хозяйственной пристройки к мечети на том же раскопе. В центре пола I периода сделана вымостка из обожженных кирпичей на известковом растворе размерами 110x115 см (рис. 1). В каждой стороне было по 5 кирпичей. Внутри этой кладки сложен квадрат со стороной в 3 кирпича. Уровень этой кладки находился на 5 см ниже уровня внешней кладки. В середине сделано квадратное отверстие, внутри которого находился котелок с углями. В дальнейшем этот очаг был перекрыт более поздними полами. В последующие периоды в полы были вмонтированы котелки, служившие для обогрева помещения при помощи углей. Всего таких котелков обнаружено 5, наряду с 6 тандырами, которые служили для приготовления пищи, и из которых брались угли для наполнения сандали. Очаги типа сандали были обнаружены и на близ расположенном раскопе XXVII в слоях домонгольского периода (информация д.и.н., проф. М.С. Гаджиева).

В Нижнем Поволжье на городище Самосделка, материальная культура которого во многом сходна с Дербентом, также найдены круглодонные котелки с золой, вмонтированные в суфы (слои XI-XII вв.). Наряду с сандали такой формы, здесь найдены очажки из четырех поставленных на ребро кирпичей.

На Селитренном городище в одной из комнат медресе XIV в. также находился очаг из поставленных на ребро обожженных кирпичей. Таким образом, в городах Нижнего Поволжья существовали сандали как среднеазиатского, так и северокавказского типов.

Литература

1. Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 6.
2. Давыдов А.С. Жилище // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973.
3. Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования 2001-2010 гг. Отв. ред. С.Б. Болелов. М.-СПб., 2018.
4. Кисляков Н.А., Писарчик А.К. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе, 1970.
5. Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем. XIX- начало XX в. // Жилище Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
6. Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
7. Смагулов Е.А. Застройка Центральной площади города Сауран XIV-XVI вв. // Поволжская археология № 2. 2016.
8. Хамиджанова М.А. Жилище таджиков Ягноба // Жилище Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
9. Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилище Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
10. <http://theopenasia.net/ru/post/tadzhiiki-vspomnili-o-starinnykh-pechakh-sandali>

Исаев С.Х., Ахмаров А.У.

АН ЧР, г. Грозный

О НОВЫХ НАХОДКАХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ

В ходе проведения мониторинга памятников археологии на территории Итум-Калинского района ЧР в 2018 г. сотрудниками Центра археологических исследований АН ЧР было выявлено пять эпиграфических памятников, выполненных знаками древнегрузинской письменности асомтаврули и нусхури в сс. Кейшта (Мулкьой), Цой-Пхьеде (Мялхйист), Каьшт (Зумсой) и Элд-Пхья (Терлой). Автор перевода надписей – доктор филологии Михеил Лабадзе (Грузинский университет Св. Андрея Первозванного, Тбилиси, Грузия), которому выражаем искреннюю благодарность.

Первая надпись (рис. 1, 1) сделана на каменном блоке из с. Кейшта (Мулкьой), который был обнаружен на мусульманском кладбище. По всей видимости, камень вторично использован как надмогильная стела, такое их применение нами было ранее отмечено в с. Пакоч (Итум-Кали) (Исаев, 2016. С. 222-223). На камне сделана надпись: Д.о.г.а. (Ⴍoga). Первая буква – асомтаврули, остальные – нусхури. До XI в. буквы асомтаврули использовались как заглавные, а буквы нусхури – как строчные, исходя из этого, а также, судя по начертанию букв Ⴍ (д), о (о) и г (г), можно заключить, что надпись сделана примерно в X в. или же не позднее первой четверти XI в. Что касается семантики слова *Д.о.г.а.*, то, по-видимому, здесь представлен антропоним. Помимо надписи на данном блоке изображен петроглиф в виде правосторонней свастики со спиралевидными концами.

Вторая надпись (рис. 1, 2) (Арсанукаев, 2005) нанесена на каменный блок, расположенный на южной стене боевой башни № 1 в с. Цой-Пхед (Мялхйист), в кладке левого нижнего угла входного проема. Изображение этой надписи ранее публиковалась в различных изданиях как петроглиф (Даутова, Исаев, 2014. С. 102-103; Ахмаров, Исаев, 2017. С. 474-477). На камне нанесена надпись: К.О.КХ.ЕЙ. (†QΨ†). Все буквы – асомтаврули, но при этом немного искажены первая и вторая литеры † (к) и Q (о), а конечная † (ей) искажена существенно. Именно из-за искажений трудно определить, когда сделана надпись. Думаем, что написавший был едва знаком с грузинским письмом. Что касается семантики надписи К.О.КХ.ЕЙ, то тут надо сказать, что если это не антропоним, то тогда начальная буква † (к) могла быть использована как известная аббревиатура имени Христа в начале текста, что свойственно грузинским эпиграфическим памятникам. В этом случае К. О.КХ.ЕЙ можно прочесть как: *К. [x1]окхе[ран]* (чеч.) – «(Христос) этих». Конечная буква † (ей), скорее всего, использована для обозначения чеченского долгого гласного ē (а не для дифтонга *ей*, как в оригинале), но в современном кистинском диалекте чеченского языка М. Лабадзе зафиксирована именно форма ОКХЕЙР (с. Омало Панкисского ущелья, Ахметинский муниципалитет, Грузия, где в основном живут потомки выходцев из Хилдехароя и Хачароя): *окхейр цла дэ аз = хлокхёран цла ду иза* – «то – дом этих».

Третья надпись (рис. 1, 3) (Арсанукаев, 2005) обнаружена на каменном блоке в кладке стены одной из жилых башен в с. Каьшт (Зумсой). Текст надписи гласит: А.С.А.КХ.Ц.Л.А.Т. (аႭа Ψс ႭႭႭ); при этом очень необычным способом смешаны буквы алфавитов нусхури

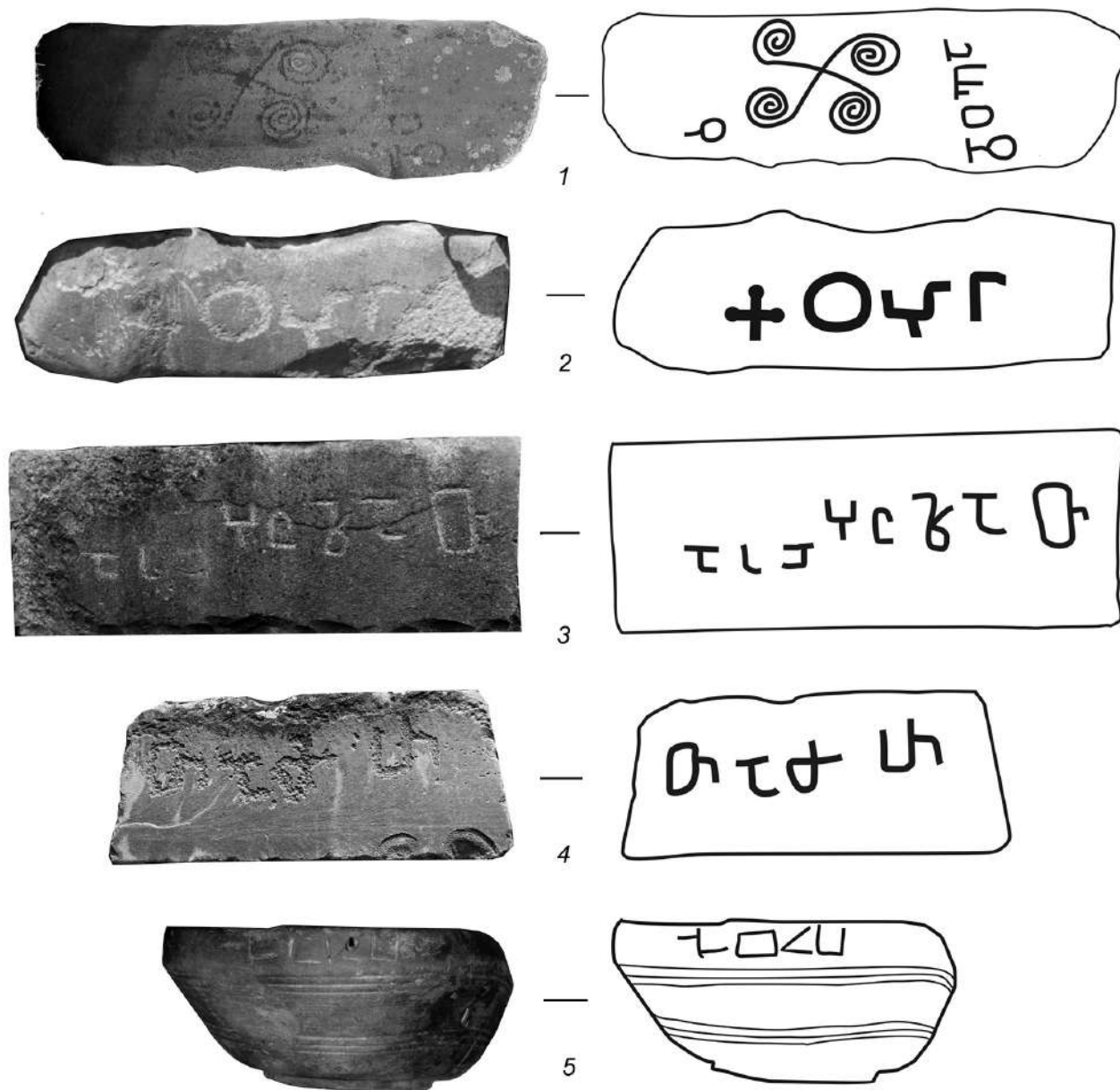

Рис. 1. Каменные блоки и миска с надписями, выполненными древнегрузинским письмом: 1- Кейшта (Мулкьой), 2- Цой-Пхьеде (Мялхист), 3- Кошт (Зумсой), 4- Элд-Пхья (Терлой), 5- Цой-Пхьеде (Мялхист) (без масштаба)

и асомтаврули. Судя по начертанию литеры нусхури с (*ц*) можно предположить, что надпись сделана примерно в X в. Интересна семантика надписи: предполагаем, что это фраза *āsa kx ц[a] лат[u]* в переводе с литературного чеченского означает «я очаг не развел» (*аса кха ца лати*) – имеется ввиду, что автор надписи не оставил потомство (возможно, речь идет о монахе). Есть и вторая версия перевода надписи: если допустить, что автор мог ошибиться и вместо буквы *кь* написал *кх*, то надпись должна читаться как *аса кьа ца лати* – «я грех не совершил». О том, что автор надписи не совсем хорошо владел грузинской письменностью, может свидетельствовать то, что надпись начинается со строчной буквы и смешаны буквы асомтаврули и нусхури. Из двух представленных вариантов нам представляется более вероятным первый.

Четвертая надпись (рис. 1, 4) обнаружена в кладке западной стены северной башни в с. Элд-Пхьа (Терлой) (Исаев, Мамаев, Мамаев, 2017. С.74-78). На камень нанесен текст: Т.А.М.Р. (ᄁ ᄂ ᄃ ᄄ). Все буквы – асомтаврули. Судя по начертанию букв, она сделана в X в. В надписи представлено грузинское женское имя ᄆᄇᄈᄉ «Тамар» в ласкательной форме восточно-грузинского образца ᄆᄇᄈᄉ «Тамро». Предположительно, письменная форма Т.А.М.Р. в разговорной речи звучала как ТĀMPŎ – с долгим *ā* в инлауте и ультракоротким *ŏ* в ауслауте. Ультракороткого звука не обозначали, т.к. он едва был слышен. Форма ТĀMPŎ по сей день применяется в говоре с. Омало Панкисского ущелья.

Пятая надпись (рис. 1, 5) выполнена на небольшой деревянной миске, изготовленной на токарном станке. Размеры миски: d венчика = 14 см; d дна = 7,5 см; h = 5 см (Исаев, Ахмаров, Дачаев, 2019. С.392-398). На наружную сторону миски нанесена врезная надпись: XI.O.KX.KX.A (ᄁᄂᄃᄄᄅ). Все буквы – асомтаврули. Судя по начертанию букв, надпись сделана в X в. Что касается семантики, то полагаем, что здесь антропоним – имя владельца чаши.

Литература

1. Арсанукаев Р.Д. 2005. Чеченские петроглифы. Париж.
2. Ахмаров А.У., Исаев С.Х. 2017. О истории изучения средневековых памятников материальной культуры Малхистинского общества (горная Чечня) // Наука и молодежь. Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов. Грозный.
3. Даутова Р.А., Исаев С.Х. 2014. История изучения «города мертвых» Цой-Пхеде (Итум–Калинский район ЧР) // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 21-22 октября 2014 г. Махачкала.
4. Исаев С.Х., Ахмаров А.У., Дачаев И.С.-Х. 2019. Новые погребальные и иные памятники на некрополе Цой-Пхеде // Молодежь, наука, инновации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО «ГГНТУ им. Акад. М. Д. Миллионщикова», 30-31 мая 2019 г. Грозный.
5. Исаев С.Х. 2016. К вопросу об интерпретации Пакочского захоронения со стелой с петроглифами // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18-21 апреля 2016 г. Грозный.
6. Исаев С.Х., Мамаев Р.Х., Мамаев Х.М. 2017. Из истории изучения археологических памятников Итум-Калинского района ЧР (ущелья рек Бовлой-Эрк, Терлой-Эрк и Геши-Хи) // Вестник АН ЧР. № 4. Грозный.

Исаев¹ С.Х., Дачаев¹ И.С.-Х., Гончаров² Е.Ю.

¹АН ЧР, г. Грозный, ²Институт востоковедения РАН, г. Москва

НОВЫЕ НАХОДКИ МОНЕТ С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Как справедливо отмечали наши коллеги, «если посмотреть на перечни находок нумизматических материалов с территории Чечни, опубликованных учеными, то обнаруживается, что таких упоминаний мало» (Петров, Рева, Брагин, 2016). Потому, каждая новая находка монет представляет большую ценность.

В ходе проведения мониторинга памятников археологии на территории Чеченской Республики в 2018-2019 гг. сотрудникам Центра археологических исследований АН ЧР были переданы местными жителями пять серебряных монет. Все монеты происходят из погребений, разрушенных в ходе хозяйственно-строительной деятельности в различных районах республики.

Монетным находкам принадлежит важная роль при хронологии памятников археологии, особенно в случаях, когда у археолога есть возможность связать тот или иной археологический комплекс с хорошо известным историческим событием. Нумизматические находки на сегодняшний день являются самым точным материалом для относительного и абсолютного датирования археологических комплексов среди прочих артефактов.

Временной диапазон публикуемых монет охватывает суммарно период от 745 г. по 1361 г., и они представляют два хронологических блока: арабский и золотоордынский, характеризующиеся ростом разносторонних международных связей. Показательно, что ранние монеты (Омейяды, Аббасиды) происходят из катакомбных погребений, а поздние (Золотая Орда) – из подземных склепов, и все монеты имеют, судя по пробитым отверстиям, вторичное использование, служили украшениями, подвесками, предметами одежды.

Ниже в хронологическом порядке приведен перечень найденных монет:

1. Омейядские наместники Табаристана, Дабвайхиды. Хуршид (123-144 / 741-761 гг.) в регентство Фаррухана II (123-131 гг. / 741-749 гг.), Полудрахма 128 г.х. / 745-746 г. Монета потерта, имеются два пробитых отверстия на противоположных краях монеты, т.е. она служила подвеской или нашивкой. Серебро. Вес – 2 г, размеры: 2×2 см (рис. 1, 1). Происходит из аланского катакомбного погребения, разрушенного при строительстве дороги в с. Мартан-Чу Урус-Мартановского района.

2. Аббасиды. Халиф ас-Мансур (136-158 гг.х. / 753-775 гг.). Дирхам куфический 143 г.х. / 760-761 г., чекан ал-Басры. Монета потерта, имеются два пробитых отверстия на противоположных краях монеты, т.е. она служила подвеской или нашивкой. Серебро. Вес – 2,80 г, размеры: 2,4×2,4 см (рис. 1, 2). Происходит из аланского катакомбного погребения, разрушенного при строительстве дороги в с. Гуни Веденского района.

3. Золотая Орда. Джанибек (741-758 гг.х. / 1342-1357 гг.). Данг (дирхам) 750 г.х. / 1349-1350 г., чекан Сарая ал-Джадида. Монета потерта, имеется пробитое отверстие, т.е. она служила подвеской. Серебро. Вес – 1,35 г, размеры: 1,3×1,3 см (рис. 1, 3). Происходит из разрушенного при строительстве дороги подземного склепа в с. Гучум-Кхел Итум-Калинского района.

Рис. 1. Монетные находки с территории Чечни: 1 – Мартан-Чу, 2 – Гуни, 3 – Гучум-Кхел, 4-5 – Ведучи

4. Золотая Орда. Хызр (761-762 г.х. / 1360-1361 гг.). Данг (дирхам) 762 г.х. / 1361 г., чекан Сарая ал-Джадида. Монета потерта, имеется пробитое отверстие, т.е. она служила подвеской. Серебро. Вес – 1,55 г, размеры: 1,52×1,52 см (рис. 1, 4). Происходит из разрушенного при строительстве опоры ЛЭП подземного склепа в с. Ведучи Итум-Калинского района.

5. Золотая Орда. Хызр (761-762 г.х. / 1360-1361 гг.). Данг (дирхам) 762 г.х. / 1361 г., чекан Сарая ал-Джадида. Монета потерта, в монете есть два пробитых отверстия на противоположных краях монеты, т.е. она служила подвеской или нашивкой. Серебро. Вес – 1,51 г, размеры: 1,61×1,38 см (рис. 1, 5). Происходит из разрушенного при строительстве опоры ЛЭП подземного склепа в с. Ведучи Итум-Калинского района.

Литература

1. Петров П.Н., Рева Р.Ю., Брагин О.А. 2016. Материалы XIV-XV вв. к нумизматическому паспорту Гудермесского района Чечни // XXIX Крупновские чтения. Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Материалы Международной научной конференции, г. Грозный, 18-21 апреля 2016. Грозный.

Кадзаева З.П.

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

КАВКАЗСКИЕ Т-ОБРАЗНЫЕ ШАРНИРНЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ САДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В эпоху раннего средневековья металлические застежки-фибулы были одним из основных элементов костюма жителей Садона. Всего фибул из погребений могильника Садон насчитывается 101 экз., из них 71 относятся к группе 19 серии II кавказских Т-образных шарнирных фибул с расширенной ножкой по А.К. Амброзу (1966. С. 75. Табл. 13, 9; далее: Т-образные фибулы) (рис. 1).

Т-образные фибулы появляются в Садоне приблизительно в сер. VII в. и сразу становятся популярными. В погребениях они встречаются вместе с пружинными и шарнирными фибулами с завитком или кнопкой на конце сплошного приемника.

Фибулы изготовлены в основном из бронзы, реже из серебра или биметаллические, у которых корпус изготавливался из бронзы или серебра, а игла и ось шарнира – из железа. На головках имеются по три, редко по две кнопки. Две кнопки крепились к оси шарнира и одна – к задней части иглы. Кнопки биконической и округлой формы, в двух случаях их украшают пояски с зернью (рис. 1, 8). Треугольные и сегментовидные в сечении дуговидные спинки фибул имеют прогиб в месте перехода в ножку. Ранние садонские Т-образные фибулы – сильно профилированные, их спинки оформлены в виде правильной дуги без смещения к ножке или головке (рис. 1, 1,5). На спинках фибул рядом с головкой имеются выделенные фасетированные площадки с декором. В месте перехода спинки в ножку также имеются рельефные выступающие фасетированные площадки. Ножки фибул плоские, овальной, ромбовидной или трапециевидной формы. Приемники для иглы двух видов: пластинчатые, отлитые вместе с корпусом, и пластинчатые, изготовленные отдельно от корпуса и приваренные снизу к ножке, как у фибул-брошей. Одна из Т-образных застежек снабжена пружинной конструкцией (рис. 1, 17).

Самая ранняя Т-образная фибула в Садоне украшена декором в виде косоугольного креста, выполненного гравировкой (рис. 1, 1,18а). На многих фибулах встречается декор, имитирующий зернь (рис. 1, 2, 8,18в) или рифление (рис. 1, 7,18д). Часто эти детали декора сочетаются (рис. 1, 3). Т-образная фибула с «зерненым» декором происходит из комплекса катакомбы 75 в Даргавсе и по инвентарю относится ко времени «не позднее середины VIII в.» (Албегова (Царикаева), Успенский, 2017. С. 94-95. Рис. 2, 7). Фибулы с декором в виде рифления встречены в катакомбе 59 в Даргавсе, датированной по инвентарю «не позднее первой трети – середины VIII в.» (Албегова (Царикаева), Успенский, 2017. С. 93-94. Рис. 2, 4,5), а также в катакомбе 124 периода IIIб могильника Мокрая балка (Гавритухин, Малашев, 1998. Рис. 7, 15).

В одном случае фибула имеет декор в виде «полуовалов-лепестков» (рис. 1, 9,18е). Похожий декор украшает фибулу с могильника Мокрая Балка (Рис. 1, 10; Коробов, 1999. Рис. 4, 2), а также застежку из катакомбы 119 могильника Дмитриевский (рис. 1, 15; Плетнева, 1989. Рис. 59, 119). Еще одна Т-образная фибула с орнаментом из

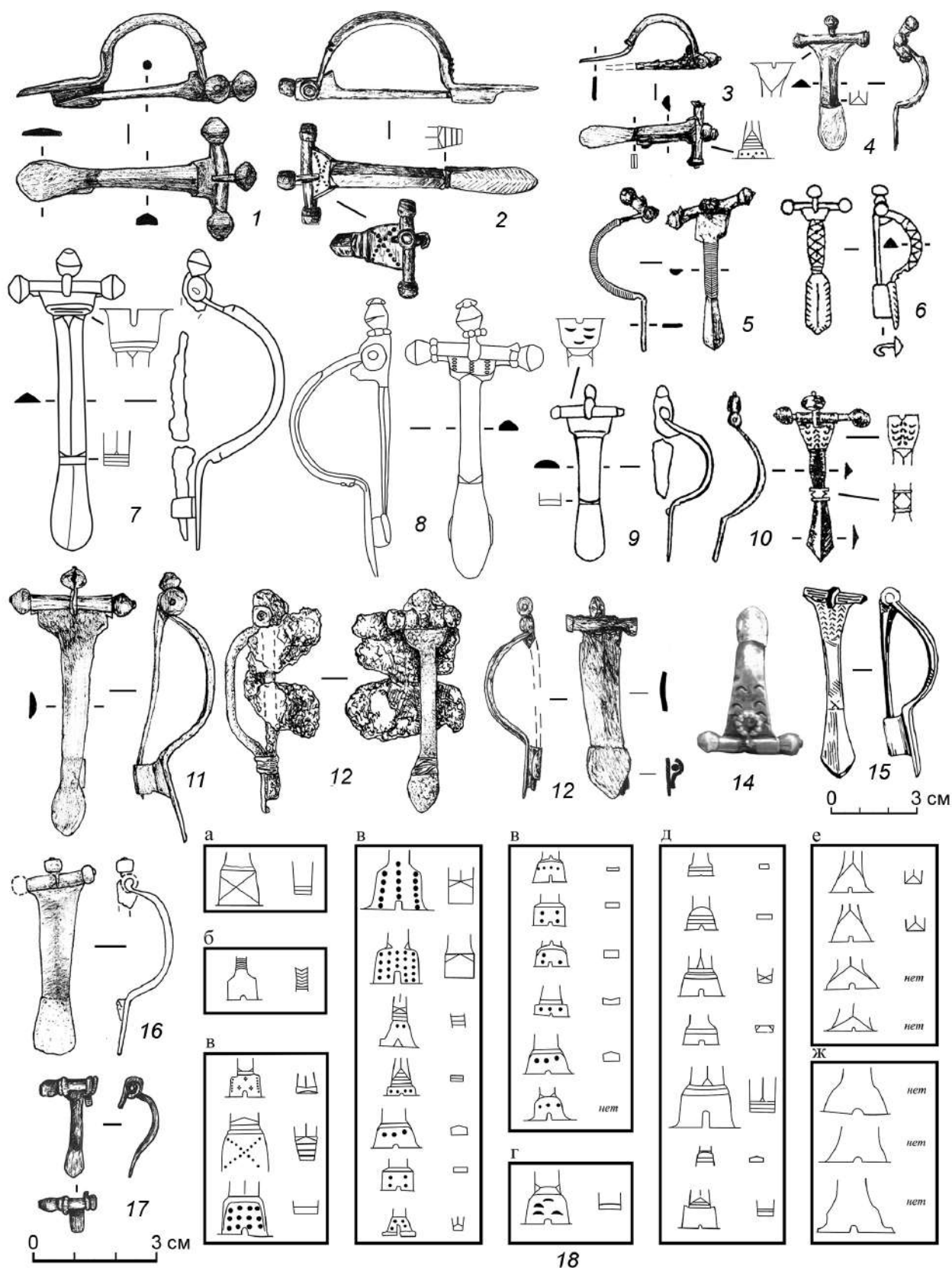

Рис. 1. Т-образные фибулы: 1-5, 7-9, 11-13, 16-18 – Садонский могильник. 6 – Цибилиум – 1 (по: Kazanski, Mastukova, 2007). 10 - Мокрая Балка (по: Коробов, 1999). 14 – Нижний Архыз (без масштаба; экспозиция МБУК «Зеленчукский районный краеведческий музей им. С.Ф. Варченко»). 15 – Дмитриевский могильник (по: Плетнева, 1989)

«полуовалов-лепестков» в сочетании с декором в виде зерненной розетки происходит с территории Карачаево-Черкессии (рис. 1, 14; экспозиция МБУК «Зеленчукский районный краеведческий музей им. С. Ф. Варченко»).

Спинка одной фибулы орнаментирована декором, имитирующим обмотку, фасетированная площадка у головки гладкая (рис. 1, 5). Т-образная фибула, у которой спинка покрыта орнаментом, встречена в погр. 181 могильника Цибилиум - 1 стадии IV/10-11, около 530/550-640/670 гг. (Рис. 1, 6; Kazanski, Mastykova, 2007. Pl. 33, 13).

Со временем в Садоне появляются фибулы без декора на фасетированных площадках спинок (рис. 1, 4, 18е). Подобные фибулы происходят из комплексов катакомб 59 и 27 в Даргавсе (Албегова (Царикаева), Успенский, 2017. С. 93. Рис. 2, 6, 8), катакомбы 2 могильника Мокрая Балка (Ковалевская, 2005. Рис. 88, 6) и, возможно, катакомбы 26 могильника Дмитриевский (Плетнева, 1989. Рис. 59, 26).

Самые поздние образцы Т-образных фибул имеют сглаженную спинку без фасетированных площадок у головки и ножки; игла, там, где это прослеживается, уже без выступа-упора (рис. 1, 11-13, 16, 18ж). Похожие фибулы встречены в погребальном инвентаре катакомбы 18 с территории Маяцкого селища (Афанасьев, Винников, 1991. Рис. 20, 9) и в комплексе катакомбы 16 VIII в. в Дуба-Юрте (Мамаев, Савенко, 1988. С. 35. Рис. 6, 11).

Отмеченные выше поздние фибулы найдены в комплексах заключительной фазы функционирования Садонского могильника. В это время в материалах могильника появляются вещи VIII в.: бубенчики (их всего 2 экз.), цилиндрические бородавчатые бусы с накладными, сильно выступающими глазками и некоторые типы серег с полой подвижной подвеской, иногда с «шипом» на дужке. Т-образная фибула в комплексе с бубенчиками, серьгами с полой подвеской и бородавчатыми бусами происходит из катакомбы 27 в Даргавсе, датированной концом VII – первой пол. VIII в. (Албегова (Царикаева), Успенский, 2017. С. 93; Дзаттиаты, 2014. Табл. LVI-LIX). В Мокрой балке похожие серьги, иногда вместе с Т-образными фибулами, бубенчиками и бородавчатыми бусами, найдены в погребениях первой пол. VIII в. по Е.Г. Афанасьеву (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 64, 66, 112, 123, 148). Керамический материал из этих погребений В.Ю. Малашев относит к финальной (после периода IIIв) стадии могильника (Малашев, 2001. С. 33). Серьги с полой подвеской известны с территории Карпатской котловины в комплексах II среднеаварского периода – около 660/680-690/710 гг. (Гавритухин, 2001. С. 149. Рис. 49, 8, 14-15, 18, 33, 34).

Дата могил заключительной фазы функционирования Садонского могильника с поздними Т-образными фибулами (рис. 1, 11-13, 16, 18ж) определяется по погребальному инвентарю в пределах первой трети VIII в. (около 720-730 гг.).

Литература

1. Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С. 2017. Фибулы Даргавского раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993-2009 гг.) // Скифо-аланское наследие Кавказа. Владикавказ.
2. Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.
3. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок М.
4. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. 1991. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж.

-
-
5. Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. №2. Самара.
 6. Гавритухин И.О. 2001. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. II. Донецк.
 7. Ковалевская В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М.
 8. Коробов Д.С. 1999. Новый комплекс из могильника Мокрая балка I // Древности Северного Кавказа. М.
 9. Малашев В.Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.
 10. Мамаев Х.М., Савенко С.Н. 1988. Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный.
 11. Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс). М.
 12. Kazanski M., Mastykova A. 2007. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium (VIIe s. av. J.-C. – VIIe s. ap. J.-C) (Abkhazie, Caucase). Vol. 2. L'étude du site (British Archaeological Reports, IS-1731/2). Oxford.

Казанский М.М.

*Национальный Центр Научных Исследований,
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье», Париж, Франция*

СЕДЛО ИЗ «КНЯЖЕСКОЙ» НАХОДКИ ПОСТ-ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ГАЛАЙТЫ (ЧЕЧНЯ): ПАРАЛЛЕЛИ И ДАТИРОВКА

Находка группы серебряных, частично позолоченных предметов происходит из с. Галайты Ножай-Юртовского района Чеченской республики. Она включает ременные накладки и наконечники, а также пластины, составляющие обкладку седла (Рис. 1А). На месте находки были проведены раскопки, но следов погребения обнаружено не было – скорее всего, речь идет о кладе или жертвоприношении (Багаев, 1977; Багаев, Давудова, 2013).

Определяется два вида седельных пластин. Пластины вытянуто-сегментовидной формы из бронзы, обтянутые серебряной фольгой (Рис. 1А, 7), составляют тип 4 по классификациям И.П. Засецкой и И.Р. Ахмедова (Засецкая, 2007. С. 145; Ахмедов, 2012. С. 23-25). Подобные накладки широко распространены, от Западного Казахстана (Алтынказган: Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 11, 6, 7) до Рейна (Крефельд-Геллеп: Wiczorek et al., 1996. Kat. V.4.8, Abb. 192-196). Назовем также находки как Бабичи, Ольвии, Шипово, курган 3, Покровск, курган 18, Дюрсо, конские погр. 4, 9, 10, Керчь (Багаев, 1977. С. 238-240; Засецкая, 2007. С. 145; Ахмедов, 2012. С. 23-25) (Рис. 1Б, 1). Эти накладки типичны для второй пол. V - первой пол. VI в., т.н. для постгуннского времени или т.н. шиповского горизонта (Казанский, Мастыкова, 2010. С. 93-95). Для датировки особое значение имеет находка в «вождеском» погр. 1782 франкского могильника Крефельд-Геллеп на Рейне. Эта могила принадлежит к фазе II раннемеровингских древностей, т.е. ко второй трети VI в., и датируется по аналогиям с «княжеским» захоронением мальчика в Кельне. Дата же кельнского погребения определяется, в свою очередь, по дендрохронологии в пределах 527-547 гг. (Казанский, Мастыкова, 2010. С. 93-95). Конечно, кое-где подобные накладки существовали и позже, как показывает, например, находка костяной накладки в одном из курганов Чир-юрта (Северный Дагестан) с монетой 582-602 гг. (Амброз, 1989. Рис. 41, 10), но это единственный пока случай.

Фрагменты некрустированных пластин из серебряной позолоченной фольги на бронзовой основе были атрибутированы А.К. Амброзом, как седельные накладки вытянуто-подтреугольной формы (Амброз, 1989. Рис. 38, 20) (Рис. 1А, 8). Такие металлические накладки, типа Засецкая 1б – Ахмедов 5 (Засецкая, 2007. С. 143; Ахмедов, 2012. С. 25-26) известны только в Восточной Европе, от Урала и Кавказа до устья Дуная: Солончанка I, Владимирское, курган 4, погр. 2, Коминтерн II, Керчь, Ялпуг (Рис. 1Б, 2). Одна из находок, Солончанка I, принадлежит гуннскому времени, находки во Владимирском и в Ялпуге – постгуннские. Датировку этих накладок постгуннским временем подтверждают и находки в закрытых комплексах на периферии степи – в поволжском могильнике Коминтерн II (см. подр.: Kazanski, 2018). Наличие седельной накладки типа Засецкая 1б – Ахмедов 5 в Галайты свидетельствует о связи этой находки, прежде всего, с восточноевропейской

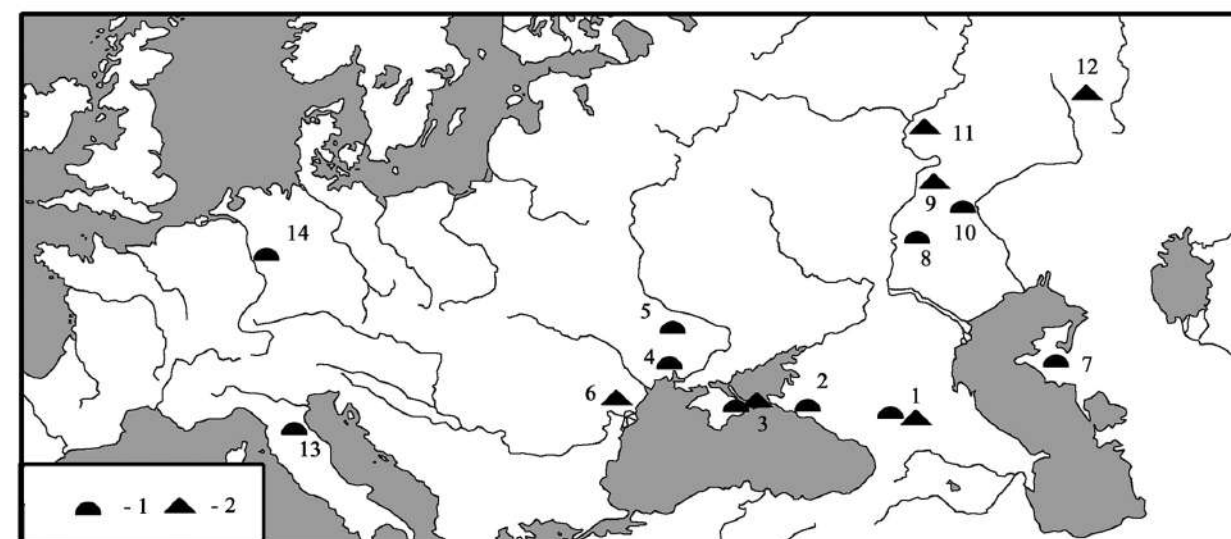
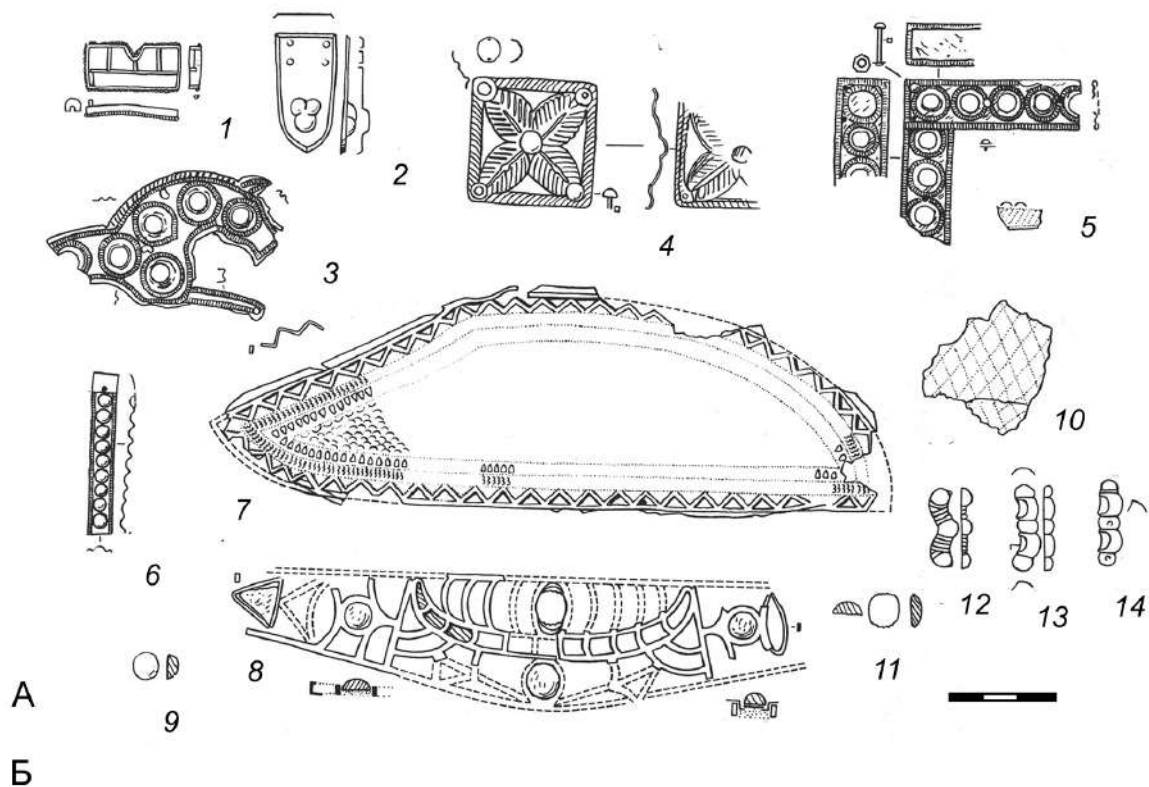

Рис. 1. Находки из Галайты (А - по Амброз, 1989. Рис. 38, 8-22) и карта (Б) распространения металлических седельных накладок типов Засецкая-Ахмедов 4 и Засецкая 16 – Ахмедов 5 в Восточной Европе (1- тип Засецкая-Ахмедов 4; 2 - тип Засецкая 16 – Ахмедов 5): 1: Галайты; 2: Дюрсо; 3: Керчь; 4: Ольвия; 5: Бабичи; 6: Ялпуг; 7: Алтынказган; 8: Покровск; 9: Владимирское; 10: Шипово; 11: Коминтерн II; 12: Солончанка I; 13: Равенна; 14: Крефельд-Геллеп

культурной средой, может быть со степными кочевниками. Разумеется, конкретный характер этих связей должен быть предметом отдельного изучения.

Большая часть находок седельных пластин, аналогичных найденным в Галайты, происходит из степного контекста постгуннского времени. Но при этом надо учитывать, что обычай помещения предметов конского снаряжения в могилы распространен у степных кочевников гораздо шире, чем у оседлых народов. Тем не менее, накладки на седла хорошо известны и в погребениях оседлого населения. Назовем в качестве примера уже упомянутые седельные накладки из Дюрсо, Крефельд-Геллепа, Керчи, Коминтерна II, Равенны. При этом необходимо отметить, что за пределами степного мира такие находки связаны, в первую очередь, с культурой воинских элит, о чем свидетельствует как погребальный контекст (Крефельд-Геллеп Дюрсо), так и качество самих седельных пластин (Равенна) (подр.: Ахмедов, 2012. С. 38-40; Казанский, 2014. С. 324-327). В целом обычай помещения седла в погребения зафиксирован для оседлой знати понто-кавказского региона уже в гуннское время, в постгуннское время этот обычай широко распространяется от Скандинавии до Нубии (Казанский, 2014. С. 324-327).

Литература

1. Амброс А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М..
2. Ахмедов И.Р. 2012. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.
3. Астафьев А.Е., Богданов Е.С. 2018. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus*. № 4.
4. Багаев М.Х. 1977. Галайтинский клад VI-VII вв. // *СА*. № 2.
5. Багаев М.Х., Даутова Р.А. 2013. Галайтинский клад в контексте темы средневековых вождеств на Северном Кавказе // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тез. докл. Международного научного семинара. Махачкала, 13-17 ноября 2013 г. Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.
6. Засецкая И.П. 2007. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая, И.П., Казанский, М.М., Ахмедов, И.Р., Минасян, Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.
7. Казанский М.М. 2014. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum plus*. № 4.
8. Казанский М.М., Мастыкова В.А. 2010. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5.
9. Kazanski M. 2018. Deux appliques de selle post- hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube) : parallèles et datation // *Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*. Eds. Aparaschivei D., Bilavschi G. Bucureşti - Brăila.
10. Wiczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.). 1996. Die Franken. Wegbereiter Europas. Mainz.

Кайтан¹ Ш.Г., Счастный² Д.А., Авидзба¹ Д.З.

*¹Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии,
г. Сухум*

²Абхазский государственный музей, г. Сухум

ВЕЛИКАЯ АБХАЗСКАЯ СТЕНА. ИССЛЕДОВАНИЯ 2018-2019 гг.

Одним из величайших памятников историко-культурного наследия Абхазии и всего Кавказа является Великая Абхазская (Келасурская) стена. Начиная от устья р. Келасур это фортификационное сооружение тянется по предгорью и предположительно спускалось к устью р. Ингур. Из 279 башен, выявленных Ю.Н. Вороновым в системе Великой Абхазской стены (ВАС), 273 приходятся на участок Келасур – Ткуарчал (Воронов, 1973. С. 100-122).

С целью уточнения времени сооружения и основных этапов функционирования ВАС нами было принято решение провести археологические раскопки на разных участках вдоль линии обороны стены. В 2018 г. Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа было частично исследовано Келасурское гарнизонное укрепление в с. Багбаран, в частности, башня № 7 (рис. 1, 11) (по нумерации Ю.Н. Воронова).

Башня представляет прямоугольное в плане сооружение, от которого на поверхности земли сохранилась СЗ стена с двумя закругленными изнутри углами. Высота этой стены от современного уровня земли не превышает 6 м. Кладка башни, как и всего укрепления, состоит из речного булыжника на известковом растворе.

Под завалом камней, на глубине 1-1,2 м, среди большого количества угольков и известковой крошки было сконцентрировано довольно много разнообразного материала (рис. 1, 1-10). Среди найденных фрагментов керамики можно особо выделить: обломок керамического пряслица с орнаментом в виде вертикальных вдавлений на краях, венчики и стенки сосудов, имеющих налпные валики (рис. 1, 2,3,5) – орнамент, характерный для VII-X (Трапш М.М. 1975. С. 133) и XI-XIV вв., фрагменты горшка темно-серого цвета с декором из косых порезов (рис. 1, 4), венчик большого пифоса с клеймом в форме креста (рис. 1, 1) и стенки сосуда с орнаментом в виде многорядной волны (рис. 1, 6, 8).

На глубине 1,2-1,3 м со стороны северной стены, был обнаружен человеческий череп и зубы (рис. 1, 12). Общее расположение фрагментов костей и тлена, которые удалось зафиксировать, указывает на то, что это не было погребение. По заключению специалистов (Г.Х. Бобуа, П.К. Квицыния) останки принадлежат юноше или девушке не старше 15 лет. Важно отметить, что это первая известная находка останков человека в башне ВАС за всю историю ее исследования.

В 2019 г. в рамках научного проекта «Тайны Великой Абхазской стены», поддержанного благотворительным фондом «АМШРА», началось комплексное исследование ВАС в составе: О.Х. Бгажба (научный руководитель), Ш.Г. Кайтан, Д.А. Счастный, Д.З. Авидзба, И.Ю. Журавлёва, Э.А. Берулава.

На первом этапе исследования, ориентируясь по картам Ю.Н. Воронова и Г.В. Требелевой (Требелева, 2019. С. 74-80), нами были пройдены, обмерены, зафиксированы на GPS-приемник следующие участки ВАС: Приморский, Багмаранский, Александровский,

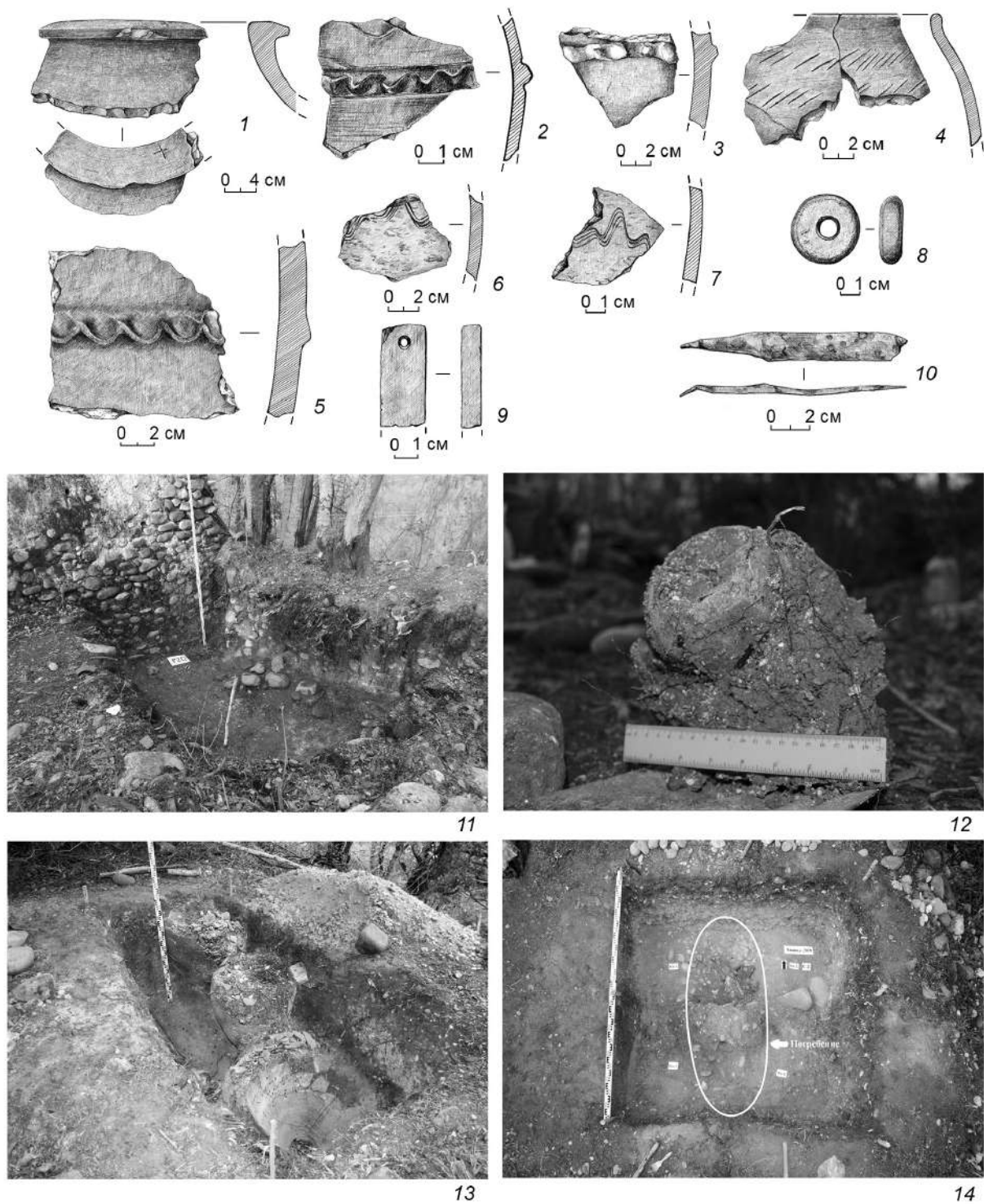

Рис. 1. Великая Абхазская (Келасурская) стена. Материалы исследований 2018-2019 гг.

Мачаро-Черниговский, Мачаро-Пацхирский, часть Кодорского, Чапагурвский (совместно с Г.А. Сангулия), Кетванрвский, Кумарчинский, Дуабский, Адзыквинский, Абрскильский, Улысский, Моквский, Геджирский. Отрезок от р. Кодор до р. Дгамыш, включающие часть Кодорского, Чегемский, Адзына-Рыхуцинский и Дгамышский участки, из-за густой растительности, было решено пройти весной 2020 г.

На всех участках ВАс прослеживается четкая взаимосвязь направления стены и старой дороги, известной в литературе, как «подгорная дорога», «Абхазский путь» (Цулая, 1986). И.Е. Адзинба упоминал ее, как единственную, древнюю, сухопутную дорогу, проходившую через территорию Абхазии с запада на восток, по подгорной части вдоль линии Абхазской стены. Эта дорога связывала почти все села, расположенные в подгорной части и средней полосе Очамчёрского и Галского районов (Адзинба, 1958. С. 146). Именно такой участок дороги (мощный) протяженностью свыше 0,5 км был обнаружен Ц.Н. Бжания близ с. Джгерда и пос. Бекикан, где проходит ВАс (Бжания, 1959. С. 91.). В западной части с. Арасадзыхь параллельно дороге тянется сплошная линия крепостных башен и стен, являющаяся одним из участков ВАс (Бжания, Сакания, Бжания, 2014. С. 126).

Особо интересными для нас стали экспедиции в Галский район (сёла Хиацха и Махунджиа), где были начаты поиски остатков линии обороны ВАс. В с. Махунджиа с помощью альпинистского снаряжения удалось провести осмотр завалов и среза грунта внутри крепости, именуемой местными жителями Абааж («Старая крепость»). К сожалению, сейчас памятник находится на грани полного разрушения. Крепость стоит на возвышенности, неподалёку от водохранилища («Галское море»), построенного в советское время, из-за чего на холме начались оползни. Со слов местных жителей, за последние пять лет значительные по размерам фрагменты стен (4х3 м, 4х5 м) этого сооружения рухнули вниз с многометрового обрыва. Культурный слой, толщиной ок.0,5 м включал золу, угольки и фрагменты керамики, внешне похожей на керамику, найденную в других башнях ВАс. Керамика относится к средневековому периоду.

Осенью 2019 г. в рамках уже второго этапа исследования были проведены раскопки в с. Хиацха Галского района, в местечке, известном у местных жителей под названием «Глаза Губаза», или «Куатания-суки (зуки)» («холмы Кватания, Кватаниевские холмы»). Последнее с незначительными изменениями встречается в отечественной литературе – «Куатания-сурки» (Адзинба, 1958. С.139.) и «Куатания-сукки» (Трапш, 1975. С. 214). Памятник представляет собой стену, сложенную из речного булыжника на известковом растворе, лежащую на трех холмах. Чуть ниже этой линии и параллельно ей стена имеет продолжение, которым как бы замыкает ограниченное пространство общей площадью ок.3,5 га.

После того как все наземные остатки крепости были обмерены и зафиксированы, началась расчистка участков и их нивелировка для закладки разведочных шурфов. Каждый шурф дал интересный материал: четыре пифоса (рис. 1, 13), безынвентарное погребение (рис. 1, 14) со скоплением керамических обломков над ним, было обнаружено помещение, в котором отмечено скопление фрагментов человеческих костей вперемешку с разнотипной керамикой. Видимо, именно это место в своем кратком описании упоминает И.Е. Адзинба, называя его склепом (Адзинба, 1958. С. 139). В целом, прямая связь упомянутых галских памятников с линией обороны ВАс пока не установлена.

Подводя итоги, отметим особую результативность археологических исследований ВАс последних лет. Богатый и разнохарактерный материал демонстрирует большой потенциал памятника на разных его участках и требует продолжения исследовательской работы на этом уникальном памятнике фортификации.

Литература

1. Адзинба И.Е. 1958. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми.
2. Бжания Ц.Н. 1959. К вопросу изучения каменных построек ацангуара // Труды Абхазского Института языка, литературы и истории. Т. XXX. Сухуми.
3. Бжания В.В., Сакания С.М., Бжания Д.С. 2014. Выявление археологических памятников в селе Арасадзыхь // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. М.
4. Воронов Ю.Н. 1973. Келасурская стена // СА. № 2.
5. Цулая Г.В. 1986. Джуаншер Джуаншерияни // Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси.
6. Трапш М.М. 1975. Памятники Очамчирского и Гальского районов, обследованные в 1959 г. // Трапш М.М. Труды. Т. 4. Сухуми.
7. Требелева Г.В. 2019. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. М.

Кесати З.М.

Институт истории и археологии РСО-А, г. Владикавказ

КАМЕНОЛОМНИ ЗАКРЫТОГО ТИПА НА ГОРОДИЩЕ ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ

Вступление. Летом 2018 г. в окрестностях средневекового аланского городища Верхний Джулат или Татартуп (далее: В. Джулат), на расстоянии 1,5 км на запад от Татартупского минарета, в глубине леса, были обнаружены 7 горизонтальных горных выработок – штолен (рис. 1). Штольни врезаны в отвесный скальный борт левого берега временного водотока, в пласт туфогенного песчаника. В настоящее время штольни значительной частью занесены намытым грунтом. В наше время порталы штолен располагаются на высоте 3-5 м над современным ложем временного водотока. На доступных визуальному осмотру участках стен наблюдаются вертикальные уступы шириной 0,2-0,3 м и высотой от грунта, покрывающего полы штолен, до сводов от 1 до 2 м. Своды выработок покрыты бороздами – следами от ручного инструмента (зубила) с шириной рабочей грани до 4-5 см. Обнаруженные штольни были пронумерованы от 1 до 7 с востока на запад, произведены их обмеры, составлены планы, профили и разрезы насколько это позволял намытый в штольни грунт.

Горные выработки являются средневековыми каменоломнями, в которых добывались песчаниковые квадры – блоки для строительных нужд В. Джулата. Песчаник относительно легко обрабатывается ручным инструментом и является прекрасным строительным материалом. В каменоломнях прослеживается два метода вырезки квадров: основной – на продольных стенах (метод встречных штроб, полное вырезание квадра); вспомогательный – на поперечных стенах (метод параллельных штроб, с последующим откалыванием от задней стенки). Каменоломни закрытого типа – штольни, с подобной технологией вырезки квадров (не грубой ломкой бута, как, например, в большинстве каменоломен Древней Руси) были весьма распространены в античности, в Древнем Риме, средневековой Византии. Во многих из них имеются характерные уступы – следы от вырезанных квадров, аналогичные следам в каменоломнях на В. Джулате. На территории исторической Алании каменоломни такого типа фиксируются впервые.

Обнаруженные каменоломни ставят ряд вопросов, а именно: в какой период истории В. Джулата они функционировали, для строительства каких зданий добывался блок и где археологические следы зданий, построенных из добытых блоков? Как штольни соотносятся с обнаруженными в ходе археологических экспедиций кирпичными зданиями четырех церквей и двух мечетей В. Джулата (Крупнов, 1963. С. 48-65; Милорадович, 1963. С. 66-86; Кузнецов, 2014)? Откуда в средневековую Аланию пришла такая технология добычи строительных квадров?

Цель работы. Цель данного доклада – познакомить участников конференции с открытием нового и редкого для региона археологического объекта. А также представить итоги и предварительную интерпретацию полученных результатов. Предложить к дискуссии авторскую интерпретацию открытия, его значения в контексте изучения истории В. Джулата, средневековой Алании и Северного Кавказа в целом.

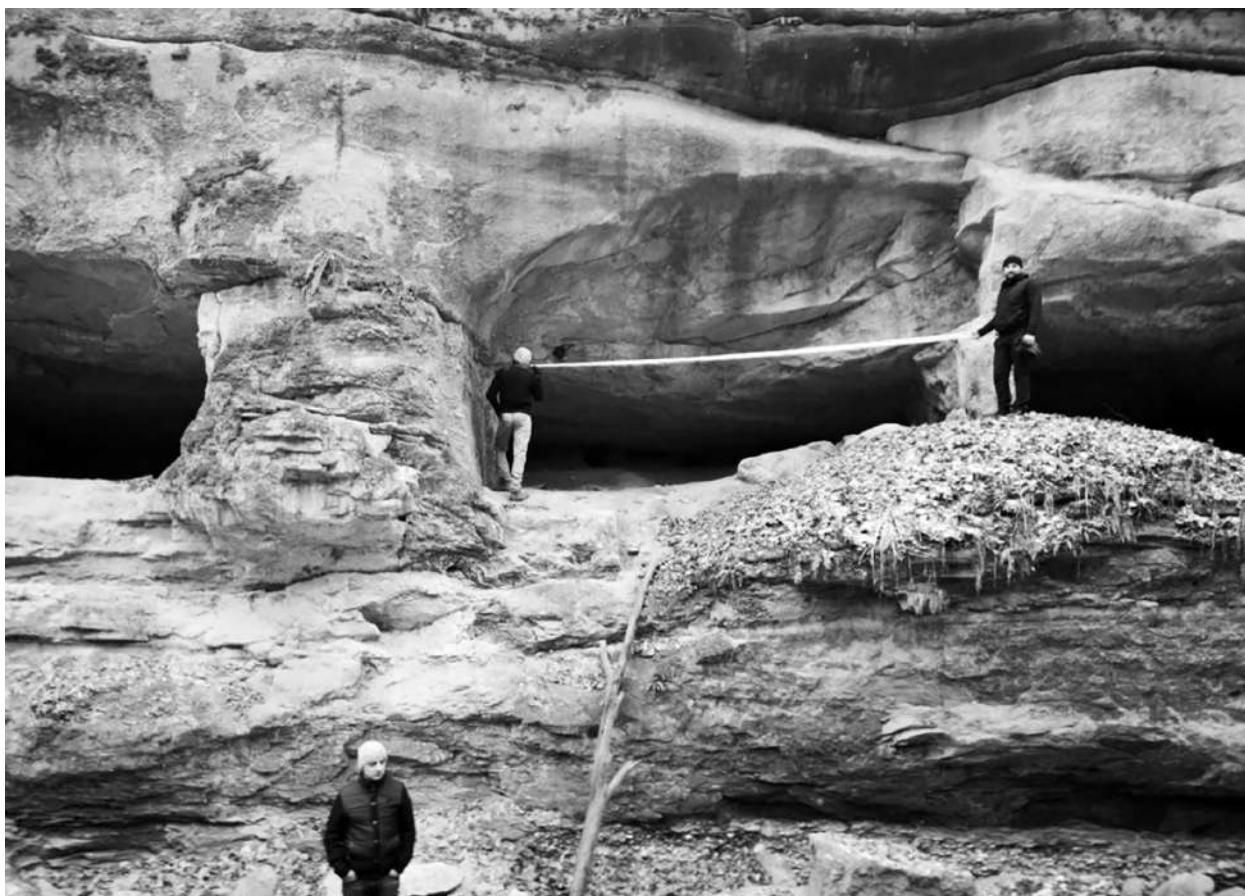

Рис. 1. Штольни в окрестностях городища Верхний Джулат

Базовые положения, гипотеза. Известно, что обнаруженные археологическими экспедициями на В. Джулате здания церквей и мечетей были возведены с использованием кирпича (плинфы) и датируются золотоордынским временем (Кузнецов, 2014). Суть гипотезы состоит в следующем: на В. Джулате в домонгольское время существовали какие-то значимые здания (скорее всего, христианские храмы), которые на сегодняшний день археологически не обнаружены, но следы которых должны находиться где-то на территории В. Джулата и их ещё предстоит найти. Именно для строительства этих зданий и разрабатывались штольни каменоломен.

Применённые методы. В качестве основного применялся сравнительный метод:

- сопоставление штолен (в качестве источника строительных блоков) со зданиями В. Джулата (в качестве объекта применения строительных блоков), с характером кладки стен зданий (материалами, использованными в кладке, и их системности);
- сопоставление породы и характера заполняющего грунта с геологией района;
- сопоставление заполнения штолен с речными отложениями в интерьере Большой мечети;
- сопоставление штолен с блоками и плитами из песчаника обнаруженными на Змейском катакомбном могильнике экспедицией ИИА РСО-Алания.

Все рассуждения, теоретические построения и вытекающие выводы проверялись на соответствие современным историческим данным о городище В. Джулат и средневековой Алании.

Основные результаты. Заполнение штолен намытым грунтом произошло в результате крупного обвала, перегородившего русло временного водотока (на большое число лет). Процессы заполнения штолен грунтом и аккумуляция речных отложений в интерьере Большой мечети связаны между собой, но не синхронны во времени – штольни перестали функционировать и были замыты за много лет (десятки или сотни сезонов) до того, как перестала функционировать Большая мечеть.

Блоки и плиты песчаника со следами обработки, обнаруженные на Змейском катакомбном могильнике, в катакомбах домонгольского периода, аналогичны по породе и обработке блокам с городища и каменоломен. Блоки добывались в каменоломнях прежде всего, как строительный материал для возведения зданий, а на могильник попадали в результате нецелевого использования (некондиционные блоки неправильных форм могли идти в том числе на заклад входов катакомб). Позже они попадали на могильник как материал вторичного использования.

Интерпретация, выводы. По подсчетам С.В. Заграевского строительство храмов из блока, добываемого в каменоломнях, по сравнению со строительством из кирпича, обходится в 2 раза дороже (1,75) (Заграевский, 2001. С. 141; <http://zagraevsky.com/dolgoruky2.htm>). Здания В. Джулата золотоордынского времени, исследованные к настоящему времени, были построены из кирпича или комбинированной кладкой, с использованием речного камня. Отдельные блоки туфопесчаника, обнаруженные в некотором количестве в кладке джулатских храмов (церквей и мечетей) в произвольном порядке, не производились специально для строительства этих зданий, но попали в кладку в качестве материала вторичного использования (разборный материал из каких-то более ранних построек).

Отмеченные факты позволяют прийти к выводу, что штольни каменоломен разрабатывались до строительства кирпичных зданий золотоордынского периода (до времени широкого распространения в этом районе золотоордынского кирпича). Отдельные блоки песчаника, встреченные в кладке зданий золотоордынского периода, могут свидетельствовать о том, что к этому времени первоначально возведенные из них здания уже были разрушены.

Технология добычи квадров, использованная в каменоломнях, импортирована на В. Джулат из Византии, вместе с христианством и техникой строительства христианских храмов.

Каменоломни закрытого типа – штольни, с технологией добычи блоков методом полного «вырезания» квадров (минимальным объемом производимого бута, высоким % производства товарного блока) впервые выявлены на территории исторической Алании и в историческом контексте являются уникальным объектом.

Литература

1. Заграевский С.В. 2001. Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. М. – электронная версия: <http://zagraevsky.com/dolgoruky2.htm>
2. Кузнецов В.А. 2014. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик.
3. Крупнов Е.И. 1963. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // МИА. № 114. Средневековые памятники Северной Осетии. М.
4. Милорадович О.В. 1963. Средневековые мечети на городище Верхний Джулат // МИА. № 114. Средневековые памятники Северной Осетии. М.

Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ В АБХАЗИИ В 1920-е гг.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНА,
проект № 19-59-40001*

В истории археологии особое место занимает период 1920-х гг. В связи с массовым уничтожением и разграблением культурных ценностей в ходе революционных потрясений 1917 г. и последующей Гражданской войны остро стояла задача выявления и сохранения памятников культурного наследия. В масштабах страны работу в этом направлении координировал Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, созданный в мае 1918 г. при Наркомпросе. В его структуре был образован Археологический подотдел, который возглавил В.А. Городцов. Им была составлена «Инструкция», в которой определялись основные подходы к изучению и сохранению памятников древности: учет, охрана и наблюдение за правильностью научных исследований полевых и наземных археологических памятников, регистрация всех музеев, имеющих в своих собраниях археологические предметы, и распределение между ними находок, полученных во время раскопок, помощь при создании экспозиций краеведческих музеев (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 308. Л. 1-12).

Организацией археологических исследований на местах занималась Российская Академия истории материальной культуры (1919 г.) и Российская государственная археологическая комиссия (1917 – апрель 1919 гг.). Это было время, когда пересматривался предмет археологии, ее роль в системе общественных наук, методика археологических раскопок. В 1920-е гг. определялась государственная политика, направленная на сохранение историко-культурного наследия, которая реализовалась не только в центре, но и на местах (Декреты и инструкция..., 1924).

С марта 1921 г., после окончательного установления советской власти, возобновилось археологическое изучение Абхазии. Основное внимание в эти годы было сосредоточено на выявлении и учете памятников археологии и архитектуры ССР Абхазии. Шло накопление фактических данных, обобщение имеющихся сведений о памятниках древности, полученных исследователями в дореволюционный период. Археологические исследования, восстановление и реставрация памятников истории и культуры, организация их использования в научно-просветительской и музейной деятельности осуществлялись в соответствии с задачами социально-экономических и культурных преобразований в республике.

Археологическим изучением Абхазии и культуроохранительной деятельностью занимались сотрудники Сухумского музея (май 1917 г.), члены Абхазского научного общества (АБНО) (август 1922 г.) и Комиссии по охране памятников старины, искусства и природы (январь 1925 г.), образованной при Народном комиссариате просвещения республики. Среди них В.И. Стражев, А.С. Башкиров, М.М. Иващенко, Л.Н. Соловьёв, А.Л. Лукин (Джопа, Ньюков, 2017. С. 163). Ими было положено начало систематического изучения археологических памятников Абхазии, сбора и пополнения музейных коллекций.

Силами АБНО в г. в Сухуме 12-19 сентября 1924 г. был проведен Первый съезд деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа, который имел большое значение для археологического изучения Абхазии. В резолюциях была представлена программа первоочередных работ, которые поручались АБНО: проведение археологических раскопок в Абхазии; обследование всех памятников старины Кубано-Черноморской области, и, в частности, храмов Москвинского, Ведийского, Лыхненского и Пицундского с целью сохранения этих памятников; составление «Corpus inscriptionum Абхазии на всех языках»; сбор в Сухуме, при одной из библиотек, специального книжного фонда по Абхазии; поиск, сохранение, разбор и разработка архивного материала по истории Абхазии; составление путеводителя и археологической карты Абхазии; создание при Наркомпросе Абхазии комиссии по охране памятников старины и природы; развитие школьного краеведения в Абхазии; систематическое ботаническое, зоологическое, метеорологическое и геологическое изучение Абхазии и др. (Бюллетень..., 1924. С. 3-4, 13, 27-31, 36, 61-63)

Большая заслуга в организации археологических изысканий в Абхазии и подготовке национальных кадров археологов принадлежит А.С. Башкирову. Он обследовал Сухум и его окрестности, Пицундский мыс, Лыхны, район реки Псырцха (Винокуров, 2016. С. 92-118). Результаты археологических работ были обобщены в статье «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года», опубликованной на страницах «Известий Абхазского научного общества» (Башкиров, 1926. С. 36). Археологические изыскания А.С. Башкирова способствовали масштабным раскопкам, которые были проведены впоследствии в Сухумской крепости, Анакопии, Пицунде, Лыхны.

Уникальная музейная коллекция была собрана краеведом А.Л. Лукиным. Он был одним из организаторов в 1922 г. в Гудауте отделения АБНО, уполномоченным Комиссии по охране памятников старины, искусства и природы по Гудаутскому и Гагрскому районам. По поручению АБНО проводил исследования в Гудаутском районе, в 1925 г. обследовал место находки погребения бронзового века в урочище Аапста, собрал и передал инвентарь погребения в Сухумский музей. В 1929 г. А.Л. Лукин исследовал Аагстинское погребение, подтвердившее существование могильников бронзового века в Абхазии. Результаты своих многочисленных археологических исследований на территории Абхазии он обобщил в статье, позже вышедшей в Трудах Государственного Эрмитажа (Лукин, 1941).

Вклад в формирование археологической коллекции Сухумского музея внесли члены АБНО, краеведы В.И. Стражев и М.М. Иващенко, проводившие археологические исследования на территории республики в 1925 г. (Джопуа, Ньюшков, 2017. С. 165-166). В сер. 1920-х гг. археологические обследования крепости Шапки, близ с. Цебельда проводили Н.Я. Марр, Б.Ф. Фармаковский, Д.П. Гордцев, Г.Г. Григор, Д.И. Гулиа, С.М. Ашхацава, А.Л. Лукин и В.И. Стражев (Бгажба, Воронов, 1982. С. 27).

Литература

1. Башкиров А.С. 1926. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 // Известия Абхазского научного общества. Вып. IV. Сухум.
2. Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. 1982. История изучения археологии Абхазии. Тбилиси.
3. Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Отчеты и резолюции Съезда. № 3. Сухум, 1924.

-
-
4. Винокуров И.Н. 2016. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель: штрихи биографии // XVII Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Сб. трудов Международной археологической конференции (Керчь, 23-27 мая 2016 г.). Симферополь.
 5. Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного управления научных, научно-художественных и музейных учреждений Народного комиссариата просвещения. М., 1924.
 6. Джопуа А.И., Ньюшков В.А. 2017. Исследования отечественных краеведов и археологов в Абхазии в первой половине XX века (до 1941 г.) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. 9.
 7. Лукин А.Л. 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
 8. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431. Оп. 1. Д. 308.

Коробов¹ Д.С., Борисов² А.В., Сергеев¹ А.Ю.

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г.Пушино

ИЗУЧЕНИЕ РЕСУРСНЫХ ЗОН ВОЗЛЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АЛАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 18-09-00615

Исследования ресурсных зон поселений разных эпох и культур (off-site archaeology) становятся достаточно широко применяемой практикой в зарубежной (преимущественно британской и нидерландской) археологии, начиная с 1980-х гг. Проверка теоретических положений о размерах ресурсных зон земледельческих поселений осуществлялась зарубежными коллегами в основном методом систематического сбора подъемного материала и изучением содержания фосфатов в почвах. Широко используемые в зарубежной археологии подходы и методы изучения ресурсных зон были адаптированы и развиты в ходе многолетнего изучения следов земледелия в Кисловодской котловине методами археологического почвоведения, в ходе которого был разработан ряд уникальных индикаторов (уреазная активность почв, количество термофильных микроорганизмов), позволяющих выявить присутствие органических удобрений в почве пахотных горизонтов (Борисов, Коробов, 2013; Korobov, Borisov, 2013; Чернышева и др., 2016; Chernysheva et al., 2015; 2017).

Настоящая работа посвящена продолжению этих исследований, выполненному на более детальном уровне. Новые результаты по моделированию активных зон древнего и средневекового земледелия были получены в ходе систематического обследования окрестностей раннесредневекового укрепления Подкумское 3.

Почвенно-археологические исследования сезона 2018 г. заключались в систематическом обследовании всей прилегающей к поселению территории путем заложения серии почвенных разрезов по сетке с шагом в 50 м. Всего в окрестностях укрепления Подкумское 3 было заложено 99 почвенных разрезов по координатной сети, которая получила буквенно-цифровое обозначение. Начало сети (разрез А-1) устроено в 50 м к ЮЗ от крайних сооружений укрепления, видимых на поверхности, крайняя линия разрезов В-20 – L-20 находилась на расстоянии более 1 км от укрепления Подкумское 3 (рис. 1).

Почвенные разрезы размерами 1×1 м копались пластами по 10 см с отбором археологического материала из каждого пласта. Кроме фиксации археологических находок, из каждого пласта отбиралась образцы почвы для определения содержания фосфатов, магнитной восприимчивости, активности фермента уреазы, обилия кератинолитических грибов и численности термофильных бактерий. В настоящий момент проводится картографирование этой обширной информации с помощью геостатистического ГИС-анализа.

Полученные результаты геостатистического анализа распределения керамики аланской культуры на исследуемой территории в окрестностях укрепления Подкумское 3 (рис. 1, 1) демонстрируют, что максимальная концентрация керамики эпохи раннего

средневековья приходится на разрез А-3; далее наблюдается постепенное снижение количества керамических фрагментов по мере удаления от укрепления и постепенное исчезновение аланской керамики в разрезах, находящихся на расстоянии более 650-700 м от крепости. Учитывая, что керамика попадала в почву вместе с навозом и бытовым мусором с поселения, можно говорить о том, что интенсивное внесение удобрений охватывало радиус около 500 м от раннесредневекового поселения; далее следовала зона нерегулярного внесения удобрений. На расстоянии около 900 м в западном направлении имела еще одна зона регулярной распашки (разрезы J-16 – N-16), очевидно, также относящаяся к укреплению Подкумское 3.

Данные выводы подкрепляются результатами анализа уреазной активности почв на уровне второго пласта (глубина 10-20 см), с наибольшей вероятностью относящегося к аланскому эпизоду земледелия (рис. 1, 2). В 50-100 м от поселения выделяется зона экстремально высоких значений уреазной активности, что, возможно, указывает на содержание скота или хранение навоза в зимний период. Далее следует обширная зона стабильно высоких и довольно однородных значений этого показателя, что может указывать на регулярное внесения навоза в больших объемах. На удалении более 300-400 м от поселения следы внесения навоза уменьшаются, лишь незначительно увеличивая уреазную активность почв.

Интересные результаты были получены в ходе флотации 63 почвенных образцов 12 разрезов линии D. Из них 59 образцов оказались с археоботанической точки зрения результативными, в них было найдено 517 различного рода растительных макроостатков. Неожиданным оказался не сам факт наличия карбонизированных археоботанических остатков на таком специфическом объекте, как древнее поле (это было установлено еще при обработке коллекций предыдущих лет), а довольно высокая частота встречаемости и насыщенность ими почвенных горизонтов. В общей сложности 41 образец из всех разрезов, кроме последнего в линии (D-20), содержал макроостатки культурных злаков пшеницы *Triticum sp.* (в сумме 33 зерновки), пленчатых видов однозернянки *Triticum monococcum* (1 зерновка), двузернянки *Triticum turgidum ssp. dicoccum* (3 зерновки) и голозерной, вероятно, мягкой пшеницы *Triticum aestivum* (12 зерновок). Был также обнаружен ячмень *Hordeum vulgare* (13 зерновок), просо обыкновенное *Panicum miliaceum* (2 зерновки) и, возможно, рожь *cf. Secale cereale* (2 фрагмента зерновок).

Археоботанический материал, добытый при исследовании древних земледельческих угодий, безусловно, обладает большим информационным потенциалом и может не только дополнять или уточнять другие источники, но и при соблюдении определенных условий (наличие коллекций с синхронных поселений, хронологические привязки) выступать в качестве самостоятельного источника. Отметим, что работы по комплексному изучению ресурсных зон с широким применением археоботанических методов проводятся иностранными археологами, но, за редким исключением интерес специалистов сфокусирован на изучении древесного угля и пыльцы (Rösch et al., 2014; Arnoldussen et al., 2017), поэтому наша работа имеет мало аналогов в мировой практике. В связи с этим необходимо продолжать подобные исследования, но корректируя методический подход с учетом накопленного опыта.

Работы по изучению ресурсной зоны разновременных поселений Кисловодской котловины будут продолжены в ближайшие полевые сезоны.

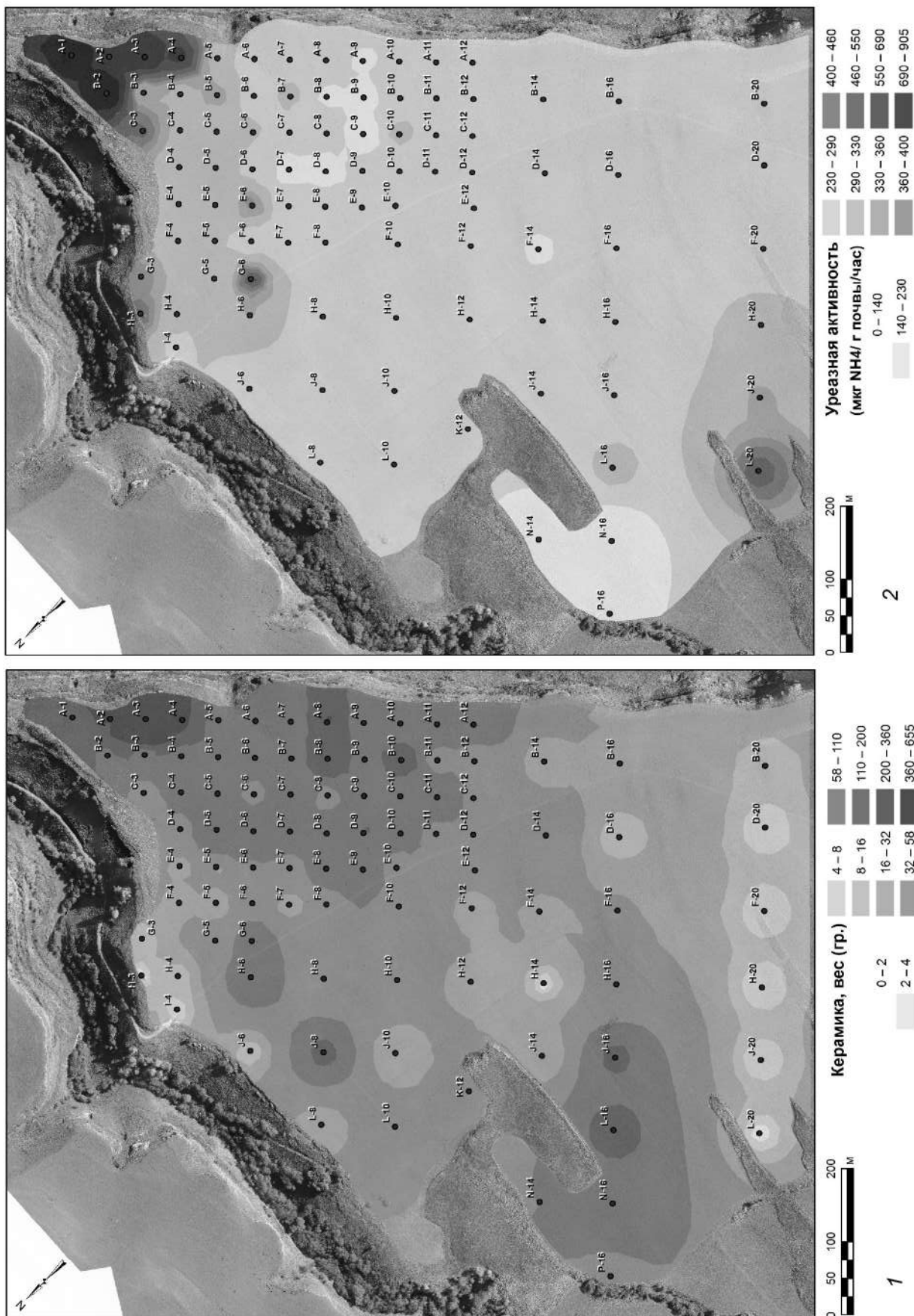

Рис. 1. Распределение керамики аланской культуры (1) и результатов анализа уреазной активности (2) в разрезах, устроенных возле укрепления Поддумское 3 близ Kislovodsk.

Литература

1. Борисов А.В., Коробов Д.С. 2013. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.
2. Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. 2016. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.
3. Arnoldussen S., van der Linden M. 2017. Palaeo-ecological and archaeological analysis of two Dutch Celtic fields (Zeijen-Noordse Veld and Wekerom-Lunteren): solving the puzzle of local Celtic field bank formation // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 26.
4. Chernysheva E.V., Borisov A.V., Korobov D.S. 2017. Thermophilic microorganisms in arable land of archaeological sites: novel evidence of ancient manuring // *Geoarchaeology*. Vol. 32 (4).
5. Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V. 2015. Urease activity in culture layers at archaeological sites // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 57.
6. Korobov D.S., Borisov A.V. 2013. The origins of terraced field agriculture in the Caucasus: new discoveries in the Kislovodsk basin // *Antiquity*. Vol. 87 (338).
7. Rösch M., Kleinmann A., Lechterbeck J., Wick L. 2014. Botanical off-site and on-site data as indicators of different land use systems: a discussion with examples from Southwest Germany // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 23. Suppl. 1.

Кочкаров¹ У.Ю., Кубанова² М.Н.

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск

ОБ ОДНОМ ВИДЕ ВООРУЖЕНИЯ С ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА (VIII-X вв.)

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 20-59-07002

В 2007-2019 гг. Карачаевская экспедиция Института археологии РАН, проводила работы на Хумаринском городище, которое является одним из опорных памятников хазарского времени на территории Северного Кавказа. Исследуемый памятник находится в предгорьях Северо-Западного Кавказа, на территории Карачаево-Черкесской республики (Карачаевский район). Стены и башни городища сложены большей частью из хорошо отесанных каменных блоков, некоторые из которых весят до полутонны. В ключевых для обороны местах (главные ворота, цитадель) кладка стен выполнена на известковом растворе, каменные блоки хорошо отесаны и тщательно подогнаны друг к другу. Плато, на котором расположено городище, было заселено еще в раннем железном веке, однако время жизни городища, судя по археологическому материалу, совпадает со временем существования салтово-маяцкой культуры – ведущей культуры Хазарского каганата. Вопрос о точной дате возведения стен городища на сегодняшний день остается открытым. Установлено, что жизнь на памятнике прекращается в середине-второй пол. X в. Интересен и важен тот факт, что на городище не обнаружено признаков намеренного разрушения: нет следов пожара или каких-либо военных действий.

В северо-западной части Хумаринского городища экспедицией в 2011-2012 гг. была исследована единственная известная на сегодняшний день на территории Хазарского каганата косторезная и оружейная мастерская, которая состояла из двух помещений. В южном помещении были найдены инструменты для обработки кости – сверла, ножи, пробойники, в большом количестве здесь были обнаружены заготовки и готовые изделия из рогов оленя и крупного рогатого скота. В северном помещении присутствовали различные готовые изделия из бронзы, железа, а также сломанная серебряная поясная накладка, бронзовый прут, пластина из цветного металла, отходы металлургического производства. В этом же помещении были обнаружены наконечники стрел, кольчужные кольца и шесть изделий из железа, о которых и пойдет речь в данной работе (рис. 1) (Кочкаров, 2019. С. 136-139).

Всего на территории городища, за весь период его изучения, было найдено семь подобных предметов. Один экземпляр происходит из раскопок Х.Х. Биджиева (1983. Рис. 48). Эти редкие предметы вооружения известны под названием «триболы» или «чеснок». Ранее они не были известны на Северном Кавказе. Русское название «чеснок», по-видимому, является искаженным производным от слова «частик», обозначающего заграждение из рядов заостренных кольев. Эти предметы под названием «трибулы» описаны Вегецием: «... но эти колесницы потеряли всякое значение главным образом благодаря следующему приему римлян: когда начинался бой, римляне быстро разбрасывали по полю капканы (трибулы); когда на них попадали катящиеся колесницы, они гибли.....против римского

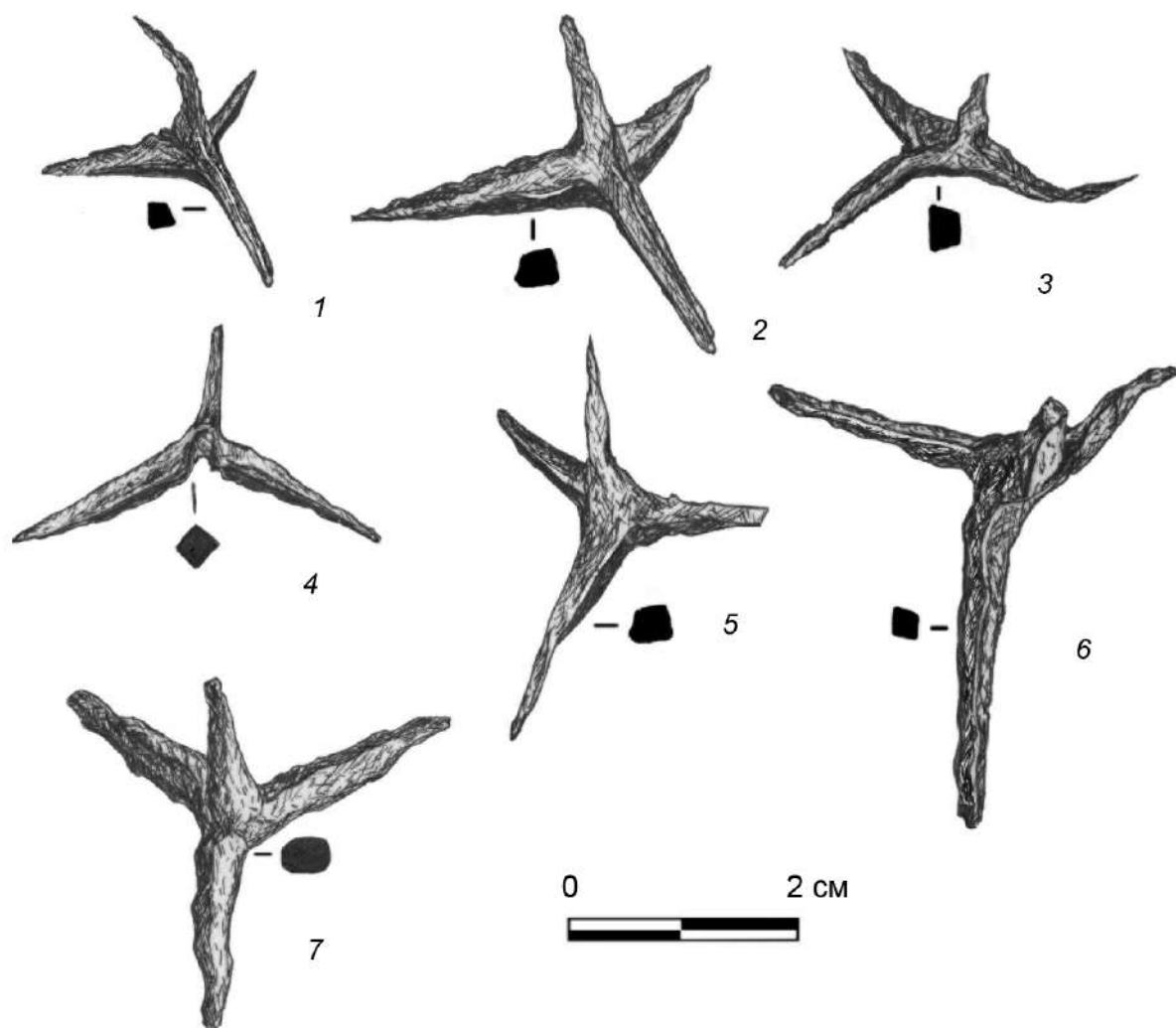

Рис. 1. Триболы с Хумаринского городища.

войска впервые их вывел царь Пирр в Лукании, затем в большом количестве их имели Ганнибал в Африке, царь Антиох на Востоке, Югурта в Нумидии» (Ренат Флавий, 1940. Кн. 3. С. 23).

Самое раннее упоминание об использовании этого вооружения присутствует при описании битвы при Гавгамелах (битва при Арбелах, 1 октября 331 до н.э.) – решающем сражении между армиями Александра Македонского и персидского царя Дария III. Ход сражения описан у Арриана, Курция, Диодора, Плутарха, а также у Юстина. Вот, что пишет об этом сражении Полиен: «Дарий расположенное между войсками пространство, на котором должен был произойти бой, усеял триболами. Увидев это, македонский царь, возглавлявший правый фланг, приказал македонянам следовать за ним вправо, чтобы обойти место, усеянное триболами; в свою очередь, персидский царь, пытаясь двигаться параллельно неприятелю, двинул от себя персов влево и разорвал плотное построение своей конницы. Александр, устремившись в образовавшиеся прорывы, а Парменион, действуя сходно на левом фланге, не только отклонились в сторону от триболов, но и заставили обратиться в бегство» (Полиен, 2002. С. 152). Таким образом, тактическое использование триболов могло решить исход битв с большим количеством участников.

Триболы обычно рассыпали вокруг крепостных стен или на границах военного лагеря (Кучма, 2002, С. 231-390) на пути предполагаемой кавалерийской атаки противника с целью уязвить копыта лошадей и привести в замешательство наступающих. Собственная кавалерия должна была быть при этом защищена от поражения триболами, для чего рекомендовалось подбивать копыта лошадей специальными железными пластинами. Согласно военному трактату «De castrametatione» (X в.), каждый ромейский воин в походе должен был иметь при себе по восемь триболов (Кучма, 2002. С. 290).

Заграждение из множества разбросанного «чеснока» было эффективно против конницы, могло, по-видимому, применяться также против пехоты, слонов и верблюдов. Длина шипов хумаринских экземпляров колеблется от 1,9 до 3 см. Ширина у основания от 2 до 3,5 мм. Одними из наиболее ранних на территории России, очевидно, являются находки с Золотаревского 1 селища (VIII-XIII вв.). К какому периоду существования памятника они относились сказать сложно (Белорыбкин, 2001. Рис. 87, 23-27). Находки «чеснока» присутствуют также в материалах других памятников Волжской Булгарии (Семыкин, 1991. С. 104. Рис. 5; 1996. С. 112. Рис. 45;). Триболы с отверстиями в месте соединения лучей или на одном из лучей найдены на территории Дунайской Болгарии и хранятся в Национальном археологическом институте с музеем в Софии.

Ввиду небольших размеров, этот вид оружия практически невидим в траве. Для использования в качестве противоконного заграждения, большое количество изделий разбрасывается на местности в зависимости от решаемой боевой задачи. При достаточной плотности размещения «чеснок» может также замедлить и движение пехоты. В XVIII-XIX вв. известны исторические примеры применения этого вооружения против атакующей пехоты.

Вероятно, на территорию Северного Кавказа, и, в частности, на Хумаринское городище, где они изготавливались в описанной выше мастерской, эти вещи попали в VIII-X вв., со строителями (архитекторами) городища – византийцами, приглашенными для его постройки хазарами.

Литература

1. Биджиев Х.Х. 1983. Хумаринское городище. Черкесск.
2. Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. СПб.
3. Византийский словарь. В 2 т. Сост., общая редакция К.А. Филатова. Т. 2. СПб., 2011.
4. Полиен. Стратегемы. 2002. Под общей ред. А.К. Нефедкина. Книга 4. СПб.
5. Семыкин Ю.А. 1991. Технология кузнечного производства // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань.
6. Семыкин Ю.А. 1996. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
7. Кочкаров У.Ю. 2019. Хумаринское городище в Карачаево-Черкесии // Новые археологические проекты: воссоздавая прошлое. М.
8. Кучма В. В. 1966. Византийские военные трактаты VI-X веков // Античная древность и средние века. Вып. 4. Свердловск.
9. Кучма В.В. 2002. Византийский военный трактат «De castrametatione» // Византийский Временник. Т. 61 (86).
10. Кучма В.В. 2002. Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века. Введение, перевод и комментарии. СПб.
11. Ренат Флавий. 1940. Краткое изложение военного дела (Epitome Rei Militaris). М.

Красильникова Л.И., Лукашова Л.Н.

Фонд научного краеведения Липецкой области, г. Липецк

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА ПСЕБЕПС-3

В 2016 г. были проведены спасательные археологические исследования на территории объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3». Памятник расположен в 0,35 км к западу от северной окраины хут. Кубанская Колонка Крымского района Краснодарского края, в 1,33 км к ЮЮВ от здания жел.-дор. ст. Варениковская, в пойме р. Псебепс, на левом берегу. В геоморфологическом отношении территория памятника находится в северо-западной предгорной зоне Кавказского хребта и представляет собой наклонную террасированную равнину. Общая площадь исследований составила 8680 кв. м (рис. 1).

Работы носили комплексный характер, включали почвенный анализ (д.г.н. А.А. Гольева), палеоантропологические (д.и.н. С.В. Васильев) и остеологические исследования (Г.И. Тимонина), анализ археологических артефактов (Е.Ю. Гончаров, И.Н. Кузина, И.А. Сапрыкина и др.).

В ходе работ исследованы поселение и могильник. Поселение отделено от могильника «чистой» зоной шириной ок. 25 м на СВ и 13-14 м на юге. На участке поселения, расположенном к СВ от могильника, исследовано 33 объекта хозяйственно-бытового назначения на площади около 2036 кв. м. На участке к ЮЗ от некрополя – 126 объектов на площади около 4347 кв. м. В основном они представлены ямами – 117 (73,5%) и постройками хозяйственного назначения – 12 (7,54%).

Исходя из планиграфии и анализа назначения объектов, можно выделить ряд комплексов хозяйственно-бытовых объектов. Большая часть из них сосредоточена в южной части поселения. В ряде случаев фиксировалась перепланировка, что, вероятно, свидетельствует о нескольких этапах жизнедеятельности.

На территории могильника, расположенного в центральной части памятника, изучено 160 погребений, совершенных по обряду ингумации. Площадь могильника составила ок. 1260 кв. м. Антропологическая коллекция представлена останками 368 погребенных: 152 мужчин (41,1%), 78 женщин (21,1%), 131 ребенок (35,4%), 7 – не определены (1,9%). Наиболее высокая смертность отмечена у мужчин в возрасте 30-40 лет (18,4%) и детей в возрасте до 10 лет (17,6%). Необходимо отметить, что погребения расположены рядами, ориентированными по линии север-юг, хотя в междурядьях также встречаются могилы.

47 погребений совершены в составных каменных ящиках, остальные в грунтовых ямах (скорее всего, в деревянных ящиках, о чем свидетельствуют следы деревянного тлена и железные гвозди). В большинстве случаев погребения сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем (золотые и серебряные перстни, височные кольца туалетные приборы, в т.ч. украшенные зернью и сканью, монеты, поясные наборы, орнаментированные изделия из кости и т.д.).

Всего на памятнике найдена 24331 находка, из них 11199 ед. остеологического материала, в котором преобладают кости домашних животных (97,1%).

На поселении и могильнике Псебепс-3 была получена значительная керамическая коллекция (12960 ед.). Кроме сосудов местного производства, встречаются предметы

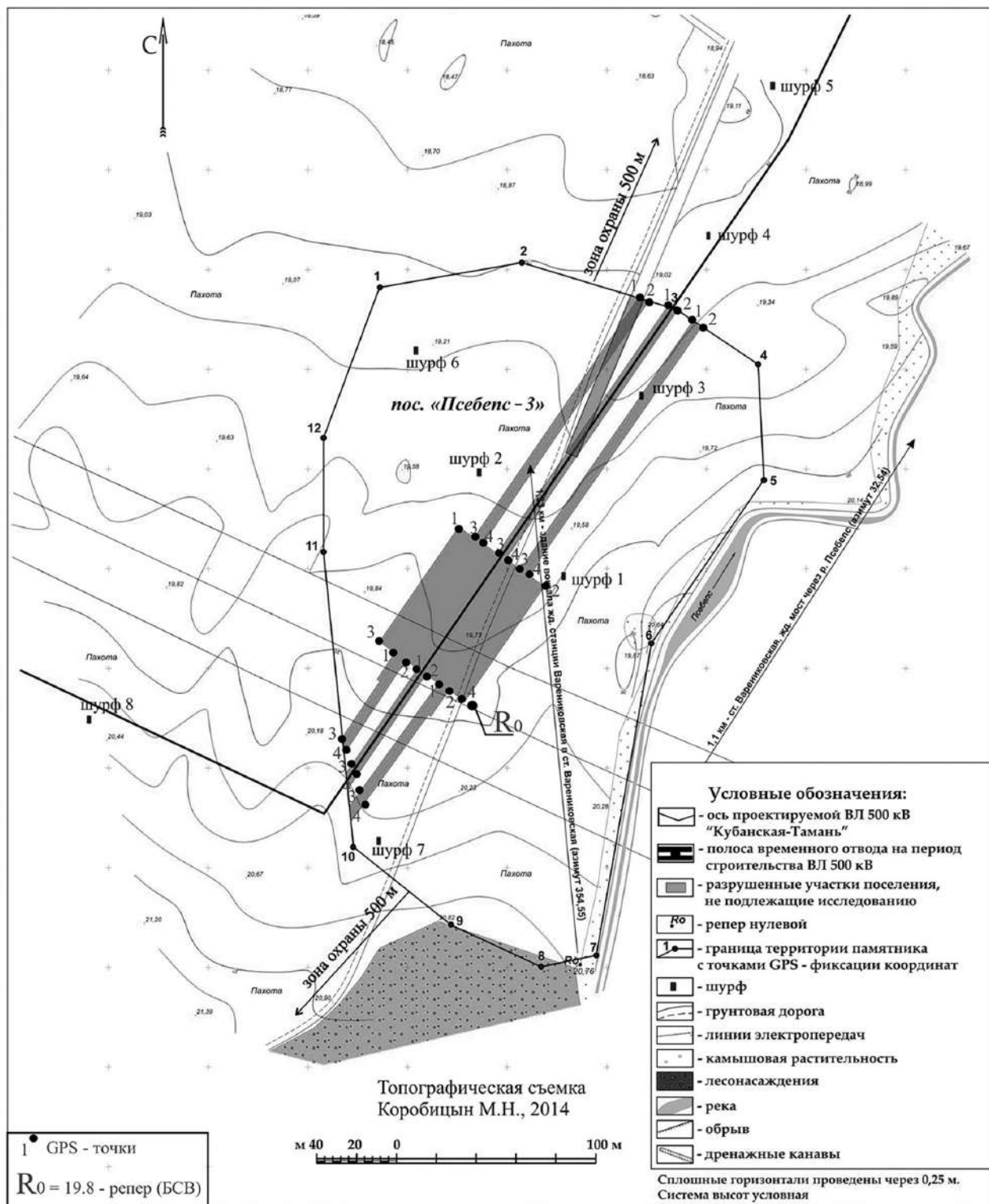

Рис. 1. Ситуационный план поселения и могильника «Псебепс-3».

импорта из Азака, Юго-Восточного Крыма, Северного Причерноморья и Византии. Небольшая часть керамических сосудов бытует с XIII в., в первую очередь – тарная посуда. Небольшая часть поливной столовой посуды датируется Новым временем (XVII-XIX вв.).

Коллекция индивидуальных находок составляет 1823 ед. Представлена изделиями из железа (орудия труда, элементы одежды, предметы вооружения), цветных металлов (монеты, серьги, пуговицы, зеркала, перстни), кости (проколки, астрагалы, игольники, накладки, кочедык), камня (фрагменты жерновов, оселки, точильные бруски, кресальные камни). В меньшей степени представлены изделия из стекла: фрагменты сосудов, бутылок, бусы.

Нумизматическая коллекция представлена 63 монетами: 56 серебряных (данги), 2 медные (пулы), 5 медных имитаций, покрытых белым металлом. Выделяются 4 хронологические группы: I – монеты 707-720 г.х. (1307/08–1320/21 гг.) – 15 ед.; II – монеты 734 г.х. (1333/34 гг.) – 2 ед.; III – 759-770 г.х. (1357/58 – 1369 гг.) – 23 ед.; IV – 783; 809 г.х. (1381/82; 1406/07 гг. – 2 ед.); 5 не определены. Таким образом, 51,8% (28 экз.) монет, выявленных на территории памятника, относятся к 1358-82 гг. 36,6% монет (22 экз.) составляют монетный двор Азака (Гончаров, Красильникова, Козмирчук, 2018. С. 432-436)

Поселение и могильник Псебепс-3 датируются сер. XIV – нач. XV в. Население было полиэтничным.

Результаты исследования хозяйственно-бытовых комплексов и остеологического материала свидетельствует о том, что основу хозяйственной деятельности жителей поселения Псебепс-3 составляло отгонное скотоводство и пашенное земледелие, охота играла второстепенную роль. Традиционное ремесло было, в основном, связано с обработкой скотоводческих продуктов: выделка сукна, изготовление одежды, обуви, косторезное ремесло, а также кузнечное и оружейное дело. Имеются данные о развитии торговых отношений, прежде всего, с Крымом и более восточными азиатскими территориями.

Анализ археологического материала, его хронологический диапазон, наличие вторично использованных объектов хозяйственного назначения и различия в погребальном обряде свидетельствуют, что поселение имело несколько периодов жизнедеятельности.

Литература

1. Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А. 2018. Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск.

Крутоголовенко К.А.*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь***НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ ПО Р. КУРП**

Е.И. Крупнов указывал на высокую насыщенность объектами археологии и недостаточность данных о древнейших памятниках восточных районов Кабардино-Балкарии и сопредельных районов Северной Осетии (Крупнов, 1948. С. 7).

Целью статьи является вводная информация о памятниках, расположенных на пограничье Терского и Моздокского районов КБР и РСО-А, а именно вдоль р. Курп от с. Инаркой до с. Хурикау. Ранее эта местность была «белым пятном» на археологических картах (см., напр.: Чеченов, 1969. Рис. 1; Козенкова, 1977. Рис. 1; Чшиев, 2007. Рис. 1).

Известно о раскопках Долбежева в 1898 г. у с. Верхний Курп (ранее – кабардинское с. Ислам) на месте, «где были указаны кучи камней на хребте небольшого отрога гор, спускавшегося к речке Курпу, верстах в трех выше аула Ислам» – здесь были разрыты средневековые погребения в двух курганах из каменных набросок (ОАК, 1901. С. 159-160). В книге Нагоева А.Х. курганы примерно нанесены на карто-схему кабардинских могильников, но обозначены как земляные (Нагоев, 2000. С. 32. Рис. 1, № 59). В 2014 г. Т.М. Кармовым были выявлены памятники «Курп» и «Кусово», предварительно датированные XII-XIX вв. (Кармов, 2014. С. 2. Рис. 2).

В 2019 г. отрядом ООО «Археос» под руководством автора были проведены разведки от с. Инаркой Терского района КБР до с. Хурикау Моздокского района РСО-А. Обследовано 9 памятников (рис. 1А), 8 из которых ранее были неизвестны. Это: курганные могильники «Инаркой 1» (2 кург.), «Инаркой 2» (13 кург.), курган «Инаркой 3», «Пограничная» (11 кург.) и «Кусово 2» (3 кург.); поселения «Пограничное», «Хурикау» (выявлено по подъемному материалу, предварительно датируется IV в. до н.э. – III в. н.э. и XIII-XV вв. Автор благодарит за помощь в определении находок Я.Б. Березина и А.В. Пьянкова). Также обследовано поселение «Курп», границы и хронологическая атрибуция которого претерпели значительные изменения. Известное ранее поселение «Кусово» переименовано в грунтовый могильник «Кусово», т.к. на памятнике не выявлен культурный слой, но обнаружены частично разрушенные погребения, в современных траншеях и обрывах. Ввиду отсутствия в современных разрытиях погребального инвентаря датировка могильника затруднительна (в траншеях общей протяженностью ок. 300 м и в разрытиях на могильнике «Кусово» найдено 4 мелкие стенки гончарных сосудов, датируемых втор. пол. I тыс. н.э.).

В ходе разведок заложены шурфы и зачистки на поселениях «Курп» и «Пограничное», выявившие культурный слой толщиной 0,2-0,5 м, содержащий кости животных, «обмазку» и лепную керамику.

Поселение «Курп» (рис. 1А, 4) находится к востоку от с. Инаркой, в месте слияния рек Курп и Курпо (Сухой Курп), на высоком правом берегу р. Курп. Подъемный материал распространяется на 600 м вдоль берегового обрыва. В северной части поселения находится мысообразный выступ (размерами 25x30 м) с крутыми склонами, восточной стороной обращенный к реке, с севера и юга окруженный глубокими промоиной и оврагом, которые с востока соединены оплывшим углублением, предположительно рвом. Рвы были отмечены на хронологически близких поселениях Центрального и Восточного Предкавказья (Козенкова, 1982. С. 9; Бекмурзаев, Бурков, Мамаев, 2015, С. 48).

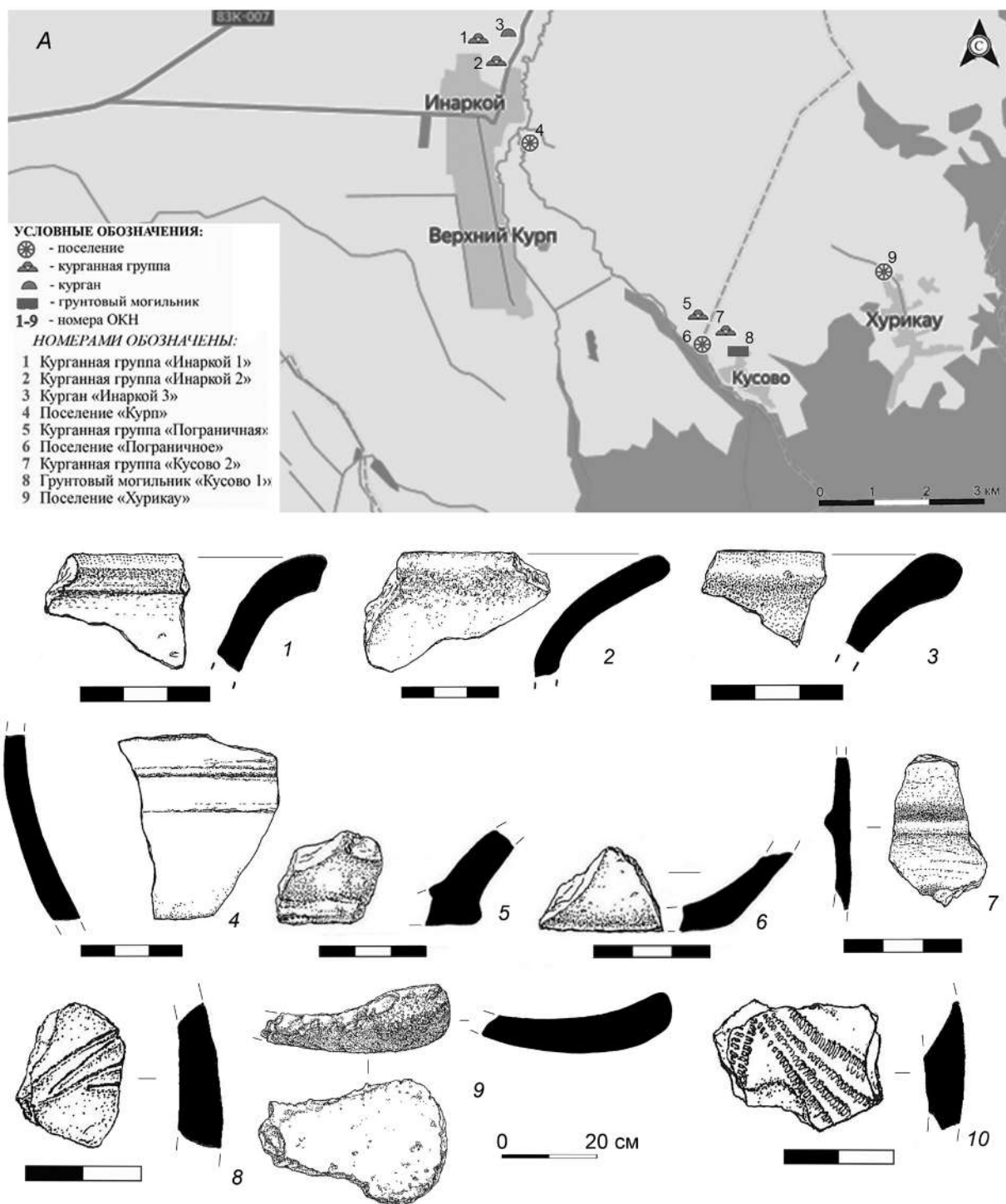

Рис. 1. Памятники по р. Курп по итогам разведки 2019 г. (А) и фрагменты лепной керамики (1-8, 10) и каменной зернотерки (9) с поселений Курп (1-8) и Пограничное (9, 10)

Поселение «Пограничное» (рис. 1А, 5) расположено на границе республик, в 4 км к востоку от поселения «Курп», у западной окраины с. Кусово. Его территория выражена пологим возвышением, вытянутым на 680 м вдоль высокого берега р. Курп, юго-западная граница представлена обрывом в пойму реки, северо-восточная – второй надпойменной террасой, по которой протянулись курганные группы «Пограничная» и «Кусово». В центре поселения заметно оплывшее всхолмление, вероятно являющееся жилым холмом. Поселение пересекает широкая лесополоса, разграничивающая КБР и РСО-А, и испещренная современными канавами, где помимо лепной керамики найдены куски каменных зернотерок (рис. 1, 9).

Описание близкой по структуре и морфологическим признакам лепной посуды с поселений «Курп» и «Пограничное» дано обобщенно. Профильные фрагменты представлены в разной степени отогнутыми наружу венчиками с закругленной, а иногда приостренной кромкой (рис. 1, 1-3), плоскими донцами с рантом и без него (рис. 1, 5, 6). Отмечен орнамент врезными линиями (рис. 1, 8), горизонтальными валиками (рис. 1, 7), тонкими пролощенными полосками и мелким зубчатым штампом (рис. 1, 10), характерным в большей степени для памятников Западного и Центрального вариантов кобанской культуры (Козенкова, 1977. С. 46). Все черепки различных оттенков серого и реже – кирпичного и коричневого цвета, поверхность шероховатая, иногда заглаженная или хорошо лощеная – черного цвета. Обжиг большинства черепков неровный, пятнистый. В тесте – значительная примесь песка различных фракций, реже встречаются дресва, шамот, органика.

Определяемые кости животных из шурфов и зачисток на поселениях «Курп» и «Пограничное» принадлежат «быку домашнему», также получен зуб овцы/козы (автор благодарит канд. биол. наук Ю.Я. Мягкову за остеологические определения). Несмотря на немногочисленность выборки, можно заметить, что значительное количественное преобладание костей КРС над костями МРС фиксировалось на раскопках памятников предгорий восточного варианта кобанской культуры (Козенкова, 1977. С. 15, 46).

Расположенные на условной границе восточного и центрального вариантов кобанской культуры (Козенкова, 1977. Рис. 1), поселения «Курп» и «Пограничное», предварительно относятся к ее позднему этапу – VII-IV вв. до н.э.

Необходимо отметить сборы гончарной керамики ордынского времени с линейным и волнистым орнаментом у СВ и ЮЗ границы поселения «Пограничное» (в шурфах культурный слой этого времени не обнаружен). Там же у СВ границы собраны обломки сосудов и фабричной черепицы, конца XIX – первой пол. XX в. В сборах керамики с поверхности поселения «Хурикау» необходимо отметить черепки лепной посуды предварительно сарматского времени и гончарную керамику ордынского времени.

Для всех вышеперечисленных памятников выполнены топографические планы, объекты поставлены на государственную охрану (автор признателен А.А. Кулакову, выполнявшему указанные работы). Детальное уточнение их культурно-хронологической атрибуции – дело будущих исследований.

Литература

1. Бекмурзаев С.Х., Бурков С.Б., Мамаев Х.М. 2015. Кень-Юртовское городище новый памятник эпохи раннего железа в Чечне // Вестник АН ЧР. № 1 (26).
2. Кармов Т.М. 2014. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (разведках) по титулу: «Межпоселковый газопровод от с. Инаркой Терского района

Кабардино-Балкарской Республики до с. Хурикау – с. Кусово Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания». Ростов-на-Дону.

3. Козенкова В.И. 1977. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5. М.
4. Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5. Т. 2. М.
5. Крупнов Е.И. 1948. Полный научный отчет о результатах Северо-Кавказкой археологической экспедиции 1948 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 280.
6. Нагоев А.Х. 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик.
7. ОАК за 1898 г. СПб, 1901.
8. Чеченов И.М. 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.
9. Чшиев Х.Т. 2007. Памятники Кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч.1. Владикавказ.

Леонтьева А.С.

Институт археологии РАН, г. Москва

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЗМЕЙСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

В 2013-14 гг. на территории Змейского катакомбного могильника (ЗКМ) проводились охранно-спасательные работы под руководством М.А. Бакушева. Среди 550 ямных погребений были выделены 86 могил, относимые к мусульманским на основании предписаний, позволяющих считать их таковыми (Халикова, 1986. С. 44; Гаджиев и др., 2019. С. 217-218):

- могила должна сооружаться в ляхде (подбое); длинная сторона могилы должна быть обращена к Мекке; захоронение должно закрываться кирпичом, камышом или деревом. Если невозможно соорудить подбой, то необходимо выкопать яму, а в ней узкую щель (яма с заплечиками-табут) и в нее положить тело. Уступы необходимы для укладки перекрытия;
- отмечать на дневной поверхности могилу не рекомендуется камнями или другими опознавательными знаками;
- лицо покойного должно быть обращено в сторону киблы.

В древности не всегда соблюдались эти условия. К примеру, в мусульманских могильниках волжских болгар X-XIII вв. отсутствуют табуты. Е.А. Халикова отмечает, что табут или ляхд, это не обязательное условие для мусульманской могилы. Они могут не соблюдаться из-за местных обычаев. Существуют и другие обязательные нормы, согласно которым погребение является мусульманским (Халикова, 1986. С. 45):

- обращение лица покойного к Мекке;
- положение туловища с поворотом на правый бок.

При таком положении ноги слегка согнуты в коленях или одна нога вытянута, а другая согнута в колене. Ориентация могилы по сторонам света не играет роли. Однако вещи в могилу строго запрещено класть (Халикова, 1986. С. 47).

Мусульманские погребения на ЗКМ датируются второй пол. XII-нач. XIII в. по кашинским изделиям, красноглиняной керамике, лунницам с зернью и сканью, ажурным подвескам типа 2а, височным проволочным витым кольцам, скобам и гвоздям от гробовищ. Указанная дата подтверждается данными радиоуглеродного датирования.

На раскопе I зафиксировано 14 погребений; на раскопе II – 58 погребений; на раскопе III – 14 погребений. Очевидно, что территория под Раскопом II представляла центр мусульманского некрополя.

Сохранившиеся захоронения ориентированы по широте: по оси 3-В (14 погр.), по оси ЗЮЗ-ВСВ (9 погр.), по оси ЮЗ-СВ (9 погр.).

Все могилы являются ямными за исключением двух подбойных погребений (Раскоп I).

Ямы имеют длину 0,74-2,21 м, ширину 0,22-1,67 м. Ямы 18 погребений – овалы, 12 погребений – прямоугольные, в погр. 10 Раскопа III яма трапецевидная. Стенки ям чаще вертикальные.

В двух погребениях зафиксирована галька. Слева от скелета на уровне ног погр. 13 Раскопа II выявлены два плоских квадратных кирпича. Над черепом скелета погр. 16

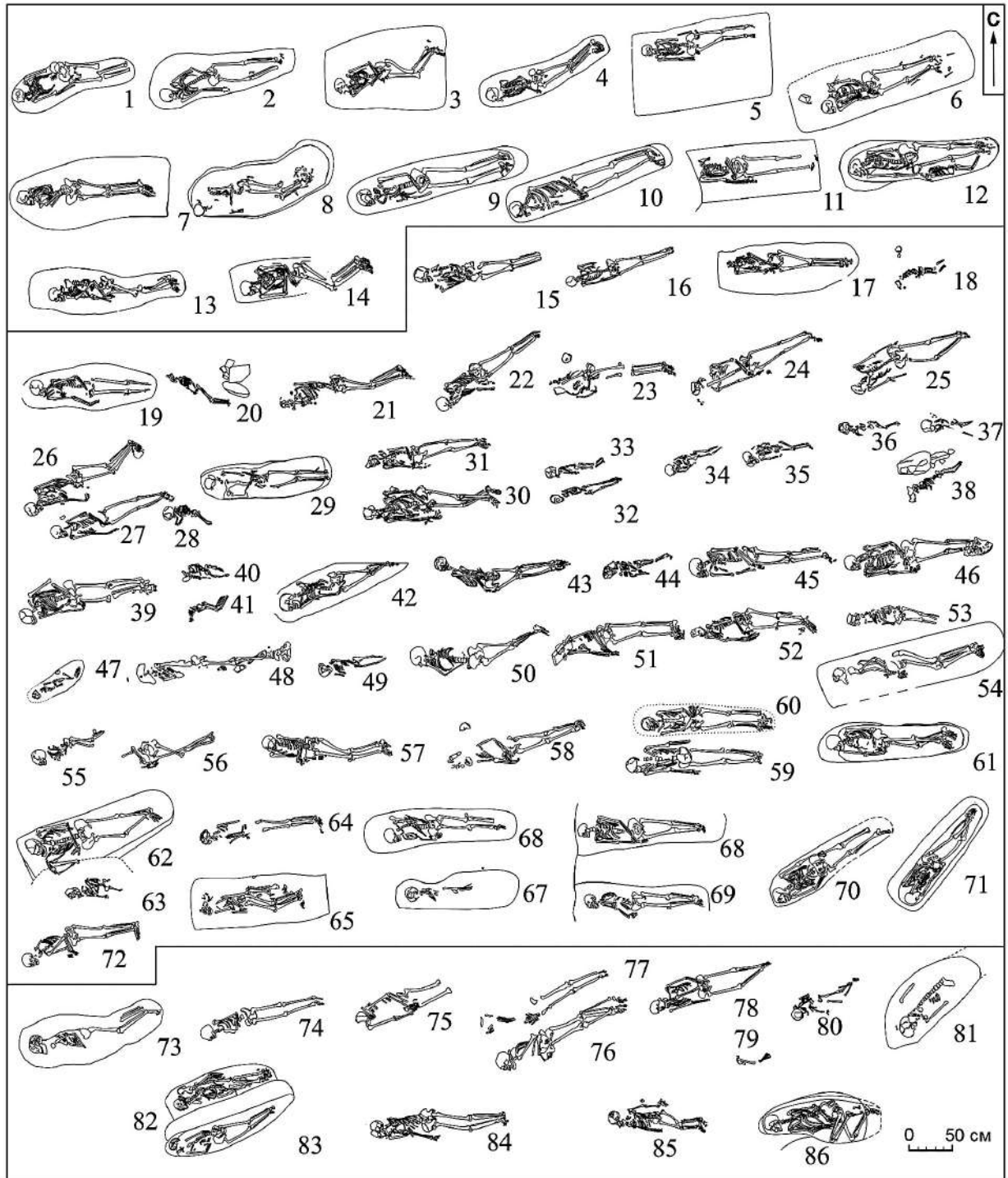

Рис. 1. Мусульманские погребения ЗКМ. Раскоп I: 1-п. 9, 2-п. 20, 3-п. 25, 4-п. 29, 5-п. 44, 6-п. 45, 7-п. 82, 8-п. 218, 9-п. 361, 10-п. 367, 11-п. 371, 12-п. 372, 13-п. 413, 14-п. 416. Раскоп II: 15-п. 4, 16-п. 5, 17-п. 7, 18-п. 9, 19-п. 12, 20-п. 13, 21-п. 14, 22-п. 15, 23-п. 16, 24-п. 17, 25-п. 18, 26-п. 19, 27-п. 20, 28-п. 21, 29-п. 24, 30-п. 25, 31-п. 26, 32-п. 28, 33-п. 29, 34-п. 30, 35-п. 31, 36-п. 32, 37-п. 33, 38-п. 34, 39-п. 36, 40-п. 37, 41-п. 38, 42-п. 39, 43-п. 41а, 44-п. 42, 45-п. 43, 46-п. 44, 47-п. 45, 48-п. 46, 49-п. 47, 50-п. 48, 51-п. 49, 52-п. 50, 53-п. 53, 54-п. 54, 55-п. 55, 56-п. 56, 57-п. 57, 58-п. 58, 59-п. 59, 60-п. 60, 61-п. 61, 62-п. 62, 63-п. 66, 64-п. 70, 65-п. 71, 66-п. 76, 67-п. 79, 68-п. 83, 69-п. 84, 70-п. 86, 71-п. 88, 72-п. 89. Раскоп III: 73-п. 10, 74-п. 14, 75-п. 16, 76-п. 18, 77-п. 19, 78-п. 31, 79-п. 32, 80-п. 40, 81-п. 42, 82-п. 43, 83-п. 44, 84-п. 73, 85-п. 154, 86-п. 174.

Раскопа II зафиксирован фрагмент плоского квадратного кирпича. Справа за скелетом ребенка погр. 34 Раскопа II сооружена стенка из камней разного размера. На черепе ребенка из погр. 49 Раскопа II лежал квадратный кирпич.

Покойные в 4 погребениях Раскопа I, 26 погребениях Раскопа II и в 1 погребении Раскопа III лежали головой на З; в 15 погребениях Раскопа II, 6 погребениях Раскопа III – на ЮЗ; в 9 погребениях Раскопа I, 15 погребениях Раскопа II и в 4 погребениях Раскопа III – на ЮЗЗ.

В 28 погребениях усопшие лежали вытянуто на спине, череп зафиксирован на затылке или на затылочной кости с завалом на грудь, либо на правом виске. Разворот лицевой части в большинстве случаев на Ю или ЮВ. В ряде случаев кости левой руки согнуты в локте, правой – вытянуты вдоль скелета. Фиксируются позиции, когда кости обеих рук согнуты в локтях или вытянуты вдоль тела. Иногда руки могли быть скрещенными, возможно из-за пеленания в саван. Кости ног покойных чаще вытянуты, но слабо согнуты или выпрямлены, иногда скрещены в щиколотках, или одна нога вытянута, а другая согнута в колене. Отчетливо заметно, что лица этих погребенных специально поворачивали в сторону Каабы.

В 8 погребениях скелеты покоятся вытянуто ничком, черепа лежат на правой височной доле, лицевой частью на Ю. Кости рук скелетов согнуты в локтях. Кости ног вытянуты или слабо согнуты. Первоначально тело покойного было положено по мусульманским нормам на правом боку и лицом на Каабу, но в результате разложения тканей, первичное положение скелета изменилось.

В 10 захоронениях погребенные лежали скорченно на правом боку, череп покоился на правой височной доле, лицевой частью на Ю. Кости рук вытянуты или согнуты в локтях. Кости ног вытянуты, но слабо согнуты в коленях.

В 23 погребениях покойные зафиксированы вытянуто на спине, с завалом на правый бок. В 17 случаях череп лежит на правом виске, лицевой частью на Ю.

В 25 погребениях из 86 присутствует погребальный инвентарь – личные украшения. Погр. 14, 46 и 48 Раскопа II по богатству и количеству инвентаря выделяются на фоне остальных погребений. Эти погребения трех женщин 20-35 лет расположены близ друг друга. В них присутствуют бронзовые лунницы, височные кольца, бусы разных типов, железные гвозди. Серебряные височные кольца и лунницы из погр. 14 и 46 имеют отдаленные аналогии в памятниках Волжской Булгарии. Железные гвозди и скобы также зафиксированы в погр. 17, 28 Раскопа II и погр. 41 Раскопа III. В одной могиле Раскопа I обнаружены семена проса у нижней челюсти ребенка. Гвозди и скобы, скреплявшие гробы, появляются в мусульманском погребальном обряде только в XII – нач. XIII в., скорее, со второй пол. XII в. (Халикова, 1986. С. 124).

По мнению Д.В. Васильева, даже при несоблюдении двух правил, которые предписывает шариат (безынвентарность и обращение покойного лицом к Мекке), не дает нам права считать данные погребения с вещами языческими. В болгарских мавзолеях, где захоронены мусульмане, при них присутствуют вещи (Васильев, 2007. С. 147-148). Исследователь считает, что в мусульманский погребальный обряд сначала внедрялись безынвентарность и обращение покойного в сторону киблы (Там же. С. 155). Однако в ЗКМ – это, прежде всего, поза и обращение усопшего лицом к Мекке, а не безынвентарность могилы. Е.А. Халикова подчеркивает, что исламу, проникшему в новые районы, необходимо было время, чтобы адаптировать местные традиционные верования (Халикова, 1986. С. 49), в нашем случае – чтобы утвердить безынвентарность в могилах мусульман.

Во многих случаях инвентарные мусульманские погребения следует относить не к мусульманским, а к погребениям мусульманизированного населения, т.е. сочетающего в себе черты язычества и ислама, что в свою очередь тождественно понятию «народного ислама». В этой связи инвентарь, представляющий собой, как правило, украшения, не является препятствием при атрибуции мусульманских погребений (ср.: Гаджиев и др. 2013. С. 109-117).

По наблюдениям Д.В. Васильева, чем ближе кладбище к крупному городскому центру, являющемуся также центром религиозным, то тем более классическим мусульманским или христианским становится погребение (Васильев, 2007. С. 153). Вдали от крупных городов зачастую ислам тесно сплетался с местными традиционными верованиями, и в результате проявлялся в захоронениях с отклонениями от мусульманских норм погребения. Верхний Джулат, не бывший одним из главных центров Золотой Орды, находился на периферии, что, вероятно, наложило отпечаток и на исламские погребальные нормы.

Литература

1. Васильев Д.В. 2007. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань.
2. Гаджиев М.С., Мамаев Р.Х., Шаушев К.Б. 2013. Раскопки мусульманского погребения XI-XII вв. в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3.
3. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будаичиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К. Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. №. 1 (63). 2019.
4. Халикова Е.А. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – нач. XIII в. Казань.

Мамаев¹ Р.Х., Кочкаров² У.Ю.

¹Чеченский государственный университет, г. Грозный

²Институт археологии РАН, г. Москва

О САБЛЯХ КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проект № 20-59-07002

Статья посвящена некоторым саблям из средневекового Келийского могильника в Горной Ингушетии, часть которого была раскопана в 1987-1988 гг. экспедицией Чечено-Ингушского НИИ истории, социологии и филологии и Предгорно-плоскостной археологической экспедицией Чечено-Ингушского государственного университета. К сожалению, многочисленные и выразительные материалы этих раскопок пока еще полностью не опубликованы, часть из них (вместе с отчетной документацией) была утрачена в результате различных причин, что ограничивает возможности для работы с ними (Мужухоев и др., 2017. С. 171).

Среди различных типов вооружения Келийского могильника, уже частично введенных в научный оборот (Нарожный и др., 2005. С. 291-304; 2017. С. 161-170; Мужухоев и др., 2017. С. 171-179) особый интерес представляют сабли, одна из которых была недавно опубликована (Мужухоев и др., 2017. Рис. 4) (рис. 1, 1).

Исходя из имеющихся данных (фотографии верхней части сабли и ее размеры) попытаемся атрибутировать эту находку. Общая длина сабли составляет 96,5 см, длина клинка – 88 см при ширине и толщине последнего у перекрестья соответственно 4 см и 0,9 см. Вес – 1,05 кг (Мужухоев и др., 2017).

Конструкция металлического оформления рукояти сабли состояла из двух трубок, насаженных на черен клинка (сваренных по длине), верхняя из которых завершалась железным сферическим навершием, нижняя – коротким железным же загнутым к клинку прорезным перекрестием с шаровидными концами. Таким образом, как минимум две трети рукояти сабли были покрыты металлом (Мужухоев и др., 2017. Рис. 4).

Эта особенность оформления сабли – наличие вертикальных трубок, способ их изготовления – сваркой двух половин и, наконец, их характерная форма (узнаваемая, несмотря на коррозию железа), позволяет сопоставить рассматриваемый образец с несколькими другими экземплярами клинкового оружия.

На одну из аналогий (правда, безымянную) указали сами авторы приведенной выше статьи: «... одно время близкая сабля экспонировалась среди средневековых предметов вооружения Грузии (НМГ)» (Мужухоев и др., 2017. С. 174).

Видимо, в данном случае имелась ввиду сабля из Вани (рис. 1, 3), хранящаяся в Национальном музее Грузии им. С. Джанашиа, с аналогичным перекрестием (повреждены концы) и навершием рукояти (Бакрадзе, 2013. С. 277-291. Рис. 1; Tsigumia, 2015. P. 167. Fig. 3). Длина слегка изогнутой сабли в целом составляет 110 см, длина и ширина клинка – соответственно 93 см и 4 см при толщине 0,9 см, вес – 1,123 кг.

Помимо ванской сабли такую же конструкцию рукояти имеет и хорошо сохранившийся меч из Хевсурети, также хранящийся в Национальном музее Грузии (Tsigumia, 2015.

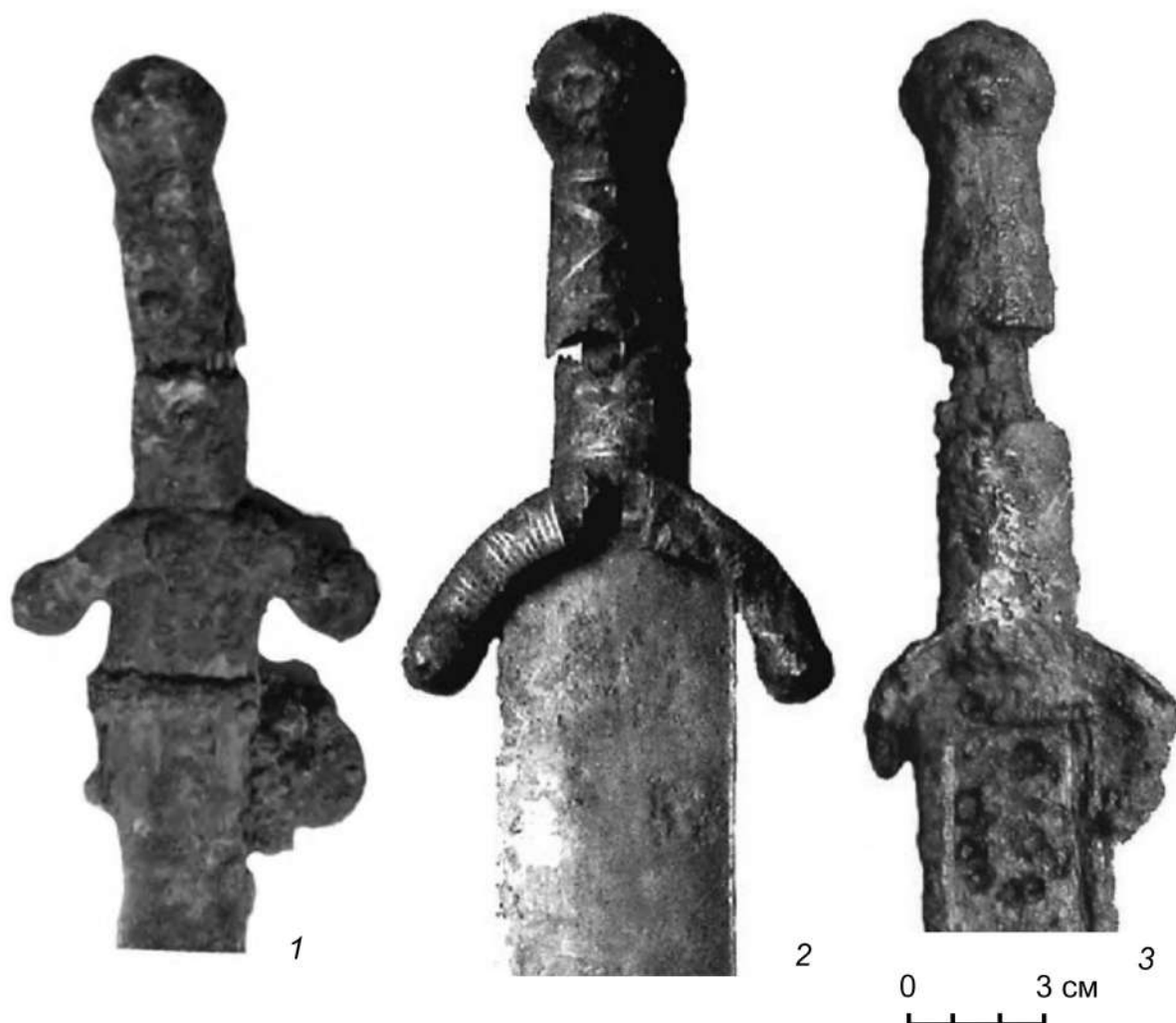

Рис. Сабля из погр. 33 Келийского могильника (Горная Ингушетия; по: Мужухоев, Нарожный, Чахкиев, 2017) (1), меч из Хевсурети (Горная Грузия; по: Бакрадзе, 2013) (2), сабля из вани (Западная Грузия; по: Бакрадзе, 2013) (3)

Р. 159-172. Fig. 1) (рис. 1, 2). Сведения об этой находке слегка разнятся: по И. Бакрадзе длина меча составляет 107,8 см, по данным М. Цурцумия – 102, 2 см (по Tsurthumia) при длине и ширине клинка 97 см и 4,8 см и весе 0,969 кг. Лицевая сторона рукояти и перекрестия украшены простым геометрическим орнаментом (Tsurtsunia, 2015 P. 167. Fig. 1d; Бакрадзе, 2013).

Отметим, что датировка приведенных аналогий не совсем однозначна. Так, погребение из Вани было отнесено Н. Хоштария к X в., В. Артилаква – к X-XI вв., Л. Хрелашвили – к XI в., И. Бакрадзе и М. Цурцумия датировали его XI-XII вв. (Бакрадзе 2013; Tsurtsunia, 2015). Меч же из Хевсурети представляется грузинским исследователям более поздним (Бакрадзе, 2013; Tsurtsunia, 2015). Об этом же косвенно свидетельствует и указание И. Бакрадзе об изготовлении этого меча из булата, что также не способствует его удревнению (Бакрадзе, 2013. С. 288).

В связи с этим заметим, что помимо рассмотренной выше сабли из погр. 33 Келийского могильника такие же клинки были найдены в погр. 15 этого же некрополя, в Паметском могильнике в той же Горной Ингушетии и, судя по всему, число их имеет тенденцию к увеличению (Мужухоев и др., 2017) (Замечу, что и другие погребения Келийского могильника также содержат находки клинкового оружия, исследование которых еще предстоит). К сожалению, грузинские исследователи не обратили внимания на эти близкие северокавказские аналогии, происходящие из хорошо датированных погребений могильников Горной Ингушетии, относящихся к XIII-XIV вв. Поэтому указанные ими выше даты X-XII вв. могут являться лишь нижней датой бытования клинкового оружия типа сабли из Вани и меча из Хевсурети в самой Грузии, а распространение их на Северном Кавказе относится к более позднему времени (Мужухоев и др., 2017).

Что же касается происхождения рассмотренного типа рукоятей, то, не предпринимая ничего окончательно, отметим, что при очевидности вывода об их грузинском производстве (Бакрадзе, 2013; Tsurtsunia, 2015;) свою роль, на наш взгляд, сыграло и влияние (заимствование) такого типа гарнитуры из византийской военной традиции. Как представляется, на это указывает как сама форма перекрестий с короткими опущенными концами и навершием, заканчивающимся сферой, наличие трубок, охватывающих рукоять, так и техника их изготовления.

Таким образом, возможно, что эти образцы оформления клинкового оружия, а также способы (приемы) его производства пришли в грузинскую ремесленную среду из византийской, но это уже тема отдельного исследования.

Литература

1. Мужухоев М.Б., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2017. Воинское погребение № 33 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археология Евразийских степей. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань.
2. Нарожный Е.И. Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир. 2005.
3. Нарожный Е.И. Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. 2017. Погребение «копейщиков» Келийского могильника в высокогорной Ингушетии // Археология Евразийских степей. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань.
4. Бакрадзе И. 2013. Сабля и меч эпохи развитого средневековья из коллекции Национального музея имени Симона Джанашия (г. Тбилиси) (к истории появления и распространения сабли в Грузии) // Военная археология. Вып. 3. М.
5. Tsurtsunia M. 2015. Medieval sword and sabre from the Georgian National Museum // Acta Militaria Mediaevalia. XI. Krakow - Sanok - Wroclaw.

Маммаев М.М.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

ОБ ОДНОМ УНИКАЛЬНОМ КАМЕННОМ РЕЛЬЕФЕ XV В. ИЗ С. КУБАЧИ

В мае 1861 г. профессор Петербургского университета, акад. Б.А. Дорн (1805-1881) вместе с сопровождавшими его помощником Кайтаго-Табасаранского окружного начальника, поручиком артиллерии П. Петуховым, юнкером В. Мискиновым и архитектором К. Гиппиусом побывал с научной целью в селениях Кубачи и Калакорейш. За два с половиной дня пребывания в Кубачи ими было зарисовано большое количество средневековых каменных рельефов – деталей архитектурного декора с изобразительными сюжетами, орнаментом и арабскими надписями. Вспоминая поездку в Кубачи Б.А. Дорн писал о себе в третьем лице: «Во время своего пребывания в этом ауле, он при помощи смоченной бумаги и графита, с восторгом снял непонятные для нас как рельефные, так и надгробные надписи, а когда он увидел изображения зверей и людей, то был изумлен виденными прекрасными памятниками, находящимися в Кубачах. Он снял отпечатки большинства надписей, а находившийся с ним архитектор Гиппиус зарисовал большую часть рельефных изображений, которые украшали стены одного дома аула» (Dorn, 1873. S. 321-336).

На обратном пути из Кубачи Б.А. Дорн и сопровождавшие его лица сделали остановку в с. Калакорейш, где они списали ряд эпитафий с надмогильных памятников родового кладбища кайтагских уцмиев, одну куфическую надпись штукowych рельефов михраба соборной мечети и др.

О своей поездке в Кубачи и Калакорейш Б.А. Дорн пишет в своем предварительном «Отчете», опубликованном сперва на немецком, а потом на русском языках (Dorn, 1862. S. 344-393; Дорн, 1864. С. 275-279, 285).

Рисунки средневековых резных камней, а также эпитафий надмогильных памятников из Кубачи и Калакорейша были опубликованы в 1871 г. на немецком языке в «Атласе к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря» (Dorn, 1871. Abb. XIV-XV), изданном в ограниченном количестве экземпляров (Иванов, 1976. С. 191). В 1895 г., уже после смерти Б.А. Дорна, было осуществлено второе издание «Атласа...» (Атлас... 1895. Табл. XIV, XVIII-XX) – на русском языке с более полной публикацией рельефов.

В «Атласе...» имеется рисунок (Табл. XVIII, рис. 2) четырехугольной формы каменного рельефа – архитектурной детали с арабскими надписями, выполненный не совсем точно: начертания букв имеют дефекты; элементы растительного орнамента (полутрилистники и полупальметты) среди вертикально размещенных надписей по боковым краям рельефа, зарисованы не совсем верно. Описание самого рельефа отсутствует. Ни в «Атласе...», ни в «Отчете об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря» нет сведений о том, где, в кладке какого здания находился рельеф во время его зарисовки.

Б.А. Дорн писал, что он «снял отпечатки большинства надписей, а находившийся с ним архитектор Гиппиус зарисовал большую часть рельефных изображений, которые украшали стены одного дома аула». Что это за дом, кому он принадлежал, в каком квартале

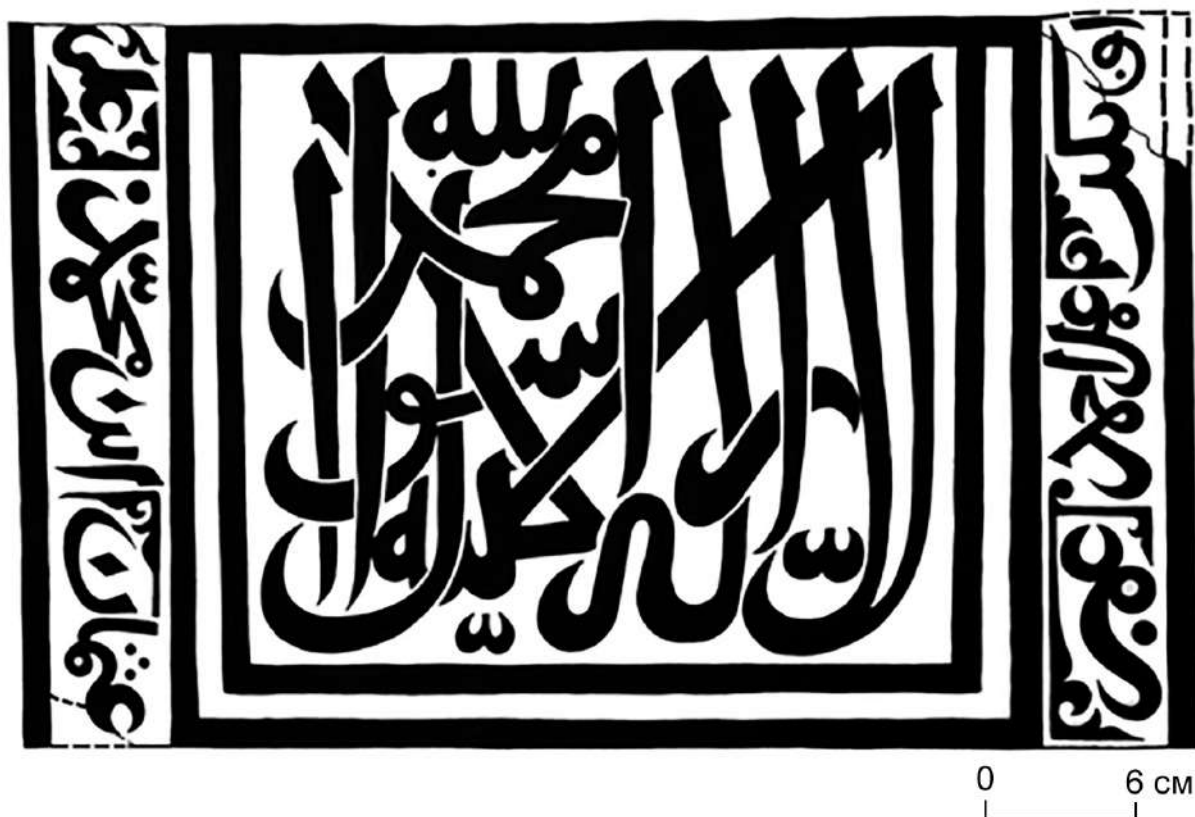

Рис. 1. Каменный рельеф XV в. из с. Кубачи

селения он находился – установить невозможно. Долгое время рельеф оставался вне поля зрения исследователей. Неизвестным оставалось и место его нахождения.

В 2007 г. рельеф был обнаружен нами в кладке стены арочного моста в южном конце базарной площади верхнего квартала старой части с. Кубачи. Он представляет собой четырёхугольный каменный блок (46x28 см), хорошо выровненный и сглаженный с лицевой стороны (рис. 1). Его центральную часть занимает рельефная арабская надпись, аккуратно выполненная каллиграфическим почерком сулс. Надпись заключена в рельефный квадрат, равномерно заполняя его, и представляет формулу единобожия (*шахада*): «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад его посланник».

С правой и левой сторон квадрата располагаются мелкие рельефные арабские надписи, размещенные вертикально, сверху вниз. По боковым сторонам их обрамляют рельефные полосы. В верхней части правой надписи помещено имя Абу Бакр, в нижнем конце – имя Умар. Между этими именами, в середине вертикальной надписи находится надпись «изготовил («сделал») Ахмад», имеющая продолжение в середине левосторонней вертикальной надписи – «сын Мухаммада».

В этой же вертикальной полоске с надписью в ее верхней части помещено имя Али, в средней части – «сын Мухаммада», в нижнем конце – имя Усман¹. Таким образом, в вертикально размещенных надписях по боковым сторонам каменного блока находятся имена четырех праведных халифов Абу Бакра, Умара, Усмана, Али, а также имя мастера-камнереза и каллиграфа Ахмада сына Мухаммада, изготовившего рельеф. Все эти имена

¹ Перевод надписей на рельефе был любезно выполнен проф. А.Р. Шихсаидовым (1928-2019).

отделены друг от друга своеобразными знаками в виде скобок с орнаментальными элементами – соединенными между собой под прямым углом полутрилистниками с удлиненными лепестками.

Первоначально описываемый рельеф находился, вероятно, в стене одной из квартальных мечетей в нижней части Кубачи. В советское время квартальные мечети (в кон. XIX в. их было 12 соответственно двенадцати кварталам селения) были заброшены и постепенно развалились.

Рассматриваемый рельеф взят из развалин одной из квартальных мечетей и вставлен в кладку западной стороны моста в декоративных целях. В разные участки моста включены и другие разновременные резные архитектурные детали, которые привезены из нижнего квартала селения и были взяты из развалин старых зданий – квартальных мечетей и других сооружений. Мост, пришедший в аварийное состояние, в сер. 1960-х гг. был реставрирован на средства кубачинца Закарии Ниналалова, проживавшего в те годы в г. Баку.

Резьба архитектурной детали выполнена на высоком профессиональном уровне. Исполненные каллиграфическим почерком надписи придают резьбе яркую декоративность. Выполнивший резьбу рельефа камнерез Ахмад сын Мухаммеда, очевидно, был мастером высокой квалификации, хорошо владеющим арабским языком.

Датируется рельеф XV в. на основе близости почерка надписи к надписи на деревянной детали с именем мастера Хартума и других деталей минбара Большой мечети этого же времени (Маммаев, 2014. Рис. 162). Это подтверждают и орнаментальные элементы в виде соединенных между собой полупальметт и полутрилистников, включенные в вертикальные арабские надписи по боковым краям рельефа – аналогичные элементы орнамента широко представлены в резьбе надмогильных стел XV в.

Описанный рельеф – один из ярких образцов арабского каллиграфического письма на камне почерком *сулс*. Нанесенные на рельеф имена праведных халифов свидетельствуют об определенной осведомленности средневековой мусульманской элиты Кубачи в истории Арабского халифата. Кроме того, данный рельеф расширяет круг памятников средневекового камнерезного искусства Кубачи, на которых представлены имена изготовивших их мастеров.

Литература

1. Dorn B.A. 1873. Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen volksstamm // BAIS. Т. XVIII. Рус. пер.: Дорн Б.А. Теперешние Кубачи. Пояснения к повествованию Абу Хамида ал-Андалузи о новостях по поводу этого народа. Пер. с нем. З. Кидаловой (машинопись) // Научный архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149. – 16 с.
2. Dorn B. 1862. Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres // BAIS. Т. IV.
3. Дорн Б.А. 1864. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // Тр. Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Ч. VIII. СПб.
4. Dorn B.A. 1871. Ansichten, inschriften und Abbildungen zu B. Dorn's Reise in dem Kaukasus und südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres. SPb.
5. Иванов А.А. 1976. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом. Сост. А.А. Иванов. Л.
6. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Издание Императорского Русского археологического общества с предисл. В. Розена. СПб., 1895.
7. Маммаев М.М. 2014. Искусство Зирихгерана – Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала.

Мастыкова А.В.

Институт археологии РАН, г. Москва

ЗЕРКАЛА ТИПА КАРПОВКА–АНКЕ-4 НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ДАТИРОВКА

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 16-06-00058

Металлические зеркала конца античности и раннего средневековья довольно хорошо изучены. В данной работе рассматриваются зеркала с центральной петлей и с декором в виде концентрических рельефных кругов – так называемый тип Карповка–Сен-Сюльпис или Анке-4 (Werner, 1956. S. 117, 118; Anke, 1998. S. 26, 27). Подробная сводка зеркал этого типа была собрана Б. Незабитовской от самих ранних, III в. («Золотое кладбище», Краснодарский край), и до X–XII вв. (Змейский могильник, Северная Осетия) (Niezabitowska, 2004). Такие зеркала были также подробно рассмотрены И.П. Засецкой и ее соавторами при изучении памятника Морской Чулек в устье Дона и Михаэльсфельд в бассейне Нижней Кубани (Засецкая и др., 2007. С. 18–24; Засецкая, 2010. С. 149, 150). Изучались эти изделия и для территории Центрального и Западного Предкавказья, Верхнего Дона в эпоху Великого переселения народов и раннего средневековья (Мастыкова, 2009. С. 83, 84; 2015. С. 207–213; 2016. С. 241–254).

Итак, зеркала типа Карповка–Анке-4 известны уже в позднеримское время, причем самые ранние находки концентрируются в северокавказском регионе: «Золотое кладбище» на Кубани, западное кладбище некрополя Кобань в Северной Осетии, Дербентский могильник (рис. 1А, 1), могильник Львовский Первый-4 в Северном Дагестане (библиографию см.: Мастыкова, 2016), могильник «Братские 1-ые курганы» в Чечне (Малашев и др., 2018. Рис. 4, 5).

Появившись во II–III вв. на Северном Кавказе, такие зеркала в эпоху Великого переселения народов становятся наиболее популярными в западной половине северокавказского региона – на Черноморском побережье, на Кубани, в Кабардино-Балкарии. Они известны на могильниках Старокорсунского городища № 2, Дюрсо (рис. 1А, 2, 3), Бжид 1, Сопино, Борисово (рис. 1А, 4), Пашковский № 1 (рис. 1А, 5), Нижний Джулат, Мешоко, Ново-Вочепшийский, Тауйхабль и т.д. (полная библиография см.: Мастыкова, 2009; 2015; 2016) (Здесь и далее приводится не весь список имеющихся аналогий. Полный свод находок зеркал типа Карповка–Анке-4 готовится к печати.).

В эпоху Великого переселения народов зеркала типа Карповка широко распространяются за пределами северокавказского региона. Они представлены на Боспоре Киммерийском, как в «европейской» части – Боспорский/Керченский некрополь, могильник у с. Заморское, могильник Старожилово, некрополь поселения Сиреневая Бухта, некрополь Джурга-Оба, так и в «азиатской» части – некрополь «В» Фанагории, Ильичевское городище. В Северном Причерноморье зеркала такого типа отмечены и на других памятниках – Совхоз-10, Карши-Баир (Ушаков, Филиппенко, 2006. Рис. 5, 1), Скалистое, Лучистое, Суук-Су и т.д. (библиографию см.: Мастыкова, 2015; 2016).

На Нижнем Дону они известны в Танаисе, в урочище Терны в дельте Дона, у хут. Пухляковский; в бассейне Верхнего Дона обнаружены в погребении на поселении Мухино-2,

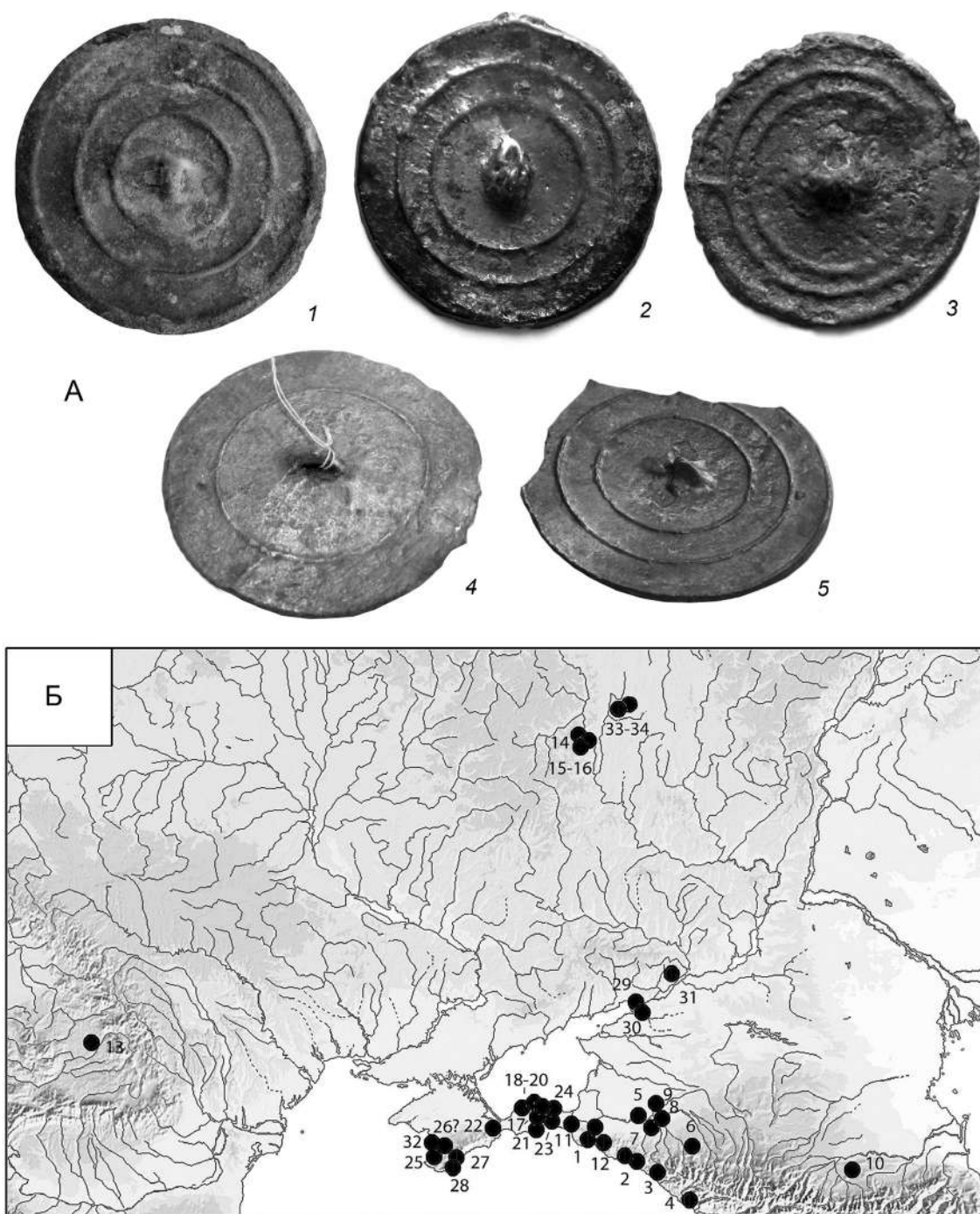

Рис. 1. Зеркала типа Карповка–Анке-4 из северокавказских могильников (А) и карта их распространения в конце IV–VII вв. (Б).

А: 1 – Дербент, погр. 2 (хранение: Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН; фото М.С. Гаджиева); 2 – Дюрсо, погр. 374; 3 – Дюрсо, погр. 410 (хранение: Новороссийский исторический музей-заповедник; фото А.В. Колпаковой, Н.В. Федоренко); 4 – Борисово, погр. 14 (хранение: Гос. Эрмитаж; фото А.В. Мастыковой); 5 – Пашковский, погр. 1, 1949 г. (хранение: ГИМ; фото А.В. Мастыковой).

Б: 1 – Дюрсо; 2 – Бжид; 3 – Сопино; 4 – Карповка (Агойский); 5 – Пашковский № 1; 6 – Мешоко; 7 – Ново-Вочепший; 8 – Таухабль; 9 – Старокорсунское городище 2; 10 – Нижний Джулат; 11 – Михаэльсфельд; 12 – Борисово; 13 – Мезебанд (Mezöband); 14 – Мухино-2; 15 – Ксизово-8; 16 – Ксизово-19; 17 – Боспор/Керчь; 18 – Заморское; 19 – Старожилово I; 20 – Сиреневая Бухта; 21 – Джурга-Оба; 22 – Новопокровка; 23 – Фанагория; 24 – Ильичевское городище; 25 – Совхоз-10; 26 – Скалистое; 27 – Лучистое; 28 – Суук-Су; 29 – Танаис; 30 – Терны; 31 – Пухляковский; 32 – Карши-Баир; 33 – Стаево-4; 34 – Стаево-5.

в Ксизово-8 и Ксизово-19 (Мастыкова, 2015; 2016), на поселениях Стаево-4 и Стаево-5 (Обломский, 2018.. Рис. 16, 10, 11; Обломский, Швырёв, 2018. Рис. 6, 6, 9).

Приведенные находки выявляют определенную закономерность распространения зеркал с концентрическими рельефными кругами. Появившись в III в. на Северном Кавказе, они становятся наиболее популярными в конце IV – сер. VI в. (гуннское и постгуннское время) и лучше всего представлены, прежде всего, в Западном Предкавказье и Северном Причерноморье. Во второй пол. VI-VII вв. (т.н. горизонт геральдических гарнитур) зеркала типа Карповка сохраняются у населения Крыма (Лучистое, Суук-Су) и Западного Предкавказья (могильники Карповка, Борисово, Дюрсо, Бжид), попадают к кочевникам Нижнего Дона (Пухляковский), а также к оседлому населению Верхнедонского региона (Стаево).

При этом зеркала типа Карповка–Анке-4 наиболее многочисленны в древностях оседлого населения Западного Предкавказья и Северного Причерноморья эпохи переселения народов (рис. 1Б). В кочевнических могилах этого времени такие зеркала, за редкими исключениями (например, Михаэльсфельд, Пухляковский), не отмечены.

Можно предположить, что зеркала типа Карповка являются частью материальной культуры, прежде всего, эллинизированного понтийского населения Боспора Киммерийского и Танаиса эпохи переселения народов, поскольку для V – сер. VI в. зеркала типа Карповка–Анке-4 чаще всего встречаются именно в этой культурной среде.

Эти зеркала, типичные для протоадыгских племен Западного Предкавказья (древности круга Пашковский–Карповка) и населения греческих городов Северного Причерноморья (Боспор, Танаис, Фанагория, Китей), являются одним из индикаторов культуры оседлого населения этих территорий в эпоху Великого переселения народов. Во второй пол. VI-VII вв. зеркала типа Карповка сохраняются у оседлого населения Крыма, Западного Предкавказья, Верхнедонского региона и только с начала VIII в. появляются в заметном количестве у алан как на Северном Кавказе, так и в бассейне Дона.

Литература

1. Засецкая И.П. 2010. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. Вып. 38.
2. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.
3. Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В. 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-ые курганы» на территории Чеченской республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4.
4. Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М..
5. Мастыкова А.В. 2015. Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 241.
6. Мастыкова А.В. 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Верхнего Дона // Дивногорский сборник. Вып. 6. Воронеж.
7. Обломский А.М. 2018. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы. Библиотека Stratum. Кишинев, Тирасполь.
8. Обломский А.М., Швырёв А.Д. 2018. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. Вып. 250.
9. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. 2006. Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // Херсонесский сборник. Вып. XV. Севастополь.
10. Anke B. 1998. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Teil 1. Teil 2. Weissbach.
11. Niezabitowska B. 2004. Lustra z kolekcji wrocławskiej // Sarmaci i Germanie. Lublin.
12. Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München.

Минаев А.П.

*Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, г. Азов*

ВЕЩИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ГУННСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У ХУТ. РОГОЖКИНО РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Эпоха раннего средневековья была и остается белым пятном в истории изучения Нижнего Подонья. Обусловлено это малочисленностью комплексов, которые можно уверенно датировать V-VII вв. Большинство находок этого периода происходят из одиночных погребений (Гудименко, 1990. С. 88). За предыдущие годы археологических исследований в дельте р. Дон был найден всего один комплекс, который можно с уверенностью датировать V-VII вв., а именно полуразрушенное погребение в урочище Терны, где сохранилась только верхняя часть костяка с многочисленным погребальным инвентарем (Гудименко, 1990. С. 91. Рис. 1).

В 2015 г. в фонды Азовского музея-заповедника были переданы вещи из разрушенного при проведении земельных работ погребения поселения Рогожкино-III близ хут. Рогожкино. Сохранились отдельные детали поясного набора и другие украшений. Поселение расположено к северо-востоку от хутора, на невысоком острове, со всех сторон окруженном искусственными каналами, датируется эпохой энеолита – поздним средневековьем.

Детали поясного набора из разрушенного погребения у хут. Рогожкино представлены двенадцатью пряжками, тремя подвесками, инкрустированной накладкой, тремя лунницами, серьгой с многогранной бусиной и украшением в виде пружины (рис. 1). Все украшения серебряные, за исключение биметаллической серьги с многогранником. Поясные пряжки условно разделены на два вида – бесщитковые и со щитком. Из бесщитковых пряжек три с утолщенной округлой рамкой и хоботковидными язычками (рис. 1, 11-12, 14), одна с сердечковидной рамкой и хоботковидным язычком (рис. 1, 13), одна с округлой слабо утолщенной рамкой и немного вогнутым язычком (рис. 1, 15). Пряжки, кроме одной (рис. 1, 11), имели почти не выступающий вперед язычок. Подобные пряжки широко представлены на разных памятниках Восточной Европы – в Нальчике, Бруте, Чми, Мокрой Балки (Амброз, 1989. С. 95. Рис. 9, 3; С. 99. Рис. 13, 2; С. 100. Рис. 14, 5; С. 113. Рис. 27, 7.), Новая Маячка, Здвиженское, Калинино, (Засецкая, 1994. Таб. 9, 10-11; Таб. 11, 12, 14, 16; Таб. 22, 13) и других.

Щитковые пряжки из данного погребения можно условно разделить на два подвида – неинкрустированные и с инкрустацией. Из неинкрустированных четыре пряжки с округлым щитком и одна – с прямоугольным (рис. 1, 16-20). Почти все пряжки с утолщенной округлой рамкой и вогнутым не выступающим язычком. Рамки этих пряжек изготовлены из уплощенных пластин, с квадратным вырезом на щитке для язычка. Четыре щитка с одним округлым отверстием для заклепок, на одном щитке на внешней стороне по краю нанесены короткие насечки (рис. 1, 16). На одной из пряжек пробиты две заклепки, рамка с выступающим хоботковидным язычком (рис. 1, 19). Аналоги этим пряжкам встречены на многих памятниках – Здвиженское, Смолин, Гиляч, Лермонтовская скала, Озерное (Амброз, 1989. С. 91, 95, 97, 100, 102. Рис. 5, 2, 16, 21, 23; 9, 24-25; 11, 4, 6; 14, 3-4, 22; 16, 4), Муслимово (Засецкая, 1994. Таб. 44, 3-4).

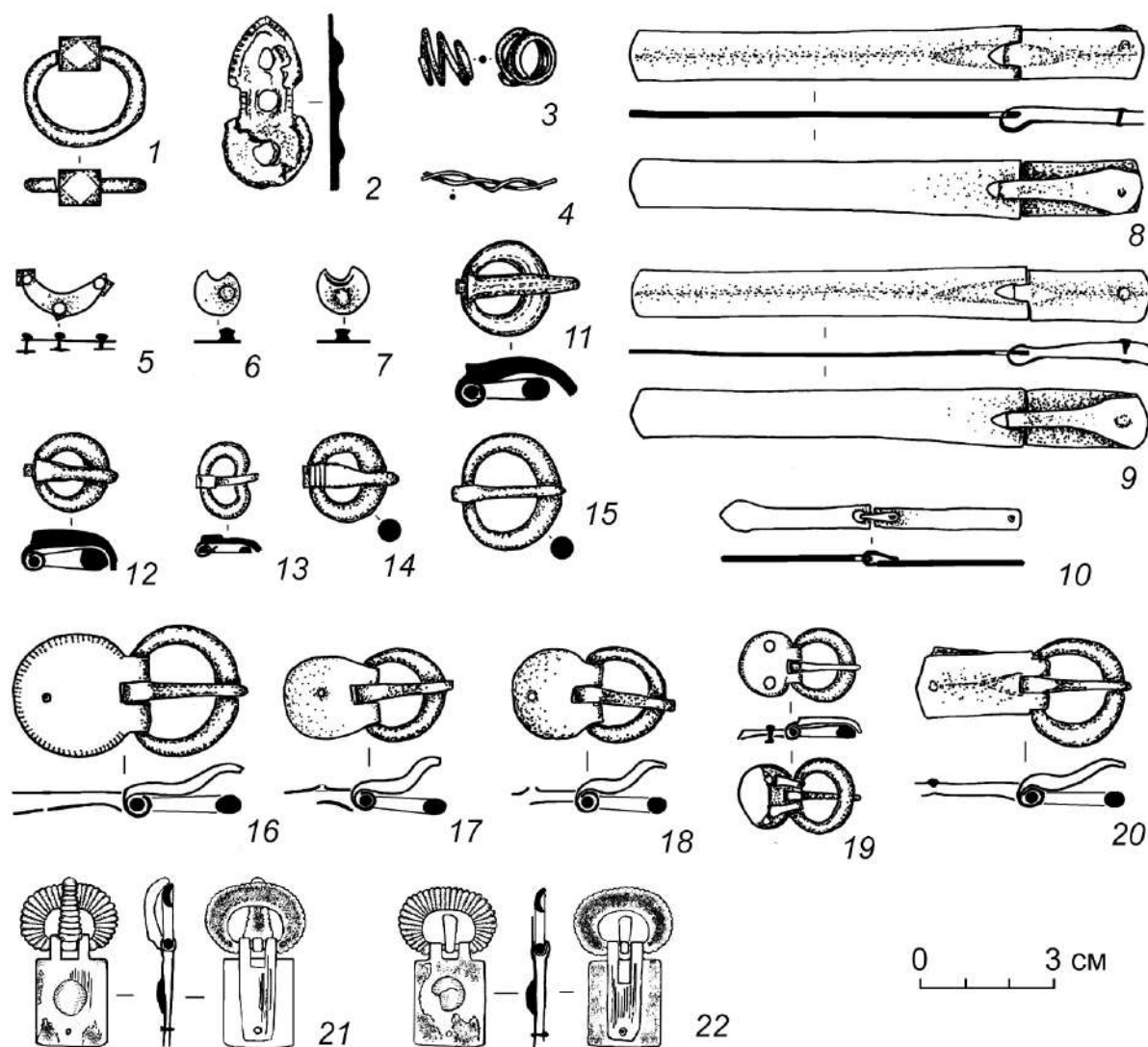

Рис. 1. Инвентарь разрушенного погребения у хут. Рогожкино: 1 - серьга с многогранной бусиной; 2 - инкрустированная накладка; 3 - височное украшение; 4 - фрагменты проволоки; 5-7 - лунницы; 8-10 - подвески; 11-15 - бесщитковые пряжки; 16-20 - щитковые пряжки; 21-22 - щитковые инкрустированные пряжки.

Присутствуют две пряжки, которые отличаются от предыдущих (рис. 1, 21-22). Рифленные рамка и язычок изготовлены из тонкой полый внутри пластины, с хоботковидными язычками, щитки квадратные, с квадратными вырезами на рамке для язычка. На внешней стороне по центру щитков нанесена инкрустация из полупрозрачного желтоватого стекла. Крепились рамки к поясу небольшим округлым штифтом в нижней части щитка. Вероятно, данные пряжки были упрощенной имитацией более дорогих видов, обозначенной у Засецкой как III группа (Засецкая, 1994. С. 86-87; Рис. 196), где в качестве вставок использовались сердолик или гранат.

В комплекте поясного набора были так же три подвески (рис. 1, 8-10). Одна подвеска изготовлена из двух утолщенных узких пластин, скрепленные друг с другом узкой дужкой, свободно свисающая с пояса пластина имела ромбовидное расширение у края (рис. 1, 10). Две другие подвески изготовлены из двух частей (рис. 1, 8-9), крепившаяся к поясу часть прямоугольной формы, с треугольным выступом на крае, соединялась со свободно

свисающей частью узкой дужкой с расширением к месту крепления к поясу; другая часть подвески сделана из утолщенной пластины. Крепились все три подвески к поясу одним штифтом. Аналогичные подвески были встречены в Буденновской слободе и у х. Октябрьский и относятся к кишпекскому типу (Амброз, 1989. С. 87. Рис. 1, 15-16; С. 90. Рис. 4, 11), бытовали они в III - начале IV в. н.э. Видимо, подобные украшения могли еще использоваться и в первой пол. V в. на Нижнем Дону.

В поясном наборе так же встречены накладка из тонкой пластины подовальной формы с выемками в центральной части (рис. 1, 2). В некоторых местах по внешнему краю видны мелкие насечки, внешняя сторона инкрустирована тремя округлыми вставками из полупрозрачного желтоватого стекла. К поясному набору относятся и три лунницы, изготовленные из тонких пластин (рис. 1, 5-7), две из них одноштифтовые с неглубокими вырезами, третья же серповидной формы, крепившаяся к поясу тремя штифтами.

Кроме деталей поясного набора, в погребении были найдены два фрагмента витой проволоки и украшение в виде согнутой пружинки, видимо, часть височного украшения (рис. 1, 3-4). Отдельного внимания заслуживает биметаллическая серьга с многогранником из утолщенного дрота (рис. 1, 1). Серьги такого рода ранее уже встречались в погребениях дельты р. Дон (Гудименко, 1990. С. 91. Рис. 1, Б, 7), были широко распространены в Восточной Европе - в Бруте (Амброз, 1989. С. 99. Рис. 13, 7), Смолине (Там же. С. 102. Рис. 16, 7), Харачой (Там же. С. 124. Рис. 38, 6), Чми (Там же. С. 113. Рис. 27, 19). Однако в большем количестве они выявлены в могильнике Дюрсо (Амброз, 1989. С. 49-50, 103-106. Рис. 17, 19-20, 27; 18, 10, 29; 19, 6; 20, 19).

Проанализировав находки из разрушенного погребения у х. Рогожкино и найдя им аналоги в других комплексах в обширном регионе от Среднего Дуная до Кавказа, можно дать предварительную датировку комплекса первой половиной-серединой V в. н.э. Среди инвентаря разрушенного погребения присутствуют пряжки, которые можно с уверенностью отнести к V в. (рис. 1, 11-15), а именно к «степной» группе, широко распространенной как на Северном Кавказе (Амброз, 1989. С. 95-99. Рис. 9-13), так и в степной части Восточной Европы, в Крыму и Подунавье (Амброз, 1989. С. 91, 101-102. Рис. 5, 15, 16). Еще одним хроноиндикатором является серьга с многогранником, не встречаемая на других памятниках Восточной Европы ранее V в. Но из этой датировки выпадают пряжки с вогнутым, не выступающим вперед язычком и подвески, аналогичные кишпекскому типу, отнесенные А.К. Амброзом к III - первой пол. IV вв. н.э. Можно лишь предположить, что в «гуннскую» эпоху (с начала V в.) в некоторых отдаленных уголках бывшей Римской империи все еще бытовали данные типы украшений, которые к V веку выглядели уж слишком архаично.

Литература

1. Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.
2. Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.
3. Гудименко И.В. 1990. Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов.
4. Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.
5. Комар А.В. 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк.
6. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв. 1981 // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Нарожный Е.И.

НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КУРГАНАХ И ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII-XV ВВ.

В Цемдолинском «курганно-грунтовом могильнике» под Новороссийском единственному парному «зихо-касожскому» погребению (рис. 1, 1) была указана также единственная аналогия – неопубликованное парное захоронение, но со скелетом лошади из «Кедровой рощи» под Геленджиком (Армарчук, Дмитриев, 2013. С. 13). Еще одной аналогией этим комплексам является «половецкое погребение» у с. Каменка на Донбассе (рис. 1, 2) конца XI – нач. XII в. (Корсиков, Гриб 1985. С. 261). Но часть женских украшений оттуда идентична украшениям из разрушенного комплекса XII-XIII вв. из ст. Староминской на Кубани. Наличие же в каменском и староминском захоронениях «коралловых веточек», идентичных таковым из раннеджучидского захоронения на Ставрополье («Джухта-2»), позволяет все три сравниваемых комплекса, включая и упомянутые выше парные захоронения, рассматривать как раннеордынские и относить их к единому этнокультурному генезису, для определения которого к уже указанным захоронениям следует добавить и другие парные захоронения XIII-XIV вв., причем, не только Северного Кавказа (Нарожный, 2018. С. 715; 2019а,б), но и с Одессчины, Поднестровья и Побужья, трактуемых как примеры «смешанных» погребальных обрядов, сформировавшихся в результате миксации вытесненных сюда Джучидами черных клобуков с местными кочевниками (Добролюбский, 1990. С. 154-156; Корецкий, 2008. С. 178-185). Гипотеза развивает версию Г.А. Федорова-Давыдова о миграции поросских черных клобуков в указанные регионы Золотой Орды, включая и Северный Кавказ. Мы же связали ее с перемещением в 1260-е гг. под Дербент войск Ногая, по Марко Поло, для участия в военном противоборстве с Хулагуидами (Нарожный, 2000; 2003; 2017; 2018, 2019а,б). Возражения некоторых оппонентов на этот счет (Е.А. Армарчук, В.Г. Блохин, П.А. Петров, В.Н. Чхаидзе) опровергаются результатами обработки выборки кочевнических захоронений, в т.ч. и с Северного Кавказа. Они же подтверждают не только реальность такой миграции, но и сохранение потомков черных клобуков еще в XIV в. (Иванов, 2015. С. 61).

Любопытны наблюдения Е.Ф. Батиевой, обработавшей костные материалы из нескольких грунтовых могильников XIII-XV вв. из Крымского района Краснодарского края. Парных захоронений ею учтено ок.10; еще 5 содержали по 3 скелета¹. Половозрастные представительства в них различны, выявлены следующие варианты: только «взрослые ♂ и ♀», иногда «+ ребенок»; «♂ или ♀ + ребенок», «только подростки», «подросток + ребенок», «только дети» и т.д. Эти особенности документируют преимущественно «семейный» характер указанных групп погребений. То же самое демонстрирует компактный могильник № 1 («Железнодорожное-1»), в его 9 захоронениях (Нарожный, Соков, 2014а. С.138-177; 2014б. С. 407-410). Так, погр. № 5 содержало «♀ 25-30 лет + подросток 12-15

¹ Информация Е.Ф. Батиевой автору раскопок И.Б. Тищенко в письме от 26.12.2012 г. Пользуясь случаем, выражаю признательность И.Б. Тищенко за предоставленные данные.

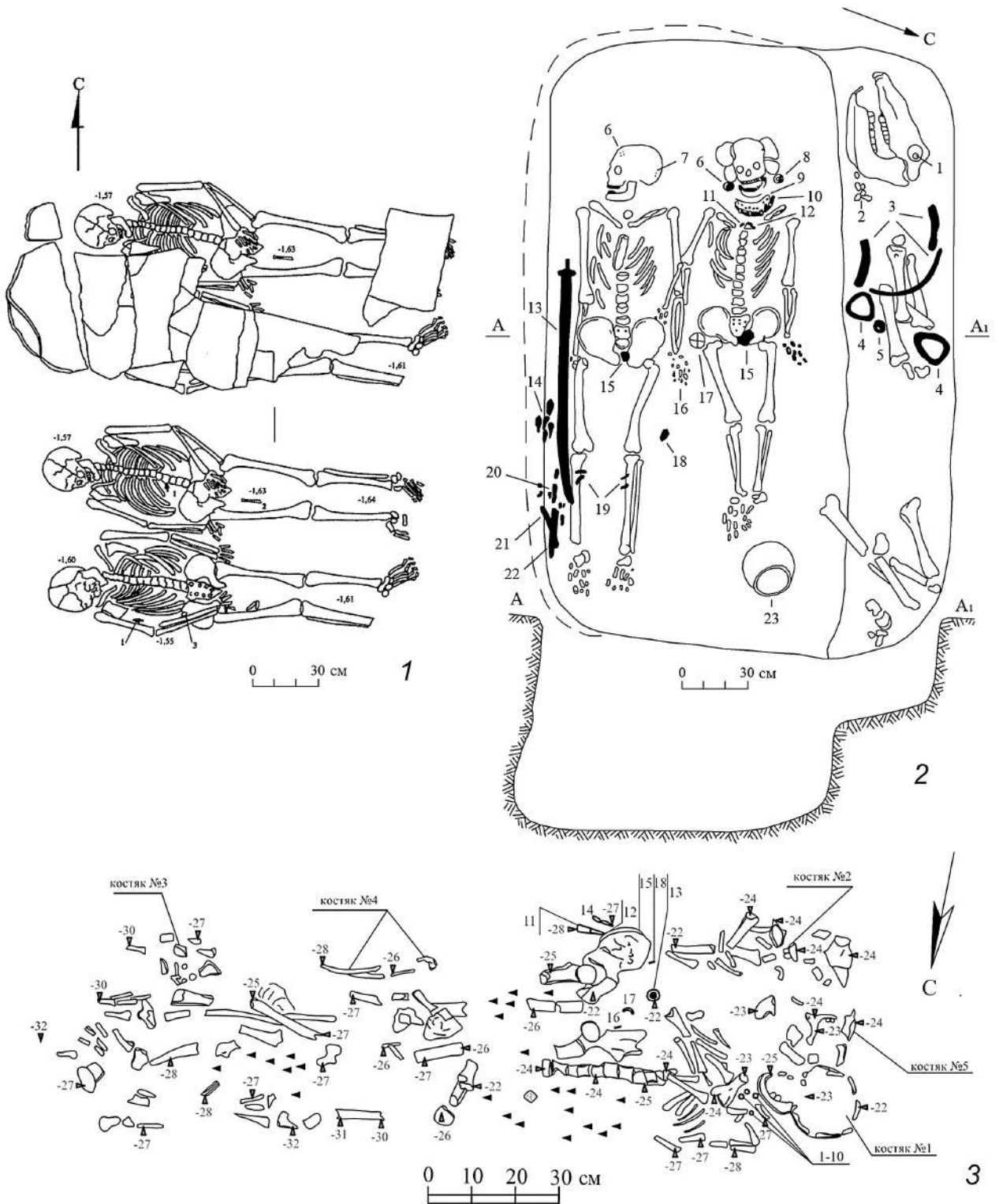

Рис. 1. Коллективные захоронения XIII-XIV вв.: 1 – парное захоронение из «грунтово-курганного» Цемдолинского могильника (по: Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2013); 2 – парное захоронение из кургана у с. Каменка на Донбассе (По: Косиков В.А., Гриб В.К. 1985); 3 – коллективное захоронение № 1 могильника 1 поселения Железнодорожное-1 на Кубани (по: Нарожный Е.И., Соков П.В., 2014).

лет»; погр. № 8: «♂ 25-30 лет + подросток». В курганах XIII-XIV вв. Черноморского побережья Н.И. Веселовский исследовал захоронения с 4 скелетами в яме. В погр. № 1 могильника 1 («Железнодорожное-1») выявлены останки 5 чел. (рис. 1, 3): «взрослая ♀ + ♂ 25-30 лет + подросток + 2-е детей (5-7 лет и 1-2 года)» (Нарожный, Соков, 2018. Табл. 1). На Убинском могильнике² А.В. Пьянков и Е.А. Хачатурова отмечают наличие до десятка скелетов в одной яме. Характерным для коллективных захоронений являются: широкая яма, скелеты вытянуто на спине, головой на запад (с сезонными отклонениями), вытянутость ног и вариабельность положения рук. Наличие или отсутствие инвентаря – свидетельства различного их социального статуса. Можно говорить об этапности в процессе появления и эволюции интересующих коллективных захоронений. 1 – *миграция*; документируется появлением серег (тип IV и V по Г.А. Федорову-Давыдову) и различных привнесенных типов вооружения (Дмитриев, Нарожный, 2019), погребального обряда БХIII и парных захоронений с конем и др.; 2 – *адаптация* в новых условиях: трансформация обряда БХIII и «утрата» обычая сопровождения парных погребений скелетом лошади, распространение «смешанных обрядов», в т.ч. и коллективные захоронения, использование привнесенных предметов материальной культуры, в т.ч. и вариант серег типа IV, но с асимметричной бусиной; использование различных «привнесений» в местной (северокавказской) этнокультурной среде; 3 – *ассимиляция* и «вливание» в нач. XV в. вместе с иным постзолотоордынским населением в еще формирующийся протоадыгский массив, что вполне объясняет вывод Е.Ф. Батиевой об этногенетической близости населения ряда золотоордынских поселений Закубанья с погребенными в «черкесских курганах XV-XVI вв.». Процесс объясняет и причины фиксируемого здесь резкого роста количества таких курганов (Дружинина, 2019).

Литература

1. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. 2013. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.-СПб.
2. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. 2019. Два захоронения воинов-кочевников XIII-XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань-Кишинев.
3. Добролюбовский А.О. 1990. Черные клобуки в Побужье и Поднестровье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 1. Запорожье.
4. Дружинина И.А. 2019. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII-XVII вв. как источник по истории адыгских народов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
5. Иванов В.А. 2015. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа.
6. Корецкий А.В. 2008. Поздnekочевнические погребения на могильнике у сел. Глинное // Древнее Причерноморье. Вып. VIII. Одесса.
7. Косиков В.А., Гриб В.К. 1985. Парное кочевническое захоронение из кургана у села Каменка в Донецкой области // СА. № 2.
8. Нарожный Е.И. 2000. Черные клобуки на Северном Кавказе: о времени и условиях перемещения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Вып. 14. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
9. Нарожный Е.И. 2003. Половцы или черные клобуки? // МИАСК. Вып. 2. Армавир.
10. Нарожный Е.И. 2017. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII-XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур,

² Данный могильник, исследованный в 1941 г. и до сих пор неопубликованный, в разные годы сопоставлялся с населением Тмутараканского княжества, с абазинами и т.д. Ныне активно развивается версия о тождестве этого населения с адыгами. Как представляется, речь можно вести о поздnekочевническом характере населения, оставившего данный некрополь и значительно позднее, вместе с другими влившимся в одно из формирований будущего этнокультурного протоадыгского массива.

технологий и империй. Доклады III международного Конгресса средневековой археологии евразийских стезей. Владивосток.

11. Нарожный Е.И. 2018. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII-XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Материалы I международного нахского Конгресса. Грозный.
12. Нарожный Е.И. 2019а. Парные кочевнические захоронения XIII-XIV вв. на Северном Кавказе: аналогии и этнокультурный контекст // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный Конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии. (Улан-Удэ, 16.09.– 21.09 2019). Кн. 1. Улан-Удэ.
13. Нарожный Е.И. 2019б. Два погребальных комплекса из золотоордынского Азака и их северокавказские аналогии // Донские древности. Вып. 12. Азак и мир вокруг него. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 750-летию Азака (Таны). Азов.
14. Нарожный Е.И., Соков П.В. 2014. Могильники №№ 1 и 2 золотоордынского времени поселения «Желендорозное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Тр. V Всероссийского Археологического съезда. Т. III. Казань.
15. Нарожный Е.И., Соков П.В. 2018. К этнокультурной характеристике погребенных могильников №№ 1 и 2 поселения «Железнодорожное-1» // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Ю.Н. Воронова. Сухум.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Науменко В.Е.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

АМФОРЫ «ПРИЧЕРНОМОРСКОГО ТИПА» НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ И КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АТТРИБУЦИИ И ХРОНОЛОГИИ

Амфоры «причерноморского типа», один из наиболее массовых для периода VIII-X вв. видов тарной продукции в Северном Причерноморье, хорошо известны в археологической литературе. Свою традиционную атрибуцию они получили после открытия в 40-80-х гг. XX в. в округе Херсонеса, в горной, южнобережной и юго-восточной частях Крымского полуострова нескольких десятков (всего 35) гончарных центров по их производству (Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001. С. 53-72. Рис. 1). О тождестве амфор, изготовлявшихся на территории Южной Таврики, и идентичных амфор, находимых в большом количестве на памятниках Приазовья, Подонья и Северо-Западного Кавказа, свидетельствуют результаты их петрографических исследований (Ковнурко, 1968. С. 119-122).

В 2009 г., при подготовке к изданию материалов раскопок салтово-маяцкого поселения на месте античной Тиритаки, нами был предпринят общий анализ состояния изученности многих вопросов истории амфор «причерноморского» типа – их атрибуции, типологии, ареала, возможных прототипов и хронологии (Науменко, 2009. С. 35-50). Эта работа позволила сделать ряд важных заключений, сохраняющих, как нам представляется, свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Очевидно, что под «причерноморскими» амфорами следует по-прежнему понимать все разновидности амфорной тары, производившейся в Таврике, независимо от их морфологии, декора и структуры глиняной формовочной массы. На практике, при множестве вариаций последней, выделяются две технологические группы изделий – из плотного с примесью карбонатов (группа «Юго-Западный Крым») и рыхлого с обильной примесью шамота (группа «Юго-Восточный Крым») глиняного теста.

Также актуальной остается типологическая схема А.Л. Якобсона, в которой «причерноморские» амфоры разделены на два основных варианта – с яйцевидным гладким корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением (вариант 1), и желобчатой поверхностью (вариант 2) (Якобсон, 1979. С. 29-31. Рис. 12, 13, 1-4). Тот же А.Л. Якобсон справедливо выделил в отдельную группу сосудов (вариант 3) амфоры с округло-яйцевидным гладким туловом и мелким зональным рифлением, которые отличаются большими размерами и выраженной шаровидностью корпуса (Якобсон, 1979. С. 32. Рис. 13, 5-8). В современной историографии такие амфоры, скорее всего, следует отождествлять с т.н. «глобулярными» амфорами (*Globular Amphorae*), которые представляют собой стандартизированный класс (или «семью») тарной продукции, производившийся на протяжении VII-IX вв. во многих центрах Средиземноморского мира – в Италии, Греции, на островах Эгейского моря, Крите, Кипре, в Северной Африке и Сирии (Vroom, 2005. P. 60-61; 2017; Gelichi, Negrelli, 2008; Poulou-Papadimitriou, Nodarou, 2014. P. 874-875; Poulou, 2018). Главной проблемой сопоставления «причерноморских» и «глобулярных» амфор остается отсутствие их прикладных исследований, в том числе с помощью методов

естественно-научного направления. Из-за этого любые встречающиеся в литературе заключения о тождестве или отсутствия такового для этих амфор, основанные только лишь на визуальном сходстве их профильных частей, носят исключительно гипотетический характер.

Период использования обоих типов «причерноморских» амфор, судя по стратиграфии и закрытым археологическим комплексам Херсонеса, Боспора, Сугдеи, Партенита, Тепсе-ня и Саркела, приходится на вторую пол. VIII – первую пол. X в. Их синхронное производство подтверждается, как нам представляется, результатами раскопок многих гончарных центров Таврики – Радиогорки, Мисхора, Сотеры, Чабан-Куле и Канакской балки. В то же время до конца не решенными остаются вопросы присутствия таких амфор, в т.ч. их целых экземпляров, в более поздних (вплоть до первой пол. XI в.) комплексах Херсона и его окружи.

За последние годы библиография работ, посвященных амфорам «причерноморского» типа, значительно выросла. Опубликованы новые археологические комплексы из раскопок Мангупа, Кыз-Кермена, Сугдеи, городища Артезиан, ряда поселений на территории Керченского и Таманского полуострова (Героевка-6, Кепы, Гора Чиркова 1). Необходимо отметить монографические издания результатов исследований раннесредневековых культурных горизонтов Таматархи и Фанагории, выполненные В.Н. Чхаидзе (Чхаидзе, 2008. С. 142-151; Чхаидзе, 2012. С. 147-161). Важным является появление диссертационного исследования, в котором рассматриваются вопросы, связанные с «причерноморскими» амфорами в ареале салтово-маяцкой археологической культуры в Среднем и Нижнем Подонье (Суханов, 2018).

Однако, наибольшего внимания в рамках продолжения общей дискуссии вокруг «причерноморских» амфор, требует недавняя публикация Л.В. Голофаст новых комплексов с ними из раскопок Фанагории. В своей работе автор делает ряд чрезвычайно неординарных выводов, за которыми, в случае их принятия, в будущем, возможно, последует серьезный пересмотр существующей хронологии археологических древностей Северного Причерноморья для периода VII-IX вв. – о несинхронности бытования двух основных типов «причерноморских» амфор, тождестве «причерноморских» амфор с мелким зональным рифлением с уже упомянутыми «глобулярными» средиземноморскими амфорами и необходимости перехода при их атрибуции на международную терминологию (Голофаст, Евдокимов, 2019. С. 200). В связи с важностью высказанной гипотезы предлагается обсудить перечисленные научные проблемы.

Литература

1. Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. 2019. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. Вып. XXIV.
2. Ковнурко Г. М. 1968. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. Вып. 113.
3. Науменко В.Е. 2009. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь – Керчь.
4. Паршина О.О., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. 2001. Гончарні центри Таврики VIII-X ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ.
5. Суханов Е.В. 2018. Амфоры как источник для изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона. Дис. ... канд. ист. наук. М.
6. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
7. Чхаидзе В.Н. 2012. Фанагория в VI-X веках. М.

-
-
8. Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
 9. Gelichi S., Negrelli C. 2008. Anfore e commerci nell'alto Adriatico tra VIII e IX secolo // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*. Rome.
 10. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. 2014. Transport vessels and maritime trade routes in the Aegean from the 5th to the 9th C. AD. Preliminary results of the EU Funded «Pythagoras II» Project: the Cretan case study // *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry*. Vol. I. Oxford.
 11. Poulou N. 2018. Transport Amphoras and Trade in the Aegean from the 7th to the 9th Century AD: Containers for Wine or Olive Oil? // *Byzantina*. T. 35.
 12. Vroom J. 2005. Byzantine to Modern Pottery in Aegean, 7th to 20th Century. An introduction and Field Guide. Bijleveld.
 13. Vroom, 2017. The Byzantine Web. Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni. Venice.

Нечипорук А.А.

ГАУК РО «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ХАБЛЬ 1 В ЗАКУБАНЬЕ

Поселение Хабль 1 расположено на плоской равнине левобережья Кубани, на левом берегу р. Сухой Хабль (Абинский район Краснодарского края). Раскопки 2011 г. выявили на памятнике серию хозяйственно-бытовых и производственных комплексов, датируемых VII-VIII вв. н.э., а также довольно представительную коллекцию находок, подавляющее большинство которых представлено гончарной керамикой (Нечипорук, 2015. С. 187).

Керамический комплекс поселения Хабль 1 по функциональному назначению делится на три основных группы: тарную, столовую и кухонную. Наиболее многочисленной группой является *кухонная посуда*, что вполне типично для большинства раннесредневековых поселений. Она производилась непосредственно на поселении и обжигалась в выявленных на его территории горнах (Нечипорук, 2015. С. 187). Эта группа керамики изготовлена на «медленном» гончарном круге и имеет грубое тесто с примесью дресвы. Представлена она в основном горшками (рис. 1, 1-8), имеющими яйцевидную или шаровидную форму, с низким горлом, отогнутым венчиком и плоским дном. Внешняя поверхность покрыта зональным или сплошным линейным орнаментом в сочетании с наклонной волной. Зачастую волна нанесена по краю венчика. Представлены фрагменты и с закраиной под крышку (рис. 1, 8), но самих крышек не найдено. Размеры горшков заметно разнятся (d венчика = 12-25 см). Широко распространенные на салтово-маяцких поселениях котлы с внутренними ушками на поселении представлены единственным идентифицируемым фрагментом, также покрытым линейным орнаментом в сочетании с многорядной волной (рис. 1, 11). Такая же ситуация характерна для Фанагории и Таматархи, а также сельских поселений Таманского полуострова (Чхаидзе, 2012. С. 172). Малочисленной на поселении является и лепная кухонная керамика.

Тарная посуда представлена амфорами, пифосами, корчагами, а также тарными кувшинами. Среди них преобладают корчаги, по составу теста аналогичные вышеописанным горшкам и изготавливавшиеся также на поселении. Они делятся на два типа: 1 – корчаги с высоким, овоидным туловом, низким горлом и сильно отогнутым массивным венчиком (зачастую ложноперевитым), внешняя поверхность покрыта зональным или сплошным линейным орнаментом (рис. 1, 9-10); 2 – корчаги с овоидным, более приземистым туловом, с горлом в виде перехвата, отогнутым наружу скругленным венчиком, с двумя петлевидными уплощенно-овальными в сечении ручками в месте наибольшего расширения тулова (иногда чуть ниже) и там же – декором в виде горизонтальных желобков (рис. 1, 12) иногда в сочетании с вертикальными лощеными полосами в верхней части тулова. Тарные двуручные кувшины по своим морфологическим признакам схожи с амфорами, но имеют плоское дно (рис. 1, 20). Пифосы на поселении представлены как фрагментами привозных крымских сосудов (рис. 1, 21), так и местной продукцией. Амфоры представлены несколькими типами сосудов крымского производства с вытянутыми желобчатыми туловами (рис. 1, 16-18) (Нечипорук, 2015. С. 198. Рис. 7), а также небольшой серией фрагментов гладкостенных амфор.

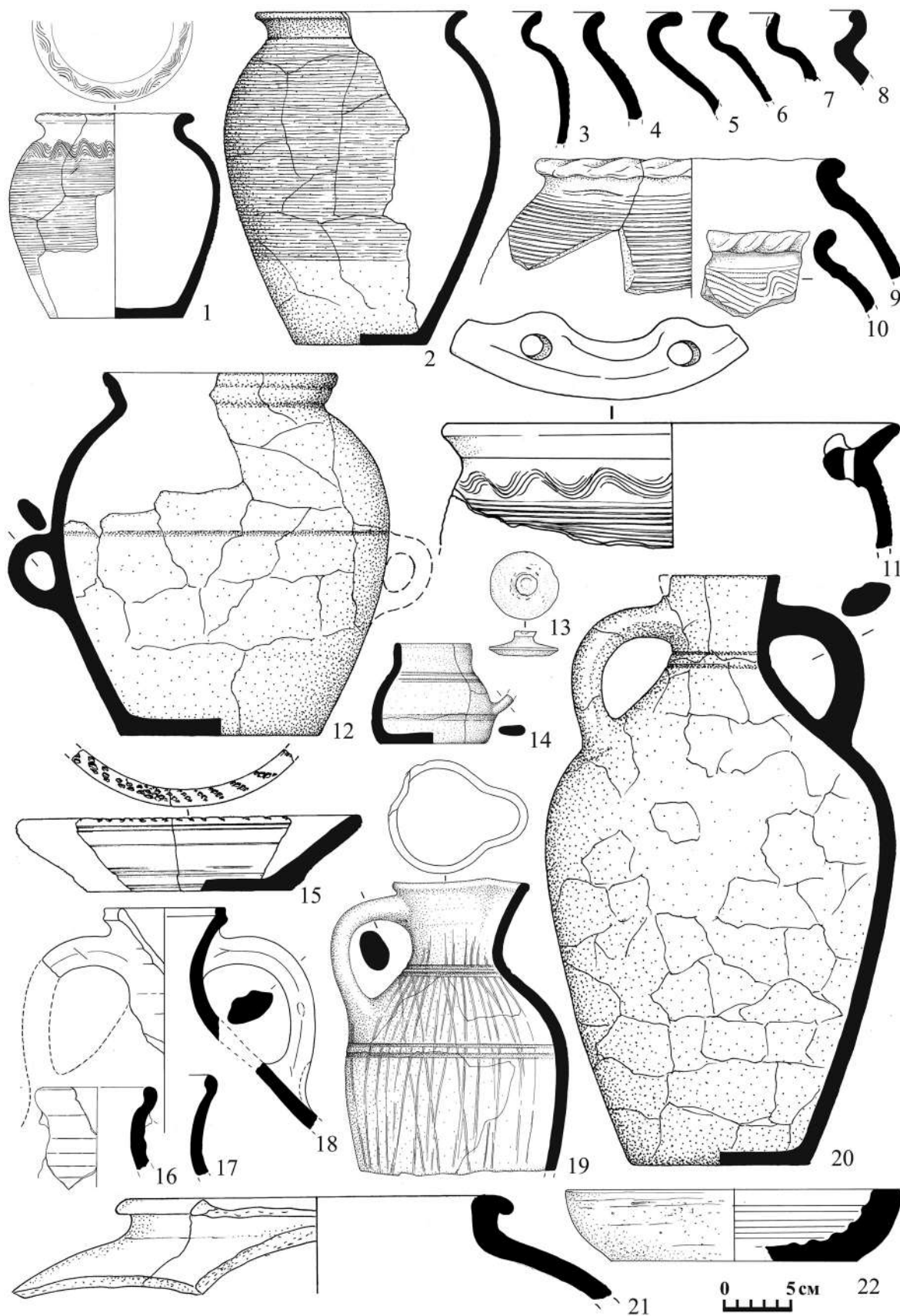

Рис. 1. Керамика поселения Хабль 1: 1-8, 11 – кухонная; 9, 10, 12, 16-18, 20, 21 – тарная; 13-15, 19 – столовая; 22 – специального назначения.

Столовая посуда представлена мисками, кувшинами, кубышками и кружками. Прочие формы представлены единичными фрагментами. Миски однотипны по форме – грубые по выделке, непрофилированы, стенки высокие, прямые или слегка выгнутые, отогнуты наружу, верхний край уплощен или скруглен (рис. 1, 15) (Нечипорук, 2015. С. 198. Рис. 11). По венчику зачастую орнаментированы оттисками зубчатого штампа, а по внешней стороне бортика – зональным линейным орнаментом. Изготовлены из того же теста, что горшки и корчаги. К столовой посуде неместного производства относятся сероглиняные кувшины и кружки, орнаментированные тонкими лощеными линиями (вертикальные параллельные, косая сетка или елочка), горизонтальными желобками и прочими элементами декора, характерными для салтово-маяцкой керамики (рис. 1, 14, 19). Единственным экземпляром представлена миниатюрная крышка с круглым в плане плоским хватком (рис. 1, 13). К импортной (крымской?) посуде относятся отдельные фрагменты красноглиняных сосудов.

К *сосудам специального назначения* можно отнести толстостенные изделия, по форме схожие с мисками (рис. 1, 22). Дно плоское, плавно переходит в округлый низкий бортик, верхний край плоский, внутренняя поверхность волнистая. Изготовлены на поселении. Их находки связаны с гончарными горнами. Назначение их не ясно. Еще одна разновидность подобных сосудов имеет более тонкие стенки и скругленный венчик. По форме и размерам схожи с мисками, но отличаются от последних отсутствием орнамента и дна. При этом внутренняя сторона стенок у основания имеет скос. Возможно, это технологическая керамика, использовавшаяся в качестве подставок при обжиге.

В целом, керамический комплекс поселения Хабль 1 представлен типичными салтовскими формами, среди которых в малом количестве присутствуют фрагменты грубых лепных горшков и котлов с внутренними ушками, как правило, относимых исследователями к «кочевнической» керамике.

Керамика Нижнего Закубанья хазарского времени изучена слабо, большая часть накопленного материала не введена в научный оборот. В этой связи особый интерес вызывают выявленные производственные гончарные комплексы и связанный с ним керамический материал. На указанной территории в разные годы была исследована серия горнов: 7 горнов – на кургане 12 могильника Общественный I (Мельник, 1986. С.2), несколько – на могильнике Ахтырский Лиман I (Гей и др., 1988. С. 119), 2 горна – на поселении Варнавинское 3 (автор раскопок В.Ю. Кононов), 2 – на поселении Хабль 1 (Нечипорук, 2015. С. 187). Судя по имеющимся данным, можно предполагать для них производственную специализацию. Так, на Хабле 1 основной продукцией были горшки, корчаги и двуручные тарные кувшины. В горнах на кургане 12 могильника Общественный I обжигались сероглиняные лощеные кувшины и горшки (Мельник, 1986. С.20), на Ахтырском Лимане I горны служили для изготовления корчаг (Гей и др., 1988. С. 119), на Варнавинском 3 производились кувшины.

Литература

1. Гей А.Н., Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сатеев О.И., Сорокина И.А. 1988. О работе Северо-Кавказской экспедиции // АО 1986 г. М.
2. Мельник В.И. 1986. Отчет о раскопках производственного комплекса на кургане № 12 могильника Общественный I, проведенных Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11604.
3. Нечипорук А.А. 2015. Материалы хазарского времени кургана 5 курганной группы Холмский 25 // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26-28 мая 2015 г.). Краснодар.
4. Чхаидзе В.Н. 2012. Фанагория в VI-X вв. М.

Пахунов А.С.

Институт археологии РАН, г. Москва

ВОЙЛОКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА МОЩЕВАЯ БАЛКА: КАЧЕСТВО ШЕРСТИ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00406

Значительную часть находок шерстяных изделий из раннесредневековых аланских погребений, обнаруженных в скальных могильниках Северо-Западного Кавказа, составляют ковры и войлоки. Разнообразные ковры – как местного производства, так и привозные, различавшиеся по качеству шерсти и технике изготовления – использовались в погребальном ритуале.

В работе представлены результаты технологического анализа пяти образцов войлока из могильника Мощевая Балка по методике, описанной ранее (Пахунов и др., 2018. С. 63-76). Расположенный на Северокавказском ответвлении Великого шелкового пути, памятник сохранил следы перемещения товаров, в т.ч. тканей и текстиля, в обоих направлениях: как с востока на запад, так и с запада на восток. Но было развито и местное текстильное производство, в частности, изготовление изделий из шерсти. Среди всех находок из шерсти обнаружены фрагменты ковров и войлоков (а также веревок и других изделий). Проведенное радиоуглеродное датирование ряда образцов из могильника позволило показать, что технологии ткачества и войлокования сосуществовали параллельно на протяжении всего времени функционирования могильника с конца VII по конец X в.

Рассматриваемые фрагменты войлока происходят из раскопок могильника Мощевая Балка И.С. Каменецким и Е.И. Савченко в 1982 г. Коллекция хранится в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

Поскольку все образцы обнаружены в одном могильнике и охватывают относительно непродолжительный временной интервал, стоит считать, что в это время в регионе развилась только одна порода овец. Это дает возможность напрямую сравнить образцы войлоков из одного погребения и близкий к ним по качеству образец из другого погребения.

Технологически образцы выполнены схожим образом. Основными этапами в производстве войлока были промывка, раскладка на подкладке, взбивание и укатывание. На этапе промывки и просушки избавлялись от большей части естественного жира. Взбивание было необходимо, чтобы разделить косицы на отдельные волокна и разориентировать их, в результате чего соседние волокна цеплялись друг за друга и образовывали поперечные связи, укрепляя структуру будущего войлока. Перед сворачиванием подкладку со взбитой шерстью поливали горячей водой, в результате чего щетинки на волокнах поднимались, еще сильнее сцепляясь друг с другом. В процессе укатывания слой шерсти уплотнялся до нескольких миллиметров, образуя плотный, устойчивый к разрыву текстиль.

Более сложной технологией отличалось изготовление бурок. Здесь на этапе подбора шерсти перед выкладкой проводилась сортировка сырья по качеству, когда слои волокон подшерстка – более тонких и гибких, но вместе с тем коротких, – чередовались со

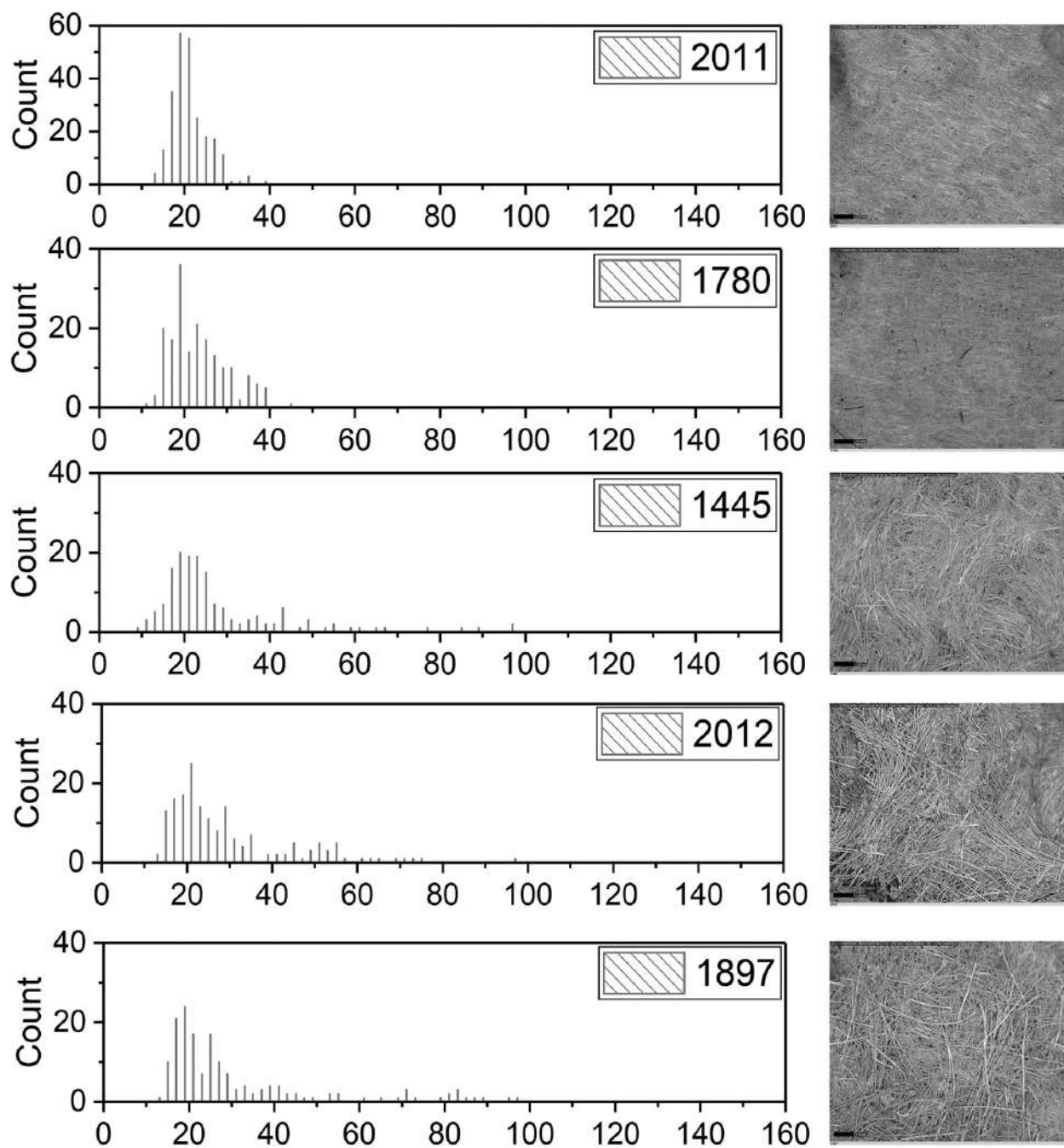

Рис. 1. Результаты анализа качества шерсти пяти образцов из могильника Мощевая Балка: слева – гистограммы распределения волокон шерсти по диаметру, справа – микрофотографии образцов.

слоями более грубого переходного волоса и ости (Карачаевцы. Балкарцы, 2014). Сортировка сырья позволяла компенсировать естественный недостаток руна у грубошерстных пород – его неуровненность по тонине, когда при стрижке вместе оказываются как тонкие, так и более грубые волокна. Анализ археологических образцов войлоков показал, что аланам была хорошо известна техника сортировки.

Образец 2011 – фрагмент войлока белого цвета из погр. 348 – отличается очень высоким качеством шерсти и содержит только пуховые волокна с тониной 19 мкм, класс качества АВ. При построении аппроксимирующей кривой отметим небольшое плечо со стороны больших значений диаметра и небольшой максимум в районе 35 мкм, которые могут быть свидетельством тщательной сортировки сырья, в результате которого в войлоке остались лишь отдельные переходные волокна.

Образец 1780 – фрагмент изделия дугообразной формы из плотного белого войлока – был обнаружен в погр. 372. При аналогичном значении тонины пуховых волокон и близких значениях минимальной и максимальной тонины, образец содержит большее количество переходных волокон, что дает оценку качества шерсти CD, на три класса ниже образца 2011. Шерсть перед изготовлением данного войлока также сортировалась, что объясняет отсутствие в образце грубых волокон.

Образцы 1445, 2012 и 1897 из погр. 348 имеют мультимодальное распределение и помимо пуховых волокон содержат значительное количество переходных и остевых. Несмотря на то, что при оценке их качества были получены значения D, D и E соответственно, пуховые волокна имеют максимум распределения при 20-21 мкм, что незначительно превышает значения для двух предыдущих образцов. Более низкие значения качества объясняются отсутствием сортировки шерсти после стрижки.

Одним из возможных объяснений различий в качестве шерсти образцов является их разное назначение. Более качественная шерсть могла использоваться для изготовления одежды, соприкасающейся с кожей, тогда как более грубая – для производства других изделий. К сожалению, в коллекции образцов шерсти из северокавказских скальных могильников отсутствуют шкуры животных или фрагменты руна, что позволило бы определить качество сырья, а не изделий. Отметим также, что до нас дошли только отдельные фрагменты войлоков, и по ним невозможно реконструировать детали одежды или предметы снаряжения, однако дальнейший анализ коллекции позволит уточнить сделанные выводы и представления о технологиях производства шерстяного текстиля на Северо-Западном Кавказе в раннем средневековье.

Литература

1. Пахунов А.С., Елкина И.И., Тарасов П.Е., Вагнер М., Кочкаров У.Ю., Дэвлет Е.Г. 2018. Шерстяные ковры из аланских погребений VIII-X вв.: качество шерсти и технология изготовления // РА. № 4.
2. Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева. М., 2014.

Пьянков А.В.

ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция», г. Краснодар

МОГИЛЬНИК ПАШКОВСКИЙ-1: ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

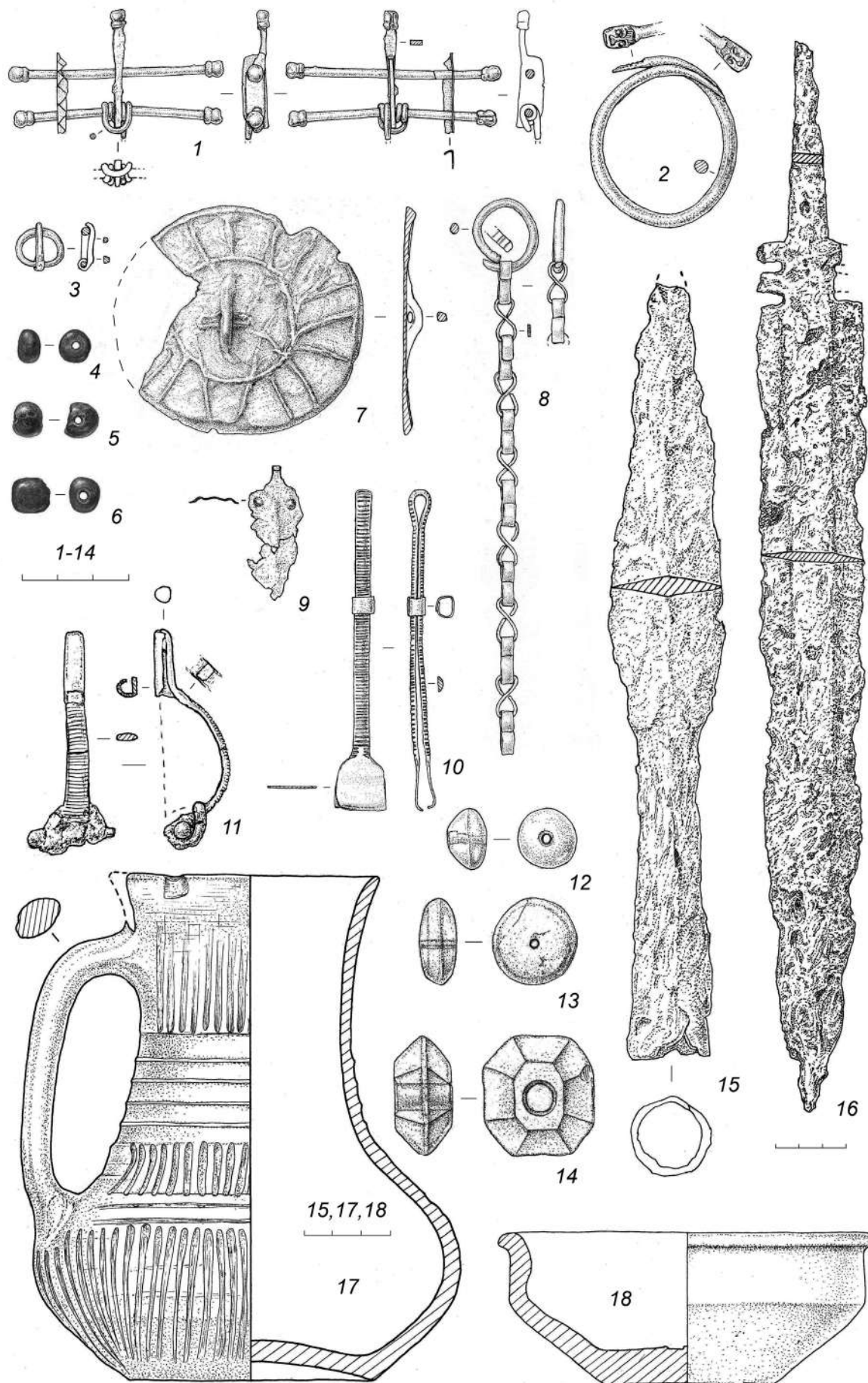
В 2016 г. из печати вышла публикация, посвящённая раннесредневековому Пашковскому могильнику №1. Том I издания содержит биографию и воспоминание о К.Ф. Смирнове, выдержки из его отчетов о раскопках могильника в 1947-1949 гг. и приложения с каталогом инвентаря за все три года исследований, с выписками из отчета Н.В. Анфимова по раскопкам Пашковского могильника № 1 в 1936 г. (Смирнов, 2016. С. 9-78). Кроме этого, в других приложениях повторно опубликованы четыре работы – М.В. Покровского, Н.В. Анфимова и К.Ф. Смирнова – с краткими результатами исследований названного некрополя и картой археологических памятников Прикубанья, зафиксированных к 1937 г. (Смирнов, 2016. С. 79-134). Завершается том сводом иллюстраций (Смирнов, 2016. С. 135-276). Том II посвящён анализу погребального инвентаря, погребальному обряду и вопросам хронологии, антропологии и т.д. (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016).

Качественно и полно изданы материалы из раскопок К.Ф. Смирнова. Авторский коллектив не только привел все имеющиеся материалы, но и дополнил публикацию необходимыми рисунками и снимками.

Материалы Пашковского могильника № 1, хранящиеся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике (далее: КГИАМЗ), представлены только отчетом Н.В. Анфимова и несколькими предварительными публикациями. Значительная часть краснодарских материалов остается неизвестной специалистам. Что же хранится в фондах КГИАМЗ?

Во-первых, предметы из Пашковского могильника № 1, который собирал М.В. Покровский в течение 1927-1933 гг., включающие подъемные материалы из случайных находок и нескольких доследованных погребений, в КГИАМЗ не поступали (Покровский, 1941. С. 159-169. Рис. 1-9; 2016. С. 82-92. Рис. 1-9). В архиве музея нет ни полевой документации, ни описей, ни самих археологических предметов. В археологических фондах среди беспаспортных вещей нет тех, которые можно было бы соотнести с артефактами, опубликованными М.В. Покровским, кроме одного предмета. Здесь хранится т. наз. «кинжал вырезами» (рис. 1, 16), который идентичен кинжалу, найденному с находками 1927 г. (Покровский, 1936. С. 82. Рис. 2). Он также не имеет ни паспорта, ни этикетки. Кроме этого, в 1927 г. Покровским была найдена «халцедоновая гемма с резным изображением

Рис. 1. Могильник Пашковский № 1: 1, 2, 4-7, 8, 10, 12-14 – подъемный материал 1938 г.; 3, 9, 11, 15, 17, 18 – погребальный инвентарь 1936 г.: 3, 9 – погр. 2; 11 – погр. 18; 15, 18 – случайные находки; 17 – погр. 3; 16 – подъемный материал 1927 г. 1, 10 – бронза с серебрением; 2-3, 7-9, 11 – бронза; 15, 16 – железо, 4-6 – янтарь; 12-14 – горный хрусталь; 17, 18 – керамика.

двух воинов, держащих в руках меч» (Покровский, 1936. С. 83). Гемма, вероятно, сасанидская, и она была утрачена, но в архиве Н.В. Анфимова хранится фотоснимок вещи из находок 1927 г., где имеется снимок лицевой стороны этой геммы.

Во-вторых, здесь хранятся не только предметы, упомянутые в отчете и в статье Н.В. Анфимова, но и предметы из случайных находок и разрушенных погребений, переданные в фонды КГИАМЗ. Материалы сданы, как поступившие из археологической экспедиции Анфимова 1936 г. Они имеют шифр КМ 1652/1-171 (Анфимов, 1941. С. 217, 218. Рис. 58, 60; 2016. С. 117, 118. Рис. 58, 60). Описание материалов дополняет отчет 1936 г. Первые 22 предмета происходят из погребений, разрушенных до работы экспедиции. Номера с 23 по 168 получили вещи, найденные в 20 погребениях. Коллекцию дополняют 37 предметов из случайных находок, получившие №№ 169-171. Под этими номерами числятся 35 вещей из подъемного материала на могильнике. Еще в нескольких случаях в описи под одним номером записаны от 2 до 28 предметов. Под № 26 числится 315 ед. бус и бисера из разных материалов, а № 42 присвоен ожерелью из бус и бисера из янтаря, пасты и полупрозрачного стекла в количестве 89 экз. Среди артефактов имеется более 30 кувшинов, кружек, кубышек и мисок, т.е. столовых керамических сосудов (рис. 1, 17, 18), бронзовые пряжки (рис. 1, 3), двухчастные, бронзовые и серебряные фибулы с пластинчатыми прогнутыми спинками, трубчатыми приемниками (рис. 1, 11), листовидная подвеска (рис. 1, 9), бронзовые браслеты с разнообразными концами, железный втульчатый наконечник копья (рис. 1, 15).

Коллекция 1936 г. включает 736 артефактов, но за длительный и сложный период хранения вещей из Пашковского могильника № 1 отдельные предметы были депаспортизованы.

В-третьих, фондах КГИАМЗ хранится еще одна коллекция материалов, собранных на территории Пашковского могильника № 1. Эта небольшая коллекция, имеющая шифр КМ 851, включает более 30 вещей (есть утраченные предметы). Хотя эти артефакты оформлены на хранение в КГИАМЗ раньше анфимовской коллекции 1936 г. (КМ 1652), но в Акте приема на хранение значится 1938 г., как время передачи вещей в музей. Среди этих артефактов находятся примечательные предметы: два пружинных механизма от двухпластинчатых фибул (рис. 1, 1), подобных фибулам из Дюрсо (Дмитриев, 1982. С. 69-77. Рис. 1); зеркало типа «Чми-Бригецио» (рис. 1, 7); фрагмент цепочки с кольцом (рис. 1, 8); серебряный косметический набор на фигурном кольце, с копоушкой и другим инструментом (рабочая часть утрачена); серебряный пинцет с подвижной манжетой (рис. 1, 10); бронзовый браслет круглого дрота и с пластинчатыми концами орнаментированными личинами (рис. 1, 2); бронзовая фигурная пряжка; бусы шаровидные сердоликовые, бусы шаровидные янтарные, дважды симметрично усеченные (рис. 1, 4-6); бусы из горного хрусталя разных форм (рис. 1, 12-14) и т.д.

Первые исследователи обосновали датировку Пашковского могильника № 1 в пределах V-VI вв. (Покровский, 1936. С. 169) и V-VII вв. (Анфимов, 1941. С. 218). Авторы двухтомной коллективной монографии определили общую дату погребений второй трети V – второй трети VI в. и сер. VI в. – сер./третьей четв. VII в. (Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016. С.87, 88).

Как можно видеть, краснодарская часть материалов довольно значительна. Публикация всего массива пашковских древностей существенно увеличит базу данных по изучению известного раннесредневекового некрополя на Северо-Западном Кавказе и позволит вывести его материалы на уровень полноценного исторического источника.

Литература

1. Анфимов Н.В. 1941. Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. Под ред. В.В. Гольмстейн. М.-Л.
2. Анфимов Н.В. 2016. Река Кубань // Смирнов К.Ф. Пашковский могильник № 1. В 2-х т. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947-1949 гг. / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.
3. Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. Советско-венгерский сборник. Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.
4. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. 2016. Пашковский могильник № 1. В 2-х т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. – М.: ИА РАН: СПб.
5. Покровский М.В. 1936. Пашковский могильник № 1 // СА. № 1.
6. Покровский М.В. 2016. Пашковский могильник № 1 // Смирнов К.Ф. Пашковский могильник № 1. В 2-х т. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947-1949 гг. / Отв. ред. А.В. Мастыкова.
7. Смирнов К.Ф. 2016. Пашковский могильник № 1. В 2-х т. Т. 1: Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.

Савенко С.Н.

ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей», г. Пятигорск

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАСКАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ С ДРУГИМИ ТИПАМИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В КОМПЛЕКСЕ РИМ-ГОРА

В кавказоведении давно изучаются средневековые наскальные захоронения, выдвигаются версии и не утихают споры об их культурной и этнической атрибуции (Савенко, 2017. С. 28-30). Актуальной проблемой остается установление соотношения данной погребальной традиции с захоронениями в иных типах погребальных сооружений (ПС). Наиболее близкими к ним конструктивно считаются катакомбы, в связи с чем, с начала 1970-х гг. закрепилось мнение о тесной связи наскальных и грунтовых камерных могил и аланской принадлежности обряда погребения в скалах (Т.М. Минаева, В.А. Кузнецов, В.Н. Каминской и др.). Данная версия неоднократно подвергалась сомнениям и контраргументации по хронологическим, культурологическим и иным доводам.

В докладе еще раз рассматриваются аспекты соотношения наскальных могил с катакомбами и другими типами ПС на материалах крупнейшего средневекового археологического комплекса Кавминвод Рим-Гора у с. Учкеекен Мало-Карачаевского района КЧР. На Рим-Горе А. Фиркович в 1848 г. первым из ученых указал, что «...много пещер вокруг горы с человеческими костями» (Фиркович, 1857. С. 379), а в 1885 г. М.М. Ковалевский впервые провел их исследования (Савенко, 2015. С. 38). К настоящему времени известно 2 скопления наскальных гробниц на самой горе и 4 могильника (Учкеекенский № 1, Джагинские №№ 1-3) в радиусе 1,5-2 км от основного городища, занятого и окруженного некрополями с могилами других видов (Рим-Гора №№ 1-3, Учкеекенский № 2), прежде всего катакомбами, часть из которых вырублена в скальном грунте. В картотеке Х.Х. Биджиева содержались данные о каменных ящиках V-VII вв. на ЮВ отрогах городища Рим-Гора и подземных склепах на СВ окраине Учкеекена (Алексеева, 1992. С. 158). Если учесть ресурсную зону хозяйственной деятельности населения Рим-Горы, выделенную Д.С. Коробовым (2012. С. 303-304), то число могильников увеличится (Ниязбековский № 1, Кая-Баши). Поэтому Рим-Гора вполне может служить полигоном для разработки данной проблематики особенно при условии организации на памятнике комплексных археологических исследований.

Важным направлением разработки темы является сравнительная классификация конструктивных особенностей ПС. Детализированные классификационные схемы предложила В.Б. Ковалевская (Ковалевская, 1981. С. 88; 1984. С. 152-154), разделившая скальные погребения на катакомбы, подбои и захоронения (склепы). «Полукатакомбы», «гробницы», помимо скальных катакомб, выделяли В.А. Кузнецов, Е.П. Алексеева, А.П. Рунич и др. Мною в 1989 г. был предложен структурно-компонентный принцип выделения типологических групп ПС (Савенко, 2017. С. 298-299). С 2019 г. я применяю термин «наскальные» могильники и захоронения, введенный Т.М. Минаевой (1971. С. 73, 113 и др.) и продвигаемый в последнее время В.А. Фоменко (2016. С. 86-90) исходя из того, что основное отличие погребений в скалах состоит не в том, что они совершены в скальном массиве, а в том, что могилы возвышаются над земной поверхностью. У всех разновидностей наскальных

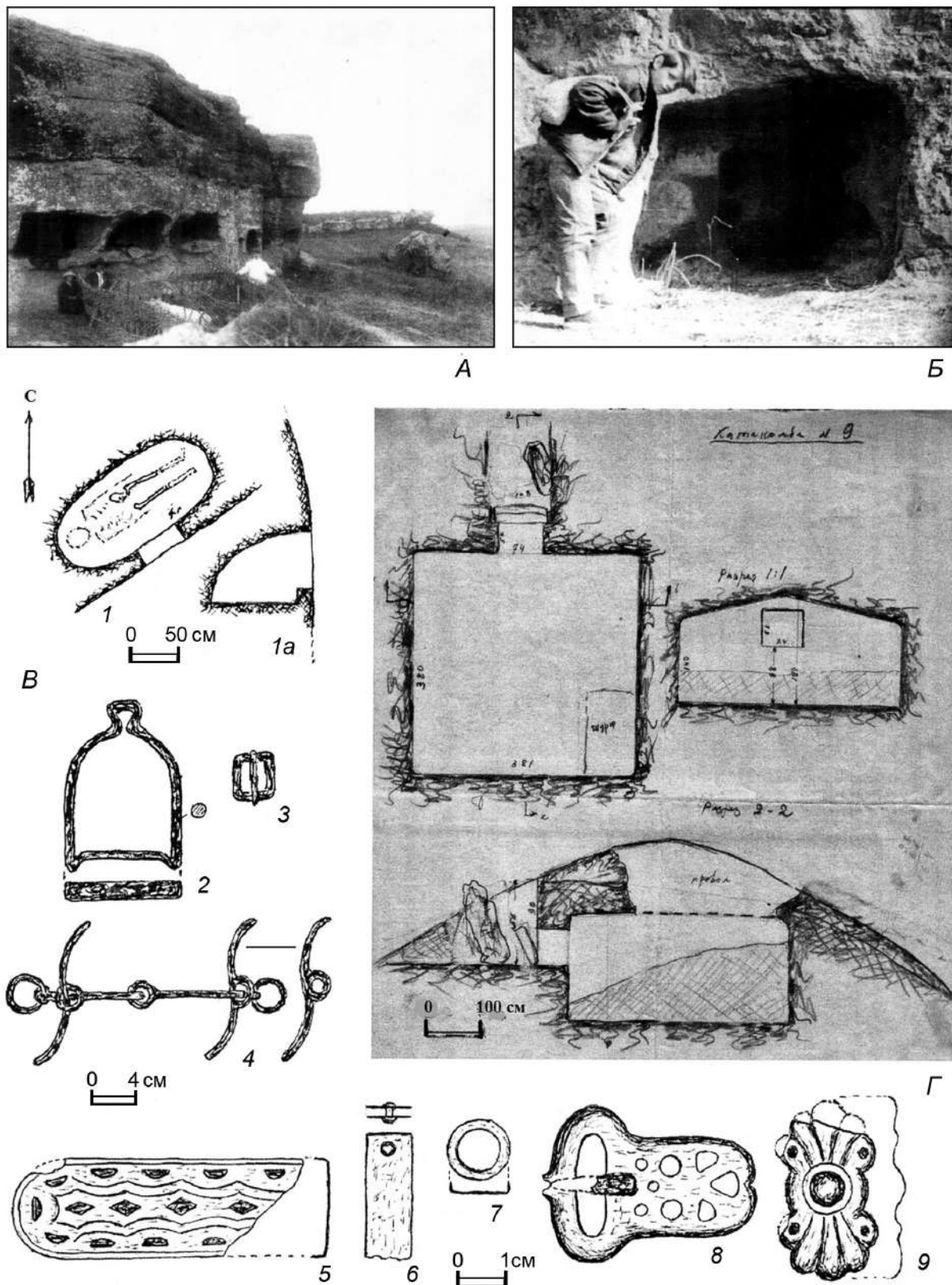

Рис.1. А – Учкеекский могильник № 1. Наскальные гробницы. Фото Г.И. Раева. 1910-е гг. Фонды ПКМ - №24844 Оф. Б – Учкеекский могильник № 1. Одна из гробниц с порталом. Фото 1959 г. В – Могильник Джагинский № 2. Погребение № 2: 1-1а – план и разрез погребения. Находки: 2-4 – железо, 5-9 – бронза. Рис. А.П. Рунича. 1974 г. Г – Могильник Рим-Гора № 1. Катакомба 9. План и разрезы погребального сооружения. Чертеж А.П. Рунича. 1959 г.

могил не отмечается развитие конструкции вниз (дно устраивается на естественном уровне скального основания, либо выравнивается, в высеченных камерах уступ от входного отверстия ко дну (порог) не бывает высоким). Думается, что это связано не только с технологическими, но и духовно-религиозными причинами. Поэтому могилы, вырубленные в скальном грунте под уровнем земной поверхности, должны относиться к другим категориям ПС (катакомбы, подбои, ямы). Грунтовые катакомбы лучше именовать «подземными», как и склепы, отличая их от наскальных камер по соотношению с уровнем земли, а от склепов – по особенностям конструкции и технологии сооружения.

В наскальных могильниках Рим-Горы имеются сложные и трудоемкие двух и трехчастные камерные гробницы и полукамеры (боковые углубления в скалу различных открытых форм). По свидетельствам XIX в. существовали и захоронения в частично обработанных естественных нишах и гротах. Такие камеры с изображениями крестов на стенах были зарисованы в 1891 г. Д.М. Струковым и опубликованы в 1911 г. Н.Е. Макаренко (Макаренко, 1911. С. 122-125. Рис. 105-106, 110). Гробниц со сложенными из камней стенами, известных на других могильниках, не выявлено.

Сложные, тщательно высеченные камерные гробницы (ок.50) имелись в могильнике Учкеекский № 1, который также явно принадлежал средневековому городу. Он включал крупные камеры с порталами (рис. 1А,Б). С конца XIX в. посещался исследователями и экскурсантами. Давно ограблен, могилы вычищены и использовались местными жителями для бытовых и хозяйственных нужд. Сегодня часть могильника находится во дворе дома с. Учкеек. Рядом с наскальными были и качественно высеченные в скале подземные катакомбы. О датировке наскальных камер трудно что-либо сказать. Вплотную к ним примыкал грунтовый могильник Учкеекский № 2 из простых ям иногда с досками, ям с заплечиками в скале с фигурными каменными перекрытиями, каменных ящиков и травертинового гроба-«саркофага», содержавшие малоинвентарные захоронения с западной ориентировкой. Примерная датировка – X-XII вв., но возможны более поздние даты.

Среди 66 гробниц в скалистом плато левого берега р. Эшкакон в устье ее ущелья А.Л. Нечитайло описала в 1963 г. отдельные камеры с «коридорами» длиной до 1,5 м и шириной 1,2 м (Минаева, 1971. С. 96-98). Могильник также давно попал в зону жилой застройки Учкеекена.

Джагинский могильник № 1 А.П. Рунич датировал как самый ранний в рамках VII-VIII вв. (Рунич, 1971. С. 175). Неопубликованные захоронения могильников №№ 2 и 3 содержали комплексы VIII-IX вв. (Рис. 1В).

Примечательно пространственное соотношение наскальных могильников с кладбищами с иными типами ПС. Не исключено, что на описанных Учкеекских могильниках хоронили представители одной общности, соблюдавшие различные обряды и перешедшие к грунтовым могилам под влиянием христианства. На других некрополях прослеживается определенное обособление скальных от подземных катакомб и других типов ПС. На могильнике № 1 (Рунич, 1970. С. 198-210), в котором значительная часть камер вырублена в скальном грунте, все выявленные ПС, даже на почти не содержавшем почвы гребне куэсты (Рис. 1Г), обладают конструктивными деталями подземных катакомб, а в возвышающейся над некрополем восточной скальной стене плато выявлено только 2 искусственных сооружения, отличающихся от наскальных гробниц. Не отмечается пока прямых совпадений расположения наскальных и подземных камер в иных частях городища. Другие наскальные могильники отделены от городища значительным расстоянием, тогда как ранний катакомбный могильник Рим-Гора № 2 располагался в глинище на западном отроге

горы. Это может служить дополнительным аргументом для исследователей, не считающих скальный и подземный катакомбный обряды полностью идентичными, а «наскальников» – аланами в этническом отношении. Но однозначные ответы на рассматриваемые вопросы еще впереди.

Литература

1. Алексеева Е.П. 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.
2. Ковалевская В.Б. 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20 т. М.
3. Ковалевская В.Б. 1981. Кавказ и аланы. М.
4. Коробов Д.С. 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья I тыс. н.э. Т.1. Ландшафтная археология Кисловодской котловины. М., СПб.
5. Макаренко Н.Е. 1911. Археологические исследования 1907-1909 годов // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 43. СПб.
6. Минаева Т.М. 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь. 248с.
7. Рунич А.П. 1970. Катакомбы Рим-Горы // СА. № 2.
8. Рунич А.П. 1971. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. № 2.
9. Савенко С.Н. 2015. Из истории исследования раннесредневековых скальных погребений в бассейнах рек Кумы, Малки и Баксана (к 130-летию изучения данной категории памятников в регионе) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. №1 (24).
10. Савенко С.Н. 2017. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э. // Археология евразийских степей. Вып. 24. Пятигорск - Казань.
11. Фиркович А. 1857. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического общества. Т. IX. Вып.2. СПб.
12. Фоменко В.А. 2016. Хасаутский некрополь и другие раннесредневековые наскальные могильники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности) // Общество: философия, история, культура. № 9.

Сагитова М.Д., Курбанова А.Б.

Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи. г. Махачкала

НАХОДКИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СКЛЕПОВ БЛИЗ С. ВЕРХНИЙ КАРАНАЙ (ДАГЕСТАН)

В Национальном музее РД им. А. Тахо-Годи хранятся артефакты из раннесредневекового могильника, расположенного в 1,5 км к ЮВ от с. Верхний Каранай на возвышенности Чапчак (Иессен, 1935. С. 29; Исаков, 1966. С. 50. №№ 637, 638; Абакаров, Давудов, 1993. С. 136-137. №№ 268, 269, 283, 285).

В 1928 г. при строительстве дороги близ с. Верхний Каранай был разрушен склеп, вещи из которого доставили в Дагестанский краеведческий музей (Исаков, 1966. С. 50. Табл. 9, 10). Находки включали бронзовые предметы: 6 височных привесок с 14-гранником на конце, 9 Т-образных фибул, 2 браслета, 3 серьги в виде колец с подвешенной зернью, полый бубенчик, овальнорамчатую пряжку и 2 ременные накладки, подвески в виде гирьки и лабриса, костяную булавку и железный нож (рис. 1).

В 1937 г. СКАЭ раскопала еще 3 склепа, которые оказались ограбленными; могильник был датирован VI-VII вв. (Артамонов, 1938. С. 18-23).

В 1968 г. здесь был случайно разрушен еще один склеп, а богатый инвентарь, который кроме украшений содержал предметы вооружения, в т.ч. 10 железных наконечников копий (Магомедов, 1981. С. 74, 92, 212). Часть бронзовых и серебряных украшений из этого могильника хранится в ДМИИ им. П.С. Гамзатовой.

Инвентарь из упомянутых склепов включает: 8 височных подвесок с 14-гранной массивной полый бусиной на конце, 5 Т-образных фибул, 2 шейные гривны, 6 подвесок (3 лунницы, 1 – в виде гирьки, 1 – в виде лабриса и 1 – двуволютная), серьгу с неподвижной зернью на конце, 2 пряжки, 13 ременных деталей, 8 браслетов, булавку из прута и 2 ажурные подвески. Некоторые выразительные артефакты были опубликованы (Маммаев, 1989. С. 207, 212, 214. Рис. 51, 61, 64).

Т-образные шарнирные фибулы с прямоугольным щитком на корпусе составляют наибольшее количество (14 экз.) среди находок, имеют размеры от 6,5 до 10 см (рис. 1, 15-20). Подобные им представлены в памятниках VIII-IX вв. Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры (Смирнов, 1948. Рис. 160, 4, 8; Амброз, 1966. С. 46. Табл. 6; Аксенов, 2012. С. 4-31). Одна фибула с широкой дужкой (рис. 1, 16), биконическими цельнолитными бусинами на перекладине и вертикальным выступом в центре находит аналоги в горной Чечне и Грузии и датируется VIII в. (Багаев, 2008. С. 156-157; Гавритухин, 2010. С. 414-415). Фибула с продольным вырезом на щитке (рис. 1, 15) отнесена к редким образцам (Атаев, 1963. С. 64. Рис. 6, 12). Не имеет аналогов и уникальная фибула с изображением птиц на дужке и щитке из склепа 1968 г. (Маммаев, 1989. С. 207. Рис. 51).

Другой группой массовых находок являются височные подвески диаметром 6,8-9,5 см из ромбического в сечении прута, с полый бусиной, надетой при помощи кольца и гаек на конец стержня (рис. 1, 21-23). Изучение этих украшений (их известно в Дагестане св.200), позволило в свое время проследить их эволюцию и датировать от VIII-X до XII-XIII вв. (Атаев, 1963а. С. 231-235). Установлен также способ их ношения – с креплением на

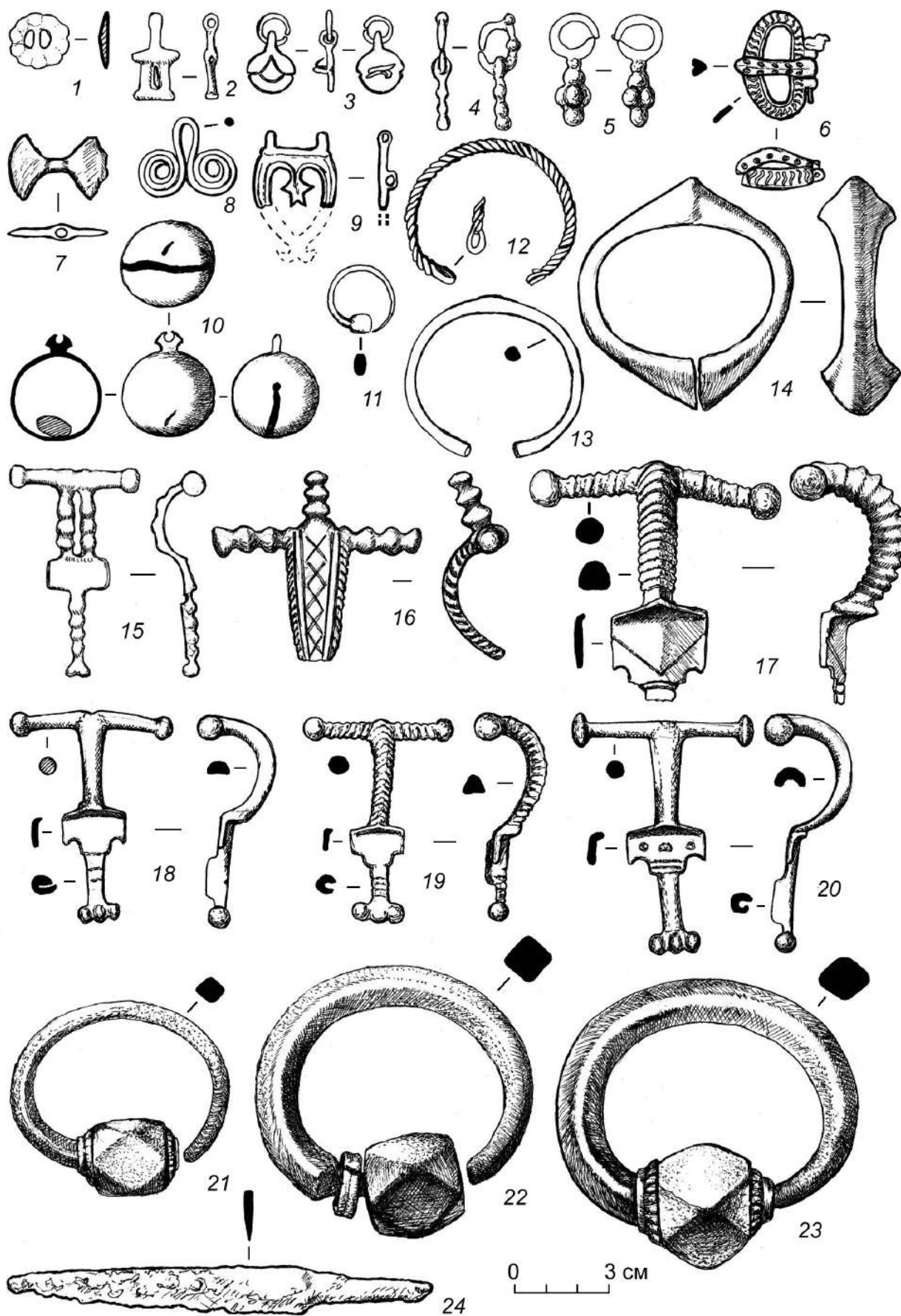

Рис. 1. Находки из средневековых склепов близ с. Верхний Каранай.

специальных полосах ткани или кожи, пришитых к вискам головного убора-чохта (Сагитова, 2012. С. 374-377).

Третья группа находок – браслеты (11 экз.) (рис. 1, 12-14) размерами 5,5-7,5 см, основная масса которых изготовлена из прута, с утолщениями посередине и на концах (рис. 1, 14). Один экземпляр из тонкого прута имеет концы в виде стилизованных змеиных головок. Браслеты имеют многочисленные аналоги среди материалов многих раннесредневековых памятников Дагестана.

Четвертая группа массовых находок – это поясные наборы салтовского круга, включающие 12 серебряных ременных накладок, 2 детали и 3 пряжки из бронзы. Поясной набор этой коллекции был реконструирован В.Б. Ковалевской и датирован VII-IX вв. (1981. С. 177. Рис. 61, 2). Лировидная пряжка из этой коллекции с щитком из двух тонких бронзовых пластинок для крепления к ремню относится к «продукции северокавказских мастерских, находившихся на территории Северной Осетии и восточнее» и датируется VII-IX вв. (Ковалевская, 1979. С. 35; Афанасьев, 1980. С. 141-152).

Интерес представляют декорированная овальнорамчатая пряжка (рис. 1, 6) и бляшка (рис. 1, 9) сердцевидной формы с изображением бутона лотоса или цветка граната (?).

Витые и гладкие шейные гривны с петлями и крючками на концах, происходящие из склепа 1968 г. в Верхнем Каранае хорошо известны в раннесредневековых памятниках Дагестана (Атаев, 1963. С. 32. Рис. 5, 1). В Верхнечирюртовском могильнике VII-VIII вв. их найдено 12 экз. (Путинцева, 1961. С. 258, 260), 2 экз. известны из катакомбного могильника Бораган-тюбе VIII-IX вв. близ с. Верхнее Казанище (Сагитова и др., 2016. С. 239. Рис. 1, 6,7).

Бубенчики, подобные нашему (рис. 1, 10), представлены в материалах Верхне-Чирюртовского и Агачкалинского могильников (Магомедов, 1981. Рис. 12, 28; Смирнов, 1949. Рис. 153).

Представленные в склепах выразительные артефакты позволяют придерживаться предложенной даты могильника VII-IX вв. Нет сомнения в том, что изучение этого интересного памятника значительно обогатит наши представления о материальной и духовной культуре населения предгорного Дагестана.

Литература

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
2. Аксенов В.С. 2012. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений Салтовского населения Подонцовья // Хазарский альманах. Т.10. Харьков.
3. Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. - IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30. М.
4. Артамонов М.И. 1938. Отчет о работе Северокавказской экспедиции в Дагестане в 1937-1938 гг. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33.
5. Атаев Д.М. 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала.
6. Атаев Д.М. 1963а. Височные привески с 14-гранником // СА. № 3.
7. Афанасьев Г.Е. 1980. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
8. Багаев М.Х. 2004. Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан) // РА. № 3.
9. Гавритухин И.О. 2010. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон:

-
-
- результаты археологического исследования 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС (Материалы охранных археологических исследований). М.
10. Иессен А.А. 1935. Работы на Сулаке: Отчет о работах // Изв. ГАИМК. Вып. 110. М.-Л.
 11. Исаков М.И. 1966. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). М.
 12. Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2. М.
 13. Ковалевская В.Б. 1981. Восточное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
 14. Магомедов М.Г. 1981. Население Приморского Дагестана в VII-VIII вв. // Материалы по древней истории болгар. София.
 15. Магомедов М.Г. 1983. Образование Хазарского каганата. М.
 16. Маммаев М.М. 1989. Декоративно прикладное искусство Дагестана. Махачкала.
 17. Путинцева Н.Д. 1961. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // МАД. Т. II. Махачкала.
 18. Сагитова М.Д. 2012. Чохто: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
 19. Сагитова М.Д., Курбанова А.Б., Хазамов Д.-А.А. 2016. Новые археологические материалы из коллекции ДГОИАМ // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный.
 20. Смирнов К.Ф. 1948. Альбом к отчету за 1948 г. // Архив НМ РД.
 21. Смирнов К.Ф. 1948. Альбом к отчету за 1949 г. // Архив НМ РД.

Сланов А.А.

Институт истории и археологии PCO-A, г. Владикавказ

ПЕЩЕРНАЯ И СКАЛЬНАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ ОСЕТИИ

В 2001-2005 гг. автором проводились работы по выявлению и фиксации данной категории средневековых архитектурных памятников, и в итоге было зафиксировано 13 объектов. Следует оговорить, что в данной публикации не использованы сведения о наскальных укреплениях, входивших в состав оборонительных сооружений других архитектурных форм, в частности – заградительных стен (*Дарьяльская крепость*, стена в с. Бугултыкау, укрепление *Галфандаг* и др.).

В осетинской устной традиции подобный вид фортификационных сооружений носит название *фидэрттæ* – *укрепления*. Характерной особенностью их архитектуры являются оштукатуренные и покрытые желтой охристой краской снаружи стены, что не характерно для строений последующего времени. На стенах крепостей Гули и Кадат сохранились тамгообразные знаки в виде свастики с закругленными концами. Вход в такие укрепления располагался, как правило, с правой (снаружи) торцевой стены, что затрудняло осаждающим пользование оружием.

Простейшие скальные укрепления представляют собой систему невысоких заградительных стен на разных уровнях (сс. Ксурт («*Сæхуыгы лæггæт*» – «*Пещера Сахуга*»), Кобан («*Фыдуарæн*» – «*Место дележа мяса*»), Кадаргаван («*Комдæггæл*» – «*Ключ ущелья*»), Лезгор («*Сау кезгайы мæсуг*» – «*Башня смуглой (черной) красавицы*»), Цазиу, Верхний Унал и др.). Часто постройка имела вид башенки, прилепленной к отвесной скале (сс. Хуссар-Хинцаг («*Тудджыны лæггæт*» – «*Пещера кровника*»), Гули, Кадат, Задалеск («*Седанти мæсуг*» – «*Башня Седановых*», «*Рафти мæсуг*» – «*Башня Рафти*») и др.). Сгруппированные вместе по несколько укреплений (до 10) они превращаются в настоящие крепости (сс. Нузал («*Нузалы фидэрттæ*» – «*Укрепления Нузала*»), Урсдон («*Урсдоны фидэрттæ*» – «*Укрепления Урсдона*»), Дзивгис («*Дзивгисы фидэрттæ*» – «*Укрепления Дзивгиса*»)).

Разновидностью скальных крепостей являются так называемые пещерные. В простейшем варианте это заградительные стены с бойницами, оконными и входными проемами, закрывавшие устья пещер.

Самым замечательным пещерным комплексом считается *крепость Дзивгис*, представляющая собой систему из семи оборонительных сооружений, пристроенных к пещерам и скальным навесам, тянущимся вдоль подошвы горы Кариу-хох. Каждое укрепление было самостоятельным очагом обороны, прикрывающим основную, нижнюю пещеру. Изучение с помощью скалолазов показало, что сообщение между отдельными башнями осуществлялось при помощи системы консольных балок, вбитых в скальные расщелины; на балки клался настил из двух-трех досок, по которому можно было пройти от одного укрепления к другому. Если требовалось сделать переход не по горизонтали, а по вертикали, действовали с помощью веревок. Таким образом, каждая башенка действовала автономно, и переход защитников во время боя из одного укрепления в другое был невозможен.

Техника их штурма была отработана только при Тимуре, для чего «лучников, в сплетенных для этого больших корзинах, сверху спускали до уровня пещер» и они осыпали

осажденных стрелами. Сохранилось описание штурма воинами Тимуром крепостей *Кулу* и *Тауса* Шереф-ад-Дином Йезди в «Книге побед» (1424-1425 гг.). Это были укрепления асских военачальников, которые «принадлежали к племенам обитателей Эльбурза». Особенно неприступной была крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы на такой высоте, что «пущенная стрела не долетала до нее». Тимур велел сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив на первый уступ горы, забраться воинам по ним на второй уступ, затем, подняв лестницы и установив их, снова взойти наверх и, таким образом, добраться до третьего уступа, где находилась крепость. Другая группа, опоясавшись канатами, и, прикрепив их концы к вершине горы, «спустились до места, находившегося против крепости». Оба отряда, действуя согласованно, сверху и снизу стали штурмовать крепость, защитники которой стрелами и камнями поражали осаждавших. Захватив крепость, штурмующие перебили ее защитников «из племени *Иркувун*». Крепость Тауса соотносят с укреплением Дзивгис, а крепость Кулу – с укреплением Гули, расположенным в 2-3 км от Дзивгиса.

Согласно осетинскому преданию, Дзивгисская крепость осаждалась войсками «*Шаха*» (т.е. шаха Аббаса I в начале XVII в.) при помощи артиллерии, оставившей проломы в главной башне. Другая легенда сообщает об обороне Урсдонской крепости, которую войска неприятеля после безуспешного обстрела из луков пытались взять штурмом – «надев на голову *наутæ*, захватчики ринулись к башне, но безрезультатно. Сверху на них сваливались деревья, начиненные железными гвоздями, камни, сыпали песок».

Нузальская крепость («*Нузалы фидар*») считается, согласно осетинским преданиям, резиденцией царя Ос-Багатара. Укрепление располагается на отвесных скальных карнизах над дорогой по правому берегу р. Ардон. Основные силы защитников сосредотачивались на скальном мысу, по периметру которого в два яруса шли невысокие оборонительные стены. Над этим укреплением на значительной высоте возвышалась центральная трехэтажная башня, поддерживающая стрельбой сверху защитников стен и доступ к которой контролировался небольшой башенкой. На правом фланге крепость защищала еще одна башенка, а на левом – комплекс из пяти маленьких построек. Каждая из них была рассчитана на 1-2 стрелков, и они были предназначены для фланкирования боковых доступов к основному укреплению.

Наиболее интересной является *Урсдонская крепость* («*Урсдоны фидæрттæ*»), основание которой народная молва приписывает *Уæлладжыру* – родоначальнику осетин. Крепость состоит из 5 прямоугольных башен, прилепленных к отвесной скале. Башни дополняются невысокими каменными кладками на скальных выступах. Основная линия обороны располагалась на естественных площадках у подножия скалы и в нужных местах укреплена подпорными стенами и парапетами. В центре крепости имеется два прохода в разломах скалы: один – горизонтальный, уходящий вглубь горы, по легенде, соединяющий Урсдонскую крепость с Дзивгисской в соседнем Куртатинском ущелье; другой – спускающийся вниз из расщелины между двумя высокими башнями, и, по легенде, ведущий к р. Урсдон.

Сообщение между укреплениями осуществлялось по узким разломам и расщелинам в известковой породе горы. Главная башня, расположенная в правой части крепости, имела 4-5 этажей. На ее фасаде на нижних этажах с правой стороны имеются три дверных проема, расположенных один над другим. На верхних ярусах в торцевой части башни по центру расположены два широких оконных проема. Правая торцевая сторона башни полностью обрушена.

Вторая башня сохранилась лишь с фасадной части. Здесь фиксируется 4 этажа. Крупный проем расположен в центре четвертого этажа, в остальных трех – по одному оконному проему, расположенных в шахматном порядке. Две других башни были двухэтажными и имели по центру дверные проемы. У верхней башни на втором ярусе с фасадной стороны справа расположено высокое окно, при необходимости служившее входом. От пятой башенки, высотой в один ярус, сохранилась лишь правая часть. Как видно по внутренней части башен, все входные проемы имели арочную форму и были снабжены дверьми с запорами. Справа над крепостью начинается большое плато Сухс, единственная дорога на которое перегорожена невысокой заградительной стеной-парапетом, входившей, по всей видимости, в систему обороны крепости.

Аналогичные оборонительные сооружения продолжают дальше на запад (Балкария, Карачай, Абхазия) и на восток (Ингушетия, Чечня), что наводит на мысль о единой системе охраны магистрального пути через горный Кавказ в эпоху средневековья.

Субботин А.В.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ОБСЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

В 2019 г. экспедицией ИИМК РАН произведено обследование в урочище Лафишевское вблизи аула Красновосточный Малокарачаевского района КЧР.

В процессе выполнения работ была обследована территория открытого Х.Х. Биджиевым в начале 1970-х гг. городища «Красный Восток», не входящего в Единый Государственный реестр памятников истории и культуры и не состоящий в списке выявленных памятников археологии.

Исследуемая территория представляет собой высокое мысовое плато над каньоном левого берега р. Кума. Объект исследования находится в 2,4 км к ЮЗ от южной окраины а. Красновосточный. Это плато вытянуто по линии запад-восток и ограничено с южной стороны длинной и глубокой балкой Калажкор, а с северной стороны – более протяженной балкой Хацкекор. Соответственно южный и северный края склонов восточной части обследуемого участка крутые, а восточный борт участка (и в целом вся восточная часть мыса) обрывается к р. Кума скальным обрывом в несколько десятков метров. К западу эта территория имеет более плавное (от его самой высокой точки) понижение. В нижней части этого понижения находится самое узкое (с юга на север) место всего обследуемого участка. Его протяженность всего ок.80 м. Именно здесь находится вал высотой до 6-7 м в напольном западном его склоне и за ним ров глубиной 1-2 м. Ныне вал и ров заросли травой и мелким кустарником. В южной части вала, с напольной стороны зафиксировано небольшое по площади обнажение каменной кладки, сложенной из крупных блоков известняка насухо. Далее к западу территория плато имеет несколько более ровный рельеф в своей центральной части, но ее южный и северный борта тоже достаточно круто обрываются вниз к ложам названных балок. Территория обследования на самом западном краю плато ограничена руслом пересохшего и заиленного водотока, бывшего в прошлом родником. Еще западнее, за водотоком начинается уже современный антропогенный ландшафт.

Визуальный осмотр территории обследования с достаточной убедительностью доказывает, что в данном месте находилось укрепленное городище с неприступными восточным, северным и южным рубежами и оборонительным валом со рвом на западном, узком перешейке, за которым находилось связанное с городищем селище. Была осуществлена инструментальная съемка всей территории памятника на площади ок.8 га. Было определено, что памятник состоит из двух частей – само городище с валом и рвом (восточная часть) и селище с границей по правому борту родника, находящееся в западной части территории обследования.

Х.Х. Биджиев писал, что «городище Красный Восток расположено в четырех километрах к западу от аула Красновосточный, в естественно укрепленном месте, в ущелье р. Кумы. Оно было расположено на мысу и занимало площадь 4 га. С напольной стороны оно укреплено каменной стеной. Вдоль стены с внутренней стороны – остатки каменных построек. Ворота находились на юго-западном конце мыса.

С восточной стороны городища к нему примыкает селище. Керамика, собранная на городище, относится к VII-X вв. Городище располагается на месте селища позднекобанской эпохи».

Следует, однако, отметить, что:

1. Х.Х. Биджиев, а за ним и Е.П.Алексеева ошибочно указали расположение селища к востоку от городища, что невозможно, т.к. восточный край городища обрывается в узкий и затапливаемый сезонными паводками каньон р. Кума. На действительности селище располагается к западу от городища на достаточно удобной для этого площадке и недалеко от родника.

2. Ворота на городище, скорее всего, находились не на южном конце вала, где не обнаружено свидетельств наличия прохода, а, вероятнее, с северной стороны вала – в месте, где зафиксировано его некоторое понижение и где в настоящее время проходит колея на территорию городища.

Городище вытянуто в длину по линии запад-восток на 380 м, а в ширину имеет в самой широкой части, ближе к восточному краю – 180 м. Самая узкая часть – на западном краю городища, где зафиксированы высокий вал и ров. Превышение самой высокой части городища над уровнем его краев – до 13 м. Следов каких-либо каменных конструкций на дневной поверхности не обнаружено.

На территории самого городища выявлены несколько широких воронкообразных неглубоких западин подквадратной, подпрямоугольной или овальной формы с хорошо заметным валиком по контуру. Таких западин, размерами в сечении от 8 до 15 м зафиксировано не менее 7. Вероятнее всего эти западины являются полностью заросшими остатками фундаментов каких-то турлучных построек в центральной части городища. Никаких каменных стен по периметру памятника не найдено.

Не столь рельефная западная часть обследуемой территории, представляющее собой селище, занимает чуть меньшую площадь. Его размеры с запада на восток – 220 м, с юга на север – 200 м. Площадка относительно ровная, лишь в восточной половине этой территории, т.е. ближе к валу и рву также выявлено 3 пологих воронкообразных западины в сечении от 8 до 20 м, с валиками по контуру – скорее всего, остатки заросших фундаментов каких-то построек.

В процессе инструментальной съемки памятника были обнаружены следы спуска с городища по северному борту мыса к дну балки Хацкекор. Это спуск представляет ныне заросшую широкую тропу, спускающуюся серпантинном по склону, причем в самом своем начале на данную тропу можно было выйти с территории, как городища, так и селища. Тропа прослежена лишь на верхней половине пути к дну балки, а ниже она теряется, видимо, из-за разрушивших ее осыпей крутого склона.

С целью выявления культурного слоя на территории обследования было заложено 6 разведывательных шурфов: 4 – на городище и 2 – на селище. В результате работ на обследованном участке в заполнении шурфов обнаружен культурный слой, развалины каменных фундаментов из крупных и средних по размеру обломков известняка, кости животных, св.200 фрагментов керамики.

Коллекция керамики состоит из некрупных фрагментов стенок гончарных (?) сосудов, или сосудов, правленных на круге (?), есть несколько мелких фрагментов стенок лепных сосудов. Венчики представлены в количестве мелкими фрагментами, не позволяющими определить форму сосуда. Керамика разнообразна по цвету глины, плотности теста, обжигу, примесям; представлены ангобированная, чернолощенная посуда, фрагменты стенок с гребенчатым линейным орнаментом, венчик с зубчатым штампом, фрагменты стенок с расчесами, с нагаром и без; видимые примеси – дресва, мелко- и крупнозернистый кварц (известняк или толченая ракушка); большую часть керамики объединяет примесь мелкозернистой слюды. Это керамический комплекс т позволяет предварительно отнести городище и селище ко второй пол. I тыс. н.э.

Тангиев М.А.

Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЧЕЧНИ XIII-XVI ВВ.

Чеченская Республика богата средневековыми погребальными памятниками, представленными различными конструкциями: грунтовыми ямами, катакомбами, каменными ящиками и гробницами, подземными, полуподземными и надземными склепы, пещерными погребениями. Большая часть артефактов из них опубликована и научно интерпретирована. Данное сообщение посвящено некоторым аспектам изучения грунтовых погребений Чечни (Тангиев, 1919. С. 157-160), которое позволяет сделать ряд наблюдений.

1. Все грунтовые могильники Чечни XIII-XVII вв. тяготеют к предгорно-равнинной полосе.

2. На сегодняшний день в республике зарегистрировано 17 грунтовых могильников. Из них частично подвергнуты раскопкам следующие: Автуринский (раскопано 5 могил); Бамутский могильник (4 могилы); Урус-Мартановский поворот могильник (3 могилы); Юрташтинский могильник (2 могилы); Ялхой-Мохкский могильник (2 могилы); Герменчукский (Чух-барз) могильник (2 могилы); Мескер-Юртовский могильник (2 могилы). На остальных могильниках исследовано по одной могиле.

3. Некоторую информацию о погребальном обряде мы имеем по 7 могильникам (выборка включает всего 30 захоронений), что в свою очередь затрудняет делать какие либо выводы.

4. Рассматриваемые погребальные памятники постоянно разрушаются в результате антропогенного воздействия. Их случайное обнаружение в большинстве своем – результат хозяйственной деятельности местных жителей.

5. Большая проблема состоит и в определении датировок грунтовых погребений, т.к. большинство из них безынвентарны. Однако их принадлежность к развитому средневековью подтверждают обнаружение в некоторых погребениях показательных предметов, например, железных ножей и ушных подвесок, как это было при раскопках Бамутского грунтового могильника (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. 1963. С. 242).

6. В свете слабой изученности средневековых грунтовых некрополей Чечни затруднено их сравнительное изучение и сопоставление с синхронными памятниками соседних регионов Кавказа.

7. Несмотря на существующие проблемы в изучении грунтовых могил позднего средневековья, их значительную безынвентарность, можно считать, что они отражают языческие религиозные представления их носителей.

Целенаправленное и всестороннее изучение средневековых грунтовых некрополей позволит осветить малоисследованные вопросы средневековой истории Северо-Восточного Кавказа.

Литература

1. Тангиев М.А. 2019. Новые данные по истории изучения грунтовых могильников с территории Чечни (XIII-XVI вв.) // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, проф. В.П. Невской. Карачаевск.
2. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. 1963. Бамутский курганный могильник XIV-XV вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М.

Требелева Г.В.

Институт археологии РАН, г. Москва

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ХРАМА)

Среди находок, полученных в ходе раскопок на храме Маркульского городища (Очамчирский район Республики Абхазия) представлены многочисленные фрагменты строительной керамики (черепица (керамиды, солены), кирпичи), пифосов, столовых сосудов. Есть орнаментированные фрагменты, профильные части.

Керамический материал представлен, в основном, двумя типами глин. Первый – это красная глина, плотная, хорошо отмученная с небольшим количеством примесей. Вторым типом – это красная глина, более темная, ближе к коричневой или бурой, рыхлая, с большим количеством примесей (песок, шамот, известковые крупинки, почвенные железистые образования). Первый тип глины характерен в основном для памятников «раннего средневековья», второй – для «развитого» (Трапш, 1975. С. 131-132). Статистическая обработка керамики показала, что доля первого типа в общем объеме керамики составила 79%, доля второго типа – 21%. Кроме этих двух типов, также встречалась серая глина, но ее процент не велик – 2%. Бурая глина, плотного замеса составила 6% от общего числа керамики. Кроме керамики местного происхождения, была обнаружена и импортная керамика (1%) из белой и розовой глины.

Строительная керамика представлена кирпичами, плоской и полукруглой черепицей. К сожалению, сохранность не позволяет полностью определить точные размеры. Но использованные строительные материалы – однотипны. Кирпичи толщиной 3 см, чаще (70% от всех кирпичей) – 5 см, шириной 27 см, длина неизвестна. *Плоская черепица: размер не определен, высота бортика стандартно у всех образцов 5 см. Полукруглая черепица высотой в 5 см. Толщина черепицы – 1,5-2 см.*

Столовая посуда представлена обломками гончарных сосудов (пифосов, кувшинов, горшков, мисок) и единичных экземпляров лепных. Стенки пифосов и кувшинов – как с рифлением (45%), так и гладкие (55%). Толщина стенок пифосов (5% от общего числа фрагментов) – в пределах 1-2 см. Толщина стенок столовых сосудов (кувшинов, горшков, мисок) в абсолютном большинстве (85%) варьируется в пределах 0,7-1 см. Но встречаются и тонкостенные сосуды – толщиной 0,5-0,3 см (10%).

По форме венчиков вся керамика делится на три основных типа: 1) с простым вертикальным или слегка изогнутым – это самый массовый тип (51% от всех венчиков) (рис. 1А, 1-6); 2) – это с отогнутым наружу, с широким (1,5-3 см) краем (29%), часто с различными валиками и канавками (рис. 1А, 7-10); 3) с прямым или слегка изогнутым наружу, со сложным профилем (различные валики и канавки) (20%) (рис. 1А, 11-5).

Посуда в большинстве своем плоскодонная (составляет 83% от всех фрагментов донцев) (рис. 1Б, 1), но встречаются с профилированным дном: с дном с «сапожком» (13%) (рис. 1Б, 2), при чем «сапожок» часто выражен очень слабо; изредка с кольцевым слабо-выраженным поддоном (4%) (рис. 1Б, 3). Четко профилированный большой поддон встречен лишь у одного импортного сосуда.

Достаточно большой процент (38%) найденных фрагментов керамики составляет керамика с орнаментом (рис. 1). Орнамент располагается под венчиком, у края донцев и на стенках сосудов. Наиболее часто встречается, в основном ближе к венчику, налипной концентрический поясок (52% от всех орнаментированных фрагментов) (рис. 1В, 1-5). Он

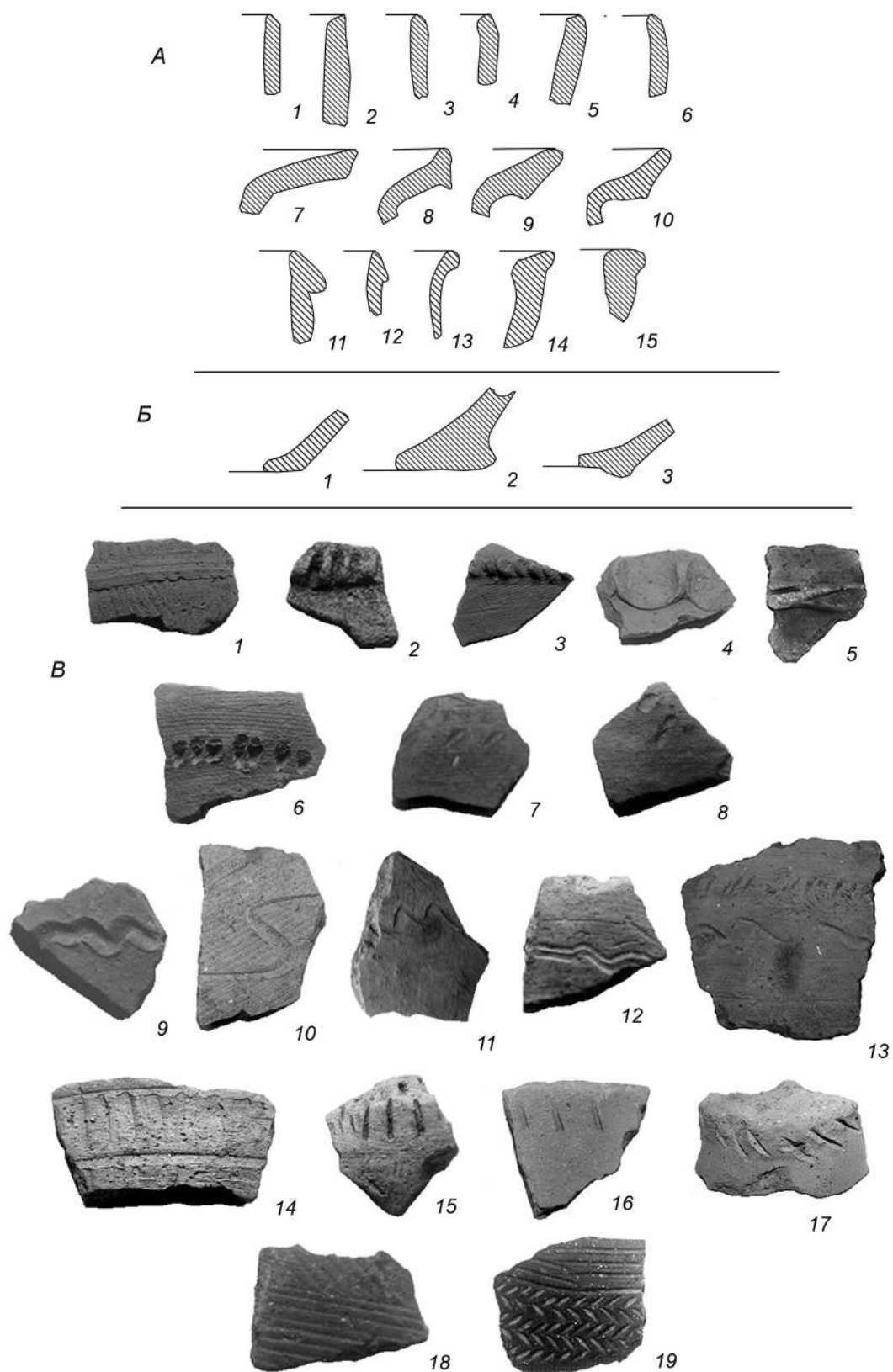

Рис. 1. Керамика из раскопок храма Маркульского городища:
 А – венчики сосудов, Б – донца сосудов, В – типы орнамента керамики (без масштаба)

представлен простым наклепным пояском в виде жгута (рис. 1В, 1), шириной 1-2 см (79% от всех наклепных поясков); в виде наклепа-жгута с «канавками» (7%) (рис. 1В, 2), в виде небольших «лепешек» (рис. 1В, 3), наложенных друг на друга (5%), в виде жгута с пальцевыми вдавлениями (5%) (рис. 1В, 4), и в виде «косички» (4%) (рис. 1В, 5). Подобные орнаменты мы встречаем на стенках пифосов и крупных сосудов (толщина стенок 0,7-1,5 см). Аналоги представлены на пифосах из цебельдинских погребений (Трапш, 1971. Табл. XXXVII; 1975. С. 220) и на сосудах VII-X вв. (Трапш, 1971. С. 132-133).

Встречается орнамент в виде круглых или каплеобразных вдавлений. Такой тип составляет примерно 8% от всех орнаментированных фрагментов. В свою очередь их также можно разделить на три вида: вдавления идут по линии прямо (56%) (рис. 1В, 6), наклонно (22%) (рис. 1В, 7) или представляют «лепестки цветка» (22%) (рис. 1В, 8). Такие элементы декора также находят аналогии среди «цебельдинских» и раннесредневековых материалов (Трапш, 1971. Табл. XXI, XXXVIII, XV; 1975. С. 137).

Узоры в виде врезных волнистых линий составляют второй по распространенности вид орнамента – 19% (рис. 1В, 9-13). Вариантов подобных линий очень много. Здесь может быть и одна линия, в виде большой волны, и целый ряд нескольких линий, и сочетания волнистых линий с другими типами орнамента, в частности, с косыми насечками. Подобный тип орнамента универсален, встречается на территории Абхазии с эпохи бронзы до конца средневековья.

Хорошо представлен (13%) тип орнамента, в виде декора из косых линий и насечек. Можно выделить два основных варианта: в виде сложного «пояса», состоявшего из двух горизонтальных линий и в середине косые линии (28%) (рис. 1В, 14), и простого (72%) – состоявшего из линий или насечек сделанных вертикально (50%) (рис. 1В, 15) или наклонно (50%) (рис. 1В, 16, 17). Такой узор встречается как непосредственно на тулове сосуда (71%), так и у дна (29%). Как и волнистые линии, такая орнаментация сосудов характерна для всего периода средневековья, но восходят к более ранней эпохе – к «колхидской» керамике.

Широкую датировку имеет и орнаментация в виде гребенчатого рифления (8%), расположенного рядами и имеющего разные направления, образуя, таким образом, различные «пояски» (рис. 1В, 18), а иногда узоры в виде «елочек» (рис. 1В, 19). Отдельно стоит одна чернолощенная стенка с узором «елочка» полученного с помощью штампа – она и по характеристике глины (черная) и по декору, скорее, восходит к «колхидской» керамике, нежели к «цебельдинской» или средневековой (Гиголашвили, Качарава, 1977. С. 77; Кигурадзе, Лордкипанидзе, 1977. С. 56; Скаков, Джопуа, 2014. С. 100, 102).

Коллекция ручек с орнаментом небольшая – 5 экз. Ручки с овально-ямочными наколками датируются второй пол. I тыс. н.э. (Трапш, 1975. С. 220–221), ручки с бороздками – X-XII вв. (Трапш, 1975. С. 138). Также выделим три венчика пифосов: два венчика «треугольной» формы с шишечками, что характерно для пифосов V-VIII вв. (Трапш, 1975. С. 132, 134. Рис. 48, 1), и один венчик треугольной формы со штампом в виде решетки. Аналогов этого штампа найти пока не удалось.

Литература

1. Гиголашвили Е.Г., Качарава Д.Д. 1977. Керамика Колхиды VI-IV вв. до н.э. // КСИА. Вып. 151.
2. Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А. 1977. Дапнарское селище и могильник (К проблеме сельских поселений Колхиды) // КСИА. Вып. 151.
3. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. 2014. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236.
4. Трапш М.М. 1971. Культура Цебельдинских некрополей // Труды в 4-х томах. Т. 3. Отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1971.
5. Трапш М.М. 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды в 4-х томах. Т. 4. Отв. ред. А.Х. Халиков. Сухуми, 1975.

Требелева¹ Г.В., Саканиа² С.М., Хондзия² З.Г., Юрков³ Г.Ю.

¹Институт археологии РАН, Москва

²Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АНА, г. Сухум

³Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова РАН, г. Москва

ТОПОГРАФИЯ МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Маркульское городище (рис. 1), обнаруженное в 2013 г. совместной российско-абхазской экспедицией, расположено на территории с. Маркула (Очамчирский район Республики Абхазия), примерно в 10 км от берега моря, где располагался античный Гюзнос, а ныне – г. Очамчира. С 2014 г. ведутся планомерные исследования городища.

Оно расположено на двух, достаточно высоких плато, вытянувшихся в направлении ЮЮЗ-ССВ, и постепенно переходящем в предгорную часть. Т.е. по существу городище расположено на границе равнинной приморской и предгорной зон. Удобный подъем на плато имеется с южной стороны.

Еще у самой подошвы начала крутого подъема фиксируется остаток оборонительной стены, высотой до 1 м и длиной 8 м. В 2018 г. на линии этой стены был заложен шурф, который подтвердил, что стена, видимая над дневной поверхностью, продолжается вдоль всего склона, т.е. она огораживала весь склон, являясь, возможно, первой линией обороны. Следующая линия обороны – оборонительные стены на краю плато. Сохранились эти стены частично с южной стороны, сложены из крупного речного камня, ширина стены ок. 1,5 м, сохранившаяся высота до 0,8 м. С западной и восточной стены ныне не наблюдаются, но нами обнаружены фрагменты обвалившихся стен во время разведок внизу плато, и, по словам местных жителей, когда-то остатки их были видны. Частичное обрушение плато привело и к обрушению западного и восточного участков стены. Ширина плато в период функционирования памятника была больше.

Двигаясь дальше вдоль плато на СВ, мы упираемся в башню Алахаш-абаа. В 2017 г. она была исследована фотограмметрическим методом, который позволил определить размеры и архитектурные особенности сооружения, о чем мы уже сообщали (Требелева и др., 2019. С. 230-239). В 2018 г. были проведены на ней частичные раскопки: заложен небольшой раскоп (2х4 м) в юго-восточном углу башни, который документировал время ее существования, как минимум от позднеантичной эпохи (по находкам стекла между разными уровнями полов) до XV – нач. XVI в., т.е. до времени междоусобиц влиятельных князей Шервашидзе с менгрельскими князьями. Верхняя дата определена по слоям пожара и полученной радиоуглеродной дате.

От башни Алахаш-абаа, после небольшого спуска начинается крутой подъем. На вершине этого подъема (башня стоит на высоте 130 м абс., высшая точка плато – 150 м) находятся руины небольшого храма. Он представляет собой чуть вытянутый прямоугольник с полукруглой апсидой на восточной стороне, переходящей в продольные стены без заплечиков. Кладка нерегулярная, бутовая с двусторонней обкладкой со слегка обработанными блоками. Высота сохранившихся стен составляет 0,1-1,5 м. Раскопки, проведенные в 2014-2017 гг., позволили определить время его функционирования от конца IV-V в. н.э. до XV-XVI вв. Нижняя дата определена инвентарем из коллективных захоронений на территории храма, верхняя – по найденным здесь же монетам (в частности, «Нюрнбергским жетонам»).

Далее на СВ плато имеет понижение до высот 130 м, где на его краю были зафиксированы остатки стены длиной 6 м и шириной 1,3 м, высотой max. ок. 1,5 м. Стена сложена из рваного камня, но в одном месте наблюдается в кладке кирпич толщиной 3 см. Раствор

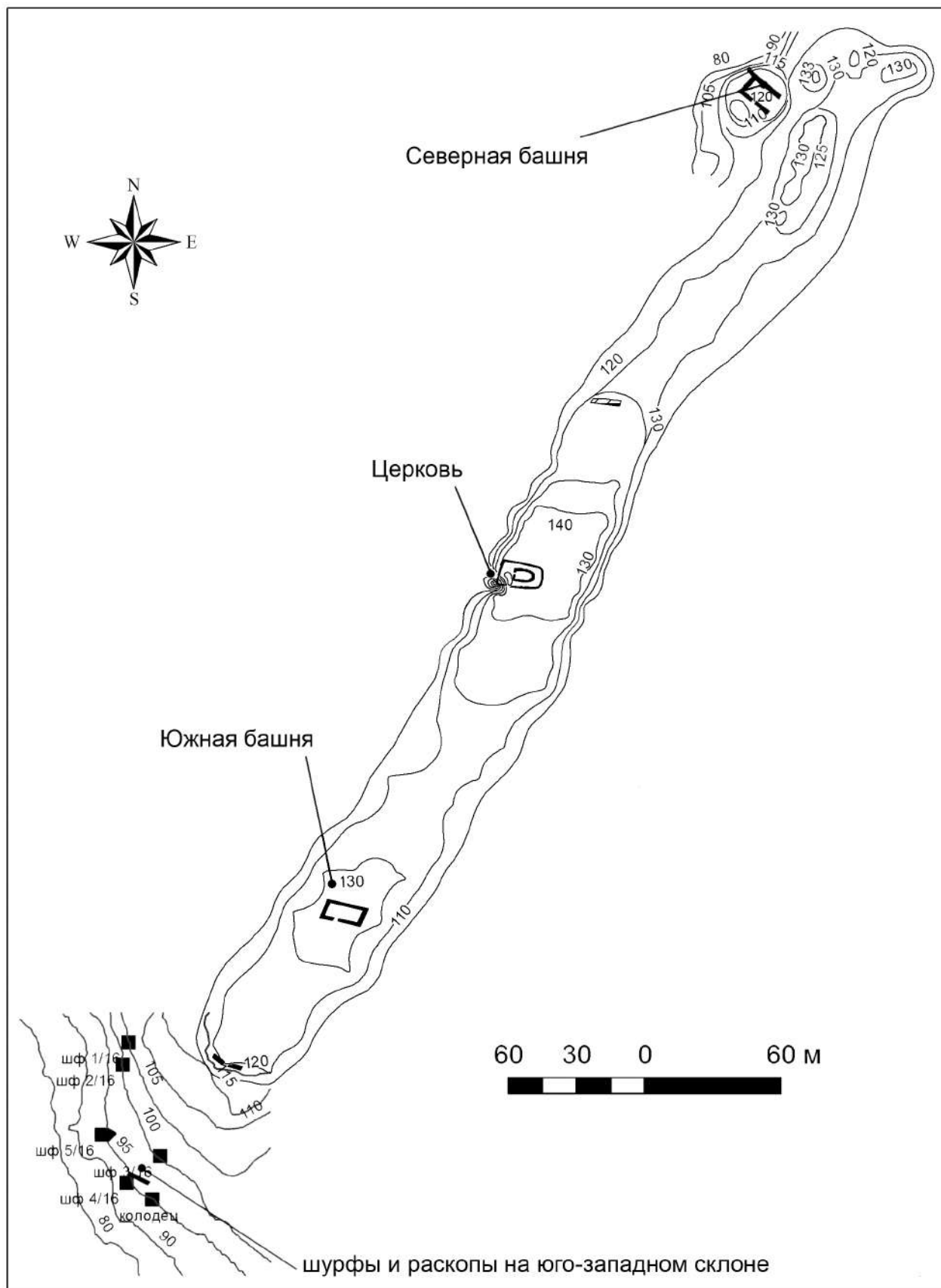

Рис. 1. Топоплан Маркульского городища.

совпадает с раствором из башни и стены в начале плато. Возле этой стены с внешней стороны был заложен шурф, в котором среди фрагментов средневековой керамики был обнаружен и один фрагмент стенки краснолакового сосуда.

Примерно в 90 м к СВ, на соседнем плато в восточной части зафиксирован фрагмент еще одной стены, шириной ок. 1,3 м. Стена расположена чуть ниже края плато и не исключено, что она сползла, в ходе абразивных процессов.

Далее, у основания плато с северной стороны находятся развалины еще одного сооружения, которое условно было названо нами «северная башня». Она почти полностью разрушена. Размеры башни, по внешнему периметру изначально нами были определены, как 12x12 м (Требелева и др., 2015. С. 298), но позже, после частичной зачистки и фотограмметрической съемки были уточнены план и определены размеры башни – 12x6 м (Требелева и др., 2019. С. 236). Толщина кладки стен 1,2-1,5 м, высота сохранившихся остатков 0,1-1,5 м. В 2019 г. был заложен раскоп (32 кв. м) у восточного края башни, с целью выявления четвертой стены сооружения, визуалью невидимой. Четвертая стена была, скорее всего, разрушена и от нее остался завал камней со следами кладки. Фрагменты стены, обнаруженные ранее по восточному краю северного склона, скорее всего, являются частями этой стены, снесенной трактором при прокладке грунтовой дороги. Важным результатом раскопок стало обнаружение архитектурных деталей – капителей колон и фрагментов барельефов, которые позволяют трактовать «северную башню» как остатки жилого помещения, «дворца» местного правителя, имевшего и оборонительные функции. Была обнаружена внутренняя стена здания, которая возводилась позже основных несущих стен, т.к. ее подстилали еще один уровень пола и культурный слой. Обнаруженная керамика позволяет датировать данную башню римско-византийским временем. Для более точного определения требуются дополнительные исследования.

Работы производились и на юго-западном склоне городища. Здесь, в западной части склона был обнаружен некрополь цебельдинского времени (Требелева и др. 2018. С. 265-272). А в центральной части склона раскопки выявили следы поселения: здесь были найдены зернотерки, шлаки, крица, многочисленные фрагменты керамики, отличающейся от керамики, представленной на вершине плато. Среди фрагментов керамики местного производства обнаружены обломки чернолаковой керамики, найдены также фрагменты горла и ножек хиосских и фасосских амфор. В целом керамика укладывается в рамки IV-II вв. до н.э. В верхних слоях раскопа встречается и более поздняя керамика: стенки краснолаковых сосудов, ручки амфор из местной глины, круглые в сечении, что характерно для рубежа эр (Требелева, 2019. С. 271).

Таким образом, проведенные работы позволяют осветить вопросы исторической топографии памятника. В ранний период Маркульское городище занимало в основном юго-западный склон, в цебельдинский период, точно не позднее IV в. н.э., население поднимается на плато и поселение огораживается каменными стенами.

Литература

1. Требелева Г.В., Саканиа С.М., Юрков Г.Ю. 2015. Маркульский археологический комплекс. // КСИА. 2015. Вып. 237.
2. Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю., Юрков Г.Ю. 2018. Исследования на юго-западном склоне Маркульского городища // КСИА. 2018. Вып. 252. ч.2.
3. Требелева Г.В., Кизилов А.С., Глазов К.А., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. 2019. Оборонительные сооружения Маркульского городища. К вопросу датировки // КСИА. 2019. Вып. 256.
4. Требелева Г.В. 2019. Античные слои Маркульского городища // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17-19 сентября 2019 г. Ред. сост. Д.А. Костромичев. Севастополь, 2019.

Тропин¹ Н.А., Боброва² А.Г., Красильникова² Л.И., Лукашов² И.А.

¹Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец

²Фонд научного краеведения Липецкой области, г. Липецк

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ПСЕБЕПС-3

В 2016 г. проводились охранные раскопки поселения и могильника Псебепс-3 вблизи ж/д ст. Варениковская Крымского района Краснодарского края. Памятник находится на пойменном участке левого берега р. Псебепс.

Могильник расположен в центральной части поселения. Изучены 160 погребений, 6 скоплений антропологического материала. Памятник датируется сер. XIV–нач. XV в.

Методика исследования учитывала распределение инвентаря, как в каменных ящиках, так и в грунтовых захоронениях. Опираясь на антропологическое определение, рассматривалось распределение инвентаря по половозрастному признаку. Поскольку значительная часть погребений были коллективными и разнополыми, то исследование опиралось на однополые захоронения. Из 46 погребений в каменных ящиках нами выбраны 15 «склепов», содержащих однополые шесть женских (№№ 2, 63) и девять мужских (№№ 4, 14, 15, 119) захоронений. Однако эта выборка не оказалась презентативной и позволила сделать лишь самые общие наблюдения. Проанализированы 43 одиночных грунтовых погребения (мужские – 23, женские – 10, детские – 10).

Погребальный инвентарь из анализируемых 58 погребений разделен на четыре группы: 1) предметы быта и хозяйства (ножи – 37 экз., распределительные кольца – 27, кресала – 13, кресальный кремь – 5, монеты – 14, игольница – 5 экз., иглы из кости – 9 и из металла – 2, астрагалы – 9, амулеты – 2 и др. единичные находки); 2) украшения (бусы из стекла – 35, бусы из янтаря – 6, пуговицы из серебра – 13, серьги из серебра – 11, перстни из серебра – 2, привеска раковины-каури, футляр для оберега); 3) предметы воинского снаряжения (наременные пряжки – 11, обоймицы – 3, накладка из серебра и железа, кольчужные кольца – 2); 4) прочее (скоба, костыль из железа). Совокупный анализ двух типов погребений позволил сделать следующие выводы.

Установлена зависимость встречаемости находок по половому признаку. Для мужских погребений наиболее характерными являются ножи (24 из 33 погребений, т.е. 72,7%), кресала (12 из 13 погребений, т.е. 92,3%), кресальные кремни (4 из 5 погребений, т.е. 80%), наременные пряжки (9 из 10 погребений, т.е. 90%), распределительные кольца (18 из 20 погребений, т.е. 90%), обоймицы (3 погребения, т.е. 100%), бусы из янтаря (4 из 5 погребений, т.е. 80%), монеты (11 из 13 погребений, т.е. 84,6 %).

В мужских погребениях ножи сопутствуют костякам всех возрастов от 25 и свыше 50 лет, не концентрируясь в определенной возрастной группе. Кресала характерны для возраста от 40 и более лет (61,5%). Монеты характерны для возраста от 40 и более лет (9 погребений из 11).

Для женских погребений характерными являются костяные иглы (4 из 8 погребений, т.е. 50%), металлические иглы (2 погребения, т.е. 100%), астрагалы (3 из 5 погребений, т.е. 60%), копоушки (2 погребения, т.е. 100%), серьги (4 из 6 погребений, т.е. 66,6%).

Возрастной закономерности в распределении игл не прослежено. Не характерные для женских погребений ножи (7 экз.) встречаются в возрасте 30-45 лет. Единственная находка кресального кремня вместе с кресалом в женском погр. № 56 возраста 20-25 лет, является, скорее всего, исключительным случаем.

Для детских погребений характерны бусы из стекла (4 из 9 погребений, т.е. 45%).

Состав погребального инвентаря в склепах и грунтовых погребениях демонстрирует общее сходство и единство материальной культуры. Некоторое различие можно отметить лишь на примере костяных игл, степень встречаемости которых в склепах существенно выше (6 игл в пяти погребениях), чем в грунтовых погребениях (3 иглы в трех погребениях).

Среди захоронений можно отметить социально наиболее высокие по статусу. Среди мужских – погр. № 104 (40-45 лет) (серебряные перстень и пуговица, бусина из янтаря) (рис. 1, 18-20); среди женских – погр. № 34 (30-35 лет) (нож, серебряные копоушка, перстень и футляр для оберега со вставкой бирюзы на цепочке) (рис. 1, 15-17) и погр. № 136 (25-40 лет) (нож, кольчужное кольцо, 6 бусин из стекла, 2 серебряные серьги и пуговицы) (рис. 1, 1-7); среди детских погребений – № 69 (2-2,5 года) (пиала, бусина из стекла, серебряные серьга и бубенчик) (рис. 1, 8-14).

Значительная часть находок обнаружена в районе пояса. Ножи располагаются в районе пояса: с левой (12 случаев), с правой стороны (14), в районе таза (7). Распределительные кольца зафиксированы также с левой (8), с правой стороны погребенного (6) и в области таза (10). Кресала найдены преимущественно с правой (5) и с левой стороны погребенного (3). Кресальный кремень зафиксирован как с левой (2), так и с правой стороны (2). Один раз он зафиксирован на тазу. Монеты фиксируются чаще всего в двух местах относительно костяка – у головы (3) и в районе таза (8), в единичных случаях – у левого локтя (2), на груди (1). Игольницы зафиксированы у кисти левой руки (1), у левого (1) и правого (1) бедра. Иглы из кости располагаются слева (3), справа (2), под тазом (1), на тазу (1). Иглы из металла расположены у левого бедра (2). Астргалы найдены преимущественно в районе таза (3) и у головы погребенного (1). Амулеты встречены у правого локтя (2).

Бусы найдены у головы (3 случая) или под головой (1), реже на груди (2), на тазу (1), у левого (1) или у правого бедра (1). Бусы из янтаря зафиксированы в верхней части груди (4), у головы (1). Это устойчивое наблюдение касательно бус из янтаря указывает на вероятность их использования в качестве пуговиц на мужской одежде. Пуговицы из серебра найдены в районе грудной клетки (2), под черепом (1), у левого (1), у правого бедра (1), у ног (1). Серьги из серебра зафиксированы за исключением одного случая в районе головы: у черепа (3), под черепом (3), слева у черепа (1). Исключение составляет женское погр. № 136, где одна из серег лежала у стоп.

Расположение наременных пряжек в погребениях весьма стабильно. Преимущественно в районе тазовых костей (8), реже – у правого локтя (1), у кисти левой руки (1), у левого (1) и правого (1) бедер.

Можно говорить о высокой частотности взаимной встречаемости некоторых предметов. Это касается распределительных колец и ножей, встреченных вместе в 15 случаях из 20 погребений с кольцами и из 33 погребений с ножами, а также кресал и ножей, что отмечено в 9 случаях из 13 погребений с кресалами. Реже встречается сочетаемость кресал с кольцами: 6 случаев из 13 погребений с кресалами. 100% взаимовстречаемость

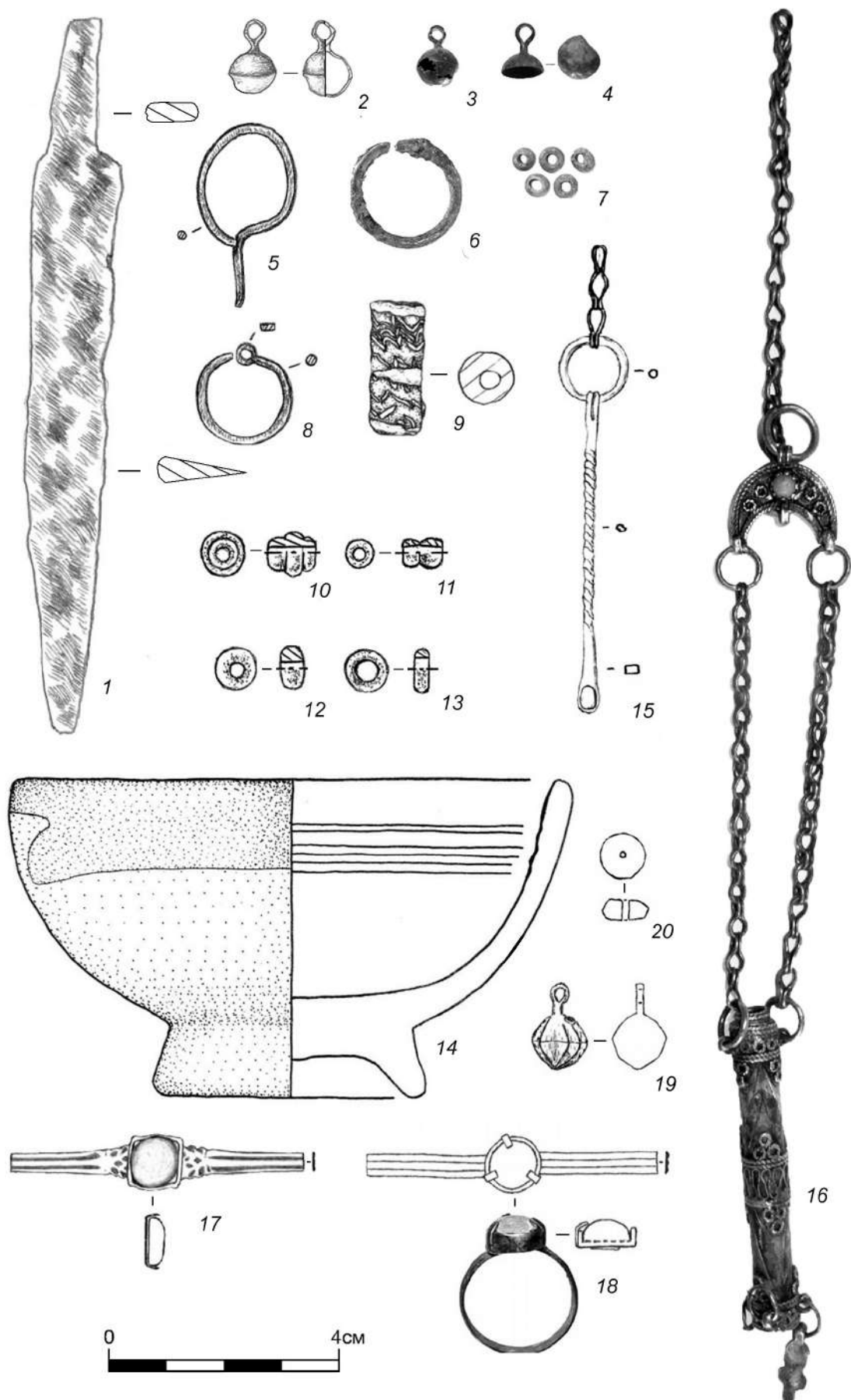

Рис. 1. Могильник Псебепс-3. Инвентарь из погребений №№ 136 (1-7), 69 (8-14), № 34 (15-17), № 104 (18-20). 1 – железо; 2-6, 9, 15-19 – серебро; 7, 9-13 – стекло; 14 – глина; 20 – янтарь.

характерна для кресального кремня и кресала. Наремненные пряжки часто встречаются в мужских погребениях в сочетании с ножами, кресалами, распределительными кольцами.

Литература

1. Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А. 2018. Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск.
2. Красильникова Л.И., Козмирчук И.А., Гончаров Е.Ю. 2019. Погребальные комплексы с монетами на могильнике Псебепс-3 в Крымском районе Краснодарского края // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов.
3. Красильникова Л.И., Козмирчук И.А., Чалых Н.Е. 2019. Археологические исследования поселения-могильника Псебепс -3 (предварительные выводы) // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов.

Храпунов Н.И.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

УИЛЬЯМ АЛЛАН И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЧАН НАЧАЛА XIX В.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-09-00053*

Уильям Аллан (1782-1850), шотландский художник и путешественник, президент Королевской шотландской академии художеств, прославился картинами на исторические и этнографические сюжеты. В молодости он дважды побывал в России, но обстоятельства путешествий известны скудно. Какое-то время художник провел на юге, где написал несколько картин из жизни черкесов и татар, впоследствии представленные в Королевской академии искусств в Лондоне (Bivar, 1994. P. 283-294; Аллен, Дукельская, 1997. С. 108-110, 190-191; Ребеккини, 2009. С. 328-330; Ренне, 2009. С. 42-47). Работы Аллана сыграли известную роль в формировании представлений о Кавказе в британском общественном сознании и культуре. Их изучение позволяет выявить характерные ментальные практики, а также приблизиться к более нюансированной и контекстуализированной оценке феномена ориентализма. Они, вероятно, достаточно точно отражают костюм жителей Северного Кавказа своей эпохи.

Среди «кавказских» картин Аллана – «Пограничная стража» («Черкесский князь, продающий двух мальчиков»), «Черкес, танцующий и играющий на теорбана», «Черкесский вождь, продающий военнопленных турецкому паше», «Автопортрет в костюме черкеса», «Татарские разбойники, делящие добычу». Самое известное полотно – «Аслан-Гирей перевозит Алказию через Кубань» (“Haslan Gheray conducting Alkazia across the Kuban”), которое в 1816 г. приобрел будущий император Николай I (ныне хранится в собрании Дагестанского музея изобразительных искусств им. П.Ю. Гамзатовой). Аллан опубликовал брошюру, чтобы объяснить зрителям сюжет этой картины (рис. 1) (Allan, 1817). Замечу, что оригинал картины написан маслом, в брошюре опубликована гравюра с картины.

По словам художника, с Аслан-Гиреем его познакомил новороссийский губернатор Арман-Эммануэль де Ришелье в 1808 г. Благородный потомок крымских ханов жил в Черкесии, которая описана как земной рай, почти незатронутый цивилизацией, жители которого занимались в основном войной и грабежом. Аслан-Гирей влюбился в прекрасную Алказию, дочь Мурадин-бея, человека «себялюбивого и низкого характера». Бедность была препятствием к их браку: отец предназначил Алказию в жены одному из богатейших черкесских князей. Влюбленные решили бежать из страны, доверившись «великодушию наших врагов – русских». Кубань была не только политической границей между Черкесией и Россией, но и символической границей, отделявшей героев от счастья. Аслан-Гирей нашел покровителя в лице герцога де Ришелье. Он вступил в русскую армию, участвовал в штурме Анапы и походах против черкесов, получив от императора золотую медаль на георгиевской ленте и саблю за храбрость. В 1811 г. он был смертельно ранен во время очередного похода на бывшую родину. После этого безутешная вдова вместе с детьми переехала в Крым.

Рис. 1. Аслан-Гирей перевозит Алказию через Кубань. Худ. Уильям Аллан. По: Allan, 1817.

Эта история изложена в традициях европейского романтического ориентализма со всеми свойственными штампами. По тексту разбросаны цитаты из Байроновых «Гяуара» и «Авидосской невесты». Передавая высокопарные речи героев, обращенные то к казакам, то к русским офицерам, автор не задумывался над тем, на каком же языке они общались между собой. Рассказанная Алланом история, если в ней и есть реальное зерно, значительно приукрашена. Сюжет о переходе благородного мусульманина на сторону русских часто встречался в записках иностранцев конца XVIII – первой пол. XIX в. Так, знаменитый британский путешественник, религиозный поэт и впоследствии епископ Калькутты Реджинальд Хебер (1783-1826) в 1806 г. познакомился на Тамани с неким «черкесским князем», бежавшим на русскую территорию. *«Он рассказал, что полюбил девушку, семья которой запросила за нее в тысячу рублей, сумму, заплатить которую он не мог. Не способный,*

однако, жить без нее, он силой увез ее из дома, убив четверых слуг ее отца, которые попытались ему помешать. Однако пути отступления в его собственную крепость были перерезаны, его спутники преданы мечу, а его возлюбленная взята назад. Девушку, сказал он (и горько плакал, когда говорил [об этом]), продадут туркам, и она будет потеряна для него навсегда» (Heber, 1830. P. 238).

Кавказ как часть Востока представлялся местом не только романтическим, но и таким, где не действовали привычные этические нормы. Рабство, изображенное на картинах Аллана, и любовные приключения были обычным сюжетом путевых записок. Европейцы ощущали себя в ожившем театре, не задумываясь над реальными чувствами окружающих их людей. Слава черкесских красавиц достигла салонов Парижа и Вены. Потому сопровождавший Екатерину II в ее путешествии в Крым в 1787 г. австрийский император Иосиф II наделал переполоха в российской администрации, поручив русскому подпоручику Цирули приобрести для него за Кубанью прекрасную черкешенку (Коховский, 1883. С. 268). Тогда же Г.А. Потемкин предложил французскому послу Луи де Сегюру в дар юную черкешенку, исключительно похожую на жену француза. Когда дипломат отказался от предложения, опасаясь, что «такое проявление чувств покажется весьма странным мадам де Сегюру», наместник Юга России презентовал ему мальчика-калмыка (Ségur, 1827. P. 230-232).

Аллан помещал Кавказ в пространство Востока, который при всей своей экзотичности представлялся европейцам неизменным во времени и пространстве. Параллели между тем, что Байрон писал о Египте, а его соотечественник – о Черкесии, были не просто многочисленными, но ожидаемыми. Ценивший живопись Аллана Вальтер Скотт, вероятно, увидел в его героях нечто близкое к тем древним персонажам английской и шотландской истории, которое он описывал в своих романах – кипение страстей, особую роль воинской доблести, благородные и сильные характеры. В дальнейшем Кавказ в русской классической литературе XIX в. сыграет ту роль, что Шотландия – у Скотта.

И современники Аллана, и нынешние исследователи отмечают, что особенностью его художественной манеры было подробное и точное изображения мелких деталей костюма, вооружения и снаряжения представителей экзотичных народов, которые произвели большое впечатление и на Вальтера Скотта, и на Николая I. Поэтому рисунки Аллана можно использовать как материал для современных историко-этнографических исследований.

Литература

1. Аллен Б., Дукельская Л. 1997. С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. СПб.
2. Коховский М.В. 1883. Донесение генерала М.В. Коховского для доклада князю Г.А. Потемкину-Таврическому // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XIII.
3. Ребеккини Д. 2009. Эстетические вкусы императора Николая I: итальянская и немецкая живопись // Образы Италии в русской словесности XVIII-XX вв. Томск.
4. Ренне Е.П. 2009. Британская живопись XVI-XIX веков: каталог коллекции. СПб.
5. Allan W. 1817. Haslan Gheray: A Narrative Illustrative of the Subject of a Painting. Edinburgh.
6. Bivar A.D.H. 1994. The Portraits and Career of Mohammed Ali, Son of Kazem-Beg: Scottish Missionaries and Russian Orientalism // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. Vol. 57. No. 2.
7. Heber R. 1830. The Life of Reginald Heber, D.D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. I. New York.
8. Ségur L.-Ph. de. 1827. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles.

Цетлин Ю.Б.

Институт археологии РАН, г. Москва

УНИКАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

Гончарные горны у с. Атара в Очамчирском районе Республики Абхазия сначала изучались экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа под руководством М.М. Гунбы. Всего было зафиксировано ок. 30 горнов, а 4 были раскопаны в 1971-1972 гг. (Гунба, 1985).

В 2006 г. автором по приглашению Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия было проведено сначала визуальное обследование этих горнов, а в 2007 и 2009 гг. Абхазским отрядом Института археологии РАН проводились раскопки двух производственных комплексов и сплошное обследование территории вокруг с. Атара на площади около 30 км². Во всех работах активное участие принимал научный сотрудник Сухумского государственного музея В.К. Квициния.

Первый производственный комплекс включал 12 последовательно функционировавших гончарных горнов (рис. 1, 1). Все горны имели вытянутую овальную в плане общую форму и близкую конструкцию.

Камеры обжига были размером примерно 5х3 м. Все горны имели по два топочно-теплопроводных канала, шедших слегка под углом друг к другу. Они начинались примерно за 1,5 м от камеры обжига и продолжались на всю ее длину. Около устья ширина каналов 45-50 см, глубина ок. 40 см, у задней стенки камеры обжига – ширина ок. 20 см, глубина ок. 15 см. Для увеличения тяги горячих газов дно каналов было ниже в районе устья и немного выше к концу камеры обжига.

Второй производственный комплекс содержал 5 гончарных горнов (рис. 1, 2), которые последовательно сменяли друг друга.

Наиболее поздний горн имел близкую описанным выше конструкцию. Он включал два топочно-теплопроводных канала, камеру обжига размером 5х3,5 м, ограниченную по периметру рядом крупных камней, лежавших в основании глинобитных стенок камеры.

Расстояние между теплопроводными каналами в начале камеры обжига равно 80 см, а в конце – 50 см. Глубина и ширина теплопроводных каналов равна, соответственно, 30х25 см в начале и 15х10 см у задней стенки камеры обжига. Стенки каналов сильно прокалены, а местами даже ошлакованы. Судя по этим следам, температура в горнах могла достигать 1000°С и даже более. Первоначально каналы были перекрыты крупными обломками пифосообразных сосудов и камнями, т.е. горн имел временный теплопроводно-разделительный блок. Отдельные редкие фрагменты стенок камеры обжига, упавшие в центр имели на внутренней поверхности отпечатки прутьев диаметром 1-2 см. Вероятно, глиняные стенки камеры обжига были изготовлены на своеобразном каркасе из прутьев, которые сгорели при первоначальном протапливании горна.

Четыре более ранних гончарных горна представляют собой последовательную реконструкцию однотипного обжигательного устройства. На это указывают, во-первых, что каналы каждого последующего горна сооружались путем дополнительного обмазывания глиной стенок каналов более раннего горна, во-вторых, что стенки камеры обжига этих

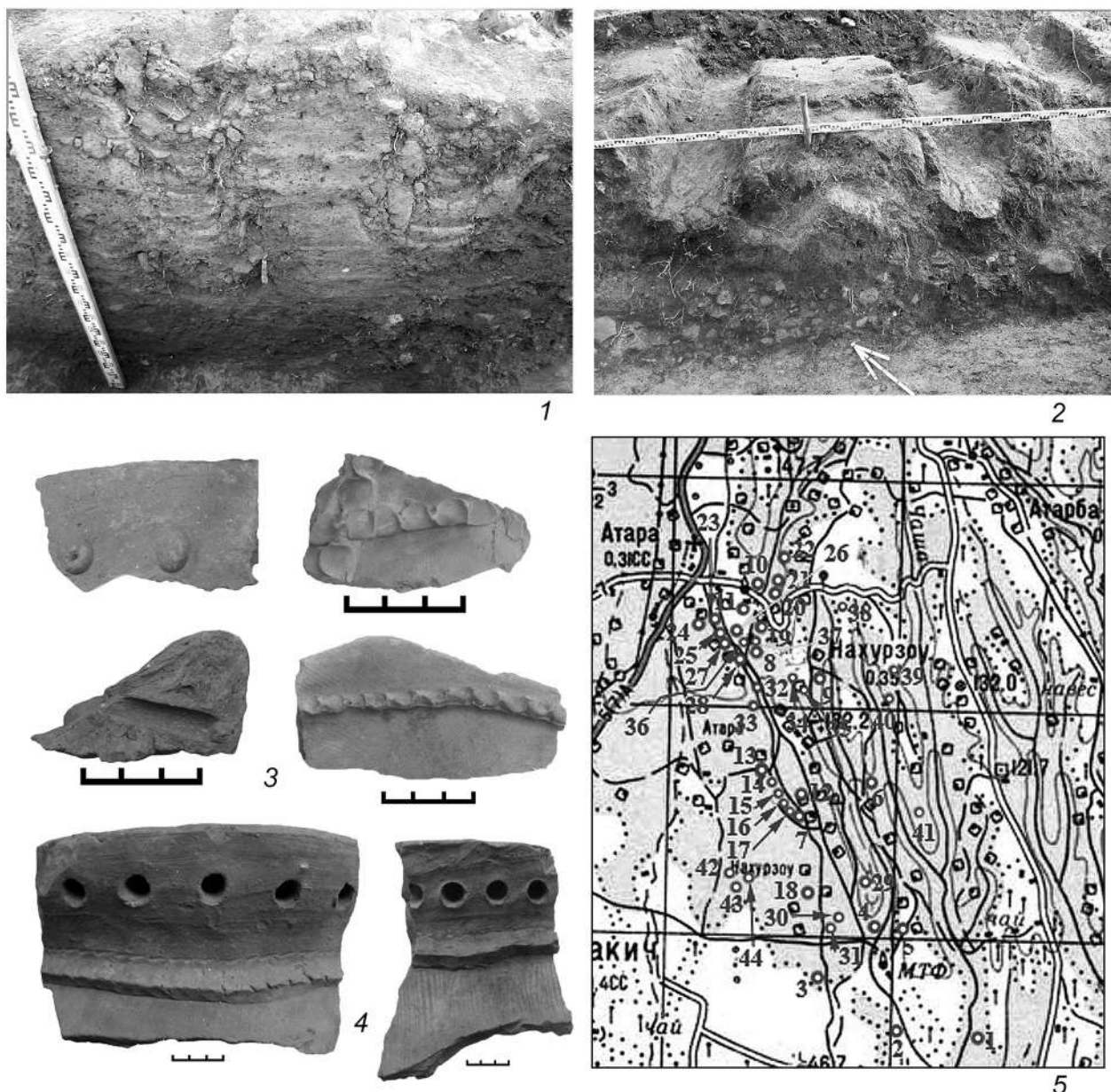

Рис. 1. Гончарные горны у с. Атара: 1-2 - стратиграфия топочных каналов гончарных горнов первого и второго производственных комплексов; 3-4 - образцы керамики раннего и позднего периодов; 5 - карта расположения производственных комплексов для обжига керамики в окрестностях с. Атара

горнов восстанавливались строго на месте старых стен, в-третьих, что основания камеры обжига разновременных горнов были отделены друг от друга по вертикали небольшим слоем глиняной обмазки толщиной около 5-6 см.

Такое устойчивое расположение последовательного ряда гончарных горнов возможно только в том случае, если были разделены небольшим промежутком времени или даже сооружались одним и тем же гончаром (или его прямым потомком).

В районе устья горнов 2-5 прослежена «предгорновая» яма глубиной ок. 90 см, из которой осуществлялась закладка топлива в топочные каналы. Она была разделена в центральной части стенкой из камней и кусков обожженной глины. Поэтому закладка топлива в правый и левый топочные каналы, скорее всего, производилась попеременно.

В отличие от четырех более ранних и почти одновременных горнов самый поздний горн был сооружен через значительно больший промежуток времени. На это указывают ряд фактов: 1) яма диаметром ок. 80 см, частично прорезавшая центральную часть камер обжига горнов 2-5, но не затронувшая камеру горна 1; 2) теплопроводные каналы горнов 2-5 были смещены в плане по сравнению с каналами горна 1; 3) каналы горнов 2-5 имели значительно больший размер (ширина и глубина каналов у устья равна 35x45 см, а в конце - 20x20 см), т.е. они были в 1,5 раза больше, чем у горна 1; 4) камеры обжига более ранних горнов не имели камней в основании стенок и отличались большим размером (6x4м), чем камера обжига горна 1.

Выводы. На основании данных о стратиграфии производственных комплексов и о размерах каналов и камер обжига гончарных горнов можно выделить два основных периода их функционирования. Так, в первом комплексе к более раннему периоду относятся горны 9-12, а к более позднему – горны 1-8. Во втором комплексе к раннему периоду принадлежат горны 2-5, а к позднему – горн 1.

Керамика из раскопок гончарных горнов. При раскопках обоих комплексов зафиксировано св. 13 тыс. фрагментов керамики. Почти все они (98%) происходит от крупных пифосообразных сосудов высотой примерно 80-100 см, на производство которых они были ориентированы. Вывод о двух периодах функционирования гончарных горнов подтверждается рядом особенностей керамического материала, полученного при раскопках.

Посуда *раннего периода* характеризуется своеобразным орнаментом из глубоких вертикальных ямок в верхней части венчика, от которых на внешней поверхности образуются небольшие выступы-жемчужины. Причем, после создания этих ямок торец венчика покрывался дополнительным слоем глины, который закрывал эти пустоты. Массовым был также орнамент из разнообразных наlepных валиков, покрытых крупными пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 3). Для сосудов *позднего периода* характерны горизонтальный ряд или два ряда ямок по венчику и горизонтальный или криволинейный наlepной валик, также иногда покрытый вдавлениями (рис. 1, 4). Вероятно, ранний период может быть отнесен к VII-X вв., а поздний – к X-XII вв. (Трапш, 1975. С. 131-134).

В ходе сплошного обследования района вокруг с. Атара были зафиксированы 44 гончарных производственных комплекса (рис 1, 5). По свидетельству местных жителей, кроме них, в этом районе были и другие гончарные комплексы, которые уничтожены распашкой или располагались на территории крестьянских усадеб и снесены при строительстве домов. Все это указывает на то, что общее число таких комплексов, скорее всего, было не менее сотни. Если допустить, что в среднем один производственный комплекс включает 8-10 гончарных горнов, то в окрестностях села Атара в раннем средневековье их функционировало около 800.

Литература

1. Трапш М.М. 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми.
2. Гунба М.М. 1985. Атарские гончарные печи. Тбилиси.

Чхаидзе В.Н.

Институт археологии РАН, г. Москва

ДВА АЛАНСКИХ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТА С ИЛЬИЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА

После крещения алан в X в. на территории Алании получают распространение предметы личного благочестия: кресты-энколпионы, простые кресты-тельники, квадрифолии – византийского провинциального и древнерусского происхождения. Помимо них в местной аланской среде возникают подражательные и имитационные типы крестов, которые изготавливались по завезенным образцам. Такие кресты встречаются исключительно на Северном Кавказе и близлежащих территориях (Чхаидзе, 2018. С. 56-57).

В настоящее время база находок крестов с территории исторической Алании (см.: Чхаидзе, 2019) может быть дополнена еще двумя крестами-тельниками, найденными на Ильичевском городище (Отраденский район Краснодарского края).

Первая находка – односторонний крест из медного сплава с занимающим всю плоскость упрощенным изображением Христа (рис. 1, 1). Размеры креста: высота – 5,8 см (с петель для подвешивания), размер лопастей по горизонтали – 4,2 см, толщина – 0,2 см. Крест относится к типу литых крестов-тельников с концами в виде полукружий-лепестков, слегка сужающихся к средокрестию. Крест равноконечный, со следами производственного брака на левой перекладине. Обратная сторона – плоская. На лицевой поверхности креста имеются следы золочения. Христос вписан в рамку и изображен прямо, голова большая, подтреугольной формы, руки прямые, кисти большие. Ступни ног повернуты вправо. Над Спасителем – изображение ширококонечного креста.

Известно несколько аналогичных по композиции односторонних крестов с грубым изображением распятия:

1. Крест, происходящий из подъемного материала на Ильичевском городище – Христос изображен в тунике до пят (Ложкин, 1984. С. 58. Рис. 19, 6; Малахов, 2011. С. 42-44. Рис. 1, 1);
2. Еще одна находка из окрестностей Ильичевского городища – изображение Христа в колобии (Малахов, 2017. С. 99-101. Рис. 1);
3. Село Каменноостское – изображение Христа упрощенное (Малахов, Рудницкий, 2012. С. 276. Рис. 1, 7);
4. В погр. 15 у крестовидной церкви Кривон Нерон (близ Адлера) находился крест с изображением Христа в колобии (Хрушкова, 2010. С. 345. Рис. 1; 2014. С. 131. Илл. 11);
- 5-6. Два креста из с. Лыхны и Сухума (Абхазия), на которых Христос изображен в тунике (Хрушкова, 2010. С. 345, 347. Рис. 2; Малахов, 2011. С. 43-44. Рис. 1, 2, 8);
7. Крест, хранящийся в Абхазском государственном музее (г. Сухум) – Спаситель изображен стоящим прямо, в длинной одежде (Хрушкова, 2010. С. 345, 347. Рис. 3);
- 8-10. Три креста, происходящие из Грузии: один из с. Несгуни (Сванетия) – Христос изображен в хитоне (Хвистиани, 2004. С. 182-188. Рис. 1 – крест датируется второй пол. VII – первой пол. VIII в.) и два креста из с. Шенкао (Тушетия) – Христос в хитоне (Долаберидзе, 1973. С. 15-18. Табл. I, 1,2; Малахов, 2011. С. 43. Рис. 1, 3,7).

Можно полагать, что несколько вариантов изображения Христа на этих крестах объясняется наличием нескольких мастерских, а также различными ремесленно-художественными традициями. В Алании эти кресты имели хождение с сер. – второй пол. X в. до рубежа XI-XII вв. Их прототипы происходят из Закавказья и малоазийских провинций Византии, где начинают изготавливаться уже с VI-VII вв. (Малахов, 2011. С. 44; 2017. С. 99, 101).

Вторая находка на Ильичевском городище представляет собой крест-квадрифолий из медного сплава с изображением Святого воина (Рис. 1, 2). Размеры креста: высота – 4,9 см, размер лопастей по вертикали и горизонтали – 4,2×3,8 см, толщина – 0,3 см. Квадрифолий представлен в виде квадрата с острыми углами, размерами 2,3×2,2 см. Оглавие отсутствует, вместо него имеется отверстие для шнура. Слева от головы святого присутствует отверстие – следствие производственного брака. Обратная сторона плоская, края оконтурены бортиком. На лицевой поверхности имеются незначительные следы золочения. Неизвестный Святой воин (св. Георгий ?) изображен пешим, держащим в правой руке короткое копье, левой рукой опирающимся на небольшой щит (округлой формы?), изображенный ребром. Голова увенчана нимбом, прическа короткая, наличествует борода. Фигура пропорциональна, ступни ног расставлены в стороны. На воина надет доспех, одеяние доходит до щиколоток.

Можно полагать, что прототипом рассматриваемого креста-квадрифолия (который использовался в качестве одностороннего креста) являлись кресты-реликварии в форме квадрифолиев, известные на Северном Кавказе. На крестах присутствуют различные композиции – Распятие, Богородица Одигитрия, два Святых воина (см.: Малахов, 2015. С. 92-98. Рис. 1, 2). Один из них можно считать прямой аналогией – это энколпион-квадрифолий, обнаруженный в 1996 г. на р. Уруп, близ ст. Отрадной (Краснодарский край) (Малахов, 2015. С. 94-95. Рис. 2, 1а,б, 2а-в), со следами золочения, размерами 67(с оглавием)×45 мм: на лицевой стороне помещено изображение Распятия с семилепестковыми пальметтами в нижних углах средокрестия; на оборотной стороне изображен аналогичный рассматриваемому нами неизвестный Святой воин с копьем в правой руке, опирающийся левой рукой на щит. Вероятно, этот квадрифолий является привозным из городских ремесленных центров малоазийских провинций Византии или Западной Грузии, его дата: вторая пол. X-XII вв.

Две новые находки крестов на Ильичевском городище – одном из ключевых памятников исторической Алании – не только являются свидетельством христианизации этого региона в X-XII вв., но и предоставляют ценную информацию о характере местного производства предметов личного благочестия. Обращает на себя внимание наличие производственного брака на обоих крестах, которые, тем не менее, кресты находились в пользовании.

Литература

1. Долаберидзе Р. 1973. Археологический материал из села Шенкао (Тушетия). Тбилиси (на груз. яз.).
2. Ложкин М.Н. 1984. Аланы на Урупе (археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
3. Малахов С.Н. 2011. Материалы к церковной археологии Алании (2) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь.
4. Малахов С.Н. 2015. Кресты с изображением святых воинов из средневековой Алании // Ислам и христианство в судьбах народов Кавказа. Пятигорск.
5. Малахов С.Н. 2017. Средневековый натальный крест с Правобережья Большого Зеленчука // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9. Ставрополь.

6. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. 2012. Энколпионы и нательные кресты как источник по истории христианизации Алании // ПОЛЕМОЛОГОΣ. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы. Волгоград.
7. Хвистиани Р. 2004. Образец раннесредневековой мелкой пластики из села Несгуни (Сванетия) // Исторические разыскания. Т. VII. Тбилиси (на груз. яз.).
8. Хрушкова Л.Г. 2010. Группа бронзовых литых крестов эпохи средних веков из Северо-Восточного Причерноморья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас.
9. Хрушкова Л.Г. 2014. Раннехристианские памятники Северо-Восточного Причерноморья: раскопки 2001-2008 гг. // Православие в истории и культуре Северного Кавказа. Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I. Ставрополь.
10. Чхаидзе В.Н. 2018. Византийские кресты-энколпионы и тельники на Северном Кавказе и их аланские дериваты // Византийский мир: реалии и интерпретации. Тезисы докладов XIV научных Созюмовских чтений. Екатеринбург.
11. Чхаидзе В.Н. 2019. Кресты Алании (X-XIII вв.) // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М.

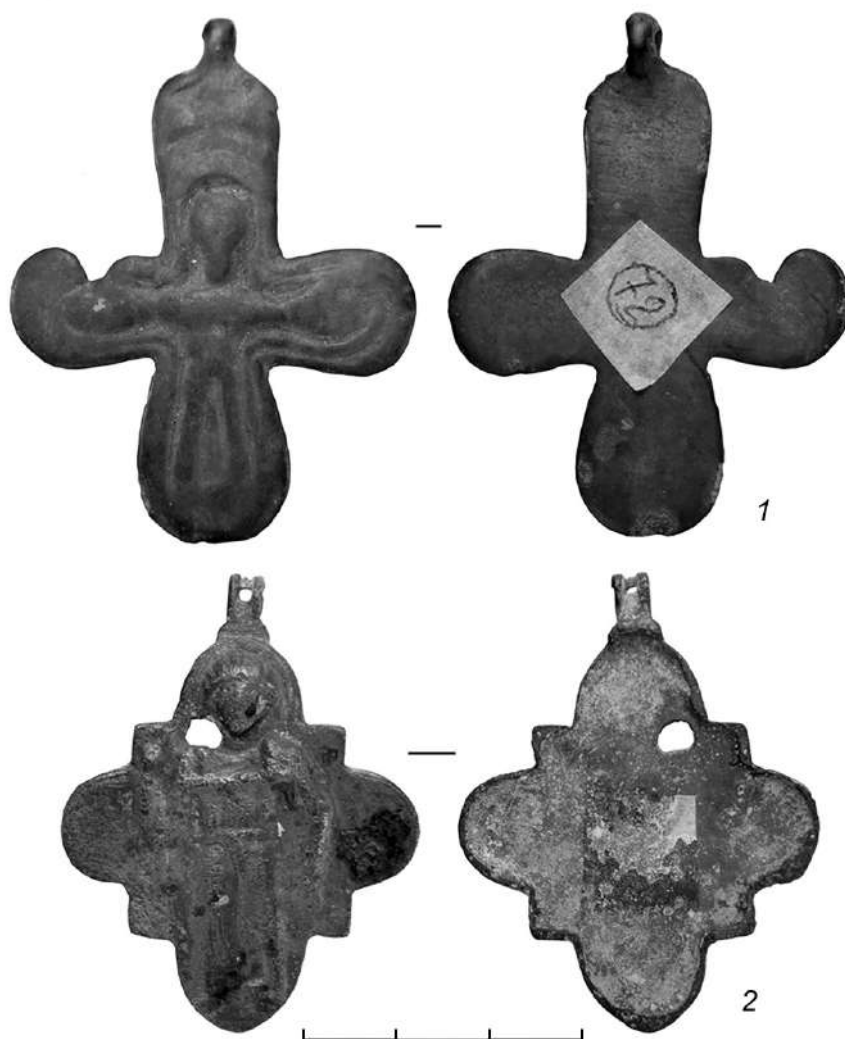

Рис. 1. Кресты с Ильичевского городища: 1 – крест-тельник с упрощенным распятием Христа (Ильичевское городище); 2 – крест-квадрифолий с изображением Св. воина

Шестопалова Э.Ю.

Институт истории и археологии РСО-А, г. Владикавказ

ВООРУЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АЛАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 20-59-07002

В публикации представлены типично аланские виды оружия ближнего и дистанционного боя из катакомбных могильников VI-VIII вв., расположенных в Алагирском районе РСО-Алании. Все виды оружия имеют долгую историю эволюционного развития и являются показателями высокого уровня военной культуры алан.

Боевые узколезвийные топоры (рис. 1, 6) представлены формами с ударно-пробивными, рубящими, режущими, дробящими свойствами, с возможностью стягивать противника с коня при помощи заточенного угла лезвия. Выделено два типа: 1) двулезвийные, длина 17-22,8 см; вес 262-300 г; 2) однолезвийные с короткими обушками прямоугольного сечения, длина 14,8-19 см, вес 339-354 г. Преобладает трапецевидная форма ударных частей, незначительно оттянутых вниз. Обухи короткие, сечение прямоугольное. Форма проушных отверстий овальная. Соответствующее сечение имеют рукояти с прямой насадкой и под углом 70-80° к основному лезвию. Из кат. 45 Архонского могильника происходит топор II типа с рукоятью длиной 62 см. По эффективности топор сравнивался с саблей (Каминский, 1997. С. 58).

Мотыги-топоры (рис. 1, 7) обычно относят к категории орудий труда. А.А. Сланов представляет их как «холодное оружие» и отмечает, «что они были неотъемлемой принадлежностью экипировки аланского воина» (Сланов, 2007. С. 82). Металлический наконечник с Г-образной насадкой рукояти могли использоваться как оружие ударного действия. Представлено 4 мотыги разных типов, длина 8-9,8 см, вес 125 г. Одна сохранилась с рукоятью, длиной 23-25 см. В Архоне с погребением знатного воина мотыга найдена вместе с мечом, саблей, копьем и ее расположение подчеркивает ее боевое назначение в этом конкретном случае.

Меч (рис. 1, 1-3) в VI-VIII вв. был обязательным оружием военной аристократии. Представленные три меча имеют сходные черты и параметры. Длина мечей 105-110 см, вес около 1200 г. Клинки широкие (3-5 см), сужаются к заточенному кончику. Сечение эллипсоидное и ромбическое по всей длине. Черенки клиновидной формы прямоугольного сечения. Перекрестие прямое, брусковидное, изготовлено отдельно и насажено на черенок. Навершие рукояти железное, полое, цилиндрической формы, сечение эллипсоидное. В Дагоме сохранились парные серебряные окантовки скоб ножен в виде литеры «Р», характерные для III хронологической группы VI-VII вв. (Амброз, 1981. С. 17).

Сабля (рис. 1, 4) раннего типа со слабоизогнутым клинком и прямой рукоятью, режуще-секущего и проникающего колющего удара, найдена в Архоне в кат. 6 в ногах погребенного воина вместе с мечом. Длина 106 см, ширина клинка уменьшается от 3 до 1,8 см, вес 710 г. Изгиб клинка составляет не более 1 см и приходится на среднюю его часть, сечение клиновидное; конец клинка двойной заточки, сечение эллипсоидное. Черенок прямой,

клиновидной формы, откован без выраженного перехода. Перекрестие, предположительно, прямое, изготовлено отдельно, насаживалось на черенок.

Копья (рис. 1, 5) с массивными наконечниками в VI-VIII вв. имели специфическое бронбойное назначение и использовались всадниками для таранного удара, что не исключало их метательного назначения. Два наконечника из Архона представлены разными типами: 1) узкое заостренное уплощенное перо ромбического сечения с четырехгранной заточкой, втулка коническая, длина наконечника 26 см; 2) узкое уплощенное перо с заточенными гранями, сечение эллипсоидное, втулка коническая, длина 26 см. Обнаружены *in situ* в ногах погребенных всадников.

Лук (рис. 1, 11). Из Архона происходит фрагмент левого плеча деревянной кибиты, обтянутый берестяной лентой. В Дагоме в кат. 4 найдены *in situ* фрагменты сложного лука: концевые, срединные и плечевые фронтальные накладки, два железных колчаных крюка. Длина в спущенном виде 130 см. Лук был положен целиком поверх воина. По расположению концевых и срединных накладок можно предположить некоторую асимметрию лука. В остальных случаях фрагменты символически обозначали присутствие лука. Можно с определенной уверенностью говорить об использовании сложносоставного большого лука аланского и хазарского типов (Каминский, 1985. С. 58).

Наконечники стрел (рис. 1, 9) представлены 5 типами (69 шт.): 1) трехлопастные с соответствующим сечением пера по всей длине, ромбической и треугольной формы с остроугольным острием; 2) трехгранно-трехлопастные с двойным сечением; 3) стержневидные, узкие, бронбойные с тупыми боеголовками, треугольного и круглого сечения; 4) стержневидные, узкие с остроконечной боеголовкой, трехгранные и круглые в сечении; 5) плоские, треугольной и ромбической формы, линзовидного сечения.

Все наконечники черешковые, длина 3-5,5 см, вес 8-13 г. Древки тщательно обмотаны узкими полосками тонкой бересты. Типовое разнообразие говорит о существовании их узкой специализации в военном искусстве алан VI-VIII вв.

Колчаны (рис. 1, 10) сохранились в виде фрагментов, по которым определено два типа: 1) подцилиндрический, расширенный к устью; 2) подцилиндрический, суживающийся к устью. В Архоне в кат. 6 колчан типа 1 был положен лицевой стороной вверх, длина 65-75 см; корпус деревянный, обтянут кожей и берестой; дно круглое; 45 стрел были заложены наконечниками вверх. В кат. 45 параметры дна и крышки указывают на аналогичную форму лука, но с овальным дном; крышка дисковидная, вставлялась внутрь футляра.

В Дагоме в кат. 1 сохранились фрагменты деревянных деталей колчана типа 1, колчаный крюк, серебряные детали, обрывки золотой фольги. Длина колчана 70-75 см, стрелы лежали наконечниками вверх. Декорированная сложным рисунком береста украшала устье колчана. В кат. 4 от колчана сохранилось три колчаных железных крюка разного типа и две железные крепежные петли. По их расположению, колчан был положен на погребенного поверх, поперек живота. Длина 70-75 см. Стрелы лежали наконечниками в обе стороны: 2 экз. – вниз; 8 экз. – вверх. В кат. 27 обнаружены дно, крышка, фрагмент стенки деревянного футляра, фрагменты берестяных колец, железный колчаный крюк. Параметры крышки и дна предполагают тип 2 колчана, дно эллипсоидной формы. Крышка идеально совмещалась с внутренним выступом на стенке футляра.

Булава (рис. 1, 8). Из Архона происходит железная часть в виде пятиконечной звезды – 5 шипов пирамидально-четырёхгранной формы, поперечное сечение ромбическое, расположены в одной плоскости, длина 4-4,5 см. Заточку имели все грани, но в большей степени боковые, кончики приостренные. Проушное отверстие – круглое, с лицевой

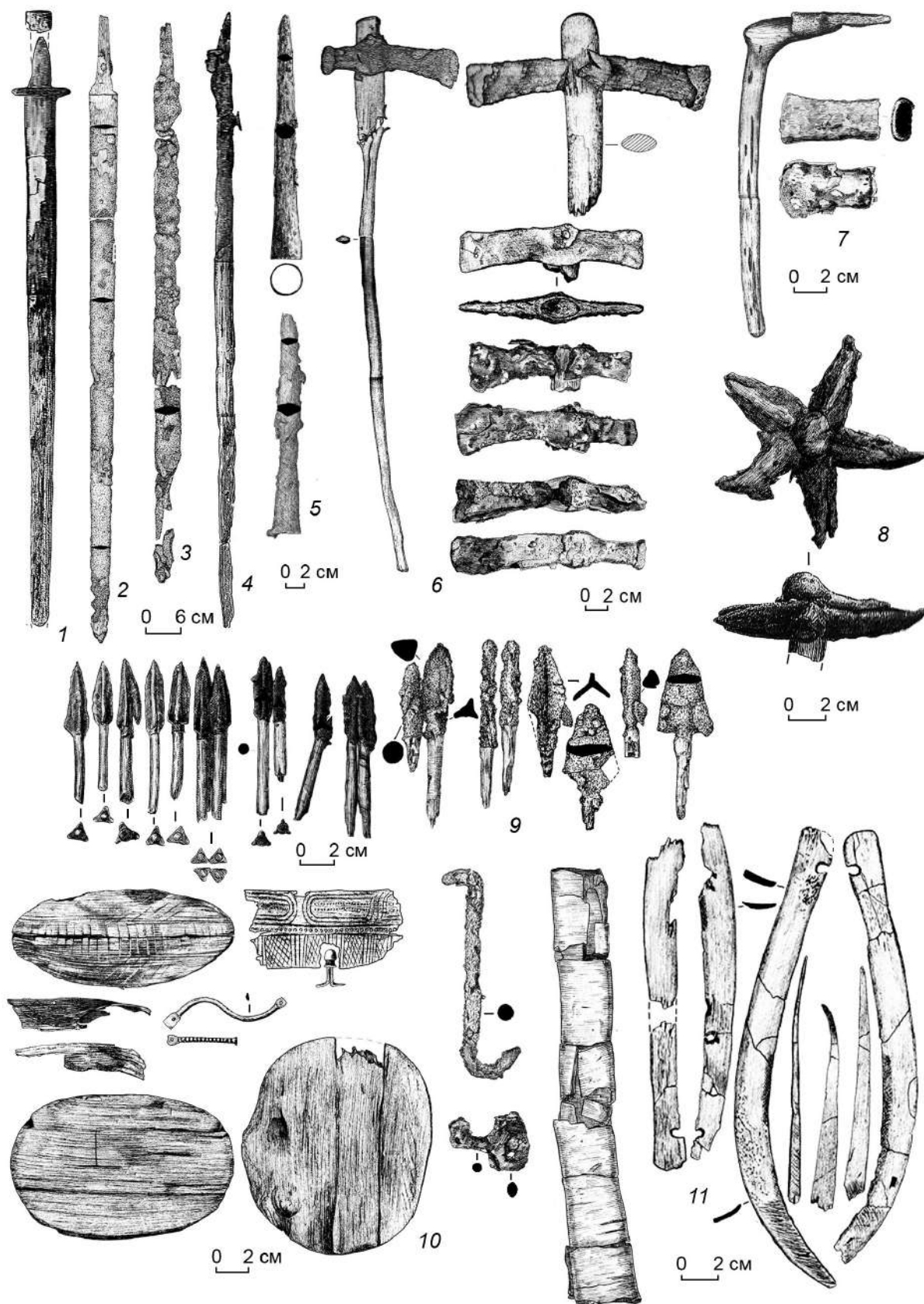

Рис. 1. Оружие из катакомбных могильников VI-VIII вв.: 1-4 – длинноклиновое оружие; 5 – наконечники копий; 6 – боевые топоры; 7 – топоры-мотыги; 8 – наконечник булавы; 9 – наконечники стрел; 10 – детали колчанов; 11 – детали луков

стороны закрыто полусферической накладкой. Насадка рукояти прямая. Форма булавы, крепление, длина рукояти и прочность металла обеспечивали высокий КПД оружия такого типа в контактном бою. Булава принадлежала воину высокого ранга и, очевидно, была еще символом власти и предводительства. Полагаю, что пятиконечная звезда имела некий сакральный смысл для населения, оставившего Архонский могильник.

Аланы широко использовали боевые ножи и кинжалы, а также защитный доспех, обозначенный в погребениях фрагментами кольчуг и бармиц в виде колец разного типа. Наборы вооружения говорят о преобладании легковооруженных и тяжеловооруженных конных дружин. Анализ деталей выявил определенную устойчивость форм и параметров оружия, что предполагает его изготовление в мастерских одной школы на базе сырья, происходящего с ближайших месторождений.

Литература

1. Амброз А.К. 1981. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.
2. Каминский В.Н. 1997. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. Вып. 170.
3. Сланов А.А. 2007. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ.

Юдин Н.И.

Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, г. Азов

УНИКАЛЬНЫЙ ОБРАЗЕЦ ИЛЬХАНИДСКОГО ЛЮСТРА ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ. К ВОПРОСУ О ТРАНСКАВКАЗСКИХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ В XIV В.

В 2015 гг. во время раскопок в переулке Социалистический, 53, в центре г. Азова (золотоордынский Азак), была сделана примечательная находка. В числе комплексов, исследованных на данном участке, в пределах раскопа II, была яма 20, из которой происходит сервиз из трех кашинных чаш иранского производства. Комплекс датируется второй пол. XIV в.

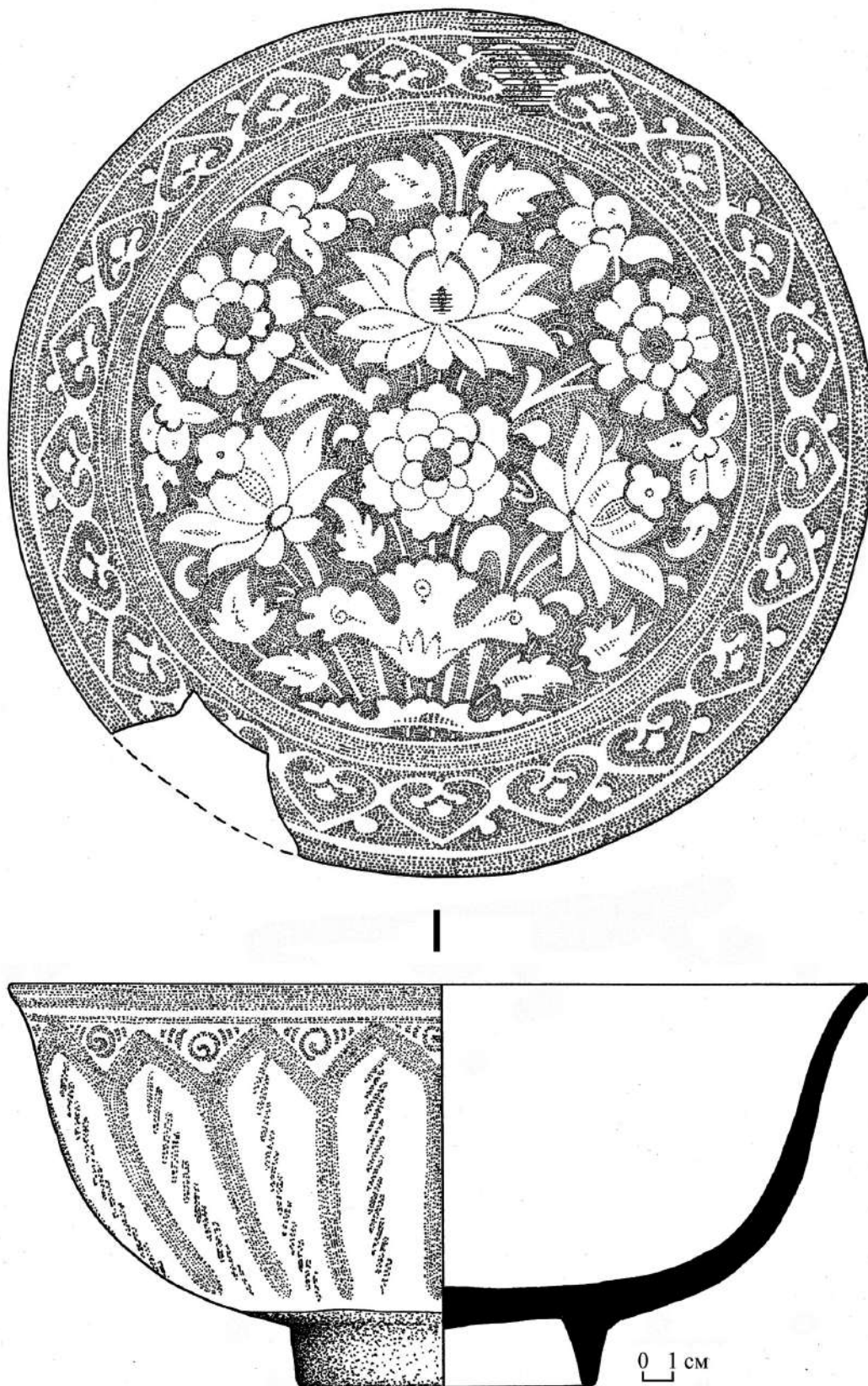
Одна из чаш заслуживает особого внимания. Она полусферической формы, на низком кольцевом поддоне, с отогнутым наружу и слегка заостренным венчиком (рис. 1). Общая высота чаши 11 см, диаметр венчика 21 см, высота поддона 1,5 см, диаметр поддона 6 см. Изготовлена из мягкого белого кашина. Чаша декорирована сложной росписью люстром, выполненной в технике «резерв»: оливковый люстр заполняет фоновое пространство с оставлением белого рисунка. Подобная техника декора зафиксирована и на других фрагментах иранских люстровых чаш из Азака и является одной из наиболее часто встречающихся (Кравченко, 2017. С. 548. Рис. 7, 1, 2, 4).

На внутренней стороне чаши нанесен рисунок в виде цветков пиона и хризантемы, симметрично распределенных по орнаментальному полю и обрамленных многочисленными побегами с листьями. Между ними помещен распустившийся цветок лотоса. Верхняя кромка стенок украшена пояском из каплевидных фигур, расположенных острыми концами вверх. Внутри каждой из этих фигур заключен миниатюрный трилистник. Орнамент на внешней стороне чаши является стилизацией лепестков лотоса – вытянутые арки с треугольным навершием, между вершинами которых нанесены концентрические окружности и вертикальные линии. Во внутреннюю область арок помещены косо расположенные короткие отрезки, составляющие вертикальные полосы.

Находки люстровой керамики с росписью по белому фону встречаются в Азове достаточно часто, но редко удостоиваются полноценной публикации. Кроме Азака, люстровые сосуды также происходят из ряда городов средневековой Руси (Коваль, 2010. С. 44-45. Рис. 11, 9. Илл. 7, 5), таких как Тверь, Нижний Новгород, Ростов, Белоозеро, из золотоордынских городищ Нижнего Поволжья – Царевского, Селитренного (Федоров-Давыдов, 2001. С. 214), Водянского, Увека (Матюхина, Моржерин, 2005. С. 113, 121. Рис. 7, 1-2), Сарайчика (Самашев и др., 2008. С. 226-227), Болгара (Полубояринова, 2008. С. 72-75). На этих памятниках подобная керамика датируется не позднее 1330-40-х гг.

Аналогии рассматриваемому изделию встречены в частных коллекциях, каталогах экспозиций западных музеев и крупных аукционных домов Sotheby's и Christie's. Датировка самого позднего образца чаши со схожим декором и морфологией ограничивается концом второй четв. XIV в. Таким образом, описываемая находка из Азака является самой поздней из всех образцов люстра, известных на территории Золотой Орды.

Об иранском производстве подобной посуды, наряду с керамикой *минаи* и *ладжвардина*, уже неоднократно говорилось ранее (Булатов, 1979. С. 264; Масловский, 2006. С. 423; Масловский, 2012. С. 143; Коваль, 2013. С. 177-178). Оппозиционным этому утверждению является маловероятная версия английского ученого Оливера Уотсона (Oliver Watson) о египетских корнях люстровой росписи (Watson, 1999. P. 299-310), распространившейся затем в Иран и оттуда на территорию Золотой Орды.

Илл. 1. Иранская чаша с росписью люстром из раскопок в Азове (пер. Социалистический 53, Раскоп II, Яма 20) в 2014 году (рисунок).

Каким образом кашинные изделия могли попасть в Азак? Наиболее вероятным является сухопутный торговый путь, шедший из Ирана через Северный Кавказ и далее в Северо-Восточное Приазовье. Важнейшим пунктом этого маршрута являлся город Дербент – «ворота Кавказа».

Этап истории взаимоотношений Ирана и Золотой Орды, в течение которого чаша попала в Азак, связан с относительной стабильностью в отношениях двух государств; даже военные действия, возобновившиеся в дальнейшем, не препятствовали торговле (Тизенгаузен, 1884. С. 76; Малышев, 1977). Находка люстровой чаши второй пол. XIV в. подтверждает вышесказанное, дополняя наши представления о торговле Азака и Золотой Орды в целом, подтверждая сохранявшуюся важность северокавказского региона в этом процессе.

Литература

1. Булатов Н.М. 1988. Археологические исследования культурного слоя г. Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов.
2. Булатов Н.М. 1979. Иранская ваза с Селитренного городища // СА. № 2.
3. Булатов Н.М. 1976. О трех гончарных печах с Селитренного городища // СА. № 1.
4. Доде З.Д. 2012. Эмблемы с изображениями Солнца, Луны и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII-XIV вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Донецк.
5. Евтюхова Л.А. 1965. Керамика Каракорума // Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я., Левашова В.П. Древнемонгольские города. М.
6. Кверфельдт Э.К. 1938. Китайская керамика XII-XIII вв. на Кавказе // Памятники эпохи Руставели. Л.
7. Коваль В.Ю. 2013. Фаянсы «минаи» (к дискуссии без темы) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения проф. Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). Труды ГИМ. Вып. 184
8. Коваль В.Ю. 2010. Керамика Востока на Руси IX-XVII вв. М.
9. Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. 2015. Предметы импорта с Увекского городища (Случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // ПА. №4.
10. Кравченко С.А. 2017. Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X-XVIII вв. Т. 2. Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань – Кишинев.
11. Малышев А.Б. 1977. Золотая Орда и Иран: политические, экономические и культурные связи // Нижнее Поволжье и исламская республика Иран: политические, экономические и культурные связи. Саратов.
12. Масленицына С.П. 1976. Начало нового периода средневековой керамики Ирана (XIV в.) // Искусство и археология Ирана. Вып. II. М.
13. Масловский А.Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. Азов.
14. Масловский А.Н. 2012. Керамический комплекс низовьев Дона в XI-XV вв.: типология и хронология. Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М.
15. Матюхина Ю.А. Моржерин К.Ю. 2005. Золотоордынская поливная кашинная керамика из Уека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев.
16. Недашковский Л.Ф. 2000. Золотоордынский город Уек и его округа. М.
17. Полубояринова М.Д. 2008. Торговля Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М.
18. Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. 2008. Керамика Сарайчика. Алматы.
19. Стародуб Т.Х. 1983. Проблема стиля иранской керамики XI-XIV вв. (на материале коллекций СССР). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
20. Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.
21. Тихомолова С.А. 2002. Фарфор и фаянс в керамическом комплексе городища Большие Кучугуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. X. Запоріжжя.
22. Фёдоров-Давыдов Г.А. 2001. Золотоордынские города Поволжья. М.
23. Шелковый путь: 5000 лет искусства. 2007. СПб.
24. Oliver Watson. 1999. Fritware: Fatimid Egypt or Saljuq Iran? // Barrucand M. (ed.). L'Egypte Fatimide; son art et son histoire. Paris.
25. Rosalind Anne Wade Haddon. 2011. Fourteenth century fine glazed wares produced in the Iranian World and comparison with contemporary ones from the Golden Horde and Mamluk Syria/Egypt. Thesis submitted for the degree of PhD in September 2011. Department of Art and Archaeology School of Oriental and African Studies, University of London.
26. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Blue and White Porcelain with Underglazed Red. 2000. Vol. 1. Shanghai.
27. Regina Krahl. 1994-2010. Chinese Ceramics from the Meiyintang Collection. Vol. 2. London.

Latham-Sprinkle J.E.

University of Ghent, Belgium

A NEW PROPOSAL REGARDING THE LOCATION OF THE ALAN CAPITAL *MAGAS

This paper proposes that the Alan capital city of **Magas* can be identified with the Il'ichevsk *gorodishche* in Krasnodar Krai.

Significant previous suggestions regarding the location of **Magas* have included: the Alkhan-Kala *gorodishche* (Chechnya) (Виноградов, 1981. С. 36); a cluster of *gorodisha* around Ali-lurt (Ingushetia) (Кодзоев. 2003. С. 6-46); the city of Verkhny Dzulat (RSO-Alania) (Фидаров, 2011. С. 12-14); a cluster of settlements near Mankhuegeps (KBR) (Фоменко, 2014. С. 170-173); the city of Nizhny Arkhyz (KCR) (Кузнецов, 1993. С. 249-52); and the Kiafar *gorodishche* (KCR) (Кузнецов, 1988. С. 82-89). Despite considerable scholarly argument, none of these claims has been conclusively proven.

A re-examination of the written evidence regarding **Magas* allows us to distinguish several criteria which can help identify its location. The most important written sources are the *Murūj al-Dhahab* of Alī b. al-Ḥusayn b. Alī al-Mas'ūdi (332-6/ 943-7), the *Tarīkh-i Jahāngushāy* of Aṭa-Malik Juvayni (649-659/ 1252-60), the *Jāmi' al-Tawārīkh* of Rashīd al-Dīn Ṭabīb (710/1310-11), and biographies in the Chinese *Yuanshi* history (1369).

It must be noted that all of these sources were written by authors who never travelled to Alania and relied on second-hand information. Nonetheless, several key pieces of information about **Magas* can be considered broadly reliable, either because they were repeated by sources written at different time periods and in different locations, or because they are attested by al-Mas'ūdi, the only one of our sources' authors to have personally collected information in the Caucasus (Lunde & Stone, 1989. P. 12-14). The most important are:

**Magas* was occupied from at least the early 10th century until at least 1240 (al-Mas'ūdi, 1962. P. 173; Allsen, 1987. P. 20-21).

It was the capital of the Alan kings in the early 10th century; we can therefore suggest that it was under greater royal control than other settlements in Alania (al-Mas'ūdi, 1962. P.173).

**Magas* was heavily fortified, and lay in a naturally strong defensive position (Juvayni, 1958. P. 268-270; Thackston, 2012. P. 232; Allsen, 1987. P. 20).

**Magas* was captured in February 1240 by a Mongol army under the command of Möngke Khan, following a siege of between one and a half and three months, and a large proportion of its population were either massacred or enslaved (Juvayni, 1958. P. 268-270; Thackston, 2012. P. 232; Allsen, 1987. P. 20).

Unfortunately, these criteria render unlikely every previously suggested site of **Magas*. Alkhan-Kala, Ali-lurt, Verkhny Dzulat and Mankhuegeps have no proven archaeological occupation layers from the 10th-13th centuries (Фоменко, 2014. С. 171-172; Нарожный, 2016. С. 8-16; Кузнецов, 2014. С. 105). Nizhny Arkhyz and Kiafar, meanwhile, appear to have been abandoned in the 12th century (Кузнецов, 1993. С. 246; Аржанцева, 2007. С. 87). In any case, none of these sites have clear evidence of 13th century destruction layers.

By contrast, Il'ichevsk *gorodishche* shows signs of all of the indicators identified through the analysis of textual sources on **Magas*.

It was occupied from at least the 9th century until the 13th century, since Churches 2, 3 and 6 were dated by V.A. Kuznetsov, D.V. Beletskii and A.Iu. Vinogradov to the late 9th or early 10th centuries, and a 13th century bronze mirror was found in a burial in the porch of Church 5 (Кузнецов, 2002. С. 36-38; Белецкий, Виноградов, 2011. С. 284-5; Каминский, Каминская, 1996. С. 172).

Churches 2, 3 and 6 were dismantled in the early 10th century but then rebuilt. Given that these churches appear to have been deliberately demolished at roughly the same time, this event may be linked to the Alan kings' renunciation of Christianity after their defeat by the Khazars in 320/932 (Каминский, Каминская, 1996. С. 174-175; Белецкий, Виноградов, 2011. С. 174-175). This suggests that these churches were located in a region under the influence of Alan kings, as otherwise it is unclear how the Alan kings could have forced the local population to dismantle their own churches. This theory is supported by the fact that Senty church, the only other church dismantled and then rebuilt in the early 10th century, was probably under royal patronage (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 37, 241-245).

Il'ichevsk *gorodishche* was massively fortified, with no fewer than seven lines of defence (stone walls, ditches and ramparts) enclosing an area of 500-600 hectares (Ложкин, 1973. С. 270). Furthermore, the site was protected on two sides by the cliffs of the Rivers Urup and Kuva, and the area today is densely wooded.

There is evidence that at least part of Il'ichevsk *gorodishche* was destroyed during an enemy attack. The burnt roof of Church 5 was found on top of its floor, and the building appears not to have been rebuilt afterwards (Каминский, Каминская, 1996. С. 172). This event may be dated after the aforementioned 13th century burial in this same church. In one publication, I.V. Kaminskaja and V.N. Kaminskii even mention finding bodies buried among the ruins of buildings and arrowheads in the walls (Каминская, Каминский, 1993. С. 26).

In conclusion, Il'ichevsk *gorodishche* shows signs of all four of the features associated with *Magas by reliable textual sources. However, further excavations will be therefore be necessary to confirm or disprove this hypothesis. In the meantime, this vitally important site urgently requires federal protection in order to preserve what may, in fact, be the long-lost Alan capital *Magas.

References

1. Аржанцева, И.А. Каменные крепости алан // РА- 2007/2.
2. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2011. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. М.
3. Виноградов В.Б. 1981. Историко-культурное толкование Алхан-Каланского городища // Виноградов В.Б. Археология и краеведение. Грозный.
4. Каминская И.В., Каминская В.Н. 1993. Аланы на Кубани // Ратышняк В.Н. По страницам истории Кубани. Краснодар.
5. Каминский В.Н., Каминская И.В. 1996. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир – М.
6. Кодзиев Н.Д. 2003. Магас. Магас.
7. Кузнецов В.А. 1988. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Кузнецов В.А., Кучиев А.Г., Тменов В.Х. Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
8. Кузнецов В.А. 1993. Нижний Архыз в X-XII веках. Ставрополь.
9. Кузнецов В.А. 2002. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ.
10. Кузнецов В.А. 2014. Верхний Джулат. Нальчик.
11. Ложкин М.Н. 1973. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском Крае // СА. 1973. № 4.
12. Нарожный Е.И. 2016. О локализации аланского Магас // Apriori. Серия: гуманитарные науки. 2016. № 4.
13. Фидаров Р.Ф. 2011. Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Вып. 7. Владикавказ.
14. Фоменко В.А. 2014. К вопросу о локализации средневекового Магаса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение 11/2.
15. Allsen T.T. 1987. Mongols and North Caucasia // AEMAE 7.
16. Juvayni tr. Boyle J.A. 1958. The History of the World-Conqueror. Manchester.
17. Lunde P., Stone C. 1989. The Meadows of Gold. London.
18. Mas'udi tr. Pellat C. 1962. Les prairies d'or. Paris.
19. Minorsky V. 1952. Caucasia III: The Alan Capital *Magas and the Mongol Campaigns // BSOAS 14/2.
20. Thackston W.M. 2012. Classical Writings of the Medieval Islamic World. London.

Plontke-Lüning A.

Friedrich Schiller University, Jena, Germany

BETWEEN PONTOS EUXEINOS AND NORTHERN CAUCASUS: THE REGION JGALI-LESALE IN THE NORTHERN COLCHIS IN ANTIQUITY AND MIDDLE AGES

Teamwork with Tbilisi State University financed by Gerda Henkel foundation

The extraordinary big fortress of Lesale in Northwest Georgia (district Tsalenjikha) emerged only in 2010 (Личели, 2011. С. 151-154). Building structure and technics of the remaining walls point to a Late antique - Early byzantine datation and suggest the construction in context with the Byzantine-Sasanian wars in Lazica (cf.: Murghulia, 2010) and/or the following dispute of both combatants on Svaneti. Although the byzantine sources mention several fortresses in the mountains north of Lazica it is still impossible to identify the Lesale fortress with one of them. Circa 1 km east of the big fortress stand a small Medieval fortress on a hill. On its eastern slope the land owners unearthed bronze items and jewelry from 8th c. BC to 3^d/4th c. AD which point to a long-lasting necropolis. Anyway, this region must have been an important place at the passage from the Colchian lowland into the mountains of Svaneti in the main range of the Caucasus and to the northern Caucasus, too.

In autumn 2019 we conducted a threeweek excavation and survey campaign in the Lesale region (Plontke-Lüning, 2015. P. 435-438). We could determine that Lesale was an old seat of a dynasty in Colchis; the centre of this dynasty should have been the predecessor of the small fortress which was rebuilt in Middle Ages. Iron production, obviously of Haematite ore, existed in the region since at least the 5th/4th BC. Pottery finds and glass beads prove contacts to Athens and to centres of the Black Sea coast.

Excavations in the big fortress made clear that buildings were cut nearly to the sterile soil – at least by agricultural works with big machines in Soviet times just as well in former times when the big fortress lost its function.

Our landscape archaeological survey revealed defensive fortifications – watch towers, small fortlets – in the periphery of Lesale which obviously were used in a longer period and which illustrate the significance of the Lesale region at a way from the Black Sea coast to the main Caucasus chain and to the Northern steppes.

The result of our works caused the application for the incorporation of the Lesale region into the National monuments catalogue of Georgia.

We plan to continue our research for a better understanding of history and function of the Lesale region – to wake up this sleeping beauty.

References

1. Личели В. 2011. Случайные находки из села Лесале // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми, 27-30 сентября 2010 г. Тбилиси.

2. Murghulia N. 2010. The Fortification system of Lazika (Egrisi) kingdom in the 4th-6th centuries (Research into West Georgian Castles) // <http://www.farig.org/images/pdfs/research-nikoloz-murgulia.pdf>
3. Plontke-Lüning A. 2015. Lesale, an unknown centre in western Colchis // Gocha R. Tsetskhladze – Alexandru Avram – John Hargrave (Eds.). The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th c. BC – 10th c. AD). Oxford.

Fig. 1. Lesale fortresses in Northwest Georgia

Sauer¹ E.W., Chologauri² L., Naskidashvili² D.

¹*University of Edinburgh, UK*

²*Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia*

LATE ANTIQUE AND MEDIEVAL FORTIFICATIONS IN THE DARIALI GORGE

Dariali Gorge, Derbent and the Gorgan Wall were all cornerstones of the northern defences of the Sasanian Empire. Of these three, Dariali Gorge arguably boasted the strongest natural defences and therefore required, by some margin, the least manpower for effective control. A joint project between Ivane Javakhishvili Tbilisi State University and the University of Edinburgh has explored the pass defences from 2013 to 2016.

The hub of defensive efforts was Dariali Fort on top of an impregnable conical rock protected by unscalable cliffs. 106 radiocarbon samples from our excavations in the gorge were processed during our project, 74 of them from the fort itself (only counting one sample per organism and not three additional ones processed for improved precision). Scientific dating, as well as a thorough examination of the artefacts found, has enabled us to date the main construction and occupation phases of the fort. Construction works on the central stronghold commenced in the late fourth century and continued at least until the early fifth century. The late antique architects employed strong and sophisticated mortar masonry. In order to provide the walls with solid foundations, they appear to have cleared the entire hilltop of any loose sediments. It seems that it was on this occasion that a more ancient fort was totally destroyed. Pliny the Elder (VI.30) refers to a strategic fort controlling Transcaucasian traffic, called Cumania. His description strikingly fits Dariali Fort, but no traces remain. Yet, fires lit at the foot of the rock and a bone embedded in early cultivation horizons on a terrace south of the fort suggest that occupation may reach back at least until the early or mid-first century AD and quite possibly beyond. Early visitors reached the rock already between the 6th and the 4th century BC.

One of the narrowest points of the gorge is one kilometre north of the fort. Prior to the construction of a rock-cut road and a tunnel in the nineteenth century, on the right bank of the river, all traffic followed a narrow path left of the river, overlooked by a fortified ridge. Charcoal embedded in a construction-related deposit suggests that the well-built mortar fortification on this ridge was erected in the fourth or early fifth century, perhaps at the same time as Dariali Fort. Evidently, it was around the time of the famous Hunnic incursion of AD 395 that Dariali Gorge was heavily fortified, probably to prevent a repetition of further northern raids.

Dariali's initial garrison was remarkably tidy, disposing of little rubbish in the intramural area, and there are no known ancient graves. It was in the late seventh century or, more probably, eighth century that practices suddenly changed and intramural rubbish disposal increased massively. Around the same time, a cemetery was established south of the fort. Some of the graves contain multiple inhumations and may be Christian. Other, individual, graves may be Muslim. Around AD 1000, burials with rich northern grave goods may signal an influx of people of northern descent (Mindorashvili, 2005; Sauer et al., 2015; 2016). The finds from the fort also suggest that a multi-religious, multi-ethnic community was in residence in the Early Middle Ages. The sources, notably Mas'udi (17), attesting an Arab garrison from c. AD 727 until at least the tenth

Fig. 1. Dariali Fort during the excavations in 2016, towering high above the Tergi/Terek River (left). The track (right) largely follows the ancient road. The narrow passage between the fort and a cliff opposite (right) was controlled via a road-blocking wall. (Drone image by D. Naskidashvili.)

century only tell part of the story, if there is no doubt that goods from Islamic lands reached the remote military outpost.

From its construction to the late tenth or early eleventh century, Dariali Fort was densely occupied. After a hiatus of c. three centuries without traceable activity, we see renewed occupation in the fourteenth century. This need not prove total abandonment in the first third of the second millennium, as the sources refer to the fort in the twelfth and thirteenth centuries, but any remaining garrison must have been much smaller than in the first millennium and cannot have occupied all of the hilltop.

Some 3.6 km south of Dariali Fort, a further narrow passage in the gorge is controlled via a third stronghold, Gveleti Fort. The artefact assemblage we found in six trenches contained no imports or unusual finds. Based on eight radiocarbon samples, the fort was occupied from the late first millennium to the sixteenth or seventeenth century. It may initially have served as a local refuge. In the early fourteenth century, Davit VIII of Georgia fled to the fort, hard pressed by the Mongols, and the stronghold's extraordinary natural defences saved the king's life (The Hundred Years' Chronicle, 44-45, trans. Jones, 2014, p. 385-387).

Archaeology has yielded fascinating insights into the late antique and medieval history of one of the main traffic arteries across the Caucasus. A period of heavy investment in the late fourth to fifth century saw the construction of Dariali Fort and two barriers, one to the west of the fort and another one kilometre north. Blocking also other Transcaucasian routes, notably at Derbent, it is clear that the Sasanian Empire was the first external power with the strategic vision to

systematically use and enhance the formidable natural defences of the Caucasus. Cooperation of the local principalities of Iberia and Albania was vital to the venture's success. Built of solid mortar masonry, the late antique walls on Dariali Rock lasted until the fort's eventual abandonment in the Late Middle Ages and beyond. No more than basic dry-stone walls were added in the Middle Ages, but the fort remained a hub of activity to the end of the first millennium. It experienced a short-lived revival in the fourteenth century when a further stronghold, Gveleti Fort, may have matched Dariali Fort's much-diminished military prominence.

Acknowledgements

We are grateful to the ERC for funding our excavations and to our wonderful team and to Professor Vakhtang Licheli, Dr Davit Mindorashvili, Dr Manana Odisheli, Professor Konstantin Pitskhelauri and Professor Michael Vickers for their kind support. We would like to thank Professor Murtazali S. Gadjiev, Professor Dmitry Korobov, Dr Irina Shingiray and Dr Artur Taimazov for having drawn our attention to the conference and for their kind organisational efforts.

References

1. Jones S. (trans.) 2014. *Kartlis Tskhovreba. A History of Georgia*. Tbilisi.
2. Mindorashvili D. 2005. *Archaeological Excavations in Xevi*. Tbilisi. (in Georgian).
3. Sauer E.W., Chologauri L. and Naskidashvili D. 2016. The Caspian Gates: Exploring the most famous mountain valley of the ancient world // *Current World Archaeology*. Vol. 80, p. 18-24.
4. Sauer E.W., Pitskhelauri K. et al. 2015. Northern Outpost of the Caliphate: Maintaining Military Forces in a Hostile Environment // *Antiquity*. Vol. 89/346, p. 885-904.

Shingiray I.

Faculty of History, University of Oxford, UK

EARLY ISLAMIC GRAVES IN THE NORTH-WESTERN CASPIAN STEPPE (9TH-10TH CENTURY)

In the 7th century Islamic armies conquered vast territories that formerly belonged to the Byzantine and Sasanian empires and their spheres of influence. In the following centuries, Muslim garrisons were established in the Caucasus and Central Asia and Muslim merchants and settlers went further afield and forged partnerships with various sedentary and nomadic indigenous people some of whom also embraced Islam (Hodgson, 1974). Medieval Islamic narratives (e.g. Ibn Fadlan, al-Masudi, Ibn Hauqal) describe the emergence of a great exchange in remote northern regions, such as the NW Caspian Steppe, along the Volga River, which gravitated toward the immense Empire of Islam during the 8th-10th century of the so-called 'Islamic Golden Age' (Lombard, 1975). These sources mention the presence of Muslims north of the Caspian Sea by the early 10th century, and the account of Ibn Fadlan (2012) reports on Muslim converts among the Bulgars and the Oghuz nomads already prior to his visit in 922. Yet historical sources are often silent or prejudiced regarding the Islamization process of the local people (Insoll, 1999) often claiming that Islam sat lightly upon nomads and questioning their belief (DeWeese, 1994). Archaeological interpretations regularly follow suit; yet archaeology is often the only means to shed light on the process of Islamization among indigenous people (Insoll, 2017).

Archaeological research has revealed that nomadic burial rites in the NW Caspian steppe underwent notable changes in the late 9th-10th century (Гарустович, Иванов, 2001; Круглов, 2001; 2003). These changes have been usually attributed to a migration of people such as the Oghuz Turks (which cannot be ruled out); but it is also important to consider the religious tenets of ritual change in the dynamic historical context of mass conversions and exchange in Central Asia, the Caucasus, and the Caspian during the early Islamic period (Nazmi, 1998; Madelung, 1985). Garustovich and Ivanov (2001. С. 126) observed that some of the Caspian nomad burials manifest "traits of the Islamic canon" but they did not analyze this process. I would argue that in a study of these burials, it is crucial to focus on the symbolic elements involved in relation to the changing treatment of the grave and the body in it, and to connect this process to changing religious concepts.

First, in the late 9th-10th century in the Caspian Steppe there was a shift in burial construction from niche-graves to pit-graves with ledges resembling *shaqq*, where a substantial wooden cover was put on the ledges as a separation between the body and the earth (see Круглов, 2003. С. 52). Second, the deceased in those graves often had their heads (and in a few cases their entire bodies) turned to *qibla*—the direction of Mecca (see Круглов, 2001). The ritual of *qibla* is the defining trait of Islamic funeral (*janaza*) shared by all Muslim communities (Petersen, 2013. P. 249; Халикова, 1986. С. 45-47; Гаджиев и др., 2019). The face of a dead Muslim had to be oriented this way "so that he or she might take the last breath facing Mecca" (Halevi 2013) and witness *al-Qiyama* (resurrection) on the Day of Judgement (Измайлов, 2016. С. 77) – one of the core beliefs of Islam. Third, many skeletons had stretched out and constrained positions which probably indicate a use of a shroud (*kafan*); the deceased were wrapped within some kind of organic material (such as leather, felt, birch bark, or reed mats). Fourth, there

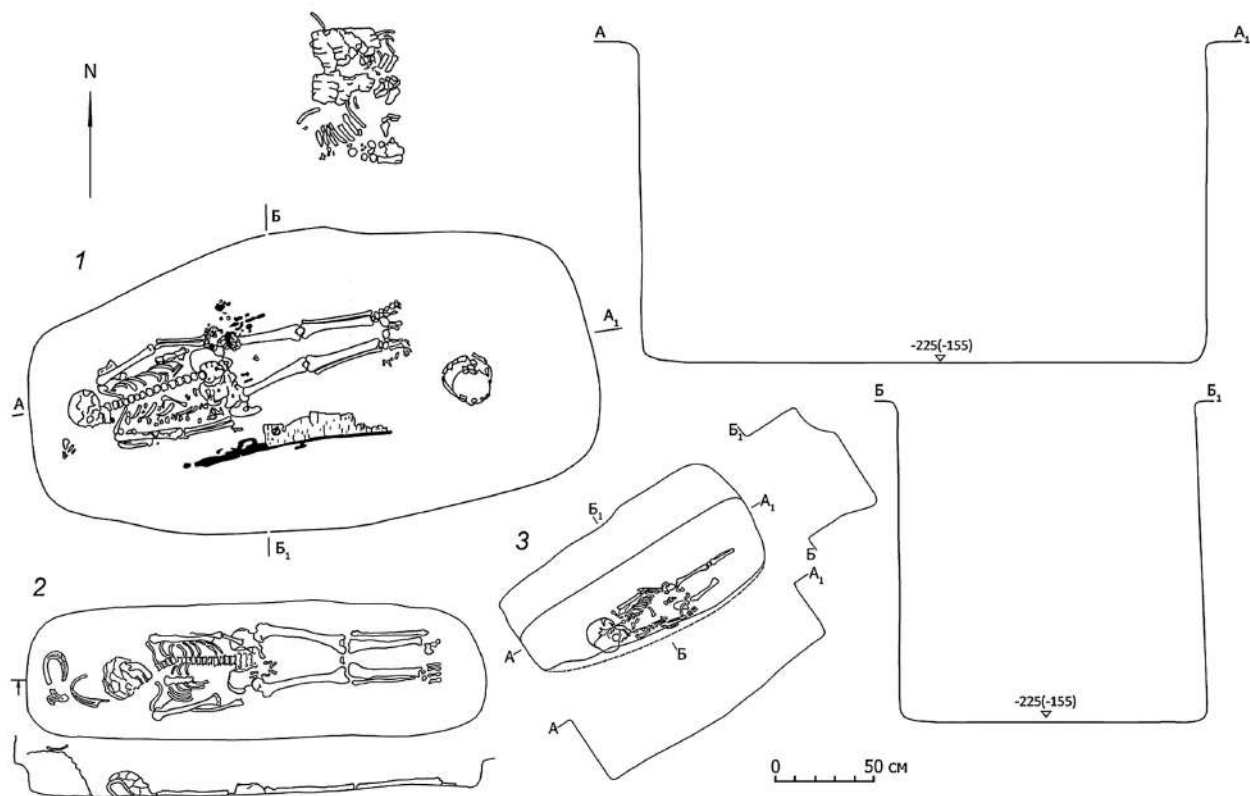

Fig. 1. Several examples of early Islamic burials from the Caspian Steppe: 1- Khar Nuurin Tolga (after Цуцкин, 1980); 2- KVCh-48 1/5 (after Васюткин и др. 1992; 3- Moshaiik Burial Ground, burial 24 (after Пантелеев, 2008).

was a notable appearance of individual child burials (for example: fig. 1, 3), which provided a contrast with the previous period (which had very few), suggesting a change in the concept of personhood after life.

In sum, the new grave structure and its different meaning expressed in the new emphasis on protecting the corpse and separating it from the elements pointed to a shift in understanding of the materiality of the body after death (even if the body belonged to a child) and familiarity with the concept of the resurrection body in Islam. This is also likely to be related to a gradual decrease in the frequency of grave goods and the spaciousness of the grave. For instance, a male nomadic grave (fig. 1, 1) C14-dated to the 9th century (685-860 calCE) and another one (fig. 1, 2) dated to the 10th century (775-961 calCE) display stark differences that probably took place in the course of a century: the grave space has shrunk, much fewer furnishings are offered, and in the latter burial there is no horse, but just some items of horse tack (stirrups and bridles) as a substitute (Васюткин и др., 1992). The latter burial still had ritual deposits (a sword, arrowheads and other iron items) associated with it, but they were interred into the burial mound fill – not the grave itself. This suggests a continuation of the pre-Islamic rites, but they are carried out in a different way that hints at a new Islamic belief in the resurrection body after life.

The nomads were adopting new Islamic beliefs and rituals but some traits of their steppe tradition continued. The conversion to Islam used to be assessed in relation to the disappearance of grave goods (Халикова, 1986), but it is no longer the case due to the growing appreciation for 'indigenized' Muslim practices (Insoll, 1999. P. 189; Измайлов, 2016. С. 76-79;). The Islamized nomads of the Caspian Steppe continued to bury their dead with their belt sets and weapons, amulets, and decorative plaques – some of them with Islamic epigraphy (see Мыськов, 1993. С. 73). They also continued to bury tacked horses with their dead for several centuries. But starting in the 9th century the horse remains were often placed over the wooden separations or in the grave fill above the dead – not next to the deceased as before (see Круглов, 2001. С. 399; 2003).

Ostensibly, these Caspian nomads practiced Islam on their own terms, and their cultural concerns often prevailed over the strict norms of Islam. According to DeWeese (1994. P. 12), the continuation of some of the pre-Islamic practices would not make these nomads bad Muslims; this is how "incorporation of Islamic patterns in the nomadic life-cycles happen." And it should be noted that during the period of the "Great Synthesis" in its legal theory (*al-fiqh*), medieval Islam encompassed a wide spectrum of behaviors, norms, and attitudes in the 9th-10th century (Hallaq, 2009. P. 55-60).

References

1. DeWeese D. 1994. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. PSUP.
2. Halevi L. 2013. Funerary Practices // The Encyclopaedia of Islam. 3d ed.
3. Hallaq W. B. 2009. Shari'a: Theory, Practice, Transformations. Cambridge.
4. Hodgson M. G. S. 1974. The Venture of Islam. Vol. 1. Chicago.
5. Ibn Fadlan A. 2012. Ibn Fadlan and the Land of Darkness: Arab Travelers in the Far North. Transl. P. Lunde, C. Stone. London.
6. Insoll T. 1999. The Archaeology of Islam. Oxford.
7. Insoll T. 2017. The Archaeology of Islamisation in Sub-Saharan Africa: A Comparative Study // Islamisation: Comparative Perspectives from History. Ed. A. C. S. Peacock. Edinburgh.
8. Lombard M. 1975. The Golden Age of Islam. Amsterdam.
9. Madelung W. 1985. Religious Schools and Sects in Medieval Islam. London.
10. Nazmi A. 1998. Commercial Relations between Arabs and Slavs. Warsaw.
11. Petersen A. 2013. The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World // The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial. Ed. L. N. Stutz, S. Tarlow. Oxford.
12. Васюткин С.М., Кольцов П.М., Николаева Н.А. 1992. Средневековые погребения зоны канала Волга-Чограй // Исследования по археологии юго-восточной европы. Элиста.
13. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.М. 2019. Раннему-сульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-Абвабе) // ПИФК. № 1.
14. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.
15. Измайлов И.Л. 2016. Археология и ислам в среднем Поволжье в X- первой трети XIII вв. // Поволжская археология. № 2(16).
16. Круглов Е.В. 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.
17. Круглов Е.В. 2003. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк.
18. Мыськов Е.П. 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе // Древности волго-донских степей. № 3.
19. Пантелеев С.А. 2008. Грунтовый могильник городища Мошаик. Исследования 2006 г. // НАВ. № 9.
20. Халикова Е.А. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X- нач. XIII в. Казань.
21. Цуцкин Е. В. 1978. Отчёт о работе археологической экспедиции КНИИИФЕ в 1980 г. // Архив КИГИ РАН. №№ 8-10.

Принято
на Общем собрании участников Международной конференции
по археологии Северного Кавказа XXX «Крупновские чтения»
26 апреля 2018 г.,
г. Теберда, Карачаево-Черкесская Республика

ОБРАЩЕНИЕ
о состоянии и системе сохранения памятников археологии
на территории Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республик,
других субъектов СКФО и ЮФО и в целом в Российской Федерации

С 22 по 29 апреля 2018 г. в городе Теберда Карачаево-Черкесской Республики прошла очередная Международная научная конференция по археологии Северного Кавказа – XXX «Крупновские чтения» по теме «Кавказ в системе культурных связей в древности и средневековье», посвященная памяти выдающегося советского археолога-кавказоведа, лауреата Ленинской премии, доктора исторических наук, профессора Е.И. Крупнова. Непосредственное участие в конференции приняли 147 исследователей из различных городов и иных населенных пунктов России: Москвы и Санкт-Петербурга, Азова, Анапы, Астрахани, Буденновска, Владикавказа, Грозного, Казани, Карачаевска, Краснодар, Липецка, Магаса, Майкопа, Махачкалы, Нальчика, Нижнего Архыза, Прасковей, Пятигорска, Ставрополя, Новороссийска, Пущино, Ростова-на-Дону, Сыктывкара, Симферополя, Тюмени, Черкесска, Ярославля, а также стран ближнего и дальнего зарубежья – из гг. Сухума (Абхазия), Цхинвала (Южная Осетия), Баку (Азербайджан), Донецка (Украина), Берлина (Германия), Оксфорда (Великобритания). Участники форма представляли ведущие научные центры и музеи, в том числе Институт археологии РАН, Институт материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж, Государственный музей Востока, Государственный исторический музей, Германский Археологический Институт, Университет Оксфорда и др.

На пленарном и секционных заседаниях наряду с вопросами, касающимися различных актуальных проблем и вопросов археологии, древней и средневековой истории Кавказа нередко остро вставала проблема состояния и сохранности памятников и объектов исключительно богатого и ценного археологического наследия на территории Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, других субъектов СКФО и ЮФО и в целом в Российской Федерации. Участники конференции констатируют, что пресс антропогенных нагрузок – активная антропогенная деятельность, строительные работы, распашка земель и иная хозяйственная деятельность работы, широкая приватизация земельных участков и землеотводы, вместе с продолжающимся разрушением археологических памятников и объектов в результате незаконных грабительских раскопок, особенно распространенных в ряде субъектов Северного Кавказа, неуклонно приводит к невозможным утратам бесценного археологического наследия региона. В связи с указанным участники конференции решили обратиться в органы государственной власти РФ, КЧР, КБР и других субъектов СКФО и ЮФО, в специальные органы и структуры, занимающиеся вопросами сохранения археологического наследия со следующими предложениями и ходатайствами.

Конференция подчеркивает, что необходимо совершенствовать систему сохранения памятников и объектов археологии на местах, для чего реанимировать планомерную

практику выявления, фиксации, учета и охраны неизвестных пока и уже выявленных археологических памятников особенно в районах интенсивной хозяйственной деятельности. Это приведет к радикальному пополнению источниковой базы объективной науки и позволит избежать потерь ценнейшей информации по ранней и средневековой истории народов Северного Кавказа, прежде всего в тех субъектах, в которых на настоящее время известно, учтено и научно исследуется значительно меньше археологических объектов, чем в соседних областях.

Участники конференции выражают протест против попыток игнорирования мнения ученого археологического сообщества в процессе согласования отводов земельных участков и выступают против стремления отменить сложившуюся эффективную систему и прекратить проведение государственных историко-культурных экспертиз, что приведет к массовому уничтожению археологических и историко-культурных памятников при производстве земляных, строительных и иных хозяйственных работ.

На конференции выражена озабоченность частыми фактами того, что при обследовании и подготовке реставрационных работ на великолепных образцах средневековой архитектуры – башенных комплексах горных районов Северного Кавказа, которые проводятся, в том числе и по заказам Министерства культуры РФ, нередко проходят при отсутствии профессиональных археологов, что приносит ущерб самим памятникам и обедняет возможность научного изучения этих исключительно ценных историко-археологических объектов. В связи с этим предлагается установить строгий порядок обязательного взаимодействия при проведении подобных работ архитекторов – реставраторов и ученых археологов.

Участники конференции отмечают сохраняющуюся практику приема археологических предметов в собрания музеев различных организационно-правовых форм от лиц, ведущих несанкционированный целевой их поиск на объектах археологии, и осуждают подобные действия как косвенно, так и прямо содействующие незаконным грабительским раскопкам. Соответствующим органам и структурам предлагается запретить подобную практику, допуская лишь прием в музеи документально (описания, фотографии) подтвержденных случайных находок и осуществлять контроль за строгим исполнением данного запрета.

Председатель

ПКС МНКАСК «Крупновские чтения», д.и.н., профессор

М.С. Гаджиев

Ученый секретарь

ПКС МНКАСК «Крупновские чтения», к.и.н.

М.Т. Кашуба

instituteofhistory.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА:
актуальные проблемы изучения и сохранения
XXXI КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 50-летию Крупновских чтений
и 50-летию Дербентской археологической экспедиции

Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.

Редакционная коллегия

*М.С. Гаджиев,
Р.Г. Магомедов,
А.И. Таймазов*

Технический редактор

*Д.-А.А. Хазамов
Верстка
С.Ш. Раджабова*

ISBN 978-5-906124-32-6

9 785906 124326

Подписано в печать 15.03.2020.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Arial».
Усл. п. л. 53,94. Тираж 500 экз. Заказ № 01/20

ИД «МавраевЪ»: РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 94, 1-й этаж.
Тел. +7-928-868-76-87.
E-mail: mag-rabadan@yandex.ru
www.mavraev.ru

ISBN 978-5-906124-32-6

9 785906 124326